МИФические личности
Маленький МИФОзаклад
Корпорация М.И.Ф. — связующее звено
МИФОнаименования и извергения

Роберт Асприн

МИФические личности
Маленький МИФОзаклад
Корпорация М.И.Ф. — связующее звено
МИФОнаименования и извергения

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

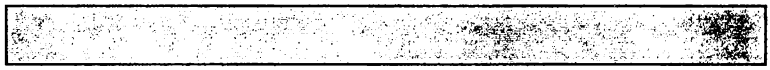
Робер Асприн

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ROBERT

ASPRIN

Myth-ing Persons

Little Myth Marker

Myth Inc. Link

Myth-Nomers and Im-Perfections

РОБЕРТ

АСПРИН

МИФические личности

Маленький МИФОзаклад

Корпорация М.И.Ф. – связующее звено

МИФОнаименования и извергения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
А90

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Robert Asprin
MYTH-ING PERSONS
LITTLE MYTH MARKER
MYTH INC. LINK
MYTH-NOMERS AND IM-PERFECTIONS

Перевод с английского В.А. Федорова
Серийное оформление А.А. Кудрявцева
Художники М.Н. Калинкин и А.Е. Дубовик
Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Ralph M. Vicinanza Ltd.
и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 22.02.07. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 647.

Асприн, Р.
А90 МИФические личности. Маленький МИФОзаклад. Корпорация М.И.Ф. — связующее звено. МИФОнаименования и извергения : [фантаст. романы] / Роберт Асприн; пер. с англ. В.А. Федорова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 636, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-024509-3 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-9713-4042-3 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
ISBN 978-5-9762-3343-0 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Это — Роберт Асприн, каков он есть.
Блестящий, неожиданный — и ошеломительно смешной.
Это — полет воображения, каким он только может быть.
Свободный, непредсказуемый — и забавный.
Это — ЮМОР, ЮМОР и ЕЩЕ РАЗ ЮМОР!
Не пропустите!

Это — ЛУЧШЕЕ, что создал Асприн.
Не культ, не легенда — «МИФ».
Великолепный миф.

Гомерически смешная, лихая, озорная сага о невероятных приключениях юного мага Скива Великолепного, его друга и наставника — демона Ааза, его домашнего питомца дракона Глипа и их поразительно пестрой компании.

И ВПЕРВЫЕ все «МИФЫ», от первого и до последнего!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Robert L. Asprin, 1984, 1985, 1986, 1987
© Перевод. В.А. Федоров, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

МИФические личности

,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До определенного момента репутация — отличная штука. После него она — сплошное мучение.

Д. Жуан

Делая то, что, как ты знаешь, тебе делать не полагается, получаешь какое-то греховное удовольствие. Вот примерно в таком душевном состоянии я и подходил к неопределенного вида палатке на Базаре Девы с завтраком под мышкой... с чувством вины, но довольный собой.

— Извините меня, юноша.

Я обернулся и увидел спешащего ко мне пожилого девола, который отчаянно махал мне на бегу. В другой раз я бы уклонился от такой встречи, так как деволы всегда что-нибудь продают, я же покупать ничего не собирался, но поскольку не спешил, то решил послушать, что он хотел мне сказать.

— Хорошо, что догнал вас, — с трудом перевел он дух. — Хоть я обычно и не вмешиваюсь, но вам действительно не следует туда заходить!

— Это почему же? Я просто...

— Разве вы не знаете, кто там живет?

— Ну, на самом-то деле я думал...

— Это жилище Великого Скива!

Этот сующийся не в свое дело субъект чем-то раздражал меня. Возможно, тем, что ни разу не дал мне закончить фразы. Так или иначе, я решил еще немного поводить его за нос.

— Великого Скива?

— Неужели вы никогда о нем не слышали? — Девол, казалось, искренне поразился. — Он, вероятно, самый могущественный маг на Базаре.

Мое мнение об этом любителе соваться не в свои дела воспарило до небес, но игра стала слишком забавной, чтобы ее бросить.

— Я никогда особенно не верил в магов, — обронил я с деланной небрежностью. — Их способности по большей части сильно преувеличены.

Старикан раздраженно закатил глаза.

— В большинстве случаев это, возможно, и верно, но только не в тех, когда речь идет о Великом Скиве! Вам известно, что он якшается с демонами и держит при себе ручного дракона?

Я одарил его снисходительной улыбкой.

— Ну и что? Дева — перекресток измерений. Путешествующие демонстраторы измерений, или, как вы их называете, демоны, здесь обычное явление. А так как вы — девол, то должны получать свой основной доход от сделок с демонами. Что же касается дракона, то не далее, как в восьми рядах отсюда, есть загон, где драконов продают всякому, у кого водятся деньги.

— Нет-нет! Вы не понимаете! Конечно, мы все имеем дело с демонами, когда речь идет о бизнесе. Разница в том, что этот Скив действительно *дружит* с ними... приглашает их к себе в дом и живет вместе с ними. Один из постоянных гостей у него в доме — извращенец, и я не знаю ни одного девола, способного так низко пасть. И что еще хуже, я слышал разговоры, будто у него связи с преступным миром.

Игра эта начинала мне надоедать. Все очки, какие этот девол набрал своей данью уважения к Великому Скиву, про-

пали начисто, когда он принялся отпускать замечания о демонах.

— Ну, спасибо за заботу, — произнес я, протягивая ему руку. — Обещаю запомнить все сказанное вами. Как вас, говорите, зовут?

Девол схватил меня за руку и начал энергично пожимать ее.

— Я — Али-Мент и рад быть полезным, — заискивающе улыбнулся он. — Если вы действительно хотите выразить свою благодарность, то запомните мое имя. Если вам когда-нибудь понадобится *уважаемый* маг, то у меня есть племянник, только что открывший свое дело. Уверен, мы сможем договориться о некоторой скидке в цене. Скажите, а как *вас* зовут? Это для племянника, чтобы он знал, на кого рассчитывать.

Я сжал ему руку чуть покрепче и выдал самую широкую свою улыбку.

— Друзья зовут меня Скив.

— Я обязательно скажу... СКИВ?

Глаза девола расширились, а цвет физиономии полинял с красного до бледно-розового.

— Совершенно верно, — подтвердил я, не выпуская его руки. — Да, и, к вашему сведению, демоны с Извра называются извергами, а не извращенцами... и он не гость у меня в доме, а партнер.

Девол теперь отчаянно боролся, пытаясь высвободить руку.

— А теперь скажите-ка, сколько клиентов вы отпугнули от моего дома своими россказнями о том, какой я страшный?

Девол вырвал руку из моих цепких пальцев и исчез в толпе, издавая на бегу невнятный визг ужаса. Короче, Али-Мент убрался. И что?

Я наблюдал за его бегством с озорным удовлетворением. Уверяю вас, на самом-то деле я не особенно сердился. Денег у нас сейчас было больше, чем мы могли истратить, поэтому я не злился на него из-за клиентов. И все же я никогда по-настоящему не задумывался о том, каким внушительным должен казаться наш бизнес со стороны. Взглянув на него глаза-

ми чужака, я оказался более чем довольным. Учитывая сомнительный успех моих первых шагов, мы за последние несколько лет создали себе неплохую репутацию.

Я вполне серьезно говорил Али-Менту, что не особенно верю в магов. Моя собственная репутация была, мягко говоря, преувеличенной, и если меня считали могущественным магом, то, на мой взгляд, о других специалистах в моей профессии лучше всего умолчать. Понаблюдав в течение нескольких лет изнанку магического бизнеса, я начинал гадать, есть ли на свете *хоть один* маг, который и в самом деле так же хорош, как его видят окружающие.

Входя в нашу скромную палатку, я был настолько занят этими мыслями, что напрочь забыл о том, что мне полагалось прошмыгнуть туда украдкой. Напоминание последовало почти сразу же.

Оно пришло в виде огромного человека, выросшего передо мной и преградившего мне путь.

— Босс, — заявил он писклявым голосом, всегда удивлявшим, поскольку исходил из такого огромного тела. — Вам не следовало бы выходить так вот, в одиночку. Сколько раз надо говорить вам...

— Да пустяки, Нунцио, — отмахнулся я, пытаясь обойти его. — Я всего лишь выскочил прикупить что-нибудь на завтрак. Хочешь пончик?

Нимало не обратив внимания на мои доводы, Нунцио без всякого смущения продолжал меня распекать.

— Как нам прикажете служить вашими телохранителями, если вы все время, при каждом удобном случае, выскакиваете на улицу в одиночку? Представляете, что с нами сделает Дон Брюс, если с вами что-нибудь случится?

— Да брось, Нунцио. Ты же знаешь, как обстоят дела на Базаре. Если деволы видят меня с телохранителем, то цены на все взлетают выше потолка. Кроме того, я люблю время от времени побродить сам.

— Вы можете позволить себе цены и повыше. А вот чего вы себе позволить не можете, так это подставлять себя в качестве мишени для каждого проходимца, желающего прославиться, прихлопнув Великого Скива.

Я начал было спорить, но тут у меня промелькнул в голове недавний разговор с Али-Ментом. Нунцио был прав. Обладание репутацией имело и оборотную сторону. Если кто-то поверит слухам на Базаре и все-таки отважится причинить мне вред, то соберет для этой попытки такую огневую мощь, что мои шансы выжить станут равны нулю.

— Нунцио, — медленно проговорил я, — возможно, ты и прав, но если уж быть совершенно откровенным, то что вы с Гвидо сможете сделать для пресечения магической атаки?

— Ничего, — спокойно ответил он. — Но нападающие, вероятно, сперва попытаются убрать ваших телохранителей, и это может дать вам время скрыться или самому ударить по ним, прежде чем они соберутся с силами для повторной атаки.

Он сказал это легко, как мы с вами могли бы сказать «солнце всходит на востоке», но меня это потрясло. Мне никогда по-настоящему не приходило в голову, с какой легкостью пускают в расход телохранителей и с какой готовностью они принимают опасности своей профессии.

— Постараюсь на будущее это запомнить, — пообещал я с определенной долей мрачного смирения. — И что еще важнее, думается, я обязан извиниться перед тобой и Гвидо. А кстати, где он?

— Спорит наверху с Его Милостью, — усмехнулся Нунцио. — Собственно говоря, я и искал-то вас затем, чтобы прервать их спор, когда обнаружил, что вы снова ускользнули на улицу.

— Чего же ты сразу не сказал мне об этом?

— Зачем? Не горит. Они будут спорить, пока вы не доберетесь туда. На мой взгляд, важнее было убедить вас больше не выходить в одиночку.

Я слегка застонал про себя, но уже давным-давно усвоил, что спорить с Нунцио о приоритетах бесполезно.

— Ну, еще раз спасибо за совет, но мне лучше подняться наверх, пока эти двое не убили друг друга.

И с этими словами я направился через внутренний двор к лестнице с фонтанами, ведшей в наши апартаменты...

Внутренний двор? Лестница с фонтанами?

Что случилось со скромной палаткой, куда я вошел минуту назад?

Ну-у-у... Я ведь сказал, что я — маг, не так ли? Наша маленькая палатка на Базаре внутри больше, чем снаружи. Намного больше. Я живал в королевских покоях не столь больших, как наша «скромная палатка». Однако я не могу приписать честь этого конкретного чуда себе, за исключением того, что именно моя деятельность помогла нам заработать наше нынешнее жилище. Мы живем здесь, не внося арендной платы, за счет Ассоциации Купцов Девы — это их частичное возмещение за не так давно провернутое нами для них дельце. Благодаря ему же я обзавелся и телохранителями... но это уже другая история.

Ассоциация Купцов Девы, спросите вы? Ладно. Для непосвященных объясню это еще раз. Измерение, где я в настоящее время проживаю, называется Дева и является родиной самых прожженных торгашей и дельцов во всех измерениях. Возможно, вы слышали о них. В моем родном измерении их называют дьяволами, но я уже давно научился произносить правильно — деволы. Так или иначе, мое шикарное жилище — результат того, что мы с моим партнером обставили деволов в их же игре... то есть заключили с ними сделку, более выгодную для нас. Но не говорите об этом никому. Это погубит их репутацию и, возможно, даже лишит меня доходного места. Видите ли, они все еще не знают, что их обставили.

Итак, на чем я остановился? Ах да. Направлялся к апартаментам. Обыкновенно после вылазки я останавливаюсь у стойла поделиться завтраком с Глипом, но перед лицом кри-

зиса я решил забыть о радостях общения со своим зверьком и взяться за дело. Глип. Это тот самый дракон, о котором говорил Али-Мент... и я *не* намерен здесь пересказывать *эту* историю. Она просто слишком сложна.

Еще издалека я услышал их голоса, тянувшие на повышенных тонах свою любимую «песню». Слова время от времени менялись, но мелодию я знал наизусть.

— Сапожник недоделанный!

— Кого это ты назвал недоделанным сапожником?

— Вношу поправку. Ты *доделанный* сапожник!

— Полегче на поворотах! Даже если ты партнер босса, еще одно слово, и я...

— Что? Попробуй только ударь, и я за себя не отвечаю.

— Вот как?

Похоже, я прибыл в самый раз. Набрав побольше воздуху в легкие, я как ни в чем не бывало вошел в эпицентр ссоры.

— Привет, ребята. — Я притворился, будто совершенно не в курсе, что тут происходит. — Кто-нибудь хочет пончик?

— Нет, не хочу я пончик! — фыркнул в ответ один из скандалистов. — Я нуждаюсь в помощи. Я это заслужил.

— ...И раз уж ты рассчитываешь на помощь, то мог бы относиться ко мне более уважительно! — не замедлил с ответом другой.

Последнее замечание исходило от Гвидо, старшего из двух моих телохранителей. Если он чем и отличался от своего кузена Нунцио, так это еще большей массивностью и занудностью.

Первая же реплика принадлежала Ааз у. Ааз — мой партнер. Он также демон, если точнее — изверг, и хотя он слегка ниже меня ростом, своим занудством он с лихвой превосходит обоих телохранителей вместе взятых.

Моя стратегия сработала в том смысле, что теперь их раздражение сфокусировалось на мне, а не друг на друге. Понимая, каких бед способны натворить их темпераменты по отдельности, а тем более совместно, я имел причину усомниться в мудрости своей стратегии.

— В чем проблема?

— Проблема, — прорычал Ааз, — в том, что этот вот твой ас-телохранитель только что лишил нас пары клиентов.

У меня екнуло сердце. Ранее я упоминал, что денег у нас с Аазом больше, чем мы можем потратить, но со старыми привычками трудно расстаться. Когда речь заходит о деньгах, Ааз становится самым сквалыжным существом, какое я когда-либо встречал, а при жизни на Базаре Девы это о чем-то говорит! Если мы действительно потеряли из-за Гвидо потенциального клиента, то будем долго еще слышать об этом.

— Не спеши, партнер, — осадил я его, стремясь скорее выиграть время, чем добиться чего-либо еще. — Я же только вошел, не забыл? Ты не мог бы сообщить мне некоторые подробности?

Ааз наградил Гвидо еще одним мрачным взглядом.

— Да рассказывать тут особенно нечего, — буркнул он. — Я почти закончил завтракать...

— Он выпивал еще одну порцию, — презрительно перевел Гвидо.

— ...когда этот безмозглый болван заорал во всю глотку, что там внизу, в приемной, ждут несколько клиентов. Я крикнул в ответ, что сию минуту спущусь, а потом прикончил завтрак.

— Он заставил их ждать по меньшей мере полчаса. Нельзя ожидать от клиентов...

— Гвидо, ты не мог бы воздержаться хоть ненадолго от своих комментариев? Сделай одолжение! — вмешался я, прежде чем Ааз успел на него накинуться. — Я все еще пытаюсь получить общее представление о происходящем. Ладно, Ааз. Так что ты говорил?..

Ааз глубоко вдохнул, а затем возобновил доклад.

— Так или иначе, когда я спустился вниз, клиентов уже и след простыл. А ведь можно бы надеяться, что у твоего охранника хватит сил задержать их или по крайней мере хватит ума вызвать подкрепление, если они начнут рвать когти.

— Брось, Ааз. Гвидо полагается быть телохранителем, а не заниматься приемом посетителей. Если какие-то клиенты устали ждать, пока ты явишься, и ушли, то не понимаю, при чем тут он? Пенял бы лучше на себя.

— Минутку, босс. Вы кое-что упускаете из виду. Они не уходили!

— Как-как?

— Я оставил их там, в приемной, а потом и глазом не успел моргнуть, как господин Горластый заорал, что я упустил клиентов. Они вообще не выходили! Так вот, мне, как вы говорите, полагается быть телохранителем. По-моему, в доме бродит несколько лишних людей, а этот жлоб больше всех глотку дерет о виноватых в этом, вместо того чтобы посмотреть на себя.

— Я знаю, кто в этом виноват, — прожег его взглядом Ааз. — Из этой приемной есть только два выхода, и мимо меня никто не проходил!

— Ну, они не проходили и мимо *меня!* — огрызнулся Гвидо.

В желудке у меня начал образовываться ледяной ком.

— Ааз, — тихо произнес я.

— Если ты думаешь, будто я не знаю, когда...

— ААЗ!

Это заставило его резко умолкнуть. Он обернулся, намереваясь мне много чего наговорить, но увидел выражение моего лица.

— Что такое, Скив? У тебя вид, словно...

— Из той приемной есть больше чем два выхода.

Несколько мгновений мы в ошеломленном молчании глазели друг на друга, а затем оба рванули к приемной, позволив Гвидо бежать следом за нами.

Комната, отведенная нами под приемную, была одной из самых больших в доме и единственной большой комнатой с легким доступом со стороны передней двери. Меблировали ее достаточно шикарно, чтобы произвести впечатление даже на тех избалованных чудесами Базара посетителей, которые

ожидали увидеть просто надомную контору преуспевающего мага. У нее имелся только один недостаток, и именно он и стоял в фокусе нашего внимания, когда мы туда ворвались!

Единственным украшением, оставленным нами от прежних владельцев, был изысканный гобелен, висевший на северной стене. Вообще-то я проворней Ааза, но на сей раз он очутился у гобелена раньше меня и откинул его в сторону, открыв спрятанную за ним тяжелую дверь.

Наши наихудшие опасения подтвердились.

Дверь была незаперта и стояла приоткрытой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Успех часто зависит от выбора надежного партнера.

Рем

— Что такое? — потребовал ответа Гвидо, воспользовавшись нашим ошеломленным молчанием.

— Это дверь, — объяснил я.

— Открытая дверь, если конкретней, — уточнил Ааз.

— Это я и сам вижу! — зарычал телохранитель. — Я имею в виду, что она здесь делает?

— Она выглядела бы весьма глупо, находясь сейчас посреди улицы, не так ли? — отпарировал Ааз.

Гвидо побагровел. Как я уже говорил, эти двое положительно обладают талантом раздражать друг друга.

— Слушайте, я всего лишь спрашиваю...

— Гвидо, ты не мог бы просто подождать несколько минут, пока мы решим, что делать дальше? Потом мы все объясним, обещаю.

Мои мысли неслись вскачь, занятые этой проблемой, и препирательства Ааза и Гвидо ничуть не помогали мне сосредоточиться.

— Думаю, первое, что нам следует сделать, партнер, — задумчиво проговорил Ааз, — это закрыть дверь так, чтобы нас не... прервали, пока мы ищем решение проблемы.

Вместо ответа я осторожно вытянул ногу и, ткнув носком дверь, закрыл ее. Ааз быстро задвинул на место два засова.

Сделав это, мы прислонились к двери и молча посмотрели друг на друга.

— Ну? Что ты думаешь? — спросил я наконец.

— Я за то, чтобы снова замуровать ее и забыть обо всем этом.

— Думаешь, это безопасно?

— Вообще-то не знаю. Недостает информации.

Мы оба медленно повернулись, наведя задумчивые взгляды на Гвидо.

— Скажи-ка, э, Гвидо, ты не мог бы чуть побольше рассказать нам об этих клиентах, зашедших сегодня утром.

— Нет ничего легче. — Гвидо скрестил руки на груди. — Это вы, ребята, настаиваете на принципе «информация за информацию». Верно? Ну так я ничего вам не скажу, пока кто-нибудь не расскажет мне об этой двери. Я имею в виду, я ваш штатный телохранитель, и никто не потрудился сообщить мне, что в этом доме есть другой ход.

Ааз оскалил зубы и рванул было вперед, но я схватил его за плечо.

— Он прав, партнер. Если мы хотим от него помощи, мы обязаны объяснить ему.

На миг мы сцепились взглядами, а затем он пожал плечами и отступил.

— На самом-то деле, Гвидо, объяснение тут очень простое...

— Оно будет первым, — пробурчал телохранитель.

Ааз одним прыжком пересек приемную и схватил Гвидо за грудки.

— Ты хотел услышать объяснение? Тогда ЗАТКНИСЬ И ДАЙ ЕМУ ОБЪЯСНИТЬ!

Так вот, Гвидо потяжелее пера и никогда не испытывал недостатка в смелости. И все же никто не может сравниться с Аазом, когда тот действительно взбешен.

— Да ладно! Извиняюсь! Говорите, босс. Я слушаю.

Ааз отпустил его рубашку и вернулся на свое место у двери, незаметно подмигнув мне на обратном пути.

— Случилось следующее, — сказал я, скрывая улыбку. — Мы с Аазом нашли эту дверь, когда только переехали сюда. Нам не понравился ее вид, и поэтому мы решили ничего здесь не трогать. Вот и все.

— Вот и все? Задняя дверь, которая даже по вашему признанию выглядит опасной, и вы всего-навсего оставляете ее без внимания? И в довершение всего даже не думаете сообщить о ней своим телохранителям? Из всех безмозглых полоу...

Ааз шумно прочистил горло, и Гвидо вновь взял себя в руки... очень поспешно.

— Э-э-э... я хотел сказать, что... а, ладно. Теперь все это у нас позади. Вы не могли бы дать *мне* чуть больше информации, теперь, когда эта тема затронута. Что, собственно, находится по другую сторону этой двери?

— Не знаем, — признался я.

— НЕ ЗНАЕТЕ? — завопил Гвидо.

— Но вот что мы таки *знаем*, — поспешно вмешался Ааз, — это чего нет на другой стороне. Там нет известного нам измерения.

Гвидо моргнул, а затем покачал головой.

— Чего-то не пойму. Вы не могли бы прокрутить это снова... помедленней?

— Дай попробую, — вызвался я. — Слушай, Гвидо, ты уже знаешь об измерениях, верно? Что мы живем в измерении Дева, которое совершенно не похоже на наш родной мир — измерение Пент? Ну, здешние жители, деволы, такие мастера путешествовать по измерениям, что навострились строить себе дома за барьерами измерений. Именно потому это жилище

больше внутри, чем снаружи. Дверь находится на Деве, но остальной дом — в другом измерении. Это значит, что если мы пройдем через эту дверь — только что показанную тебе заднюю дверь, — то окажемся в другом мире... мире, о котором мы ничего не знаем. Вот потому-то мы и были готовы скорее оставить ее замурованной, чем совать нос в совершенно незнакомую ситуацию.

— Все равно, по-моему, вам следовало бы проверить, — упрямо стоял на своем телохранитель.

— Подумай еще раз, — предложил Ааз. — Ты видел только два измерения. Скив посетил дюжину. Я сам побывал в сотне. Деволы же, которых ты видишь здесь, на Базаре, знают свыше тысячи различных измерений.

— Ну и?

— Ну и, по нашему мнению, они дали нам этот дом потому, что он ведет в измерение, которого *они* знать не желают... «знать не желают» в смысле «до смерти боятся». Так вот, ты сам видел, девол для извлечения прибыли готов проявить немалую храбрость. *Ты* хочешь отправиться исследовать мир, оказавшийся слишком неприятным для *них?*

— Понимаю, что вы хотите сказать.

— Кроме того, — победоносно закончил Ааз, — посмотри еще раз на эту дверь. На ней больше замков и засовов, чем на трех настоящих банковских сейфах-хранилищах.

— *Кто-то* ведь открыл ее, — заметил Гвидо.

Это несколько сбило пафос Ааза. Он невольно бросил нервный взгляд на дверь.

— Ну, хороший вор с отмычкой, работая с этой стороны...

— Некоторые из этих замков, Ааз, не отмыкали.

Воспользовавшись их дискуссией, я немного осмотрелся и теперь протягивал им для изучения одно из своих открытий. Это был амбарный замок с разорванной металлической дужкой. Их там валялось несколько штук, словно кому-то надоело возиться с отмычкой и он просто сорвал остальные голыми руками.

Гвидо поджал губы, бесшумно присвистнув.

— Вот это силища. Что за тип мог такое сотворить?

— Именно это мы и пытаемся узнать у тебя, — язвительно сказал Ааз. — А теперь, если ты не против, расскажи нам, как выглядели те посетители.

— Их было трое... двое мужчин и женщина... довольно молодая на вид, но ничего особенного. Судя по их виду — пентюхи. Теперь, задним числом, помнится, они, кажется, немного нервничали, но я думал, это просто оттого, что они пришли повидать мага.

— Ну, теперь они по другую сторону двери. — Ааз поднял один из невредимых замков и защелкнул его на место. — Думаю, они не смогут отомкнуть замки или поломать их, если не сумеют до них дотянуться. Они там, и это их беда, накликанная, могу добавить, ими самими, — а мы здесь. Конец загадки. Конец проблемы.

— Ты действительно так думаешь, Ааз?

— Положись на меня.

Эта фраза почему-то задела в моей памяти знакомую струну и вызвала не очень-то приятное эхо. Я уж собрался высказать это Аазу, когда в дверь сунул голову Нунцио.

— Эй, босс. У нас посетители.

— Видишь? — воскликнул, просияв, мой партнер. — Я же говорил тебе, что дела могут пойти только лучше! Еще и полудня нет, а у нас уже новые клиенты.

— На самом-то деле, — внес ясность Нунцио, — это делегация деволов. По-моему, это домовладелец.

— Домовладелец? — отозвался глухим эхом Ааз.

— Видишь, насколько лучше пошли дела? — с отвращением улыбнулся я. — А еще и полудня нет.

— Выгнать их взашей, босс? — предложил Гвидо.

— Думаю, вам лучше повидаться с ними, — посоветовал Нунцио. — Они, кажется, вроде как расстроены. Болтают что-то насчет укрывательства беглых.

Мы с Аазом молча сцепились взглядами, что вполне естественно, так как сказать нам было нечего. Неопределенным взмахом руки, граничившим с нервным тиком, я подал Нунцио знак проводить посетителей сюда.

Как и следовало ожидать, явилась та же самая делегация из четырех лиц от Торговой палаты Девы, которая первоначально наняла нас для работы на Базаре, во главе с нашим старым противником, Мер-Зером. При нашей последней сделке он находился в затруднительном положении, чем мы не преминули безжалостно воспользоваться. Хоть он и согласился на наши условия, я всегда подозревал, что предоставление нам столь выгодной сделки больно задело его девольскую гордость, и с тех пор он все дожидался возможности расплатиться с нами. Судя по улыбке, игравшей у него на лице, когда он вошел в приемную, он считал, что такая возможность наконец представилась.

— А-а-а-а, мастер Скив, — обрадовался он. — Как приятно столь быстро свидеться с вами без предварительной договоренности. Я знаю, как вы заняты, и поэтому перейду прямо к сути. Как я считаю, в этой резиденции находятся некие лица, с которыми нашей организации *очень* хотелось бы потолковать. Если вы будете столь любезны вызвать их, мы не будем вас больше беспокоить.

— Минутку, Мер-Зер, — вмешался Ааз, прежде чем я успел ответить. — Что заставляет вас думать, будто разыскиваемые вами лица находятся здесь?

— Потому что многие видели, как они входили в вашу палатку менее часа назад и все еще не вышли, — сказал самый рослый из бригады поддержки Мер-Зера.

Я заметил, что в отличие от Мер-Зера он не улыбался. Более того, он выглядел откровенно разгневанным.

— Он, должно быть, говорит о зашедших раньше, — любезно предположил Нунцио. — Знаете, босс, о двух парнях с девахой.

Ааз закатил глаза в беспомощном отчаянии, и на сей раз я склонен был разделить его чувства.

— М-м-м, Нунцио, — промычал я, уставясь в потолок, — почему бы тебе с Гвидо не подождать снаружи, пока мы тут разбираемся со всем этим?

Двое телохранителей молча проследовали за дверь, хотя, как я заметил, Гвидо глядел на своего кузена с таким негодованием, что, по моим подозрениям, суровая разборка должна была произойти даже раньше, чем я сам смог бы до них добраться. Синдикат ничуть не меньше магов не терпит сотрудников, болтающих лишнее при противнике.

— Теперь, когда мы установили, что нам все известно, о ком речь и что они здесь, — сказал, потирая руки, Мер-Зер, — вызовите их и покончим с этим раз и навсегда.

— Не так быстро, — вмешался я. — Во-первых, ни я, ни Ааз в глаза не видели тех, кого вы ищете, потому что, во-вторых, их здесь нет. Они удрали через заднюю дверь, прежде чем мы смогли с ними встретиться.

— Я почему-то не надеюсь, что вы поверите нам на слово, — добавил Ааз. — И поэтому не стесняйтесь, обыскивайте весь дом.

Улыбка девола расширилась, и я почувствовал, как на лбу у меня выступил холодный пот.

— В этом нет необходимости. Видите ли, верю я вам или нет — не имеет большого значения. Даже если мы поищем, то, уверен, вы умеете лучше прятать, чем мы — находить. Значение имеет только одно: мы установили, что они заходили сюда, и уже поэтому вы за них в ответе!

Я не совсем понимал, что здесь происходит, но не сомневался, что с каждой минутой происходящее нравится мне все меньше и меньше.

— Минутку, Мер-Зер, — начал я. — Что значит «мы в ответе»? В ответе за что?

— Да за беглецов, конечно. Разве вы уже забыли? Когда мы согласились предоставить в ваше пользование этот дом

без всякой арендной платы, то договоренность включала в себя положение, что если кто-то из живущих в этом доме нарушит какие-нибудь правила Базара и либо исчезнет в другое измерение, либо иначе откажется отвечать на обвинения, то вы возьмете ответственность за их действия на себя лично. Это стандартное условие аренды на Базаре.

— Ааз, — вспылил я, — сделку заключал ты. Была в ней такая статья?

— Была, — признал он. — Но я в то время имел в виду Тананду и Корреша... а за них мы всегда заступимся. И за Машу тоже. Мне никогда не приходило в голову, что они попытаются утверждать, будто всякий прошедший через нашу дверь живет в нашем доме. Не понимаю, как они надеются доказать...

— Нам нет нужды доказывать, что они находятся у вас в доме, — улыбнулся Мер-Зер. — Это вы должны доказать, что их здесь нет.

— Это же бред, — взорвался Ааз. — Как мы можем доказать...

— Никак, Ааз. Мы не можем этого доказать. В том-то вся и суть. Ладно, Мер-Зер. Вы нас достали. А теперь, что именно натворили эти типы, за коих мы в ответе, и каков наш выбор? Я думал, что одно из главных достоинств Базара в том и состоит, что здесь нет никаких правил.

— Их немного, — поправил меня девол, — и немногие существующие строго соблюдаются. Конкретное правило, нарушенное вашими друзьями, связано с мошенничеством.

Он поспешно поднял руку, предупреждая мое возражение.

— Я знаю, что вы собираетесь сказать. Учитывая все односторонне выгодные сделки, заключаемые здесь, на Базаре, мошенничество кажется глупым обвинением, но для нас это дело серьезное. Хотя мы гордимся своим умением упорно торговаться и заключать выгодные для себя сделки, но коль скоро сделка заключена, вы получаете обещанный товар. Иногда в описании товара опускаются специфические детали, но все,

что действительно *сказано* о нем, — правда. То есть наша репутация и длительный успех Базара зависят от скрупулезного следования этому правилу. Если торговец или купец продает что-то, утверждая, будто это магический предмет, а оказывается, что предмет этот не обладает никакими магическими свойствами, то это мошенничество... и если позволить преступникам уйти безнаказанными, то это может означать конец того Базара, каким мы его знаем.

— На самом-то деле, — сухо произнес я, — я всего-навсего собирался настоятельно просить вас не называть их нашими друзьями, но пропустим это. Вы как-то не упомянули о наших вариантах выбора.

Мер-Зер пожал плечами.

— Их в общем-то всего три. Вы можете заплатить полученные ими обманом деньги плюс двадцать пять процентов пени, принять постоянное изгнание с Базара или же попытаться убедить своих др... э-э-э-э, я хотел сказать, беглецов, вернуться на Базар и уладить дело самим.

— Понимаю... Отлично. Вы свое слово сказали. А теперь выйдите, пожалуйста, и дайте нам с партнером обсудить нашу позицию по этому вопросу.

Ааз взял на себя заботу по их выпроваживанию, в то время как я погрузился в размышления о том, что нам следует сделать. Когда он вернулся, мы оба просидели молча почти целый час, прежде чем один из нас заговорил.

— Ну, — сказал наконец я, — что ты об этом думаешь?

— Изгнание с Базара исключается! — прорычал Ааз. — Это погубит нашу репутацию, да и я не потерплю, чтобы нас выгнали с Базара — *и* из нашего дома — из-за такого идиотского случая!

— Согласен, — мрачно сказал я. — Хоть мне и приходит в голову, что с этим вариантом Мер-Зер блефовал. Он хочет закрепить нас на Базаре не меньше, чем мы — остаться на нем. Именно он в первую очередь и нанял нас, помнишь? По-моему, он ожидает, что мы плюнем и заплатим. Таким

образом, он выжмет из нас кое-что из того, с чем он в свое время с таким скрипом расстался. Мне почему-то очень не хочется уступать такому давлению.

Ааз кивнул.

— Мне тоже.

Последовало еще несколько минут молчания.

— Ладно, — сказал наконец Ааз. — Кто из нас это скажет?

— Придется нам отправиться за ними, — вздохнул я.

— Наполовину верно, — поправил Ааз. — Придется *мне* отправиться за ними. Партнер ты или нет, мы здесь говорим о совершенно новом измерении, и оно слишком опасно для человека с твоим уровнем магического искусства.

— *Моим* уровнем? А как насчет тебя? У тебя и вовсе нет никаких способностей. Если оно слишком опасно для меня, то на что же рассчитывать тебе?

— На опыт, — высокомерно обронил он. — Я, бывало, это проделывал, а ты нет. Конец спору.

— Как бы не так, «конец спору»! Как же это ты предполагаешь оставить меня тут, если я не соглашусь?

— Запросто, — усмехнулся Ааз. — Видишь, кто стоит в углу?

Я повернулся посмотреть, куда он показал, и то, что случилось вслед за этим, запомнилось мне надолго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Для успешного планирования нужна надежная информация.

Х. Колумб

— Эй! Шеф! Очнись!! Ты в норме?

При ином раскладе я бы предпочел, чтобы эти слова произнесло чувственное видение — гений чистой красоты. Но их воскликнула Маша.

Это было одним из первых впечатлений, пробившихся сквозь туман в моей голове, когда я пытался вновь прийти в сознание. Я никогда не проявляю себя в лучшем виде по утрам, даже когда просыпаюсь без посторонней помощи. Пробуждение, навязанное мне кем-либо другим, лишь *гарантирует* мне скверное настроение.

Однако даже будучи не в себе, я не мог ошибиться насчет того, что это Маша трясет меня, заставляя очнуться. Даже спросонья ее фигуру нельзя было ни с чем спутать. Представьте себе, если сможете, самую массивную, самую толстую женщину, какую вы когда-либо встречали. Теперь удвойте все ее параметры, добавьте к этому впечатлению оранжевые волосы, накладные ресницы и лиловую помаду и сдобрите всю картину тачкой аляповатых ювелирных изделий. Понимаете, что я имею в виду? Я мог бы узнать Машу за милю темной ночью... с завязанными глазами.

— Конечно, в норме, *ученица!* — прорычал я. — Разве тебе не положено заниматься какими-нибудь уроками или еще чем-нибудь?

— Ты *уверен?* — безжалостно изрекла она.

— Да, уверен. А почему ты спрашиваешь? Неужели нельзя немного вздремнуть, не подвергнувшись за это насмешкам?

— Просто ты обычно не ложишься вздремнуть на полу посреди приемной.

Эти слова привлекли мое внимание, и я заставил свои глаза сфокусироваться. Она права! По какой-то причине я лежал, растянувшись на полу. Это что же такое могло со мной произойти, чтобы...

И тут все вспомнилось! Ааз! Экспедиция в новое измерение!

Я сел, резко выпрямившись... и тут же пожалел об этом. Голову, точно удар кинжалом, пронзила ослепительная боль, а желудок у меня перекувырнулся и приземлился на спину, проделав это с изяществом кома засохшей овсянки.

Когда я начал кreниться, Маша схватила меня за плечо.

— Держись, Девятый Вал. Похоже, твое представление о состоянии «в норме» немного не совпадает с моим.

Не обращая на нее внимания, я осторожно ощупал затылок и обнаружил за ухом огромную саднящую шишку. Если у меня и были какие-то сомнения насчет случившегося, то теперь они рассеялись.

— Проклятый извращенец! — выругался я, вздрагивая от новой волны боли, вызванной звуками моего же голоса. — Он, должно быть, оглушил меня и ушел один!

— Ты имеешь в виду Ааза? Зеленого и чешуйчатого собственной персоной? Чего-то не пойму. С какой стати твоему собственному партнеру наносить тебе такой удар, будто неопытному сопляку?

— Чтобы пройти через дверь без меня. Я совершенно ясно дал понять, что не хочу при проведении такой операции оставаться на базе.

— Дверь? Какую дверь? — нахмурилась Маша. — Я знаю, у вас есть свои тайны, шеф, но думаю, тебе лучше немного поподробней растолковать мне, что, собственно, здесь происходит.

Я как можно короче ввел ее в курс дела вплоть до последних событий, включая объяснение, почему мы с Аазом никогда ничего не говорили о таинственной задней двери дома. Будучи сама закаленной путешественницей по измерениям, она намного быстрей, чем Гвидо и Нунцио, усвоила понятие незарегистрированного измерения и его потенциальных опасностей.

— Чего я не понимаю, так это того, что даже если он не хотел брать с собой тебя, то почему он не взял себе в помощь *кого-нибудь* другого?

— Кого, к примеру? — скривился я. — Мы уже установили, что ты *моя* ученица и он не отдает тебе приказаний без консультации со мной. На Гвидо и Нунцио он никогда не производил впечатления. Тананда и Корреш отправились на задания по собственным контрактам и должны вернуться толь-

ко через несколько дней. Даже Гэс отправился с Берфертом в давно заслуженный отпуск. Кроме того, он отлично знает, что если примется сколачивать команду и не включит в нее меня, то прежде чем уляжется пыль, обязательно возникнут серьезные затруднения. Разве стал бы я себе полеживать, когда творится такое?

— Трудно поверить, но ты как раз этим и занимался, — сухо заметила моя ученица, — хотя должна признать, он в некотором роде тебя к этому вынудил.

И с этими словами она сунула руки мне под мышки и подняла, осторожно поставив на ноги.

— Ну, что теперь? Полагаю, ты собираешься броситься следом за ним с налитыми кровью глазами. Ты не против, если я отправлюсь с тобой? Или ты твердо решил непременно быть таким же глупым, как он?

Собственно говоря, именно это я и намеревался сделать. Однако нескрываемый сарказм в ее голосе вкупе с непрошедшей шаткостью моих ног заставили меня пересмотреть свои планы.

— Нет, — осторожно проговорил я. — Хватит и одного из нас, прущего в воду, не зная броду... хотя, если разобраться, и одного чересчур много. Карты в этой партии сдавал Ааз, ему их и разыгрывать. Мое дело — оставаться в лавке до его возвращения.

Маша поглядела на меня, вскинув бровь.

— В этом есть смысл, — согласилась она, — хотя, признаться, я немного удивлена, услышав такое от тебя.

— Я теперь не юный балбес, а ответственный бизнесмен, — пожал я плечами, — и больше не могу себе позволить опрометчивых поступков. Кроме того, я вполне уверен в способности моего партнера управляться с делами.

Это были прекрасные слова, и говорил я их всерьез. Однако два дня спустя «ответственный бизнесмен» готов был *опрометчиво* кинуться в дверь, не задумываясь о последствиях. Гвидо и Нунцио перестали жаловаться на мои одиночные

вылазки... в основном потому, что я вообще не выходил из дому! Фактически я проводил почти все часы бодрствования и все часы сна (хотя, признаться, спал я не много), ожидая победоносного возвращения Ааза.

К несчастью, мое бдение оставалось невознагражденным.

Я изо всех сил скрывал свою озабоченность, но мне не стоило себя утруждать. По мере того как тянулись часы за часами, беспокойство моих сотрудников все росло, и я стал тратить большую часть времени на увещевания типа: «Нет, он еще не вернулся. Как только он появится, я дам вам знать». Даже Гвидо, никогда по-настоящему не ладивший с Аазом, взял в привычку заходить по меньшей мере раз в час за сообщением: «Никаких изменений».

Наконец, желая поберечь собственные нервы, я созвал всех сотрудников в приемную на собрание.

— Мне хочется знать одно: сколько еще нам сидеть сложа руки, прежде чем мы признаем, что все пошло наперекосяк? — в пятый раз пробурчал Гвидо.

— Сколько, по-твоему, требуется времени на розыск беглеца в незнакомом измерении? — огрызнулся я. — Как долго ты разыскивал бы их на Пенте, Гвидо? Мы должны дать ему некоторое время.

— Сколько времени? — не отступал он. — Прошло уже два дня...

— Теперь вот-вот вернутся Тананда и Корреш, — перебила Маша. — Думаешь, они будут вот так сидеть, когда выяснят, что Ааз там совсем один?

— Разве не *ты* считала отправку за ним следом глупой идеей?

— И по-прежнему так считаю. Хочешь теперь узнать, какого я мнения об идее *ничего* не делать?

Прежде чем я успел ответить, раздался тихий стук в дверь... заднюю дверь!

— Видите! — победоносно гаркнул я. — Я же говорил вам, что он вернется!

— Как-то не похоже на его стук, — с подозрением заметил Гвидо.

— И с чего бы ему вообще стучать? — добавила Маша.

С тех пор как он ушел, дверь оставалась незапертой.

Охваченный энтузиазмом, я пропустил их замечания мимо ушей. Молниеносно очутившись у двери, я рванул ее настежь и возгласил репетируемое два дня приветствие.

— Самое время вернуться, парт... нер.

Там стоял не Ааз.

В самом деле, существо за дверью вообще ничуть не походило на Ааза. Но что вдвойне удивительней — я *ее* узнал!

Мы не были по-настоящему знакомы... не были представлены друг другу, когда вскоре после встречи с Аазом разгневанная толпа вздернула меня, принявшего ее обличье, и еще когда я рассмотрел ее после успешного конкурса придворного мага в Поссилтуме.

Но мне ни разу не доводилось непосредственно лицезреть ни ее лучезарного лица, обрамленного волнами солнечно-золотых волос, ни непринужденного изящества, с которым она держалась, ни...

— Это Великий Скив, верно? Вон тот, с открытым ртом?

Голос ее был таким мелодичным, что мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осмыслить сказанное ею и сообразить, что она ждет ответа.

— Э-э-э-э... да. То есть я к вашим услугам.

— Рада наконец встретиться с тобой лицом к лицу, — живо проговорила она, нервно поглядывая на Гвидо и Машу. — Я давно искала повода и полагаю, что он наконец представился. У меня есть для тебя новости... о твоем ученике.

Мне все еще было трудно сосредоточиться на ее словах. Не только ее голос гипнотизировал меня, но и сама она была едва ли не самой прекрасной женщиной, какую я когда-либо встречал... Ну, на самом-то деле девушкой. Она не могла быть намного старше меня. Что еще важнее, я ей, похоже, нравился. То есть она не переставала нерешительно улыбаться, и ее

синие глаза не отрывались от моих. Ну, я встречал уважение к себе со стороны коллег и существ на Базаре, но никогда со стороны девушки, выглядевшей словно...

Затем ее слова дошли до меня.

— Моем ученике?

Я невольно украдкой взглянул на Машу, прежде чем сообразил, что тут явное недоразумение.

— А, ты имеешь в виду Ааза. Он мне больше не ученик. Он мой партнер. Заходи, пожалуйста. Мы как раз о нем и говорили.

Я посторонился и величественным взмахом руки пригласил ее войти. Раньше я этого никогда не пробовал, но видел такой жест пару раз, когда работал при дворе в Поссилтуме, и он произвел на меня сильное впечатление.

— М-гм, босс? Нельзя ли вас на минутку?

— Позже, Гвидо.

Я повторил жест, и девушка ответила мимолетной улыбкой, озарившей всю приемную.

— Спасибо за приглашение, — произнесла она. — Но мне придется воспользоваться им потом. Я действительно не могу задерживаться. На самом-то деле мне вообще не следовало приходить сюда. Просто я подумала, что кто-то должен известить вас о том, что ваш друг... Ааз, не так ли? Словом, ваш друг в тюрьме.

Это живо спустило меня на землю.

— Ааз? В тюрьме? За что?

— За убийство.

— За УБИЙСТВО! — завопил я, бросив всякие попытки вести себя изысканно. — Но Ааз не стал бы...

— Не кричи на меня! О, конечно, мне не следовало приходить. Слушай, я знаю, что он его не совершал. Вот потому-то мне и надо уведомить тебя о происходящем. Если ты чего-нибудь не предпримешь, его казнят... а там знают, как казнить демонов.

Я круто обернулся лицом к остальным.

— Маша! Иди за своей шкатулкой с драгоценностями. Гвидо, Нунцио! Снаряжайтесь. Нам предстоит нанести небольшой визит к нашим соседям.

Я пытался говорить спокойно и ровно, но голос меня не слушался, и я срывался на крик.

— Не так быстро, босс, — возразил Гвидо. — Сперва вам надо кое-что узнать.

— Позже. Я хочу, чтобы вы...

— СЕЙЧАС, босс. Это важно!

— В ЧЕМ ДЕЛО?

Незачем говорить, что в данную минуту я не горел желанием вступать в долгие пререкания.

— Она — одна из них.

— Не понял?

— Из троицы, ушедшей через заднюю дверь. Из тех, за кем гоняется ваш партнер. Она — та самая деваха.

Словно громом пораженный, я повернулся к девушке за подтверждением и обнаружил лишь пустой дверной проем. Моя таинственная посетительница исчезла так же внезапно, как и появилась.

— Знаешь, это может быть западней, — задумчиво произнесла Маша.

— Она права, — кивнул Гвидо. — Можете положиться на слово того, кто сам бывал в бегах. Когда удираешь от правосудия и тебя могут узнать всего двое, возникает сильное искушение ликвидировать это звено. Ведь то, что ваш партнер попал в беду, вам известно только с ее слов.

— Не надо быть гигантом мысли, чтобы догадаться, кого скорее всего наймут деволы для погони за беглецами. Тебя и Ааза. В конце концов, они ведь знали, через чей дом рвут когти, — добавила Маша.

Гвидо поднялся на ноги и принялся расхаживать взад-вперед.

— Верно, — согласился он. — А теперь предположим, что Ааза взяли *они*. Можете вы придумать лучший способ убрать другую половинку опасной пары, чем, рассказав вам о беде с

партнером, увлечь в расставленную западню? Вся эта комбинация дурно пахнет, босс. Я не разбираюсь в незнакомых измерениях, но в преступниках-то я разбираюсь. Как только вы шагнете через эту дверь, так сразу же и станете мишенью.

— Вы *вполне* высказались?

Даже для моих ушей собственный голос показался мне ледяным, но меня это мало заботило.

Гвидо и Маша переглянулись, а затем молча кивнули.

— Отлично. Возможно, вы и правы, и я ценю вашу заботу о моем благополучии. *Однако...*

Голос мой упал до страшного шипения.

— ...что, если вы ошибаетесь? Что, если наша беглянка все-таки говорит правду? Вы все пилили меня за то, что я ничего не делаю для спасения Ааза. Неужели вы действительно думаете, будто я стану просто сидеть сложа руки, в то время как моего партнера *и* друга сжигают за преступление, которого он не совершал... из-за того только, что вмешательство *может* оказаться для меня опасным?

Огромным усилием я обрел нормальный свой голос.

— Через десять минут я отправляюсь через эту дверь следом за Ааазом... и если я иду прямиком в западню, то лучше ей быть покрепче. А теперь есть ли желающие последовать за мной или я пойду один?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бесполезно пытаться что-либо планировать, готовясь к неожиданному... по определению!

А. Хичкок

На самом-то деле прошло больше часа, прежде чем мы действительно подготовились к выходу, хотя мне это ожидание показалось куда более долгим. И все же даже мне пришлось признать, что отправляться в этот поход без надле-

жащих приготовлений будет не только глупостью, но и прямым самоубийством!

Решено было оставить Нунцио дома, чтобы на базе оставался кто-то способный уведомить о происходящем Тананду с Коррешем, когда те вернутся. Нечего и говорить, такое поручение отнюдь не привело его в восторг.

— Но мне же полагается быть вашим телохранителем! — возражал он. — Как же мне охранять вас, если я буду сидеть здесь, в то время как вы окажетесь на линии фронта?

— Силы поддержки должны от кого-то получить нужные для следования за нами сведения, — ответил я.

Хоть мне и не улыбалось спорить с Нунцио, я все же предпочел бы сломить сопротивление дюжины синдикатских телохранителей, чем быть вынужденным объяснять Тананде и Коррешу, почему их не включили в спасательную миссию.

— Мы могли бы оставить записку.

— Нет.

— Мы могли бы...

— НЕТ! Ты нужен мне *здесь!* Так достаточно ясно?

Телохранитель тяжело вздохнул.

— Ладно, босс. Я буду ошиваться здесь, пока они не появятся, а потом мы втроем...

— Нет! — снова возразил я. — Потом следом за нами отправятся Тананда и Корреш. А ты останешься здесь.

— Но, босс...

— Потому что если снова появится Мер-Зер со своей командой, то здесь должен находиться кто-то, кто даст им понять, что мы — на работе, а не просто отправились в отпуск. Допустим на миг, что мы-таки вернемся, тогда нам понадобится эта дверь, и ты здесь позаботишься о том, чтобы она оставалась открытой. Только нам еще и не хватало, чтобы домовладельцы вселили нового жильца, пока мы в отъезде... скажем, кого-нибудь, кто вздумает заложить дверь кирпичом, пока мы находимся по другую сторону.

Нунцио молча обдумал сказанное.

— А что, если вы не вернетесь? — спросил он наконец.

— Этот мост мы сожжем, когда до него дойдем, — вздохнул я. — Но помни, убить нас не так-то легко. По крайней мере один из нас, вероятно, сумеет вернуться.

К счастью, прибытие Гвидо оторвало меня от этой неприятной цепочки размышлений.

— К походу готов, босс.

Несмотря на отчаянность положения и неотступно поджимающее время, я просто уставился на него, разинув рот.

— Что это? — сумел наконец выговорить я.

Гвидо облачился в темное длиннополое пальто и широкополую шляпу. Глаза его скрывали солнцезащитные очки.

— Это? Это моя рабочая одежда, — гордо сказал он. — Очень функционально.

— Как-как?

— Я хочу сказать, что она не только отпугивает народ. В этой полушинели полно вот таких кармашков, видите? Именно там я и ношу свою амуницию.

— Но...

— Привет, шеф! Миленький у тебя наряд, Гвидо.

— Спасибо! Я как раз рассказывал о нем боссу.

Маша оделась... или, лучше сказать, разделась в *свою* рабочую одежду. Короткий жилет с трудом прикрывал ровную часть ее массивного торса, в то время как еще более короткая юбка, похоже, готовилась вот-вот капитулировать, окончательно проиграв свою битву.

— М-гм-м-м... Маша? — осторожно поинтересовался я. — Я всегда хотел спросить. Почему ты не... м-гм-м... не надеваешь на себя побольше?

— Я люблю одеваться легче, когда мы лезем в самое пекло, — подмигнула она. — Видишь ли, когда дела летят вскачь, я становлюсь немного нервной... а единственное, что может быть хуже толстой девахи, это *потная* толстая деваха.

— По-моему, это очень сексапильный наряд, — вставил Гвидо. — Напоминает мне тряпки, которые носила, бывало, шлюха моего папаши.

— Ну спасибо, порадовал, мрачный зануда. Я бы сказала, у твоего папаши был хороший вкус... жаль, что мне не довелось его испытать.

Я задумчиво изучал их, пока они дружно смеялись над Машиной шуткой. Всякая надежда незаметно проникнуть в это неизвестное измерение стремительно рушилась. Даже по отдельности Гвидо и Маша сразу привлекали к себе внимание, но вместе они будут напоминать происходящие на одной дороге парад-алле и армейские маневры. Затем мне пришло в голову, что раз неизвестно, как обстоят дела там, куда мы направляемся, то может случиться, что они впишутся в общество, а вот *я* буду выделяться. Это была пугающая мысль. Если там все так выглядят...

Я отогнал эту мысль. Нет смысла пугать себя больше, чем требуется, пока не появятся факты, подкрепляющие эти страхи. Гораздо важнее то, что боялись неизвестности и мои помощники. Они изо всех сил старались не показывать своего страха, спрятавшись под привычными масками взятых на себя ролей. Гвидо вовсю разыгрывал роль «крутого гангстера», в то время как Маша опять усиленно подавала себя в своей любимой роли «вамп». Конечный итог, однако, заключался в том, что боялись они или нет, но были готовы во что бы то ни стало поддержать все мои действия или умереть. Это было бы трогательно, если бы сей факт не означал, что они рассчитывали на мое руководство. Стало быть, мне требовалось сохранять спокойствие и уверенность... как бы сильно я сам ни боялся. Лишь задним числом мне пришло в голову, что руководящая роль — это маска, за которую в сложных ситуациях очень удобно прятаться. Это заставило меня немного погадать о том, а знал ли на самом деле хоть *кто-нибудь* из нас, на что он идет, искренне ли надеялся на успех, или жизнь наша состоит всего лишь из смены ролей.

— Ладно. Мы готовы? — спросил я, прогоняя свои бессвязные думы. — Маша? Твои драгоценности при тебе?

— Большая часть на мне, а остальное тут, — похлопала она по сумке у себя на поясе.

Хотя я иной раз мысленно отпускал ехидные замечания по поводу ювелирных украшений моей ученицы, тем не менее они служили двойной цели. Машины побрякушки — это в действительности довольно обширная коллекция накопленных ею за минувшие годы магических предметов. Насколько обширная? Ну, прежде чем записаться ко мне в ученицы для усвоения настоящей магии, она имела постоянную работу в качестве мага города-государства Та-Хо в измерении Валлет исключительно в силу нахватанных ею механических «способностей». Хотя я соглашался с Аазом, что настоящая магия предпочтительней механической, поскольку при ней меньше вероятность сбоев (урок, усвоенный по опыту из первых рук), я, безусловно, был не прочь иметь для подкрепления ее арсенал.

— Ты помнишь то специальное кольцо? Ты применяла его для розыска короля? У тебя в сумке случайно нет лишнего?

— Только вот это, — помахала она пальцем.

Я мысленно выругался, а затем принял первое из, как я опасался, множества неприятных решений в этом предприятии.

— Отдай его Нунцио. Оно понадобится Тананде и Коррешу, чтобы найти нас.

— Но если мы оставим его, как же тогда сумеем отыскать твоего партнера?

— Придется нам что-нибудь придумать, но не можем же мы себе позволить разделить свои силы. Даже если с Аазом все обойдется, нам скорее всего потом не избежать поисков другой половины команды спасателей.

— Как скажешь, шеф, — поморщилась она, отдавая кольцо, — но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Так же, как и я, Маша, так же, как и я. Ладно, ребята, давайте-ка посмотрим, что там *действительно* собой представляет наш задний двор!

Снаружи наше жилище выглядело куда внушительней, чем со стороны, видимой на Базаре. На самом-то деле оно походило с виду на замок... и притом довольно зловещий, одиноко стоящий на вершине холма. Хотя я в общем-то не слишком пристально изучал его — лишь настолько, чтобы суметь снова узнать его на обратном пути. Как можно было ожидать, мое внимание сосредоточилось непосредственно на новом измерении.

— Что-то темновато тут, а?

Замечание Гвидо явилось скорее констатацией факта, чем вопросом, и он был прав.

Где бы мы ни находились, освещение оставляло желать лучшего. Сперва я подумал, что здесь ночь, и это меня озадачило, так как до сих пор во время моих путешествий все измерения, кажется, соблюдали одно и то же расписание восходов и закатов. Затем мои глаза привыкли к мраку, и я сообразил, что небо просто затянуто густыми и сплошными тучами... до такой степени, что сквозь них не проникало почти ни малейшего света, — это и придавало дню иллюзорное сходство с ночью.

К тому же, судя по всему увиденному, новая местность казалась весьма похожей на любую другую из известных мне: деревья, кустарник и дорога, ведущая то ли к замку, то ли от замка, в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Помоему, это Тананда любила говорить: «Если ты видел одно измерение, значит, ты видел их все». Ее брат Корреш возражал, что причина геологического сходства заключалась в том, что все посещенные нами измерения являлись различными реальностями одной и той же основы. Мне всегда представлялось, что тут он слегка хватил через край... «Они все похожи потому, что они — одно и то же? Брось, Корреш!» Но его возражения всегда оставляли у меня ощущение, что я слушаю речь на непонятном языке, и поэтому в последнее время я предпочитал уклоняться от таких дискуссий.

— Ну, шеф, что теперь будем делать?

На сей раз у меня для разнообразия имелся ответ на ее дерзкий вопрос.

— Эта дорога должна куда-то вести. Одно лишь ее существование указывает, что мы в этом измерении не одни.

— Я думал, это мы уже знаем, — пробурчал себе под нос Гвидо. — Вот потому-то мы здесь и находимся.

Я бросил на него свой лучший мрачный взгляд.

— По-моему, возникал *некоторый* спор по поводу того, наврали нам насчет ареста Ааза или нет. Если здесь есть дорога, то построил ее наверняка не мой партнер и не те, кого он преследовал. Это значит, что нам придется иметь дело с туземцами... возможно, враждебно настроенными.

— Правильно, — быстро вставила Маша. — Засохни, Гвидо. Я хочу услышать план действий, и мне не нравится, что из-за какого-то зануды приходится все ждать и ждать.

Телохранитель нахмурился, но промолчал.

— Ладно. Теперь поступим так: пойдем по этой дороге и выясним, куда она ведет. Держитесь обочины и будьте готовы исчезнуть, если заслышите чье-то приближение. Мы не знаем, как выглядят местные, и пока у меня не будет образчика для работы, нет смысла пытаться замаскироваться с помощью магии.

И в таком вот общем походном порядке мы зашагали в темноте по дороге, двигаясь тихо, чтобы не выдать свое присутствие никому впереди нас. Вскоре мы подошли к первой точке, где требовалось принимать решение. Дорога, по которой мы шли, внезапно закончилась, встретившись с другой, куда более торной. Мои помощники выжидательно смотрели на меня. Пожав плечами, я принял произвольное решение и повел их направо по новому курсу. И пока мы шли, я с некоторым раздражением размышлял, что, хотя и Маше, и Гвидо известно, что я такой же новичок в этой местности, как и они, выбор пути почему-то выпал на мою долю.

Мои размышления прервали приближающиеся голоса впереди. Мои спутники тоже услышали их, и без единого слова

или сигнала мы укрылись в кустарнике. Присев на корточки, я сквозь мрак вглядывался в дорогу, жаждая поскорее взглянуть на туземные формы жизни.

Ждать мне пришлось недолго. Появились две фигуры, судя по их виду, молодая парочка, весело болтавшая и смеявшаяся на ходу. На мой взгляд, они выглядели вполне нормально, чему я очень обрадовался, учитывая, с какими формами жизни мне пришлось познакомиться в некоторых других измерениях. Они были достаточно гуманоидными, чтобы сойти за пентюхов... или скорее за валлетов, так как оказались бледноватыми. Одежда их не слишком отличалась от моей, хотя и была чуточку цветастей. Усвоив все это с одного взгляда, я решил сделать первую попытку извлечь информацию. Я имею в виду, раз после всех моих страхов они оказались чуть ли не до разочарования обычными, так почему бы не рвануть напролом? Если сравнить их с некоторыми из существ, с какими мне приходилось иметь дело в прошлом, все выглядело проще пареной репы.

Сделав другим знак оставаться на месте, я вылез на дорогу позади намеченной пары.

— Извините! — окликнул я их. — Я в этом районе недавно, и мне нужна помощь. Вы не скажете, как пройти к ближайшему городу?

Кулоны-переводчики — стандартное снаряжение путешественников по измерениям, и так как я носил сейчас такой, то не боялся быть непонятым.

Пара повернулась лицом ко мне, и меня сразу же поразили их глаза. «Белки» их глаз пылали темно-красным, вызывая у меня на спине мурашки. Мне пришло в голову, что я мог бы и чуть повнимательнее изучить местных жителей, прежде чем пытаться выдать себя за туземца. Мне также пришло в голову, что я уже безвозвратно выбрал этот курс действий, и придется, невзирая ни на что, продолжать блеф. И наконец в мою бедную голову пришла мысль, что я идиот-самоубийца и что, будем надеяться, Маша с Гвидо готовят свое оружие под-

держки для спасения меня как пострадавшего от собственного нетерпения.

Но странное дело, пара, кажется, не заметила в моей внешности ничего необычного.

— Ближайший город? Это будет Блут. Он недалеко, мы только что оттуда. Там очень бурная ночная жизнь, если вам это интересно.

Что-то в очертаниях ротового отверстия туземца показалось мне до боли знакомым. К несчастью, я не мог заглянуть прямо в него, не нарушив глазного контакта, и поэтому, подбодренный очевидным принятием меня за своего, я поспешил продолжить разговор.

— На самом-то деле я не слишком увлекаюсь ночной жизнью. Я просто хочу найти одного старого друга, от которого давно не имею известий. В Блуте есть почта или полицейский участок, где можно навести справки?

— Там есть кое-что получше, — рассмеялся мужчина. — Вам нужно обратиться прямо к Диспетчеру. Он за всеми следит. Третий склад налево от вас, когда войдете в город. Он превратил весь второй этаж в свой кабинет. Если он не сможет вам помочь, то никто не сможет.

Как ни важна была эта информация, я лишь отчасти обратил на нее внимание. Когда мужчина рассмеялся, я сумел разглядеть его рот получше. Зубы у него были...

— Посмотри на его зубы! — ахнула, впервые заговорив, девушка.

— Мои зубы? — моргнул я, внезапно сообразив, что она пялится на меня с нескрываемым удивлением, даже пораженно.

Ее спутник в это же время заметно побледнел и попятился на нетвердых ногах.

— Вы... вы... откуда вы пришли?

Пытаясь во что бы то ни стало сохранять нормальный контакт, я двинулся вперед для поддержания разговора на прежнем расстоянии.

— Из замка вон там на холме. Я просто...

— Из ЗАМКА?!

Парочка молниеносно повернула и дунула от меня по дороге во все лопатки.

— Чудовище!! На помощь!! ЧУДОВИЩЕ!!!

Я резко обернулся и посмотрел на дорогу позади себя, пытаясь разглядеть предмет их ужаса. Однако по мере разглядывания совершенно пустой дороги я постепенно все понял. Они испугались *меня!* Чудовище?

Из всех реакций, какие я пытался предвидеть при нашем появлении среди обитателей этой новой страны, такого я не ожидал даже в самых диких фантазиях.

Я? Чудовище?

— По-моему, у нас возникли проблемы, Девятый Вал, — сказала Маша, выбираясь вместе с Гвидо из кустов и подходя ко мне.

— Я бы сказал — если совершенно не ошибся с чтением признаков, — они меня боятся.

Она тяжело вздохнула и покачала головой.

— Я говорю совсем не об этом. Ты видел их зубы?

— Я видел его зубы, — уточнил я. — Клыки у него длинные и острые. Очень странно, а?

— Да совсем не так уж и странно, шеф. Подумай об этом. Держу пари, ты только что разговаривал с парой вампиров!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чтобы выжить, надо уметь приспосабливаться к меняющимся ситуациям.

Тираннозавр

— Вампиры, — осторожно повторил я.

— Разумеется. Все сходится, — кивнула Маша. — Бледная кожа, острые клыки, красные глаза, то, как они превратились в летучих мышей...

— Превратились в летучих мышей?

— Вы это пропустили, босс, — сообщил Гвидо. — Когда они это сделали, вы смотрели в другую сторону. Большего кошмара я никогда не видел. Секунду назад они улепетывали, спасая шкуру, а в следующую уже улетали в темноту. Все другие измерения похожи на это?

— Вампиры...

На самом-то деле я испытал не такой уж сильный шок. Учитывая, с чем сталкивались мы с Аазом в круизах по так называемым «известным и безопасным» измерениям, я ожидал встретить и здесь незаурядное. Если я что и испытал, так это некоторое облегчение. Жребий брошен... и все оказалось совсем не так уж и плохо! То есть могло быть и хуже. (Если пребывание в обществе Ааза чему-то и научило меня, так это тому, что дела всегда могут обстоять и хуже!) Мои блестящие собственные реплики были всего-навсего хитроумным приемом с целью прикрыть мысленные усилия переварить новые сведения и решить, что с ними делать.

— Вампиры редки в любом измерении, — отвечала моя ученица, заполняя пустоту в ответ на вопрос Гвидо. — И что еще важнее, их всегда все боятся. Вот чего я не могу понять, так это почему те двое так испугались Скива.

— Но опять же, — задумчиво проговорил я, — остается вопрос, а можно ли нам считать, что все измерение населено существами вроде только что встреченных нами. Вы скажете, такое маловероятно, но ведь мы могли наткнуться на единственных здесь вампиров.

— Не знаю, Девятый Вал. Чувствовали они себя явно как дома и, безусловно, не думали, будто ты найдешь что-то необычное в *их* внешности. По моим предположениям, это мы здесь исключение, а они — норма.

— Что бы там ни было, — отмахнулся я, принимая наконец решение, — они пока единственные имеющиеся у нас для работы образцы, и потому будем основывать свои действия именно на них, пока не доказано обратное.

— Так что же нам делать против оравы вампиров?

Как телохранитель Гвидо, казалось, не на шутку встревожился проведенным нами анализом ситуации.

— Успокойтесь, — улыбнулся я. — Первым делом надо обратиться к старому надежному заклинанию личины. Всего несколько быстрых мазков, и нас не смогут отличить от туземцев. Мы сможем пройти через целый город вампиров, и они нас даже не заметят.

С этими словами я закрыл глаза и приступил к работе. Как я и обещал сотрудникам, было это легко. Всего-то добавить к обычной внешности более бледную кожу, более длинные клыки и небольшое искусственное подкрасне́ние глаз, и все в ажуре.

— Ладно, — снова открыл я глаза. — Что дальше?

— Мне бы не хотелось цитировать в ответ тебя же, шеф, — протянула Маша, — но разве не ты сказал, что, прежде чем переходить к следующим действиям, надо сперва заняться личинами?

— Конечно. Именно потому я только что... минутку. Ты хочешь сказать, что у нас по-прежнему та же внешность, как и до того, как я навел чары?

Одна из проблем с наведением чар личины в том, что я как наводящий чары никогда не вижу результата. То есть я вижу людей такими, какие они есть на самом деле, как при чарах, так и без них. Я настолько привык полагаться на действие этого особого заклинания, что мне и в голову не пришло, будто оно может не сработать.

Маша и Гвидо с немалой степенью озабоченности посмотрели друг на друга.

— М-гм-м-м... возможно, ты забыл.

— Попробуй еще раз.

— Совершенно верно! И на этот раз запомни...

— Погодите-ка, — приказал я самым повелительным своим тоном. — Судя по вашей реакции, мне думается, ответ на

мой вопрос будет «да». То есть что заклинание не действует. А теперь помолчите секундочку и дайте мне подумать. Идет?

Для разнообразия они решили выслушать меня и впали в почтительное молчание. Я мог бы урвать миг, чтобы поупиваться этим триумфом, не будь я столь обеспокоен возникшей проблемой.

Заклинание личины было одним из первых усвоенных мною заклинаний и до сих пор служило мне одним из самых лучших и самых надежных инструментов. Если оно не действовало, значит, случилось что-то серьезное. А так как я знал, что прохождение через дверь не уменьшило моего знания этого заклинания, то, значит, если что и барахлит, так это наверняка...

— Эй, шеф! Проверь-ка силовые линии!

Очевидно, мы с ученицей одновременно пришли к одинаковым выводам. Быстрое магическое сканирование неба и окружающей местности подтвердило мои наихудшие опасения. Сперва я подумал, что тут вообще нет никаких силовых линий. А затем понял, что они есть, но настолько слабые, что даже для того, чтобы их заметить, потребовалась почти вся моя резервная энергия.

— Что это за разговор о силовых линиях? — поинтересовался Гвидо.

Маша нетерпеливо вздохнула.

— Если ты намерен гулять в этой компании, мрачный зануда, то лучше немного усвоить начала магии... или по крайней мере ее словарь. Силовые линии — это невидимые потоки энергии, протекающие по земле и в воздухе. Они — источник силы, которую мы черпаем, когда проворачиваем свои крибле-крабле-бумсы. Это значит, что в местности, где силовые линии либо не существуют, либо очень слабы...

— ...вы ничего не можете сделать, — закончил за нее телохранитель. — Эй, босс! Если сказанное ею правда, то как же это только что встреченная нами парочка ухитрилась проделать тот трюк с превращением в летучих мышей?

— Благодаря очень, *очень* большому мастерству по части магии. Чтобы сделать столь многое при столь малых средствах, они идут на любой трюк в области поиска и использования силовых линий. Короче, в магической игре они намного превосходят и Машу, и меня.

— Предположение разумное, — кивнула Маша. — Во всех измерениях, где я бывала и где водятся вампиры, они числятся среди самых сильных магобандитов. Если им приходится тренироваться именно здесь, то я могу понять, почему они словно с цепи срываются, когда попадают в измерение с более многочисленными и более мощными силовыми линиями.

Я потер лоб, отчаянно размышляя, как предотвратить надвигающуюся, как я чувствовал, головную боль. Точно по графику, положение становилось еще хуже!

— Полагаю, в твоей коллекции драгоценностей нет ничего для наведения личин, так?

Несмотря на серьезность ситуации, Маша негромко рассмеялась.

— Ну, подумай сам, Девятый Вал. Будь у меня что-нибудь подобное, разве я разгуливала бы в таком виде?

— Значит, мы выступаем против мира матерых магов при нехватке боеприпасов для самозащиты, — подытожил Гвидо.

— Ладно. Допустим, нам придется чуть потуже, чем я сперва думал. Только помните — мой партнер весьма неплохо действовал в эти последние несколько лет вообще без всяких способностей.

— Ваш партнер в настоящее время сидит в каталажке за убийство, — напомнил Гвидо. — Потому-то мы в первую очередь и оказались здесь. Ведь так?

— Кроме того, — продолжал я, игнорируя его замечание (этому умению я тоже научился у Ааза), — в наши намерения никогда и не входило «выступать против всего мира». Нам и надо-то всего-навсего быстро провернуть свое дельце и смыться. Хапнуть Ааза и вернуться, как можно меньше контакти-

руя с туземцами. Это означает, что нам всего лишь требуется немножко больше осторожности. Вот и все.

— А как насчет погони за троицей, которую мы взялись вернуть на Базар?

Я немного подумал о блондинке, предупредившей нас о бедственном положении Ааза.

— Это тоже подразумевает большую осторожность, — торжественно объявил я. — Если... я имею в виду *когда* мы вытащим Ааза из тюрьмы, то направимся домой и будем считать, что нам повезло. Поэтому мы... расплатимся с деволами. Это... дешевая цена... ну, за...

Я сообразил, что сотрудники смотрят на меня немножко косо. А также сообразил, что, когда я дошел до слов о расплате с деволами, моя речь постепенно выродилась в вымученную бессвязную декламацию.

Я прочистил горло и начал снова.

— М-гм-м-м, давайте просто договоримся, что вновь оценим эту ситуацию, когда доберемся до Ааза. Идет?

Мое войско все еще, похоже, немного терзалось сомнениями, и поэтому я счел за благо поскорее перейти к следующей теме.

— Что же касается противника, то давайте соберем наши общие сведения о вампирах, чтобы иметь представление, с чем нам предстоит столкнуться. Так вот, мы знаем, что они могут превращаться в летучих мышей и собак...

— ...или просто в туманное облачко, — дополнила Маша.

— Они пьют кровь, — мрачно сказал Гвидо.

— Они не любят яркого света и крестов...

— ...и их можно убить, воткнув им в сердце осиновый кол или...

— Они пьют кровь.

— Хватит про питье крови! Ладно, Гвидо?

Бесконечный пессимизм моего телохранителя начинал меня более чем раздражать. Я имею в виду, что нам всем не особенно нравился такой оборот дела, но мрачными разду-

мьями о негативных сторонах нашего путешествия ничего не добьешься.

— Сожалею, босс. Полагаю, в моем деле не помешает привычка видеть во всем темную сторону.

— Чеснок! — воскликнула вдруг Маша.

— Чего-чего?

— Я сказала, чеснок, — повторила она. — Вампиры не любят чеснок!

— Совершенно верно! Как насчет этого, Гвидо? У тебя случайно нет с собой чеснока?

Телохранитель и впрямь, похоже, смутился.

— Терпеть его не могу, — признался он. — Другие ребята в Синдикате, бывало, подшучивали надо мной из-за этого, но у меня от него тут же течет из носу.

Восхитительно. Нам достался, вероятно, единственный на свете член Синдиката, страдающий аллергией на чеснок. Еще одна блестящая мысль полетела к чертям.

— Ну, — вздохнул я, — теперь мы знаем, с чем нам придется столкнуться.

— М-гм-м-м... скажи-ка, шеф? — тихо произнесла Маша. — Шутки в сторону! Разве нас тут слегка не превосходят в силах? Я имею в виду, что мрачный зануда может обеспечить нас физической защитой, но я не уверена, что моей коллекции драгоценностей хватит на прикрытие нас в магическом плане.

— Ценю ваше доверие, — печально улыбнулся Гвидо, — но я не думаю, что от моей амуниции будет хоть какой-то прок против вампиров. Если уж босс оказался слаб по части магии...

— Не торопись сбрасывать меня со счетов. Моя магия, возможно, и не действует на полную мощь, но если запахнет жареным, я все же смогу выкинуть фокус-другой...

Маша нахмурилась.

— Но силовые линии...

— В наших уроках, ученица, я пока не затронул одну мелочь, — сказал я с легкой довольной улыбкой. — При таком обилии энергии на Деве в этом и не было необходимости... в общем-то. Так или иначе, все сводится к тому, что для магических действий не всегда необходимо подсоединение к силовой линии. Можно аккумулировать энергию внутри себя, как в батарее, чтобы она была на месте, когда тебе понадобится. Пока мы разговаривали, я подзаряжался и поэтому, когда будет нужно, смогу обеспечить толику магического прикрытия. Но не очень длительного вроде постоянного заклинания личины, поэтому мне придется экономить свои возможности и после каждого их применения производить перезарядку, при этом, должен заметить, я рассчитываю не только на твои побрякушки.

Я ожидал от сотрудников более восторженного отклика на мое откровение, что я не совсем беспомощен. Вместо этого, судя по их виду, они чувствовали себя как-то неуютно. Переглянулись, посмотрели на небо, затем на землю.

— М-гм-м-м... это означает, что мы идем дальше? — сказал наконец Гвидо.

— Совершенно верно, — ответил я, плотно сжав губы. — Честно говоря, я, вероятно, продолжил бы экспедицию, даже если бы мои чары совершенно пропали. Мой партнер в беде, и я не собираюсь возвращаться, по крайней мере не *попытавшись* ему помочь. Я бы сделал то же самое и ради любого из вас, но сейчас мы говорим об Аазе. Он спасал меня чаще, чем мне хочется об этом вспоминать. Я просто не могу...

Я осекся, но вновь овладел голосом.

— Послушайте, — начал я снова. — Я знаю, мы решились на этот поход, никак не рассчитывая на столкновение с вампирами, и к тому же прокол с магией — достаточно серьезное препятствие, чтобы заставить призадуматься всякого. Если кто-либо из вас хочет повернуть назад, может это сделать без всяких сомнений и комплексов вины. В самом деле. Я хочу идти

дальше только потому, что знаю себя. Что бы там ни ждало нас впереди, для меня еще невыносимей будет жить с осознанием того, что я оставил Ааза умирать в одиночку, не попытавшись вытащить его из тюрьмы. Но это я, вы же, если хотите уйти, действуйте.

— Не сердись, шеф, — мягко упрекнула меня Маша. — Я все еще не уверена, велика ли будет от меня помощь, но я с тобой. Вероятно, если бы с тобой что-нибудь случилось в мое отсутствие, у меня возникла бы та же проблема, что и у тебя, если чего-нибудь случится с Аазом. Я ведь, знаешь ли, *твоя* ученица.

— Ремесло телохранителя не ахти какое, но это все, что я умею делать, — хмуро сказал Гвидо. — Мне полагается охранять ваше тело, поэтому куда оно, туда и я. Просто я не в восторге от соотношения сил, понимаете, что я имею в виду?

— Значит, решено, — твердо сказал я. — Отлично. Как я понимаю, следующая наша остановка — Блут.

— Блут, — осторожно повторила Маша.

— Совершенно верно. Я хочу навестить этого самого Диспетчера и послушать, что-то он скажет. Я имею в виду, город есть город, а все мы посетили уже немало незнакомых городов. Нам сейчас нужна только информация, а ближайший ее источник, кажется, в Блуте.

— Диспетчер, — откликнулась Маша без энтузиазма.

— В Блуте*, — повторил с еще менее радостным предвкушением Гвидо.

Мне пришло в голову, что, несмотря на то, что мои помощники твердо решили остаться со мной в этом предприятии, если я и дальше собираюсь рассчитывать на их искреннюю поддержку, мне придется для начала поискать ее у туземцев... перспектива, с которой я и вовсе не связывал больших надежд.

---

* От нем. Blut — кровь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Литературный агент — это вампир с телефоном!

Некий редактор

Помните, я говорил о том, что если вы видели хоть один городишко, то считайте, видели их все? Так вот, забудьте об этом. Я посетил уйму измерений и повидал уйму городишек, но мне пришлось признать, что Блут выглядел немного странновато.

Всё там, казалось, было выкрашено в убийственный черный цвет. (Наверное, «убийственный» — неудачное слово. Но тем не менее.) Прошу заметить, когда я говорю «всё», я имею в виду *всё*. Мостовая, стены, черепица крыш, все выдерживалось в одной и той же маловдохновляющей цветовой гамме. Может быть, сами по себе черные обертона не показались бы чересчур зловещими, если бы не архитектурные украшения, торчавшие, казалось, везде, куда ни глянь. Все коньки крыш и карнизы украшались каменными драконами и змеями наряду с неизбежными горгульями и, конечно же, летучими мышами. Здесь я имею в виду не просто летучих мышей, а ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ!!! Больших летучих мышей, маленьких летучих мышей, летучих мышей с полуразвернутыми крыльями и других, с широко развернутыми крыльями... ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ!!! Общим у них было (помимо черного цвета), кажется, только одно — рты, полные острых, как иглы, зубов, — образ, ничуть не прибавлявший уверенности моему и без того уже нервничавшему отряду. Я и сам чувствовал нарастающее напряжение, когда на улице нас обступали эти свирепые украшения. Идя мимо них, так и ждешь, что каменные фигуры оживут и ринутся на нас за пинтой-другой к обеду.

— Веселенькое местечко, не правда ли? — спросила, поглядывая на крыши, Маша.

— Не хотел бы жаловаться, босс, — вставил, прибегая к откровенной лжи, Гвидо, — но я бывал на кладбищах, с виду более приветливых.

— Да будете вы наконец держать язык за зубами! — зарычал я по возможности сквозь плотно сжатые губы. — Помните о наших личинах.

Я и впрямь прибег к заклинанию личины, когда мы вступили в город, но, стремясь поберечь магическую энергию, всего лишь окрасил наши глаза в красное. Если кто-нибудь из прохожих, а их попадалось немало, случайно заметил бы наши невампирские зубы, нам была бы крышка. Впрочем, кто знает, возможно, и нет. Мы все еще не разобрались, почему встреченная нами по дороге парочка так меня испугалась, но я не собирался основывать успех нашей миссии на хрупкой надежде, что целый город пустится наутек при виде наших незамаскированных физиономий.

К счастью, мне не пришлось заниматься магической возней с нашим гардеробом. Если мы чем и выделялись, так это некоторой сероватостью по сравнению с большинством вампиров на улице. Хотя многие из них выглядели довольно молодыми, едва ли старше меня, но комплекцией и ростом значительно друг от друга отличались. Разодеты они были в самые что ни на есть цветастые и броские наряды, какие я когда-либо имел неудовольствие видеть. Они криком приветствовали друг друга, забегая в таверны и выбегая обратно.

Уже наступила ночь, тучи рассеялись, показалось усыпанное звездами ночное небо, и верные своему призванию вампиры, кажется, наслаждались ночной жизнью.

— Если здесь все вампиры, — сказал, игнорируя мое предупреждение, Гвидо, — то где же те, у кого они промышляют кровь?

— Насколько я могу судить, — ответила Маша, тоже пропустив мимо ушей мой приказ заткнуться, — они покупают ее в бутылках.

Она указала на небольшую группу вампиров, сидевших на невысокой стене и весело пускавших по кругу бутылку с красной жидкостью. Несмотря на наше знание особенностей этой местности, я предпочел бы думать, что пили они вино. Столкнувшись с неумолимым логическим выводом, что распиваемое ими пойло подразделялось по группам, а не по градусам, мой желудок совершил быстрый переворот и падение куда-то вправо.

— Если вы закончили рассматривать местные достопримечательности, — прошипел я, — то давайте попытаемся найти этого Диспетчера, пока кто-нибудь не пригласил нас пропустить по стаканчику.

И с этими словами я увел прочь своих слегка притихших помощников, кивая и махая по пути веселящимся вампирам. На самом-то деле все это выглядело довольно забавно, и у меня могло бы возникнуть искушение присоединиться к общему веселью, если бы не настоятельность нашего поиска... и, конечно же, тот факт, что они были *вампирами*.

Следуя инструкциям, полученным мною от парочки на дороге, мы без всякого труда нашли контору Диспетчера. Оставив Гвидо на стреме, мы с Машей смело поднялись по лестнице и вошли в кабинет Диспетчера.

Каким бы странным ни показался мне Блут, я не был готов к лицезрению помещения, в которое мы вступили.

По стенам вытянулись сотни стеклянных картин, изображавших движущихся живых существ, — было такое впечатление, что глядишь на вереницу аквариумов. И самое ужасное, они рисовали эпизоды чудовищного насилия и неописуемых действий, совершаемых с явно беспомощными жертвами. Общее воздействие не было ни успокаивающим, ни приятным... определенно, такое мне не хотелось бы видеть на стене у себя дома.

Эти картины так заворожили меня, что я не заметил самого Диспетчера, пока тот не поднялся из-за стола. Наверное, «поднялся» — неточное определение. На самом-то деле

он спрыгнул на пол с кресла, бывшего изначально высоким, но сделанным еще выше посредством подложенной на сиденье подушки.

Он заспешил к нам, сияя широкой улыбкой и протягивая руку.

— Привет-меня-зовут-Вильгельм-ваша-проблема-моя-проблема-не-садитесь-срочные-проблемы-разрешаю-даром-несрочные-за-гонорар-разумные-расценки-небольшой-процент-сверху-чем-могу-помочь?

Все это он выпалил на одном дыхании, в том смысле, что не останавливался передохнуть. Но, однако, схватил меня за руку, дважды пожал ее, потом повторил ту же процедуру с Машей, а затем опять стиснул руку мне... и все это, не переставая говорить.

В общем и целом такой натиск немного подавлял. Перед моим взором стремительно возникло видение невысокого коренастого субъекта с пухлыми розовыми щеками и до крайности суетливыми движениями. Я намеренно постарался не гадать, каким будет с виду Диспетчер, но вампир-херувим все же захватил меня врасплох.

— Я... м-гм-м... как вы узнали, что у меня проблема?

За это я заработал добавочное пожатие руки и подмигивание.

— Сюда никто не заходит без проблем, — сказал он, снижая наконец чуточку скорость речи. — То есть, я хочу сказать, мне бы и самому не помешала кое-какая помощь, но кому есть до этого дело? Как же! Держи карман. Любое новое лицо для меня — новая работа. Я не прав?.. Возразите, сделайте милость! Скажите, что вы зашли подменить меня на часок-другой и дать мне возможность сбегать промочить горло.

— Ну, на самом-то деле у нас есть проблема, и нам сказали...

— Вот видите! Что я говорил? Ладно. Что там у вас? Срочная проблема или несрочная? Со срочными проблемами я разбираюсь...

Он снова завелся. Отчаянно желая не затягивать наш визит, я прервал его излияния.

— Мы ищем одного друга, который...

— Больше ни слова! Друга! Секундочку!

И с этими словами он прыгнул обратно в кресло, сорвал крышку со странного на вид прибора у себя на столе, немного повозился с ней, а затем принялся в нее говорить.

— Алло, Дарвин? Это Вильгельм. Мне нужно... разумеется.

Откинувшись на спинку кресла, он сунул устройство под склоненную набок голову и схватил другое.

— Говорит Вильгельм. Кэй тут?.. Ну, соедините, когда она закончит...

Второе устройство скользнуло под то же ухо, что и первое, а он протянул руку за новым.

— Я знаю, мне не следует про это спрашивать, — шепнул я Маше, — но что он делает?

— Это телефоны, — прошептала в ответ Маша, когда в игру вступил четвертый инструмент. — Ты говоришь с этого конца провода, а тот, кто находится на другом конце, слышит тебя и отвечает. Это куда лучше, чем бегать в поисках ответа по всему городу.

К этому времени маленький вампир понавешал себе на плечи и руки столько инструментов, что выглядел подвергшимся нападению целого клубка змей. Однако он, казалось, неплохо управлялся с ними, говоря то в один аппарат, то в другой, явно поддерживая сразу несколько разговоров, словно жонглер, управляющийся с целой корзиной мячей.

— Вот здорово, ловко получается! — воскликнул я. — Как по-твоему, мы не могли бы достать несколько таких штук для нашего дома на Базаре?

— Поверь, от них больше хлопот, чем толку, — охладила мой пыл Маша. — Не успеешь и глазом моргнуть, как будешь все время болтать по телефону и ничего не добьешься. К тому же с тех самых пор, как расчленили нашу корпорацию...

— По-моему, я нашел! — объявил Вильгельм, снова спрыгивая на пол. — Я достал на ваше усмотрение одного друга; но буду с вами честен — он всего лишь так себе. Мне еще должны позвонить насчет двух других, так что, прежде чем вы остановитесь на ком-то определенном, давайте посмотрим, что они собой представляют. Идет?

— М-гм-м-м... по-моему, здесь вышла какая-то ошибка, — отчаянно вмешался я, пытаясь остановить это безумие, пока оно не зашло еще дальше. — Я не пытаюсь найти себе *нового* друга. Я пытаюсь отыскать уже имеющегося у меня друга, который может находиться в вашем городе.

Он несколько раз моргнул, когда до него дошла наконец эта новость. И невольно начал снова поворачиваться к телефонам, а затем с отвращением махнул рукой, отказавшись от них.

— Черт с ними, — сказал он со вздохом. — Если им удастся что-нибудь подыскать, я всегда могу с выгодой всучить их кому-то другому. Итак, давайте тогда попробуем снова. Вы ищете кого-то определенного. Он из горожан или приезжий? Мне, знаете ли, не помешает хоть какой-то материал для работы.

Он казался немного раздраженным, и мне хотелось сказать или сделать что-нибудь, способное его развеселить. Однако, прежде чем я смог что-либо придумать, в разговор решила вступить моя ученица.

— Ну и здорово же тут у вас все оборудовано, господин Трудяга. Вас не обидит, если я спрошу, чем вы занимаетесь?

Как всегда, Машино «чутье на публику» оказалось получше моего. При этом комплименте маленький вампир заметно просветлел лицом и, выпятив грудь, пустился в объяснения.

— Ну, эта работа первоначально числилась как диспетчерская... знаете, в смысле — Диспетчер Кошмаров. Но так или иначе, подобно любой другой работе, она оказалась связанной с множеством дел, не входящих в должностные обязанности. Теперь у меня здесь не только диспетчерская, но и

агентство бюро путешествий, и стол находок, и бюро по розыску пропавших лиц.

— Кошмаров? — спросил я не сдержавшись.

— Разумеется. Все на Лимбо, будь то сны или реальность, проходит через мою контору. Откуда вы взялись, если не знаете этого?

Ясное дело, я не горел желанием развивать тему нашего происхождения.

— Э-э-э-э, вы действительно можете помочь нам найти друга? Он здесь приезжий, как и мы.

— Совершенно верно. Вы кого-то ищете. Извините. Я иногда немного увлекаюсь, когда говорю о своей работе. Новичок в городе, хм-м-м? Надо думать, обнаружить его будет не слишком сложно. У нас не так уж много гостей.

— Он, возможно, в тюрьме, — выпалила Маша, прежде чем я сообразил, что она собиралась сказать.

— В тюрьме? — нахмурился вампир. — Единственный чужак, сидящий сейчас в тюрьме... Послушайте! Теперь я вас узнал! Глаза на минуту сбили меня с толку. Вы ведь Скив, не так ли?

— Гм, — отозвался я.

— Экран 97Б! — гордо провозгласил он, неопределенно показывая через плечо. — В дюжине измерений отсюда живет один тип, владелец киоска с хот-догами, — так вот он вечно видит вас в самых частых своих кошмарах. Вас, дракона и извращенца. Я правильно догадался, что нынешний обитатель нашей прекрасной тюрьмы не кто иной, как ваш подручный Ааз?

— Правильно, но он изверг, а не извращенец... В остальном вы угадали. Вы заперли там именно моего партнера, а мы намерены его вызволить.

Вероятно, я слишком много болтал, но это опознание моей персоны в измерении, о котором я никогда и не слыхивал, вывело меня из равновесия. К тому же Диспетчер, сделавший

такое открытие, вовсе не казался враждебным. Он проявлял скорее любопытство, чем что-либо иное.

— Ну и ну. Сам Скив. Никак не ожидал лично встретиться с вами. Вы должны рассказать мне, как это вам удалось определить себе первое место в хит-параде кошмаров того бедняги.

— Что насчет Ааза? — нетерпеливо спросил я.

— Вы ведь знаете, что он арестован за убийство, не так ли?

— Слышал. Но не верю в это. Его можно назвать по-всякому, но только не убийцей.

— Есть довольно много улик, — пожал плечами Вильгельм. — Но скажите мне... Что это за вампирский прикид? Вы такой же вампир, как я — пентюх.

— Это долгая история. Давайте просто скажем, что я это принял за местную униформу.

— Ладно, оставим это, — усмехнулся Диспетчер. — Присаживайтесь... без всякого гонорара, конечно. У меня есть время и множество вопросов о других измерениях. Попробуем воспользоваться тем, что вы здесь, и обменяться информацией.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не вижу в этом ничего бросающего в дрожь!

М. Джексон

— Я действительно не понимаю, как это вы можете пить такое, — изрек я, глядя на бокал с кровью в руке Вильгельма.

— Забавно, — улыбнулся он в ответ. — Я собирался сказать то же самое. То есть вы же знаете, что сказал о воде В.К. Филдс*!

* Американский киноактер-комик с носом алкоголика.

— Нет. И что же?

— Ну-ка позвольте мне уточнить, — перебил Гвидо, прежде чем я успел получить какой-либо ответ. — Вы говорите, что ваша вампирская шатия на самом деле не пьет людскую кровь?

— О, некоторые пьют, — пожал плечами Диспетчер, — но это — благоприобретенный вкус вроде бифштекса по-татарски. Некоторые говорят, что это блюдо для гурманов, но я лично никогда его не выносил. Я в любую ночь предпочитаю недорогие домашние блюда.

Мы все сидели развалясь в кабинете Диспетчера, потягивая каждый свою выпивку и ведя весьма душевный разговор. Гвидо покинул свой пост у двери, и я, не желая впустую выкачивать свою резервную энергию, отбросил наши личины.

Диспетчер поиграл с телефонами, звоня то с одного, то с другого, а потом положил все трубки и объявил, что они у него «в руках» — любопытно, если учесть, что впервые за полчаса он не держал ни одной трубки.

Сам Вильгельм оказался бесценным источником информации и обладал просто ненасытным любопытством насчет иноизмеренческих дел.

— Как же тогда объяснить легенды о вампирах в других измерениях? — скептически поинтересовалась Маша.

Диспетчер состроил гримасу.

— Прежде всего вы должны понять, с кем вам приходится иметь дело. Большинство совершающих дорогие турпоездки за пределы Лимбо принадлежат к категории «золотой молодежи». Мы говорим о состоятельных бездельниках... а это то же, что скучающие искатели острых ощущений. Трудяги вроде меня не могут позволить себе оторваться от своей работы на столь долгий срок. Черт, мне едва удается выкроить две недели в году. Так или иначе, нас в разных измерениях значительно больше, чем вы можете себе представить. Просто многие предпочитают держаться в тени и сливаться с массой туземцев. Они довольствуются кровью домашней живности, почти как и у нас здесь, дома. Проблемы бывают с другими.

Как и в любой группе туристов, всегда найдутся такие, что считают себя в другом измерении или городе свободными от всяких правил и приличий... включая элементарные манеры и хороший вкус. Именно они и становятся рассадниками всех бед, заставляя местных вооружаться против «кровососущих чудовищ». Если это вас утешит, знайте, что вы, человеки, и сами пользуетесь здесь, на Лимбо, дурной славой.

Это привлекло мое внимание.

— Вы не могли бы разъяснить это последнее поподробней, Вильгельм? Какие могут быть у местных проблемы с нами?

Диспетчер рассмеялся.

— Да те же, что и у вас, человеков, с вампирами. Хотя человеки отнюдь не главная причина смерти вампиров, точно так же как вампиры — не главная причина смерти человеков, но это, безусловно, одна из наиболее широко освещаемых и сенсационных возможностей отправиться к праотцам.

— Вот почему первые встреченные нами местные и рванули прочь, как летучие мыши из ада... извиняюсь за выражение, — высказалась Маша.

— Именно так. Думаю, вы еще увидите, что граждане Блута прореагируют при встрече с вами точно так же, как и вы, если бы наткнулись на вампира в своем родном измерении.

— Я что-то не заметил, чтобы вы особенно нас испугались, — с подозрением сказал Гвидо.

— Одно из немногих преимуществ моей работы. Изучая несколько лет по мониторам другие измерения, поневоле порядком пресытишься видом демонов. Насколько я могу судить, большинство из них ничуть не лучше некоторых личностей, каких у нас и здесь хватает.

Все это было очень интересно, но я начинал немного нервничать по поводу нашей миссии.

— Раз вы знаете, что не все мы злодеи и не занимаемся охотой на вампиров, то почему бы вам не сообщить о передряге, в какую угодил Ааз? Вы можете чем-то нам помочь?

— Не знаю, — задумчиво потер челюсть Диспетчер. — Пока я не выяснил, кто он, я был готов поверить, что он виновен по всем статьям. Против него страшно много улик.

— Каких, к примеру? — поднажал я.

— Ну, его поймали с осиновым колом и молотком в руках, и двое очевидцев засвидетельствовали, что они видели, как он убил одного из наших граждан и развеял его прах по ветру.

— Минуточку. Вы хотите сказать, что его взяли без corpus delicti*? — выпрямился на своем стуле Гвидо. — Извините, что перебиваю, босс, но теперь вы играете на моем поле. Уж в этом-то я немного разбираюсь. Нельзя пойти под суд за убийство без трупа, понимаете, что я имею в виду?

— Там, откуда вы родом, возможно, и так, — возразил Вильгельм, — но когда имеешь дело с вампирами, все обстоит совсем иначе. Если бы у нас *было* тело или даже просто кучка праха, мы бы его мигом оживили. В том-то все и дело, что тела *нет*... вампира превратили в прах, а прах развеяли. Теперь уже ничего не поделаешь.

— Но если нет тела, то откуда же вам знать, что жертва вообще мертва? — спросил я.

— В том-то и загвоздка, — согласился Вильгельм. — Но в данном случае есть свидетельство двух очевидцев.

— Двух, да? — задумчиво пробормотала Маша. — У вас случайно нет описания этих двух глазастиков?

— Сам их видел. Они оба демоны, как и вы. Одна — молодая девушка, белокурая, с невинной внешностью. А другой — весьма подлый на вид парень. На самом-то деле именно она и убедила нас в этой истории. Ему, я думаю, никто бы не поверил, даже если бы он сказал, что вервольфы** покрыты шерстью.

У меня екнуло сердце. Мне очень бы хотелось, чтобы девушка, предупредившая нас о грозившей Аазу опасности,

* «тело преступления», поличное (*лат.*).

** От англ. werewolf — оборотень.

оказалась каким-то образом невинной свидетельницей происходящего. Теперь же все выглядело так, словно...

— Описания кажутся знакомыми, а, шеф? Все еще думаешь, будто мы с Гвидо впадаем в паранойю, говоря, что все это подстроено? Похоже, они наклепали на твоего партнера, а потом вернулись еще и за тобой — для полного комплекта.

Я избегал ее взгляда, упорно рассматривая настенные мониторы.

— Может, есть и другое объяснение.

Моя ученица резко рассмеялась.

— Если оно есть, мне до смерти хочется услышать его. Надо считаться с фактами, шеф, — это дело явно дурно пахнет. Если они за такое короткое время умудрились так подставить зеленого и чешуйчатого, то представляешь, какую ловушку они расставят для нас теперь, когда у них было время подготовиться, *прежде чем* пригласить тебя в гости.

Я подумал, что, когда сам был учеником, никогда так много не пререкался. Мне также пришло в голову, что теперь понятно, почему Ааз так сердился в тех редких случаях, когда я высказывал свое мнение... и в еще более редких случаях, когда я оказывался прав.

— По-моему, я не все уловил в этом разговоре, — нахмурился Вильгельм. — Вам что, знакомы эти свидетели?

Маша принялась вводить Диспетчера в курс дела, а Гвидо порыкивал контрапунктом к теме. На сей раз я с радостью предоставил им возможность высказаться. Это дало мне время собрать свои рассеянные мысли и попытаться сформулировать план действий. Когда они закончили, я все еще не очень продвинулся к обеим целям.

— Должен признать, в свете этих новых сведений дело мне представляется немного подозрительным, — задумчиво проговорил вампир.

— Немного подозрительным! — фыркнула Маша. — Да оно фальшивей улыбающегося девола!

— Вот что я вам скажу, — начал Гвидо, — дайте нам пообщаться всего несколько минут наедине с этими вашими свидетелями, и мы вытрясем из них правду.

— Боюсь, это будет трудновато, — отвечал Диспетчер, глядя в потолок. — Видите ли, их уже какое-то время нигде нет. Исчезли сразу же после суда.

— Суда? — вскинулся я, бросив всякие усилия собраться с мыслями. — Вы хотите сказать, что суд уже состоялся?

Вампир кивнул.

— Совершенно верно. Незачем и говорить, что вашего друга признали виновным.

— И почему это у меня такое ощущение, что ему не дали условного приговора ввиду первого правонарушения? — проворчал себе под нос Гвидо.

— По правде говоря, его казнят в конце недели, — вздохнул Вильгельм.

Это сообщение выбросило меня из кресла и заставило расхаживать взад-вперед по комнате.

— Мы должны что-то сделать, — зачем-то сказал я. — Как, Вильгельм? Вы можете нам хоть чем-то помочь? Есть хотя бы шанс отменить вердикт или по крайней мере задержать казнь?

— Боюсь, что нет. Одни только свидетели, подтверждающие репутацию обвиняемого, ничего не изменят, а что касается новых улик, то имеются лишь ваши показания против показаний свидетелей обвинения, а вы уже признали, что подзащитный — ваш друг. Разумеется, я вам верю, но другие заподозрят, что вы придумаете любую байку, лишь бы спасти своего партнера.

— Но вы *лично* можете нам помочь?

— Нет, не могу, — отвернулся вампир. — Вы все, кажется, действительно милые ребята, а ваш друг, возможно, просто совершенство, но мне здесь жить и работать со здешними жителями. Если я выступлю на стороне пришлых, поправ юридическую систему города, то вся моя карьера пойдет прахом,

независимо от того, прав я или нет. Это некрасиво и мне не нравится, но так уж обстоят дела.

— Мы могли бы устроить такое, что вам и вовсе пришлось бы не по душе! — мрачно произнес Гвидо, сунув руку за пазуху.

— Прекрати, Гвидо, — приказал я. — Не будем забывать об *уже* оказанной Вильгельмом помощи. Она намного больше, чем мы ожидали получить, когда впервые вступили в это измерение, и поэтому незачем делать врагом нашего единственного здешнего друга. Ясно?

Телохранитель снова погрузился в кресло, бурча что-то, чего я, к своей радости, не расслышал, но рука его вылезла из-под пальто пустой и оставалась на виду.

— Так что же нам теперь делать, шеф? — вздохнула Маша.

— Единственное, что я могу придумать, это попытаться отыскать этих свидетелей до дня казни, — сказал я. — Но ума не приложу, как взяться за розыски, не натравив на себя полгорода.

— На самом-то деле нам нужна ищейка, — проворчал Гвидо.

— Слушайте, а ведь это неплохая мысль! — воскликнул, оживившись, Вильгельм. — Возможно, я все-таки сумею вам помочь!

— У вас есть ищейка? — поднял брови телохранитель.

— Еще лучше, — провозгласил вампир. — Не понимаю, почему я раньше об этом не подумал. Вам нужно связаться с Ав-Авторами.

Я внимательно изучил его, пытаясь понять, не является ли сказанное какой-то шуткой.

— Ав-Авторами? — повторил наконец я.

— Ну, мы в Блуте называем их за глаза именно так. На самом-то деле это команда вервольфов, состоящая из мужа и жены, и они ведут большую кампанию в поддержку человеков.

— Вервольфы, — осторожно повторил я.

— Разумеется. У нас здесь, на Лимбо, есть всякие. В любом случае, если в этом измерении кто и согласится рискнуть ради вас головой, так это они. Они занимаются своим делом, и им в общем-то плевать, что об этом думают другие местные. Кроме того, когда речь идет о вынюхивании следа, с вервольфами никто не сравнится.

— Вервольфы.

Вильгельм с любопытством посмотрел на меня, чуть склонив голову набок.

— Мне мерещится, Скив, или вы это уже только что произносили?

— Больше того, — сладко улыбнулась Маша, — он, вероятно, скажет и еще раз. Это просится к повторению.

— Вервольфы, — снова произнес я, просто чтобы поддержать мою ученицу.

— Босс, — начал Гвидо, — мне не хочется этого говорить, но никто ничего не говорил о вервольфах, когда мы...

— Вот и хорошо, — грубо перебил я. — Тебе не хочется этого говорить, а мне не хочется этого слышать. Ну, раз мы достигли соглашения, давай просто опустим это и...

— Но, босс! Не можем же мы впрячься в одну упряжку с вервольфами.

— Гвидо, это мы уже проехали. Мы в тяжелом положении *и* в незнакомом измерении. Стало быть, не можем позволить себе быть поразборчивей в выборе союзников.

— Вы не понимаете, босс. У меня на них аллергия!

Я погрузился в кресло и закрыл лицо руками.

— Я думал, у тебя аллергия на чеснок, — промычал я сквозь пальцы.

— Это тоже, — подтвердил мой телохранитель, — но больше всего у меня аллергия на все мохнатое и волосатое вроде котят, или меховых пальто, или...

— ...или вервольфов, — закончила за него Маша. — Честно говоря, мрачный зануда, просто удивительно, как тебе удавалось эффективно функционировать все эти годы.

— Эй, такое выпадает не так уж часто, понимаешь, что я имею в виду? — возразил, защищаясь, Гвидо. — На *тебя* нападало хоть когда-нибудь что-то волосатое?

— Не так уж часто, как мне бы хотелось! — плотоядно усмехнулась Маша.

— Хватит веселиться, — приказал я, подняв голову. — Гвидо, ты что, действительно общался с вервольфом?

— Ну, нет, но...

— Тогда, пока не узнаем наверняка, будем считать, что у тебя *нет* на них аллергии. Идет? Вильгельм, где именно нам найти этих ваших Ав-Авторов?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сперва давай решим, кто ведет, а кого ведут.

Ф. Астер

— Босс, а где, собственно, этот Покипси*?

Я гадал, все ли телохранители тратят большую часть своего времени на жалобы, или это только мне так повезло.

— Слушай, Гвидо. Ты там был и слышал те же указания, что и я. Если Вильгельм прав, то до него осталось всего лишь пара миль.

— «...Глухой спальный район, годный только для тех, кому претит темп жизни большого города», — процитировала Маша, довольно точно подражая голосу вампира.

Гвидо грубо засмеялся.

— И почему это у меня такое ощущение, что ты, Маша, относишься к Вильгельму без особой теплоты? — подавил я собственную усмешку.

— Наверное, потому, что он единственный встреченный нами парень, к которому она не клеилась? — предположил Гвидо.

* Университетский городок на реке Гудзон, выше Нью-Йорка.

Маша показала ему язык и скосила глаза, прежде чем ответить мне.

— О, Вильгельм молодец, — сказала она. — Довольно приятный, к тому же... ну, во всяком случае, не дурак. И он признал, что вампиры больше любят города и вечеринки, в то время как вервольфы предпочитают атмосферу сельской жизни, назад к природе и т.п. Просто мне не нравится эта затея, вот и все. Я, знаешь ли, выросла на ферме. И моим нынешним панорамным телосложением я во многом обязана сельским завтракам. Кроме того, что-то подсказывает мне: не стоит доверять улыбающемуся вампиру... или по крайней мере не стоит чересчур доверять ему.

Я собирался упомянуть о том, что тоже вырос на ферме, но оставил эти сведения при себе. Деревенская пища явно не особенно повлияла на мое телосложение, и мне не хотелось лишать ученицу удобного оправдания.

— Если бы он хотел причинить нам вред, ему требовалось бы всего-навсего настучать на нас, пока мы еще находились в городе, — заметил я. — Давайте просто принимать все за чистую монету и считать его действительно таким милым, каким он кажется... ради нашего общего душевного спокойствия.

Желал бы я быть и в самом деле таким уверенным, каким казался. Мы забрались далеко в захолустье, и если Вильгельм хотел отправить нас гоняться за призрачной химерой, то не мог бы выбрать для этого лучшего направления.

— Да, но я бы чувствовал себя куда спокойнее, если бы за нами не было хвоста, — пробурчал Гвидо.

Я встал как вкопанный. Так же как и Маша. Телохранитель просто врезался в нас, прежде чем сам остановился.

— Что такое, босс? Что-нибудь не так?

— С минуту назад мне вроде бы послышалось, как ты сказал, что за нами кто-то следует.

— Да. С тех самых пор, как мы вышли от Диспетчера. А почему... вы хотите сказать, что ничего не знали?

Я удержался от порыва придушить его.

— Нет, Гвидо. Не знал. Видишь ли, мой телохранитель мне не сообщил. Он был слишком занят жалобами на дорожные условия, чтобы найти время упомянуть о такой несущественной мелочи, что за нами слежка.

Затрясшись, Гвидо отступил на несколько шагов.

— Эй! Бросьте, босс. Не надо. Я думал, вы в курсе! Честно. Кто бы там за нами ни топал, они не очень-то здорово скрывают, что идут по нашему следу. Любой идиот мог бы заметить... я имею в виду...

— Продолжай, мрачный зануда, — подтолкнула его Маша. — На случай, если ты не заметил, ты с каждым словом закапываешь себя все глубже и глубже.

Огромным усилием воли я вновь взял себя в руки и сказал:

— Как бы там ни было, полагаю, ты совершенно не представляешь, кто это?

— Нет. Их только один человек. Если они не...

Голос его смолк, и он внезапно стал выглядеть встревоженным.

— Выкладывай, Гвидо. Если они не что?

— Ну, иной раз, когда выслеживаешь кого-то *действительно* по-хитрому, то выставляешь вперед одного увальня, чтобы его заметили, в то время как своего настоящего асаликвидатора держишь невидимым. Раньше я об этом как-то не подумал. Этот индюк позади нас может быть подсадным, понимаете, что я имею в виду?

— Я думала, подсадными бывают утки, а не индюки, — нахмурилась Маша.

— Ну, если тебя это утешит, то, коли дело обстоит именно так, тогда неподвижные, как в тире, утки сейчас *мы*.

— Вы не могли бы просто помолчать несколько минут и дать мне подумать?

Мне вдруг стало невтерпеж слушать их обмен шуточками.

— Ну, возможно, все не так уж плохо, — произнес с сомнением в голосе Гвидо. — Я, в общем, уверен, что заметил бы бригаду поддержки, будь она там.

— О, разумеется, — фыркнула Маша. — Выходящую из города, полного вампиров, способных в любой момент раствориться в тумане. Конечно, ты бы их заметил.

— Послушай, босс может пилить меня сколько влезет, но я не обязан терпеть это от тебя. Ты даже индюка-то не приметила, забыла?

— Единственный индюк, какого я вижу, это...

— Хватит! — приказал я, приняв решение, несмотря на отсутствие содействия с их стороны. — Мы должны выяснить наверняка, кто за нами идет и чего им надо. Это место не хуже любого другого, и поэтому я предлагаю всем затаиться в кустах и ждать, когда наш хвост догонит нас... Нет, Маша. Я буду здесь с Гвидо. А ты располагайся по другую сторону дороги.

Эта часть моего плана скорее имела отношение не к военной стратегии, а к усилиям сберечь хотя бы остатки нервов. Я считал разделение этой парочки единственным способом заткнуть им рты.

— Сожалею, босс, — шепнул мне Гвидо, когда мы притаились бок о бок в кустах. — Я все забываю, что вы не столь сведущи в уголовщине, как те ребята, с какими приходится иметь дело мне.

Я оказался прав лишь наполовину. Маша-то по другую сторону дороги сидела тихо, но вот покуда у Гвидо было с кем поговорить, он собирался и дальше выражать свои мысли и мнения вслух. Я начал понимать, почему в присутствии телохранителей Дон Брюс настаивал на своем праве говорить исключительно самому. Поощрение сотрудников высказываться на равных определенно имело свои недостатки.

— Нельзя ли потише? — попробовал я урезонить его еще раз. — Это же вроде бы засада.

— Об этом не беспокойтесь, босс. Пройдет еще какое-то время, прежде чем они нас нагонят, а когда это произойдет, я услышу их раньше...

— Это ты, Скив?

Голос донесся из темноты лишь чуть дальше по дороге.

Я бросил на Гвидо самый сумрачный свой взгляд, и он в ответ, оправдываясь, пожал плечами, что, по-моему, выглядело не особенно искренне.

И тут до меня дошло, где я прежде слышал этот голос.

— Точно, здесь, — отозвался я, поднимаясь из согнутого положения и выходя на дорогу. — Мы тебя ждали. Думаю, нам самое время немного поболтать.

Мало того что я этими словами скрыл свое замешательство в связи с таким лихим разоблачением, их можно было счесть наиболее удачной моей остротой за довольно долгий срок. Когда я видел эту особу в последний раз, она предупреждала меня об аресте Ааза.

— Хорошо. — Она шагнула мне навстречу. — Именно поэтому я и последовала за вами. Надеялась, что мы сможем...

Ее слова внезапно оборвались, когда из-за кустов поднялись и двинулись к нам Гвидо и Маша.

— Ну и ну, смотрите-ка, кто у нас тут, — сверкнула одной из своих менее приятных усмешек Маша.

— Так это ты, птичка, насвистела вампирам? — плотоядно ухмыльнулся Гвидо, соревнуясь с угрожающим тоном моей ученицы.

Девушка наградила их испепеляющим взглядом, а затем снова повернулась ко мне.

— Я надеялась, что мы сможем поговорить наедине. Мне нужно многое сказать, и у меня мало времени. Разговор пойдет быстрее, если нас не будут перебивать.

— Не выйдет, любезная, — зарычал Гвидо. — Я не собираюсь выпускать босса из поля зрения, пока ты рядом.

— Мне бы тоже хотелось сказать тебе кое-что, — добавила Маша. — Например, какого я мнения о тех, кто предпочитает заниматься грязными делами.

Глаза девушки ни на миг не отрывались от моих. При всей ее браваде мне показалось, что я заметил в глубине их мольбу о помощи.

— Пожалуйста, — тихо проговорила она.

В душе у меня произошла короткая схватка, и, как обычно, здравый смысл проиграл.

— Ладно.

— ЧТО? Бросьте, босс. Не можете же вы позволить ей оказаться наедине с вами! Если рядом ее корешки...

— Шеф, даже если мне придется сесть на тебя верхом, ты не...

— Послушайте. — Я оторвал глаза от девушки и обратился к своим взбунтовавшимся сотрудникам. — Мы всего лишь пройдем по дороге несколько шагов вперед, у вас на виду. Если что-нибудь случится, вы сможете подскочить прежде, чем стрясется что-то серьезное.

— Но...

— И вы же не думаете, что *она* может на меня напасть. Я хочу сказать, ведь при ней наверняка нет никакого скрытого оружия.

Это был факт. С тех пор как мы виделись в последний раз, она переоделась в иной наряд, вероятно, для большего соответствия экзотическим одеяниям обожающих костюмированные балы вампиров. Она носила нечто, именуемое, как я слышал, «танк-топ», оставляющее ее живот и пупок восхитительно открытыми, и юбку с разрезами до пояса (если можно назвать два куска ткани юбкой), показывавшую ее ножки куда выше бедер. Будь при ней оружие, она его могла только проглотить. Либо так, либо...

Я не без усилий над собой вернулся к нашей дискуссии.

— Ясно, что перед толпой она говорить не будет. Так вот, могу я выслушать другую точку зрения на происходящее, или мы будем и дальше тыкаться вслепую, подвергая опасности жизнь Ааза?

Мои сотрудники умолкли и переглянулись, боясь оказаться жертвой моего гнева.

— Ну ладно, — согласилась наконец Маша. — Но будь поосторожней, шеф. Помни, яд может подаваться и в красивых сосудах.

И вот так, под неусыпным наблюдением своих помощников, я отошел на несколько шагов дальше по дороге, чтобы поговорить наедине с...

— Слушай, а как тебя, собственно, звать?

— Хм-м-м? О, Луанна. Спасибо за поддержку. Вокруг тебя ошивается весьма грозная на вид команда. Я слышала о твоих спутниках, но совсем не представляла, какие они опасные.

— О, если их узнать поближе, они очень даже ничего. Если работаешь с ними изо дня в день, то быстро выясняется, что они... черт, да никто из нас на самом-то деле не столь уж опасен или могуществен, какими нас подает молва.

Я вдруг ощутил на себе ее взгляд. На лице у нее появилось странное выражение... своего рода горькая полуулыбка.

— Я всегда слышала, что *действительно* могущественные люди склонны преуменьшать свои возможности, что им не надо похваляться. До этой минуты я никогда по-настоящему в это не верила.

Я действительно не знал, что и сказать. Я имею в виду, что в самом деле был широко известен и начинал привыкать к тому, что на Базаре меня узнают и много говорят обо мне, но в ее ко мне отношении не чувствовалось ни страха, ни зависти. Среди моих близких друзей и восхищение, и похвала тщательно камуфлировались грубоватым юмором или поддразниванием. Столкнувшись с незамутненным выражением этих чувств, я растерялся, не зная, как ответить.

— М-гм-м-м, так о чем ты хотела поговорить со мной?

Лицо у нее вытянулось, и она опустила глаза.

— Мне очень неловко. Пожалуйста, будь терпелив со мной, Скив... ничего, что я называю тебя так? У меня нет большого опыта в извинениях... черт, у меня вообще мало опыта общения с людьми. Только с партнерами и лохами. И теперь, когда я здесь, я действительно не знаю, что и сказать.

— Почему бы нам не начать сначала? — Я хотел помочь ей избавиться от скованности. — Вы действительно надули деволов на Базаре?

Луанна, не поднимая глаз, медленно кивнула.

— Именно этим мы и занимаемся. Я и Мэтт. К тому же мы постоянно в бегах. Я даже думаю, что убегаем мы куда лучше, чем жульничаем. Может быть, если бы мы лучше умели проворачивать аферы, нам не пришлось бы так много бегать.

Ее слова ударили по мне, словно обмотанный тряпьем молот. Мне очень хотелось услышать, что она невиновна и что все это сплошная ошибка. Я хочу сказать, что она была такой хорошенькой, такой милой, что я мог головой ручаться за ее невиновность, и все же она сама открыто призналась мне в своей вине.

— Но почему? — сумел наконец выговорить я. — То есть как ты вообще втянулась в жульничество?

Ее мягкие плечи поднялись и беспомощно упали.

— Не знаю. Когда Мэтт впервые объяснил мне свою затею, это показалось хорошей идеей. Мне до смерти хотелось убраться с фермы, но я не умела зарабатывать на жизнь ничем, кроме работы на ферме... пока Мэтт не объяснил мне, как легко добывать у людей деньги, играя на их жадности. «Обещай им что-нибудь за здорово живешь, — говорил он, — или за такую малость, что они подумают, будто это *они* надувают *тебя*». Когда он все излагал в таком духе, дело казалось почти безобидным. Надо было просто оказаться умнее тех, кто задумал обмануть тебя...

— ...и продавать магические предметы без признаков магии, — закончил я за нее. — Скажи мне, а почему вы просто не занялись магической торговлей по-настоящему?

Она подняла голову, и я заметил в ее печальных синих глазах быструю вспышку огня.

— Мы не знали никакой магии, и поэтому нам приходилось ее подделывать. Тебе этого, вероятно, не понять, ведь ты — неподдельный мастер-маг. Я это поняла, когда впервые увидела тебя в Поссилтуме. Мы собирались обманом добиться места придворного мага, пока не появился ты и не блеснул перед

короной образчиком настоящей магии. Даже Мэтту пришлось признать, что нас превзошли в мастерстве, и мы слиняли, не дожидаясь, пока нас попросят показать, на что мы способны. Думаю, именно тогда я и...

Она оборвала фразу, бросив на меня виноватый взгляд, словно собиралась сказать что-то такое, чего ей говорить не следовало.

— Продолжай, — проговорил я с обостренным любопытством.

— Да в общем-то это все, — поспешно сказала она. — Теперь твоя очередь. Я рассказала тебе свою историю, и ты теперь, возможно, будешь не против моего вопроса о том, как ты сам начал заниматься магией.

Я задумался. Мое детство ведь тоже прошло на ферме. Однако я оттуда сбежал, надеясь поискать счастья в качестве умелого вора, и лишь случайная встреча с моим прежним учителем Гаркином, а потом и с Аазом, переориентировала мои карьерные цели на магию. Задним числом мои мотивы представлялись ничем не лучше, чем у нее, но именно сейчас мне и не хотелось признаваться в этом. Мне в некотором роде нравилось, как она смотрела на меня, пребывая в убеждении, будто я образец благородства и исключительности.

— Повесть эта слишком долгая, чтобы пускаться в нее именно сейчас, — ответил я довольно грубо. — Мне хотелось бы услышать от тебя еще несколько ответов. Как получилось, что вы использовали наш дом в качестве пути бегства с Девы?

— О, это Вик придумал. Мы столкнулись с ним как раз перед тем, как начать свою аферу на Базаре. Когда дело запахло жареным, он сказал, что знает ход в измерение, за которым никто не будет наблюдать. Мы с Мэттом даже понятия не имели, что это твой дом, пока ваш швейцар не спросил, не к тебе ли мы пришли. Мэтт так боялся с тобой связываться, что хотел уже все переиграть и найти другой выход, но Вик показал нам дверь, и все представилось нам таким легким, что мы просто ему подыграли.

— Конечно, вам не пришло в голову, что мы увязнем в попытках вернуть вас назад.

— Уж поверь, нам это в голову приходило. Я хочу сказать, мы не думали, что вам *навяжут* эту обязанность. Мы ожидали, что ты взбесишься на нас за то, что мы впутали тебя в это дело, и кинешься за нами сам. Вик не переставал твердить, что нам незачем тревожиться, что, если ты найдешь нас здесь, на Лимбо, он сможет устроить так, что тебе не удастся забрать нас обратно. Я и не знала, что он задумал подставить твоего партнера.

Я попытался утешиться этим, но не получилось.

— Я вижу то, что, даже выяснив, что Ааза подставили, ты все же и тут внесла свою лепту.

— Ну... я не хотела, но Вик не переставал твердить, что если вы двое такие доки, как все говорят, то твой партнер сам выберется из тюрьмы. Мы считали, что он сбежит до казни, а раз целое измерение будет охотиться за ним, как за беглым убийцей, то он будет слишком занят своим бегством домой и не станет отвлекаться на охоту за нами.

Я начал уже *жаждать* встретиться с этим Виком. Мне также пришло в голову, что из всех потенциальных бед, навлеченных на нас нашей же растущей известностью, такой мы никак не ожидали.

— И ты ему поверила?

Луанна состроила гримасу, а затем пожала плечами.

— Ну... считается, что ты способен на самое невероятное, и я не хочу, чтобы ты думал, будто я не верю в твои способности, но я так встревожилась, что решила ускользнуть и рассказать тебе о последних событиях... просто на всякий случай.

Было почти забавно, что она извинялась за предупреждение нас об опасности. Почти, но не вполне. В голове у меня не переставала крутиться мысль о том, что могло бы случиться, если бы она таки не усомнилась в моих способностях.

— Полагаю, единственный оставшийся у меня вопрос должен быть о том, кто же этот гражданин, которого Ааз якобы убил?

— Разве тебе никто не передал? — моргнула она. — Это Вик. Он из этого измерения... ну, знаешь, вампир. Так или иначе, он затаился, пока все это дело не разрешится тем или иным образом. По-моему, даже Мэтт не знает, где он прячется. Вампиры обычно подозрительны, а после того, как я ускользнула в первый раз, он стал с нами и того осторожней. Он просто заскакивает время от времени посмотреть, как у нас дела.

Теперь я точно *знал*, что хочу встретиться с нашим другом Виком. Если мне повезет, я встречусь с ним раньше Ааза.

— Я очень тебе благодарен, что ты уведомила меня об этой беде. А теперь, если ты просто вернешься с нами в Блут и объяснишь все властям, моя благодарность будет полной.

Луанна дернулась, словно я ткнул ее булавкой.

— Минутку! Разве я говорила что-нибудь о явке к властям? Я не могу этого сделать! Это было бы предательством *моих* партнеров. Я не хочу зла ни тебе, ни твоим друзьям, но не могу же я пожертвовать ради их спасения своими.

Честный мошенник и нелеп, и раздражает. Ааз часто указывал мне на это, когда какой-нибудь принцип в моей этике не позволял мне согласиться с одним из его замыслов, и теперь я начинал понимать, что он имел в виду.

— Но тогда почему же ты здесь?

— Я хотела предупредить тебя. Вик предполагал, что ты можешь отправиться на Лимбо за своим партнером, и расставил на этот случай западню. Если он прав, то, я думала, тебе следует знать о грозящей опасности. Я прикинула, что если ты придешь, то заглянешь к Диспетчеру, и поэтому подождала там и, когда вы появились, последовала за вами. Я просто хотела тебя предупредить, вот и все. Предупредить и...

Она снова опустила глаза и понизила голос до такого уровня, что я еле-еле ее слышал.

— ...мне хотелось увидеть тебя опять. Я знаю, это глупо, но...

Как ни лестно это звучало, на сей раз ее слова не произвели на меня впечатления.

— Да, разумеется, — перебил я. — Ты настолько интересовалась мной, что готова была состряпать ложное обвинение моего партнера в убийстве, просто чтобы иметь возможность оценить мой ответный ход.

— Я уже объяснила тебе это, — горячо сказала она, шагая вперед и кладя ладонь мне на руку.

Я в раздражении глядел на ее руку, пока она ее не убрала.

— Ну, — притихшим голосом произнесла она. — Я вижу, мне больше нечего сказать. Но, Скив? Обещай мне, что ты не последуешь за мной, когда я уйду? Ни ты, ни твои друзья. Я и так очень рисковала, разыскивая тебя. Пожалуйста, не заставляй меня пожалеть об этом.

На долгий миг я уставился на нее, затем отвел взгляд и кивнул.

— Я знаю, что разочаровала тебя, Скив, — донесся ее голос, — но я не могу пойти против своих партнеров. Разве тебе никогда не приходилось делать ради партнера такое, что тебе не нравится?

Это замечание задело за живое... болезненно.

— Да, приходилось. — Я с трудом втянул в себя воздух. — Извини, Луанна. Просто я тревожусь за Ааза. И вот еще что. В знак того, что мы не держим друг на друга обиды, подари мне какой-нибудь сувенир, а? Что-нибудь напоминающее о тебе, пока мы снова не встретимся?

Она поколебалась, а затем вытащила откуда-то из своего наряда тонкий как паутинка шарф. Подойдя поближе, она сунула его мне в тунику, а потом поднялась на цыпочки и нежно меня поцеловала.

— Спасибо, что попросил об этом, — сказала она. — Даже если для тебя это ровным счетом ничего не значит, все равно приятно, что ты попросил.

И с этими словами она повернулась и убежала по дороге в темноту.

Я уставился ей вслед.

— Ты позволяешь ей уйти?

Внезапно рядом со мной выросла Маша, а сбоку от нее Гвидо.

— Бросьте, босс. Мы должны ее догнать. Она — пропуск из камеры смертников для вашего партнера. Куда она направилась?

— На встречу со своими сообщниками по преступлению, — ответил я. — Включая одного удивительно живого парня по имени Вик... удивительно, поскольку именно его-то Ааз якобы и убил.

— Значит, мы можем поймать их всех вместе. Неплохая перспектива, шеф. Ладно, давай последуем за ней и...

— Нет!

— Почему нет?

— Потому что я ей обещал.

Наступила мертвая тишина, покуда мои помощники переваривали эту информацию.

— Значит, она уходит, а зеленый и чешуйчатый умирает, так, что ли?

— Ты продаешь своего партнера из-за телки? Должно быть, поцелуй этот был еще тот.

Я медленно повернулся лицом к ним, и они, подавив свой гнев, сразу смолкли.

— А теперь слушайте повнимательнее, — спокойно произнес я, — потому что повторять я не собираюсь. Если бы мы попытались выследить через нее их укрытие, она бы нас заметила и отправила гоняться за химерой. Тогда пиши пропало, мы бы их никогда не догнали... а нам нужен этот так называемый труп. Думаю, одни лишь ее свидетельские показания не изменят вердикт.

— Но, босс, если мы дадим ей уйти...

— Мы их найдем, — отрезал я. — Если мы не пустимся за ней по пятам, она направится прямиком к своим партнерам.

— Но как же мы...

В ответ я вытащил из туники шарф Луанны.

— К счастью, она оказалась так любезна, что обеспечила нас кое-чем, что поможет успешной деятельности обещанного вервольфа.

Гвидо хлопнул меня по спине так сильно, что чуть не сшиб с ног.

— Вот это дело, босс! — гаркнул он. — А я уж было решил, что вы меня надули. Я думал, эта цыпочка действительно вас охмурила.

Я поднял взгляд и увидел, что Маша смотрит на меня с подозрением.

— Это *был* тот еще поцелуй, шеф, — сказала она. — Не будь я уверена в ином, я бы подумала, что эта юная особа просто втюрилась в тебя... а ты этим воспользовался.

Отведя от нее глаза, я обнаружил, что снова гляжу на дорогу.

— Как недавно сказала мне одна мудрая женщина, — произнес я, — иногда ради партнера приходится делать такое, что тебе не нравится... А теперь пошли поищем этих Ав-Авторов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мы с моими коллегами считаем, что эти независимые — как в «Волшебном поиске» — настоящие овцы в волчьих шкурах!*

С. Ли

Ав-Авторы оказались куда более симпатичными, чем я смел надеяться, что и к лучшему, так как созданные мною личины вервольфов относились к одним из самых ненадежных моих творений. У Гвидо и впрямь, как он и опасался, обнаружилась аллергия на вервольфов (он начал чихать за

* Название популярной видеоигры.

сто ярдов от их дома), и его оставили ждать за дверью, но даже попытки поддерживать только две личины оказались в этом бедном энергией измерении непосильным для моих способностей напряжением. Я попробовал снизить расход энергии, сведя перемены к минимуму, но сумел лишь сделать их невероятно неубедительными, хотя мои помощники заверили меня в успехе. Что ни говори, но, можете мне поверить, торчащие уши еще не создают волка.

Вы, возможно, гадаете, зачем я вообще утруждал себя созданием личин? Ну, честно говоря, мы начинали немного нервничать. Все, с кем или о ком мы общались в этом измерении, казались такими *милыми!* Мы все время ждали подвоха. Все наши разговоры и дискуссии о возможных ловушках сделали нас такими дергаными, что мы пребывали теперь в убеждении, что где-то затаился обман, и ломали голову над одним вопросом: когда и кто нас предаст?

С такими вот мыслями мы решили, что лучше всего будет попробовать выдать себя за вервольфов, пока точно не убедимся, что Ав-Авторы хорошо расположены к человекам, как говорил Вильгельм. По нашей теории, если они окажутся иными, личины, возможно, дадут нам шанс убраться восвояси, прежде чем откроется наша истинная природа. Единственная закавыка в нашем плане заключалась в том, что я никогда в жизни не видел ни одного вервольфа и поэтому работал не только при дефиците энергии, но и без уверенности, на что должен походить конечный результат. Как оказалось, мои квалифицированные советники тоже этого не знали.

И здесь вы можете спросить, откуда я знаю, что личины никуда не годились, если ни я, ни мои помощники не ведали, как выглядит вервольф? Очень просто. Я выяснил это, едва взглянув на настоящих вервольфов. И вдобавок мне сообщили об этом сами Ав-Авторы. Разве я не сказал вам, что они оказались отличными ребятами? Конечно, они заставили нас немного попотеть, прежде чем признались, что сразу раскусили в нас плохо замаскированных человеков, но я лично

склонен приписать это их своеобразному чувству юмора. А вот Маша упорно усматривала в таком розыгрыше откровенный садизм. Конечно, именно ей ведь пришлось съесть кость, прежде чем они сознались в шутке.

Так или иначе, я говорил об Ав-Авторах. Встреча была интересна тем, что мне никогда раньше не доводилось видеть в действии команду «муж—жена» (мои родители не в счет). Самым близким к этому явлению была наблюдаемая мною команда «брат—сестра» Тананды и Корреша, но те при разговорах меж собой тратили большую часть времени на попытки «переплюнуть» друг друга. Ав-Авторы, кажется, наоборот, поочередно разыгрывали роли «ненормальный партнер—нормальный партнер». Они не спрашивали моего мнения, но мне думается, она лучше играла ненормального, чем он. Он же так здорово разыгрывал нормального, что, когда переходил в режим «психа», это всегда оказывалось сюрпризом.

— Ну в самом деле, дорогая, — говорила Иднова Маше, — разве вам не хотелось бы сменить эту нелепую личину на что-нибудь поудобнее? Вервольфиха всего с двумя грудями выглядит глупо.

— Иднова, — строго сказал ей муж, — ты заставляешь гостей чувствовать себя неловко. Не все обсуждают свои тела столь непринужденно, как ты.

— Во мне говорит художник, — парировала она. — И кроме того, Драсир, кто предложил ей съесть кость, да притом старую? Был бы ты чуточку совестливее, отправляясь за покупками, так не натаскивал бы в дом всяких объедков!..

— О, не беспокойся обо мне, волосатый и роскошный, — гладко перебила Маша, впадая в свою роль «вамп». — Обсуждение моего тела нисколько меня не беспокоит, лишь бы мы получили равное время на разговор о твоем. Мне всегда нравились мужчины с обилием волос на лице, если ты улавливаешь мой намек.

Я заметил, что уши Идновы прижались на миг к голове, прежде чем вернуться в свое нормальное положение торчком.

Хотя это могло быть всего-навсего нервным тиком, мне пришло в голову, что если мы намерены просить помощи у этой пары, то, возможно, будет не слишком мудро раздувать, возможно, тлеющие угли ревности.

— Скажите мне, пожалуйста, — поспешно вмешался я, стремясь увести тему разговора подальше от явного Машиного восхищения Драсиром, — что побудило вас начать кампанию в поддержку отношений между человеками и вервольфами?

— Ну, многое, — ответил Драсир, впадая в лекторскую манеру, с которой я успел уже так хорошо познакомиться. — Мне думается, прежде всего надо помнить, что дурная репутация человеков страшно преувеличена. На самом-то деле существует очень мало документированных свидетельств, подтверждающих легенды о дурном поведении человеков. Вервольфы часто склонны забывать, что при надлежащих условиях мы сами превращаемся в человеков. Большинство из нас боятся или стыдятся этого и прячутся, пока такой период не минует, но мы с Идновой — нет. Скорее наоборот, мы в общем-то хватаемся за всякую возможность выйти к широкой общественности и дать публике привыкнуть к виду безвредных человеков в ее среде. Хотя, говоря строго между нами, по-моему, Иднова любит это делать потому, что народ до смерти пугается, неожиданно столкнувшись с человеком. На случай, если вы этого не заметили, моя жена склонна к эксгибиционизму. Для меня же это просто достойное дело, которым слишком долго никто не занимался.

— Есть еще один момент, о котором мой муж забыл упомянуть, — ехидно вставила Иднова, — и состоит он в том, что это дело приносит немало денег.

— Неужели? — спросил я.

Работа с Аазом научила меня замечать выгодные возможности там, где их никто не видел, но на этот раз мне не удалось взглянуть на дело под таким углом.

— Из нашей кампании удается извлечь... м-гм-м... определенный доход, — выдавил из себя Драсир, бросив сумрач-

ный взгляд на жену. — Футболки, наклейки на бамперы, графические миниатюры, членские взносы фэн-клуба, поздравительные открытки и календари — вот вам лишь несколько примеров. Работа эта грязная, но кто-то ведь должен ею заниматься. Однако чтобы у вас не сложилось обо мне неправильное впечатление, позвольте мне заметить, что данное дело я поддерживаю потому, что *действительно* считаю его правым. Есть уйма других способов делать деньги.

— И он знает их все. Не правда ли, дорогой? — улыбнулась Иднова.

— В самом деле? — с энтузиазмом перебил я. — Вы не против перечислить несколько? Можно мне записать?

— Прежде чем ты увлечешься, Девятый Вал, — предупредила Маша, — вспомни-ка, зачем мы сюда явились.

— О! Верно! Спасибо, Маша. Я на миг... Верно!

Мне потребовалось несколько секунд для направления мыслей по новому руслу. Хотя тренировки Ааза помогли мне выпутаться из многих передряг и, в общем, способствовали улучшению моего уровня жизни, но у них имелись, к несчастью, некоторые побочные эффекты.

Вернув свои мысли на верный путь, я быстро ознакомил вервольфов с нашей проблемой. В подробности я не вдавался, потому что мне уже надоело повторять все с самого начала, да и, кроме того, у меня вовсе не было желания выпячивать неблаговидную роль во всем этом Луанны. И все же моя повесть, кажется, совершенно заворожила Ав-Авторов, и они внимательно слушали, пока я не закончил.

— Ну и ну, вы действительно попали в переделку, — проговорила Иднова, когда я наконец остановился. — Если мы можем чем-нибудь помочь...

— Не можем, — твердо уведомил нас Драсир. — У тебя вообще вышли все сроки, Иднова, а у меня в этом месяце еще три выступления... не говоря уж об ответах на письма, скопившиеся за последние две недели, когда я был в отъезде.

— Драсир... — произнесла Иднова, растягивая его имя.

— Не смотри на меня так, дорогая, — возразил ее муж еще прежде, чем она успела привести свои доводы, — и голову набок тоже не склоняй. Знаешь ведь, о чем я говорю. Вспомни, именно *ты* без конца повторяешь, что нам надо уделять больше времени нашей работе.

— Я имела в виду сократить твои личные выступления, — возразила Иднова. — Кроме того, это важно.

— Мы просто тогда ничего не успеем. Я не меньше твоего сочувствую их проблеме, но мы не можем позволить беде с одной маленькой группой человеков помешать нашей работе в крупном масштабе.

— Но ведь именно *ты* утверждал, что сроки не самое главное...

Она внезапно оборвала фразу и задергала ушами, уставившись на мужа.

— Минутку. Всякий раз, когда ты заводишь речь о «крупных масштабах» и «грандиозных кампаниях»... Что, наш банковский счет опять резко уменьшился?

Драсир отвел глаза и неловко засучил ногами.

— Ну, я собирался тебе сказать, но боялся, что это отвлечет тебя от работы...

— Ладно. Разберемся, — прорычала его жена, и шерсть у нее на загривке слегка поднялась. — И во что же ты вложил наши деньги на этот раз?

Я вдруг почувствовал себя очень неуютно. Наша маленькая беседа, похоже, переходила в семейную ссору, при которой, по моему мнению, нам совершенно незачем было присутствовать. Маша явно разделяла мое мнение.

— Ну, если вы не можете нам помочь, тут и делу конец, — поднялась она на ноги. — Никаких проблем. Услуга не услуга, если приходится уговаривать кого-то ее оказать. Пошли, шеф. Мы зря теряем и свое, и *их* время.

Хотя я отчасти с ней и согласился, но что-то побудило меня сделать еще одну, последнюю попытку.

— Не так быстро, Маша, Драсир прав. Время — деньги. Возможно, мы сумеем организовать кое-какой гонорар в компенсацию за потраченное ради нас время. Тогда это будет не услуга, а бизнес. Давай считаться с фактами, в этом деле нам *действительно* нужна их помощь. Наши шансы найти этого Вика самостоятельно крайне ничтожны.

Если бы Ааз услышал, как я признаю, насколько сильно мы нуждаемся в их помощи, *до* определения суммы гонорара, его наверняка хватил бы кондрашка, но эта реакция — ничто по сравнению с тем, как восприняли мое предложение Ав-Авторы.

— Что вы сказали? — насторожился Драсир, прижав уши к голове и подымаясь на четвереньки.

— Я сказал, что, возможно, вы поможете нам, если мы предложим вам плату, — повторил я, слегка отступая. — Я не хотел вас оскорбить...

— Деньгами Драсира не оскорбишь, — оборвала меня его жена. — Он имел в виду, что вы сказали о Вике?

— Разве я ранее не упоминал про него? — нахмурился я. — Это тот самый вампир, которого Ааз якобы...

Внезапно на стропилах у нас над головами раздалось громкое хлопанье, словно кто-то шумно тряс газетой, спугивая со стола кошку. Это подействовало... но не на кошку (думается, вервольфы такой не держали), а на нас с Машей.

Моя ученица бухнулась на пол, прикрыв голову руками, в то время как я, более привычный к внезапным опасностям и более подвижный и гибкий, нырнул под кофейный столик.

К тому времени, когда мы оправились от паники... извиняюсь, от последствий наших хитрых оборонительных маневров, было уже не на что смотреть, кроме исчезающего в передней двери неясного силуэта с огромными крыльями.

— Это уж целиком твоя забота, дорогая, — твердо сказал Драсир, стоя, несмотря ни на что, прямо и неподвижно.

— Брось, милый, — взмолилась его жена. — Ты же объясняешь все куда лучше меня. Ведь это тебе приходится помогать мне, когда дело доходит до бесед.

— Это умение я отшлифовал именно на тех личных выступлениях, которые ты так критикуешь, — огрызнулся он.

— *Кто-нибудь* скажет мне, что происходит? — поинтересовался я куда более громким тоном, чем обычно, когда нахожусь у кого-то в гостях.

Прежде чем я получил ответ, дверь снова резко распахнулась, начисто уничтожив то немногое, что еще оставалось от моей нервной системы.

— Эй, босс! Вы ви-ви... ч-что...

— Выйди, Гвидо! — приказал я, радуясь возможности накричать на кого-то, не чувствуя себя виноватым. — Вытри нос... и у меня все *прекрасно*, спасибо! Рад, что ты спросил.

К тому времени, когда телохранитель, спотыкаясь, вывалился за дверь, наполовину уткнувшись лицом в платок, я, в общем, сумел обрести самообладание.

— Извините, что нас прервали, — как можно небрежней обронил я. — Но мой коллега таки поднял интересный вопрос. Что это *было?*

— Монстр? — предположила Маша.

Очевидно, у нее с самообладанием было немного лучше моего.

— *Это*, — свысока отвечал Драсир, едва поспев удержать меня от порыва взять мою ученицу за горло, — был Вик... один из странных друзей-художников моей жены, внезапно свалившийся к нам на постой. И, если я не ошибся в своих догадках, тот самый разыскиваемый вами преступник, подставивший вашего партнера.

— На самом-то деле он никогда не был моим другом, — вставила притихшим голосом Иднова. — Он всего лишь приятель одного моего знакомого. Непонятые художники склонны держаться вместе и обходить стороной шумные районы. Он всего лишь еще один неудачник, нуждавшийся в благотворительности и...

— ...и летящий сейчас к своему сообщнику с новостями о том, что мы идем по их следу, — с гримасой закончил я.

— А разве не правильней сказать «к сообщникам», во множественном числе? — мягко спросила Маша.

Я проигнорировал ее вопрос.

— Ах, Драсир, — сказала Иднова, — теперь мы обязаны им помочь. Только так мы сможем искупить вину за предоставление убежища тому самому типу, которого они пытаются найти.

— Если мне позволительно заметить, — ответил ее муж, — мы едва знакомы с этими людьми. На самом-то деле мы вовсе не обязаны им чего бы то ни было объяснять, не говоря уже об оказании помощи. Кроме того, тебе все еще надо думать о сроках и...

— Драсир! — перебила его Иднова. — Возможно, спать в старой конуре, пока я тружусь, поспевая к сроку, покажется тебе слишком одиноко, если улавливаешь мой намек.

— Ну-ну, дорогая, — успокоил жену Драсир, придвигаясь к ней бочком, — прежде чем выходить из себя, выслушай меня. Я обдумал это дело, и, по-моему, у нас есть способ им помочь, не посягая на наши расписания. Я имею в виду, что у нас есть один друг... проживающий к северу отсюда... он временно дожидается следующего задания, и работа ему не помешает. Я уверен, он согласится провести для них небольшое выслеживание за малую долю того гонорара, какой требуем за ту же службу мы.

Он явно говорил намеками, как это бывает, когда партнеры вынуждены общаться или обмениваться идеями при посторонних, так как я из его слов ровным счетом ничего не понял, но у Идновы его слова сразу же вызвали определенную реакцию.

— Ах, Драсир! — взволнованно воскликнула она, всякие следы ее недавнего гнева пропали. — Это идеально! И он будет просто *в восторге* от Маши.

— Тогда возникает еще вопрос, сможем ли мы вовремя доставить его сюда, — сказал ее муж. — И я, конечно же, хотел бы получить процент в качестве гонорара нашедшему...

— ЧТО? — воскликнул я.

— Согласна, — твердо произнесла Иднова. — Гонорар нашедшему совершенно...

— Нет! Я не об этом! Что вы сказали насчет того, что, возможно, времени не хватит? Я думал, казнь назначена на конец недели!

— Совершенно верно, — подтвердил Драсир. — Но конец недели — завтра. Вашего друга намечено казнить ровно в полночь.

— Пошли, Маша, — скомандовал я, направляясь к двери. — Мы отправляемся обратно в Блут.

— Для чего? — спросила она. — Что мы можем сделать без следопыта?

— Мы пытались действовать по-хорошему, и у нас не получилось, — мрачно ответил я. — Теперь мы поступим по-другому. Ты жаждала действия, ученица? Хочешь помочь мне устроить побег из тюрьмы?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

А чем плохо совершить иной раз небольшое безвредное преступление?

М. Блэйз

— Но я же вам говорю, босс, побег из тюрьмы — дрянное дело. Раз вы работаете всего лишь на половинной тяге, в смысле магии, то невозможно сказать, что может выйти не так, и тогда...

— Прежде чем мы разберемся со всем, что может выйти не так, Гвидо, — сказал я, пытаясь извлечь из разговора что-то конструктивное, — ты не мог бы поделиться со мной опытом по части того, насколько трудно вытащить кого-то из тюрьмы? Или тебе тоже никогда не приходилось этим заниматься?

— Конечно, я помогал в нескольких побегах, — гордо вытягиваясь, провозгласил телохранитель. — Я принимал участие в организации *трех* побегов. Я член Синдиката, черт возьми! За кого вы меня принимаете в самом-то деле?

Героическим усилием я удержался от искушения ответить на этот его риторический вопрос.

— Отлично. Так как насчет некоторых ценных указаний? Я организую побег впервые и хочу, чтобы все прошло как по маслу.

Я вполне приготовился выслушать длинную лекцию, но вместо того, чтобы взяться за тему, Гвидо заметно поскучнел.

— М-гм-м... на самом-то деле, босс, я думаю, вам не все мои планы подойдут. Видите ли, все три побега провалились. Ни один из них не сработал, а в двух операциях погибли те самые парни, которых мы пытались спасти. Вот потому-то я и знаю, какое это дрянное дело — побег из тюрьмы, понимаете, что я имею в виду?

— О, великолепно! Просто великолепно! Скажите мне, господин телохранитель, вы с вашими аллергиями и послужным списком побегов со счетом три—ноль в пользу тюрьмы сделали когда-нибудь для Синдиката хоть *что-то* удачное?

Сзади на мое плечо упала мягкая рука.

— Эй, полегче, Девятый Вал, — тихо посоветовала Маша, — я знаю, ты тревожишься за своего партнера, но не вымещай это на Гвидо... да и на мне тоже, если уж на то пошло. Возможно, мы и не асы, но мы здесь и пытаемся по мере сил помочь, когда оба могли бы с таким же успехом вернуться на Базар. Ты в достаточно скверном положении, чтобы воевать еще и со своими же союзниками.

Я начал было огрызаться, но вовремя остановился. Вместо этого я медленно, с трудом втянул в себя воздух и не менее долго выпускал его. Она была права. Нервы у меня так натянуты — того и гляди лопнут... что будет для меня заслуженным наказанием за неумение следовать собственным советам.

Мы теперь скрывались от чужих глаз у Диспетчера, в единственном месте, подходящем, на мой взгляд, для городской оперативной базы, и как только мы туда прибыли, я настоял на том, чтобы Маша и Гвидо немного соснули. Мы бегали, не присев, с тех самых пор, как ступили на Лимбо, и моим войскам требовалось хорошенько отдохнуть, прежде чем мы попытаемся вызволить Ааза. Конечно же, едва успев убедить их в необходимости поспать, сам я тут же забыл про собственную мудрость и провел все это время в размышлениях.

Оправдывал я свое безрассудство тем, что мне нужно было некоторое дополнительное время для спокойной перезарядки моих внутренних батарей, дабы имеющийся в моем распоряжении минимум магии был готов для наших усилий. В действительности же я просто изводил себя тревогами. Хотя с тех пор, как я столкнулся с Аазом, мне доводилось участвовать в нескольких уголовно наказуемых деяниях, но все они планировались либо Аазом, либо Танандой. Теперь мне впервые приходилось самому руководить операцией, а ставки были высоки. От моего успешного дебюта зависело будущее не только Ааза, но и Маши с Гвидо, а уровень моей уверенности постоянно находился на низкой отметке. После долгих раздумий я решил проглотить свою гордость и опереться на опыт Гвидо. Вот потому-то для меня и стало таким тяжелым ударом открытие, что он знает об успешных побегах из тюрьмы еще меньше моего.

— Извини, Гвидо, — сказал я, пытаясь дать своим мыслям новое направление. — Полагаю, я устал больше, чем мне казалось. Я не хотел набрасываться на тебя.

— Не беспокойтесь, босс, — усмехнулся телохранитель. — Я этого ожидал. Все крупные деятели, с которыми я работал, становятся довольно раздражительными, когда обстановка накаляется. То, что вы разозлились, это только к лучшему, просто то что надо для начала операции. Раньше меня именно ваше спокойствие и бесило. Я не был уверен, относитесь ли вы к этому делу всерьез или же просто не понимаете, с каким

сильным противником нам предстоит иметь дело. А теперь, когда вы ведете себя нормально для такой ситуации, я чувствую себя намного лучше и смотрю на конечный исход с куда большим оптимизмом.

Восхитительно! Именно теперь, когда я в тупике, наш вечный пессимист считает, что дела идут великолепно.

— Ладно, — потер я пальцем лоб. — У нас мало сведений, а те, что есть, неважные. По словам Вильгельма, Ааза держат в самой надежной камере, какая у них есть, на верхнем этаже самой высокой башни в городе. Если мы попытаемся забрать его изнутри, то нам придется либо одурачить, либо одолеть всех охранников по пути наверх *и* вниз. Для меня это означает, что нам лучше всего рассчитывать на освобождение его извне.

Мои помощники энергично закивали, и лица их засветились энтузиазмом, словно я сказал нечто поразительно умное и оригинальное.

— Так вот, поскольку мои способности невелики, мне думается, я не смогу пролевитировать так высоко *и* расколоть камеру. Маша, в твоей коллекции украшений есть что-нибудь, способное заменить веревку и альпинистские крючья?

— Н-нет, — запинаясь, произнесла она, что меня удивило, так как обычно у нее на кончике языка вертелся полный список опасных побрякушек.

— Я видел моток веревки, висевший за дверью, — подал голос Гвидо.

— Я тоже его заметил, — признался я. — Но он чересчур короток. Придется нам просто воспользоваться для подъема к камере моими способностями и придумать, как открыть окно.

— М-гм-м... тебе не понадобится этого делать, Девятый Вал, — со вздохом сказала Маша. — У меня есть кое-что, чем мы можем воспользоваться.

— Что именно?

— Пояс, увешанный всем моим снаряжением. Это левитационный пояс. Управление не больно надежное, но он должен доставить нас к вершине башни.

Я поглядел на ученицу, вскинув бровь.

— Минутку, Маша. Почему же ты не упомянула об этом, когда я спросил?

Она быстро отвела взгляд.

— Ты спрашивал не о поясе. Только о веревке и альпинистских крючьях.

— С каких это пор мне нужно задавать тебе точные вопросы... или, если уж на то пошло, любые вопросы для получения от тебя необходимых сведений?

— Ладно, — вздохнула она. — Если тебе действительно хочется знать, то я надеялась, что мы сможем найти какой-то способ сделать то же самое, не прибегая к поясу.

— Почему?

— Он меня смущает.

— Он что?

— Смущает меня. Я глупо выгляжу, плавая в воздухе. Для тощих парней вроде тебя и Гвидо это пустяки, но когда такое пробую проделать я, то выгляжу словно дирижабль. Для полноты картины мне не хватает только одного — вытатуированного на боку плаката «С Новым годом!».

Я закрыл глаза, стараясь сосредоточиться только на том, что я устал и мне не следует вымещать свою усталость на друзьях. То, что Маша беспокоилась о своей внешности, в то время как я пытался выдумать способ вытащить нас всех живыми из этой передряги, это на самом-то деле не повод для бешенства. Это скорее... лестно! Вот именно! Она настолько уверена в моих способностях, что нашла время подумать о внешности! Конечно, возможность не оправдать такое доверие пустила меня по новому кругу беспокойства. Чудесно.

— Вы в порядке, босс?

— Хм-м-м? Да. Разумеется, Гвидо. Ладно. Значит, Маша подлетает к окну, что дает нам с тобой возможность спокойно...

— Погоди, шеф, — подняла руку Маша. — Думаю, мне лучше объяснить насчет пояса чуть поподробнее. Я купила его по случаю на дешевой распродаже, и с управлением у него не совсем в порядке.

— Как так?

— Ну, кнопка «подъем» работает отлично, но «высота» ненадежна, и поэтому никогда нет уверенности, удастся ли вообще подняться и как высоко получится взлететь. Однако настоящая беда с кнопкой «спуск». Всякий эффект убывания по конусу напрочь отсутствует, и поэтому она то работает, то нет.

Я никогда особенно не владел техническим жаргоном, но в полетах кое-что понимал и поэтому почти уловил нить ее рассуждений.

— Дай мне посмотреть, правильно ли я понял, — сказал я. — Когда ты взлетаешь, то не уверена, сколько у тебя тяги, а когда приземляешься...

— ...то посадка не из мягких, — закончила она за меня. — Как правило, приходится падать с той высоты, на какую поднялась.

— Я мало разбираюсь в этой магии, — сухо заметил Гвидо, — но она кажется не такой уж надежной. Зачем ты вообще пользуешься таким снаряжением?

— Я им не пользуюсь... по крайней мере для полетов, — уточнила Маша. — Помнишь, я говорила, что, по-моему, выгляжу в полете глупо? Я просто его ношу как обычный пояс... ну, знаешь, как у Бэтмена? Он, в общем, довольно красивый, да и не так-то легко найти пояс моего размера.

— Как бы там ни было, — вклинился я в их обсуждение мод, — нам придется сегодня вечером воспользоваться им для взлета к камере, даже если понадобится сварганить какую-то балластную систему. Теперь нам нужно всего лишь придумать, как открыть окно камеры, и составить план побега. Гвидо, мне приходит в голову, что ты, возможно, кое-чему научился на своем опыте, даже если те побеги *были* неудачными. Я имею в виду, что отрицательные примеры могут быть не менее поучительными, чем положительные. Поэтому скажи, что, на твой взгляд, не сработало в тех прежних планах?

Телохранитель наморщил лоб, погрузившись в непривычный для него мыслительный процесс.

— Не знаю, босс. Кажется, сколько ни планируй, все равно всегда подвертывается что-то непредвиденное. Если бы мне потребовалось найти нашим неудачам какую-то одну причину, то я бы назвал... излишнее планирование. Я имею в виду, что после нескольких недель инструктажа и тренировок становишься чересчур уверенным в своих силах, и поэтому когда что-то выходит не так, то просто теряешься, понимаете, что я имею в виду?

Как мы ни нервничали, это рассмешило и меня, и Машу.

— Ну, уж это нам не грозит, — хмыкнул я. — У нас *всегда* отводится минимум времени на планирование, а уж эту операцию нам придется спланировать за какие-то несколько часов.

— Если вы прождете еще несколько часов, то до операции дело не дойдет, — сказал Вильгельм, входя в наш зал совещаний как раз на моем последнем замечании.

— Что бы это значило? — проворчала Маша.

— Слушайте, а вы *уверены*, что не морочите мне голову? — спросил вампир, игнорируя мою ученицу. — Я тут подумал, что знаю обо всем этом только с ваших слов... что Вик по-прежнему жив и все такое. Если вы злоупотребляете моей добротой, чтобы втянуть меня во что-то незаконное...

— Он жив, — заверил я его. — Я сам видел его после того, как мы были здесь в последний раз... но вы не ответили на вопрос. Что, вы сказали, произойдет, если мы потратим несколько часов на планирование побега?

Диспетчер пожал плечами.

— Полагаю, вы, ребята, знаете, что делаете, и мне следует помалкивать в тряпочку, но я начинаю немного тревожиться. Я имею в виду, ведь уже начинается закат, и если вы намерены действовать до казни, то лучше это не откладывать.

— Как это? — нахмурился я. — Казнь назначена на полночь. Я рассчитывал немного подождать, пока стемнеет и город немного поутихнет.

— Шутите? — дернулся вампир; брови у него взлетели к самым волосам. — Ведь именно тогда... о, понял. Вы по-

прежнему мыслите категориями вашего измерения. Вы должны... м-гм, возможно, вам лучше присесть, Скив.

— Выкладывайте, — снова потер я лоб. — Что я проглядел теперь? Даже без сигареты и завязанных глаз я предпочитаю выслушивать плохие новости стоя.

— Ну, вы должны помнить, что находитесь в городе вампиров. Закат для нас — все равно что ваш рассвет. Именно тогда-то вся деловая жизнь и разворачивается, а вовсе не наоборот! Это означает...

— ...что ровно в полночь наступает самый час пик, и чем дольше мы ждем, тем больше будет народу на улицах, — закончил я, пытаясь сдержать стон.

Коль скоро мне указали на основную ошибку, я и сам смог додумать остальное... со всеми ужасающими последствиями. Пытаясь подавить собственный страх, я повернулся к помощникам.

— Ладно, войско. Мы отправляемся. Гвидо, бери веревку, которую ты приметил. Она может нам понадобиться.

Глаза телохранителя расширились от изумления.

— Вы хотите сказать, что мы выходим на операцию тотчас же? Но, босс! Мы же не спланировали...

— Э, Гвидо, — усмехнулся я почти глубокомысленно. — Это ведь ты сказал, что беда именно в чрезмерном планировании. Ну, если ты прав, то это будет самый успешный побег в истории!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Неплохая тюрьма. С виду прочная.
Г. Гудини

Вильгельм оказался прав в одном. На улицах толпилось куда меньше народу, чем во время наших путешествий там после заката. Иногда нам попадались навстречу немногочисленные горожане, по большей части развозившие това-

ры или подметавшие тротуары перед своими лавками до открытия. Улицы выглядели точь-в-точь как в любом городе, готовящемся к будничным делам, если не считать отсутствия освещения... и еще, конечно, красные глаза прохожих.

Под покровом света мы пробирались по городу...

Совершенно верно. Я сказал «под покровом света». Учусь на собственных ошибках. В других измерениях мы, избегая быть замеченными или узнанными, шли бы «под покровом темноты». А здесь мы шли «под покровом света». Не смейтесь. Это сработало.

Так или иначе, когда мы пробирались по улицам Блута, мое внимание было главным образом сосредоточено на маршруте бегства. Вызволением Ааза из тюрьмы я займусь, когда мы туда доберемся. А в данную минуту меня беспокоило, что мы будем делать, вытащив его... знаю, это самонадеянность, но у меня было так мало оптимизма, что я цеплялся за малую его толику руками и ногами.

Внешне наша троица достаточно походила на вампиров, чтобы избежать пристрастной проверки. Однако мы никак не смогли бы выдать за туземца моего зеленого и чешуйчатого партнера без заклинания личины, а мне не хотелось надеяться на остатки магической энергии после освобождения Ааза. И поэтому я постоянно вытягивал шею, заглядывая в боковые улочки и переулки, надеясь найти малолюдный маршрут, которым мы сможем вывести нашего бедолагу из города, не обратив в погоню за собой все население. К тому времени, когда мы добрались до своей цели, я был вполне уверен, что смогу привести нас обратно к Диспетчеру тем же маршрутом, каким мы пришли, и *абсолютно* уверен, что если попробую повести команду задворками, то мы совершенно и безнадежно заблудимся.

— Ну, босс. Вот она. Думаете, мы сможем ее взять?

Думаю, Гвидо на самом-то деле не ожидал ответа. Он говорил, просто чтобы прервать молчание, навалившееся на нас, когда мы стояли, глядя на цель своего путешествия.

Здание тюрьмы было строением внушительным, с толстыми каменными стенами и угловой башней, уткнувшейся едва видной верхушкой в небо. Судя по всему, мы не смогли бы сделать на нем вмятину даже пушкой... если бы у нас была пушка. Я привык к палаткам Базара и довольно ветхой архитектуре Пента. Хотя я постепенно преодолевал благоговейный страх перед строениями, преобладающими здесь, в Блуте, это местечко меня испугало. Я видывал менее прочные на вид горы!

— Ну, уж одно-то определенно ясно, — начал я почти неслышно.

— Что именно?

— Пялясь на нее, не сделаешь ее более хрупкой.

Никто из помощников не посмеялся моей шутке, впрочем, так же как и я.

Отгоняя дурное предчувствие, я повернулся к сотрудникам.

— Ладно, Гвидо. Оставайся здесь внизу и сторожи. Маша? Как думаешь, этот твой пояс сможет поднять двоих? Пора мне подняться наверх и хорошенько осмотреть эту неприступную камеру.

Моя ученица нервно провела языком по губам и пожала плечами.

— Не знаю, шеф. Я тебя предупреждала, что управление этой штукой работает неважно. Насколько я знаю, он может унести нас на орбиту.

Я похлопал ее по плечу, как надеялся — успокаивающе.

— Ну, давай попробуем и выясним.

Она кивнула, обхватила меня одной рукой поперек груди, а другой принялась перебирать самоцветы на пряжке пояса.

Вспыхнула искра света, но кроме этого — ничего.

— Горючего не хватает, — пробурчала она про себя.

— Так включай поскорей, — поторопил я ее.

Даже учитывая, что вампиры склонны избегать света, мы бы обязательно привлекли внимание, если бы еще хоть немно-

го задержались на уровне земли, светясь наподобие рождественской елки.

— Скрести пальцы, — мрачно предложила она и снова коснулась самоцветов.

Свет усилился, и мы начали быстро подниматься... даже чересчур быстро.

— Осторожней, босс! — закричал Гвидо и схватил меня за ноги, когда мы пролетали мимо него.

Это остановило наш взлет... ну, почти. Вместо того чтобы ракетой взмыть в ночь, мы поднимались медленно, почти незаметно.

— Получилось, Девятый Вал! — воскликнула Маша, хватая меня теперь обеими руками. — Хотя балласта немного больше, чем я рассчитывала.

Я было подумал, не велеть ли Гвидо отпустить мои ноги, но отверг эту мысль. Если он их отпустит, то мы, несомненно, вернемся к прежней скорости... и хотя многие на Базаре поговаривали о моем стремительном взлете, я предпочел бы оставить это выражение фигуральным. К тому же приходилось учитывать и одну мелкую деталь — мы уже находились на такой высоте, где для Гвидо будет опасно падать обратно на улицу. Да, ну и помимо этого — его сжатые в мертвой хватке руки.

— Не говори, дай я сам угадаю, — крикнул я ему. — У тебя еще и акрофобия*?

Развернувшийся под нами вид Блута был действительно захватывающим. Действительно! Мою жизнь в эти дни настолько переполняли кризисы и опасности, что такая ерунда, как разглядывание зданий с высоты птичьего полета, не особенно-то могла поразить мое воображение, но даже у меня захватило дух от рассматривания вблизи крутых стен, украшенных каменными тварями. И все же пока я не почувствовал, как ногти Гвидо впились мне в лодыжки, мне и в голову

* страх высоты.

не приходило, что подобные вещи могут расстроить такого крутого и тертого парня, как Гвидо.

— Нет. Я ничего не имею против этого зверья, — нервно ответил он. — Меня пугает высота.

Я оставил эти слова без внимания. Меня занимало изучение башни, видимой с высоты куда яснее. Если эта часть здания чем и отличалась на вид от нижней, то только еще большей прочностью. Мое внимание, однако, привлекла одна особенность. Вершина башни, та часть, где, как я полагал, находилась камера Ааза, имела вид большой драконьей головы. Ожидаемое мной окно оказалось на поверку пастью чудовища, а зубы служили прутьями решетки.

Мне следовало предвидеть что-нибудь в этом роде, учитывая изобилие каменных зверей на всех других зданиях города. И все же это стало некоторым сюрпризом... но приятным сюрпризом. Я-то пытался придумать способ сорвать железные решетки, но каменные зубы могли поддаться чуточку легче. Возможно, если Ааз возьмется за них изнутри, а мы будем работать снаружи, то сможем расковырять строительный раствор и...

Я вдруг сообразил, что мы вот-вот очутимся на одном уровне с камерой... а несколько мгновений спустя — минуем ее! Если нам не удастся прервать наш мерный подъем, и как можно быстрее, то у нас хватит времени лишь перекинуться с Аазом несколькими торопливыми словечками, прежде чем мы расстанемся навеки. Так как время быстро истекало, я заметался в поисках решения. Стена находилась слишком далеко, за нее было не ухватиться, а вес наш никак не увеличить, если не...

Когда Ааз в первый раз учил меня летать, он объяснил мне процесс полета как «левитацию наоборот». То есть вместо поднимания предметов с помощью мысли ты отталкиваешься от земли и поднимаешь самого себя. Сфокусировав свой резерв магической энергии, я использовал малую его толику, пытаясь *лететь* наоборот. Вместо того чтобы оттолкнуться вверх, я оттолкнулся вниз!

Ладно. Допустим, я дошел до отчаяния. При кризисе я готов пуститься на что угодно, на любую глупость. К счастью, эта глупая идея сработала!

Наш подъем замедлился и прекратился, так что я завис на уровне драконьей пасти.

Пытаясь не показывать своей радости, я повысил голос.

— Эй, Ааз! Когда часы свиданий?

Какой-то миг не было никакого ответа, и меня внезапно охватил страх, что мы висим в сотне футов над землей перед пустой камерой. Затем в окне появилась легко узнаваемая и неповторимая физиономия моего партнера.

— Скив? — недоверчиво произнес он. — Скив! Что ты там делаешь?

— О, мы просто пролетали мимо и подумали, что неплохо было бы заскочить, — ответил я самым что ни на есть беспечным тоном. — Прослышали, что у тебя небольшие неприятности, и подумали, что нам лучше вытащить тебя, пока они не стали большими.

— Кто это мы? — спросил мой партнер, а затем уставился на моих помощников. — О нет! Неужели эти двое? Где Тананда и Корреш? Брось, Скив. Мне нужна спасательная команда, а ты приводишь цирковую труппу.

— Это самое лучшее, что я смог раздобыть наспех, — огрызнулся я, слегка обидевшись. — Тананда и Корреш еще не вернулись с задания, но я оставил им записку, попросив при первой же возможности догнать нас. Конечно, я не уверен, много ли помощи будет и от них. На тот случай, если ты недоумеваешь, почему я возношусь вверх с помощью ученицы вместо собственного свободного полета, отвечаю: в этом измерении силовые линии с исключительно невысокой отдачей энергии. И по-моему, мне просто повезло, что я привел с собой «этих двоих», вместо того чтобы оказаться в компании настоящих магов, слишком гордых, чтобы пользоваться подручными средствами. Именно благодаря «этим двоим» мне вообще удалось сюда добраться. Так, а теперь — нужна тебе

наша помощь, или ты предпочитаешь подождать, пока мимо проплывет следующая команда? Ты ведь никуда не торопишься, не так ли?

— Ну, не надо так горячиться, партнер, — успокаивающе проговорил Ааз. — Ты просто захватил меня врасплох, вот и все. Поэтому скажи мне, как именно ты думаешь вытащить меня отсюда?

Это живо вернуло меня на землю... или настолько близко к ней, насколько я мог быть, зависнув высоко в воздухе.

— М-гм-м-м... на самом-то деле, Ааз, я некоторым образом надеялся, что у *тебя* могут найтись какие-нибудь идеи по этой части. Это ты обычно разрабатываешь замечательные планы, когда требуется выкрутиться из сложных положений.

— А мне хочется знать, — прорычал, слегка покачиваясь на ветру, Гвидо, — как это ваш партнер сам не изобрел способа выбраться отсюда, если он такой умный?

Я хотел уж было сделать телохранителю выговор, но постепенно смысл его слов дошел до меня. Это был хороший вопрос! Ааз был силен... именно так — СИЛЕН! По всем правилам ему полагалось бы самому выдернуть из окна каменные зубы. Что же держало его здесь?

— О, я так тут развлекался, что просто не смог бы вынести расставания с тюрьмой, — рявкнул в ответ Ааз. — Я сижу здесь потому, что не могу выбраться, вот почему. И что еще важнее, если у кого-то из вас есть какие-то идеи насчет того, как меня вытащить, то, думаю, теперь самое подходящее время поделиться ими с остальными.

— Минутку, Ааз, — остановил его я. — *Почему* ты не можешь выбраться... и как вообще тебя сумели поймать?

— Меня подставили, — огрызнулся он, но я заметил, что пыл его заметно поугас.

— Это нам уже известно, — перебил его я. — А хочется мне знать, почему ты просто не расшиб несколько голов и не дунул домой? Раньше ты никогда особо не уважал местные власти.

К моему удивлению, Ааз, похоже, действительно смутился.

— Меня опоили, — проговорил он негодующим тоном. — Подсыпали что-то в стакан, и не успел я и глазом моргнуть, как оказался с молотком и осиновым колом в руках в помещении, битком набитом судейскими. Уж не знаю, что это была за дрянь, но они продержали меня в дурмане до конца суда... я имею в виду, что и ходить-то не мог по прямой, не говоря уже о том, чтобы внятно защищаться в суде, а потом я очутился *здесь!*

— Старый фокус с подмешиванием наркотика! — фыркнула, покачнув всю нашу связку, Маша. — Удивляюсь, как такой повидавший измерения тертый калач, как ты, мог попасться на откровенно банальный трюк.

— Да, меня это тоже удивило, — признался Ааз. — Я хочу сказать, что ведь этот фокус такой старый, ну кто бы в самом деле ожидал, что его могут применить?

— Только в случае, если у лоха больше бахвальства, чем ума, — презрительно фыркнул Гвидо.

— Вот как! — вскинулся мой партнер, готовый возобновить старую вражду. — Ну, когда я выберусь отсюда, мы с тобой...

— Эй, вы двое, прекратите, — приказал я. — Сейчас главная проблема в том, как нам всем выбраться отсюда, пока мы не взмыли вверх сигнальной ракетой... не обижайся, Маша. А теперь выкладывай, Ааз. Чего такого особенного в этой камере, что ты в ней так наглухо запечатан?

Мой партнер тяжело вздохнул.

— Посмотри на нее еще раз, Скив. *Внимательно* посмотри.

Я посмотрел. Она по-прежнему выглядела для меня такой же: вершиной башни в виде головы дракона.

— Да. Посмотрел. И?

— И вспомни, где мы находимся. Эту штуку построили с расчетом держать в ней преступников-*вампиров*. Ну, знаешь, существ сверхчеловеческой силы, умеющих превращаться в туман?

Мой взгляд метнулся обратно к голове дракона.

— Чего-то не пойму, — признался я. — Как же может удержать подобных существ какая-то каменная камера?

— Вот в том-то и вся суть, — скривился Ааз. — Каменная камера *не может!* Эта штука сделана из *живого* камня. Если кто-то сидящий в ней пытается вырваться, она проглатывает его. А если он пытается превратиться в туман, она вдыхает его.

— Ты хочешь сказать...

— Теперь картина тебе ясна.

Несмотря на очевидную подавленность, он сверкнул мне зубастой усмешкой.

— Эта камера — живая!

Пораженный этим откровением, я снова посмотрел на верхушку башни. Словно дождавшись нужной реплики, драконья голова открыла глаза и посмотрела на меня.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Для мастака и невозможное — пустяк!
Думбо

Парадоксально, но, к всеобщему удивлению, особенно к моему собственному, открытие истинной природы заточения Ааза вовсе меня не обескуражило. Скорее наоборот, я был даже доволен, по двум причинам. Во-первых, у меня сразу же возникла мысль, как справиться с этой проблемой, и, во-вторых, пришел я к ней раньше своего многомудрого партнера... ну, действительно раньше, так как он много дней ломал над этим голову, тогда как я получил исходную информацию только теперь. Конечно, его положение, вероятно, не позволяло ему в отличие от меня найти выполнимое решение.

— Что тут смешного? — возмутился он. — Объясните мне, потому что мне ваше веселье решительно непонятно.

Различие между мной и Аазом в трудной ситуации заключается в том, что я стараюсь сохранять дружелюбие, тогда как он впадает в ярость.

Если поразмыслить, он способен на все, *впадая* в ярость. Но по крайней мере в этом отношении он последователен.

— Вот скажи-ка, — поглядел я на голову дракона. — Ты говоришь, что эта штука живая. Насколько она живая?

— О, что значит «насколько она живая»? — нахмурился Ааз. — Она достаточно живая, чтобы меня проглотить, если это взбредет ей в голову. Для меня это — достаточно живая.

— Да, я имею в виду, может ли она видеть и слышать?

— Говоря откровенно, а кого, собственно, это волнует? — бросил мой партнер, демонстрируя во всем блеске свои обаяние и любознательность, придающие ему такое очарование. — Я не собирался назначать ей свидание.

Я задумчиво смотрел на зверя.

— Я вот подумал, услышит ли она меня... скажем, если я скажу, что, по-моему, она — самое некрасивое архитектурное украшение в городе?

Тут драконья голова, сощурив глаза, прожгла меня злым взглядом.

— По-моему, она вас слышит, босс, — нервно пожимая мне щиколотки, отозвался Гвидо. — Похоже, это последнее замечание ей не понравилось.

— Потрясающе, — проворчал Ааз. — Вот что я скажу тебе, партнер. Почему бы *тебе* не зайти сюда и не посидеть вместо меня на языке этой штуки, прежде чем ее сердить?

— Я просто испытывал ее, — улыбнулся я. — По правде говоря, по-моему, это самая удивительная штуковина, какую я видел с тех пор, как начал путешествовать по измерениям. А сказал я так просто для проверки ее реакции.

Дракон перестал прожигать меня взглядом, но выглядел по-прежнему подозрительным и настороженным.

— Ну, подыщи для проверки какие-нибудь другие реакции, — огрызнулся мой партнер. — Что-то я нынче немного

нервничаю, и каждый раз, когда эта штука шевелит языком, я старею на несколько веков.

Я оставил его ворчание без внимания и дрыгнул одной ногой.

— Эй, Гвидо! Ты еще следишь за происходящим внизу?

Его руки свирепо сжались.

— Конечно, слежу, малец... я имею в виду, да, босс. Мало чем еще можно заняться, пока мы тут висим, вот что я хотел сказать. И перестаньте дергать ногами... пожалуйста.

Я счел его оговорку довольно любопытной, но сейчас было не до выяснений.

— Ну так слушай, — сказал я. — Я хочу, чтобы ты сделал следующее: разожми одну руку и передай мне веревку...

— Ни в коем разе, босс! Вы видели, как далеко до земли? Я не разожму руки, что бы вы ни...

— ...потому что, если ты этого не сделаешь, — продолжал я, словно он меня не перебивал, — то я начну извиваться, пока либо ты не разожмешь обе руки, либо Маша не выпустит меня. В любом случае ты упадешь. Улавливаешь намек? А теперь не можешь ты хоть раз просто выполнить приказ без долгих пререканий? У нас на все про все не так уж много времени.

Воцарилось молчание, покуда пораженный Гвидо переваривал мой ультиматум и взвешивал возможности.

— Что это вы там придумали? — заволновался Ааз. — Почему кто-нибудь не объяснит мне, что здесь происходит? Если твой гениальный план зависит от этого, с позволения сказать, телохранителя, то можешь смело забыть о нем. Я все время тебе твердил, что он слишком труслив, чтобы на него можно было рассчитывать при...

— Это кто труслив?! — заорал Гвидо. — Слушай, ты, Длинный Язык, как только мы вытащим тебя оттуда, мы с тобой выясним это раз и...

— Сперва нам надо вытащить его, Гвидо, — прервал я их диалог. — Веревку!

— Верно, босс. Будет вам веревка. Посмотрим, кто из нас труслив. Последним человеком, назвавшим меня трусом, была моя мамуля, и к тому времени, когда я уже с ней разобрался...

Вся наша связка начала опасно раскачиваться, когда он зашарил одной рукой по пальто в поисках веревки. Я на минуту даже испугался, что он в ярости разожмет обе руки для ускорения поисков.

— Полегче, Гвидо, — предостерег я его. — Мы можем...

— Вот она, босс! — Он кинул веревку вверх с такой силой, что она чуть не полоснула меня по лицу. — Надеюсь, вы сможете применить ее по назначению — повесить этого сукина...

— Повесить мало! — поддразнил его Ааз. — Чтобы разделаться со мной, требуется нечто большее, чем кусок веревки.

— Да. Требуется девочка с синими глазками и выпивка с отравой, — презрительно фыркнул в ответ мой телохранитель. — Если ты думаешь, будто я позволю тебе забыть *этот* облом...

Усилием воли я проигнорировал их перебранку. Хоть меня так и подмывало выступить в защиту Луанны, надо было заняться другими, более срочными делами.

Двигаясь как можно осторожнее, я перекинул один конец вокруг Машиной талии. На это ушло две попытки и куда больше веревки, чем мне бы хотелось, но я сумел наконец поймать болтающийся конец и надежно его закрепить.

— Для чего веревка, шеф? — невозмутимо осведомилась Маша, единственная из всей нашей группы сумевшая при всем при этом не потерять хладнокровия.

— Ну, если все произойдет удачно, мы скоро направимся вниз... вместе с Аазом, — объяснил я. — Хоть я и знаю твою силу, думаю, даже твои руки не удержат всех троих при спуске. Это чтобы не потерять никого *после* того, как мы откроем камеру.

— Кстати, об этом, — вмешался Ааз. — Я все еще жду не дождусь услышать, как ты собираешься извлечь меня отсюда. Можно даже сказать, что я *до смерти* желаю это выяснить.

Желал не он один. Драконья голова следила сквозь щелки глаз за каждым моим движением. Не уверен, очень ли она гордилась своей работой, но зверюга явно не собиралась ошеломить нас своим содействием.

Наконец я подготовил все, что мог, и решил, что пришло время выложить главный козырь.

— Да на самом-то деле тут и нет ничего такого, — с улыбкой поведал я своему партнеру. — Поговори со мной.

Мне не часто удается преподнести моему старому наставнику идеальный сюрприз... действую ему на нервы я довольно регулярно, но идеальный сюрприз — настоящая редкость. Это был один из таких золотых случаев.

— Говорить ЧТО? — громко воскликнул Ааз.

— Положись на меня, Ааз, — настаивал я. — Я знаю, что делаю. Просто поговори со мной. Расскажи мне что-нибудь. Ну, например, как ты впервые встретился с Гаркином?

— Ах, про это, — сказал он, выразительно закатывая глаза. — Ну, понимаешь, мы оба присутствовали на одной скучной вечеринке, куда нас пригласили на коктейль... ну знаешь, такой тоскливый прием, где не протолкнуться и приходится болтать со всяким встречным-поперечным. Так или иначе, он пытался произвести впечатление на какую-то малышку, щеголяя своей магией, которая в те дни была у него совсем не такой уж замечательной... скажу тебе прямо, партнер, всякий раз, как будешь переживать из-за недостатка магических способностей, напомни мне рассказать, каким был твой прежний учитель Гаркин, когда мы впервые с ним встретились. Но, как говорится, из уважения к нашему ремеслу я просто обязан был подгрести и показать им, на что похоже *настоящее* искусство... не то чтобы я сам сколько-нибудь заинтересовался ею, как ты понимаешь...

Я почувствовал, как Гвидо дернул меня за штанину.

— Послушайте, босс, — заныл он. — Что это такое? Я думал, мы спешим.

— Вот для этого-то нам и нужно время, — прошептал я в ответ.

— Для *этого?* — проворчал он. — Но, босс, если мы не начнем...

— Мы уже начали, — ответил я. — А теперь обрати внимание на его слова.

Я боялся, что наши реплики в сторону могут отвлечь Ааза, но мне не было нужды беспокоиться. Уж коли мой партнер заводит рассказ, остановить его не так-то легко.

— ...Вот мы и очутились там, одна лишь наша троица, заметь это и не забудь, что наша одежда находилась в тот момент пятью этажами выше...

— Что происходит, шеф? — прошипела сверху Маша. — Я *точно помню*, что ты уже слышал этот рассказ. Черт, я и сама слышала его четыре раза.

— Не спускай глаз с дракона, — посоветовал я ей. — И будь готова действовать быстро.

Я только для видимости живо реагировал на рассказ Ааза и по мере сил отбивался от нетерпеливых вопросов своих помощников, но по-настоящему мое внимание сфокусировалось на драконьей голове. Моя тактика уже срабатывала. Заунывный отчет Ааза о минувших победах начинал оказывать свое действие.

Драконьи глаза определенно стали стекленеть.

— ...Конечно, после всего этого я просто *обязан* был отвести ее к себе домой. Это самое малое, что я мог при таких обстоятельствах сделать для бедняжки.

Ааз уже заканчивал рассказ! Мне требовалось заставить его поболтать немножко подольше.

— Это была та вечеринка, где ты встретил Тананду? — спросил я, намеренно подавая ему новый повод к красно-байству.

— С Танандой? Нет. То совсем другая история. Я встретил ее, когда сидел и отчаянно резался в драконий покер у Живоглота. Нам попался настоящий простак, ну знаешь, из

тех идиотов, какие ставят вшивые кресты против всех бубей... Ну, у меня тогда как раз немного не хватало наличных, и поэтому...

Гвидо снова забеспокоился.

— Босс, сколько мы еще будем...

— Уже недолго, — перебил я. — Берись за веревку. Мы вот-вот двинемся.

— ...я держал на лапе червовый стрит... или, может, бубновый? Нет, червовый. Я это помню потому, что бубей загребла Тананда. Конечно, узнали мы об этом только в конце партии. В любом случае, как только Живоглот начал торговлю, я загнул его обратно к мизеру, а Тананда...

Это завершило все дело. Мне следовало бы знать, что описание драконьего покера, партия за партией, ставка за ставкой, послужит последней каплей.

Без всякого предупреждения дракон зевнул... раскрыв пасть широко и надолго.

Ааз прервал свое повествование — событие само по себе достопамятное — и удивленно моргнул.

— Быстро, Ааз! Прыгай сюда!

При всей своей ошеломленности мой партнер сумел продемонстрировать, что с рефлексами у него полный порядок. Он молниеносно выскочил из пасти дракона, пролетел в воздухе и схватил веревку под Гвидо.

Как только его руки сомкнулись на нашем страховочном фале, произошло сразу несколько событий одновременно.

От добавочной нагрузки на Машин левитационный пояс вся наша связка с пугающей скоростью устремилась к земле... ученица не удержала меня, отчего мои руки ощутили ожоги, когда я судорожно вцепился в веревку, едва не опоздав последовать совету, который я столь охотно давал всем прочим... а дракон закрыл пасть.

Я в последний раз мельком увидел зверя, прежде чем мы выпали из поля его зрения вниз, и, честно говоря, по-моему, он даже не заметил нашего исчезновения. Веки у него при-

спустились, а глаза потеряли фокусировку от скуки. Рассказы Ааза обыкновенно производят такое воздействие на всех маломальски разумных существ. Я просто нашел этому явлению практическое применение.

— Мне надо переключить управление, шеф! — крикнула Маша, снова напомнив мне о нашем аховом положении.

Земля с угрожающей скоростью неслась нам навстречу.

Я вспомнил про неисправное управление, державшее всех нас в своей власти.

— Нет! Погоди, Маша! Дай я попробую...

Пустив в ход последнюю унцию своих резервных сил, я приступил к левитированию всего нашего экипажа. При нормальных обстоятельствах я мог бы с легкостью поднять трех человек, а в случае чего и четырех-пятерых. А здесь, на Лимбо, используя все наличные силы, при содействии Машиного пояса, я едва смог замедлить наше снижение до умеренного сползания.

— Что там такое произошло, партнер? — окликнул меня Ааз. — Как ты узнал, что эта уродина собралась зевнуть?

— Назовем это удачной догадкой, — крякнул я, по-прежнему силясь предотвратить наше неминуемое падение. — Позже объясню.

— Проверь зону посадки, — предупредил Гвидо.

Я бросил беглый взгляд вниз.

Мы потратили на свою операцию больше времени, чем я рассчитывал. На тротуаре толпились вампиры: разгоралась знаменитая ночная жизнь Блута.

— По-моему, нам не удастся просто так от них отбояриться, — спокойно сказал Ааз. — Ты случайно не мог бы вырулить за угол, в переулок? Там, кажется, не так много народу.

Прежде чем я успел ответить, что-то пронеслось сверху мимо нас, хлопая перепончатыми крыльями.

— ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ! — завопило оно, делая вираж за угол. — Убийца на свободе! ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Никогда, черт возьми, не видел такого скопища индейцев.

Дж.А. Кастер

Сигнал тревоги произвел интересное воздействие на толпу внизу. Взглянув вверх и увидев, как мы снижаемся прямо на них, все как один развернулись и убежали. Улица мигом опустела.

— Что происходит? — окликнул я Ааза, не в силах поверить нашему везению.

— Понятия не имею! — крикнул в ответ мой партнер. — Полагаю, никому из нормальных граждан не охота связываться с беглым убийцей. Нам лучше спуститься побыстрей, пока они не разобрались, насколько превосходят нас числом.

Дважды мне повторять не требовалось. Нашему побегу только что выпало неожиданное счастье, но я не собирался гадать, надолго ли его хватит. Я сократил свою магическую поддержку, и мы быстро упали на мостовую.

— Кто же это настучал на нас? — размышляла вслух Маша, вглядываясь в темноту, где исчез таинственный вредитель.

— По-моему, это был тот тип — Вик, — ответил из-под меня Гвидо. — Я довольно неплохо разглядел его, когда он стрелой пролетел мимо меня там, у Ав-Авторов.

— В самом деле? — буркнул я себе под нос, выворачиваясь, чтобы посмотреть вслед скрывшемуся злодею. — Значит, за ним еще один должок.

— Позже! — скомандовал Ааз, наконец приземляясь. — Сейчас нам надо отсюда убраться.

Через секунду рядом с ним очутился Гвидо. Мне пришлось падать с большей высоты, так как после удаления с веревки добавочного груза мы перестали опускаться.

— Давай, Маша! — позвал я. — Вырубай эту штуку. Падать не так уж высоко.

— Я пытаюсь! — огрызнулась она, снова возясь с пряжкой пояса. — Эта проклятая система снова барахлит!

Настройка пояса изменилась. Держа веревку, я больше не чувствовал тяги вверх. К несчастью, Маша и не опускалась. Вместо этого она парила в воздухе футах этак в пятнадцати над землей.

— Эй, босс! У нас пополнение!

Я посмотрел туда же, куда глядел телохранитель. На улице слева от нас собиралась толпа, и выглядела она отнюдь не радостной. Трудно, конечно, сказать наверняка, но у меня определенно сложилось впечатление, что глаза у них светились краснее обычного, и я как-то не мог убедить себя, будто это добрый знак.

— Ма-аш-ш-ш-ша! — завопил я, потянув за веревку, и голос мой против воли поднялся на две октавы.

— Заклинило! — простонала она. — Брось, шеф, беги. Нет смысла пропадать всем.

— Мы не можем просто оставить тебя здесь, — возразил я.

— У нас нет времени для споров, — зарычал Ааз. — Гвидо! Дуй впереди нас и обеспечь нам свободный проход. Мы не можем допустить, чтобы нас отрезали. Ладно, ходу!

И с этими словами он выхватил веревку из моей руки и кинулся бежать по улице прочь от толпы, Гвидо несся впереди всех, а Маша плыла у него над головой, словно ярко изукрашенный воздушный шар. На сей раз я не возражал против приказов моего партнера телохранителю. Я был слишком занят, стараясь не отстать от основной группы.

Если глазеющие на нас зеваки поначалу испытывали некоторое замешательство, не зная, что делать, то при виде нашего бегства все их сомнения отпали, и толпа с воем хлынула по улице в погоню за нами.

Когда я говорю «с воем», я выражаюсь отнюдь не фигурально. Некоторые вампиры превращались на бегу в больших, свирепых с виду собак, другие — в летучих мышей; надо полагать, для ускорения погони. Хотя за нами с Аазом уже не

раз гонялись толпы, теперь впервые стая преследователей за нами буквально лаяла. Должен сказать, это мне не особенно понравилось.

— Куда мы бежим, Ааз? — задыхаясь, спросил я.

— Подальше от них! — отозвался он.

— Я имею в виду конечный пункт! — не отставал я. — Мы же бежим в противоположную сторону от нашего убежища.

— Мы не сможем спрятаться, пока не стряхнем с хвоста своих поклонников, — ответил мой партнер. — А теперь заткнись и беги.

У меня имелись некоторые сомнения насчет нашей способности оторваться от преследования, пока наше местонахождение с абсолютной точностью определяла плывущая над нашими головами Маша, но я выполнял инструкции Ааза и жал по мостовой что было сил. Хотя бы потому, что, если бы я указал партнеру на эффект Машиного парения, он мог просто отпустить веревку и предоставить моей ученице выкручиваться самой. Да и какая у нас была альтернатива — остановиться и вступить в рукопашную с толпой? В общем и целом бегство казалось *действительно* подходящей идеей.

Гвидо расчищал нам путь на редкость удачно. Я никогда по-настоящему не видел своего телохранителя в деле, но из-за его постоянных пререканий и проблем с аллергией в течение всего этого предприятия я склонен был сбросить со счетов его полезность. И напрасно. Встреченные нами по ходу бегства вампиры не слышали сигнала тревоги и оказались неподготовленными к ворвавшемуся в их среду смерчу. Гвидо, казалось, ни разу не споткнулся, сбивая на ходу жертву за жертвой, и уж не знаю, что он там с ними делал, но это было на редкость эффективно. Ни одно из упавших на его пути тел не пыталось задержать ни меня, ни Ааза... черт, они даже не двигались.

— Впереди река, босс! — крикнул он через плечо.

— Что-что? — пропыхтел я, в первый раз понимая, насколько потерял форму за время своего беззаботного житья на Базаре.

— Река! — повторил он. — Мы бежим по тупику, упирающемуся через несколько кварталов в реку. Я вижу ее отсюда. Нам придется сменить направление, а то нас прижмут к воде.

Я гадал, не будет ли для нас удачной мыслью просто броситься в реку и оставить между собой и вампирами проточную воду, так как вроде говорят, это одно из препятствий, способных их остановить. Затем мне пришло в голову, что мой телохранитель, наверное, не умеет плавать.

— Направо! — крикнул Ааз. — Туда! В тот переулок.

Гвидо дунул по указанному курсу, а мы с партнером тяжело топали шагах в пятнадцати позади него. Мы немного оторвались от преследователей, хотя все еще слышали их крики и тявканье в квартале-другом от нас, и я даже начал надеяться, что мы действительно сможем удрать от них. Теперь, когда мы скрылись у них из виду...

— Поберегись...

Сверху раздался внезапный крик, и Маша рухнула наземь, обретя в моих глазах сомнительное первенство в падении с воздуха животом вниз. Уверен, земля на самом-то деле не затряслась, но столкновение было достаточно сильным, чтобы создалось такое впечатление. Я испытал быстрый укол совести, осознав, что первой моей мыслью была не забота о здоровье моей ученицы, а скорее безграничное облегчение, что она приземлилась не на одного из нас.

— По-моему, пульт управления только что расклинило, — сказал Ааз, на мой взгляд, совершенно без надобности.

— С тобой все в порядке, Маша? — склонился я над ней.

— Что-то слу... — проговорила она через силу.

— Конечно, не все, — отрезал Ааз, беря на себя обязанности переводчика. — У нее как минимум отшибло дыхание.

Не знаю, какие именно повреждения вызвало ее падение, но моя ученица даже не пыталась подняться. Мне хотелось бы дать ей несколько минут прийти в себя, но издалека уже слышались голоса наших преследователей.

— Ты сможешь понести ее, Ааз?

— Не сумел бы даже в лучшие свои дни, — признался партнер, глядя на солидную массу моей ученицы. — А ты? Хватит у тебя топлива на ее левитирование?

Я усиленно замотал головой.

— Все пошло на управление нашими воздушными маневрами там, у тюрьмы.

— Эй, босс! — прошипел Гвидо, появляясь из тени позади нас. — Переулок заблокирован. Другого пути нет.

И это решило все. Даже если мы подымем Машу на ноги и заставим двигаться, то все равно нам придется вернуться по собственному следу прямехонько в объятия толпы. Мы пробежали свою дистанцию до финиша... и проиграть забег нам предстояло довольно эффектно.

Остальные тоже понимали это.

— Ну, приятно было поработать с тобой, Гвидо, — проговорил со вздохом Ааз. — Знаю, я пару раз доводил тебя до белого каления, но иногда твое присутствие бывает очень кстати. Ты действительно довольно неплохо разгонял публику, позволив нам добраться хоть сюда. Извини за тот последний приказ свернуть.

— Я не в обиде, — пожал плечами мой телохранитель. — Я бы тоже выбрал этот переулок, если бы работал в одиночку. Босс, я же вас предупреждал, что приношу несчастье, когда дело доходит до организации побегов. Хотя должен признать, на какое-то время я действительно поверил, что этот мы сумеем провернуть.

— Предприятие это было по меньшей мере рискованное, — усмехнулся я. — Во всяком случае, ты не можешь сказать, что *эта* операция пострадала от чрезмерного планирования.

Ааз хлопнул меня по плечу.

— Ну, партнер! — воскликнул он. — Есть какие мысли насчет того, как сыграть дальше? Попробуем мирно сдаться или ляжем на ковер, размахивая кулаками?

Я не был уверен, что толпа даст нам выбирать. Она уже приближалась к переулку, и, судя по выкрикам, преследователи не слишком стремились к переговорам.

— НЕ В ЭТУ СТОРОНУ! ОНИ ЗАВЕРНУЛИ ОБРАТНО К ТЮРЬМЕ!

Этот неожиданный крик раздался с улицы неподалеку от входа в наш переулок.

Я не мог этому поверить, но толпа явно поверила. Раздались проклятия и громкие приказы, но они быстро растаяли вдали, и стало ясно, что толпа повернула теперь туда, откуда прибежала.

— Что это было? — сумела произнести Маша; к ней наконец вернулся голос.

Я сделал ей знак помолчать и поглядел на Ааза, вопросительно вскинув бровь.

Он ничего не ответил и покачал головой.

Никто из нас не знал наверняка, что происходит, но оба мы чувствовали, что это своевременное вмешательство не случайность и не ошибка. Кто-то намеренно отвлек от нас толпу. И прежде чем радоваться своему везению, мы хотели знать, кто и почему нас спас.

У входа в переулок появилась пара фигур.

— Теперь можете выходить, — позвала одна из них. — Извините за вмешательство, но все выглядело так забавно, что мы просто *обязаны* были тоже принять участие в игре.

Этот голос я узнал бы где угодно, даже если бы не распознал ее фигуру, равно как и неповторимый силуэт ее брата.

— Тананда! Корреш! — крикнул я, рукой показывая наше местонахождение. — Я все гадал, когда же вы появитесь.

Дуэт брата и сестры, тролля и троллины, поспешил присоединиться к нам. Несмотря на все их легкомысленное подтрунивание, мне вспоминается не так уж много других существ, которых я предпочел бы видеть рядом со мной или на моей стороне, когда запахнет жареным.

— С тобой все в порядке? — повторила мой вопрос Тананда, помогая Маше подняться на ноги.

— Вообще-то я никогда не обладала развитым чувством собственного достоинства, — ответила моя ученица, — и даже

та малость, какая у меня была, теперь полетела к черту. За исключением этого все у меня прекрасно. Я начинаю понимать, почему вы, члены Высшей Лиги, смотрите свысока на механическую магию.

Корреш схватил мою руку и энергично пожал ее.

— Ну, не будь, голубушка, слишком суровой к своей аппаратуре, — сказал он. — Оставленное нам колечко оказалось именно тем пропуском, какой и требовался, чтобы попасть сюда вовремя и осуществить миссию молниеносного спасения в дополнение к триумфальной серии ваших успехов. За исключением обычной путаницы, устроенной вами в конце игры, вы, похоже, действовали довольно неплохо и без нас. Теперь все на месте и в сборе, включая Ааза, который выглядит поразительно целехоньким после того, как в очередной раз оказался на краю гибели. Так что осталось только спешно отступить и неспешно отпраздновать... а?

— В общем, примерно так, — согласился я. — Хотя нам здорово повезло, что вы прикрыли наш отход. И кстати, раз уж зашла речь об отходе, не подскажете ли дорогу отсюда к замку? Я немного заплутал...

— Погодите-ка! — вмешался Ааз. — Пока мы не слишком увлеклись взаимными поздравлениями. Разве мы не проглядели несколько мелких деталей?

Группа переглянулась.

— Например? — осведомилась наконец Тананда.

— Например, тот факт, что меня лично все еще разыскивают по обвинению в убийстве, — сверкнул глазами мой партнер. — И потом, нам ведь вроде нужно было привести с собой на Деву трех беглецов.

— Да брось ты, Ааз, — улыбнулась троллина, игриво ткнув его в ребра. — С той репутацией, какую ты уже стяжал, что тебе такая мелочь, как приказ об аресте за убийство?

— Я его не совершал, — возразил Ааз. — Не только я не убивал этого Вика, этого типа вообще никто не убивал. Он по-прежнему где-то там посмеивается над нами в кулак. Так

вот хоть я и признаю, что моя репутация в целом небезупречна, но не собираюсь мириться с ложным обвинением в убийстве... равно как и с чьими угодно попытками выставить меня дураком!

— Конечно, выбрасывание денег на уплату долгов аферистов плюс штрафы не имеют к этому никакого отношения, так, Ааз? — подмигнул Корреш своим большим глазом.

— Ну... не без того, — признал мой партнер. — Разве не приятно заняться решением обеих неприятных задач разом?

— Может, мы могли бы довольствоваться поимкой одного лишь Вика, а другим дадим уйти? — пробормотал я.

— Что-что ты сказал, партнер?

— Ничего, Ааз, — вздохнул я. — Просто дело в том, что... ничего. Идемте. Если мы собираемся поохотиться, то надо составить небольшой план, и мне думается, нам не следует делать это здесь, на виду у всех.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Успокойся, Джули. Все все поймут.
Ромео

К счастью, возвышенное положение Маши во время нашего пробега обеспечило ей превосходный обзор окружающей местности, и мы смогли найти дорогу обратно к Диспетчеру, не мозоля глаза населению. Однако теперь, когда наша численность возросла, Вильгельм приветствовал нас заметно прохладнее.

— Я начинаю верить тому, что все говорят, — пожаловался маленький вампир. — Впустишь одного демона, и не успеешь оглянуться, как вся округа будет ими кишеть. Когда я решил пойти вам навстречу и поговорить по душам, я вовсе не имел в виду превращать свою комнату в место встречи пришельцев.

— Полно, Вильгельм, — сказал я, пытаясь просунуть ногу в дверь. — Нам в этом городе больше некуда идти. И нас не *так уж* много.

— Мы можем просто подождать на улице, пока сюда не заявятся представители власти, — предложил Ааз. — Думаю, их не придется долго убеждать, что этот парень укрывает беглых преступников.

— Завянь, зеленый и чешуйчатый, — приказала Маша, надуваясь вдвое больше своих обычных размеров. — Вильгельм покамест был добр к нам, и я не потерплю, чтобы ему кто-то угрожал, даже ты. Не забывай, если бы не он, ты по-прежнему загорал бы в каталажке. Либо он согласится нам помочь, либо мы ищем другое убежище.

Ааз отступил перед ее праведным негодованием.

— Ты позволяешь своей ученице разговаривать со мной в подобном тоне? — возмутился он.

— Только когда она права, — пожал плечами я.

— Слушай, Ааз, — вмешался Корреш. — Ты не мог бы ненадолго пообуздать свои дурные манеры? Нам действительно ни к чему еще один враг в этом измерении, и я лично готов выразить свою благодарность этому господину, прежде чем он вышвырнет нас вон.

На службе Корреш действует под именем Большой Грызь и изображает неандертальца на зависть половине варваров Базара. Однако в свободное время его изысканное обаяние разрешало множество проблем... почти столько же, во сколько нас втравило буйство Ааза.

— Ладно, заходите, — проворчал Диспетчер. — Давайте не стесняйтесь, будьте как дома и все такое. Никогда не мог отвернуться от попавшего в беду. Полагаю, именно потому я сам никогда и не путешествовал по иным измерениям. Меня бы там заживо съели.

— Спасибо, Вильгельм, — сказал я, проскальзывая мимо него в контору, пока он не передумал. — Вы должны извинить

моего партнера. На самом-то деле он не всегда такой. Пребывание в камере смертников не улучшило его чувство юмора.

— Полагаю, я и сам немного не в себе, — признался вампир. — Как ни странно это может показаться, я беспокоился за вас... а составлявший мне компанию ваш говорливый дружок не очень-то помогал мне успокоиться.

Я быстро пересчитал по головам все наше войско.

— Минутку, — нахмурился я. — Кто это нас ждал?

Теперь настала очередь Вильгельма удивиться.

— Разве кто-то из вас не посылал за вервольфом? Он сказал, что он с вами.

— А-а-а-а! Но веть так оно и есть! Мои трузья, они есчо не знают меня, но я путу их спасать, нет?

И с этими словами на меня накинулся лохматый ковер. Ну, по крайней мере именно так я думал, пока он не оторвался от пола и не бросился в мои объятия с энтузиазмом щенка... очень большого щенка.

— Что *это* такое?! — грозно сощурился Ааз. — Скив, неужели я и на несколько дней не могу оставить тебя без того, чтобы ты не подобрал какую-нибудь заблудшую тварь в очередном измерении?

«Этим» в данном случае был самый всклокоченный на вид вервольф, какого я когда-либо видел... учитывая, конечно, что до этой минуты я видел только двоих. У него были темные лохматые брови (если вы поверите такому описанию вервольфа), а над ними он носил вязаную шапочку с кленовым листом на боку. Его тщательно расчесанные усы не торчали отдельными волосками, а были подкручены кверху, с подбородка же свисало нечто могущее считаться эспаньолкой. На самом-то деле, если рассматривать его по частям, он имел весьма ухоженный вид. Но почему-то в целом казался всклокоченным. Может, все дело было в его плотоядном взгляде...

— Честное слово, Ааз, — воскликнул я, пытаясь выпутаться из его обвинений. — Я никогда в жизни прежде его не видел!

— О, но простити же меня, — извинился зверь, придя ко мне на помощь так внезапно, что я чуть не упал. — Я такой глюпий, забить представиться. Итак! Я художник-оригиналь, но также и самий отличний следопит в странэ. Мои друзья, Ав-Автори, они сообсчили мне о вашей проблэме, и я как ветэр полетель вам на помосчь. Нет? Я— Пепе Ле Гару А., и я к вашим услюгам.

С этими словами он отвесил низкий поклон с таким шиком, что, не будь я столь изумлен, непременно зааплодировал бы. Мне пришло в голову, что теперь понятно, чему Ав-Авторы посмеивались, говоря нам, что знают того, кто сможет нам помочь.

— Босс, — спросил Гвидо, приглушив голос рукой, которой он закрывал нос. — Мне подождать за дверью?

Тананда поглядела на него, вскинув бровь.

— Опять аллергия? Вот попробуй немного этого снадобья. Путешествовать без него по измерениям нельзя.

Она извлекла маленький пузырек и бросила его телохранителю.

— Намажь немного над верхней губой, под самым носом.

— Вот здорово, спасибо, — принялся выполнять ее инструкции Гвидо. — Что это за штука?

— Это противоаллергенная паста, — пожала плечами она. — По-моему, она на чесночной основе.

— ЧТО? — воскликнул телохранитель, роняя пузырек.

Тананда одарила его одной из своих бесовских усмешек.

— Просто пошутила. Нунцио тревожился за тебя и рассказал нам о твоей аллергии... на то на се.

Тролль слегка шлепнул ее пониже спины.

— Стыдно, сестричка, — упрекнул он ее, тем не менее улыбаясь. — После того, как ты извинишься перед Гвидо, я предлагаю тебе попросить прощения и у нашего хозяина. По-моему, ты этой последней шуточкой чуть не вызвала у него сердечный приступ.

Только этого мне, конечно, и не хватало во враждебном измерении. Нервный вампир, сентиментальный вервольф, а теперь еще товарищи по команде решили, что сейчас самое время поразыгрывать друг друга.

— М-гм-м... скажите-ка, господин А., — отбросив прочие проблемы, я повернулся к вервольфу, — как по-вашему, вы сможете...

— Нет, нон, — перебил он. — Я просто Пепе, а?

— Пепе А., — послушно повторил я.

— Совершенно так, — просиял он, явно в восторге от моей способности усвоить такое простое выражение. — А теперь, преждэ чем ми, как ви коворитэ, перейдем к делу, не окажетэ ли ви мнэ честь, представив своих коллег?

— О. Извиняюсь. Это мой партнер Ааз. Он...

— Ну конечно! Знаменитий Ааз! Я так давно желаль встретиться с вами.

Если что и способно выманить Ааза из плохого настроения, так это лесть... а Пепе оказался мастером по этой части.

— Вы слышали обо мне? — моргнул он. — Я имею в виду... что именно вы слышали? За долгие годы у меня было столько приключений.

— Нэужели ви не помнитэ Пьера? Я со щенячьих лет рос на его рассказах о вашей борьбэ с Иштваном.

— Пьера? Вы знаете Пьера?

— Знать ли я его? Он мой дядя!

— Кроме шуток? Эй, Тананда! Ты слышала? Пепе — племянник Пьера. Погоди, вот расскажу Гэсу.

Я удалился от беседующих, явно забытый при такой встрече.

— Слушай, Скив, — появился рядом со мной Вильгельм. — Похоже, это займет какое-то время. Не сбегать ли мне за вином?

Это привлекло мое внимание.

— За вином? У вас есть вино?

— Запасся после вашего последнего визита, — признался с усмешкой вампир. — Прикинул, что оно может пригодить-

ся, когда вы явитесь в следующий раз. Может, я немного и ворчу, но беседовать с вами и вашими друзьями куда забавней, чем смотреть на экраны.

— Ну что ж, приносите... но, чур, первый бокал мне. Если у вас вина не полный погреб, то после того, как его заполучит в свои лапы мой партнер, другим останется мало.

Я повернулся обратно к своей компании как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пепе целует ручку моей ученице.

— Не бойтесь, мой цвэточек, — говорил он. — Перед вами истинный ценитель красоты, равно как и... как мне следует сказать, ее количество?

— Ты довольно мил, — захихикала Маша. — Но я никогда особенно не увлекалась межвидовыми связями, если ты улавливаешь мой намек.

Я привлек внимание Ааза и отвел его подальше от группы.

— Ты не мог бы временно покомандовать здесь, партнер? — попросил я. — С самого старта нашего марафона я бегал без остановки, и мне надо бы побыть немного одному для перезарядки батарей, прежде чем мы снова раздуем пары.

— Нет проблем, — кивнул он, кладя руку мне на плечо. — Думаю, до рассвета мы никуда не двинемся... и, Скив? У меня не было случая сказать, но спасибо тебе за такое освобождение под залог.

— Пустяки, — слабо улыбнулся я. — И не говори мне, что ты не сделал бы для меня то же самое.

— Не знаю, — отпарировал он. — Ты никогда не облапошивал меня в самом начале операции.

— Вот за *это* у меня еще к тебе счетец.

Тут-то и появился Вильгельм с вином, а Ааз поспешил снова присоединиться к группе.

Я сумел урвать бокал и уединиться в тихом уголке, покуда в конторе разгоралась вечеринка. Пепе, казалось, отлично состыковался с остальной командой и выступал в сложной роли клоуна и тамады, но я почему-то чувствовал себя немного отстраненно. Потягивая вино, я уперся взглядом в простран-

ство, ни на что конкретно, и позволил своим мыслям отправиться в свободный полет.

— Что грустишь, красавчик?

— Хм-м-м? О! Привет, Тананда. Ничего особенного. Просто немного устал, вот и все.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — спросила она, шлепнувшись на пол рядом со мной, прежде чем я успел возразить. — Итак. Ты намерен рассказать мне об этом? Кто она?

Я медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в лицо.

— Прости?

Она избегала встречаться со мной взглядом, рассеянно водя пальцем по краю бокала.

— Послушай, — сказала она. — Если ты не хочешь об этом говорить, то так и скажи... это действительно не мое дело. Только не пытайся обмануть ни меня, ни себя, убеждая, будто тебя ничего не беспокоит. Я уже давно тебя знаю и обычно могу определить, когда тебя что-то гнетет. Сейчас самая лучшая моя догадка, если я вообще способна судить об этом, заключается в том, что все дело в девушке.

С тех пор как я встретил Тананду, я всегда был неравнодушен к ней. Однако после ее слов я вдруг понял, как сильно нуждался в собеседнике. То есть я хочу сказать, что для Гвидо и Маши я был авторитетом, а перед Аазом я не желал раскрываться, не будучи уверен, что он отнесется к проблеме серьезно, а не просто посмеется; что касается Корреша... как говорить с троллем о проблемах взаимоотношений с женщиной?

— Ладно. Ты меня достала, — сдался я, снова посмотрев на вино. — Дело в девушке.

— Так я и думала, — улыбнулась Тананда. — Где ты ее прятал? Скажи, она прекрасна и чувственна?

— И все это, и даже больше того, — кивнул я, снова отпивая из бокала. — И она вдобавок не на той стороне.

— Ух ты, — выпрямилась Тананда. — Тебе лучше растолковать это последнее поподробнее.

Я рассказал ей о своих встречах с Луанной. Излагать я старался беспристрастно и только факты, но даже сам чувствовал, что мой чересчур взволнованный тон меня выдавал.

После того как я закончил, Тананда несколько минут сидела молча, обхватив руками ноги и положив подбородок на колени.

— Ну, — проговорила наконец она, — судя по твоим словам, она самое большее — соучастница. Пожалуй, мы сможем отпустить ее, когда загребем их всех.

— Разумеется.

Я произнес это ровным тоном. И Тананда, и я знали, что коль скоро Ааза занесет, то невозможно сказать, насколько милостивым или злобным он окажется.

— Ну, всегда есть шанс, — вздохнула она. — Когда речь идет о тебе, Ааз всегда делается податлив. Если ты вступишься за нее и если она согласится бросить своих партнеров...

— ...и если бы у стола были крылья, мы могли бы улететь обратно на Базар, — нахмурился я. — Нет, Тананда. Прежде всего она не покинет своих партнеров просто потому, что те в опасности. Уж это-то я знаю. Кроме того, если я окажу на нее такое давление, предоставив выбирать между мной и ими, то никогда не буду знать наверняка, действительно ли ей нужен был я или она просто пыталась спасти себя.

Тананда поднялась на ноги.

— Не становись настолько мудрым, чтобы говорить подобные глупости, Скив, — мягко сказала она, прежде чем уйти. — Вспомни, Луанна уже дважды выбрала тебя, а не своих партнеров. В обоих случаях она рисковала своей жизнью и их спасением, чтобы предупредить тебя. Возможно, она только и ждет того, чего ты ей еще не дал, — приглашения к новой жизни с новым партнером. Не будь таким гордым или нерешительным — неужели ты уступишь искреннюю свою поклонницу этим волкам, боясь ошибки? Если ты это сделаешь, то перестанешь мне нравиться... да и себе, думаю, тоже.

После того как Тананда удалилась, я поразмыслил над ее советом. Существовало одно осложнение, о котором у меня не хватило духу упомянуть. Какие бы чувства ни испытывала ко мне Луанна, как-то еще они изменятся, когда она узнает, что я использовал ее шарфик... ее знак приязни для наведения на цель стаи охотников?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Каждому нужен свой импресарио!
Леди Макбет

— Да где же он? — пробурчал Ааз в сотый раз... за последние пять минут.

Солнце уже давно взошло или по крайней мере настолько взошло, насколько оно вообще способно было подняться в этом измерении. С момента своего прибытия на Лимбо я никогда не видел того, что привык считать настоящим солнечным светом. Я так до конца и не понял, была ли вызвана эта явно преобладавшая днем сильная облачность действием магии или какими-то странными метеоусловиями, но она никак не скрашивала мрачную атмосферу, окутавшую город Блут.

Всей нашей команде не терпелось пуститься в путь, но только Ааз позволял себе выражать свои чувства так часто... и так громко. Конечно, он так много жаловался, возможно, потому, что прочие молчаливо оставляли за ним право шуметь за всех и предпочитали не видеть, как их собственные усилия постоянно отходят на задний план.

— Да не волнуйся ты, партнер, — успокоил его я, стараясь сдерживаться и не сказать ему какой-нибудь резкости из-за собственного нервного нетерпения. — Не так уж много магазинов работает в этом измерении круглые сутки.

— А чего еще ожидать, имея дело с компанией вампиров, — отрезал он. — И все-таки мне не нравится эта затея. Немагические личины кажутся какими-то неестественными.

Я тихо вздохнул про себя, откинулся на спинку кресла и приготовился ждать, забравшись с ногами на сиденье. Спор наш начался еще до того, как Вильгельм отправился за покупками, и я устал вновь и вновь повторять пройденное.

— Будь благоразумным, Ааз, — сменила меня на вахте Тананда. — Ты же знаешь, что мы не можем бродить по улицам в таком виде... особенно ты, ведь тебя ищет половина города. Нам нужны личины, а без приличного источника энергии Скив не может справиться с личинами для нас всех. Кроме того, мы ведь не будем пользоваться механической магией. Мы вообще не будем прибегать к магии.

— Именно это мне все и твердят, — проворчал мой партнер. — Мы просто изменим свою внешность, не прибегая к чарам. На мой взгляд, это кажется похожим на механическую магию. Вы понимаете, что случится с нашей репутацией, если слух об этом дойдет до Базара? Особенно когда большинство конкурентов ищет возможность полить грязью имя Великого Скива? Вспомните, мы уже получаем жалобы, что цены у нас слишком высоки, и если всплывет это дело...

Теперь все стало ясно. Я понял наконец, что грызло Ааза. Мне следовало бы догадаться, что в основе этого беспокойства лежат деньги.

— Но, Ааз, — вмешался я. — Наши гонорары и *впрямь* чересчур высоки. Я не один месяц твержу тебе об этом. Я хочу сказать, что у нас нет острой нужды в деньгах...

— ...а я тебе не один месяц отвечаю, что это — единственный способ не давать всякой шушере отнимать у тебя время, необходимое для тренировок, — сердито огрызнулся он. — Помни, тебя вроде бы зовут Великий Скив, а не Красный Крест. Ты не занимаешься благотворительностью.

Теперь мы ступили на знакомую почву, оставив в покое личины, — от этого спора я никогда не уставал.

— Я говорю не о благотворительности, — сказал я. — Я говорю о справедливой оплате за оказанные услуги.

— Справедливая оплата? — рассмеялся мой партнер, закатывая глаза. — Ты, наверное, имеешь в виду ту сделку, ко-

торую заключил с как-там-его? Он когда-нибудь тебе об этом рассказывал, Тананда? Понимаешь, мы поймали для этого девола глупую птицу, и мой партнер затребовал с него гонорар. Не процент со стоимости, заметь, а твердый гонорар. И насколько велик был этот гонорар? Сто золотых? Тысячу? Нет. ДЕСЯТЬ. Десять паршивых золотых. А полчаса спустя девол продает свою «бедную птичку» за сто тысяч. Приятно знать, что мы не занимаемся благотворительностью, не правда ли?

— Брось, Ааз, — возразил я, внутренне терзаясь от стыда. — Работы ведь было всего на пять минут. Откуда же мне было знать, что эта глупая птица занесена в список видов, которым грозит исчезновение? Даже *ты* считал это выгодной сделкой, пока мы не услышали, за какую сумму ее в конце концов продали. Кроме того, если бы я удержал процент от стоимости, а девол не стал бы продавать птаху, то мы не получили бы с этого и десяти золотых.

— Никогда не слышала от вас подробностей, — сказала Тананда, — но судя по тому, что говорили на улицах, это действительно произвело впечатление на всех обитателей Базара. Большинство считает, что добыть для всех редкую птицу за символический гонорар — это мастерский рекламный ход для самого популярного мага на Базаре. Это показывает, что он — не просто бессердечный бизнесмен... и ничто человеческое ему не чуждо.

— А чем, собственно, плохо быть бессердечным бизнесменом? — фыркнул Ааз. — Как насчет того, ну, помнишь, другого парня? Все считали его злодеем, и он проплакал всю дорогу до банка. Но тем не менее ушел на покой благодаря прибыли с одной этой сделки.

— Если няня правильно обучала меня арифметике, — встрял Корреш, — то, по моим прикидкам, ваш текущий банковский счет может проглотить прибыль этого малого и там еще останется место для обеда. У тебя есть какая-то особая причина так усердно копить золото, Ааз? Ты собираешься уйти на покой?

— Нет, не собираюсь, — отрезал мой партнер. — Но ты совершенно упускаешь суть дела. Деньги не главное.

— Неужели?

Думаю, все ухватились за эту реплику одновременно... даже Пепе, знавший Ааза не так уж долго.

— Конечно, не они. Золото всегда можно достать. А вот время ничем не заменишь. Мы все знаем, что Скиву предстоит еще долго учиться магии. Но кое-кто из вас постоянно забывает, какая у него небольшая продолжительность жизни... возможно, лет сто, если ему повезет. Я всего лишь стараюсь по возможности не отвлекать его от обучения... а это означает — не позволять ему разменяться на грошовые приключения. Пусть ими занимается всякая мелюзга. Мой партнер не должен отрываться от своих занятий, если не наклевывается какое-то *действительно* крупное дело. Способное продвинуть его репутацию и карьеру.

Наступило долгое молчание, пока все переваривали сказанное, особенно я. С тех пор как Ааз признал во мне полноправного партнера, а не ученика, я имел склонность забывать о его роли моего учителя и импресарио. Мысленно вернувшись теперь в прошлое, я увидел, что на самом-то деле он и не думал расставаться с этой обязанностью, просто стал действовать более скрытно. Вот не поверил бы, что такое возможно.

— А что насчет данного грошового приключения? — нарушила молчание Тананда. — Еще не забыл, как мы вытаскивали твой хвост из капкана? Разве это не противоречит той легенде, какую ты нам тут излагал?

В ее голосе звучал откровенный сарказм, но он ни в малейшей мере не смутил Ааза.

— Если тебе это интересно, то я вовсе не собирался брать его на эту прогулку. Да если хочешь знать, я даже оглушил его для этого. Маг высокого полета не должен опускаться до взыскивания долгов, особенно когда риск непропорционально велик.

— Ну, на мой вкус, все это кажется немного бесчувственным, — вставил Корреш. — Если продолжить твои логические рассуждения, то нашему юному другу следует работать, только когда опасность астрономически высока или же, напротив, если задание достаточно выгодно для его карьеры, а риск не слишком велик. Мне это кажется самым верным способом потерять партнера *и* друга. Как говорит Живоглот, если постоянно держать пари на выгодных для себя условиях, то рано или поздно поплатишься за это.

Мой партнер резко повернулся и столкнулся с троллем носом к носу.

— Конечно, это будет опасно, — прорычал он. — Профессия мага — не для слабонервных, и чтобы достичь вершины, ему понадобится быть вспыльчивым и злобным. Этого нельзя избежать, но я пытаюсь подготовить его к этому. Почему, потвоему, я так категорически возражал против телохранителей? Если он начнет полагаться на кого-то, то сам утратит бдительность. Вот *тогда* ему будет опасно пройти даже через вращающуюся дверь.

Это заставило ринуться в бой Гвидо.

— Так-так, правильно ли я понял, — сказал мой телохранитель. — Вы хотите, чтобы меня с моим кузеном Нунцио не было рядом и чтобы босс справлялся со всем сам? Это полный бред, понятно? А теперь послушайте меня, так как на этот раз я знаю, о чем говорю. Чем выше взбирается кто-либо по лестнице, тем больше народу охотится за его головой. И даже если он ничего плохого никому не делает, всегда найдутся желающие пальнуть по нему просто за то, что он пользуется властью и уважением, а их в этом обошли. Так вот, я видел кое-каких Больших Парней, пытавшихся действовать именно так, как вы говорите... они все время настолько боялись, что не доверяли никому и ничему. Рассчитывать они могли только на самих себя, а все остальные были у них под подозрением. Представляете, все — и совершенно незнакомые лица, и собственные телохранители, и друзья, *и* партнеры. Подумайте немного об *этом*.

Он откинулся на спинку кресла и обвел взглядом помещение, адресуя следующее свое замечание всем:

— Таким людям долго не протянуть. Они никому не доверяют, и поэтому у них никого и нет. Один не может заниматься всем сам, и рано или поздно он обязательно отвлечется или заснет, когда следовало бы быть начеку, и все кончено. Так вот, я не раз работал телохранителем, и это было просто работой, понимаете, что я имею в виду? Босс — другое дело, и я говорю это не ради красного словца. Он лучший человек, какого я встречал за всю свою жизнь, потому что он любит людей и не боится показать это. И еще важнее, он не боится рискнуть головой, помогая кому-либо, даже если это вовсе *не* в его интересах. Я работаю на него вдвойне усердней, потому что не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось... и если понадобится отправиться с ним в странные экспедиции вроде этой, то быть по сему. Всякий, кто захочет его тронуть, должен будет иметь дело со мной... и я готов вступить в драку с любым из вас, если вы захотите сделать из него то, чем он не был и не желает быть.

Маша громко захлопала в ладоши.

— Браво, Гвидо, — воскликнула она. — Мне думается, зеленый и чешуйчатый, твоя беда в том, что твое представление об успехе не совпадает с представлениями всех остальных. Мы все желаем Скиву добра, но он нам нравится таким, каков он есть. Мы достаточно верим в его здравый смысл, чтобы поддерживать его в любых начинаниях... и не пытаться затащить его силой или обманом на какой-то особый путь.

Ааз не только отступил под этим натиском возражений, но, казалось, и немного стушевался.

— Мне он тоже нравится, — промямлил он. — Я знаю его дольше, чем любой из вас, помните? Он действует отлично, но ведь мог бы добиться и намного большего. Как он выберет путь, если не увидит его? Я всего лишь пытаюсь настроить его на великое, на то, что для меня... для *нас* всегда было мечтой. Что в этом плохого?

Несмотря на все свое раздражение, что мою жизнь обсуждают так, словно меня здесь нет, я был немало тронут преданной защитой своих друзей, а еще больше словами Ааза.

— Знаешь, партнер, — тихо проговорил я, — ты в какой-то момент, мне показалось, заговорил точь-в-точь как мой отец. Он хотел, чтобы я был лучшим... или так — лучшим, чем он. Мамуля всегда пыталась втолковать мне, что он этого хотел потому, что любил меня, но в то время меня раздражали его упреки. Возможно, она была права... сегодня я больше склонен этому верить, чем тогда, но, впрочем, опять же, я стал старше. Мне уже доводилось говорить людям, что я их люблю, когда эти слова просто не лезли из горла... и расстраиваться, если они меня не понимали.

Ааз, я ценю твою заботу, и мне необходимо твое мудрое руководство. Ты прав, некоторые пути и варианты выбора я еще даже не рассматривал. Но я должен выбирать свой путь сам. Я хочу когда-нибудь стать лучше, чем я есть сегодня, но не обязательно самым лучшим. Мне думается, Гвидо прав: пребывание на вершине связано с высокой ценой, и я совсем не уверен, хочу ли ее выплачивать... даже будь я убежден, что смогу это сделать, в чем я вовсе не убежден. Но я таки знаю, что если для этого мне придется обходиться без тебя и всех здесь присутствующих, то я предпочту роль грошового фокусника. *Такую* цену я никогда не заплачу по доброй воле.

Снова воцарилось молчание, когда каждый из нас погрузился в собственные мысли, а затем в центр собрания выскочил вервольф.

— Но что же это, а? — вопросил он. — Это что, великая команда Ааза и Скива, способная посмеяться над любой опасностью?

— Знаешь, Пепе, — мрачно произнес Ааз, — тебя ждет большое будущее в качестве чучела.

— Чучела? — моргнул вервольф. — Но я же не... о-о-о-о. Теперь я понимать. Ви пошутиль, да? Хорошо. Это больше похоже на дело.

— ...А что касается смеха над опасностью, — добавил я, твердо решив поддержать свою легендарность, — то я здесь вижу только одну опасность — риск умереть от скуки. Где все-таки Вильгельм?

— Я знаю, Скив, вы с Аазом сильно привязаны друг к другу, — зевнул Коррещ, — но тебе *надо* проводить побольше времени в другом обществе. Ты начинаешь походить на него. Возможно, тебе не помешает в следующий раз отправиться на задание вместе со мной.

— Только через мой труп, — встал на дыбы мой партнер. — Да и чему такому уж особенному, чего не знаю я, он может научиться у тролля?

— Я мог бы научить его не ловить птиц для деволов за десять золотых, — усмехнулся тролль, подмигивая сестре. — Этой частью его образования ты, кажется, пренебрег.

— Вот как! — ощетинился Ааз. — Ты собираешься учить его устанавливать цены? Как насчет того случая, когда ты наладил родную сестру украсть слона, не потрудившись проверить...

И они снова завели свою волынку. Слушая, я невольно размышлял о том, что хоть и приятно знать глубину чувств своих друзей, но гораздо уютнее ощущать ее за привычным взаимным подтруниванием. Открытую искренность по большей части труднее принять, чем дружеский смех.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Не обманывайтесь внешним видом.
Мэллой

К тому времени, когда появился Вильгельм с нашими личинами, все, в общем, опять вернулось в нормальное русло... оно и к лучшему, так как процесс маскировки оказался испытанием чувства юмора для всех участников.

Пока я не связался с Аазом, мне никогда не доводилось притворяться кем-либо, кроме самого себя. И поэтому я никак не мог знать, долго ли требуется надевать физическую личину, не прибегая к магии. К тому времени, когда мы покончили с этим, я приобрел новое уважение к обретенному умению, не говоря уж о настоящей тоске по измерению... любому измерению с мощными силовыми линиями для работы.

Большую помощь оказала Тананда, пустив в ход опыт своей работы в Гильдии Убийц. Она взяла на себя руководство нашими новыми ролями.

— Выпрямись, Гвидо! — командовала она, и в голосе ее угадывалось раздражение. — Ты ходишь словно гангстер.

— Я и есть гангстер! — проворчал в ответ телохранитель. — К тому же чем плоха моя походка? Она довела нас до тюрьмы, не так ли?

— Тогда тебя не искало полгорода, — возразила Тананда. — Кроме того, ты мог сам выбирать себе маршрут. Мы не знаем, где затаился противник. И в этой охоте нам придется проходить сквозь толпы, а с такой походкой можно и впрямь дойти до тюрьмы. Искусство переодевания на девяносто процентов состоит в умении двигаться, как твой персонаж. А в данный момент ты двигаешься так, словно ищешь, с кем бы подраться.

— Попробуй ходить, как Дон Брюс, — предложил я. — Он ведь тоже гангстер.

За это я заработал мрачный взгляд, но мой телохранитель попытался следовать инструкциям, ступая на каблуки и семеня ногами.

— Уже лучше, — одобрила Тананда, оставив Гвидо гарцевать взад-вперед по кабинету с хмурым выражением лица.

— Как у нас получается?

— Паршиво, — доверительно сообщила она мне. — Это занимает куда больше времени, чем должно бы. Желала бы я видеть здесь побольше зеркал... черт, любые зеркала не помешали бы.

Лишь начав снаряжаться, мы сообразили, что Диспетчер вообще не держал зеркал. По его словам, зеркала в среде вампиров были непопулярны, да и не нужны. В итоге нам не оставалось ничего иного, кроме как проверять грим и костюмы друг друга, и труд этот был бы титаническим даже при менее ранимых самолюбиях.

— Как мои зубы? — спросила Маша, выставив передо мной голову и открыв рот.

Это походило на заглядывание в глубь подземной пещеры.

— М-гм-м... левая сторона отлично, но с правой у тебя все еще никак. Погоди секундочку, я тебе помогу.

Зубы представляли особую трудность. Мы надеялись найти нашим личинам какие-нибудь резиновые клыки вроде тех, что видели в магазинах новинок на Базаре. К несчастью, ни в одной из лавок Блута таких не оказалось. Самым близким к ним из того, что у них, по словам Вильгельма, имелось, были наборы резиновых человеческих зубов, насаживаемых поверх клыков. Вампир заверил нас, что среди местных они считались очень страшными. Столкнувшись с этим непредвиденным дефицитом, мы ради хоть приблизительного сходства с неумело изображаемыми нами вампирами решили закрасить черным все свои зубы, кроме клыков. Когда мы испробовали этот способ, результат получился неплохой, но сам процесс давался нам с превеликим трудом. Когда пытаешься покрасить сам себя без зеркала, трудно попасть на нужные зубы, а если позвать помощника, то он так и норовит выкрасить тебе черным цветом язык вместо зубов.

— Не нравится мне этот плащ, — объявил Гвидо, хватая меня за руку. — Я хочу надеть свою полушинель.

— Вампиры не носят полушинелей, — твердо заявил я. — Кроме того, плащ действительно отлично выглядит на тебе. В нем ты кажешься... ну, не знаю, вроде и добродушным, но опасным.

— Да? — скептически отозвался он, вытягивая шею в попытке увидеть себя.

— И, по-твоему, у тебя проблемы? — взорвалась Маша. — Посмотри, что дали надеть мне! Я с удовольствием променяла бы эту оснастку на твой плащ.

Как вы, возможно, заметили, у команды возникла масса затруднений с привыканием к своим личинам. Особенно бунтовала против своего маскарадного костюма Маша.

После того как во время побега она поплавала в воздухе, словно воздушный шар над праздничным парадом, мы опасались, что из всех членов нашей группы быстрей всего узнают именно ее. И поэтому мы не только перекрасили ее броские оранжевые волосы, но и настояли, чтобы новый костюм прикрывал ее по возможности побольше. Для такой цели Вильгельм нашел платье, названное им «му-му» — уже одно это отнюдь не вызывало у моей ученицы приязни к ее новому наряду.

— Нет, *в самом деле*, Девятый Вал, — воскликнула она, тесня меня в угол. — Разве мало того, что полгорода видело меня в образе дирижабля? Ну скажи, неужели я должна быть теперь и *коровой*.

— Честно говоря, Маша, — вступил в разговор Вильгельм, — такая мода довольно популярна здесь, в Блуте. Платья вроде твоего носят многие дамы, которые... то есть немножко...

— Толстые?! — Она надвинулась всей своей массой на маленького вампира. — Ты это слово подыскиваешь, несчастный коротышка?

— Давай смотреть правде в глаза, дорогая, — пришла на выручку Тананда. — У тебя есть-таки немного лишнего веса. Поверь мне, когда облачаешься в маскарадный костюм, нельзя заблуждаться насчет своей комплекции. И если уж на то пошло, этот наряд тебя немного стройнит.

— Не пытайся обмануть обманщицу, милочка, — вздохнула Маша. — Но насчет переодевания ты права. Хотя эта штука такая *невзрачная*. Сперва я дирижабль, а теперь вот — армейская палатка.

— Вот с *этим* я соглашусь, — кивнула Тананда. — Только мужчина может откопать такое невзрачное «му-му». Вот что я тебе скажу. Есть у меня один шарфик, я собиралась сделать из него кушак, но ты, наверное, могла бы носить его на шее.

Я боялся, что это последнее замечание вызовет еще один взрыв, но Маша восприняла его как полезное предложение, и обе отправились на поиски других возможных украшений.

— Есть свободная минутка, партнер?

По тону Ааза я понял, что настал тот самый миг, которого я страшился.

Коррешу вообще не приходилось беспокоиться о личине, так как тролли в этом измерении — дело обычное. Тананда тоже настаивала, что она достаточно похожа на вампиршу, чтобы сойти за таковую при минимальной модификации. Я не видел вампирш с зелеными волосами, но ей они, похоже, попадались, и поэтому я, как всегда, уступил ее большому опыту в таких делах. Я тоже, по общему соглашению, нуждался в «минимальной личине», поскольку никто в Блуте не разглядел меня как следует, чтобы хорошо запомнить. Хоть я и не пришел в восторг от такой неприметности, но возражать не стал... особенно когда увидел переживания Гвидо и Маши. О трудностях, с коими столкнулись обе наши знаменитости, я уже упоминал: они были досадными, но не непреодолимыми. А ведь еще приходилось думать об Аазе...

— Что-нибудь случилось? — невинно спросил я.

— Можешь биться об заклад на жизнь своего дракона, кое-что случилось! — прорычал мой партнер. — И не пытайся разыгрывать святую невинность! Это у тебя не получалось, когда ты был учеником, и, разумеется, не получится и сейчас.

Личина Ааза представляла для нас несколько сложных проблем. Он не только находился в розыске, он был едва ли не самым приметным в нашей группе. После суда и пребывания в тюрьме сомнительно, чтобы хоть один гражданин Блута не узнал бы его с первого взгляда. Я имею в виду, что просто-напросто по любому измерению бродит не так уж много чешуйчатых зеленых демонов... за исключением, возможно, его

родного измерения Извр. Поэтому мы решили... почти единогласно... что нам необходимо не только сменить с помощью грима цвет моего партнера, но также и его пол.

— Это, наверное, имеет какое-то отношение к твоей личине? — спросил я, пытаясь сохранить бесстрастное выражение лица.

— Да, это имеет некоторое отношение к моей личине, — передразнил он, — и клянусь всеми богами, партнер ты или нет, если ты сейчас улыбнешься, тебе конец. Понятно?

Огромным усилием я втянул щеки и закусил нижнюю губу.

— Но послушай, — почти умоляюще сказал он, — шутки шутками, но не думаешь же ты в самом деле, будто я покажусь на публике в *подобном* виде, ведь так?

Вдобавок к вышеупомянутому гриму личина Ааза требовала платья и парика. Из-за размеров головы моего партнера (Вильгельм предусмотрительно не стал выпячивать эту проблему) выбор имеющихся в наличии париков для него был, понятно, невелик. Проще говоря, в наличии имелся только один образец его размера, называвшийся «Леди Игого-Дива» и представлявший собой высокую белокурую прическу в виде улья с длинным конским хвостом, свисавшим ему до колен. На самом-то деле этот конский хвост оказался удачным дополнением к личине моего партнера, поскольку Вильгельм избрал для него синее платье с исключительно большим декольте; и перекинутые через плечо волосы помогали решить проблему дефицита материала для набивки груди.

— Как однажды сказал мне мой мудрый старый наставник, когда я столкнулся со схожей проблемой, — философски заметил я, — какая разница, что о тебе подумают? Все равно им лучше не знать, что это ты. Для того и весь сыр-бор.

— Но этот наряд унизителен!

— Именно так я и сказал, когда некто, кого я мог бы и назвать, счел, что *мне* необходимо переодеться девушкой, помнишь?

— Ты упиваешься собой, не так ли? — сердито бросил Ааз, с подозрением присматриваясь ко мне.

— Ну, есть еще пара других вариантов, — признал я.

— Вот это дело! — усмехнулся он, протягивая руку к парику.

— Ты мог бы остаться здесь...

Его рука остановилась, чуть-чуть не дойдя до цели.

— ...или мы могли бы забыть обо всем этом и уплатить штраф сами.

Рука дернулась, и мой партнер, сгорбившись, признал свое поражение. Победа не вызвала у меня никакой радости. Если говорить откровенно, так я почти надеялся, что он настолько удручен, что поймает меня на предложении бросить эту затею. Мне следовало знать, что на такое лучше не рассчитывать. Когда речь идет о деньгах, Ааза не остановит ни собственное неловкое положение, ни что-либо еще.

— Отлично, тогда все, — крикнул я, скрывая разочарование. — Мы готовы к выходу?

— Не забудьте про солнцезащитные очки! — добавила Тананда.

Это было последним штрихом в наших личинах. Чтобы скрыть наши некрасные глаза, все мы надели солнцезащитные очки. Наблюдая конечный результат, я вынужден был признать, что, кроме Тананды и Корреша, мы выглядели совсем непохожими на себя. На *кого* именно мы походили, я не рискнул бы сказать, но определенно не на *себя!*

— Ладно, — вмешался Ааз, явно забыв о своем смущении. — Все знают походный порядок? Вильгельм? Вы уверены, что сможете следить за нами с помощью этой штуки?

— Нет проблем, — кивнул маленький вампир. — Когда в делах здесь наступает затишье, я использую это оборудование для невинного заглядывания в окна домов. А за улицами наблюдать и того легче.

— Помните, — сказал я ему, — следите за нашим сигналом. Когда мы доберемся до этого Вика, нам понадобится, чтобы вы побыстрей достали для нас несколько ответственных свидетелей из местных.

— Ну, вообще-то, — зло усмехнулся Ааз, — вам незачем *слишком* с этим спешить. Я не прочь побыть немного с ним наедине, прежде чем мы сдадим его властям.

Сердце у меня екнуло. Ааз, похоже, твердо решил утолить в этой охоте свою жажду мести, и я не был уверен, что он ограничится Виком, когда придет время выразить свое раздражение.

Думаю, Тананда заметила мою озабоченность.

— Полегче, Ааз, — небрежно сказала она. — Я готова выручить тебя из беды, но в насилии из мести на меня не рассчитывай.

— С каких это пор тебя стало беспокоить насилие? — проворчал Ааз, но затем пожал плечами, соглашаясь с ней. — Ладно. Но, может, нам повезет. Может, он окажет сопротивление при аресте.

Я все еще тревожился, но понял, что большей сдержанности от моего партнера мне, вероятно, не добиться.

— А теперь, когда с этим решено, — сказал я, доставая шарфик Луанны, — Пепе, понюхай-ка вот это.

— Очаровательний запах, — улыбнулся он, понюхав кусок ткани. — Молотая дама, нет? Если тело ничуть не хуже аромата, то я послетую за ней хоть на край сфета, незафисимо от того, путете ви сопровождать меня или нет.

Я удержался от порыва обмотать ему шарфом шею и затянуть потуже.

— Отлично! — Я забрал шарфик и засунул его обратно под тунику небрежным, как я надеялся, движением. — Вперед за вампиром-ренегатом!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Следы должны быть где-то здесь!
Д. Бун

Когда мы отправились на поиски, до заката оставалось всего несколько часов — саднящее напоминание о том, как долго мы провозились с личинами. Мы договорились не следовать за Пепе всей группой, дабы не привлекать внима-

ния. И двигались поодиночке — по двое, идя по обеим сторонам улицы и намеренно с разной скоростью. Шагавшие быстрее, чтобы сильно не отрываться от шагавших помедленнее, останавливались то и дело поглазеть на витрины лавок, и мы таким образом продвигались всей группой, внешне никак этого не показывая. Тананда считала, что такая процедура не только уменьшит риск оказаться замеченными, но и даст максимум шансов спастись хотя бы некоторым, если одного из нас разоблачат... воистину утешающая мысль.

Хотя, по утверждениям Луанны, она высматривала нас у Диспетчера, было это все же давно, и я не сомневался, что запах ее с тех пор совершенно рассеялся или смешался с другими. И поэтому я слегка удивился, когда вервольф почти сразу же просигналил о том, что нашел след, и с решительным видом двинулся вперед. То ли запах у нее оказался более стойким, чем я думал, то ли я сильно недооценил следопытские способности Пепе.

След петлял туда-сюда по уличным мостовым, и мы шли по нему с максимальной скоростью, насколько это было возможно при нашей роли лениво прогуливающихся и не знающих друг друга прохожих. Временами нашей группой почти исчерпывалось пешеходное движение, отчего я усомнился в эффективности нашего обмана, но вскоре на улицу высыпали вампиры, спешащие вкусить ночной жизни, и мы стали немного менее приметными.

Я шел в паре с Коррешем, но, когда мы пробирались по улицам, тролль держался до странности тихо. Сперва я думал, что он просто боится потерять из поля зрения вервольфа, но потом это молчание стало меня почему-то угнетать. Я всегда уважал Корреша как одного из самых нормальных, уравновешенных членов нашей пестрой компании, и именно поэтому теперь у меня складывалось впечатление, что ему все это предприятие как-то не по душе.

— Тебя что-то беспокоит, Корреш? — спросил я наконец.

— Хм-м-м? О. Да в общем-то нет. Просто я думал...

— О чем?

Тролль издал легкий вздох.

— Я размышлял о нашем противнике, об этом Вике. Знаешь, судя по всем рассказам, он порядком изобретателен, на свой лад.

Это меня слегка ошарашило. До сих пор я готов был считать нашего врага-вампира всем, чем угодно, от занозы в пятке до злого рока. Мне и в голову не приходило изучить его методы.

— И из чего же ты делаешь такой вывод?

Тролль поджал губы, собираясь с мыслями.

— Посмотри, как он все это время действует. Сколько мы его знаем, он находится в бегах... сперва от деволов, а потом от Ааза, который мастер ловить беглецов, коли поставит себе такую цель. Так вот, если допустить, что Вик и в самом деле мозг шайки, он оказался довольно шустрым, когда, воспользовавшись безнадзорным пребыванием в приемной, сбежал через заднюю дверь. Он не мог спланировать этого заранее, даже зная о двери. Вероятно, у него был на уме какой-то иной план, а новое решение он уже принял на месте.

Мы остановились на миг, давая небольшой группе вампиров перейти перекресток впереди нас.

— Так вот, в большинстве случаев на этом бы все и закончилось, но они ухитрились свалить ответственность за свой побег на тебя с Аазом, и твой партнер был вынужден броситься в погоню, — продолжал Корреш. — Не имея никаких данных для расчетов, кроме вашей репутации, Вик не только правильно заключил, что за ним обязательно будет погоня, но также и сумел заметить слабость Ааза и воспользоваться ею для того, чтобы повесить на него убийство, и сделал это очень правдоподобно... опять же, не самая легкая задача, особенно если учесть, что для этого ему потребовалось убедить и подучить двух соучастников.

Все это отнюдь не способствовало моему душевному покою. Мне и так было достаточно трудно смириться с тем, что

мы вообще охотимся на вампира — существо из разряда тех, кого я обычно стараюсь избегать, — а если он к тому же еще и хитер и изобретателен... Но тем не менее я давно усвоил, что игнорировать неприятные элементы операции — не лучший способ к ним подготовиться.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну, — вздохнул тролль, — когда вы наткнулись на его укрытие у Ав-Авторов, он не ударился в панику, а стал выжидать и вызнал о твоих планах, все это время пользуясь информацией о тебе из первых рук, а затем так выбрал момент для своего бегства, что захватил вас врасплох.

Я переварил этот малоприятный довесок к быстро растущей куче фактов.

— Ты действительно думаешь, что он оценивал меня и мои возможности?

— Я в этом нисколько не сомневаюсь. Он не только определял твое умение и решимость, но, основываясь на этих наблюдениях, достаточно успешно предугадал твои действия, чтобы дождаться, когда вы извлечете Ааза из тюрьмы, и поднять тревогу... исключительно смелый ход, если учесть, что он рисковал быть узнанным, из-за чего полетело бы к чертям спровоцированное им липовое обвинение.

— Смелый или отчаянный, — задумчиво произнес я. — Вероятно, именно поэтому он, прежде чем включать сирену, подождал, пока мы действительно не освободим Ааза и не начнем спускаться. Если бы мы скрылись целыми и невредимыми, то ложное обвинение опять же потеряло бы всякий смысл, но в этом случае он бы ничем не рисковал.

— Будь по-твоему, — пожал плечами тролль. — Конечный вывод все равно таков: нам предстоит разгрызть твердый орешек. Можно только гадать, что же он предпримет, когда мы настигнем его на этот раз.

— Если он таков, каким мы знали его до сих пор, нам, возможно, придется туго.

Корреш бросил на меня быстрый взгляд искоса.

— На самом-то деле я думал, что туго придется даме твоего сердца... если он сумел заметить твои чувства к ней.

Я начал было возражать, но затем до меня дошел смысл его гипотезы, и смущение уступило место озабоченности.

— Они действительно так очевидны? Ты думаешь, он мог их заметить? Если так, то Луанне уже досталось за контакт с нами.

— Твои чувства из тебя так и прут, это видно невооруженным глазом всякому, кто тебя знает, — покачал головой Корреш. — А что до тех, кто наблюдает за тобой впервые... просто не знаю. Скорее всего он мог догадаться об этом из-за имеющихся у тебя сведений... ну, например, тебе известно его имя. Такие данные должны откуда-то исходить, хотя есть ничтожный шанс на то, что при твоей нынешней репутации он решит, будто ты извлек их из какого-то магического источника.

Я едва слышал его. Все мои мысли кружились вокруг Луанны. Она могла пострадать, в общем, по моей вине. Меня захлестнуло волной отчаяния, когда я почувствовал руку на своем плече.

— Не отключайся, Скив, — говорил Корреш, стараясь меня встряхнуть. — Во-первых, ты нам вскоре понадобишься. А во-вторых, даже если Вик вычислил, что ты в нее влюблен, то мне думается, он не причинит ей вреда. Скорее наоборот, будет беречь ее как козырь против нас.

Я с трудом втянул в себя воздух поглубже.

— И такой ублюдок, как он, вполне вероятно, именно так и сделает, — сказал я. — Не знаю, что я смогу сделать, для нас или для нее, но готов попробовать. Спасибо, Корреш.

Тролль внимательно изучал меня взглядом.

— На самом-то деле я не думаю, что он такой мерзавец, — сказал он, — это скорее умный, изобретательный парень, оказавшийся на мели и пытающийся по мере сил сымпровизировать какой-то выход. Честно говоря, старина Скив, во многих отношениях он напоминает мне тебя. Можешь подумать

об этом, пытаясь оценить его вероятные действия и способы им противостоять.

Я снова попытался осмыслить его слова, но мог думать лишь о том, чем все это кончится для Луанны. Мне и так трудно было согласиться с тем, что нам придется заставить Луанну и ее сообщников отвечать перед властями за свои неблагоразумные поступки, но мысль о том, что в опасности ее жизнь, была просто невыносима.

Я огляделся, ища Ааза, твердо вознамерившись раз и навсегда положить конец нашей охоте. К моему удивлению, остальная группа собралась впереди на углу и мой партнер делал нам знак присоединиться к ним.

— Что происходит? — спросил я чуть слышно.

— Ну, прежде всего, — ответил Корреш, — я бы сказал, что мы у цели.

Меня окатило холодной волной страха, и я поспешил к месту встречи. Корреш от меня не отставал.

— Нам повезло, — объявил Ааз, когда я прибыл. — Гвидо говорит, что он видел, как Вик входил в здание как раз перед тем, как мы подошли сюда. По моим предположениям, они все сейчас там.

— Ааз, я... Я хочу, чтобы мы немедленно все бросили, — выпалил я, болезненно сознавая, как слабо это прозвучало.

— Да? — вскинул бровь мой партнер. — Есть какая-то особая причина?

Я провел языком по губам, чувствуя на себе взгляды всей группы.

— Только одна. Я влюблен в одного из беглецов... в девушку.

— Да. А теперь скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — подмигивая мне, ухмыльнулся Ааз.

— Ты знал?

— Все мы знали. Представь себе, мы только что это обсуждали. Вспомни, мы все тебя хорошо знаем... а я, вероятно, лучше всех. В общем-то уже практически решено отпустить

твою прелестницу восвояси. Считай это нашим тебе подарком. Но двое остальных — извини.

Пять минут назад это привело бы меня в счастливый восторг. Теперь же это, казалось, лишь осложнило положение.

— Но Корреш как раз сейчас говорил мне, что они могут причинить ей зло, если выяснят про то, как она нам помогла, — отчаянно объяснил я. — Разве нельзя отпустить восвояси их всех?

— Ни за что, партнер, — твердо сказал Ааз. — Вдобавок к нашим первоначальным причинам ты только что упомянул новую. Твоя подружка может попасть в беду, и единственный способ гарантировать ей безопасность — это устранить ее партнеров... срочно.

— Поверь ему, Скив, — поддакнула Тананда. — Может, это и неприятно, но это самый лучший способ.

— В самом деле, босс, — спокойно сказал Гвидо. — Если мы не покончим с этим делом раз и навсегда, то никогда не будем знать, в безопасности ли она, вам ясно, что я имею в виду?

Это было в общем-то логично, но я все же тревожился.

— Не знаю, Ааз...

— Ну а я знаю, — отрезал мой партнер. — И чем дольше мы здесь торчим, тем больше у них шансов либо смыться, либо устроить ловушку. Если ты не уверен, то оставайся здесь... кстати, это неплохая мысль. Маша, побудь с ним на случай, если они попробуют выскочить здесь. И пока ждете, высматривайте свидетелей, которых должен прислать Вильгельм. Тананда, ты с Коррешем и Гвидо отправляешься со мной. Это работа для опытных рецидивистов. Пепе, мы ценим твою помощь, но это действительно не твоя стихия.

— Ну конечно, — усмехнулся вервольф. — Кроме того, я любить занимайся любовью, а не войной. Подожду здесь финаль, да?

— Но, Ааз...

— В самом деле, партнер, от тебя будет больше пользы здесь. Такая драка не по твоей части, и нам нужен кто-то для разговора со свидетелями. Вот по этой части ты спец.

— Я собирался спросить, подал ли ты сигнал Вильгельму.

— Сигнал? — Ааз многозначительно подмигнул. — Как тебе вот такой сигнал?

И с этими словами он сорвал с себя парик и бросил его на землю, а затем быстро отправил туда же платье.

— Как по-твоему, дойдет до него такое послание? Кроме того, я ни в коем разе не собираюсь пробовать драться в этом наряде.

— Вот теперь ты дело говоришь! — гаркнул Гвидо.

Он молниеносно скинул с себя плащ и натянул знакомую мне уже полушинель.

— Откуда она взялась? — грозно спросил я.

— Держал при себе, — самодовольно сказал телохранитель. — Оставить ее было бы все равно что бросить старого друга.

— Ну, если ты и твой старый друг готовы, — пробормотала себе под нос Тананда, — то нам пора начинать.

— Руки чешутся? — усмехнулся Ааз.

— Нет. Просто не терпится убраться с улицы, — ответила она. — Вы ведь, ребята, показали себя во всей красе — мы начали собирать толпу.

И верно, вампиры на улице останавливались и собирались кучками, перешептываясь и показывая на нашу группу.

— М-гм-м... нам лучше покончить с этим побыстрей, — заключил Ааз, метнув нервный взгляд по сторонам. — Отлично, ребята. Идем ва-банк!

— Идем во что? — спросил я, но они уже входили в здание.

Я заметил, что двигались они быстрее обычного. А еще я заметил, что на улице остались только Маша, Пепе да я... и толпа теперь указывала на нас!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я протопал так далеко не для того, чтобы сидеть сложа руки, когда идет драка!

Р. Бальбоа

— Что здесь происходит?

Я оглянулся и увидел, что один из вампиров отделился от группы своих друзей и обратился прямо ко мне.

— Понятия не имею, — пришла мне на помощь Маша. — Кучка иномирцев только что рванула в это здание с налитыми кровью глазами. Я вот жду, что будет дальше.

— Круто, — выдохнул вампир, оглядывая строение. — Никогда не видел столько иномирцев в одном месте, разве что в боевиках. А один из них случайно не тот беглый убийца Ааз?

Мне действительно не хотелось, чтобы этот субъект присоединился к нашей маленькой группе. Хотя наши личины, похоже, выдержали беглый осмотр, я был почти уверен, что при длительном наблюдении с близкого расстояния выявится не только наша с Машей неместная природа, но также и тот факт, что мы пытались это скрыть.

— Возможно, вы правы, — согласился я на всякий случай. — Если так, то хорошо, что вы оказались тут. Нам понадобится ваша помощь.

— Помощь? Помощь в чем?

— Ну конечно же, в поимке преступника. Мы не можем позволить ему снова скрыться. Как я понимаю, наш долг задержать его самим или по крайней мере не дать смыться, пока не прибудут власти.

— Мы? Вы имеете в виду вас троих? Вы намерены попробовать сами задержать убийцу?

— С вами нас теперь четверо.

Вампир попятился назад.

— М-гм-м-м... на самом-то деле мне надо вернуться к друзьям. Мы идем на вечеринку. Сожалею, что не могу помочь, но я расскажу всем, что вы ищете добровольцев, хорошо?

— Эй, спасибо, — крикнул я, словно поверил ему. — Мы будем здесь же.

Я не успел закончить, как он исчез в толпе. Цель была достигнута.

— Неплохо, друг мой, — прошептал Пепе. — Он, как ви говоритэ, не хотель впутывайся, нет?

— Совершенно верно. — Я снова поглядел на здание. — И откровенно говоря, я тоже не в сильном восторге от такой мысли. Как по-твоему, Маша? Что-то там очень тихо.

— Да уж, — согласилась моя ученица. — Я как раз пыталась сообразить, хороший это признак или плохой. Еще десять минут, и я отправлюсь туда проверить все лично.

Я кивнул в знак согласия, хотя не думаю, что она это увидела. Мы оба не сводили глаз со здания, запоминая каждую его деталь.

Это было четырехэтажное строение или было бы таким, если бы не изогнутый конек, выпиравший из крыши на добрую половину основной высоты здания. Все выглядело так, словно строитель вдруг добавил украшение, пытаясь в последнюю минуту сделать свое творение таким же высоким, как соседские, а то и повыше. Видя в основном здании множество окон, я предположил, что это либо многоквартирный дом, либо отель, либо что-то в этом роде. Короче, судя по его виду, в нем было много маленьких комнат. Тут я стал гадать, удастся ли нашим ударным силам выйти на цель без того, чтобы повышибить каждую дверь в доме... зная Ааза, я такой возможности отнюдь не исключал.

Я собирался поделиться этим опасением с Машей, когда изнутри раздался громкий треск.

— Что это было? — спросил я, ни к кому не обращаясь.

— Похоже на громкий треск, — любезно уведомила меня ученица.

Я напомнил себе, что все здесь знали о происходящем в здании не больше моего.

После треска все снова стихло. Я стал убеждать себя, что этот шум мог быть вообще никак не связан с нашей ударной

группой, но ни на мгновение в это не поверил. Толпа взволнованно переговаривалась и напряженно вглядывалась в окна. Вампиры, похоже, были в полной уверенности, что вскоре случится еще что-то. Впрочем, возможно, жителям города было не привыкать к подобным бдениям.

Внезапно в дверях появилась Тананда.

— Они здесь не пробегали? — обратилась она к нам.

— С тех пор как вы бросились туда, никто не входил и не выходил, — отвечал я.

Она выругалась и направилась опять в здание.

— Что случилось? — отчаянно крикнул я ей вслед.

— Мы взяли одного из них, но Вик удрал. Прячется где-то в здании и прихватил с собой девушку.

С этими словами она исчезла, прежде чем я успел задать новый вопрос.

Чудесно!

— Волнительно, а? — сказал Пепе. — Честное слово, я мог бы часами наблюдать за такой погоней.

— Ну а я не могу, — отрезал я. — Хватит с меня сидеть в сторонке. Маша? Я иду туда. Хочешь со мной?

— Не знаю, шеф. Я бы хотела, но должен же кто-то затыкать здесь дырку.

— Отлично. Жди здесь, а я...

Я повернулся, чтобы войти в здание, и напоролся на Вильгельма.

— Что вы здесь делаете? — без большого интереса осведомился я.

Диспетчер слегка мотнул головой, как бы собираясь с мыслями. Из-за малого роста ему при столкновении досталось больше, чем мне.

— Я пришел со свидетелями. Помните, мне полагалось привести их?

— Вам полагалось *прислать* их. Ладно, где они?

— Да вон, — показал он на стоявшую позади него мрачную группу вампиров. — Это Кирби, Пол, Ричард, Адель и

Скотт... они из самых уважаемых в городе граждан. Убедите их, и ваше дело в шляпе.

Глядя на эту группу, я вдруг понял, почему Ааз очутился в камере смертников. Если присяжные заседатели были вроде этих свидетелей, то они бы и мать родную повесили за переход улицы в неположенном месте. Меня хоть и не радовала перспектива убедить их в чем бы то ни было, но хорошо было уже то, что не приходилось иметь с ними дело до сих пор.

— Ладно. Итак, мы здесь, — проворчал один из них, представленный как Кирби. — Вот только чего нам здесь засвидетельствовать? Если это очередная твоя пустяковина, Вильгельм...

Я прервал его речь, просто сняв солнцезащитные очки и широко открыв глаза, демонстрируя их белки. Скверной репутации человеков в этом измерении вполне хватило, чтобы привлечь ко мне их пристальное внимание.

— Наверное, вы помните состоявшийся не так уж давно суд по делу об убийстве? — сказал я, пытаясь удалить языком краску с зубов. — Так вот, сбежавший из-под стражи осужденный убийца — мой партнер, и находится он в данный момент в этом здании. Он вместе с несколькими нашими друзьями собирается показать вам один удивительно живой труп... а точнее, парня, которого мой партнер якобы убил. Надеюсь, этого хватит, чтобы убедить вас в его невиновности?

Хотя мое появление в их среде и ошарашило вампиров, они быстро успокоились. Как я сказал, это были те еще личности, и произведенное мной на них впечатление быстро рассеялось.

— И сколько же времени это займет? — нетерпеливо спросил Кирби. — Я ради вас отказался от сна, а что-то не вижу большой выгоды от этого дела.

Это был хороший вопрос, и поэтому, не имея на него ответа, я стал тянуть время.

— Вы спите по ночам? А я думал...

— Я — дневная сова, — отмахнулся вампир. — Мою работу легче сделать, когда телефон не звонит каждые пять ми-

нут... а это значит, что надо ждать, пока не уснут все прочие. Но мы отклонились от темы. Суть в том, что время мое дорого, и то же относится и к моим коллегам. Если вы думаете, будто мы собираемся просто стоять здесь, пока не...

Толпа зевак внезапно вскрикнула, и мы увидели, как все они взволнованно переговариваются и показывают на крышу.

Там появилась фигура, пытавшаяся взобраться по крутому скату, волоча одной рукой вырывающуюся девушку.

Вик!

В первый раз я ясно разглядел своего врага и даже удивился. Он оказался моложе, чем я ожидал, едва ли старше меня, и носил вместо угрожающего плаща белый свитер-водолазку и солнцезащитные очки. Мне вдруг пришло в голову, что если солнцезащитные очки давали мне возможность сойти за вампира, то они также позволили бы и вампиру ходить незамеченным среди людей.

Вампир внезапно остановился, так как ему преградила путь Тананда, появившаяся словно по волшебству из-за конька крыши. Он повернул назад и увидел, что сзади внезапно возникло трио в составе Ааза, Гвидо и Корреша, отрезая ему путь к отступлению.

— Мне думается, господа и дамы, что вон там и находится то неуловимое тело, из-за которого и было возбуждено это дело, — услышал я свой голос. — Если вы потерпите еще несколько минут, я думаю, *мои* коллеги возьмут его под стражу и вы сможете спокойно его допросить.

— Не слишком рассчитывай на это, Девятый Вал, — вмешалась Маша. — Смотри!

Поскольку Вику перекрыли избранные им пути бегства, он теперь лез на самый конек крыши, держа на весу Луанну. Хотя я невольно восхитился его силой, мне было совершенно непонятно, чего он пытается достичь этим маневром. Ведь его же явно разоблачили, так почему же он просто не сдастся?

Ответ стал очевидным в следующие несколько мгновений. Добравшись до конька крыши, вампир претерпел пугающую

метаморфозу. Прежде чем до него успели добраться наши ударные силы, он сгорбился, и из спины у него стали расти и разворачиваться огромные перепончатые крылья. Планы его сорвались, и он готовился сбежать.

Немедленно среагировав на его усилия, и Тананда, и Гвидо дружно извлекли стрелковое оружие и что-то выкрикнули. Хотя из-за слишком большого расстояния трудно было разобрать слова, на мой взгляд, они явно угрожали застрелить его, если он попробует взлететь.

— Возможно, у нас будет еще дело об убийстве, — пробормотал Кирби, сощурившись, следя за разворачивающейся на крыше драмой.

— Убийстве? — воскликнул я, поворачиваясь к нему. — Какое же это убийство, если они всего лишь пытаются помешать ему сбежать от *вашего* правосудия?

— Я имел в виду не это, — пояснил вампир, не отрывая глаз от места действия. — Посмотрите сами.

Я посмотрел... и сердце у меня остановилось. Ааз пытался подняться на конек крыши поближе к Вику и его заложнице. Должно быть, Вик увидел его, так как теперь он держал Луанну над краем крыши, угрожающе направив палец на моего партнера. Угроза была недвусмысленной.

— Знаетэ, вот такой народ и создаль дурную славу вампирам, а? — ткнул меня локтем в бок Пепе.

Я проигнорировал его замечание, оцепенев от ужаса и отчаяния перед явно патовой ситуацией. Однако куда более сильный тычок со стороны Маши вывел меня из этого состояния.

— Эй, шеф. Ты видишь, что вижу я?

Я оторвал взгляд от крыши и быстро глянул в ее сторону. Она стояла не двигаясь, сосредоточенно наморщив лоб и с закрытыми глазами.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что она делает, а затем я последовал ее примеру, едва смея надеяться.

Она была там! Силовая линия! Большая, мощная, прекрасная, славная силовая линия.

Я настолько привык не иметь в этом измерении никакой энергии в своем распоряжении, что даже не потрудился проверить!

Я открылся для энергии, какой-то миг просто упиваясь ею, а затем ее переканализировал.

— Извините, — улыбнулся я, отдавая Кирби свои солнцезащитные очки. — Мне самое время поучаствовать в этом деле.

И с этими словами я мысленно потянулся, оттолкнулся от земли и воспарил вверх, взяв курс к загнанному на крыше в угол вампиру.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ладно, пилигрим. Пускай это будет строго между нами.

А. Гамильтон

Я надеялся подойти незамеченным, но, когда взлетел, толпа внизу издала рев, привлекший внимание бойцов на крыше. Восхитительно! Когда мне хотелось безвестности, я стал знаменитостью.

Достигнув одного уровня высоты с вампиром, я завис в воздухе на почтительном расстоянии.

— Уберите пугачи, — крикнул я Тананде и Коррешу. — По воздуху ему не уйти.

Они выглядели недовольными, но приказ выполнили.

— Что это за детские штучки, партнер? — крикнул Ааз. — Чувствуешь прилив сил или нашел наконец силовую линию?

— И то, и другое, — помахал я в ответ, а затем снова переключил внимание на Вика.

Хотя его глаза закрывали непроницаемые солнцезащитные очки, я почувствовал, как его ненавидящий взгляд прожигает меня насквозь.

— Почему бы тебе просто не сдаться? — произнес я, как надеялся, мирным, успокаивающим тоном. — Все кончено. Мы обложили тебя со всех сторон.

С минуту он, казалось, нерешительно колебался. А затем без предупреждения швырнул Луанну в Ааза.

— Почему вы не можете просто оставить меня в покое! — завопил он и прыгнул с крыши.

Ааз каким-то образом сумел подцепить брошенное в него тело заложницы, хотя при этом потерял равновесие и опрокинулся спиной на конек крыши, смягчая для девушки удар собственным телом.

Я разрывался между желанием проверить, что там с Луанной, и необходимостью преследовать Вика.

— За ним! — призвал мой партнер. — Мы целы и невредимы!

Другого поощрения мне не требовалось. Развернувшись направо, я спикировал следом за удирающим вампиром.

А затем последовало одно из наиболее интересных испытаний в моей скромной карьере мага. Как я уже упоминал, моя форма магического полета на самом деле не полет... а управляемая левитация самого себя. И это превращало захватывающую погоню в настоящий вызов моим способностям. Впрочем, Вик тоже по-настоящему не умел летать... по крайней мере он, кажется, никогда не взмахивал своими крыльями. Вместо этого он, похоже, довольствовался парением, виражами, а иной раз ловил восходящий воздушный поток. Это вынуждало его постоянно кружить и раз за разом возвращаться примерно в то же место. Меня это вполне устраивало, так как я не хотел чересчур удаляться от энергизирующей меня силовой линии теперь, когда я нашел ее. Меня вовсе не привлекала мысль лишиться мощности в пятидесяти футах над землей.

Так или иначе, наша воздушная дуэль быстро стала любопытным состязанием стилей, где Вик пикировал и кружил, пытаясь сбежать, а я совершал вертикальные и горизонтальные маневры, стремясь перехватить его. Незачем и говорить,

что такой конфликт разрешился не быстро. Как только я рассчитывал движение, которое можно было бы вполне назвать перехватом, и намеревался проделать его дважды, Вик замечал грозящую ему опасность и изменял направление, предоставляя мне разгадывать его новый курс.

Толпе это очень понравилось.

Она орала и вопила, и ободряющие слова долетали до нас то громко, то слабо, когда мы меняли высоту. Было невозможно определить, кого из нас они подбадривали, хотя я какое-то время думал, что все же меня, учитывая общий восторг, когда я впервые взлетел, чтобы вступить в сражение. Затем я заметил, что толпа с тех пор, как я вступил в схватку, существенно увеличилась, и понял, что многие в ней не были свидетелями начала конфликта. Им, вероятно, казалось, что чудовище из другого измерения гоняется в небе за одним из их собратьев.

Эта мысль достаточно обеспокоила меня, и я стал отвлекаться и осматривать крыши на тот случай, если какой-нибудь местный снайпер вознамерится помочь своему соотечественнику. Это оказалось самым мудрым из принятых мною решений.

Оглядываясь через плечо, я с силой врезался в Вика, вернувшегося на свой же прежний курс. Этот финт, вероятно, сработал бы, если бы я его заметил, ну а так как мы столкнулись на максимальной скорости, удар на мгновение оглушил нас обоих. Я сумел схватиться обеими руками за водолазку вампира, и мы упали футов на десять, прежде чем я отрегулировал свою левитационную силу для поддержания нас обоих.

— Какого черта! — воскликнул я, пытаясь тряхнуть его, но сумел лишь подергать нас обоих в воздухе туда-сюда. — Бегством делу не поможешь.

И тут я понял, что он плачет.

Это почему-то показалось мне до крайности нечестным. Я имею в виду, как, спрашивается, обращаться с плачущим злодеем? Ладно. Допустим, я размазня. Но плач действительно менял дело.

— Я не могу драться со всеми вами! — прорыдал он, по щекам его струились слезы. — Если бы я немного знал магию, то сумел бы прихватить с собой одного из вас... во всяком случае, тебе придется потрудиться, прежде чем ты меня убьешь!

И с этими словами он вырвался из моего захвата и спикировал прочь.

Его слова настолько ошеломили меня, что я чуть не дал ему сбежать. К счастью, у меня хватило ума крикнуть ему вслед:

— Эй, дубина! Никто не пытается тебя убить!

— Да уж! — крикнул он в ответ. — Ты взлетел сюда просто для забавы.

Он начинал закладывать вираж к улице, и я понял, что у меня есть еще время только для одной попытки.

— Послушай, давай так. Ты не убегаешь, а я тебя не преследую! По-моему, здесь какое-то недоразумение.

Он оглянулся через плечо и увидел, что я все еще там, где мы столкнулись. Слегка изменив курс, он свернул крылья и приземлился на резной горгулье, выступавшей из стены здания.

— С чего бы это тебе захотелось поговорить? — крикнул он, вытирая одной рукой лицо. — Я думал, никакие мои слова не способны изменить твоего решения.

— Тебя может ожидать сюрприз, — крикнул я в ответ. — Слушай, ты не против, если я приземлюсь на этом карнизе неподалеку от тебя? Я чувствую себя довольно глупо в подвешенном состоянии.

Он взглянул на указанный карниз, и я увидел, как у него нервно дернулись крылья.

— Брось, — убеждал я его. — Там я буду от тебя даже дальше, чем был, когда мы начали на крыше эту погоню. У тебя по-прежнему будет открыт путь к бегству, если я чего-нибудь затею.

Он поколебался, а потом кивком выразил согласие.

Двигаясь помедленней, чтобы не вспугнуть его, я проманеврировал к своему насесту. По правде говоря, я рад был

снова почувствовать под ногами что-то прочное. Даже с применением магии полет может отнять много сил, и я испытал облегчение, получив шанс отдохнуть. Теперь, приблизившись, я увидел, что Вик и сам тяжело дышит. Очевидно, его форма полета тоже была не из легких.

— Ладно, — сказал я, немного успокоившись. — Давай разберемся в этом с самого начала. Кто говорит, будто мы пытаемся тебя убить?

— Мэтт, — ответил вампир. — Именно он рассказал мне о тебе и твоем ручном демоне. Честно говоря, я и не слыхивал о тебе, пока Мэтт не объяснил, в чей дом нас угораздило попасть.

— Мэтт? — нахмурился я.

А затем вспомнил. Конечно. Третий член шайки беглецов. Старый аферист — партнер Луанны, на которого никто вообще не обращал внимания. В голове у меня начал образовываться зародыш идеи.

— И он говорит, что мы задумали тебя убить?

— Именно. По его словам, умирает всякий, кто встанет поперек дороги Великому Скиву или выставит его дураком... а раз мы воспользовались твоим домом для побега....

Опять эта моя репутация. Я начинал понимать, почему многие маги предпочитали вести затворническую жизнь.

— Это бред, Вик, — возразил я. — Если бы я пытался убить всех, кто выставлял меня дураком, то стоял бы на горе трупов.

— Да ну? — отпарировал он. — А если ты не собирался меня убивать, то зачем тогда отправил за нами своего ручного демона?

Несмотря на всю свою решимость уладить это дело по-дружески, я начинал раздражаться.

— Прежде всего он вовсе не ручной демон. Он мой партнер, и зовут его Ааз. Во-вторых, я его не отправлял. Он оглушил меня и отправился сам. В-третьих и в-последних, он никогда не собирался убивать тебя. Он пытался доставить тебя и твоих со-

общников обратно на Деву, чтобы нам не пришлось платить обманутым вами компенсацию плюс здоровенный штраф. Ты улавливаешь или я говорю чересчур быстро для тебя?

— Но я никого не обманывал, — возразил вампир. — Эта парочка предложила мне помочь им продавать магические амулеты. Я не знал, что они ненастоящие, пока Мэтт не сообщил, что клиенты встали на дыбы и нам пора сваливать. Я предложил спрятаться здесь, потому что, кроме Базара, не знаю никакого другого места.

— Угу, — промычал я, изучая небо. — Может, еще скажешь, что не подставлял моего партнера *и* не поднимал тревогу, когда мы пытались его вызволить из тюрьмы?

Крылья у Вика обвисли, и он опустил голову.

— Вот этого я не могу отрицать... но я перепугался! Демона я подставил потому, что не мог придумать иного способа сбить его на время с нашего следа. Я действительно думал, что он сам сможет освободиться, а когда увидел вас у Ав-Авторов, то понял, что он окажется на свободе. Я поднял тревогу, надеясь, что вас всех поймают и задержат на достаточно долгий срок, чтобы нам удалось скрыться. Согласен, теперь я не в восторге от своих поступков, но что бы *ты* сделал, если бы по твоему следу шла стая убийц-демонов?

Вот с *этим* я вполне мог отождествить себя. В ушах у меня вновь зазвучали слова Корреша о моем сходстве с Виком. Мне и самому приходилось импровизировать в весьма сложных положениях.

— Минуточку! — проворчал я. — Коль речь зашла об убийцах-демонах, то как называется твое помахивание Луанной там, у края крыши?

— Я блефовал, — пожал плечами вампир. — Твои друзья угрожали застрелить меня, если я попытаюсь улететь, и я не мог придумать иного способа заставить их отступить. Я бы никому намеренно не причинил зла... особенно Луанне. Она милая девушка. Потому-то я и пытался помочь ей сбежать со мной после того, как они поймали Мэтта.

Это вернуло меня к вопросу, который не давал мне покоя с той самой минуты, как я начал эту дикую погоню.

— Извини, но почему ты просто не превратился в туман и не унесся с ветром? Тогда мы ни за что не смогли бы тебя поймать.

Вик рассмеялся коротким, горьким смехом.

— Если бы ты знал, как трудно превратиться в туман! Впрочем, ты ведь маг. Возможно, и знаешь. В любом случае мне нечего от тебя скрывать. Я не силен по части магии... по правде говоря, я и вампир-то довольно неважный. Я не умею даже до конца обернуться летучей мышью! Эти крылья — самое лучшее, на что я способен. Вот поэтому я и пытался начать новую жизнь на Базаре. Предпочитаю быть скорее первоклассным кем угодно, чем третьеразрядным вампиром. Я имею в виду, что мне ведь даже кровь не по вкусу!

— Тебе следует познакомиться с моим телохранителем, — невольно усмехнулся я. — Это гангстер с аллергией на чеснок.

— Чеснок? Я люблю чеснок.

Я открыл было рот, собираясь предложить ему работу Гвидо, но затем быстро закрыл его. Если этот субъект дошел хоть до половины того отчаяния, какое звучало в его словах, то он, вероятно, воспримет мое предложение всерьез и согласится, и где же тогда я окажусь? Не хватало нам в нашем зверинце только слабого в магии вампира.

— Ну, — проговорил вместо этого я, — полагаю, я получил ответы на все мои вопросы, кроме одного. Теперь, когда ты знаешь, что мы не пытаемся тебя убить, готов ты перестать бегать и ответить за свои поступки?

Вампир задумчиво погрыз нижнюю губу.

— Ты уверен, что все будет в порядке?

— Не могу сказать наверняка, пока не поговорю с партнером, — признался я. — Но не сомневаюсь, что все можно будет уладить. Главная проблема — снять с него обвинение в убийстве... чего, я думаю, мы уже достигли. Что же касается тебя, то, по-моему, единственное, что тебе могут предъявить,

это ложное обвинение, а Ааз ни за что не станет настаивать на возмездии.

— Это почему же?

Я одарил его наилучшей своей усмешкой.

— Потому что если он это сделает, то мы не сможем вернуть тебя на Деву разбираться с обвинением в мошенничестве. Уж поверь мне, если есть возможность выбирать между местью и экономией средств, то не сомневайся — Ааз всегда будет склонен простить.

Вик еще несколько мгновений поразмышлял об этом, а затем пожал плечами.

— Краснеть мне не привыкать, а от обвинения в мошенничестве, думаю, смогу отбрыкаться. Ладно, Скив. Давай кончать с этим делом.

Достигнув наконец перемирия, пусть даже на время, мы вместе спустились к поджидавшей внизу толпе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На вкус и цвет товарищей нет!

Полковник Сандерс

— Но, Скив...

БАЦ!

— ...я уже сказала тебе...

БАЦ! БАЦ!

— ...я никак не могу бросить Мэтта...

БАЦ!

— ...он мой партнер!

БАЦ! БАЦ!

— Но, Лу...

БАЦ!

— ...извини, я сейчас. ЭЙ, ПАРТНЕР! ТЫ НЕ МОГ БЫ НА МИНУТКУ ПЕРЕСТАТЬ СТУЧАТЬ? Я ЗДЕСЬ ПЫТАЮСЬ ВЕСТИ СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР!

— Ни за что, — проворчал Ааз с полным ртом гвоздей. — Я навсегда заколачиваю эту дверь, чтобы не случилось чего-нибудь еще. Но вот разве что ради тебя постараюсь заколачивать ее потище.

Если вы делаете из всего этого вывод, что мы вернулись к себе домой на Деву, то вы правы. После долгих, напряженных разговоров с гражданами Блута и нежных прощаний с Вильгельмом и Пепе вся наша команда, включая и трех пленников, без всяких происшествий промаршировала обратно к замку и дальше через дверь.

Я надеялся хоть немного поговорить наедине с Луанной, но после нескольких попыток самое большее, чего я сумел добиться, это вот такого разговора в приемной под бдительным надзором Ааза и Мэтта.

Мэтт, между прочим, оказался довольно неприятной личностью с каким-то перекрученным острым носом, прыщами, залысинами на лбу и намечающимся пивным брюхом. Я, хоть убей, не мог понять, что в нем находила Луанна.

— Но ведь тогда ты считала, что он завяз, — возобновил я спор. — Мы с Аазом уже пообещали защитить его *и* Вика, когда они предстанут перед Ассоциацией Купцов. Тебе незачем поддерживать его самой.

— Я тебя не понимаю, Скив, — заявила Луанна, качая головой. — Если я не покинула Мэтта, когда он был в беде, то с какой стати мне покидать его, когда дела, похоже, обернутся к лучшему? Знаю, он тебе не нравится, но я видела от него только хорошее... и я все еще в долгу перед ним за то, что он увез меня с фермы.

— Но мы же делаем тебе выгодное предложение, — отчаянно возобновил я свои уговоры. — Ты можешь остаться здесь и работать на меня с Аазом, и если бы ты пожелала, мы могли бы даже поучить тебя настоящей магии, чтобы тебе не приходилось...

Она остановила меня, положив ладонь на мою руку.

— Да, это выгодное предложение, Скив, и очень мило с твоей стороны его сделать. Но пока я остаюсь с Мэттом. Мо-

жет, когда-нибудь в будущем, когда я смогу предложить тебе взамен немного больше, я вспомню об этом предложении... если оно еще будет в силе.

— Ну, — вздохнул я. — Если ты действительно хочешь именно этого...

— Эй! Не вешай нос, приятель, — рассмеялся Мэтт, хлопнув меня по плечу. — Не всегда же тебе выигрывать. На этот раз ты проиграл. Не злись! Возможно, тебе больше повезет со следующей. Мы оба тертые калачи и знаем, что все они одинаковы.

— Мэтт, *приятель*, — процедил я сквозь стиснутые зубы, — убери свою руку с моего плеча, пока она не утратила контакта с телом.

Как я сказал, даже за короткое время нашего путешествия с Лимбо Мэтт произвел на меня настолько неблагоприятное впечатление, что я больше даже не пытался быть вежливым или скрывать свою неприязнь к нему. Он действовал мне на нервы больше, чем кто бы то ни было. Если он являлся преуспевающим мошенником, способным внушить доверие совершенно незнакомым людям, то я тогда — королева мая.

— Мэтт просто шутит, — успокаивающе сказала Луанна, вставая между нами.

— Ну а я — нет, — воскликнул я. — Просто помни, ты будешь здесь желанной гостьей в любое время, когда тебе надоест этот слизняк.

— О, мне представляется, что мы еще довольно долго пробудем вместе, — злорадно заметил Мэтт, слегка шлепнув Луанну пониже спины. — Раз за нас поручаются такие крупные шишки, как вы, мы наверняка сумеем отбрыкаться от обвинения в мошенничестве... и даже если мы проиграем дело, что с того? Всего-навсего придется вернуть им их же жалкие двадцать золотых.

Ааз внезапно перестал стучать молотком... или, может, это перестало стучать мое сердце.

Я тщетно пытался убедить себя, что неправильно его расслышал.

— Двадцать золотых? — медленно повторил я.

— Да. Нас поймали здесь, на Базаре, намного быстрее, чем я рассчитывал. Улов был невелик даже по моим понятиям. Я все не могу поверить, как это вы, такие крутые, ввязались во все эти хлопоты только ради того, чтобы приволочь нас сюда из-за паршивых двадцати золотых. Должно быть, все дело в принципе, который я недооценил.

— М-гм-м-м... нельзя ли мне перекинуться с тобой парой слов, партнер? — отложил молоток Ааз.

— Я собирался предложить тебе то же самое, — признался я, переходя на противоположную сторону приемной.

Оставшись наедине, мы уставились друг на друга, но ни он, ни я не хотели заговаривать первыми.

— Ты так и не удосужился спросить у Мер-Зера, сколько, собственно, поставлено на кон, не так ли? — рассеянно вздохнул Ааз.

— Я думал, денежной стороной переговоров занимаешься ты, — пробормотал я. — Забавно, мы оба все время стояли там и слышали каждое сказанное слово, и никто из нас не уловил подвоха.

— Забавно. Верно. Я идиот, — поморщился мой партнер.

— Не в такой степени, как будешь, если об этом пойдет гулять слух, — заметил я. — Я голосую за то, чтобы дать им денег — пускай откупятся. Жаль, конечно, но я не могу придумать иного способа предотвратить всеобщую огласку.

— Решено, — кивнул Ааз. — Но давай этим займусь я. Если этот гад Мэтт пронюхает, что все дело было с нашей стороны ошибкой, то наверняка будет шантажировать нас, пока не вытянет все до нитки.

— Ты прав, — согласился я.

И с этими словами мы, двое самых популярных, самых высокооплачиваемых магов на Базаре, отправились разбираться с нашими подопечными, в очередной раз получив напоминание о том, что в основе величия лежит смирение.

Маленький
МИФОзаклад

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разница между умным и дураком определяется по последней ставке.

Б. Мейврик

— Поддерживаю!

— Гну.*

— Опять гну.

— Кого ты пытаешься обмануть? У тебя же барахло, онеры-эльфы!

— А ты проверь!

— Ладно! Подымаю тебя до предела.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

— Мое барахло, онеры-эльфы, гнет тебя обратно до предела.

— Пас.

— Поддерживаю.

Для тех из вас, кто взялся за эту книгу с начала (молодцы! Терпеть не могу, когда читатели жульничают, забегая вперед!), все это может показаться несколько запутанным. Выше приведен диалог во время игры в драконий покер. Вы спросите, что такое драконий покер? Ну, эта игра считается самой сложной из всех когда-либо изобретенных карточных игр... а здесь, на Базаре Девы, понимают толк в карточных играх.

Базар-на-Деве — самый большой лабиринт лавок и самая крупная торговая площадь во всех измерениях, и поэтому че-

---

* Удваиваю ставку *(карт. термин)*.

рез него проходит множество путешественников — демонстраторов разных измерений (демонов). Вдобавок к лавкам, ларькам и ресторанам (перечисленное вообще-то не охватывает всего там имеющегося ни по широте, ни по разнообразию) на Базаре располагается еще и процветающая игорная община. Там всегда высматривают новую игру, особенно связанную со ставками, и чем сложней, тем лучше. Основная философия состоит в том, что сложную игру легче выиграть тем, кто отдал все свое время ее изучению, а не туристам-любителям или пытающимся освоить игру на ходу. Так или иначе, когда девол-букмекер говорит мне, что драконий покер — самая сложная игра из всех, я склонен ему верить.

— Пас.

— Поддерживаю.

— Ладно, господин Скив Развеликий. Посмотрим, побьете ли вы вот это! Полный дракон!

И с рисовкой, граничащей с вызовом, он открыл свои темные карты. Вообще-то я надеялся, что он выйдет из игры. Этот конкретный индивид (по-моему, его звали Гмыком) был на добрых две головы выше меня и обладал ярко-красными глазами, клыками длиной чуть ли не с мой локоть и скверным характером. Говорить он предпочитал гневно крича, и постоянный проигрыш нисколечко не смягчал его нрав.

— Ну? Давай! Что там у тебя?

Я перевернул свои четыре темные карты, разложил их рядом с пятью уже открытыми, откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Что это? — вытянул шею Гмык, хмуро глядя в мои карты. — Но тут же только...

— Минутку, — вмешался игрок слева от него. — Сегодня вторник. Выходит, его единороги дикие.

— Но в названии месяца есть М! — вставил еще кто-то. — Значит, его великан идет за половину номинальной стоимости.

— Но у нас четное число игроков...

Я уже говорил, что игра эта сложная. Те из вас, кто знает меня по прежним моим приключениям (наглая реклама!), могут удивиться, как это я не плаваю в такой сложной системе. Очень просто. Никак! Я просто ставлю, а потом открываю карты и предоставляю другим игрокам разбираться, кто выиграл.

Вы, возможно, гадаете, какого же рожна я сел за такую отчаянную игру, как драконий покер, если даже правил-то не знал. Ну, на сей раз у меня есть ответ. Для разнообразия. Я просто развлекался.

Видите ли, с тех самых пор, как Дон Брюс, крестный отец Синдиката, предположительно нанял меня присматривать на Базаре за интересами Синдиката и приставил ко мне двух телохранителей, Гвидо и Нунцио, мне редко удавалось хотя бы минуту побыть без их опеки. Однако на эти выходные мои сторожевые псы отправились в Центральное управление Синдиката для ежегодного доклада, предоставив мне заботиться о себе самому. Ясное дело, прежде чем отправиться, они заставили меня торжественно поклясться быть осторожным. И опять-таки, ясное дело, как только они отбыли, я сделал прямо противоположное.

Даже без учета нашей доли от доходов Синдиката на Базаре наш магический бизнес переживал бум, и поэтому с деньгами затруднений не возникало.

Я взял из кассы с мелкой наличностью пару тысяч золотом и уже было настроился гульнуть как следует, когда пришло приглашение сыграть в драконий покер у Живоглота, в клубе «Равные шансы».

Как уже сказано, я абсолютно ничего не знаю о драконьем покере, кроме того, что в конце партии у тебя пять открытых карт и четыре темных. Как ни старался я уговорить своего партнера Ааза рассказать мне об этой игре побольше, старания мои всегда заканчивались лекциями на темы «Играй только в те игры, которые знаешь...» и «Не нарывайся...». Поскольку я и так уже вознамерился понарываться, шанс од-

новременно пренебречь указаниями и телохранителей, и партнера показался мне чересчур соблазнительным, и я не устоял перед таким искушением. Я хочу сказать, что, по моим представлениям, я мог в худшем случае всего лишь проиграть пару тысяч золотом. Верно?

— Вы все кое-что упускаете. Эта партия — сорок третья, а Скив сидит на стуле лицом к северу!

Приняв стоны и выражение явного отвращения на лицах за указание, я сгреб банк.

— Слушай, Живоглот, — сверкнул сквозь полуопущенные веки красными глазами Гмык, глядя на меня, — ты *уверен*, что этот Скив не применяет магию?

— Гарантирую, — отозвался девол, собирая карты и тасуя их для следующей партии. — Все игры, которые я устраиваю здесь, в «Равных шансах», контролируются на магию и телепатию.

— Ну-у, я обычно не играю в карты с магами, а Скив, как я слышал, считается великим мастером по этой части. Может быть, он настолько великий маг, что ты просто не можешь поймать его с поличным.

Я начинал немного нервничать. Честно сказать, к магии я не прибегал... и даже если бы захотел прибегнуть, то понятия не имел, как применить ее для жульничества в карточной игре. Беда в том, что этот Гмык выглядел вполне способным оторвать мне руки, если сочтет меня шулером. И я принялся ломать голову, чтобы подыскать какой-нибудь способ убедить его в обратном, не признаваясь всем сидящим за столом, как мало я смыслю в магии.

— Успокойся, Гмык. Господин Скив — хороший игрок, вот и все. Одно лишь то, что он выигрывает, еще не означает, что он шулер.

Это сказал Бол, единственный, помимо меня, игрок, похожий на человека. Я благодарно улыбнулся ему.

— Я не против, когда кто-то выигрывает, — пробормотал Гмык, защищаясь, — но он же выигрывает весь вечер.

— Я проиграл побольше твоего, — напомнил ему Бол, — и, как видишь, не жалуюсь. Говорю тебе: господин Скив — *хороший* игрок. Уж я-то знаю в этом толк — как-никак доводилось играть с Малышом.

— С Малышом? Ты играл с ним? — Сказанное Болом произвело на Гмыка заметное впечатление.

— И проиграл по ходу дела все, вплоть до носков, — скривившись, признался Бол. — Однако, на мой взгляд, господин Скив вполне способен заставить Малыша попотеть ради выигрыша.

— Господа! Мы собрались здесь болтать или играть в карты? — перебил эту дискуссию Живоглот, многозначительно постукивая колодой.

— Я выхожу из игры, — поднялся на ноги Бол. — Я способен понять, когда мой противник сильнее меня, даже если мне приходится продуться в пух, прежде чем до меня это дойдет. Мой заклад все еще годится, Живоглот?

— Годится, если никто не возражает.

Гмык шумно бухнул кулаком по столу, заставив упасть несколько фишек из моей стопки.

— Что это за разговор о закладах? — рявкнул он. — Я думал, эта игра идет только на наличные! Никто ничего не говорил об игре на расписки.

— Бол — исключение, — объяснил Живоглот. — Он всегда прежде выкупал свой заклад. Кроме того, тебе об этом незачем беспокоиться, Гмык. Ты не вернешь себе даже *своих* денег.

— Да. Но спустил-то я их, играя против того, кто ставит вместо наличных заклады. Мне кажется...

— Я покрою его заклад, — высокомерно заявил я. — Пусть это будет нашим личным делом и не касается всех прочих за этим столом. Верно, Живоглот?

— Совершенно верно. А теперь, Гмык, заткнись и играй. Или ты хочешь выйти из игры?

Монстр немного побурчал себе под нос, но откинулся на спинку стула и бросил еще одну фишку в заход для следующей партии.

— Спасибо, господин Скив, — поблагодарил меня Бол. — И не беспокойтесь. Как говорит Живоглот, я всегда прихожу за своим закладом.

Я подмигнул и неопределенно махнул рукой ему вслед, поскольку уже сосредоточился на следующей партии, тщетно пытаясь разобраться в правилах игры.

Если мой широкий жест покажется вам немного импульсивным, то вспомните: я весь вечер следил за игрой Бола и знал, сколько он проиграл. Даже если весь его проигрыш шел только под долговую расписку, я мог покрыть его из своего выигрыша и все равно остаться с прибылью.

Однако Гмык был прав. Я весь вечер постоянно выигрывал... факт вдвойне удивительный, если учитывать мое незнание правил этой игры. Но я с самого начала пустил в ход систему, которая, кажется, действовала очень даже неплохо: ставь не на карты, а на игроков. В последней партии я ставил не на выигрышный расклад у себя, а на проигрышный у Гмыка. Ему весь вечер страшно не везло, и он ставил наобум, пытаясь возместить проигрыш.

Следуя своей системе, в двух партиях я пасанул, но уж в третьей нажал изо всех сил. Большинство других игроков предпочли скорей объявить пас, чем усомниться в моей уверенности. Гмык боролся до конца, надеясь, что я блефую. Впрочем, так оно и было (мои карты оказались совсем не такими сильными), но у него они были еще слабее. К моей казне присоединилась еще одна стопка фишек.

— Ну, с меня хватит! — Гмык толкнул оставшиеся у него фишки Живоглоту. — Обменяй мне на наличные.

— И мне тоже.

— Мне следовало бы уйти еще час назад. Сберег бы себе пару сотен.

Игра оборвалась — Живоглот занялся обменом фишек на наличные.

Получив из банка свою долю, Гмык задержался еще на несколько минут. Теперь, когда мы больше не сидели друг

против друга за картами, он оказался на удивление приятным субъектом.

— Знаешь, Скив, — хлопнул он меня по плечу своей массивной ручищей, — меня давно уже так не обдирали в драконий покер. Возможно, Бол прав. Ты зря теряешь здесь время. Тебе следовало бы попробовать сыграть с Малышом.

— Мне просто повезло.

— Нет, я серьезно. Если бы я знал, как связаться с ним, то сам устроил бы такую игру.

— Тебе это не понадобится, — вставил другой игрок, направляясь к двери. — Как только пойдет гулять слух об этой игре, Малыш сам тебя разыщет.

— Что верно, то верно, — рассмеялся через плечо Гмык. — В самом деле, Скив, если такой матч произойдет, не забудь сообщить мне. На такую игру я хотел бы посмотреть.

— Разумеется, Гмык, — заверил я его. — Ты узнаешь одним из первых. До скорого.

На самом-то деле, пока я прощался, мысли мои летели вскачь. Все это было довольно неожиданно. Я рассчитывал гульнуть один вечер сам по себе, а потом тихонько завязать. А теперь, если другие игроки начнут чесать языками по всему Базару, то нечего и надеяться сохранить мое вечернее приключение в тайне... особенно от Ааза! Хуже этого могло быть только одно — если в конечном итоге за мной будет бегать какой-то завзятый игрок, вызывая на матч.

— Слушай, Живоглот, — произнес я, стараясь говорить понебрежней. — Что это за Малыш, о котором они все толкуют?

Девол чуть не выронил подсчитываемую им стопку фишек. Он смерил меня долгим взглядом, а потом пожал плечами.

— Знаешь, Скив, иногда я не понимаю, шутишь ты или говоришь серьезно. Все забываю, что, несмотря на свои успехи, ты все еще новичок на Базаре... и в игре особенно.

— Ну и ладно. Так кто же такой Малыш?

— Малыш — нынешний король драконьего покера. У него есть что-то вроде фирменного знака: в начальную ставку каж-

дой партии он кладет мятную конфетку — ну, знаешь, для освежения дыхания... говорит, это приносит ему удачу. Вот поэтому-то его и называют Малыш Мятный Заход. Но советую тебе держаться от него подальше. Ты сегодня хорошо сыграл, но Малыш — самый лучший игрок из всех, какие есть. При игре один на один он съест тебя живьем.

— Понятно, — рассмеялся я. — Просто полюбопытствовал. В самом деле. Ладно, обменяй мне фишки на наличные, и я пойду.

Живоглот махнул рукой на столбики монет на столе.

— Что тут обменивать? Я забрал свои тогда же, когда выдавал деньги другим. Остальное твое.

Я посмотрел на деньги и с трудом сглотнул. В первый раз я понял, почему у некоторых людей возникает такое пристрастие к азартным играм. Стол ломился под тяжестью добрых двадцати тысяч золотых. Все мои. За один карточный вечер!

— Гм... Живоглот? Ты не мог бы сохранить у себя мой выигрыш? Мне что-то не нравится мысль о прогулке с таким количеством золота. Я лучше зайду за ним позже, с телохранителями.

— Как хочешь, — пожал плечами Живоглот. — Не могу себе представить, у кого на Базаре хватило бы смелости напасть на тебя при твоей-то репутации. Конечно, можно нарваться на чужака...

— Прекрасно, — сказал я, направляясь к двери. — Тогда я...

— Минутку! Ты ничего не забыл?

— Что именно?

— Заклад Бола. Погоди, сейчас я за ним схожу.

И прежде чем я успел возразить, он исчез, а я прислонился к стене, ожидая его. Я уж и забыл про заклад, но Живоглот был игроком и придерживался неписаных законов игры фанатичней, чем кто бы то ни было — гражданского законодательства. Надо было свести все в шутку и...

— А вот и заклад, Скив, — объявил девол. — *Клади*, Скив.

Я лишь поглядел на Живоглота, разинув рот. А затем и вовсе утратил дар речи. Потому что глядел уже не на него, а на белокурую малютку, которую он вел за руку. Именно так. Девочку. Лет самое большее девяти-десяти.

У меня до боли знакомо засосало под ложечкой. А это означало, что я попал в беду... большую беду...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дети? Кто сказал что-то о детях?
Конан

Девочка смотрела на меня глазами, которые так и светились доверием и любовью. Ростом она едва доставала мне до пояса и обладала тем ровным, здоровым румянцем на лице, каким предположительно обладают все девочки, но на самом деле лишь немногие. В своем голубом беретике и комбинезончике того же цвета она выглядела настолько похожей на большую куклу, что я гадал, не скажет ли она «мама», если ее перевернуть вверх ногами и обратно.

Она была такой прелестной, что всякий, у кого осталась хоть капля родительского инстинкта, полюбил бы ее с первого взгляда. К счастью, мой партнер вышколил меня хорошо; все имевшиеся у меня инстинкты носили скорее денежный характер.

— Что это? — требовательно спросил я.

— Это девочка, — ответил Живоглот. — Неужели ты никогда раньше не видел девочек?

Какое-то мгновение я думал, что надо мной издеваются. Затем вспомнил некоторые из своих самых первых разговоров с Аазом и подавил раздражение.

— Я понимаю, что это девочка, Живоглот, — сдержанно произнес я. — А пытаюсь я спросить на самом деле следующее: а) кто она такая? б) что она здесь делает? и в) какое это имеет отношение к закладу Бола? Я ясно выразился?

Девол недоуменно пожал плечами.

— Но я же тебе только что сказал. Ее зовут Клади. Она — заклад Бола... ну, тот самый заклад, который ты обещал покрыть из личных средств.

У меня еще более тоскливо засосало под ложечкой.

— Живоглот, мы же говорили о клочке бумаги. Ну, знаешь, о долговой расписке или о чем-то в этом роде? Заклад! Кто же оставляет в заклад девочку?

— Бол. Всегда оставлял. Брось, Скив! Ты же меня знаешь. Неужто я дал бы кому-то в кредит под залог клочка бумаги? Болу я даю в кредит под залог Клади, так как знаю, что он явится выкупить ее.

— Правильно. *Ты* даешь ему в кредит. Но я-то не заключаю сделок на девочек, Живоглот.

— Теперь заключаешь, — улыбнулся он. — Все сидевшие за столом слышали, как ты это сказал. Признаться, я тогда немного удивился.

— ...Но ведь не настолько, чтобы забыть предупредить меня, на что я подписываюсь. Большое тебе спасибо, старина Живоглот. Век не забуду тебе этой услуги и постараюсь как-нибудь отплатить тем же.

На случай, если вы не заметили, сообщаю, что в этой последней фразе содержалась открытая угроза. Как уже отмечалось, я приобрел на Базаре репутацию крутого мага и искренне сомневался в том, что Живоглоту захочется испортить со мной отношения.

Ладно. Согласен, прием не слишком достойный. Просто я впал в отчаяние.

— Погоди, — быстро сбавил тон девол. — Незачем так расстраиваться. Если ты не хочешь ее брать, я дам тебе наличные, покрывающие заклад, и оставлю ее у себя...

— Вот так-то лучше.

— На обычных условиях, конечно.

Я знал, что это ловушка. Прошу заметить, *знал*. Но все равно спросил:

— На каких же?

— Если Бол через две недели не выкупит ее, то я продам ее в рабство за сумму, покрывающую отцовские проигрыши. Шах и мат!

Я посмотрел на Клади. Она все еще держала Живоглота за руку, слушая с серьезным видом, как мы обсуждаем ее судьбу. Когда наши взгляды встретились, она произнесла свои первые слова с тех пор, как вошла в помещение.

— Ты будешь моим новым папочкой?

Я с трудом сглотнул.

— Нет, Клади, я не твой папочка. Я просто...

— О, я знаю. Просто каждый раз, когда мой *настоящий* папочка оставляет меня с кем-то, он говорит мне, что тот будет на время моим папочкой понарошку. Мне нужно слушаться его и делать то, что он мне велит, словно он мой настоящий папочка, пока мой настоящий папочка не придет забрать меня. Мне просто хотелось узнать, будешь ли ты моим новым папочкой понарошку?

— Гм-м-м...

— Наверно, будешь. Ты хороший. Не похож на некоторых из тех обормотов, с которыми он оставлял меня раньше. Так что, ты мой новый папочка?

И с этими словами она взяла меня за руку. По всему моему телу пробежала легкая дрожь, словно от осеннего холодка. Она была такой ранимой, такой доверчивой. Я долгое время жил сам по себе, сперва один, потом в учениках у Гаркина и наконец в партнерстве с Аазом. За все это время мне никогда по-настоящему не приходилось быть ответственным за других. Ощущение возникло странное, одновременно и пугающее, и согревающее.

Я оторвал от нее взор и гневно посмотрел на Живоглота.

— Рабство здесь, на Базаре, объявлено вне закона.

— Есть много других измерений, — пожал плечами девол. — Тем более что у меня уже несколько лет есть на нее покупатели. Вот потому-то я и соглашаюсь принимать ее в залог. Я могу

выручить за нее достаточно денег, чтобы покрыть ставку, стоимость съеденного ею за все эти годы, и все равно получить при этом приличную прибыль.

— Это наверняка самый низменный...

— Эй! Меня ведь зовут Живоглот, а не Красный Крест! Я не занимаюсь благотворительностью. Ко мне приходят делать ставки, а не за подаянием.

С тех пор как я начал упражняться в магии, я никому еще не вмазывал по роже, но теперь у меня возникло болезненное искушение прервать ради такого случая мой стаж. Однако вместо этого я повернулся к девочке.

— Собери свои вещи, Клади. Папочка отведет тебя в твой новый дом.

Наша с партнером оперативная база располагалась в настоящее время на Базаре Девы, в родном измерении деволов. Деволы пользуются славой самых прожженных купцов, коммерсантов и торгашей во всех известных измерениях. Возможно, вы знаете о них из народных преданий своего родного измерения. Слава деволов долго держится даже в тех измерениях, где они уже давно перестали торговать.

Базар — витрина Девы... то есть я не видел на Деве ничего, кроме собственно Базара. Здесь деволы встречаются для торговли друг с другом, покупая и продавая самые отборные образчики магии и чудес со всех измерений. Это работающее круглые сутки, уходящее за горизонт скопление палаток, лавок и меняльных точек, где можно приобрести все, на что способно ваше воображение, да и множество таких предметов, какие вам и не снились... за приличную цену. Многие изобретатели и религиозные деятели построили свою карьеру на предметах, купленных за одну поездку на Базар. Незачем и говорить, что такая поездка разорительна для среднего кошелька... даже если у обладателя такого кошелька сопротивляемость навязыванию товара выше средней.

Обыкновенно я очень люблю побродить среди ларьков, но сегодня вечером, при идущей рядом Клади, меня слишком отвлекали иные соображения, чтобы сосредоточиться на выставленных товарах. Мне пришло в голову, что, как ни забавен Базар для взрослого, он неподходящая среда для подростка.

— Мы будем жить одни, или у тебя есть подружка?

Клади цеплялась за мою руку, пока мы пробирались по Базару. Чудеса, выставленные в палатках и лавках, торгующих магией, манили, как всегда, но девочка не обращала на них внимания, предпочитая донимать меня вопросами и ловить каждое мое слово.

— На оба вопроса отвечаю тебе «нет». У меня живет Тананда, но она мне не подружка. Она — вольнонаемная убийца и время от времени помогает мне в работе. Потом есть Корреш, ее брат. Он тролль и работает под именем Грызь. Они тебе понравятся. Милые создания... во многих отношениях милее меня.

Клади прикусила губу и нахмурилась.

— Надеюсь, что ты прав. Я обнаружила, что многие милые люди не любят маленьких детей.

— Не беспокойся, — сказал я с большей уверенностью, чем испытывал ее в действительности. — Но я еще не закончил. Есть также Гвидо и Нунцио, мои телохранители. Они могут показаться немного грубоватыми, но пусть тебя это не пугает. Они просто прикидываются крутыми, так как это часть их работы.

— Вот здорово. У меня никогда раньше не было папочки с телохранителями.

— Это еще не все. У нас есть также Лютик, мой боевой единорог, и Глип — мой собственный ручной дракон.

— О, драконы есть у многих. На меня производят большее впечатление телохранители.

Меня это слегка ошарашило. Я-то всегда считал, что иметь своего дракона — это довольно оригинально. Ведь из всех

моих знакомых ни у кого не было драконов. Впрочем, ни у кого из всех моих знакомых не было также и телохранителей.

— Давай посчитаем, — продолжала между тем Клади. — У тебя живут Тананда, Корреш, Гвидо, Нунцио, Лютик и Глип. Это все?

— Ну, еще есть Маша. Она моя ученица.

— Маша. Какое миленькое имя.

Конечно, есть много слов, годных для описания моей ученицы, но, к несчастью, «миленькая» к ним не относится. Маша огромна — и в высоту, и в ширину. Да, встречаются массивные люди, которым все же удается выглядеть привлекательными, но моя ученица к ним не принадлежит. У нее страсть к крикливым, цветастым нарядам, которые неизменно дисгармонируют с ее ярко-оранжевыми волосами, и она носит на себе столько драгоценностей, что хватит на три ювелирных магазина. Между прочим, в последний раз она подралась здесь, на Базаре, как раз когда близорукий покупатель принял ее по ошибке за витрину ювелирных изделий.

— Э-э-э... тебе просто надо будет с ней познакомиться. Но ты права. Маша — миленькое имя.

— Да у тебя там живет полно народу.

— Ну... *есть* еще один.

— Кто это?

— Его зовут Ааз. Он мой партнер.

— Он тоже милый?

Я готов был разорваться между преданностью и честностью.

— К нему... э-э-э... надо привыкнуть. Помнишь, я говорил тебе не пугаться телохранителей, даже если они будут немного грубоваты?

— Да.

— Так вот Ааза пугайся на здоровье! Он иногда бывает слегка рассержен, и, пока не остынет, лучше давать ему побольше простора и не оставлять в пределах его досягаемости ничего хрупкого — вроде твоей руки.

— А что его может рассердить?

— О, погода, потеря денег, отсутствие прибыли... что для него одно и то же... любая ерунда, какую могу брякнуть я по сотне раз на дню... и ты! Боюсь, он будет слегка рассержен, когда встретится с тобой, поэтому оставайся у меня за спиной, пока я его не успокою. Идет?

— А почему он рассердится из-за меня?

— Ты будешь для него сюрпризом, а он не любит сюрпризов. Видишь ли, он очень мнителен и склонен видеть в любом сюрпризе часть тайного заговора против него... или меня.

Клади замолчала. Она наморщила лоб, глядя невидящим взором в пространство, и мне пришло в голову, что я ее напугал.

— Эй, не беспокойся, — сжал я ей руку. — После того как Ааз справится с удивлением, он будет молодцом. А теперь расскажи мне о себе. Ты ходишь в школу?

— Да. Я одолела половину курса Школы Начал. Пошла бы и дальше, если бы мы все время не переезжали.

— Ты, наверно, имеешь в виду начальную школу? — улыбнулся я.

— Нет. Я имею в виду...

— Ну вот мы и пришли! Это твой новый дом, Клади.

Я величественно показал на небольшую палатку, служившую нам одновременно и домом, и штаб-квартирой.

— Разве тут не маловато места для всех этих людей? — нахмурилась она, глядя на палатку.

— Внутри он больше, чем снаружи, — объяснил я. — Пошли. Я покажу тебе.

Я поднял полог, давая ей войти, и тут же пожалел об этом.

— Погоди, вот я доберусь до него! — донесся изнутри гулкий голос Ааза. — И это после того, как я столько раз говорил ему держаться подальше от драконьего покера!

Мне пришло в голову, что, возможно, нам следует немного обождать с представлением Клади моему партнеру. Я даже начал опускать полог, но было уже слишком поздно.

— Это ты, партнер? Я хотел бы немного поболтать с тобой, если ты не возражаешь!

— Помни: оставайся позади меня, — шепнул я Клади, прежде чем шагнуть в логово льва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Я это делаю для твоего же блага!
Любой штатный палач или любой родитель

Как я и сказал Клади, наше жилище на Базаре было внутри побольше, чем снаружи... намного побольше! Я бывал в дворцах меньшей площади... черт возьми, я жил и работал в дворцах меньшей площади, чем наша палатка. Например, в бытность мою придворным магом Поссилтума.

Здесь, на Базаре, деволы считают, что любая демонстрация богатства может ослабить их позицию, когда они станут торговаться за каждый грош; поэтому они скрывают размеры своих домов, засовывая их в «незарегистрированные измерения». Хоть наш дом и выглядел с улицы всего лишь скромной палаткой, внутри него находились многочисленные спальни, стойла, двор и сад и т.д. и т.п. Думаю, картина вам ясна.

К несчастью для меня, в данную минуту внутри находился к тому же и мой партнер Ааз.

— Ну, кто к нам пожаловал! Никак сами Брань, Глад, Мор и Смерть в исполнении Базара! У других измерений есть эти Четыре Всадника, зато у Базара-на-Деве — Великий Скив!

Помните про моего партнера Ааза? Я упоминал о нем в первой главе и еще раз во второй. Почти все мои усилия описать его все равно никогда не могли подготовить собеседника к реальной встрече с ним. Обычно я просто забываю упомянуть о том, что он с измерения Извр. Для тех из вас, кто не знаком с путешествиями по измерениям, сообщу, что это оз-

начает следующее: он зеленый и чешуйчатый, а рот у него достаточно велик, чтобы хватило на трех других существ, и зубов там хватит на стаю акул... если у акулы зубы в четыре дюйма длиной. Я не нарочно опускаю такие подробности в своих описаниях. Просто после всех этих лет я привык к нему.

— Ты можешь хоть что-нибудь сказать в свое оправдание? Само собой, никакого приемлемого оправдания быть не может. Просто тебе позволяется сказать несколько последних слов.

Ну... я *почти* привык к нему.

— Привет, Ааз. Ты уже слышал об игре в карты?

— Примерно два часа назад, — любезно уведомила меня Маша с ближайшего кресла, где она уютно расположилась с книгой и огромной коробкой шоколадных конфет. — И с тех пор он все время такой... неласковый.

— Я вижу, ты, как обычно, чудненько постаралась его успокоить.

— Я здесь только ученица, — пожала плечами она. — Встревать между вами во время ссоры не входит в мои планы на долгую и благополучную жизнь.

— Если вы *все* закончили, — проворчал Ааз, — то я все еще ожидаю услышать, что ты можешь сказать в свое оправдание.

— А что тут говорить? Я сел сыграть в драконий покер...

— КТО УЧИЛ ТЕБЯ ИГРАТЬ В ДРАКОНИЙ ПОКЕР? Говори немедленно! Тананда? Корреш? С какой стати ты вдруг обратился за уроками к другим? Разве я уже недостаточно хорош для Великого Скива?

До меня вдруг дошла истинная суть дела. Ааз был моим учителем, прежде чем настоял, чтобы я поднялся до статуса полноправного партнера. Хотя теоретически мы стали равными, от старых привычек Аазу было трудно избавиться, и он по-прежнему считал себя моим единственным учителем, наставником, тренером и нянькой в одном лице. *Настоящая-то* проблема заключалась в том, что мой партнер ревновал из-за постороннего вмешательства в обучение того, кого он

считал своим личным школяром! Возможно, эту проблему будет уладить легче, чем я думал.

— Никто другой меня не обучал, Ааз. Все известное мне о драконьем покере я узнал от тебя.

— Но я же тебя ничему не обучал.

— Именно.

Это его остановило. По крайней мере прекратилось это расхаживание взад-вперед, и он с подозрением глянул на меня желтыми глазами.

— Ты хочешь сказать, что вообще ничего не знаешь о драконьем покере?

— Ну, из услышанного от тебя я знаю, сколько сдается карт и тому подобное. Я все еще не разобрался, какие бывают комбинации, не говоря уже об их ценности... ну, знаешь, какая какую бьет.

— Я-то знаю, — указующе заявил мой партнер. — Вот только не знаю, почему ты решил сесть за игру, в которой ничего не смыслишь, даже самого элементарного.

— Живоглот прислал мне приглашение, и я подумал, что будет любезным...

— Живоглот? Ты сел играть в «Равных шансах» у Живоглота из любезности? — снова завелся он. — Разве ты не знаешь, что там ведутся самые отчаянные игры на Базаре? За этими столами дилетантов жрут заживо. И ты пошел туда из любезности?

— Разумеется. Я решил, что в худшем случае я проиграю немного денег. При теперешнем положении дел мы можем себе это позволить. Кроме того, мне могло и повезти.

— Повезти? Вот теперь я вижу, что ты ничего не знаешь о драконьем покере. В этой игре нужно умение, а не везение. Ты мог только выбросить на ветер свои деньги... деньги, могу добавить, ради которых мы рисковали жизнью.

— Да, Ааз.

— Кроме того, первое, что тебе надо узнать об игре в любой покер, это следующее: самый верный способ проиграть — это садиться за стол, *ожидая* проигрыша.

— Да, Ааз.

С отчаяния я занял самую прочную линию обороны. Соглашался со всем сказанным. Даже Ааза затруднительно оставаться взбешенным, когда с ним соглашаются.

— Ну, сделанного не воротишь, все крики в мире не изменят итога. Я лишь надеюсь, что ты усвоил этот урок. Между прочим, во сколько он тебе обошелся?

— Я выиграл.

— Ладно. Проигрыш — просто чтобы показать тебе, что все забыто, — разделим пополам. В некотором смысле это моя вина. Мне следовало обучить тебя...

В помещении внезапно воцарилась тишина. Даже Маша застыла, не донеся до рта очередную конфету. Очень медленно Ааз повернулся лицом ко мне.

— Знаешь, Скив, минуту назад мне показалось, будто ты сказал...

— Я выиграл, — повторил я, отчаянно пытаясь не улыбнуться.

— Выиграл? Выиграл в смысле «лучше чем при своих»?

— Выиграл в смысле «двадцать тысяч с гаком золотом», — уточнил я.

— Но если ты не знал, как играть, то как же ты смог...

— Просто я ставил не на карты, а на игроков. Кажется, это сработало очень даже неплохо.

Теперь я купался в ореоле славы. Мне и впрямь редко удавалось произвести впечатление на своего партнера, и я собирался выжать из этого случая все, чего он стоил.

— Но это же бред! — нахмурился Ааз. — Я хочу сказать, какое-то время это могло срабатывать, но при долгой игре...

— Он был великолепен! — объявила Клади, появляясь у меня из-за спины. — Вам следовало бы увидеть это. Он всех обставил.

Мой «ореол славы» рассыпался в прах. Одной рукой я толкнул Клади обратно за спину и подобрался, готовый к взрыву. На самом деле мне хотелось сбежать в укрытие, однако в

таком случае Клади осталась бы одна на открытом месте, и поэтому я лишь закрыл глаза.

Ничего не случилось.

Через несколько мгновений я не смог больше вынести напряжения и приоткрыл украдкой один глаз. И тут же получил *крайне* крупный план одного из желтых глаз Ааза. Он стоял нос к носу со мной, явно дожидаясь, когда я буду готов выслушать его тираду. Уж *он*-то явно был готов. Блестки золота в его глазах переливались, словно готовые закипеть... насколько я знал, это вполне могло произойти.

— Кто... это?

Я решил не прикидываться дурачком и не переспрашивать, что он имеет в виду. При том расстоянии, какое нас разделяло, Ааз мне голову оторвет, причем буквально!

— Э... помнишь, я сказал, что выиграл двадцать тысяч с гаком? Ну, так она и есть этот гак.

— ТЫ ВЫИГРАЛ В КАРТЫ РЕБЕНКА?!

Сила голоса моего партнера действительно отбросила меня на два шага. Вероятно, я отлетел бы и дальше, если бы не наткнулся на Клади.

— ТЫ С УМА СОШЕЛ?! РАЗВЕ ТЕБЕ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО РАБОВЛАДЕНИЕ НАКАЗЫВАЕТСЯ...

Не закончив фразы, он вдруг исчез за грудой плоти и одежд аляповатой расцветки. Несмотря на свои предыдущие утверждения о том, как высоко она ценит самосохранение, Маша встала между нами.

— Остынь-ка на минуточку, зеленый и чешуйчатый!

Ааз попытался обойти ее.

— НО ОН ЖЕ...

Она сделала полшага вбок и преградила ему путь, прислонившись к стене.

— Дай ему шанс объяснить. Он ведь все-таки твой партнер, не так ли?

Судя по звуку его голоса, Ааз попробовал обойти Машу с другой стороны.

— НО ОН...

Маша сделала два шага и прислонилась к другой стене, продолжая говорить так, словно ее и не перебивали.

— И выходит, либо он идиот... чего о нем не скажешь, либо ты паршивый учитель... чего о тебе не скажешь, либо за всем этим скрывается нечто большее. Тебе не кажется?

Последовало несколько секунд молчания, а затем Ааз заговорил куда более тихим голосом.

— Ладно, *партнер*. Давай послушаем.

Маша покинула свое место, и я снова увидел Ааза... хотя тут же пожалел об этом. Он тяжело дышал, но я не мог сказать от чего — от гнева или от безуспешных попыток обойти Машу. Я слышал, как скрежещет чешуя у него на пальцах, когда он сжимал и разжимал кулаки, и понял, что мне лучше рассказать свою повесть побыстрее, пока он снова не потерял контроль над собой.

— Я не выигрывал *ее*, — поспешно уточнил я. — Я выиграл заклад ее отца. Она — наша гарантия, что он вернется и оплатит свой проигрыш.

Ааз перестал сжимать кулаки, и его черты отразили хмурую озадаченность.

— Заклад? Что-то не пойму. У Живоглота всегда играют по принципу «плати и забирай».

— Ну, кажется, для Бола он делает исключение.

— Бола?

— Это мой папочка, — объявила Клади, снова вылезая у меня из-за спины. — Сокращение от Болван. Он часто проигрывает... вот потому-то его всегда с радостью принимают в игру.

— Милая малышка, — сухо заметил Ааз. — Это заодно и объясняет, почему ты сегодня так хорошо сыграл. Один сумасброд способен изменить ход всей игры. И все же, когда Живоглот все-таки принимает заклады, он обычно выплачивает выигравшим наличные и занимается взысканием денег сам.

— Он готов был это сделать.

— Тогда почему же?..

— Если отец Клади не появится через две недели, Живоглот заберет ее в другое измерение и сам продаст ее в рабство, чтобы вернуть свои деньги.

Маша тихо присвистнула со своего кресла.

— Милый парень этот Живоглот.

— Он — девол, — рассеянно отмахнулся Ааз, словно это заявление все объясняло. — Ладно. Я могу понять, что ты почувствовал себя обязанным принять опеку над малышкой, вместо того чтобы оставлять ее у Живоглота. Только ответь мне на один вопрос.

— Какой именно?

— Что *нам* с ней делать, если не появится ее отец?

Иногда мне больше нравится, когда Ааз бушует, чем когда он думает.

— Э-э-э-э... я еще размышляю над этим.

— Восхитительно! Когда найдешь ответ, дай мне знать. Побуду-ка я у себя в комнате, пока вся эта пыль не уляжется.

И с этими словами он широким шагом вышел из помещения, предоставив разбираться с Клади Маше и мне.

— Выше нос, шеф, — подбодрила меня моя ученица. — Дети вовсе не такая уж большая проблема. Эй, Клади. Хочешь шоколадку?

— Нет, спасибо. От этого я могу стать толстой и некрасивой, как ты.

Я поморщился. Вплоть до последней минуты Маша была моей союзницей в вопросе о Клади, но эта реплика могла все изменить. Моя ученица очень чувствительна, когда речь идет о ее весе, и поэтому большинство из нас склонны избегать всякого упоминания о нем. Я-то уже настолько привык к ее внешности, что просто забываю, как она выглядит.

— Клади! — строго сказал я. — Не очень-то вежливо так говорить.

— Но это же правда! — возразила она, обращая на меня свои невинные глазки.

— Вот потому-то это и невежливо, — рассмеялась Маша, хотя, как я заметил, улыбка у нее получилась немного натянутой. — Пошли, Клади. Давай-ка сделаем набег на кладовку и попробуем найти тебе что-нибудь поесть... что-нибудь малокалорийное.

Они удалились, оставив меня наедине с моими мыслями. Ааз поднял хороший вопрос. Что же нам все-таки делать, если не вернется отец Клади? Я никогда раньше не имел дела с детьми. Я знал, что пребывание Клади в нашем доме вызовет затруднения, но какие именно затруднения? Учитывая наш с Аазом богатый опыт преодоления трудностей, мы наверняка сможем справиться и с девочкой. Конечно, Ааз был...

— Вы здесь, босс! Хорошо. Я надеялся, что вы еще не легли.

Я оставил свои невеселые мысли и увидел входящего в прихожую телохранителя.

— О, привет, Гвидо. Как прошел доклад?

— Лучше не бывает. Дон Брюс был так доволен, что прислал вам небольшой подарок.

Несмотря на свои тревоги, я не мог не улыбнуться. Наконец-то хоть *что-то* шло как надо.

— Отлично, — порадовался я. — Мне сейчас как раз не помешает немного приободриться.

— Тогда у меня для вас именно то, что надо. Эй, Нунцио! Давай ее сюда!

Улыбка застыла на моем лице. Я отчаянно попытался не паниковать. В конце концов, рассуждал я, люди употребляют местоимение «ее», говоря о множестве вещей. Например, о лодках или даже...

— Босс, это Банни. Дон Брюс посылает ее вам вместе с поздравлениями по случаю хорошо выполненной работы. Она будет вашей подружкой.

Препровождаемая ими в прихожую девушка ни в малейшей степени не походила на лодку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Куколка она и есть куколка.
Ф. Синатра

Банни оказалась невысокой, но грудастой рыжей девицей с прической «я у мамы дурочка» и пустым взглядом, какому позавидовал бы зомби. Она энергично что-то жевала и вертела головой, пытаясь охватить взглядом сразу все помещение.

— Здорово! Отличная у вас здесь хата, парни. Намного симпатичней, чем последняя, где я была.

— Это всего лишь прихожая, — с гордостью похвастал Нунцио. — Погоди, вот увидишь все остальное. Эта хата побольше любой, где я работал, понимаешь, что я имею в виду?

— Да что с вами случилось? — рявкнул Гвидо. — Где ваши манеры? В первую очередь — первоочередное. Банни, это босс. Тебе с ним жить, так как ты будешь работать под его началом.

Банни подошла ко мне, протягивая руку. Судя по тому, как двигалось под облегающим платьем ее тело, не возникало почти никаких сомнений по поводу того, что именно она носила под платьем... или, скорее, не носила...

— Рада познакомиться, босс. Надеюсь, взаимно? — весело сказала она.

На сей раз я точно знал, как ответить.

— Нет.

Она остановилась, а затем, нахмурясь, обернулась к Гвидо.

— Он имеет в виду, не называй его боссом, пока его не узнаешь, — заверил ее телохранитель. — Здесь он известен просто как Скив.

— Усекла, — подмигнула Банни. — О'кей, *Скив*... знаешь, ты большой душка.

— Нет, — повторил я.

— О'кей. Значит, не душка. Как скажешь. Ты — босс.

— НЕТ!

— Но...

Я проигнорировал ее и повернулся прямо к Гвидо.

— Вы что, рехнулись? Какого черта вы ее сюда притащили?

— Я уже сказал, босс, это подарок от Дона Брюса.

— Гвидо, многие люди дарят друг другу подарки. Например, галстуки, книги... но не девушек!

Мой телохранитель беспомощно пожал плечами.

— Ну, так, значит, Дон Брюс не такой, как многие люди. Ведь это он приставил нас к вам, и, по его словам, человеку с вашим положением в Синдикате обязательно требуется подружка.

— Гвидо... давай поговорим. Извините, Банни, мы на минутку.

Я обвил рукой плечи телохранителя и увлек его в угол. Это было не так-то легко, если учесть, что мне пришлось *дотягиваться* до его плеч. И Гвидо, и Нунцио существенно крупнее меня.

— Слушай, Гвидо, — обратился я к нему. — Помнишь, как я объяснял тебе наше положение дел?

— Разумеется, босс.

— Ну давай снова вернемся к этому. Дон Брюс нанял меня с Аазом в эксклюзивном порядке присматривать за интересами Синдиката здесь, на Базаре. Так вот, он сделал это потому, что применяемые им обыкновенно методы не сработали... Верно?

— На самом-то деле он нанял *вас*, вашего же партнера только включил заодно. А остальное — верно.

— Ну, пусть так. Не важно. А еще мы объяснили вам, что обычные методы Синдиката не срабатывали как раз из-за того, что купцы Базара наняли нас выгнать Синдикат. Помнишь?

— Да. Это оказалось для нас настоящим сюрпризом. Вы действительно уделали нас вдрызг, понимаете, что я имею в виду?

— Вернемся к нынешнему положению дел. Деньги, которые мы собираем с купцов Базара и передаем Дону Брюсу, те

деньги, которые он считает данью Синдикату за защиту, на самом деле выплачиваются нам за ограждение Базара от происков Синдиката. Усек?

— Усек.

— Хорошо. Тогда, осознавая сложившуюся теперь ситуацию, ты можешь понять, почему я не хочу, чтобы тут околачивалась какая-то девица или еще кто-нибудь из Синдиката. Если до Дона Брюса дойдет, что мы его обжуливаем, то это вновь разворошит весь гадючник. Посему вы и должны избавиться от нее.

Гвидо энергично кивнул.

— Нет, — бухнул он.

— Вам для этого потребуется всего-навсего... что значит «нет»? Мне снова надо тебе все объяснить?

Мой телохранитель испустил громкий вздох.

— Я понимаю положение, босс. Но мне думается, *вы* его не понимаете. Позвольте мне продолжить с того места, где вы закончили.

— Но я...

— Так вот, кем бы вы ни были, Дон Брюс считает вас одним из младших главарей Синдиката, заправляющим прибыльным бизнесом. Верно?

— Ну...

— И как таковому вам по праву положены дом, который у вас есть, пара телохранителей, которые у вас тоже есть, и подружка, которой у вас нет. Все это, на взгляд Дона Брюса, совершенно необходимо, если Синдикат хочет поддерживать в глазах общественности свой образ организации, вознаграждающей своих преуспевающих членов... точно так же, как она считает нужным выражать свое недовольство членами непреуспевающими. Вы поспеваете за моей мыслью?

— Образ в глазах общественности, — слабо произнес я.

— Поэтому, именно исходя из интересов Синдиката, Дон Брюс и обеспечил вас тем, чем вы не сумели обеспечить себя сами... а именно — подружкой. Если вам не нравится эта, мы

можем забрать ее обратно и доставить другую, но если вы хотите продолжать беззаботное существование, она у вас должна быть. Иначе... — Он сделал драматическую паузу.

— Иначе?.. — проявил я свое нетерпение.

— Если вы не станете поддерживать вид преуспевающего члена Синдиката, Дон Брюс будет вынужден отнестись к вам как к непреуспевающему... Понимаете, что я имею в виду?

Я почувствовал острое желание обхватить руками голову.

— Ужасно!

— Я тоже так думаю. Однако в данных обстоятельствах я счел самым разумным принять его подарок в надежде, что позже вы сумеете деликатно решить эту проблему.

— Полагаю, ты... Эй! Минуточку. У нас уже проживают Маша и Тананда. Разве они не сгодятся?

Гвидо снова вздохнул.

— Такая возможность действительно приходила в голову и мне. Но потом я сказал себе: «Гвидо, ты и вправду хочешь быть тем, кто навесит либо на Машу, либо на Тананду ярлык девицы такого сорта, при том что отлично знаешь этих двух дам? Даже если судачить по этому поводу будут только в кругу Синдиката». Посмотрев на проблему в таком свете, я решил согласиться с предложением Дона Брюса и предоставить окончательное решение вам... *босс.*

При этом последнем слове, произнесенном с налетом сарказма, я бросил на него острый взгляд.

Несмотря на его деланную манеру речи и напыщенные объяснения, у меня иной раз складывалось впечатление, что Гвидо куда умнее, чем прикидывается. Однако в данный момент его лицо являлось образчиком невинности, и поэтому я оставил его замечание без последствий.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, Гвидо. Если Маше или Тананде предстоит приобрести эту сомнительную репутацию, то я предпочел бы, чтобы это случилось по их выбору, а не по моему. А до тех пор, полагаю, нам придется доволь-

ствоваться... как там ее зовут? Банни?* Она что, шмыгает носом или как?

Гвидо взглянул через прихожую на Банни и Нунцио и заговорщически понизил голос.

— Строго между нами, босс, я думаю, для вас будет лучше принять именно эту конкретную девицу, присланную вам лично Доном Брюсом. Понимаете, о чем я?

— Нет, не понимаю, — поморщился я. — Извини, Гвидо, но как раз сейчас я соображаю довольно туго. Если ты пытаешься мне что-то сказать, то тебе придется разжевать это.

— Ну, я тут навел справки, и, кажется, Банни — племянница Дона Брюса, и...

— ЕГО П...

— Ш-ш-ш. Держите это в тайне, босс. По-моему, нам не полагается об этом знать.

Гигантским усилием воли я удержался от истерического вскрика и снова понизил голос.

— Что ты со мной делаешь? Я стараюсь сохранить эту операцию в тайне, а ты привозишь мне племянницу Дона Брюса?

— Не беспокойтесь.

— НЕ...

— Ш-ш! Как уже сказано, я навел справки. Они, кажется, вовсе не ладят между собой. Даже не здороваются. Судя по всему, что я слышал, он не хочет, чтобы она вела такой образ жизни, а она не соглашается ни на какую другую работу. И они грызутся из-за этого как кошка с собакой. Так или иначе, можно не сомневаться — если кто и поспешит с сенсационной новостью к Дону Брюсу, так это не Банни. Вот потому-то я и говорю, что следует оставить именно ее.

От всего этого у меня просто трещала голова, да вдобавок заныло в желудке.

— Роскошно. Просто роскошно. Ну, по крайней мере...

---

* От англ. bunny — кролик, зайка.

— Единственное, чего я, однако, не смог выяснить, — продолжал, хмурясь, Гвидо, — так это то, почему он хочет поселить ее у вас. По моим прикидкам, он думает, что вы либо используете ее по назначению, либо отпугнете от пагубной карьеры. В общем, я не уверен, как вам тут следует сыграть.

Этот вечер выдался для меня далеко не удачным. Да, с тех пор, как я выиграл эту злополучную партию в драконий покер, дела шли все хуже и хуже.

— Гвидо, — взмолился я. — Пожалуйста, не говори больше ничего. Хорошо? Каждый раз, как только я думаю, что дела наши, возможно, не так уж и плохи, ты вытаскиваешь нечто совсем уж скверное.

— Я просто стараюсь хорошо делать свою работу, — пожал он плечами, явно обидевшись, — но если вы хотите именно этого... пожалуйста. Вы у нас босс.

— И если ты скажешь это еще хоть раз, то я скорее всего забуду, что ты массивней меня, и дам тебе по носу. Понятно? Работа босса требует определенной степени самообладания, но в данную минуту чего у меня нет, так это именно самообладания.

— Верно, бо... Скив, — усмехнулся мой телохранитель. — Знаете, вы на минуту показались мне точь-в-точь таким же, как мой прежний бо... работодатель. Тот, бывало, поколачивал меня и Нунцио, когда бесился. Нам, конечно, приходилось терпеть...

— Не подавай мне ценных идей, — прорычал я. — Давай пока сосредоточимся на Банни.

Я снова переключил внимание на ближайшую задачу, то есть на Банни. Она все еще обводила пустым взглядом прихожую, методично работая челюстями, что-то там пережевывая, и явно пропускала мимо ушей все, что ей пытался втолковать Нунцио.

— Ну-с, э, Банни, — обратился я к ней, — похоже, тебе предстоит некоторое время пожить у нас.

Она прореагировала на мои слова так, словно я нажал на кнопку «пуск».

— И-и-и-у-у! — завизжала она, словно я только что сообщил ей, что она победила на конкурсе красоты. — О, я буду просто с *наслаждением* с тобой жить, Скиви.

Мой желудок стал медленно выворачиваться наизнанку.

— Мне принести ее вещи, босс? — спросил Нунцио. — У нее их на улице примерно вагон и маленькая тележка.

— О, можешь оставить все это, — проворковала Банни. — Я знаю, мой Скиви захочет купить мне целиком новый гардероб.

— Стоп! Тайм-аут! — приказал я. — Пора изложить правила поведения в этом доме. Банни, некоторые слова должны исчезнуть из твоего лексикона прямо *сейчас*. Во-первых, забудь про «Скиви». Я Скив... просто Скив, или если понадобится — при посторонних — Великий Скив. Не Скиви.

— Усекла, — подмигнула она.

— Далее. Ты здесь не для того, чтобы со мной жить. Ты... ты — моя личная секретарша. Ясно?

— Ну разумеется, милый. Именно так меня всегда и называли.

И снова подмигнула.

— Теперь ты, Нунцио. Я хочу, чтобы ты перенес ее багаж в... не знаю, наверно, в розовую спальню.

— Вы хотите, чтобы я ему помог, босс? — спросил Гвидо.

— *Ты* оставайся тут, — улыбнулся я, скаля все свои зубы. — У меня есть для тебя особая задача.

— Минуточку, черт возьми! — вмешалась Банни, забыв про кокетство. — Что это за фокусы с «розовой спальней»? Ты, по-моему, как-то не похож на человека, который станет спать в розовой спальне. Разве я не переселяюсь в твою спальню?

— Я сплю в *своей* спальне, — подчеркнул я. — И разве не удобнее будет тебе въехать в одну из наших свободных спален, чем мне переселяться туда лишь для того, чтобы ты могла въехать в мою?

Как я уже говорил, вечер этот был долгий, и соображал я совсем уж туго. К счастью для меня, Банни соображала быстро и за обоих.

— Я думала, у нас будет общая спальня, мастер Скив. В этом-то и заключается весь смысл моего пребывания здесь, понимаете? Что стряслось? Вы думаете, от меня плохо пахнет или что-то еще?

— Э-э-э-э... гм-м-м... — глубокомысленно промычал я.

— Привет, Гвидо... Нунцио. Кто... ух ты!

Эта последняя остроумная реплика исходила не от меня. В прихожую как раз вошла Маша с Клади на буксире и при виде Банни встала как вкопанная.

— Эй, босс! Это еще что за малышка?

— Гвидо, Нунцио, это Клади... *Тоже* гостья нашего дома. Маша, Клади, это Банни. Она временно поживет у нас... в *розовой* спальне.

— Ясненько! — воскликнула Банни. — Ты хочешь, чтобы мы разыграли все втихую из-за малышки! Ну, можешь на меня рассчитывать. Осмотрительность — вторая натура Банни. Пусть будет розовая спальня!

Я бы с удовольствием задушил ее. Если смысл ее слов и не дошел до Клади, то определенно дошел до Маши, и та уставилась на меня из-под поднятых бровей.

— Хватит, всё! — отрезал я, чтобы не усугублять ситуацию. — А теперь, Нунцио, устрой Банни в розовой спальне. Маша, я хочу, чтобы ты поселила Клади в голубой спальне рядом с моей... и кончай свои фокусы с бровями! Утром все объясню.

— Хотела бы я *это* услышать, — фыркнула она. — Пошли, малышка.

— Я не устала! — возразила Клади.

— Круто, — посочувствовал я. — А вот я устал.

— О, — сникла она и последовала за Машей.

Каким бы жалким ни был ее отец, где-то по ходу дела она усвоила, когда можно спорить со взрослыми, а когда лучше плыть по течению.

— Что вы хотите мне поручить, босс? — горя рвением, спросил Гвидо.

Я одарил его самой злой своей усмешкой.

— Помнишь, я сказал насчет особого задания?

— Да, босс?

— Предупреждаю, оно опасное.

Это воззвало к его профессиональной гордости, и он выпятил грудь колесом.

— Чем тяжелей, тем лучше. Вы же меня знаете!

— Прекрасно, — улыбнулся я. — Тебе требуется всего-навсего подняться наверх и объяснить Аазу насчет Банни. Мой партнер в данную минуту, кажется, мной недоволен.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вот из такого материала и созданы сны.

С. Красавица

Со мной была Луанна. Я не мог вспомнить, когда она появилась и долго ли была здесь, но меня это не волновало. Я не видел ее с тех пор, как мы вернулись с Лимбо после организации побега из тюрьмы, и страшно тосковал по ней. Она покинула меня и осталась со своим партнером, Мэттом, и какая-то часть меня осталась с ней. Не буду настолько пошло-сентиментальным, чтобы утверждать, будто этой частью было сердце, но, в общем, примерно так.

Мне хотелось так много ей сказать... хотелось ее спросить, но это оказалось не так уж важно. Мы просто лежали рядом на травянистом холме, наблюдая за облаками, молча наслаждаясь обществом друг друга. Я мог бы оставаться в таком положении вечно, но она приподнялась на локте и мягко заговорила со мной.

— Если ты только чуть-чуть подвинешься, Скиви, то нам обоим будет оч-чень удобно.

Это как-то диссонировало с моим безмятежным настроением. Она говорила совсем не как Луанна. У Луанны голос был музыкальный и волнующий. А эта говорила, словно...

— БАННИ!

Я внезапно выпрямился, оказавшись отнюдь не на травянистом взгорке, а в собственной постели.

— Ш-ш-ш-ш! Малышку разбудишь!

Она сидела на краю постели, одетая в нечто тонкое и даже более открытое, чем облегающий наряд, бывший на ней прошлым вечером.

— Что ты делаешь в моей комнате?!

Я отчетливо помнил, что, прежде чем лечь, приставил к двери несколько предметов меблировки, и один быстрый взгляд подтвердил, что те по-прежнему на месте.

— Потайной ход, — пояснила она, подмигнув. — Нунцио показал мне его прошлым вечером.

— Ах, показал, да? — понизил я голос. — Напомни мне выразить ему благодарность за эту маленькую услугу.

— Побереги свои благодарности, милый. Они тебе понадобятся, когда я закончу.

И с этими словами она подняла одеяло и скользнула ко мне. Я скользнул в другую сторону постели, словно ко мне только что пристал паук. Не то чтобы я боялся пауков, заметьте, но Банни пугала меня до оцепенения.

— Эй! Что случилось? — заныла она.

— Э-э... это... послушай, Банни. Мы не могли бы минутку поговорить?

— Разумеется, — согласилась она, садясь на постели и нагибаясь вперед, чтобы опереться локтями о колени. — Если ты этого хочешь.

К несчастью, ее теперешняя поза предоставляла мне еще и беспрепятственный обзор ее декольте. И я мигом забыл, что же собирался сказать.

— Э-э-э-э... я... гм...

Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул я, радуясь такой помехе.

Сомнений не было, да и быть не могло: ничего глупее я никогда не брякал.

Дверь открылась, с изумительной легкостью отодвинув приставленную мебель, и вошел Корреш.

— Слушай, Скив, Ааз только что рассказал мне о самой замечательной... Зд-драсьте?

Я уже упоминал, что Корреш — тролль. Чего я не сказал, так это про его способность краснеть... вероятно, потому, что вплоть до этой минуты сам не знал о ней. Из всех зрелищ, виденных мной в нескольких измерениях, краснеющий тролль принадлежит к совершенно особой категории.

— Ты, должно быть, Корреш! — прощебетала Банни. — Мальчики рассказывали о тебе.

— Э-э-э... совершенно верно. Рад с вами познакомиться и все такое, — рассыпался в любезностях тролль, пытаясь отвести взгляд и в то же время поддерживать вежливый разговор.

— Да. Разумеется, Коррешок. Тебе случайно не нужно заняться каким-то делом... например, пойти куда-нибудь?

Я отчаянно вцепился в его руку.

— Нет! То есть... Корреш всегда заходит, едва настанет утро.

— Э-э... Да. Как раз хотел посмотреть, готов ли Скив к завтраку.

— Ну, я попала сюда первой, — ощетинилась Банни. — И если Скиви хочет чего-то пожевать, он может...

— Доброе утро, папочка!

Клади вприпрыжку вбежала в спальню и обняла меня, прежде чем кто-нибудь из нас сообразил, что она уже тут.

— Ну-ну. Ты, должно быть, новая подопечная Скива — Клади, — просиял тролль, явно радуясь возможности переключить внимание с Банни на кого-то другого.

— А ты — Корреш. Привет, Банни!

— Приветик, малышка, — отозвалась Банни, с заметным отсутствием энтузиазма натягивая одеяло до шеи.

— Ты встал, Скив?

В донесшейся из коридора речи сразу же узнавался тембр Тананды.

Мы с Коррешем редко работаем вместе, в смысле на пару, но на этот раз не понадобилось ни планирования, ни координации. Я сгреб Клади в охапку и вынес ее в коридор, тогда как Корреш последовал за мной, с такой силой хлопнув дверью, что дерево могло и треснуть.

— Привет, сестричка. Отличный денек, не правда ли?

— Привет, Тананда. Что нового?

Наши сердечные приветствия, сказанные в основном с тем, чтобы разрядить обстановку, привели только к одному: наша коллега встала как вкопанная.

Тананда очень привлекательная особа — если вам по вкусу фигуристые женщины с оливковой кожей и зелеными волосами. Конечно, она выглядит намного симпатичней, когда не поджимает губы и подозрительно не суживает глаза.

— Ну, для начала я бы сказала, что девочка у тебя под рукой — новая, — твердо произнесла она. — Может, я и не отличаюсь особой наблюдательностью, но наверняка заметила бы ее, будь она здесь прежде.

— О. Ну, мне надо будет вкратце сообщить тебе о некоторых делах, — слабо улыбнулся я. — Это — одно из них. Ее зовут Клади, и...

— Позже, Скив. В данную минуту мне любопытней узнать, что затеял мой старший братец. Как насчет этого, Корреш? Раньше я видела, как ты хлопаешь дверьми, *входя* в спальни, но никогда — по выходе из них.

— Э-э-э-э... то есть... — неуклюже замямлил тролль.

— На самом-то деле, — поддержал я его, — тут скорее... видишь ли...

— Именно так я и думала, — заключила Тананда, проскальзывая мимо нас и распахивая дверь спальни.

К счастью, посторонних у меня в комнате не оказалось. Банни явно убралась через ту же потайную панель, через которую вошла. Мы с Коррешем незаметно обменялись взглядами с явным облегчением.

— Чего-то я тут не пойму, — нахмурилась Тананда. — Вы, ребята, вели себя так, словно пытались скрыть труп. Здесь же не из-за чего так секретничать.

— Я думаю, они не хотели, чтобы ты увидела девушку в постели моего папочки, — жизнерадостно подсказала Клади.

Я хотел как следует отблагодарить Клади, но решил, что у меня хватает проблем и без добавления к их списку убийства.

— Ну, Скив? — обратилась ко мне Тананда, подняв брови почти до границы волос.

— Э-э-э-э... на самом-то деле я ей вовсе не папочка. Это как раз то, о чем я хотел тебе вкратце сообщить.

— Я имела в виду насчет девушки у тебя в комнате!

— И об этом тоже...

— Сделай ему небольшое послабление! А, Тананда? Это же нецивилизованно — мордовать кого-то до завтрака.

Это сказал мой партнер, который на сей раз приблизился к нашей группе неувиденным... и неуслышанным. Обычно он не силен по части незаметных появлений.

И если уж на то пошло, я никогда не замечал за ним такой гуманности — не мордовать кого бы то ни было — ну, например, меня — до завтрака. И все же я был благодарен ему за вмешательство.

— Привет, Ааз. Мы вот тут...

— Тебе известно, Ааз, что поделывает твой партнер?!— осведомилась Тананда голосом, способным заморозить вино. — Он, *кажется*, превращает наш дом в комбинацию детского сада и...

— Я все об этом знаю, — перебил Ааз, — и ты тоже узнаешь, когда немного поостынешь. Мы все объясним за завтраком.

— Ну...

— И кроме того, — встряла Клади, — это не *ваш* дом. Он папочкин. Папочка просто разрешает вам здесь жить. Он может делать в *своем* доме все, что захочет!

Я выпустил ее из рук, надеясь уронить головой об пол. Вместо этого она перекувыркнулась в воздухе и приземлилась на ноги, как кошка, не переставая нагло улыбаться.

Тананда выпрямилась так, словно кто-то уколол ее булавкой.

— Полагаю, ты права, Клади, — произнесла она сквозь сжатые зубы. — Если Великий Скив хочет побаловаться с какой-то девкой, это не мое дело. А если мне это не нравится, я могу попросту убраться на все четыре стороны.

Она круто повернулась и зашагала прочь по коридору.

— Как насчет завтрака? — крикнул ей вслед Ааз.

— Я не буду есть дома... никогда!

Мы в беспомощном молчании смотрели, как она уходит.

— Мне лучше пойти за ней, — сказал наконец Корреш. — В таком настроении она может кого-нибудь покалечить.

— Ты не мог бы взять с собой Клади? — спросил Ааз, все еще глядя вслед Тананде.

— Шутишь? — разинул рот тролль.

— Ну, по крайней мере подбрось ее до столовой. Мне надо сказать Скиву несколько слов наедине.

— Я хочу остаться здесь! — возразила Клади.

— Иди, — тихо посоветовал я.

В моем голосе, должно быть, что-то было, так как и Клади, и Корреш отправились без дальнейших споров.

— Партнер, у тебя возникла проблема? — осведомился Ааз.

— Да уж. Будь у меня какой-то способ отправить ее обратно к Дону Брюсу, я бы мигом это сделал, но...

— Я говорю не о Банни!

Это меня остановило.

— Не о ней?

— Нет. Проблема — Клади, а не Банни.

— Клади? Но она же всего лишь девочка.

Ааз испустил легкий вздох и положил руку мне на плечо... для разнообразия мягко.

— Скив, в прошлом я давал тебе много советов, одни лучше, другие хуже. По большей части ты действовал весьма неплохо, импровизируя в незнакомых ситуациях, но на этот раз орешек тебе не по зубам. Поверь мне, у тебя нет ни малейшего представления о том, какое смятение может вызвать в твоей жизни ребенок... особенно девочка.

Я не знал, что и сказать. Мой партнер явно испытывал искреннюю озабоченность и выражал ее, к моему удивлению, в очень спокойной и сдержанной манере. И все же я не мог согласиться с его словами.

— Брось, Ааз. Много ли хлопот она может причинить? Это происшествие с Танандой случилось из-за Банни....

— ...после того как Клади начала трепать языком в неподходящее время. Я уже заставил Тананду поостыть, когда Клади вылезла со своим мнением.

Тут до меня дошло, что именно Клади первая сообщила Тананде о Банни. Я постарался загнать эту мысль подальше.

— Ну, допустим, у нее не хватает ума держать язык за зубами. Она же маленькая. Нельзя ожидать от нее...

— Вот об этом-то я и толкую. Подумай немного о нашем здешнем бизнесе, партнер. Сколько раз на дню дела могут пойти прахом, если кто-то скажет в нужную минуту что-то ненужное? Нам понадобился год, чтобы обтесать Гвидо и Нунцио, а ведь они взрослые. Приводить в такой дом ребенка — все равно что размахивать факелом на фабрике по производству фейерверков.

Как я ни ценил усилия Ааза растолковать мне данную проблему, но его энтузиазм стал меня немного утомлять.

— Ладно. Допустим, у меня не так уж много опыта в общении с детьми. Возможно, я недооцениваю серьезность положения, но разве ты не перебираешь с паникой? На каком таком опыте ты основываешь *свою* тревогу?

— Шутишь? — впервые за весь наш разговор рассмеялся мой партнер. — Всякий проживший столько веков, сколько я, приобретает более чем достаточный опыт общения с деть-

ми. Помнишь моего племянника Руперта? Думаешь, он родился взрослым? И он лишь один из такого огромного количества племянниц, племянников и внуков, что от одного только усилия их всех сосчитать и припомнить можно попасть в психушку.

А я-то думал, что Ааз больше не может меня ничем удивить.

— В самом деле? Внуков? Я даже не знал, что у тебя есть дети.

— Я не люблю об этом говорить. Что само по себе уже кое-что значит. Когда кто-то такой разговорчивый вроде меня совершенно избегает касаться какой-то темы, то, значит, его воспоминания не доставляют ему много радости!

Я начал тревожиться. Учитывая, что Ааз обычно склонен преуменьшать опасность, его предупреждения подействовали на мое и так уж чересчур богатое воображение.

— Я понимаю тебя, Ааз. Но мы же здесь толкуем только об одном ребенке. Сколько хлопот может причинить одна девочка?

Лицо моего партнера внезапно озарила одна из его пресловутых злых усмешек.

— Запомни эту фразу, — заявил он. — Я намерен время от времени цитировать тебе ее.

— Но...

— Эй, босс! Здесь кое-кто хочет вас видеть!

Этого только мне и не хватало! Я в общем-то уже твердо решил не принимать больше никаких клиентов, пока отец Кладди не заберет дочку. Конечно, я не хотел этого говорить при Аазе, особенно с учетом только что состоявшегося разговора.

— У меня совещание, Гвидо! — откликнулся я. — Предложи им зайти позже.

— Как угодно, босс! — донесся ответ. — Я просто подумал, вам будет интересно. Ведь это Луанна...

Я тут же рванул к двери, даже не потрудившись извиниться. Ааз поймет. Он знает, что я неравнодушен к Луанне со времен нашей экспедиции на Лимбо.

По пути к прихожей я подумал, не шуточка ли это одного из моих телохранителей. И решил, что если это так, то мне придется поднатореть в магии настолько, чтобы превратить его в жабу.

Но мои подозрения оказались беспочвенными. Она была там. Моя прекрасная белокурая богиня. Однако сердце у меня екнуло — она стояла там с чемоданами.

— Привет, Луанна. Что ты здесь делаешь? Где Мэтт? Как у вас дела? Не хочешь ли чего-нибудь выпить? Можно я...

Я вдруг сообразил, что трещу без умолку, и заставил себя остановиться.

— Э-э-э... Я просто пытался сказать, что рад тебя видеть.

В ответ я получил ту медленную улыбку, что являлась мне во сне.

— Счастлива это слышать, Скив. Я боялась, что ты забыл обо мне.

— Ни за что на свете, — пробормотал я, а потом сообразил, что плотоядно смотрю на нее. — То есть, конечно, нет, не забыл.

Ее синие глаза встретились взглядом с моими, и я почувствовал, что беспомощно тону в их глубине.

— Это хорошо, — сказала она своим музыкальным голосом. — Я беспокоилась, можно ли еще поймать тебя на твоем предложении, когда столько времени прошло.

Эти слова пробились сквозь туман, угрожавший окутать весь мой рассудок.

— Предложении? Каком предложении?

— О, так ты не помнишь? Я думала... ах, это так неудобно.

— Минутку! — воскликнул я. — Я вовсе не забыл! Просто дело в том... дай мне подумать... просто...

Тут меня озарило, словно солнечный луч упал на болото.

— Ты имеешь в виду, когда я сказал тебе, что ты могла бы приехать поработать со мной и Аазом? Верно?

— Именно об этом я и говорила! — Солнце вышло из-за туч, когда она снова улыбнулась. — Видишь ли, мы с Мэттом поссорились, и я подумала...

— Хочешь позавтракать, папочка? Ты сказал... О! Здравствуйте.

— ПАПОЧКА?!

Клади и Луанна уставилась друг на друга.

Я быстро пересмотрел свои планы. Буду упорно заниматься и превращу в жабу *себя*.

— Сейчас я объясню тебе, Луанна... — начал было я.

— Думаю, тебе следует оставить при себе эту, папочка, — решила вслух Клади, не сводя глаз с Луанны. — Она намного красивей, чем другая.

— ДРУГАЯ... А! Ты имеешь в виду Тананду.

— Нет, я имею в виду...

— КЛАДИ! — в отчаянии перебил я. — Почему бы тебе не подождать меня в столовой? Я буду сию минуту после того, как закончу разговор с...

— Скиви, так мы идем за покупками? — проскользнула в прихожую Банни. — Мне нужно... кто это?!

— Я? Я — никто, — мрачно ответила Луанна. — Вплоть до этой минуты я и не понимала, до какой степени я никто!

— Ну, должность уже занята, если ты здесь ради этого, — ухмыльнулась Банни.

— Минутку! Это совсем не та должность! В самом деле! Луанна, я могу... Луанна?!

И пока я истерично что-то лепетал, Луанна — любовь всей моей жизни — собрала свои чемоданы и ушла. Я разговаривал с пустым местом.

— Ну и ну, Скиви. Для чего ты с ней разговаривал, когда у тебя есть я? Разве я не...

— Папочка. Можно мне...

— ЗАТКНИТЕСЬ! ОБЕ! Дайте мне подумать!

Как я ни старался, на ум все время приходила только одна мысль — возможно, Ааз был прав. Возможно, дети — куда большее бедствие, чем я думал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Приходите всей семьей... но оставьте детей дома!

Р. Макдональд

— В самом деле, шеф. По-твоему, это такая уж удачная мысль?

— Маша, пожалуйста! Я пытаюсь обдумать положение. Дома такой жуткий хаос, Ааз ворчит. Пойми, я просто не в состоянии привести мысли в порядок. А если еще и ты будешь меня донимать... Ладно, лучше скажи — ты собираешься помочь мне или нет?

Моя ученица пожала массивными плечами.

— Хорошо. Чего ты от меня хочешь?

— Просто не спускай глаз с этой парочки и смотри, чтобы они во что-нибудь не влипли, пока я думаю.

— Караулить их? Здесь, на Базаре Девы? Разве Гвидо и Нунцио не положено...

— Маша!

— Ладно-ладно. Но хочу отметить, что я берусь за это задание против воли.

Уверен, я не возражал так часто Аазу, когда был у него в учениках. Однако каждый раз, когда я говорю об этом, мой партнер разражается таким взрывом хохота, что теперь я склонен держать эту мысль при себе, даже когда его нет рядом.

Немного посопротивлявшись, я согласился взять Банни и Клади на прогулку по Базару. Как я и сказал Маше, сделал я это скорее с целью хоть ненадолго оторваться от Ааза, а вовсе не потому, что уступил нытью Банни, хотя игнорировать его было нелегко.

Памятуя о неоднократных предупреждениях Ааза, я заручился помощью ученицы, дабы иметь поддержку на всякий случай. Гвидо и Нунцио, конечно же, отправились вместе с нами, но их больше заботила опасность извне, а вовсе не то, что мог невзначай выкинуть кто угодно из нашей группы.

В общем, мы являли собой ту еще процессию! Двое телохранителей от Синдиката, женщина-гора, замаскированная под витрину ювелирного магазина, сомнительного вида девица, ребенок и я! Заметьте, на сей раз «ребенком» группы был не я. Видимо, не вредно, когда с тобой путешествует настоящий, неподдельный ребенок. Это автоматически заставляет тебя выглядеть старше и как бы ответственней.

Мы уже немало прожили на Базаре, и купцы по соседству в общем-то вполне к нам привыкли. То есть они знали, что если я буду в чем-то заинтересован, то сам приду к ним. А если нет, то никакие обхаживания и уговоры не соблазнят меня на покупку. Вам это может показаться немного странным после всех моих пылких рассказов о продающихся на Базаре чудесах, но тем не менее я вписался в такую систему совершенно естественно. Видите ли, если лишь изредка наведываешься на Базар, то он выглядит очень даже впечатляюще, и возникает неудержимое стремление покупать просто ради того, чтобы оградить себя от полного разорения на каких-нибудь совсем уж потрясающих сделках. С другой стороны, если ты там живешь, то нет никакого реального стимула покупать что-нибудь прямо сейчас. Я хочу сказать, если мне понадобится растение, способное вырасти за минуту на десять футов, я куплю его... когда оно мне понадобится. А до тех пор растение останется в своей лавке за три двери от нашей палатки, а мои деньги останутся в моем кармане.

Именно так и обстояли дела в нормальных условиях. Вот только условия у меня теперь были какими угодно, но только не нормальными. Я, конечно, все время об этом помнил, но явно не представлял себе всего многообразия последствий.

Ладно, допустим, я проявил глупость. Вспомните, я отправился на эту прогулку с целью все хорошенько обдумать. Помните?

Может, я бы и не сообразил, насколько необычно выглядела наша группа, но деволы заметили разницу, едва мы успели пройти полквартала.

Внезапно все окрестные продавцы, которые не сумели всучить мне какую-нибудь побрякушку за последние два года, решили наверстать упущенное.

— Любовные напитки! Результат гарантируется!

— Змеегалстуки! Ядовитые и нет!

— Особая скидка для Великого Скива!

— Особая скидка для всех *друзей* Великого Скива!

— Попробуйте наших...

— Купите мой...

— Отведайте эти...

Большая часть этих выкриков предназначалась не мне, а Банни и Клади. Деволы вились вокруг них, словно... ну, словно деволы, учуявшие легкую прибыль. Не то чтобы Гвидо и Нунцио не выполняли своей задачи. Если бы они не расчищали нам дорогу, мы вообще не смогли бы двигаться. А так наше передвижение просто замедлилось до черепашьей скорости.

— Ты все еще думаешь, что это была хорошая идея, Девятый Вал?

— Маша! Если ты...

— Я просто спросила. Хотя если ты способен думать при таком гаме, то тебе можно только позавидовать.

Она была права, но я не собирался этого признавать. Я шел и продолжал смотреть вперед, следя за всем, что нас окружало, лишь уголками глаз.

— Скиви! Можно мне...

— Нет.

— Посмотри-ка на...

— Нет.

— Нельзя ли нам...

— Нет!

Банни становилась настоящей занозой. Она, кажется, хотела приобрести все, что попадалось ей на глаза. К счастью, я разработал идеальную защиту. Мне требовалось всего-навсего говорить на все «нет!».

— Зачем мы пошли за покупками, если не собираемся ничего покупать?

— Ну...

Вот и все с идеальной защитой. Чтобы не оказаться загнанным в угол, я тут же переключился на резервный план, заключавшийся в том, чтобы свести наши покупки к минимуму. В этом я тоже, кажется, не слишком преуспел, но утешился, пытаясь вообразить, какой горой барахла завалили бы нас, если бы я не жал на тормоза.

К моему изрядному удивлению, несмотря на все страшные предсказания Ааза, Клади причиняла совсем немного хлопот. Я нашел ее замечательно благовоспитанной и послушной, и она никогда не просила меня что-нибудь купить. Вместо этого она довольствовалась тем, что указывала Банни на те немногие ларьки, которые та проглядела.

Таких было не так уж много.

Единственным спасением для меня служило то, что Банни, кажется, не интересовалась обычной коллекцией сногсшибательных и поразительных вещей, производящих неотразимое впечатление на большинство гостей Базара. Она проявляла замечательную верность своей главной страсти — нарядам. Шляпкам, платьям, туфелькам и всяким аксессуарам пришлось подвергнуться ее строгому досмотру.

Должен признать, что Банни покупала отнюдь не что попало. Она обладала острым глазом на ткань и фасон и куда лучшим чувством цвета, чем все, кого я когда-либо знал. Ааз всегда говорил о бесах, что они умеют броско одеться, и я втайне пытался подобрать свой гардероб по их образцу. Однако единственный поход за покупками с Банни стал для меня ценным уроком. Когда дело доходит до вкуса в одежде, бесам далеко до девиц вроде моей новоиспеченной подружки.

Чем больше я наблюдал, как Банни гоняется по Базару за обновками, тем сильнее стеснялся собственной внешности. В конечном итоге я обнаружил, что сам высматриваю кое-что для себя, а от этого оставался один короткий шаг до покупки.

В самом скором времени нам пришлось тащить за собой небольшую гору свертков. Банни натянула на себя пару вещей, менявших цвет вместе с ее настроением, и шествовала теперь в интригующей блузке с прозрачным участком, мигрировавшим произвольно по ее торсу. Надо сказать, последнее было довольно пикантным. Мои покупки был немногочисленны, но все же увеличили общий объем товара, который нам приходилось тащить за собой.

Гвидо и Нунцио были освобождены от обязанности носить свертки, а Маша наотрез отказалась — на том основании, что крупной женщине достаточно трудно лавировать по Базару, жонглируя свертками. Учитывая правило Базара «Сломал — покупай», я едва ли мог спорить с ее осторожной позицией.

Окончательное решение нашей проблемы с багажом было на самом-то деле предельно простым. Я немного поразмял свои магические способности и залевитировал всю гору покупок. Обычно я не люблю щеголять своими способностями на публике, но счел данный случай необходимым исключением из правила. Конечно, тащить плывущие следом за нами покупки было все равно что тянуть на буксире маяк; они приманивали деволов из ларьков целыми стаями.

К своему удивлению, я начал наслаждаться произведенным впечатлением. Скромность и анонимность — дело хорошее, но иногда приятно, когда вокруг тебя суетятся. Банни преданно повисла у меня на руке и плече, что-то там воркуя и мурлыча... впрочем, моя готовность финансировать ее покупки, похоже, производила на нее не меньшее, если не большее, впечатление, чем небольшая демонстрация магии.

— Не могу сказать, что я высокого мнения о ее вкусе по части одежды, — шепнула мне Маша, когда мы снова остановились из-за того, что Банни нырнула в ближайшую палатку.

Я, мягко говоря, не горел желанием втягиваться в обсуждение сравнительных вкусов Банни и моей ученицы по части одежды.

— Разные комплекции выглядят лучше в одежде разного стиля, — как можно тактичней отозвался я.

— Да? И какой же стиль выглядит лучше всего на *моей* комплекции?

— Если говорить совершенно откровенно, Маша, то я не могу представить тебя в чем-нибудь ином, кроме того, в чем ты есть.

— В самом деле? Спасибо, Скив. Девушке всегда приятно услышать что-нибудь одобрительное о своей внешности.

Я решил не развивать дальше эту тему и быстро спросил:

— Э-э-э... а правда, Клади отлично себя ведет?

— Я сказала бы, именно так. Признаться, я немного встревожилась, когда ты ее привел, но она вела себя ангельски. Думаю, я никогда не видела такого терпеливого и послушного ребенка.

— И к тому же нетребовательного, — добавил я. — Я думал купить и ей что-нибудь, раз уж мы отправились за покупками, но мне трудновато подобрать для нее что-то подходящее. На Базаре как-то мало магазинов с игрушками.

— Шутишь? Да он весь — один сплошной магазин игрушек!

— Маша...

— Ладно-ладно. Допустим, по большей части это игрушки для взрослых. Дай-ка подумать. Сколько ей, собственно, лет?

— Тут я в общем-то не уверен. Она сказала, что училась в третьем классе начальной школы... хотя нет, она называет ее Школой Начал... значит, ей, выходит, лет...

Я сообразил, что Маша уставилась на меня широко открытыми от ужаса глазами.

— Школой Начал?

— Она назвала ее именно так. Мило, а? Слушай, что за...

Моя ученица перебила меня, схватив за руку и сжав ее с такой силой, что мне стало больно.

— Скив! Нам надо увести ее обратно домой... БЫСТРО!!!

— Но я не понимаю...

— Позже объясню! Просто возьми ее и уходи! Я пригоню Банни домой, но ты отправляйся сейчас же!

Мягко говоря, ее манера поведения меня озадачила. Я никогда не видел Машу такой обеспокоенной. Но сейчас было явно не время для вопросов, и я стал оглядываться в поисках Клади.

Она стояла, сжав кулачки, пристально разглядывая палатку с закрытым пологом.

Ни с того ни с сего все стали какими-то нервными. Сперва Маша, а теперь и Клади.

— Что это с малышкой? — обратился я к Гвидо, слегка постучав его по плечу.

— Банни зашла примерить несколько прозрачных неглиже, а Клади хозяин выгнал, — объяснил телохранитель. — Ей это не очень понравилось, но ничего, переживет. Полагаю, это неизбежная часть детства.

— Ясно. Ну, я все равно собирался взять ее обратно домой. Кто-нибудь из вас останется с...

— СКИВ! ОСТАНОВИ ЕЕ!!!

Маша просто кричала это мне. Я оглянулся, чтобы выяснить, что именно она имеет в виду, и поэтому не разглядел всех подробностей, когда это случилось.

Раздалось внезапное «УФ», потом послышались звуки рвущейся парусины, ломающегося дерева, а вслед за этим невообразимые вопли и проклятия.

Я резко повернулся, и у меня просто отвисла челюсть.

От палатки, куда зашла Банни, остались жалкие клочья. Весь товар плыл над Базаром, как и то, что уцелело от палатки. Банни пыталась прикрыться ладонями и визжала во всю силу легких. Хозяин, особенно елейный на вид девол, тоже визжал что есть мочи, но выплескивал свои эмоции именно на нас, а не на мир.

Я бы сказал, что это не было бы слишком уж большим событием, если бы не одно обстоятельство. Выставки товаров по обе стороны от палатки и два их ряда позади нее находи-

лись в схожем состоянии. Вот *это* было уже событием, в сравнении с которым уничтожение единственной палатки просто бледнело.

Откуда-то до меня донесся голос, заглушавший гвалт разъяренных купцов.

— Сломал — покупай! — вопил кто-то с девольским акцентом.

— Что случилось? — ахнул я, хотя не был уверен, кого вопрошаю — себя или богов.

Ответила Маша.

— Клади, вот что! — мрачно бросила она. — Она вышла из себя и вызвала духа воздушного начала... знаешь, как учат делать в Школе *Начал?* Похоже, эта малышка срывает злость с помощью магии!

Мой рассудок мгновенно ухватил значение ее слов, затем столь же быстро перепрыгнул на следующий уровень. Ааз! Я не знал наверняка, что хуже: сообщить Аазу эту новость или сказать ему, во что нам обошлась эта информация!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Есть время драться и время скрываться.

Б. Кассиди

Я слышал, что некоторые люди, когда бывают в подавленном настроении, идут в местный бар и рассказывают о своих бедах сочувствующему бармену. Беда на Базаре-на-Деве (ранее никогда мною не замечаемая) заключается в том, что здесь не водится никаких сочувствующих барменов!

Поэтому мне пришлось довольствоваться посещением трактира «Желтый полумесяц».

Конечно, заведение типа пирожковой или бутербродной может показаться плохой заменой бару. Это так. Однако это

конкретное заведение принадлежало моему единственному другу на Базаре, проживающему не вместе со мной. Это последнее обстоятельство было в тот момент особенно важным, поскольку я сомневался в том, что способен добиться большого сочувствия в собственном доме.

Гэс — горгул, но, несмотря на свою свирепую внешность, он — одно из самых дружелюбных существ, каких я когда-либо встречал. Он помогал мне с Аазом в некоторых наших более чем сомнительных операциях и поэтому меньше многих других был склонен спрашивать «Как ты в это впутался?». Обычно его больше интересовало «Как ты из этого выпутался?».

— И как ты в это впутался? — покачал он головой.

Ну, никто не идеален... особенно друзья.

— Я же *говорил* тебе, Гэс. Одна паршивая игра в карты, где я ожидал проигрыша. Знай я, к каким последствиям это приведет, честное слово, пасовал бы в каждой партии!

— Видишь, вот тут-то и скрыта твоя проблема, — сверкнул более зубастой, чем обычно, улыбкой горгул. — Вместо того чтобы сесть за карточный стол и проиграть, ты бы уж лучше вовсе за него не садился!

Я поблагодарил его за здравый совет, закатив глаза к потолку.

— Так или иначе, все это представляет лишь гипотетический интерес. Сделанного не воротишь. Вопрос в том, что мне делать теперь?

— Не так быстро. Давай задержимся на минутку на карточной игре. Зачем ты сел за карточный стол, если ожидал проигрыша?

— Слушай. Нельзя ли нам бросить карточную игру? Я был не прав. Идет? Ты это хочешь услышать?

— Не-е-е-т, — медленно протянул Гэс. — Я все еще хочу услышать, почему ты вообще зашел в клуб. Давай-ка расскажи! Я тебя прошу.

Я удивленно уставился на него, но он, казалось, говорил совершенно серьезно.

Я пожал плечами.

— Живоглот послал мне приглашение. Честно говоря, получить его было очень лестно. И я подумал, что будет любезным...

— Стоп! — прервал меня горгул, подняв руку. — Вот тут твоя проблема.

— Какая?

— Ты стараешься быть любезным. Какое это имеет значение? Разве твой теперешний круг друзей недостаточно хорош для тебя?

Это заставило меня слегка занервничать. У меня хватало проблем и без этих вывертов Гэса.

— Не в том дело, Гэс. Правда. Наша команда — включая и тебя — для меня ближе и роднее, чем когда-либо была моя семья. Просто... не знаю...

— ...ты хочешь, чтобы тебя любили. Верно?

— Да. Полагаю, так оно и есть.

— В этом-то и заключается твоя проблема!

Это сбило меня с толку.

— Как-то не улавливаю, — признался я.

Горгул вздохнул, а потом нырнул под стойку.

— Выпей еще один молочный коктейль, — предложил он, толкая ко мне стакан. — Это может занять какое-то время, но я попытаюсь тебе объяснить.

В том, что я теперь с удовольствием пью молочные коктейли с клубничным вареньем, мне хочется видеть признак своего растущего savoir-faire*. Впервые посетив Базар, я с ходу отверг их, потому что они походили на розовую болотную трясину. Теперь я к ним привык и даже, можно сказать, полюбил, но еду здешнюю все равно есть бы не стал. Впрочем, может быть, это тоже признак чего-то еще более значительного, если свой обретенный вкус к молочным коктейлям я считаю признаком savoir-faire!

— Слушай, Скив, — начал Гэс, пригубив собственный коктейль, — ты милый парень... один из самых милых, каких я

* умение довести до конца начатое дело (*фр.*).

когда-либо знал. Ты из кожи вон лезешь, стараясь «поступать правильно»... быть милым с людьми. Ключевая фраза тут «из кожи вон лезешь». Ты и так-то занимаешься ремеслом с высоким риском во что-нибудь влипнуть. Никто не нанимает мага, когда дела идут хорошо. А потом ты добавляешь к этому избранный тобой образ жизни. Из-за своего желания всем нравиться ты ввязываешься в такие ситуации, к каким и близко не подошел бы ради собственного удовольствия. Самый свежий пример — игра в карты. Если бы ты гнался за личной выгодой, то есть богатством, то и близко не подошел бы к карточному столу, так как не знаком с этой игрой. Но ты хотел проявить дружелюбие и поэтому пошел, ожидая проигрыша. Это ненормально, и результат получился тоже ненормальный — ты получил Клади. Вот почему ты попал в беду.

Я слегка пожевал губу, обдумывая сказанное им.

— Значит, если я не хочу попадать в беду, мне надо перестать быть милым парнем? Не уверен, что смогу это сделать, Гэс.

— И я не уверен, — бодро согласился горгул. — И что еще важнее, если бы ты смог, думаю, и я, и любой другой из твоих друзей перестали бы тебя любить. Да ты и сам не любил бы себя.

— Тогда почему же ты рекомендуешь мне измениться?

— Вовсе нет! Я просто обращаю твое внимание на то, что ты постоянно попадаешь в беду из-за того, каков ты есть, а не из-за каких-то внешних обстоятельств. Короче, раз ты не собираешься меняться, привыкай к неприятностям. Это надолго станет твоим постоянным состоянием.

Я обнаружил, что снова обхватываю голову руками.

— Спасибо, Гэс, — сказал я. — Я знал, что могу рассчитывать на тебя! Что ты меня обязательно подбодришь!

— Зря жалуешься. Теперь ты сможешь сосредоточиться на разрешении своей нынешней проблемы, вместо того чтобы зря терять время, гадая, почему она вообще существует.

— Забавно. Я-то думал, будто занят именно этим. А о том, чем вызваны мои затруднения, хотел поговорить кто-то *другой*.

Мой сарказм ни чуточки не обескуражил горгула.

— Правильно, — кивнул он. — Это возвращает нас к твоей нынешней проблеме.

— Да что ты говоришь! И что же мне, по-твоему, следует сделать, Гэс?

— Понятия не имею. Я бы сказал, что перед тобой настоящая дилемма.

Я закрыл глаза, так как у меня снова заломило в висках.

— Просто не знаю, что бы я без тебя делал, Гэс.

— Э, не стоит благодарности. Для чего же еще существуют друзья? Хоп! Сюда идет Тананда!

Помимо того, что трактир «Желтый полумесяц» — не бар, скрываться в нем невыгодно еще и потому, что он расположен прямо через улицу от моего дома. А это не очень-то хорошо для того, кто пытается избегать встреч со своими домашними.

К счастью, с этой ситуацией я мог справиться относительно легко.

— Не говори ей, что я здесь, Гэс, — распорядился я.

— Но...

Не дослушав до конца его протест, я схватил свой коктейль, шмыгнул на стул за ближайшим столиком и взялся за работу, быстренько сооружая чары личины. К тому времени, когда Тананда миновала дверь, она могла увидеть в заведении, помимо Гэса, только потягивающего молочный коктейль толстопузого девола.

— Привет, Гэс! — пропела она. — Ты не видел Скива?

— Он... э-э-э... заходил раньше.

Горгул старательно избегал лжи.

— А, ладно. Придется мне уехать, не попрощавшись с ним. Жаль. Когда я видела его в последний раз, мы расстались не особенно хорошо.

— Ты уезжаешь?

Гэс сказал это прежде, чем те же слова чуть не сорвались с моих собственных уст.

— Да. Я решила, что мне самое время переехать.

— Я... гм-м... слышал кое-какие странные рассказы о своих соседях, но никогда не знал наверняка, верить ли всему этому, — задумчиво проговорил горгул. — Полагаю, твой внезапный отъезд никак не связан со всученной Скиву девахой, ведь так?

— С Банни? Нет. Признаться, я была немного не в духе, когда впервые услышала об этом, но Корреш мне все объяснил.

— Тогда в чем же проблема?

Гэс исключительно успешно подавал мои реплики вместо меня. Покуда он продолжал в том же духе, я мог получить ответы на все свои вопросы, не раскрываясь.

Как только я услышал, что задумала Тананда, мне пришло в голову поговорить с ней напрямую, но затем я сообразил, что тут мне выпал редкий случай услышать ее мысли, когда она думает, будто меня рядом нет.

— Ну, это из-за кое-чего сказанного Клади...

Снова Клади. Я определенно должен извиниться перед Аазом.

— Она что-то брякнула насчет того, что ее папочка, то есть Скив, позволяет мне жить в его доме, и это навело меня на размышления. Последние годы дела шли неплохо... можно даже сказать, очень неплохо. Поскольку нам не надо было беспокоиться о накладных расходах, мы с Коррешем не напрягались с работой. И самое главное, мы не слишком напрягались с поиском работы. Это же так легко — просто ошиваться дома и ждать, когда нам что-нибудь перепадет.

— При таких делах растолстеешь и разленишься, да?— усмехнулся Гэс.

— Что-то вроде того. Ну так вот, ты меня знаешь, Гэс. Я всегда была вольной птицей и любила свободу. Я всегда была готова сорваться, если подвернется какая работа или просто по прихоти. Если бы кто-то высказался в том духе, что я угомо-

нюсь и где-то брошу якорь, я бы живо вышибла из него эту дурь. А теперь вдруг у меня совершенно неожиданно появляются постоянный адрес и семья... я имею в виду, семья помимо Корреша. Пока Скив не привел Клади, я и не понимала, как одомашнилась. А тут еще ребенок. Как только я ее увидела, то первое, о чем подумала, — вот, мол, будет очень неплохо иметь в доме ребенка. А теперь я тебя спрашиваю, Гэс, это похоже на меня?

— Нет, не похоже.

Голос горгула звучал так тихо, что я едва узнал его.

— Вот тогда-то я и увидела зловещие предзнаменования. Если я не начну снова разъезжать, то пущу корни... навсегда. Знаешь, самое худшее в том, что мне на самом-то деле не хочется уезжать. Вот это-то и пугает меня больше всего.

— Думаю, ни Ааз, ни Скив тоже не захотят, чтобы ты уезжала.

— Слушай, Гэс, не трави мне душу! Мне и без того тяжело. Я уже сказала — они для меня семья, но это меня душит. Я должна убраться, хотя бы ненадолго, иначе потеряю какую-то часть себя... навеки.

— Ну, если ты решилась... желаю удачи.

— Спасибо, Гэс. Я буду время от времени связываться с вами. Не спускай глаз с мальчиков на случай, если они заглотят больше бед, чем смогут переварить.

— Думаю, тебе незачем беспокоиться о Корреше. Он очень здравомыслящий.

— Я беспокоюсь не о Корреше.

Я думал, это будет ее последним залпом, но, уже коснувшись одной рукой двери, она остановилась.

— Знаешь, вероятно, оно и к лучшему, что я не нашла Скива. Не уверена, что смогла бы выдержать характер при встрече с ним лицом к лицу... Хотя, кто знает, может, потому я его и искала.

Я чувствовал на себе взгляд Гэса, когда она выскользнула за дверь.

— Полагаю, нет смысла спрашивать, почему вы не объявились, *господин* Скив.

Если раньше я беспокоился, как бы Гэс не рассердился на меня, то теперь перестал об этом думать.

— Сперва из любопытства, — сказал я, давая спасть личине, — а потом не хотел ее смущать.

— А под конец? Когда она прямо сказала, что ты мог бы ее отговорить? Почему ты тогда не сказал ни слова? Ты *хочешь*, чтобы она исчезла?

Я не мог вызвать в себе даже искорки гнева.

— Ты же знаешь, что это не так, Гэс, — спокойно ответил я. — Тебе больно, и ты хлещешь первого попавшегося под руку, а первым случилось оказаться мне. Я не попытался заставить ее остаться по той же причине, по которой и ты не приложил больших стараний. Она считает, что мы ее душим, и если она хочет удалиться, с нашей стороны будет крайне мелочным пытаться удержать ее ради самих себя, не так ли?

Возникло продолжительное молчание, что меня вполне устраивало. Не хотелось больше продолжать этот разговор.

Поднявшись, я направился к двери.

— Ты смотрел в другую сторону, когда она выходила, — нарушил молчание горгул. — Возможно, тебе не мешает узнать, что в глазах у нее стояли слезы.

— В моих тоже, — ответил я не оборачиваясь. — Потому я и смотрел в другую сторону.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Что же я сделал не так?
Король Лир

С тяжелым сердцем я отправился обратно домой. Меня больше не беспокоило, что Ааз наорет на меня. Я, можно сказать, даже надеялся на это. Уж коли так случится, что ж, для разнообразия я возражать ему не стану. Короче, я чувствовал себя ужасно и был не прочь покаяться.

Проскользнув за полог палатки, я и прислушался, где там Ааз. Собственно говоря, меня немного удивляло, что его не было слышно еще с улицы, но я был уверен, что смогу вычислить без всякого труда, где он в данный момент находится. Как я уже говорил, у моего партнера не возникает никаких сложностей с выражением своих настроений, особенно гнева.

В доме царила тишина.

По отсутствию грохота и падающей штукатурки я заключил, что Ааз вышел... скорее всего с налитыми кровью глазами ищет меня. Я прикинул, не выйти ли ему навстречу, но решил, что лучше будет просто подождать здесь. В конце концов, он же вернется, так что я направился в сад и расположился там поудобней, ожидая его появления.

То, что я называю садом, на самом деле просто наш внутренний двор. Там есть фонтан и великое множество растений, поэтому мне легко было забыть о том, что это замкнутое пространство. В последнее время я сиживал там все чаще, особенно когда хотелось немного подумать. Сад напоминал мне кое-какие заветные места тех времен, когда я жил в лесу сам по себе... еще до того, как встретил Гаркина, а благодаря ему и Ааза.

Эти воспоминания навели меня на размышления об одном любопытном моменте: существуют ли другие преуспевающие личности вроде меня, использующие свое новое благосостояние для воссоздания обстановки или атмосферы начала своей карьеры? Если да, то это довольно любопытно.

Я был совершенно поглощен этой мыслью, когда входил в сад, и сперва даже не заметил, что я не один. В моем тихом прибежище находился еще кое-кто... а именно Ааз.

Он сидел на одной из каменных скамей, опершись подбородком на ладони, локтями о колени и глядя невидящим взором на воду в фонтане.

Мягко говоря, я несколько удивился. Ааз никогда не проявлял склонности к созерцанию, особенно в кризисной ситу-

ации. Он больше был склонен к принципу «жми до победного». И все же он находился здесь, не взбудораженный, не расхаживающий взад-вперед, он просто сидел, уставясь на воду. Это было настолько не похоже на него, что я совсем упал духом.

— Э-э-э... Привет, Ааз, — поколебавшись, произнес я.

— Здравствуй, Скив, — ответил он не оглядываясь.

Я подождал еще несколько мгновений, не скажет ли он чего-нибудь еще. Он не сказал. Наконец я сел на скамью рядом с ним и сам уставился на воду.

Так мы посидели какое-то время, не говоря ни слова. Журчащая вода начала оказывать на меня успокаивающее, гипнотическое воздействие, и я обнаружил, что мои мысли перестают скакать и разбредаться.

— Денек выдался еще тот, не правда ли, партнер?

Мой рассудок по привычке принял защитную стойку, но тут до меня дошло, что Ааз говорит по-прежнему спокойно.

— Д... да.

Я подождал, но он, казалось, снова ушел в свои мысли. Нервы у меня не выдержали, и я решил взять инициативу в свои руки.

— Слушай, Ааз. Насчет Клади...

— Да?

— Я знал про Школу Начал. Она сказала мне об этом, когда мы шли от Живоглота. Я просто не предполагал, как это важно.

— Знаю, — вздохнул Ааз, не глядя на меня. — Я не потрудился обучить тебя магии начал... точно так же, как не обучил тебя драконьему покеру.

Никакого взрыва! Я начал немного тревожиться за своего партнера.

— Разве ты не расстроен?

— Конечно, расстроен, — вознаградил он меня мимолетным блеском оскаленных зубов, едва признаваемым за улыбку. — Думаешь, я всегда такой веселый?

— Я хочу сказать, разве ты не взбешен?

— О, «взбешен» для меня уже пройденный этап. Я уже давно на пути к «задумавшемуся».

Я пришел к поразительному выводу, что мне больше нравится, когда Ааз кричит и не слушает моих доводов. С *этим* я еще знал, как справиться. А вот такое его настроение было незнакомо мне совершенно.

— О чем ты думаешь?

— Об отцовстве.

— Об отцовстве?

— Да. Знаешь, этаком состоянии полной ответственности за другое существо? Ну, по крайней мере такова теория.

Я не понимал, куда он гнет.

— Ааз? Ты пытаешься сказать, что чувствуешь себя ответственным за случившееся с Клади, потому что не обучил меня в полной мере магии и покеру?

— Да. Нет. Не знаю.

— Но это же глупо!

— Знаю, — ответил он и впервые усмехнулся. — Именно это и заставило меня задуматься об отцовстве.

Я бросил всякую надежду понять его логику.

— Тебе придется объяснить мне это, Ааз. Я сегодня что-то туго соображаю.

Он чуть выпрямился и обнял меня одной рукой за плечи.

— Постараюсь, но это будет нелегко, — сказал он почти спокойным тоном. — Видишь ли, я много чего наговорил тебе о Клади и том, какой большой проблемой она будет, но вдруг подумал, что прошло уже очень много времени с тех пор, как я был родителем. Я сидел здесь и пытался вспомнить, на что это было похоже. И меня неожиданно осенило, что на самом-то деле я никогда не переставал им быть. Никто не перестает.

Я заерзал, почувствовав себя неуютно.

— Выслушай меня. На сей раз я пытаюсь без крика поделиться с тобой некоторыми тяжело усвоенными уроками. Забудь о теориях отцовства! В жизни все сводится к ощущению

гордости за то, что ты не вправе считать своей заслугой, и к ответственности и чувству вины за то, чего ты либо не знал, либо никак не мог контролировать. В действительности все обстоит намного сложней, но суть такова.

— Послушать тебя, так это не кажется особенно привлекательным, — заметил я.

— Во многих отношениях так оно и есть. Твой ребенок ожидает от тебя, что ты будешь знать все... сможешь ответить на любой заданный им вопрос и, еще важнее, дашь логическое объяснение тому, что является по природе своей нелогичным. С другой стороны, общество ожидает от тебя, что ты научишь своего ребенка всему необходимому для того, чтобы он стал преуспевающим, ответственным членом общины... даже если ты сам таковым не являешься. Беда в том, что ты для ребенка — не единственный источник информации. Друзья, школа и другие взрослые дружно предлагают иные мнения, со многими из которых ты не согласен. Это означает, что если твой ребенок добивается успеха, то ты по-настоящему не знаешь, произошло ли это благодаря или вопреки твоему влиянию. Но если ребенок собьется с пути, ты всегда гадаешь, все ли ты сделал для того, чтобы спасти положение, пока еще было не поздно.

Его рука слегка сжала мне плечо, но я думаю, что он сделал это неосознанно.

— Так вот, я был не особенно хорошим родителем... что, хотелось бы думать, вовсе не оригинально. Я не слишком занимался своими детьми. Бизнес всегда служил хорошим оправданием, но суть в том, что я был рад по возможности спихнуть их воспитание на кого-нибудь другого. Теперь я понимаю: это все потому, что я боялся, взявшись за воспитание лично, совершить по неведению или из-за неуверенности какую-нибудь ужасную ошибку. В конечном счете из некоторых детей вышел толк, а из некоторых... ну, скажем, не совсем. А я остался с саднящим ощущением, что мог бы поступить лучше, добиться большего.

Он отпустил мое плечо и встал.

— Что и подводит нас к тебе.

Я не был уверен в своих ощущениях. Что это — неловкость, оттого что он сосредоточился на мне, или радость, оттого что он снова принялся расхаживать?

— Я никогда сознательно не думал о тебе как о сыне, но задним числом понимаю, что многое в том, как я обращался с тобой, вызвано застарелым чувством вины со времен отцовства. В тебе я обрел еще один шанс вылепить кого-то... дать все советы, которыми, как я считал, мне следовало бы снабдить собственных детей. Если временами казалось, будто я излишне остро реагирую, когда дела идут не важно, то это потому, что в глубине души я вижу в этом свой личный крах. Я хочу сказать, ведь это же мой второй шанс. Возможность показать, многому ли научили меня предыдущие неудачи. И знаешь, что получается? Я теперь уделяю тебе все свое внимание и прилагаю все силы, а дела *все равно* идут вкривь и вкось!

Это ничуть не улучшило мне настроение. Помимо всего прочего, у меня теперь возникло отчетливое ощущение, что я как-то подвел Ааза.

— По-моему, нельзя считать это твоей виной, Ааз. Я имею в виду, ты старался изо всех сил и был терпеливее всех, кого я когда-либо знал. Никто не может обучить другого всему, даже если он помнит, чему именно надо учить. У меня есть определенный порог насыщения. После этого мне не усвоить ничего нового, пока не переварю уже полученные знания. И даже тогда — буду честен и скажу прямо — в некоторые вещи я ни за что не поверю, как бы часто ты мне их ни втолковывал. Мне придется просто выяснить это самому. Ремесленник не может винить себя в неумении, если у него дефектный материал.

— Именно так я и думал, — кивнул Ааз. — Мне нельзя постоянно винить во всем себя. С твоей стороны очень проницательно додуматься до этого в твоем возрасте... не пережив того, что пережил я.

— Не так уж трудно додуматься, что я дурак, — с горечью сказал я. — Я все время это знал.

Внезапно я почувствовал себя поднятым в воздух. Я посмотрел мимо кулака Ааза, стиснувшего мне ворот рубашки, вдоль его руки и дальше в его желтые глаза.

— Неверный вывод! — зарычал он, очень походя на себя прежнего. — Тебе полагалось усвоить отнюдь не то, что ты дурак. Ты не дурак, и если бы слушал сказанное мной, то услышал бы, как я только что поздравил тебя с этим.

— Что же тогда... — сумел выдавить я из себя вместе с немногим оставшимся воздухом.

— Суть в том, что случившееся в прошлом не *моя* вина, точно так же, как в происходящем теперь виноват не ты!

— А-а-а-а... — только и получилось у меня.

— О! Извини.

Мои ноги ударились оземь, и воздух хлынул обратно мне в легкие.

— Все, что может сделать родитель, *любой* родитель, это приложить максимум усилий, хорошо это или плохо, — продолжил Ааз, словно ничего не произошло. — Реальный итог зависит от многих переменных, никто не может брать на себя одного ответственность, вину или хвалу за все, что произойдет. Мне важно помнить об этом, имея дело с тобой... а тебе помнить, имея дело с Клади. Это не твоя вина!

— Разве?

— Совершенно верно. В нас обоих есть сильная жилка отцовства, хотя не знаю, откуда она взялась у тебя, но все, что мы можем сделать, — это приложить максимум усилий. Нам надо помнить, что не следует пытаться взваливать на себя вину за действия других людей... вроде Тананды.

Это снова отрезвило меня.

— Ты об этом знаешь, да?

— Да. Она попросила меня попрощаться с тобой за нее, если не увидит тебя, но полагаю, ты уже знаешь.

Я просто кивнул, не в состоянии говорить.

— Я очень беспокоился, как ты прореагируешь на проблемы с Клади, а когда Тананда решила уехать, я понял — ты воспримешь это тяжело. И попытался найти способ показать тебе, что ты не одинок. Справедливы твои чувства или нет, но они мне понятны.

— Спасибо, Ааз.

— Это хоть как-то помогло?

Я на мгновение задумался.

— Немножко.

Мой партнер снова вздохнул.

— Ну, — проговорил он. — Я пытался. Это самое главное... как мне думается.

— Здорово, ребята. Как живем-можем?

Я поднял глаза и обнаружил весело шагающего к нам Корреша.

— О, привет, Корреш.

— Я думал, вам будет приятно узнать, — объявил тролль, — что я нашел способ спихнуть счет за учиненные сегодня Клади повреждения Синдикату по статье деловых расходов!

— Отлично придумано, Корреш, — тускло обронил Ааз.

— Да. Восхитительно, — промямлил я.

— Эй, — поглядел он на нас, чуть склонив голову набок. — Если уж двое самых завзятых рвачей на Базаре не возбуждаются из-за денег, то, должно быть, что-то стряслось. Давайте-ка выкладывайте. Что вас беспокоит?

— Хочешь сказать ему сам, Ааз?

— Ну...

— Слушайте, это ведь не из-за того, что моя сестричка покидает гнездо, верно? Вот смех-то!

— Ты знаешь? — удивился я.

— И ты, похоже, до крайности расстроен этим, — сказал опасным тоном Ааз.

— Ерунда на постном масле! — воскликнул тролль. — Не понимаю, из-за чего тут расстраиваться. Тананда просто приводит в порядок свои мысли и чувства, вот и все. Она обнару-

жила, что ей нравится нечто идущее вразрез с ее представлением о самой себе. На это может уйти несколько дней, но она все же разберется, что это еще не конец света. Через это проходят все. Это называется взрослением. Если уж на то пошло, так, по-моему, все чертовски чудесно. Она должна наконец усвоить, что не все остается навек неизменным.

— Ты так думаешь? — Я вдруг начал чувствовать себя лучше.

— Конечно. Да ведь только за время нашего знакомства изменился Ааз, изменился ты, да и я тоже, хотя склонен проявлять это не столь драматично, как вы или сестричка. У вас, ребята, просто тяжелый случай — редкое чувство вины. Вздор! Нельзя, знаете ли, винить во всем себя.

— Это хороший совет. — Я встал и потянулся. — Почему же ты никогда не давал мне такого хорошего совета, партнер?

— Потому что он ясен любому дураку без всяких слов, — прорычал Ааз, но в глазах у него блеснули искорки. Беда лишь в том, что изверг — это вам не любой дурак.

— Совершенно верно, — ухмыльнулся Корреш. — А теперь как насчет того, чтобы присоединиться ко мне в винном погребке «Счастливый час», и я вам расскажу, как хитроумно сберегаю ваши деньги.

— Я предпочел бы, чтобы ты разрешил наши проблемы с присмотром за ребенком, — мрачно пробурчал мой партнер, направляясь в гостиную.

Я последовал за ними, чувствуя себя странно счастливым. Положение снова стало нормальным... или настолько нормальным, насколько оно вообще здесь бывало. Все вместе, я был уверен, мы сможем придумать что-нибудь путное. В конце-то концов, ну сколько хлопот может причинить одна девочка...

Но эта моя светлая мысль сразу же поблекла, когда я вспомнил о палатках, уносимых духом воздушного начала.

И я твердо решил на предстоящем военном совете больше слушать, чем говорить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Они мне никогда не дадут забыть об этом. Об одной малюсенькой ошибке!

Нерон

Отдыхая за выпивкой с Аазом и Коррешем, я чувствовал, как уплывают прочь напряжение и депрессия минувшего дня. Согласитесь: когда дело не клеится, приятно осознавать, что у тебя есть друзья, способные разрешить все проблемы, какими бы они ни казались сложными или даже безнадежными.

— Ну, ребята, — сказал я, наливая всем еще вина. — Есть какие-нибудь идеи насчет того, что нам следует сделать?

— Убей, не знаю, — отозвался, поигрывая кубком, Корреш.

— Я все еще думаю, что это *твоя* проблема, — объявил, откидываясь на спинку стула, Ааз и зло усмехнулся. — Я хочу сказать, впутался-то ты в нее без нашей помощи.

Как я только что отметил, очень хорошо иметь друзей.

— Не могу согласиться с этим, старина Ааз, — помахал рукой тролль. — Хотя, признаться, искушение есть. К несчастью, реальность в том, что, покуда мы живем и работаем в таком тесном контакте, его проблемы — наши проблемы, разве ты не знаешь?

Я, конечно, ценил, что логика Корреша приближает их к мысли помочь мне, но все же решил добавить несколько слов в свою защиту.

— Мне хотелось бы думать, Ааз, что это улица с двусторонним движением. Я впутывался и в некоторые *твои* проблемы тоже.

Он собрался было огрызнуться, но потом поджал губы и вновь переключил внимание на вино.

— Не буду уточнять, кто из нас и как часто впутывал приятелей во всяческие неприятности. Давайте просто не обсуждать это, — произнес он наконец. — Полагаю, в этом и состо-

ит партнерство. Извините, если я кажусь время от времени немного резким, но я никогда раньше не был партнером. К этому требуется привыкнуть.

— Слушай! Отлично сказано, Ааз! — зааплодировал Корреш. — Знаешь, ты с каждым днем становишься все цивилизованней.

— Давай пока не будем отвлекаться. Как насчет тебя, Корреш? Вы с сестрой довольно часто помогали нам выпутываться, но что-то не припомню, чтоб *вы* тащили в дом свои проблемы. Разве тут нет небольшого перекоса?

— Я всегда считал это нашим способом вносить квартплату, — небрежно отмахнулся тролль. — Если бы наши проблемы стали мешать вашей работе, то я счел бы, что мы чересчур загостились.

Это оказалось для меня полнейшим сюрпризом. Я вдруг понял, что был обычно так занят собственной жизнью и своими проблемами, что не удосужился поподробней расспросить Корреша и Тананду об их делах.

— Задержись-ка тут на минутку, — попросил я. — У вас есть проблемы, о которых я не знаю?

— Ну, жизнь у нас — не сплошь забавы и развлечения, — коротко поморщился тролль. — Речь, однако, идет о *твоих* проблемах. Сейчас, на мой взгляд, нет ничего важнее, и поэтому давайте поработаем над *этим* последним кризисом, хорошо? Я бы предложил нам всем собраться с мыслями и устроить небольшой мозговой штурм. Давайте просто пялиться в потолок и высказывать любые пришедшие в голову идеи.

Я дал себе обещание вернуться позже к проблемам Тананды и Корреша, а затем вместе с другими задумчиво уставился в потолок.

Время ползло, но никто ничего не высказывал.

— Ну, вот и вся польза от мозгового штурма, — изрек Ааз, снова потянувшись за вином. — Признаться, мне лично нечего сказать.

— Наверно, делу поможет, если мы начнем с определения проблемы, — предложил упорный Корреш. — Так вот, как я понимаю, у нас две проблемы: Клади и Банни. Нам будет затруднительно придумать, что делать с Банни, пока мы не выясним, что на уме у Дона Брюса, и одновременно с этим мы должны найти способ удержать Клади от разрушительных действий, не дать ей перевернуть всю нашу жизнь, пока за ней не явится отец.

— *Если* он за ней явится, — любезно поправил его мой партнер.

— Признаться, я все еще не пойму, как тебе вообще удалось так здорово сыграть, чтобы получить Клади, — скосил на меня один большущий глаз тролль, не обращая внимания на Ааза.

— Дурацкое везение... в прямом смысле слова *дурацкое*.

— А я вот слышал иное, — ухмыльнулся Корреш. — Каким бы ни был твой метод, он оказался достаточно успешным, чтобы о тебе заговорил весь Базар.

— Что?! — снова выпрямился на стуле Ааз.

— Ты бы и сам услышал, если бы не проводил все время, запершись у себя, — подмигнул тролль. — Когда я отправился сегодня следом за сестричкой, то, кажется, только и слышал разговоры о новом чемпионе Девы по игре в драконий покер. Все говорили об игре или о слышанном ими про игру. Судя по некоторым описаниям партий, я подозреваю, что они слегка приукрашивают факты, но многие принимают все за истину.

Тут я вспомнил, что после финальной партии другие игроки отзывались о моей игре с большим энтузиазмом. В то время меня тревожило, как бы до Ааза не дошла тайна моего вечернего развлечения (что, как вы помните, произошло прежде, чем я добрался до дома). С тех пор мои мысли и время занимали неприятности с Клади и Банни, и поэтому я не подумал о потенциально опасных слухах об игре, однако теперь...

Ааз встал со стула и принялся расхаживать взад-вперед.

— Корреш, если сказанное тобой правда... Ты улавливаешь, в чем дело, партнер?

— Даже слишком хорошо, — пробурчал я.

Это заставило моего партнера на миг остановиться и закатить глаза.

— Следи за собой, — предупредил он. — Ты теперь начинаешь говорить словно Корреш.

— А ты хотел бы, чтобы я говорил, как Гвидо, да?

— Не пойму, — перебил тролль. — Я что-то упустил?

— У нас не две проблемы, — провозгласил Ааз. — У нас их *три!* Клади, Банни и вся эта фабрика слухов.

— Слухи? Как они могут стать проблемой?

— Подумай хорошенько, Корреш, — сказал я. — Чего мне сейчас только не хватает для полного счастья, так это оравы лихих игроков в драконий покер, стремящихся поймать меня и посмотреть, так ли я хорош, как все говорят.

— Это только часть дела, партнер, — добавил Ааз. — Главное, это повредит нашему бизнесу и нашему имиджу в глазах общественности.

Я закрыл глаза и вздохнул.

— Разжуй мне, Ааз. Я все еще учусь, помнишь?

— Ну, мы уже знаем, что твоя репутация по части магии быстро растет... чересчур быстро. Конкуренты ненавидят тебя из-за того, что ты перехватываешь все лучшие заказы. Это еще не страшно! Профессиональная ревность — цена успеха в любой области. Однако наступает время, когда ты можешь враз сделаться очень крупной фигурой. Тогда тебе придется беспокоиться не только о соперниках. Все захотят спустить тебя на ступеньку-другую, хотя бы только для того, чтобы убедить себя в том, что твой успех случаен... и потому им незачем расстраиваться.

Он остановился и уперся в меня твердым взглядом.

— Боюсь, это дело с драконьим покером как раз и может подтолкнуть тебя во вторую категорию. Здесь, на Базаре, пре-

успевают многие, но они известны только в одной области. Живоглот, например, признанная фигура среди игроков, но у него нет никакой заслуживающей упоминания репутации мага или купца. Люди могут это принять... Упорно трудись — и поднимешься к вершине в своей группе. Ты же только что показал себя сильным еще и во второй профессии. Боюсь, что последует ответный удар.

— Ответный удар? — слабо откликнулся я.

— Все так, как я тебе говорил: народ захочет, чтобы ты не слишком возвышался над ним. В лучшем случае они могут начать бойкотировать наш бизнес. А в худшем... Ну, есть всякие способы подорвать чужой успех.

— Ты хочешь сказать, что они станут...

— Хватит! — рявкнул Корреш, громко хлопнув ладонью по столу.

Мне вдруг пришло в голову, что я никогда не видел Корреша взбешенным. А еще я подумал вот о чем: хорошо, что наша мебель достаточно прочна, чтобы выдержать даже тирады Ааза. В противном случае тролль, подводя итог разговору, уничтожил бы стол.

— А теперь послушайте-ка, вы, оба! — приказал он, наводя на нас узловатый палец. — По-моему, нынешний кризис лишил вас соображения. Вы больно остро реагируете... шарахаетесь при виде любой тени! Признаю, у нас есть кое-какие проблемы, но мы видали и похуже. И ничего, справлялись. Незачем тут впадать в панику.

— Но...

— Выслушай меня, Ааз. Я слушал твой рев достаточно часто.

Я открыл было рот, собираясь сделать остроумное замечание, но затем решил, что на сей раз лучше не стоит.

— Клади — потенциальная катастрофа, но ключевое слово тут *потенциальная*. Она хорошая девочка и сделает все, что мы скажем... *если* мы научимся следить за тем, что говорим ей. То же самое относится и к Банни. Она умна как черт, и...

— Банни? — выпалил я, на мгновение забывшись.

— Да, Банни. Давно уже мне здесь ни с кем не доводилось поговорить о литературе и театре. Она на самом-то деле очень интеллигентная, если взять на себя труд побеседовать с ней.

— Мы, надеюсь, говорим об одной и той же Банни? — усомнился Ааз.

— Та, что видна всем, глупа как пробка, — убежденно заявил Корреш. — Только вспомните, каким представляюсь всем я, когда разыгрываю из себя Большого Грызя... Но мы отвлеклись. Речь идет о проблемах, и я утверждаю: немного тренировки, и с Банни проблем не будет.

Он умолк и окинул нас гневным взглядом.

— Что же касается слуха о способностях Скива в области драконьего покера, то я никогда в жизни не слыхивал, чтобы кто-то так паниковал, как ты, Ааз. Разумеется, у любого слуха есть отрицательные стороны, но то, что ты тут нафантазировал, — это уже чересчур.

— Эй, босс! — просунув в дверь голову, сказал Гвидо. — Здесь Живоглот, и он хочет вас видеть.

— Этим займусь я, — вызвался, направляясь к приемной, Ааз. — А ты останься здесь и послушай, что скажет Корреш. Вероятно, он прав. Я в последнее время что-то не в себе... по какой-то неизвестной причине.

— Если я прав, то тебе тоже следовало бы послушать, — крикнул ему вслед тролль.

— Поговори со мной, Корреш, — сказал я. — Все равно ничего более похожего на извинение от Ааза, вероятно, никогда не услышишь.

— Это уж точно. Так о чем я? Ах да. Даже если Ааз верно оценивает реакцию на твой успех, это не должно оказать заметного влияния на твою работу. Мелкая сошка может, конечно, переметнуться к другим магам, но ты ведь и сам хотел сократить объем мелких заказов. А если кто-то *действительно* окажется в беде, он захочет, чтобы с ней справился наилучший из всех доступных магов, то есть именно ты.

Я немного подумал, тщательно взвешивая услышанное.

— Даже если Ааз хоть в какой-то степени прав, — вздохнул я, — я не в восторге от того, что меня ждет. Я не возражаю против восхищения, но от зависти мне не по себе.

— Ну, к этому тебе придется просто привыкнуть, — рассмеялся тролль, слегка хлопнув меня по плечу. — Знаешь ты об этом или нет, но это складывалось уже известное время... задолго до твоего триумфа в драконьем покере. Ты высоко котируешься, Скив, и покуда это так, будут завистники.

— Значит, ты действительно считаешь слухи об игре в драконий покер безвредными?

— Совершенно верно. Ну, в самом деле, какой может быть вред от праздных сплетен?

— Знаешь, Корреш, ты редко ошибаешься, но уж если это случается — жди катастрофы.

Мы подняли головы и обнаружили Ааза прислонившимся к дверному косяку.

— Что стряслось, Ааз? У тебя такой вид, словно кто-то только что поднес тебе воду вместо вина.

Партнер даже не улыбнулся моей попытке пошутить.

— Хуже, — ответил он. — Внизу ждал Живоглот.

— Мы знаем. И что он хотел?

— Я надеялся, что он пришел забрать Клади и отвести ее к отцу...

Голос Ааза стих.

— Как я понимаю, он пришел не за этим? — не выдержал я.

— Да, не за этим. В общем, эта тема и не затрагивалась.

Рука моего партнера почти бессознательно зашарила в поисках привычного внушительного кубка с вином.

— Он принес приглашение... нет, лучше сказать, вызов. Малыш Мятный Заход прослышал о Скиве и хочет провести с ним открытый матч-поединок в драконий покер. Живоглот берется организовать этот матч.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ложка сахара помогает проглотить лекарство!

Л. Борджиа

— Просто дай энергии свободно течь.

— Тебе легко говорить!

— Я что, непонятно говорю?

— Знаешь, шеф, может, будет лучше, если...

— Перестань болтать и сосредоточься, Маша.

— Сам начал.

— И заканчиваю. Сфокусируйся на свече!

Если вам кое-что из этого кажется смутно знакомым, то так и должно быть. Это старая игра в «зажги свечу». Теоретически она придает уверенности учащемуся. Однако на самом деле это как заноза. Ученики ненавидят упражнение со свечой. Я ненавидел его, когда был учеником. Оно куда забавней, когда ты сам выступаешь в роли учителя.

— Брось, Скив. Я слишком стара для усвоения этого материала.

— И чем дольше с этим тянешь, тем больше стареешь, *ученица*. Вспомни, ты пришла ко мне учиться магии. И то, что нас время от времени отвлекали, не означает, будто я забыл об этом. А теперь зажги свечу.

Она снова сосредоточилась на упражнении, пробормотав под нос что-то такое, что я предпочел проигнорировать.

Я усиленно думал о своем разговоре с Аазом и Коррешем. Проблема, как быть с вызовом Малыша, представлялась настолько сложной, что я думал на сей раз в большей мере положиться на рекомендации моих советников, чем на свое собственное решение, о котором, возможно, вскоре пришлось бы пожалеть. К тому же как раз сейчас этой проблемой занимались более мудрые головы, чем моя. К несчастью, вышеупомянутые мудрые головы полностью расходились в вопросе о том, какой избрать курс действий.

Ааз настаивал на отказе от матча, в то время как Корреш считал, что отказ только ухудшит положение. Он утверждал, что единственный разумный выход — это встретиться с Малышом и проиграть (никто всерьез не рассчитывал на мою победу в такой игре), покончив со всем этим раз и навсегда. Беда в том, что такое решение означало добровольное прощание с существенной суммой денег... а об этом Ааз и слышать не хотел.

Покуда бушевала эта битва, я подумал о некоторых других моментах наших предыдущих разговоров. В частности, об отцовстве и ответственности. А потом отправился разыскивать Машу.

Когда мы впервые встретились, Маша работала в должности придворного мага одного из городов-государств в измерении Валлет... Совершенно верно, там, где каждый год устраивают Большую Игру. Беда в том, что магии-то она по-настоящему не знала. Она была тем, что в нашем ремесле известно под названием «механик», и все ее способности приобретались с прилавка в виде колец, кулонов и других магических безделушек. Насмотревшись, как мы щеголяем своими фокусами в Большой Игре, она решила попробовать научиться чему-нибудь из немеханической разновидности магии и по какой-то непонятной причине обратилась за уроками ко мне.

Ну, я, естественно, никогда не думал о Маше как о дочери, но она была моей ученицей, и, таким образом, я вроде бы был за нее в ответе. К несчастью, от этой ответственности я слишком часто увиливал. Причины были те же, что и у Ааза: неуверенность в собственных способностях и боязнь наделать ошибок. В общем, хорошо это или плохо, но я не слишком усердствовал в своем наставничестве. И вот когда я все это осознал, во мне заново вспыхнула решимость: если уж с Машей в будущем что-то случится, то пусть это произойдет не из-за того, что я не попытался научить ее тому, о чем она просила.

Еще я понял, что мне хочется побольше узнать о том, какие же это проблемы существуют у Тананды и Корреша, а заодно и

разобраться как следует, чем (или кем) является на самом деле Банни. Однако в данный момент Тананда отсутствовала, а Корреш спорил с Аазом, так что первая задача откладывалась. Банни находилась где-то поблизости, но, выбирая между ней и Машей, я предпочел заняться старыми обязательствами, прежде чем браться за новые. Вот поэтому я и устроил Маше очередной после долгого перерыва урок магии.

— У меня просто ничего не выходит, Скив. Я же говорила тебе, что не могу этого сделать.

Она удрученно погрузилась в кресло и хмуро уставилась на пол. Я из любопытства протянул руку и пощупал фитиль свечи. Он даже не нагрелся.

— Неплохо, — соврал я, — уже заметно некоторое улучшение.

— Не обманывай обманщицу, — поморщилась Маша. — Ничего у меня не получается.

— Ты могла бы зажечь свечу с помощью какого-нибудь своего кольца?

Она растопырила пальцы и провела быструю инвентаризацию.

— Разумеется. Вот эта маленькая побрякушка дело сделает, но смысл-то не в том.

— Потерпи и слушай меня. Как действует кольцо? Или лучше так — какое возникает ощущение, когда оно действует?

Она передернула плечами.

— Тут нет ничего особенного. Видишь, вот этот круг, замыкающий камень, двигается, и я вращаю его в зависимости от того, какой плотности луч мне нужен. Кольцо активируется нажатием с обратной стороны, так что мне надо только нацелить его и расслабиться. Всю работу делает кольцо.

— Вот оно! — воскликнул я, щелкнув пальцами.

— Что именно?

— Не важно. Продолжай. Какое возникает ощущение?

— Ну, — задумчиво нахмурилась она, — своего рода щекотка. Словно я шланг, и через меня и кольцо протекает вода.

— В яблочко!

— Ты о чем?

— Слушай, Маша. Слушай внимательно.

Теперь я начал тщательно подбирать слова, изо всех сил стараясь сдержать волнение. Мне показалось, что сейчас мы совершим крупный прорыв.

— Нам трудно научить тебя немеханической магии просто потому, что ты в нее не веришь! Я имею в виду, ты знаешь, что она сушествует и все такое, но ты не веришь, что способна на нее сама. Каждый раз, пытаясь навести чары, ты упорно стараешься преодолеть это, и вот здесь-то и заключается трудность: ты стараешься... Ты упорно пытаешься. Ты знаешь, что должна верить, и поэтому упорно стараешься преодолеть это недоверие каждый раз, когда...

— Да. И что же?

— Это означает, что ты напрягаешься, вместо того чтобы расслабляться. Именно расслабляться — так же, как ты делаешь, работая с кольцами. Напряжение препятствует току энергии, и поэтому у тебя в итоге меньше мощи, чем когда ты просто прогуливаешься. Для наведения чар надо не напрягаться, а расслабляться... Наведение чар можно считать упражнением по осознанному и целенаправленному расслаблению.

Моя ученица прикусила нижнюю губу.

— Не знаю. Это как-то слишком легко.

— С одной стороны, да, легко. А если взглянуть иначе, то расслабляться по указке — одна из самых трудных задач, особенно если вокруг тебя в это время бушует черт-те что.

— Значит, мне надо всего-навсего расслабиться? — скептически спросила она.

— Помнишь то ощущение «шланга», возникающее при активации кольца? Это энергия протекает через тебя и фокусируется на твоей цели. А если зажмешь шланг, много ли через него пройдет воды?

— Это похоже на правду.

— Попробуй... прямо сейчас. Протяни руку и сфокусируйся на фитиле свечи, словно применяешь кольцо, только не активируя его. Просто скажи себе, что кольцо действует, и расслабься.

Она хотела что-то сказать, но передумала. И вместо этого набрала побольше воздуха в легкие, выпустила его, а потом направила палец на свечу.

— Просто расслабься, — тихо подсказал я. — Дай энергии течь.

— Но...

— Не говори ничего. Сосредоточься мысленно только на свече и слушай меня так, словно я говорю издалека.

Она послушно сфокусировалась на свече.

— Почувствуй поток энергии... точно так же, как при активации кольца. Еще больше расслабься. Чувствуешь, как возрастает поток? А теперь, не напрягаясь, уплотни этот поток до узкого луча и нацель его на свечу.

Я настолько сосредоточился на Маше, что чуть не упустил из виду объект ее воздействия. На фитиле свечи начало образовываться легкое пылание света.

— Вот оно, — проговорил я, стараясь сохранить спокойствие в голосе. — Давай...

— Папочка! Гвидо говорит...

— Ш-ш-ш-ш! — прошипел я. — Не сейчас, Клади! Мы пытаемся зажечь свечу.

Она остановилась в дверях и озадаченно склонила голову набок.

— О, это легко! — внезапно просияла девочка и подняла голову.

— КЛАДИ!! НЕ...

Но я вмешался слишком поздно.

В помещении внезапно вспыхнул свет, и свеча зажглась. Ну, она не то чтобы зажглась — она растаяла, словно масло на сковородке. Растаял также и подсвечник. Стол, однако, загорелся... но ненадолго. Один его угол. Он на мгновение

вспыхнул, а затем погас так же внезапно, как и запылал. Там, где был угол стола, осталась обугленная часть столешницы. Вместе с ножкой стола она стояла отдельно, словно сгоревший факел. Огонь ударил так быстро и ровно, что ножка даже не опрокинулась.

Я не помню, как схватил Клади, но вдруг до меня дошло, что я держу ее за плечи и трясу.

— ДЛЯ ЧЕГО ТЫ ЭТО СДЕЛАЛА?! — осведомился я своим самым лучшим отцовским тоном.

— Ты... ты сказал... ты хотел... зажечь свечу.

— *Это* зажигание свечи?!

— Мне пока еще бывает трудно себя сдерживать... но учитель говорит, что я с каждым разом делаю все лучше.

Я сообразил, что мне тоже затруднительно себя сдерживать. Я перестал ее трясти и попытался успокоиться. Этому помогло то, что, как я заметил, у Клади дрожит губа и она быстро моргает глазами. До меня вдруг дошло, что она вот-вот заплачет. А поскольку еще неизвестно, что будет, если она заплачет, мне лучше всего постараться ее отвлечь.

— Э-э-э... это был дух огненного начала, да? Ты научилась этому в Школе Начал?

Заставив человека заговорить, часто удается предотвратить слезы... По крайней мере на меня это всегда действовало.

— Д-да, — кротко подтвердила она. — В Школе Начал сперва проходят огненное начало.

— Это... гм-м-м... очень впечатляюще. Слушай, извини, если я рявкнул на тебя, Клади, но, видишь ли, я хотел не просто зажечь свечу. Я хотел, чтобы ее зажгла Маша. Это входило в ее урок магии.

— Я этого не знала.

— Конечно. Я не додумался сказать тебе. Вот потому и извиняюсь. Во всем случившемся здесь виноват я. Хорошо?

Она закивала с такой преувеличенной энергией, что я подумал, уж не сломала ли она шею. Интересный образ... и кстати, менее тягостный, чем образ Клади в слезах... особенно

для меня в моем нынешнем настроении. Клади со сломанной шеей...

— Э-э-э... Ты, между прочим, прервала наш с Машей урок, — сказал я, вытесняя из головы возникший образ. — Тебе не кажется, что будет вежливым извиниться перед ней?

— Отличная мысль, папочка, — просияла она. — Я это сделаю, когда увижу ее в следующий раз. Хорошо?

Вот тогда-то я и сообразил, что моя ученица выскользнула из комнаты.

— Что ты делаешь, Маша?

Небрежно привалившись к дверному косяку при входе в ее комнату, я понял, что моему голосу недостает грозной силы голоса Ааза, но другого у меня не было.

— А ты как думаешь? — грозно спросила она, вынося из шкафа массивную охапку одежды и бросая ее на постель.

— Так вот, с ходу, я бы сказал, что ты упаковываешь вещички. Вопрос в том почему?

— Люди обычно упаковывают вещи потому, что это самый легкий способ возить их в путешествиях. Да и одежда лучше сохраняется.

Я вдруг устал от этой пикировки. Вздохнув, я преградил ей путь.

— Хватит играть, Маша. Идет? Скажи мне напрямик, почему ты уезжаешь? Разве ты не обязана оказать своему учителю хоть такую любезность?

Она отвернулась, занявшись чем-то на туалетном столике.

— Брось, Скив, — сказала она таким тихим тоном, что я едва ее расслышал. — Ты же видел, что случилось внизу.

— Я видел тебя на грани крупного прорыва в твоих занятиях, если ты это имеешь в виду. Если бы не зашла Клади, то через несколько секунд свечу зажгла бы ты.

— Велика важность!

Она круто повернулась лицом ко мне, и я увидел, что она пытается сдержать слезы. Кажется, подобное стало происходить тут слишком часто.

— Извини, Скив, но это действительно ерунда. Ну, могу я зажечь свечу. И что? После стольких лет обучения Маша может зажечь свечу... А девочка сносит половину стола, даже не стараясь! Кто ж тогда, выходит, я? Маг? Ха-ха! Анекдот.

— Маша, того, что сделала внизу Клади, я сделать не могу — так же, как и сделанного ею на Базаре, если уж на то пошло. Когда ты впервые попросилась ко мне в ученицы, я точно сказал тебе, насколько мало я знаю магию. Но я все еще учусь... а тем временем мы все еще удерживаем свои позиции в магическом бизнесе... и не где-нибудь, а здесь, на Базаре. В Магической Столице измерений.

Это, кажется, успокоило ее, но совсем немного.

— Скажи мне честно, шеф, — поджала она губы, — насколько я вообще смогу преуспеть в магии... на самом деле?

— Не знаю. Мне хотелось бы думать, что, работая и тренируясь, ты сможешь достичь многого. Это действительно все, на что может надеяться любой из нас.

— Наверное, ты прав, Скив, и мысль эта хорошая. И все же факт остается фактом — я всегда буду здесь мелкой сошкой... в области магии, конечно. При таком положении дел мне суждено быть на подхвате. На иждивении. Вы с Аазом — милые ребята и никогда меня не выбросите, но я не могу придумать ни одной веской причины, почему бы мне следовало остаться.

— А я могу.

Моя голова обернулась так быстро, что я чуть не вывихнул шею. В дверном проеме стояла...

— ТАНАНДА!

— Собственной персоной, — подмигнула она. — Но речь не о том. Маша, я не могу говорить о долгосрочных условиях, но я знаю одну вескую причину, почему тебе не следует уходить именно сейчас. Это та же самая причина, по какой вернулась я.

— И что же это за причина?

— Она связана с нашим Великим Скивом. Идемте вниз. Я собираюсь уведомить сразу всех на военном совете. Мы имеем вполне назревший кризис.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По-моему, нас атакуют.
Полковник Трэвис

В одной из комнат нашего дворца, спрятанного в незарегистрированном измерении, стоял большой овальный стол, окруженный стульями. Въехав, мы прозвали это помещение конференц-залом, поскольку никакого другого практического применения ему, кажется, не предвиделось. Само собой, мы не устраивали тут конференций, но всегда приятно иметь конференц-зал.

Сегодня вечером, однако, он был забит до отказа. Прежде чем разыскать Машу и меня, Тананда согнала сюда весь дом, включая Клади и Банни, и когда мы вошли, все уже расселились по местам.

— Можно наконец начать? — язвительно осведомился Ааз. — У меня, знаете, все-таки есть и другие заботы.

— В самом деле? — усмехнулся Корреш. — Какие, к примеру?

— К примеру, поговорить с Живоглотом об этом приглашении, — огрызнулся мой партнер.

— Не поговорив сперва со своим партнером?

— Я не сказал, что собираюсь отказаться или принять вызов. Просто я хочу поговорить с ним о...

— Нельзя ли на минутку отложить этот спор? — перебил я. — Мне хочется услышать, что скажет Тананда.

— Спасибо, Скив, — сказала она, быстро сверкнув мне улыбкой, прежде чем снова принять серьезный вид. — Полагаю, вам всем известно, что я отсюда уезжала. Так вот, потолкавшись по Базару, я наткнулась на слух, изменивший мое решение. Если он верен, мы все будем по горло заняты, разбираясь с этим делом.

Она смолкла, но никто не промолвил ни слова. Вопреки обыкновению, все слушали самым внимательным образом.

— Теперь скажу самое главное, а потом мы все обсудим. На улицах поговаривают, что кто-то нанял Топора, чтобы уделать Скива.

Последовало несколько секунд молчания, а затем зал взорвался.

— С какой стати...

— Кто нанял Топора?

— Откуда ты взяла...

— Погодите! ПОГОДИТЕ! — крикнула Тананда, подняв обе руки и призывая к тишине. — Я не могу отвечать сразу всем... Давайте по очереди, но заранее предупреждаю, что я и сама мало чего знаю.

— Кто его нанял? — захватил инициативу Ааз.

— Судя по всему мной услышанному, некая группа магов здесь, на Базаре, не слишком обрадована успехами Скива. По их мнению, он нынче берет все лучшие задания, и... ему достается вся слава. А поступили они так: скинулись кто сколько смог и наняли Топора, чтобы тот выполнил за них грязную работу... а именно разделался со Скивом.

— Ты слышишь, Корреш? И ты все еще думаешь, что я склонен к мелодраматизму?

— Заткнись, Ааз. Где ты про это услышала, сестричка?

— Помните Вика? Вампирчика, переехавшего сюда с Лимбо? Ну, он открыл здесь, на Базаре, собственную магическую практику. Похоже, к нему обращались с предложением внести свой пай в общий фонд. Он здесь пока новенький и поэтому не знает по имени тех, кто к нему обращался, но все они утверждали, что пользуются поддержкой чуть ли не дюжины мелких магов.

— Почему же он не предупредил нас, как только услышал?

— Он пытается сохранить нейтралитет. Пай он не внес, но и не хотел прослыть стукачом, если предупредит Скива. Он и мне-то это сказал только потому, что боялся, как бы кто-нибудь из окружения Скива не попал под перекрестный огонь. Должна признать, у него, похоже, довольно пре-

увеличенное представление о том, с чем Скив способен управиться сам.

— Можно мне задать вопрос? — мрачно поинтересовался я. — Как намеченной жертве.

— Разумеется, Скив. Спрашивай.

— Кто такой Топор?

По крайней мере половина голов за столом резко повернулась ко мне, и у них отвисли челюсти.

— Шутишь!

— Неужели ты не знаешь...

— Ааз, неужели ты не научил его...

— Хватит! Погодите! — крикнул я, перекрывая гам. — Я не могу сразу воспринять весь этот информационный поток. Ааз! Как мой друг, партнер и иногда наставник ты не мог бы сделать мне одолжение и просто сказать, кто такой Топор?

— Никто не знает.

Я закрыл глаза и слегка тряхнул головой, силясь прочистить уши. После всех этих «неужели»... Но мне показалось, что он сказал...

— Он прав, красавчик, — вмешалась Тананда. — Личность Топора — один из самых строго охраняемых секретов во всех измерениях. Вот потому-то он и действует так эффективно.

— Возможно, это и правда, — кивнул я. — Но судя по реакции присутствующих, когда ты обронила это имя, я бы предположил, что кто-нибудь все же *что-то* о нем знает. Так вот позвольте мне перефразировать вопрос. Если вы не знаете, *кто* такой Топор, то не может ли кто-нибудь просветить меня по части того, *что* он такое?

— Топор — величайший очернитель во всех измерениях, — зарычал Ааз. — Он работает по вольному найму и требует такие гонорары, по сравнению с которыми наши выглядят карманной мелочью. Но коль Топор сел тебе на хвост, можешь смело проститься с ним, я имею в виду с хвостом. Топор погубил больше карьер, чем это могут сделать пять крахов фондовой биржи. Раз-

ве ты никогда не слышал выражения «попасть под топор»? Так вот, оно происходит именно отсюда.

Я испытывал в желудке знакомое ощущение «падающего лифта».

— Как он это делает?

— По-разному, — пожал плечами мой партнер. — Он строит свою атаку в зависимости от задания. Постоянным является только одно: какое бы положение ты ни занимал в момент, когда он начал свое дело, но, когда он его закончит, ты это положение потеряешь.

— Может, перестанешь все время говорить «ты». Я-то ведь еще не умер.

— Извини, партнер. Фигура речи.

— Ну, это просто роскошно! — взорвался Гвидо. — Как же нам с Нунцио охранять босса, если мы не знаем, что на него надвигается?

— Никак, — огрызнулся Ааз. — Это не по вашей части, Гвидо. Мы говорим об очернении, а не о физическом нападении. Это не ваш профиль.

— Неужели! — усомнился Нунцио. — Дон Брюс говорит, что нам следует его охранять. Я что-то не припомню, чтобы он говорил о физических или каких бы там ни было нападениях. Верно, Гвидо?

— Совершенно верно! Если кто-то охотится за скальпом босса, то охранять его — наша задача... если вы не против, ГОСПОДИН Ааз!

— Да я бы и рыбью голову не доверил вам охранять, не то что своего партнера! — взревел, вскакивая на ноги, Ааз.

— Прекрати, Ааз! — приказала Тананда, пнув стул моего партнера так, что тот подсек ему ноги, вынудив плюхнуться обратно на место. — Если мы выступаем против Топора, нам понадобится любая помощь, какую мы только сможем заполучить. Давайте прекратим грызню из-за всех этих «что» да «кто» и сосредоточимся на «как». Идет? Мы все напуганы, но это не означает, что мы должны набрасываться друг на друга, когда наша цель — Топор.

Это на какое-то время всех остудило. Некоторые еще обменивались горящими взглядами и что-то ворчали, но по крайней мере уровень шума упал до такой степени, что меня смогли расслышать.

— По-моему, вы все кое-что не учитываете, — спокойно сказал я.

— Что именно? — моргнула Тананда.

— Ааз подошел к этому достаточно близко минуту назад. Это — моя проблема... и не стоит вам всем ввязываться в это, в общем, не ваше дело. Мы, конечно, друзья, и меня с Аазом, а также с Гвидо и Нунцио соединяют деловые связи, но у нас здесь сейчас речь идет о депутациях. Если со мной разделаются, а похоже, что сейчас все шансы против меня, то все, кто окажется рядом со мной, будут в грязи. Мне кажется, для всех вас лучше будет отойти подальше, или, еще лучше, я съеду отсюда, чтобы представлять собой одиночную цель. При таком раскладе мы будем рисковать только одной карьерой — моей. Я достиг своего положения, стоя на ваших плечах. И если мне не удастся удержаться самому, то что ж, тогда о моей карьере и жалеть не стоит.

Когда я остановился, вся компания смотрела на меня, не сводя глаз.

— Знаешь, старина Скив, — прочистил горло Корреш, — как ни нравишься ты мне, а иногда я забываю, какой ты умный.

— Я бы сказала, — взорвалась Тананда, — это, наверное, самая идиотская... Постойте! Это как-то связано с моим уходом?

— Немного, — признался я. — И Маша собралась уходить, а Ааз говорил об ответственности, и...

— Вот на этом и остановись! — приказал Ааз, подняв руку. — Давай поговорим об ответственности, *партнер*. Забавно, что *я* должен читать *тебе* лекцию на эту тему, но есть всякие виды ответственности. Один из видов, усвоенных мною от тебя, — это ответственность перед друзьями: помогай им выпутаться, когда они в беде, *и* позволяй им помогать в свою

очередь тебе. Я не забыл, как вы явились в незнакомое вам измерение, чтобы вытащить меня из тюрьмы после того, как я сам отказался от вашей помощи; или как ты подключил нас к Большой Игре ради освобождения Тананды, помнишь, когда она попалась на краже; или как ты настоял, чтобы Дон Брюс придал тебе в телохранители Гвидо и Нунцио, когда их ждало дисциплинарное взыскание за провал задания Синдиката. Я этого не забыл, и они, держу пари, тоже, даже если ты об этом не помнишь. А теперь я предлагаю тебе заткнуться насчет вашего или не вашего дела и позволить твоим друзьям помочь тебе... *партнер*.

— Именно так, черт возьми! — кивнул Корреш.

— Ты мог бы оставить меня у Живоглота, чтобы он продал меня работорговцам, — задумчиво проговорила удивительно взрослым голосом Клади.

— Итак, теперь, когда с этим разобрались, — потер руки Ааз, — давайте приступим к работе. Мой приятель Гвидо поднял хороший вопрос. Как нам защищать Скива, если мы не знаем, как и когда нанесет удар Топор?

По-настоящему мы с этим вовсе не разобрались, но Ааз лишил меня шанса указать на это. Впрочем, я был только рад, потому что действительно не знал, что сказать.

— Мы можем лишь быть настороже и глядеть, не появится ли кто-то или что-то странное, — пожала плечами Тананда.

— Вроде открытого матча в драконий покер с Малышом Мятный Заход, — уставясь в пространство, обронил Корреш.

— Что-что?

— Ты это пропустила, сестричка. Похоже, наш мальчик привлек внимание короля драконьего покера. Тот хочет помериться с ним силами в открытом матче-поединке, и как можно скорее.

— Не смотри на меня так, Корреш, — поморщился Ааз. — Я переголосовываю. Если мы хотим сохранить репутацию Скива, он никак не может отвергнуть этот вызов. *Теперь* я готов признать, что деньги будут потрачены не зря.

— Мой папочка сможет любого побить в драконий покер, — преданно заявила Клади.

— Твоему папочке могут шикарно вышибить мозги, — мягко поправил ее мой партнер. — Я лишь надеюсь, что между сегодняшним днем и днем начала матча мы сможем достаточно обучить его игре, чтобы он проиграл достойно.

— Не нравится мне это, — проворчала Тананда. — Слишком уж удобно. За всей этой задумкой почему-то угадывается тень Топора.

— Наверное, ты права, — вздохнул Ааз. — Но нам остается только принять вызов и постараться извлечь максимум хорошего из плохой ситуации.

— Открыть прикуп и разыграть сданные нам карты. Так, Ааз? — пробормотал я себе под нос.

Хотя я и говорил тихо, но все за столом поморщились, включая Клади. Они могли быть достаточно преданными, чтобы рисковать жизнью и карьерой, защищая меня, но смеяться над моими шутками явно не собирались.

— Минуточку! — подал голос Нунцио. — Как по-вашему, есть шанс, что этот Малыш на самом деле Топор?

— Маловероятно, — заговорила впервые с начала совещания Банни. — Субъект вроде Топора должен работать без юпитеров. Малыш Мятный Заход — чересчур яркая личность. Будь он очернителем, это живо бы заметили. Кроме того, когда он выигрывает, никто не думает, будто это происходит из-за плохой репутации его противников... Это происходит именно потому, что хорош Малыш. Нет, я считаю, Топор должен быть как похищенное письмо... он может спрятаться прямо на виду у всех. Подумайте о последнем, кого бы вы заподозрили, и приблизитесь к разгадке.

Далее разговор стал вращаться вокруг меня, но слушал я не очень внимательно. По какой-то причине, пока говорила Банни, мне в голову пришла одна мысль. Рассуждая о Топоре, мы все употребляли местоимение «он», но если никто не знал его настоящего лица, то с таким же успехом он мог ока-

заться и «ею». Если уж на то пошло, то в присутствии женщин мужчины намного менее замкнуты и больше склонны похваляться подробностями своей карьеры.

Банни была женщиной. И появилась она у нас на пороге примерно в то самое время, когда предположительно получал свое задание Топор. Мы уже знали, что она умнее, чем хочет показаться, и ее способности плохо сочетаются с тщательно отработанным пустым взглядом. Где ж Топору найти лучшее место для удара, чем изнутри?

Я решил при первом же удобном случае немного поболтать с моей подружкой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Никому не следует скрывать свое истинное «я» за ложным фасадом.

Л. Чейни

Я приблизился к спальне Банни с определенным трепетом в груди.

Если вы еще не заметили, то скажу, что опыт общения с женщинами у меня довольно ограниченный — и ограничивается он числом пальцев одной руки.

Тананда, Маша, Луанна, королева Цикута, а теперь вот Банни были единственными взрослыми женщинами, с которыми я когда-либо имел дело, и покамест мой послужной список представлялся мне весьма скромным. Танандой я какое-то время очень увлекался, но теперь она была для меня скорее старшей сестрой. Маша же была... ну, Машей. Полагаю, она сошла бы за младшую сестру, ту, которую надо защищать, а иногда и гладить по головке. Я никогда по-настоящему не понимал ее открытого восхищения мною, но оно не иссякало, несмотря на все мои конфузы, и давало мне возможность спокойно доверять ей. Хотя я все еще считал Луан-

ну своей единственной истинной любовью, разговаривал я с нею только четыре раза, а после последней нашей беседы сомневался, состоится ли пятая встреча. Вот с кем мои отношения носили совсем уже катастрофический характер, так это с королевой Цикутой. Она, может, и не пристрелит меня при случае, но, уж конечно, захочет пристрелить — в этом можно было не сомневаться... но как раз она-то и хотела выйти за меня замуж!

Естественно, ни одна из женщин, с которыми я имел дело, нисколько не походила на Банни, хотя я не был полностью уверен, хорошо это или плохо. И все же факт оставался фактом — мне необходимо было узнать о ней побольше. По двум причинам: во-первых, если ей предстояло жить у нас в доме, то я бы предпочел знать, откуда она взялась, вместо того чтобы сидеть сложа руки на пороховой бочке; а во-вторых, если она — Топор, то чем раньше я это выясню, тем лучше. К несчастью, у меня был только один способ получить необходимые сведения — поговорить с ней.

Внутренне дрожа, я поднял руку, какое-то мгновение колебался, а затем постучал в дверь. Мне пришло в голову, что хоть я и не стоял никогда у стенки перед взводом стрелков, теперь я знал, что люди при этом чувствуют.

— О-о, кто там?

— Да это я — Скив, Банни. У тебя найдется свободная минутка?

Дверь мигом распахнулась, и появившаяся Банни схватила меня за руку и увлекла в комнату. На ней был изящный комбинезон с воротом, распущенным ниже пупка, что явилось для меня большим облегчением. Когда я в свое время наведался в спальню к королеве Цикуте, та приняла меня вообще без ничего.

— И-и! — взвизгнула она — Вот это да! Рада тебя видеть. Я уж начала сомневаться, зайдешь ли ты вообще когда-нибудь!

Фривольно вильнув бедром, она толчком закрыла дверь, а руки ее тем временем метнулись к завязкам наряда. Вот и все мое облегчение, о котором я только что упомянул.

— Дай мне всего секунду, милый, и я буду готова. Ты в некотором роде застал меня врасплох, и...

— Банни, ты не могла бы на время бросить это? А?

По какой-то причине события последних нескольких дней вдруг навалились всей тяжестью мне на плечи, и я был просто не в настроении для игр.

Она уставилась на меня глазами, большими, как счет за выпивку изверга, но ее руки прекратили свою деятельность.

— Что случилось, Скиви? Разве я тебе не нравлюсь?

— Откровенно говоря, не знаю, Банни, — тяжело произнес я. — Ты ведь никогда по-настоящему не давала мне возможности поразмыслить над этим, ведь так?

Она резко втянула в себя воздух, и ее лицо приняло сердитое выражение. Затем она отвела взгляд и нервно провела языком по губам.

— Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду. Разве я не пришла к тебе в спальню и не попробовала завязать дружбу?

— Мне кажется, ты все-таки *понимаешь*, что я имею в виду, — напирал я, почувствовав слабость в ее обороне. — Каждый раз, когда мы видимся друг с другом, ты так активно разыгрываешь из себя секс-бомбу, этакую киску, что я не знаю, бежать мне или аплодировать, но ни то, ни другое не поможет мне узнать тебя получше.

— Ты зря осуждаешь мое поведение, — возразила она. — Оно ведь дает кое-какие результаты, не так ли? Кроме того, разве не этого мужчины хотят от девушки?

— Я — нет.

— В самом деле?

В ее голосе звучала не слишком мягкая насмешка. Она вдохнула поглубже и откинула назад плечи.

— Так скажи мне тогда, что же приходит тебе на ум, когда я делаю вот так?

Невзирая на впечатление, какое могло у вас сложиться обо мне по прежним моим подвигам, соображаю я быстро. Достаточно быстро, чтобы, прежде чем ответить, подвергнуть цензуре и вычеркнуть первые свои три мысли.

— По большей части мне становится неуютно, — честно признался я. — Это впечатляет, спору нет, но у меня возникает ощущение, что я должен в связи с этим что-то предпринять, и я не уверен, что окажусь на высоте.

Она победоносно улыбнулась и выдохнула воздух, отчего напряжение спало у нас обоих. По-моему, я нуждался в этом больше.

— Ты только что ткнул пальцем прямиком в тайну кисок. Дело не в том, что тебе это не нравится. Просто это чересчур много для тебя, и ты не уверен, что сумеешь с этим управиться.

— Боюсь, что не поспеваю за твоей мыслью.

— Мужчины обожают хвастаться и бахвалиться, но самолюбие у них хрупкое как стекло. Если девушка разоблачает их блеф и кидается на них, словно пышущий жаром вулкан, не знающий удержу, мужчины пугаются. Вместо того чтобы привычно раздувать слабо тлеющее женское пламя, они вдруг сталкиваются с лесным пожаром и поэтому устремляются прочь. Да, они держат нас рядом, чтобы производить впечатление на других. «Смотрите, мол, какую тигрицу я укротил», и все такое. Но без свидетелей они обычно держат дистанцию. Не сомневаюсь, что в действительности таким, как я, перепадает меньше развлечений, чем средней студентке... за исключением того, что уровень оплаты у нас намного выше.

Это заставило меня призадуматься. С одной стороны, она довольно точно определила мою реакцию. Ее бурный натиск меня таки чуточку напугал... ну, сильно напугал. И все же была и другая сторона.

— Похоже, ты не очень высокого мнения о мужчинах, — заметил я.

— Эй! Не пойми меня неправильно. Это не самый худший способ заработать себе на жизнь. Просто мне стало тошно вновь и вновь слушать одни и те же старые реплики, и я решила вывернуть их наизнанку. Вот и все.

— Я имел в виду не это. Секунду назад ты задала риторический вопрос: «Разве не этого мужчины хотят от девушки?»

Может, ты и права, и я не буду пытаться спорить по этому поводу. Но такая мысль неуютно близка к утверждению, что это касается *всех* мужчин, а с этим я все-таки *буду* спорить.

Она задумчиво нахмурилась и пожевала нижнюю губу.

— Пожалуй, эта мысль действительно чересчур все обобщает, — признала она.

— Хорошо.

— Точнее будет сказать: «Этого все мужчины хотят от *прекрасной* девушки».

— Банни...

— Нет уж, выслушай меня, Скив. Вот в этом вопросе опыта у меня намного больше, чем у тебя. Хорошо говорить об уме, когда выглядишь, как Маша. Но когда вырастешь с такими данными, как у меня — я не хвалюсь, просто констатирую факт, — то за тобой увивается длинная вереница мужчин. Если бы они интересовались при этом только твоим умом, то я бы сказала, что им следует срочно подлечиться!

За время нашей дружбы с Машей мне не раз доводилось подолгу болтать с ней о том, что значит для женщины быть малопривлекательной. Однако теперь мне впервые пришлось понять, что красота может оказаться в большей степени бедой, чем счастьем.

— Не припомню, чтобы я «увивался за тобой», Банни.

— Ладно-ладно. Возможно, я и впрямь опережаю события. Но все же у меня есть основания для кое-каких выводов. Я помню, когда мы встретились, ты был поглощен иными мыслями. Как бы ты прореагировал, если бы мы просто случайно столкнулись друг с другом в баре?

Представить это было совсем не трудно... к несчастью.

— Сдаюсь, — признал я. — Позволь мне только подбросить тебе одну мысль, Банни. А потом я уступлю твоему опыту. Вопрос секса обязательно будет носиться в воздухе при *любой* встрече мужчины с женщиной до тех пор, пока он не разрешится. Я думаю, это связано с продолжением рода и выживанием и верно для любой цивилизации. Сильнее всего

это ощущается при встрече с представительницей противоположного пола, которую находишь привлекательной... с прекрасной женщиной, что называется, с женщиной твоей мечты. Роль цивилизации, хоть я и не знаю, многие ли придерживаются такого мнения о ней, заключается в установлении правил и законов, помогающих решить этот вопрос быстро: братья, сестры, родители и лица, не достигшие брачного возраста или состоящие в браке с другими, отпадают... ну, во всяком случае, обычно отпадают, но ты меня поняла. Теоретически это позволяет людям тратить меньше времени на сближение друг с другом, чтобы остальное посвятить успешной деятельности в других сферах... вроде искусства или бизнеса. Не уверен, заметь, что это столь уж великое приобретение, но благодаря ему мы продвинулись далеко.

— Интересная теория, Скив, — задумчиво произнесла Банни. — Где ты ее услышал?

— Сам выдумал, — признался я.

— Надо будет поразмыслить о ней на досуге. Но даже если она верна, то что она доказывает?

— Ну, я пытаюсь сказать, что, по-моему, ты слишком фокусируешься на сексе. Разрешай вопрос с ним каждый раз, когда он возникает, и переходи к другим делам. А если конкретно, то я думаю, мы сможем разрешить его между нами прямо сейчас. Со своей стороны я тебе отвечу «нет» или, во всяком случае, «нет» на долгое время. Если мы сможем договориться об этом, то я бы хотел перейти к другим делам... вроде того, чтобы узнать тебя получше.

— Я бы сказала, что это похоже на заигрывание, если бы ты только что не выдохнул «нет». Может быть, я чересчур чувствительна по этой части. Ладно. Договорились. Давай попробуем поболтать как друзья.

Она протянула руку, и я торжественно пожал ее. В глубине души я почувствовал за собой вину. Теперь, заставив Банни ослабить бдительность, я собирался выкачать из нее сведения.

— Что ты хотел бы узнать?

— Ну, я вообще-то не очень много знаю о тебе, помимо того, что ты умнее, чем представляешься, и что ты племянница Дона Брюса!

— Ух ты, — захихикала она. — Тебе не полагалось бы знать даже насчет племянницы.

Ее хихиканье было намного приятней, чем ее обычный — визгливый и режущий ухо — смех.

— Тогда давай начнем отсюда. Как я понимаю, дядя не одобряет твоего выбора карьеры.

— Что верно, то верно. Он самолично подыскал мне профессию, прогнал через школу и все такое. Беда в том, что он не потрудился посоветоваться со мной. Честно говоря, я предпочла бы заниматься чем угодно, только не тем, что он для меня наметил.

— А что именно?

— Он хотел, чтобы я стала бухгалтером.

Мне мигом вспомнился мой старый недруг по Поссилтуму Дж.Р. Гримбл. Пытаться представить Банни на его месте было непосильно даже для моего воображения.

— Гм-м... полагаю, бухгалтерское дело — *неплохая* работа. Я могу понять, почему Дон Брюс не хотел, чтобы ты пошла по его стопам в уголовную жизнь.

Банни скептически вскинула бровь.

— Если ты в это веришь, то ты не очень много знаешь о бухгалтерии.

— Как бы там ни было, но мне думается, что выбор жизненного пути не ограничивается только профессиями бухгалтера и твоей нынешней.

— Не хочу опять противоречить тебе, — ухмыльнулась она, — но моя внешность работала против меня. Большинство законопослушных бизнесменов боялись, что если они примут меня на работу, то их жены, или партнеры, или совет директоров, или служащие подумают, будто они устраивают на содержание любовницу. После нескольких попыток я ре-

шила не плыть больше против течения и перейти в сферу, где привлекательность — необходимое условие, а не недостаток. Если я в чем и виновата, то только в лени.

— Не знаю, — покачал головой я. — Признаться, я невысокого мнения об избранной тобой карьере.

— Вот как? Ну, прежде чем ты примешься морализировать, позволь мне сказать тебе...

— Все! Тайм-аут! — перебил я ее. — Я хотел сказать, что у этой профессии нет большого будущего. Ничего личного, но никто не остается вечно молодым и привлекательным. Судя по всему слышанному мною, твоя профессия не предусматривает пенсионного обеспечения.

— Как и все профессии в Синдикате, — пожала плечами она. — Но пока я подыщу что-нибудь получше, у меня будет чем оплатить счета.

Вот теперь мы к чему-то приближались.

— Кстати, раз уж речь зашла о Синдикате, Банни. Это дело с Топором, признаться, встревожило меня. Ты случайно не знаешь, занимается ли Синдикат очернительством? Возможно, я мог бы с кем-то поговорить и получить какой-то совет.

— Не думаю, что они этим занимаются. Для них это слишком тонко. И все же я никогда не слышала, чтобы дядя Брюс отвергал какую-либо работу, если эта работа сулила достаточно высокую прибыль.

Я понял, что Банни пытается уклониться от моего вопроса. И решил попробовать снова.

— Кстати, если уж речь зашла о твоем дяде, ты вообще-то представляешь, почему он выбрал для этого задания именно тебя?

Прежде чем она ответила, возникла едва заметная пауза.

— Нет, не представляю.

Я уцелел при игре в драконий покер у Живоглота, наблюдая за другими людьми, и порядком в этом поднаторел. Заминка Банни выдавала ее с головой. Она знала, почему она здесь, знала, но не говорила.

Словно прочтя мои мысли, Банни пораженно воззрилась на меня.

— Эй! До меня только что дошло. Ты думаешь, что я и есть Топор? Поверь мне, Скив, это не так. Честное слово!

Говорила она очень искренне и очень убедительно. Конечно, будь я Топором, то сказал бы именно это и именно так.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вашему Величеству следует обращать внимание на свою внешность.

Г.Х. Андерсен

Описать вылазку на Базар, которую мы предприняли на следующий день, можно многими словами. Но в их наборе вы не найдете таких определений, как «спокойная», «тихая» или «умиротворяющая». Скорее на ум приходят слова вроде «зоопарк», «цирк» и «хаос».

Началось это еще до того, как мы покинули свою базу... а точнее, со спора, покидать нам ее или нет.

Ааз и Маша утверждали, что нам следует лечь на дно, поскольку в этом случае у Топора меньше будет возможностей для атаки. Гвидо и Нунцио поддержали их, приправив свои выступления колоритными оборотами. Одной из самых любимых ими фраз была «залечь на тюфяки» — выражение, неизменно вызывающее у меня в голове интригующие образы. Как я говорил Банни, я вовсе не *так уж* чист.

Тананда и Корреш заняли другую позицию, считая, что лучший способ защиты — нападение. Оставаясь в четырех стенах, доказывали они, мы только станем удобной мишенью. Единственно разумным действием будет выйти и попытаться определить, что именно намерен предпринять Топор. Клади и Банни выступили в поддержку команды брата и се-

стры, хотя, как я подозреваю, больше из желания получше изучить Базар.

Сохраняя нейтралитет в течение часа и послушав за это время, как обе стороны обменивались любезностями, я наконец бросил свой голос на чашу весов... за вылазку. Это странно, но мои мотивы в целом совпадали с аргументами Банни и Клади: я хоть и боялся выйти и стать движущейся мишенью, но куда больше меня пугала перспектива сидеть взаперти и препираться со своей собственной командой, наблюдая возрастающую нервозность и несдержанность моих друзей.

Не успели мы разрешить этот вопрос, как разразился новый спор, на этот раз из-за того, кто первым отправится на вылазку. Ясное дело, хотели все. И так же ясно, что если бы пошли все, то мы выглядели бы именно теми, кем были: ударной силой, ищущей, с кем бы подраться. Мне почему-то думалось, что это не поможет нашим усилиям сохранить мою репутацию.

Поругавшись еще час, мы достигли компромисса. Пойдем все вместе. Однако ради осмотрительности, равно как и стратегического преимущества, мы решили, что часть команды отправится под личиной. Это не только зрительно уменьшит наш отряд, но и даст нам возможность наблюдать за всем с небольшого расстояния и, что еще важнее, слушать, о чем говорят на Базаре. Ааз, Тананда, Корреш, Маша и Нунцио будут нашими разведчиками и резервом, в то время как Клади, Банни, Гвидо и я сыграем роль приманки — роль, которая нравилась мне тем меньше, чем больше я о ней думал.

Вот так мы и отправились наконец на утреннюю прогулку... вскоре после полудня.

Внешне Базар не изменился, но в скором времени я начал кое-что подмечать. Я настолько привык поддерживать чары личин, что мог сохранять инкогнито пяти наших коллег без ущерба для своей сосредоточенности... что и к лучшему, так как сосредоточиться было на чем, и даже очень.

Известие о нашем последнем походе по лавкам явно распространилось, и реакция деволов-купцов на наше появле-

ние среди палаток была весьма противоречивой. Некоторые витрины при нашем приближении внезапно закрывались, в то время как торговцы других палаток бросались нам навстречу. Были, конечно, и занявшие нейтральную позицию — не закрывавшиеся, не бросавшиеся встречать нас, а скорее внимательно следившие за нами, когда мы осматривали их товары. Однако, куда бы мы ни шли, я замечал отчетливое отсутствие энтузиазма к любимому времяпрепровождению деволов — торгу. Цены либо объявлялись твердыми, либо торги сводились к минимуму. Складывалось впечатление, что, хотя деволы по-прежнему желали получить наши деньги, они не жаждали затягивать контакт с нами. Я был не совсем уверен, как поступить в такой ситуации. Можно было воспользоваться их нервозностью и заключить несколько бесстыдных сделок или же, напротив, скрепя сердце заплатить больше, чем стоил товар. Беда в том, что ни тот, ни другой курс не особенно возвысил бы мой образ в глазах купцов и не стер бы память о нашей последней вылазке.

Однако в моей жизни всегда хватало затруднительных моментов.

После нашего разговора Банни решила, что мы стали друзьями, и взялась за свою новую роль с тем же энтузиазмом, какой привносила в разыгрывание из себя женщины-вамп. Само собой, она все еще цеплялась за мою руку и издали, вероятно, для всех выглядела по-прежнему. Однако ее внимание теперь сосредоточилось на мне, а не на себе.

Сегодня она решила высказать свое мнение о моем гардеробе.

— В самом деле, Скив. Мы *должны* подыскать тебе какую-нибудь достойную одежду.

Она каким-то образом сумела избавиться от своей противной манеры говорить, равно как и от того, что она все время жевала. Может быть, тут была какая-то связь.

— А что плохого в том, как я сейчас одет?

На мне был в этот день, на мой взгляд, один из самых элегантных моих нарядов. Желтые полосы на штанах в два

дюйма шириной перемежались со светло-зелеными, в то время как на тунике блистали ярко-красные и пурпурные клетчатые узоры.

— Право, не знаю, с чего начать, — сморщила нос Банни. — Давай просто скажем, что все это немножко крикливое.

— Прежде ты ничего не говорила о моей одежде.

— Верно. Прежде. В смысле, прежде чем мы решили стать друзьями. В моем прежнем качестве, критикуя мужчин за аляповатую одежду, можно потерять работу. Иногда я думаю, что для того, чтобы идти под ручку с разодетой как картинка дамой, надо либо не иметь никакого вкуса по части одежды, либо иметь дурной вкус.

— Я, конечно, не большой знаток по этой части, но разве некоторые вроде тебя не одеваются и сами чуточку крикливо? — лукаво спросил я.

— Правильно. Но держу пари, если проверить, то окажется, что они носят купленное для них кавалерами. Когда мы пошли за покупками, ты предоставил мне выбирать самой и просто оплатил счет. А многие мужчины считают, что если они платят за товар, то за ними должно оставаться последнее слово в вопросе о том, что носить их куколке. Скажем прямо, мы должны обращать внимание на свою внешность, потому что от этого зависит наша работа. Девушка, одевающаяся словно пугало, не найдет для себя ничего стоящего.

— Так ты говоришь, что я одет как пугало?

— Если бы пугало выглядело, как ты, то у ворон глазки бы повышибало.

Я отреагировал стоном. Черт, если никто не собирался смеяться над моими шутками, то с какой стати я должен смеяться над шутками других? Конечно, я занес замечание Банни в мысленный архив для будущего употребления, на всякий случай.

— Однако серьезно, Скив, твоя беда в том, что ты одеваешься, как мальчишка. В твоем гардеробе есть несколько удачных предметов, но никто не потрудился показать тебе, как их

носить. Яркие наряды хороши, но их нужно сбалансировать. Сочетание узорной ткани с неяркой однотонной подчеркивает узор. Сочетание узора с другим узором убивает оба, если только ты не знаешь наверняка, что делаешь. Чаще всего разные узоры борются друг с другом, а если они еще и разных цветов, то это война всех против всех. Одежда должна привлекать внимание к тебе, а не к себе.

Несмотря на свое негодование, я обнаружил, что сказанное ею мне любопытно. Если я чему и научился в своих разнообразных приключениях, так это воспринимать информацию, где только возможно.

— Давай посмотрим, улавливаю ли я твою мысль, Банни. Ты говоришь, что недостаточно просто покупать предметы одежды, особенно мне приглянувшиеся. Надо смотреть, как они сочетаются друг с другом... пытаться создать единое целое. Верно?

— Отчасти, — кивнула она. — Но думаю, если мы хотим обучить тебя умению одеваться, то лучше начать сначала. Сперва тебе надо решить, какой ты себе выбрал образ. Одежда заявляет о тебе во весь голос, но тебе надо знать, каким будет это заявление. Так вот, банкиры зависят от доверяющих им свои деньги и поэтому одеваются консервативно, чтобы произвести впечатление надежности. Никто не даст своих денег банкиру, выглядящему так, словно он день-деньской валяет дурака. На другом конце шкалы находятся профессиональные артисты. Эти зарабатывают деньги, заставляя глядеть на себя, и поэтому одеваются обычно броско и чрезмерно пышно.

Это завораживало. Банни не говорила мне ничего такого, чего я сам не видел, но она определяла не замеченные мною раньше закономерности. Внезапно все положение с одеждой начало обретать смысл.

— Так каков же будет мой образ?

— Ну, раз уж ты спрашиваешь, то в данный момент ты выглядишь либо настолько богатым и преуспевающим, что тебе наплевать, что подумают другие, либо мальчишкой, не

знающим, как одеваться. Здесь, на Базаре, знают о твоем благосостоянии, поэтому купцы приходят к первому выводу, вытаскивают все крикливые наряды, которые не сумели сбагрить никому другому, и считают, что ты клюнешь на них, если они запросят достаточно высокую цену.

— Сосунок или дурак, — пробормотал я про себя. — Не знаю, какой образ я являю, но ни один из этих двоих мне не нравится.

— Попробуй примерить такой. Ты маг, работающий по найму, верно? Тебе желательно выглядеть благополучным, чтобы твои клиенты видели, что ты хорош в своем деле, но не настолько богат, чтобы запросить с них чересчур большой гонорар. Тебе нежелательно одеваться совсем уж консервативно, так как клиенты частично клюют на загадочность профессии мага. А если ты начнешь одеваться слишком броско, то будешь выглядеть балаганным шарлатаном. Короче, я думаю, тебе лучше всего ставить на «спокойную силу». Выделяться из серой массы, но в то же время выглядеть настолько уверенным в себе, будто тебе незачем напрягаться, чтобы привлечь к себе внимание.

— И что же мне сделать, чтобы выглядеть именно так?

— Вот тут-то и вступаю в игру я, — подмигнула Банни. — Если мы договорились о цели, средства я найду. Следуй за мной.

И с этими словами она ввергла меня в один из самых невероятных набегов на лавки, в которых я когда-либо участвовал. Она настояла, чтобы я переоделся в первый же купленный нами наряд: голубую рубашку с открытым воротом и широкие брюки кремового цвета, с шарфом в тон. Клади возражала, говоря, что ей больше нравится яркая одежда, но по мере того, как мы переходили от палатки к палатке, я заметил перемену в поведении владельцев. Они по-прежнему, казалось, немного нервничали в нашем присутствии, но предлагали нашему вниманию совершенно иной выбор одежд, а некоторые даже поздравили меня с тем, что на мне надето... чего прежде никогда не бывало.

Должен признаться, меня немного удивило, как дорого стоили некоторые из этих «простых и неброских» предметов, но Банни заверила меня, что ткань и качество пошива оправдывали цену.

— Не понимаю я этого, — съехидничал я после одной из таких покупок. — Думал, все бухгалтеры — жмоты и сквалыги, а тут ты — идеальный потребитель.

— Ты ведь не видел, как я вынимаю свою пачку денег, не так ли? — промурлыкала в ответ она. — Бухгалтеры могут пойти на необходимые расходы, но на чужие деньги. Наша главная задача — помочь тебе сделать максимум приобретений на твои трудовые наличные.

И так оно и пошло. Когда у меня появилось немного времени, чтобы спокойно подумать, мне пришло в голову, что, если Банни была Топором, очень уж она из кожи лезла вон ради моей респектабельной внешности. Я все еще пытался вычислить, как это могло вписаться в некий дьявольский план, когда почувствовал энергичный толчок под локоть. Оглянувшись, я обнаружил стоявшего рядом со мной Ааза.

Когда я навожу чары личины, то по-прежнему вижу зачарованных такими, какие они на самом деле есть. Вот потому-то я нервно вздрогнул, прежде чем вспомнил, что для всех прочих на Базаре он выглядел просто собратом-покупателем, подошедшим перекинуться словечком.

— Неплохой наряд, партнер, — одобрил он. — Похоже, твоя подружка всерьез занялась твоим гардеробом.

— Спасибо, Ааз. Тебе действительно нравится?

— Разумеется. Но есть еще одна покупочка, которую ты мог бы добавить к своему списку, прежде чем мы отправимся домой.

— Какая именно?

— Штук пять карточных колод. Хотя твой новый образ, возможно, и произведет впечатление на Малыша, но, думаю, на него больше подействует, если ты потратишь немного времени на обучение игре в драконий покер до схватки с ним.

Мыльный пузырь моего самодовольства тут же лопнул. Ааз был прав. Одежда, Топор... все это так, но ведь мне вскоре предстояло важное дело — состязание с самым лучшим игроком в драконий покер во всех измерениях.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Одной удачи иногда недостаточно.
Лючано по прозвищу Удачливый

— Скив. Твоя ставка.
— О! Гм-м... иду на десять.
— Гну твои десять.
— Пас.
— Для меня двадцать? Я накину еще двадцать сверху.
— Поддерживаю.

Теперь уж это должно звучать для вас знакомо. Совершенно верно. Драконий покер в полном разгаре. На сей раз, однако, шла товарищеская игра между Аазом, Танандой, Коррешем и мной. Конечно, слово «товарищеская» применимо здесь с большой натяжкой.

Если не считать случавшихся иной раз перепалок, мне никогда раньше не доводилось биться с этой троицей. То есть, когда случалась беда, мы смыкали свой круг рогами наружу, а не внутрь. И вот в первый раз создалась ситуация, когда я и мои напарники оказались по разные стороны баррикад; конечно, такое положение не могло вызвать во мне положительных эмоций. Понимая, что это всего лишь игра и притом тренировочная, я вдруг очень обрадовался, что мне не надо сталкиваться ни с кем из моих партнеров в реальной ситуации в борьбе не на жизнь, а на смерть.

Подтрунивание еще не прекратилось, но приобрело какую-то резкость. Когда игроки сосредоточились, они стали похожи на идущих по следу хищников. Над столом нависла

туча напряжения. Она висела и при игре в «Равных шансах», но тогда это было естественно. При карточной игре не ждешь поддержки или сочувствия от совершенно незнакомых партнеров. Беда в том, когда трое самых близких ваших друзей превращаются в незнакомцев, когда начинается серьезная игра и фишки брошены...

— По-моему, ты блефуешь, братец. Добавляю еще сорок.

Делать нечего — я толкнул в банк еще одну стопку из своей уменьшающейся кучки фишек.

— Поддерживаю.

— Вы меня достали, — пожал плечами тролль. — Пас.

— Ну, Скив. Остаемся только мы с тобой. У меня флешь онеров-эльфов.

Тананда открыла свои карты и выжидающе посмотрела на меня. С уверенной, как я надеялся, рисовкой я перевернул свои темные карты.

Воцарилось молчание, когда все нагнулись, уставившись в мои карты.

— Скив, это мусор, — сказала наконец Тананда. — Ааз пасанул с лучшим раскладом, чем у тебя, даже без учета его темных карт. Я разбила тебя вдрызг.

— Она хочет сказать, партнер, — осклабился Ааз, — что тебе следовало либо пасовать, либо поднимать. Поддерживать ставку, когда ее открытые карты бьют твои, значит просто выбрасывать деньги.

— Ладно-ладно! Мысль уловил.

— Да? У тебя тут есть еще пятьдесят фишек. Ты уверен, что хочешь проиграть и их тоже? Или, может, нам снова распределить фишки и начать сначала... *опять*.

— Полегче, Ааз, — вмешалась Тананда. — У Скива была система, которая прежде действовала. Почему бы ему не испробовать ее, прежде чем поневоле браться за что-то новое?

Они имели в виду, что я поначалу не хотел обучаться драконьему покеру. И в самом деле, я уже было решил опять испробовать тот же прием, который использовал в «Равных

шансах». Поэтому после некоторого обсуждения (читай — спора) мы договорились сыграть для демонстрации всем присутствующим моей системы.

Ну, я им показал.

С Аазом было несложно: я знал его как облупленного. Но вот Корреш и Тананда заткнули меня за пояс. Мне не удавалось уловить никаких выдающих их действительные намерения намеков и не сумел заметить никакой очевидной связи между тем, как они ставили и какие карты держали на руках. В угнетающе короткий промежуток времени я лишился отпущенных мне первоначально фишек. Затем мы снова поделили столбики и начали опять... с тем же результатом. Теперь мы приближались к концу третьего раунда, и я готов был выбросить белый флаг.

Как ни хотелось мне думать, что мне просто адски не повезло или что мы сыграли слишком мало партий, чтобы проявилась какая-то закономерность, ужасная правда заключалась в том, что я просто был слабее своих противников. Я хочу сказать, обычно мне удавалось уловить, хорошая ли сдача у игрока. Затем возникал вопрос, насколько хорошая или, конкретней, лучше ли, чем моя. Конечно, то же самое относилось и к слабым сдачам. Я полагался на свою способность отличить ситуацию, когда игрок ставит на сдачу, нуждавшуюся в улучшении, от той, когда он ставит просто на то, что на следующем круге другому выпадет еще худшая карта, чем ему. Однако в нашей пробной игре я вновь и вновь попадал впросак. Слишком уж много раз считаемые мною никчемными сдачи оказывались на поверку очень мощными.

Действовало это, мягко говоря, угнетающе. Ведь эти игроки, которые и не мечтали бы вызвать на матч Малыша Мятный Заход, обыгрывали меня, даже не особенно напрягаясь.

— Я способен понять, что меня обставили, Ааз, — сдался я. — Даже если мне требуется на это немного больше времени, чем большинству. Я готов приняться за предложенные вами уроки... если вы все еще думаете, что от этого будет какой-то толк.

— Разумеется, будет, партнер. Если сегодняшний вечер дал нам верное представление о том, как ты играешь, то обучение, уж точно, твою игру не ухудшит.

На изверга можно положиться, он точно знает, какими словами подбодрить.

— Да брось, старина Ааз, — перебил Корреш. — Скив делает все, что в его силах. Он пытается остаться на плаву в скверном положении... как и мы все. И давай не будем привязывать ему гири к ногам. Согласен?

— Полагаю, ты прав.

— И поосторожней с подобными замечаниями, когда рядом Клади, — вставила Тананда. — Она в полном восторге от своего нового папочки, и нам нужно оберегать его светлый образ, чтобы преклонение удерживало ее в рамках.

— Кстати о Клади, — поморщился, оглядываясь, мой партнер. — Где наша ходячая катастрофа?

Надо сказать, что в конце нашей экспедиции по лавкам дела шли совсем неважно. По мере того как тянулся день, настроение Клади, похоже, ухудшалось. Дважды только своевременное вмешательство наших наблюдателей спасало нас от катастрофы, когда малютка особенно расстраивалась. Не желая истощать наше везение, я объявил об окончании экскурсии, что чуть не вызвало у моей юной подопечной новую вспышку раздражения. Я гадал, часто ли прерывают родители поход по магазинам из-за капризного ребенка.

— Она где-то с Банни и телохранителями. Я подумал, что это заседание будет достаточно тяжелым и без Клади.

— Хорошая мысль, — одобрил Корреш. — Ну, хватит болтать. Продолжим?

— Правильно! — воскликнул Ааз, потирая руки и нагибаясь вперед. — Так вот, первое, что нам надо сделать, это сколотить тебе стратегию получше. Если ты сохранишь...

— Э-э-э... А не забегаешь ли ты вперед, Ааз? — перебила Тананда.

— То есть?

— Тебе не кажется, что нам лучше было бы сперва рассказать ему про расклады? Намного легче ставить, когда знаешь, годится на что-то твой расклад или нет.

— Да. Конечно.

— Позволь заняться этим мне, Ааз, — вызвался тролль. — Так вот, Скив. Восходящий порядок раскладов такой:

онер (картинка);

одна пара (двойка);

две пары;

три одного номинала (тройка);

три пары;

полный дом (фул) (три одного номинала плюс пара);

каре (четыре одного номинала);

флэш (шесть карт одной масти);

стрит (шесть карт подряд по старшинству) (эти два последних расклада котируются выше или реверсируются в зависимости от шестой карты);

полное брюхо (два набора по три карты одного номинала);

полный дракон (каре плюс пара);

флэш рояль (стрит одной масти).

Уразумел?

Полчаса спустя я уже почти мог отбарабанить весь список, не сверяясь со шпаргалкой. К тому времени энтузиазм моих учителей заметно остыл. Я решил сделать рывок к следующему уроку, пока совсем не разочаровал их.

— Хватит, — объявил я. — Вызубрить я могу и сам в свободное время. Что дальше? Сколько мне следует ставить на эти сдачи?

— Не так быстро, — осадил меня Ааз. — Сперва тебе надо закончить со сдачами.

— Ты хочешь сказать, что есть еще какие-то? Я думал...

— Нет. Ты усвоил все сдачи... или усвоишь при небольшой тренировке. Теперь тебе надо усвоить условные модификаторы.

— Условные модификаторы? — еле слышно продублировал я.

— Разумеется. Без них драконий покер был бы всего-навсего еще одной простой игрой. Теперь ты начинаешь понимать, почему я раньше не хотел тратить время на твое обучение этой игре?

Я молча кивнул, уставясь на свой список карточных раскладов. Он явно усложняется, и это меня пугало.

— Выше нос, Скив! — весело подбодрил Корреш, хлопнув меня по плечу. — Потом будет легче, это самое трудное в этой игре.

— Да? — слегка оживился я.

— Разумеется. Понимаешь, условные модификаторы зависят от определенных переменных вроде дня недели, числа игроков, положения стульев и тому подобного. А поскольку этот матч организован загодя, мы знаем большинство этих переменных. Например, играть будете только вы двое, а ты как вызванный на матч имеешь право выбрать стул... между прочим, садись лицом к югу.

— Мой старший братец пытается сказать на свой неуклюжий лад, — вмешалась Тананда, мягко сжав мне руку, — что тебе требуется усвоить не все условные модификаторы, а только те, которые будут действовать при твоей игре с Малышом.

— А, уловил. Спасибо, Корреш. Я сразу почувствовал себя намного лучше.

— От-лично. Нас будут интересовать... ну, самое большее — дюжина-другая.

Испытанное только что чувство облегчения мигом превратилось в ледышку у меня в животе.

— Две дюжины условных модификаторов?

— Брось, братец. Их не может быть так много.

— Я собирался сказать, что он, по-моему, недооценивает опасности, — усмехнулся Ааз.

— Так давай хорошенько подсчитаем, черт возьми, и посмотрим.

— Красные драконы будут дикими при четных партиях...

— ...но единороги будут дикими весь вечер...

— ...расклад «столкновение» на сей раз силы иметь не будет, потому мы и не потрудились занести его в список, партнер...

— ...раз за вечер игрок может сменить масть одной из своих карт...

— ...каждые пять партий порядок карт перевертывается, поэтому фоски станут онерами и наоборот...

— ...тройки весь вечер будут убитыми, и к ним нужно относиться как к пустым картам...

— ...а если хоть раз будет разыграно каре, эта карта тоже будет убита...

— ...если это не дикая карта — тогда она просто перестает быть дикой и может разыгрываться как обычно...

— ...если при первых двух сдачах в открытую любому игроку выпадает десятка, то семерки будут убиты...

— ...если не появится вторая десятка, тогда она аннулирует первую...

— ...конечно, если первой картой, сданной в открытую на кон, окажется великан, то кон играется с одной лишней темной картой при четырех открытых и пяти темных...

— ...естественный расклад бьет расклад равной ценности, составленный с помощью диких карт...

— Эй! Это же не условный модификатор. Это постоянное правило.

— Оно будет в силе, не так ли? Некоторые из условных модификаторов аннулируют постоянные правила, и поэтому я счел, что нам нужно...

— ВЫ ЧТО — РАЗЫГРЫВАЕТЕ МЕНЯ?!

Разговор на миг прервался, и мои тренеры уставились на меня.

— Я хочу спросить: это ведь шутка? Правда?

— Нет, партнер, — осторожно ответил Ааз. — В этом-то и состоит весь смысл драконьего покера. Как сказал Корреш, радуйся, что тебе играть только один вечер и не нужно усваивать весь список.

— Но откуда у меня возьмется шанс победить в этой игре? Я даже всех правил-то не смогу запомнить.

За столом возникло неловкое молчание.

— Я... э-э-э... думаю, ты не уловил суть, Скив, — сказала наконец Тананда. — Шансов на победу у тебя нет. Малыш — самый лучший игрок из всех, какие есть. Ни за несколько дней, ни за несколько лет ты никак не сможешь научиться играть хотя бы так, чтобы заставить Малыша попотеть за свои деньги. Мы лишь пытаемся достаточно обучить тебя, чтобы ты не осрамился — не погубил репутацию Великого Скива, — когда он будет кромсать твою ставку. Ты должен по крайней мере выглядеть достойно. Иначе просто покажешься дураком, у которого не хватает ума понять, как мало он знает.

Я немного подумал над этим.

— А разве этот образ не соответствует тому, кто я есть на самом деле?

— Если так, пусть это остается в кругу семьи. Идет? — подмигнул мой партнер, игриво стукнув меня по плечу. — Выше нос, Скив. В некоторых отношениях это будет даже забавно. Ничто так не помогает сыграть до конца свою роль, как участие в игре без давящего на тебя стремления к победе.

— Разумеется, Ааз.

— Отлично, тогда давай вернемся к игре. Послушай еще раз. Позже мы снова все повторим помедленнее, чтобы ты записал.

И с этими словами они опять принялись за обучение.

Я слушал вполуха, изучая тем временем свои чувства. На первую игру в «Равных шансах» я пошел, ожидая проигрыша, но в надежде хорошо провести вечер. Я никак не мог связать предстоящий матч с Малышом со светскими удовольствиями. Как ни уважал я взгляды своих советников, мне было крайне трудно согласиться с мыслью, что, проиграв, я каким-то образом сохраню свою репутацию. Но они были правы, я не мог достойно отказаться от вызова. А если шансов на выигрыш у меня никаких, то остается только достойно проиграть. Верно?

Однако, как я ни старался, мне не удавалось заглушить тихий голосок в глубине души, не переставший твердить, что идеальным решением было бы обчистить Малыша. Но это, конечно, невозможно. Верно? Верно?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мне нужны все друзья, каких я только смогу приобрести.

Квазимодо

Хотя временами моя жизнь кажется мне слишком запутанной и безрадостной, но по крайней мере одно существо никогда не отвернется от меня в тяжелый час.

— Глип!

Я всегда недоумевал, как это драконий язык может быть одновременно и слизистым, и шершавым, как рашпиль, но он таков. Во всяком случае, таков он у моего дракона.

— Тихо, парень... ти... эй! Кончай, Глип. Прекрати!

— Глип! — заявил мой дракон, ловко увертываясь от моих рук и оставляя у меня на лице еще один слизистый след.

Послушен он даже чересчур. Говорят, по тому, как человек управляется с животными, можно судить о его способностях к руководству.

— Черт возьми, Глип! Это серьезно!

Я часто пытался убедить Ааза, что мой дракон действительно понимает сказанное мной. То ли поэтому, то ли просто оценив тон моего голоса, но Глип присел на задние лапы и внимал мне, склонив голову набок.

— Вот так-то лучше, — вздохнул я, осмелившись снова дышать носом. Драконы вообще славятся смрадным дыханием, так что, когда мой зверек демонстрирует свою приязнь, я чуть в обморок не падаю из-за этого, так сказать, побочного эффекта. Конечно, даже дыша ртом, я все равно ощущал дыхание Глипа.

— Видишь ли, у меня возникла одна проблема... и вообще говоря, не одна... и я подумал, что если смогу рассказать тебе, в чем дело, когда меня никто не будет перебивать, то кто знает...

— Глип!

Драконий язык скользнул по моему лицу вновь, на сей раз застигнув меня с открытым ртом. Хоть я и люблю своего зверька, бывают моменты, когда у меня возникает желание, чтобы он был... ну, поменьше. Вот как сейчас... или когда мне приходится чистить его стойло.

— Хотите, я прижучу вашего дракона, босс?

Я оглянулся и обнаружил сидящего на одной из садовых скамеек Нунцио.

— А, привет, Нунцио. Что ты здесь делаешь? Ведь вы с Гвидо обычно ретируетесь, когда я выгуливаю Глипа.

— Да, обычно именно так, — пожал плечами телохранитель. — Мы с кузеном потолковали об этом и решили, что, раз на свободе гуляет этот Топор, одному из нас надо все время держаться рядом с вами, понимаете, что я имею в виду? Сейчас моя смена, и я буду торчать до упора... чем бы вы ни занимались.

— Ценю вашу заботу, но думаю, здесь мне не грозит опасность попасть под удар. Я даже решил не выводить Глипа из дому, пока все не утрясется. Нет смысла искушать судьбу.

Отчасти это было правдой, хотя вообще-то я решил не давать Топору возможности нанести мне удар через моего зверька. К тому же не стоит подливать масла в огонь: Ааз и без того уже достаточно жаловался на житье в одном доме с драконом. Конечно, если мои подозрения верны и этот Топор — Банни...

— Лучше перебдеть, чем сожалеть... и вы не ответили на мой вопрос. Хотите, я прижучу вашего дракона?

Логика моих телохранителей иногда совершенно до меня не доходит.

— Нет. Я имею в виду, зачем тебе прижучивать Глипа? Он же ящер, а не насекомое.

Нунцио закатил глаза.

— Я не имею в виду прижучить его, словно он и в самом деле жук. Я имею в виду — хотите просто его отделаю? Ну, знаете, слегка задам ему перцу. Я не суюсь в ваши дела с партнером, но вы не должны терпеть такие выходки от дракона.

— Он просто проявил дружелюбие.

— Дружелюбие, как же. Судя по всему, что я видел, ваш зверь может пришибить вас скорее, чем кто другой на Базаре. Я всего лишь прошу позволить мне выполнять мою работу... мне, знаете, *полагается* охранять ваше тело. Вот и должность моя поэтому звучит — телохранитель.

На меня уже не в первый раз произвела впечатление преданность Нунцио своей работе. Даже возникло искушение разрешить ему сделать, что он хочет. Но я только представил себе, как мой здоровенный телохранитель и дракон с воодушевлением борются посреди сада...

— Э-э-э... спасибо, но, думаю, не стоит, Нунцио. Глип иногда бывает навязчив, но все-таки мне нравится, когда он иной раз скачет вокруг меня. Я чувствую себя любимым. Кроме того, я не хотел бы, чтоб он пострадал... или ты, если уж на то пошло.

— Скакать вокруг вас — одно дело. А приставать, когда вам того не хочется, нечто совсем иное. И кроме того, он у меня не пострадает. Я просто... вот давайте я вам покажу!

И прежде чем я успел его остановить, он вскочил и принял перед драконом стойку, широко расставив ноги и полусогнув колени.

— Подь сюда, Глип. Давай, парень.

Мой зверек резко оглянулся, а затем прыгнул к тому, кого счел новым товарищем по играм.

— Нунцио, я...

Как раз в тот миг, когда дракон добрался до него, мой телохранитель поднял руку ладонью вперед.

— Глип, стой! Сидеть! Я сказал — СИДЕТЬ!!!

Дальнейшее произошло столь стремительно, что все это мне пришлось реконструировать позже, прокручивая вспять ленту памяти.

Рука Нунцио молниеносно метнулась вперед и сомкнулась на морде Глипа. Телохранитель рывком опустил нос моего зверька, а затем резко толкнул его вверх.

Задние ноги дракона слегка подкосились, и он плюхнулся задом на землю, не переставая недоуменно хлопать ресницами.

— А теперь сядь. Сидеть!!!

Мой телохранитель осторожно разжал руку и шагнул назад, держа ладонь плашмя перед мордой дракона.

Глип слегка задрожал, но не шелохнулся, сохраняя сидячее положение.

— Видите, босс? Теперь будет помнить, — крикнул, не оборачиваясь, Нунцио. — Просто надо быть с ним потверже.

Я вдруг осознал, что челюсть у меня отвисла чуть ли не до колен.

— Что... это невероятно, Нунцио! Как ты... что ты...

— Вы, наверное, и не знали, — усмехнулся он. — Я одно время работал укротителем... по большей части с хищниками, знаете, в цирке?

— Укротителем?

— Да. Это показалось мне логичным продолжением карьеры школьного учителя... только тут не приходилось беспокоиться о родителях.

Мне пришлось сесть. Демонстрацией своего умения с Глипом и внезапными откровениями о своем прошлом Нунцио подверг мой мозг серьезной перегрузке.

— Укротитель *и* школьный учитель.

— Совершенно верно. Слушайте, хотите, я еще немного поработаю с вашим драконом теперь, когда он успокоился?

— Нет. Дай ему немного побегать. Ему полагается сейчас выгуливаться.

— Вы — босс.

Он повернулся к Глипу и резко хлопнул в ладоши. Дракон отпрыгнул назад и припал к земле, готовый поиграть.

— Лови, парень!

Двигаясь на диво убедительно, телохранитель подобрал с земли воображаемый мяч и притворно бросил его в противоположный конец сада.

Глип круто развернулся и дунул в направлении броска, растоптав по пути скамейку и два куста.

— Просто изумительно, — пробормотал я.

— Я бы не вмешался, — опустился рядом со мной на скамью Нунцио. — Но вы-то явно собирались с ним поговорить, а дракон хотел порезвиться.

— Пустое. Все равно я предпочел бы поговорить с тобой.

Я сам удивился тому, что сказал правду. Будучи по натуре скорее склонен к одиночеству, в последнее время я стал находить удовольствие в общении с людьми. Я надеялся, что это не повредит моей дружбе с Глипом.

— Со мной? Разумеется, босс. О чем бы вы хотели со мной поговорить?

— Так, ни о чем особенном. По-моему, я только сейчас понял, что мы никогда по-настоящему не разговаривали так вот, вдвоем. Скажи мне, как ты оцениваешь предстоящую нам операцию?

— По мне, так все отлично. Никогда по-настоящему об этом не задумывался. Ясно, что это не заурядная операция Синдиката. Около вас болтается немало странного народа... но они славные ребята. Я бы отдал правую руку за любого из них, такие они славные. А там у нас дело обстоит иначе. В большинстве филиалов все пытаются продвинуться и обскакать конкурентов... и потому тратят больше времени на слежку друг за другом, чем за противником. А здесь не подсиживают, а, наоборот, помогают друг другу.

— А ты хочешь продвинуться, Нунцио?

— И да, и нет, понимаете, что я имею в виду? Я не хочу заниматься одним и тем же до конца жизни, но и наверх не рвусь. На самом-то деле мне даже нравится работать на других. Я предоставляю им принимать важные решения, а мне остается вычислить, какую роль сыграть в происходящем.

— Ты здесь, безусловно, играешь свою роль, — кивнул я. — Раньше я и не представлял себе, как трудна работа телохранителя.

— В самом деле? Мне очень приятно слышать это от вас, босс. Мы с Гвидо иногда чувствуем себя здесь мертвым грузом. Может быть, именно потому мы так и стараемся выполнять свою работу. Я никогда особо не думал, нравится мне здесь или нет. Я имею в виду, я отправляюсь, куда мне поручено, и делаю, что мне велено, и при этом мое мнение не имеет значения. Верно? Но я знаю, что действительно сожалел бы, если бы мне пришлось уйти. Никто и никогда не обращался со мной так, как вы и ваша команда.

Может, Нунцио и не был интеллектуальным гигантом или самым сообразительным из всех, кого я знал, но я находил трогательной его честность... не говоря уж о бесхитростной преданности.

— Ну, у вас есть и будет здесь работа, покуда мое слово по этой части хоть что-то значит, — заверил я его.

— Спасибо, босс. Я немного устал от того, как действует Синдикат, понимаете, что я имею в виду?

Это мне кое о чем напомнило.

— Раз уж об этом зашла речь, Нунцио, как, по-твоему, Синдикат стал бы действовать, если бы задумал кого-то очернить?

Лоб телохранителя наморщился от мыслительных усилий.

— Нет! — сказал он наконец. — Нам в основном платят за то, чтобы мы чего-то *не* делали. Если же требуется уделать кого-то, то мы обычно устраиваем что-нибудь бросающееся в глаза, скажем, сжигаем ему дом или ломаем ноги. А если поломать кому-то карьеру, кто об этом узнает? Сказанное Танандой о Топоре очень интересно, но это просто не наш стиль.

— Даже за подходящую цену? — не отставал я. — Сколько, по-твоему, потребовалось бы, чтобы побудить Дона Брюса отправить сюда кого-то по нашу душу?

— Не знаю. Я бы сказал, по меньшей мере... Минутку! Вы думаете, Топор — это Банни?

— Ну, допустим, так.

— Забудьте об этом, босс. Даже если бы она могла справиться с такой работой, в чем я не слишком уверен, Дон Брюс никогда бы не отправил ее против вас. Черт возьми, вы сейчас один из любимых его авторитетов. Слышали бы вы его слова! — Нунцио вдруг прижал ладони к щекам и заговорил, придав лицу преувеличенную бульдожистость: — «...Этот Скив, у него действительно котелок варит, понимаете, что я имею в виду? Господи! Да будь у меня сотня таких, как он, я мог бы встать у руля всей этой организации».

Он так идеально изобразил Дона Брюса, что я невольно рассмеялся.

— Великолепно, Нунцио. Он когда-нибудь видел, как ты это делаешь?

— Я же еще до сих пор жив, правда? — подмигнул он. — Однако, если серьезно, с Банни вы ошиблись адресом. Поверьте, ее дядя заинтересован в том, чтобы вас берегли как зеницу ока.

— Надеюсь, ты прав, — вздохнул я. — Однако если это так, то я возвращаюсь туда же, откуда начал. Кто такой Топор и на что он...

— Привет, ребята! Это личный разговор, или могут присоединиться и другие?

Мы подняли головы и увидели входящую в сад Банни.

— Подходи, Банни! — помахал я ей, слегка ткнув Нунцио локтем под ребра. — Мы как раз собирались...

— ГЛИП!!!

Мой дракон внезапно очутился передо мной. Выгнувший спину и напряженный, он совсем не выглядел игривым. Таким я видел его раньше только пару раз, а тогда...

— СТОЙ, ГЛИП! ГЛИП!!! — завопил я, слишком поздно сообразив, что сейчас случится.

К счастью, Нунцио оказался проворнее меня. Прямо из сидячего положения он бросился вперед и провел силовой прием, скрутив шею моего зверька, как раз когда дракон выпустил струю пламени. Огонь лишь опалил стену.

Банни одной рукой отодвинула Клади к себе за спину.

— Ну и ну! Что это за...

— Сейчас я его! — крикнула, сжав кулачки, Клади.

— КЛАДИ! СТОЙ!!!

— Но, папочка...

— Погоди. Ладно? Нунцио?

— Я его держу, босс, — отозвался тот, надежно обхватив руками морду вырывающегося Глипа.

— Банни! Уходи с Клади в дом! Сейчас же!!!

Обе поспешили скрыться, и я переключил внимание на моего зверька.

Теперь, когда Банни и Клади исчезли, Глип успокоился так же быстро, как и взорвался. Нунцио утешающе поглаживал ему шею, тараща широко раскрытые от изумления глаза.

— Не знаю, что тут случилось, босс, но только теперь он, кажется, в порядке.

— А случилось вот что, — мрачно произнес я, — Глип пытался защитить меня от чего-то или от кого-то, в ком он усмотрел угрозу.

— Но, босс...

— Слушай, Нунцио, я знаю, у тебя хорошие намерения, но с Глипом я связан давно. И доверяю его инстинктам больше, чем своим рассуждениям.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты сейчас же сделал две вещи. Во-первых, отвел Глипа обратно в стойло... думаю, он достаточно нагулялся для одного дня. А потом связался с Доном Брюсом. Я хочу немного потолковать с ним о его «подарке»!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

А я думал, мы друзья!

Banquo

— А я тебе говорю, это — бред!

— Черта с два!

— Банни не может быть Топором! Она просто строптивая девочка из богатой семьи!

— Она хочет, чтобы мы так думали. А я выяснил, что все не так!

— В самом деле? И как же?

— По... ну, поговорив с нею.

Я тут же заметил изъян в своей логике, и Ааз не преминул этим воспользоваться.

— Скив, — серьезно сказал он. — Тебе не приходило в голову, что будь она Топором, а ты — ее целью, то уж тебе-то она вряд ли показалась бы без маски? Ты действительно думаешь, что сумел бы хитростью заставить ее выдать себя в простом разговоре?

— Ну... может быть, она схитрила. Возможно, это ее способ сбить нас со следа.

На это мой партнер ничего не сказал. Он лишь чуть склонил голову набок и высоко поднял бровь.

— *Возможно*, — неуверенно повторил я.

— Брось, Скив. Выкладывай.

— Что?

— Даже тебе понадобилось бы больше доказательств, чтобы выдвинуть такие опрометчивые обвинения. Ну, так чего ты недоговариваешь?

Он меня достал. Я просто боялся, что он сочтет истинную причину моих подозрений еще менее убедительной, чем уже высказанное мной.

— Ладно, — вздохнул я. — Если хочешь знать, то окончательно меня убедило следующее: Глип ее не любит.

— Глип? Этот твой глупый дракон?

— Глип не глу...

— Партнер, твой дракон не любит *меня!* Выходит, я тоже Топор!

— Но и изжарить тебя он тоже никогда не пытался!

Это на миг остановило Ааза.

— Он это сделал? Действительно жахнул по Банни?

— Совершенно верно. Не будь там Нунцио...

Словно вызванный упоминанием его имени, телохранитель был уже тут как тут.

— Эй, босс! Дон Брюс здесь.

— Давай его сюда.

— Я по-прежнему думаю, что ты совершаешь ошибку, — предупредил меня, прислонясь к стене, Ааз.

— Может быть, — мрачно ответил я. — Если повезет, я заставлю Дона Брюса подтвердить мои подозрения прежде, чем раскрою свои карты.

— Хотел бы я на это посмотреть.

— А, вот вы где, Скив. Мальчики сказали, что вы хотели со мной поговорить.

Дон Брюс — крестный отец Синдиката. Он всегда одевался во что-нибудь ярко-пурпурное — по крайней мере я никогда не видел на нем других цветов, и сегодняшний день не был исключением. Его наряд включал шорты, сандалии, мягкую широкополую шляпу и спортивную рубашку, разрисованную крупными пурпурными цветами. Может быть, прогулка по магазинам с Банни сделала меня чересчур чувствительным к вопросам костюма, но его костюм показался мне малоподходящим для одного из первейших лиц Синдиката.

Даже темные очки у него были с пурпурными линзами.

— Знаете, а хата у вас блеск! Никогда раньше здесь не бывал, но много наслышался при обсуждении годового отчета. А снаружи и не скажешь, что тут такой простор.

— Мы предпочитаем держаться в тени, — пояснил я.

— Да уж, знаю. Я им в Центральном управлении Синдиката всегда говорил, что вы заправляете классным делом. Я доволен. Благодаря этому мы все хорошо выглядим.

Я начинал чувствовать себя немного неуютно. Последнее, что я хотел обсуждать с Доном Брюсом, это наше нынешнее дело.

— Выпьете вина? — вмешался, приходя мне на выручку, Ааз.

— Немного рановато, но почему бы и нет? Итак! Для чего вам хотелось меня видеть?

— Дело касается Банни.

— Банни? Ах да. Как она тут справляется?

Даже если бы у меня прежде и не было подозрений, ответ Дона Брюса показался бы чересчур небрежным. Ааз тоже это уловил и снова поднял бровь, наливая вино.

— По-моему, нам надо потолковать о том, зачем вы отправили ее сюда.

— О чем тут толковать? Вам требовалась подружка, и я счел...

— Я имею в виду *настоящую* причину.

Наш гость умолк, поглядел пару раз то на меня, то на Ааза, а затем пожал плечами.

— Она вам сказала, да? Забавно, я полагал, что уж эту-то тайну она сохранит.

— Вообще-то я сам догадался. Она же, когда об этом зашла речь, все отрицала.

— Я всегда говорил, что вы умница, Скив. А теперь вижу, что у вас хватает ума выжать из меня признание, которого вы не добились от Банни. Очень даже неплохо.

Я бросил победоносный взгляд на Ааза, который внезапно целиком сосредоточился на поглощении вина. Я же, несмотря на понятное чувство торжества в связи с разоблачением Топора, все-таки испытывал раздражение.

— Вот чего я не могу понять, — сказал я, — так это зачем вы вообще пошли на это. Я всегда вел с вами честную игру.

У Дона Брюса по крайней мере хватило совести выглядеть смущенным.

— Знаю-знаю. Идея мне показалась симпатичной, вот и все. Я очутился в несколько затруднительном положении, а этот выход выглядел вполне безобидно.

— Безобидно? Безобидно! Да ведь речь идет обо всей моей жизни и карьере!

— Эй! Бросьте, Скив. Признайтесь, тут вы слегка преувеличиваете! Не думаю...

— Преувеличиваю?!

— Ну, я все равно думаю, что из вас выйдет хороший муж для нее...

— Преувеличиваю? Ааз, ты слышишь...

Повернувшись к своему партнеру, я увидел, что он просто давится от смеха, расплескивая вино из своего бокала. Из всех реакций, какие я мог от него ожидать, смех предусмотрен не был...

И тут до меня дошло.

— Муж?!

— Конечно. Разве мы не об этом говорим?

— Скив думает, что ваша племянница — Топор и что вы спустили ее на него с целью погубить его карьеру, — сумел выдавить сквозь смех мой партнер.

— Топор???

— МУЖ???

— Вы с ума сошли?

— Один из нас точно сошел!!

— А может, оба? — поинтересовался, вставая между нами и все еще смеясь, Ааз. — Кто-нибудь хочет вина?

— Но он же сказал...

— Но как насчет...

— Господа, господа! У вас тут явно какие-то помехи на линии. Я предлагаю вам обоим выпить вина, а потом начнем все снова с самого начала.

Почти механически мы оба потянулись за вином, не переставая глядеть друг на друга, словно разъяренные коты.

— Отлично, — кивнул мой партнер. — А теперь, Дон Брюс, вам, по-моему, как гостю начинать первым.

— Что это за разговоры о Топоре?! — потребовал ответа мафиози, так резко наклонившись вперед, что выплеснул из бокала половину вина.

— Вы знаете, кто такой Топор?

— Я знаю, *что* это такое! Вопрос в том, какое он имеет отношение к вам и Банни.

— Мы недавно услышали, что кто-то нанял Топора, чтобы уделать Скива, — объяснил Ааз.

— ...Примерно в то самое время, когда появилась Банни, — добавил я.

— И из этого, надо полагать, вытекает, что она и есть этот Топор?

— Но у нас действительно были неприятности после ее прибытия.

— И какие, например?

— Ну-у... Тананда ушла из дому, когда однажды утром обнаружила у меня в спальне Банни.

— Тананда? Та самая Тананда, которая поздоровалась со мной, когда я сюда только зашел?

— Она... гм-м-м... вернулась.

— Понятно. Что еще?

— Она спугнула мою подружку.

— Подружку? У вас есть подружка?

— Ну, не совсем... но могла бы быть, если бы не Банни.

— Угу. Ааз, вы никогда не рассказывали ему про синицу в руках?

— Я стараюсь, но до него плохо доходит.

Я всегда могу рассчитывать, что мой партнер кинется защищать меня в трудную минуту.

— Что еще?

— Гм-м-м...

— Скажи ему, — улыбнулся Ааз.

— Что он должен мне сказать?

— Мой дракон ее не любит.

— Меня это не удивляет. Она никогда не ладила с животными... по крайней мере с четвероногими. Однако я не вижу, почему из этого вытекает, будто она — Топор.

— Это... это просто завершающее звено в цепи других доказательств.

Мой голос осекся перед каменным взглядом Дона Брюса.

— Знаешь, Скив, — сказал наконец он. — Ты мне, конечно, нравишься, но бывают моменты вроде теперешнего, когда я желал бы видеть тебя в другой команде. Если бы окружной прокурор лепил дело так, как ты, мы бы смогли сэкономить на взятках процентов девяносто, а на гонорарах нашему юристу — и все сто!

— Но...

— А теперь слушай как следует, потому что я не намерен повторять. Ты — представитель Синдиката и мой личный представитель здесь, на Базаре. Если ты выглядишь плохо, то выглядим плохо и мы. Улавливаешь? Какой нам смысл нанимать кого-то, чтобы портить твой, а стало быть, и наш имидж?

Загнанный в угол, я обернулся за поддержкой к Аазу.

— Это был следующий вопрос, который собирался задать я, партнер.

Восхитительно.

— Что ж, — объявил, вставая, Дон Брюс. — Если с этим улажено, то, полагаю, я могу теперь идти.

— Не так быстро, — улыбнулся, подняв руку, мой партнер. — Вопрос, заданный Скивом, так и остался без ответа: если Банни не Топор, то что она здесь делает? Что это вы там говорили насчет мужа?

Мафиози погрузился в кресло и потянулся за вином, все время избегая встречаться со мной взглядом.

— Я не становлюсь моложе, — сказал он. — Однажды мне предстоит уйти на покой, и я подумал, что, возможно, мне пора подыскивать замену. Приятно будет передать дело кому-нибудь из членов семьи... я имею в виду, настоящей семьи, а поскольку у меня есть незамужняя племянница...

— Минутку! — перебил его Ааз. — Вы что, хотите сказать, что рассматриваете Скива как своего преемника в Синдикате?

— Это возможно. Почему бы и нет? Как я сказал, он заправляет классным делом, и он умен... по крайней мере я думал так.

— Дон Брюс, я... я не знаю, что и сказать, — честно сказал я.

— Тогда и не говори ничего! — мрачно посоветовал он. — Что бы там ни случилось, но до этого еще далеко. Вот потому я ничего тебе прямо и не сказал. Я еще не готов уйти на покой.

— О! — Я не знал, что чувствовать — разочарование или облегчение.

— Так что насчет Банни? — напомнил мой партнер.

Мафиози пожал плечами.

— Что ж тут еще можно добавить? Она моя племянница, а он — один из лучших моих сотрудников. Я подумал, что неплохо было бы свести их поближе и посмотреть, а вдруг что-нибудь получится.

— Я... я не знаю, — задумчиво проговорил я. — Вообще-то Банни довольно мила... особенно теперь, когда я знаю, что она не Топор. Просто, по-моему, я еще не готов вступить в брак.

— Я и не говорил, что ты готов, — пожал плечами Дон Брюс. — Не пойми меня неправильно, Скив. Я не пытаюсь подтолкнуть тебя к браку. Я знаю, что на это требуется время. Как я сказал, я просто устроил так, чтобы вы могли встретиться и посмотреть, получится ли из этого что-нибудь... вот и все. Если получится, прекрасно. Если нет, тоже не страшно. Я не собираюсь торопить события или что-то вам навязывать, и я прекрасно понимаю, что из вас не выйдет хорошей пары, если вы сами этого не захотите. На худой конец, пока ты будешь это выяснять, у тебя поработает очень хороший бухгалтер... а судя по цифрам в вашем финансовом отчете, вам это не помешает.

— Неужели?

Наконец-то у Ааза оказалось задето самое чувствительное место... или бумажник, что в его случае одно и то же.

— А что плохого в наших финансах? У нас все благополучно.

— Благополучно, но не отлично. У вас, ребята, нет никакого плана. Как я понимаю, вы долго жили только сегодняшним днем, не заботясь о будущем, и не научились ничего делать с деньгами, кроме как копить их или тратить. Банни может показать вам, как заставить деньги работать на вас.

Ааз задумчиво потер подбородок. Было интересно посмотреть, как мой партнер разрывается между гордостью и жадностью.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Звучит это неплохо, и мы, вероятно, еще подумаем об этом, но сейчас у нас туговато с деньгами.

— Как я слышал, у вас все время туговато, — сухо заметил Дон Брюс.

— Нет. Дело в том, что именно сейчас у нас действительно туго с финансами. Немалая часть нашего капитала завязана на сегодняшнюю большую игру.

— Большую игру? Какую еще игру?

— Скиву предстоит сегодня вечером сразиться в драконий покер один на один с Малышом Мятный Заход. Он получил вызов на этот матч.

— Вот потому я и хотел поговорить с вами о Банни, — сказал я. — Поскольку я считал, что она — Топор, мне вовсе не хотелось, чтобы она присутствовала при этой игре и чем-нибудь навредила.

— Почему мне никто не сообщил об этой игре? — возмутился Дон Брюс. — В вашем отчете об этом ни слова!

— Это случилось уже после отчета.

— Какие ставки?

Я посмотрел на Ааза. Я был так занят обучением игре в драконий покер, что и не удосужился спросить о ставках.

По какой-то причине мой партнер вдруг явно почувствовал себя неуютно.

— Настольные ставки, — ответил он.

— Настольные ставки? — нахмурился я. — Что это?

Я почти ожидал, что Ааз оставит объяснения на потом, но вместо этого он с удивительным энтузиазмом занялся предложенной темой.

— При настольных ставках каждый из участников начинает с определенной суммой денег. А потом идет игра, пока у кого-то одного не иссякнут фишки или...

— Я знаю, что такое настольные ставки, — перебил Дон Брюс, — меня интересует, на какую сумму вы играете.

Ааз поколебался, а затем пожал плечами.

— Четверть миллиона с каждого.

— *Четверть миллиона?*

Такой ноты я не брал с тех пор, как у меня начал ломаться голос.

— Разве ты не знал? — нахмурился мафиози.

— Мы ему не говорили, — вздохнул мой партнер. — Я боялся, что если он узнает, каковы ставки, то оцепенеет и перестанет соображать. Мы собирались просто дать ему для игры стопку фишек, не сообщая, сколько они стоят.

— Четверть миллиона? — повторил я теперь уже слегка охриплым голосом.

— Видишь? — усмехнулся Ааз. — Ты уже цепенеешь.

— Но, Ааз, разве у нас *есть* лишние четверть миллиона?

Улыбка моего партнера поблекла, и он опустил глаза.

— На это могу ответить я, Скив, — вмешался Дон Брюс. — *Ни у кого* нет лишних четверти миллиона. Даже если такие деньги есть, они отнюдь не лишние, понимаешь?

— На это пойдут не только наши деньги, — медленно проговорил Ааз, стараясь не встречаться со мной взглядом. — Другие тоже отстегнули из своих сбережений — Тананда, Корреш, Маша, даже Гвидо с Нунцио. Мы все участвуем в деле.

— Мы тоже, — объявил мафиози. — Запишите Синдикат на половину этой суммы.

Не уверен, кто больше удивился — Ааз или я. Но оправился первым Ааз.

— Это очень мило с вашей стороны, Дон Брюс, но вы на самом деле не понимаете, что здесь происходит. Скив — игрок начинающий, если не сказать сильнее. Ему однажды повезло, а к тому времени, когда фабрика слухов кончила об этом трепать, он уже огреб вызов на матч от Малыша. Отказаться он не может, так как будет тогда выглядеть дураком, а при спущенном с цепи Топоре мы не можем позволить себе никакой плохой прессы, если в состоянии избежать этого. Потому мы скинулись, и теперь пускай Скив пойдет на этот

матч и хоть проиграет достойно. Исход предрешен. Малыш съест его заживо.

— ...А вы, похоже, меня не слушали, — громыхнул в ответ мафиози. — Если Скив выглядит плохо, плохо выглядим и мы. Синдикат поддерживает своих людей, особенно когда речь идет об их образе в глазах общественности. Выигрыш или проигрыш, но половина за нами. Мы в доле, идет?

— Как скажете, — пожал плечами Ааз.

— ...И постарайтесь зарезервировать мне пару мест. Я хочу увидеть своего мальчика в действии — собственными глазами.

— Это недешево обойдется!

— Разве в этом дело? Просто...

Я больше не слушал их разговор. Оказалось, я даже не представлял, как крепка может быть поддержка друзей.

Четверть миллиона...

Вот в этот миг в моем мозгу и выкристаллизовалось нечто, смутно витавшее там уже несколько дней. Что бы там ни думали другие, я собирался приложить все силы и выиграть в этой игре!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Заткнись и сдавай!
Ф.Д. Рузвельт

Вечером, когда мы отправились в «Равные шансы», Базар окутала аура ожидания. Сперва мне казалось, что я просто вижу все иначе из-за своих предчувствий и нервозности. Однако по мере того как мы шли, становилось все более и более очевидным, что дело тут не только в моем воображении.

Ни один лоточник, ни один магазинный зазывала не подходил к нам, ни один девол не окликал нас, предлагая сделку.

Напротив, при нашем приближении разговоры и дела приостанавливались и все поворачивались в нашу сторону. Некоторые желали удачи или дружески шутили, что увидятся со мной после игры, но по большей части все просто молча завороженно глазели на нас.

Если у меня возникали когда-нибудь сомнения насчет эффективности и размаха фабрики слухов на Базаре, то в тот вечер они отпали. Все и *каждый* — именно так — знали, кто я, куда иду и что меня ждет.

В определенном смысле это было забавно. Ранее я уже упоминал, что в районе, непосредственно примыкающем к нашему дому, я старался держаться в тени и не высовываться. Мои недавние походы по лавкам принесли мне определенную известность, но она не шла ни в какое сравнение с теперешней. В этот вечер я был настоящей знаменитостью! Сознавая неопределенность исхода игры, я решил воспользоваться моментом и сыграть свою роль как следует.

В целом это было нетрудно. Мы и так уже представляли собой внушительную процессию. Гвидо и Нунцио, в традиционных для своей профессии полушинелях и при оружии, шли впереди, расчищая нам дорогу сквозь толпу зевак. Тананда и Корреш с мрачным видом замыкали шествие, зыркая глазами на всякого, кто казался подобравшимся чересчур близко. Ааз шел непосредственно передо мной, неся в двух больших мешках нашу ставку. Если бы у кого-то и возникла бы мысль изъять у нас деньги, то достаточно было только посмотреть на раскованную походку Ааза и увидеть блеск в его желтых глазах, чтобы подумать о более легких способах разбогатеть... например, борясь с драконами или намывая золото на болоте.

Клади мы оставили дома, невзирая на ее бурное негодование. Я твердо стоял на своем. Эта игра и без того будет достаточно тяжелой. Маша вызвалась остаться с нею, заявив, что она все равно слишком нервничает, чтобы с удовольствием следить за игрой.

Банни облачилась в облегающий ослепительно белый наряд и повисла у меня на руке, словно в ее жизни не было ничего важнее меня. Не одна пара завистливых глаз бросала быстрые взгляды то на нее, то на меня и снова на нее.

Никто, однако, не заблуждался по части того, кто был в центре внимания. Догадываетесь? Конечно, я! В конце концов, ведь это я шел сцепиться рогами с легендарным Малышом Мятный Заход на его собственной территории — карточном столе. Банни выбрала, что мне надеть, и я блистал в темно-каштановой рубашке с открытым воротом, подобранной под светло-пепельный костюм. Я чувствовал себя, да и выглядел на миллион... ну, на четверть миллиона. Если мне предстояло сегодня получить на блюде собственную голову, то я по крайней мере приму ее с шиком, к чему, собственно, и сводилась вся суть этого мероприятия.

Я даже не пытался тягаться с Аазом в высокомерной осанке, зная, что лишь проиграю в сравнении с ним. И ограничился лишь медленным, размеренным, достойным шагом, кивками и помахиванием рукой доброжелателям. Предполагалось, что я должен излучать спокойную уверенность. В действительности я чувствовал себя так, словно шел к виселице, но изо всех сил старался скрыть это и продолжал улыбаться.

По мере того как мы приближались к «Равным шансам», толпа становилась все гуще, и я с некоторым удивлением понял, что это опять-таки из-за игры. Те, кто не обладал достаточным влиянием или деньгами для получения места внутри клуба, слонялись по прилегающей территории в надежде одними из первых услышать об исходе игры. Я знал, что на Базаре процветают азартные игры, но никогда не думал, что они *настолько* популярны.

Толпа перед нами растаяла, освобождая проход к двери. Мелькали какие-то знакомые лица... Гэс с энтузиазмом махал мне рукой, а неподалеку...

— Вик!

Я отклонился от нашего прямолинейного курса, и вся процессия остановилась.

— Привет, Скив! — улыбнулся вампир, хлопнув меня по плечу. — Желаю тебе удачи сегодня!

— Она мне понадобится! — вздохнул я. — Кстати, я собирался зайти и поблагодарить тебя за предупреждение насчет Топора.

Лицо у Вика вытянулось.

— Тебе теперь будет трудновато найти меня. Я вот-вот потеряю свою контору.

— В самом деле? Неужели дела настолько плохи?

— Настолько и даже хуже. Здесь ужасно много конкурентов.

— Ну вот что. Ты бы зашел ко мне завтра поговорить. Возможно, мы сможем организовать небольшой заем или даже субподряд на какое-то задание, пока ты здесь не утвердишься.

— Здорово. Спасибо, Скив!

Меня внезапно осенило вдохновение.

— Заходи примерно в полдень. Мы все обсудим за обедом!

Мне это показалось очень удачной мыслью. Я гадал, почему это бизнесмены раньше не додумались обговаривать свои идеи за обедом! По какой-то причине Вик поморщился, прежде чем ответить на мою улыбку.

— Хорошо. Значит, в обед, — согласился он.

— Э-э-э... мне очень неприятно прерывать вашу беседу, партнер, но, по-моему, тебе пора на одну встречу.

— Верно, Ааз. Вик! До завтра!

И с этими словами я позволил препроводить себя в «Равные шансы».

Когда я вошел в главный зал с баром и игорными столами, раздались аплодисменты, и я едва удержался от соблазна оглянуться. За меня они или против, но люди собрались посмотреть на игру и были благодарны мне по крайней мере за предстоящее развлечение.

Восхитительно. Мне придется рисковать четвертью миллиона золотом, чтобы избавить их всех от просмотра какого-нибудь сто раз виденного шоу.

Клуб с тех пор, как я был тут в последний раз, переоборудовали. В центре зала стоял единственный карточный стол, а вдоль стен выстроились десятки зрителей. Хотя толпа снаружи, возможно, была многочисленнее, своей влиятельностью группа внутри клуба вполне возмещала разницу в числе. Я, конечно, не всех узнал, но тем не менее пришел к убеждению, что посмотреть эту игру собрался весь «Кто есть кто на Деве». Был там и Мер-Зер — председатель Торговой палаты Девы и мой арендодатель, — а с ним обычная свита прихлебателей. Когда наши взгляды встретились, Мер-Зер вежливо кивнул, но, как я подозревал, на самом-то деле он надеялся увидеть, как я проиграю.

Дон Брюс присутствовал, как и обещал, — он поднял руки над головой, сцепив их друг с другом, и коротко потряс ими, не переставая улыбаться. Я догадался, что это какой-то ободряющий знак, и, во всяком случае, надеялся, что приветствовали меня не каким-то тайным синдикатским знаком смерти. Конечно, эти соображения пришли мне в голову после того, как я помахал ему в ответ.

— Скив. СКИВ! У тебя найдется минутка?

Я оглянулся и обнаружил стоящего рядом Живоглота.

— Разумеется, Живоглот, — пожал плечами я. — Чем я могу быть полезен?

Девол казался крайне нервным, а цвет кожи у него выглядел несколько светлее обычного.

— Я... ты можешь пообещать не держать на меня зла. Даю тебе слово, сегодняшний вечер — не моя затея. Я только организовал матч после того, как Малыш прислал тебе вызов. Я не сообщал ему твоего имени... честно.

Его поведение показалось мне, мягко говоря, удивительным.

— Разумеется, Живоглот. Я никогда и не думал, что ты...

— Если б я знал, к чему это приведет, то вообще никогда не пригласил бы тебя на свою игру, не говоря уж...

Я вдруг сильно насторожился.

— Минуточку, Живоглот! О чем ты говоришь?

— Ты же играешь очень слабо! — объяснил, испуганно оглядываясь, девол. — Против Малыша у тебя нет никаких шансов. Я просто хочу, чтобы ты понял, если проиграешь сегодня все свои деньги, что я не хотел подставлять тебя. Я не хочу, чтобы ты или твоя команда потом искали меня с налитыми кровью глазами.

Ну, я и сам знал, что играю очень слабо. Но меня заинтересовало то, что Живоглот, оказывается, тоже это знал.

— Живоглот, я думаю, нам лучше...

Меня прервал громкий взрыв аплодисментов и приветственных криков. К тому времени, когда я перестал вытягивать шею, стремясь увидеть, что происходит, Живоглот исчез в толпе.

С завершением этой беседы я снова переключил внимание на более близкий предмет.

— Что это? — кивнул я в сторону только что вошедшей в клуб фигуры.

Ааз успокаивающе обнял меня одной рукой за плечи.

— Это он. Малыш Мятный Заход.

— ЭТО — Малыш?!!

В дверях стоял здоровенный детина, он был огромен, то есть, попросту говоря, размером с Машу. По непонятной причине я ожидал увидеть кого-нибудь примерно моего возраста. Но этот субъект был совсем иным.

Он был совершенно безволосым, безбородым, безбровым — то есть абсолютно лысым. Его голубоватая кожа в сочетании с толщиной и морщинами создавала общее впечатление полуспущенного голубого мяча для кегельбана. Глаза у него, однако, выглядели крайне темными и лишь слегка сверкнули, когда остановились на мне.

— Это — Малыш? — повторил я.

Ааз пожал плечами.

— Этот титул он носит давным-давно.

Человек-гора нес с собой два мешка, очень похожих на принесенные для нас Аазом. Он небрежно передал их одному из зрителей.

— Выдайте-ка мне фишек! — распорядился он гулким голосом. — Я слышал, здесь сегодня играют.

По какой-то причине его слова вызвали в толпе громкий взрыв смеха и аплодисментов. Я не счел это смешным, но вежливо улыбнулся. Глаза Малыша заметили отсутствие у меня энтузиазма и сверкнули с возросшей свирепостью.

— Ты, должно быть, Великий Скив.

Голос его понизился до грозного урчания, но по-прежнему отражался от стен. Удивительно легкой поступью он двинулся ко мне, протягивая руку.

Толпа затаила дыхание.

— А ты, должно быть, тот, кого называют Малыш Мятный Заход, — ответил я, с размаху кидая руку в его лапищу.

И снова удивился... на этот раз мягкости его рукопожатия.

— Я только надеюсь, что твоя магия не так хороша, как твоя репутация.

— Вот забавно, а я как раз надеялся, что твое везение такое же сомнительное, как твои шутки.

Я не хотел его оскорблять. Эти слова просто как-то сорвались у меня с языка, прежде чем я смог их осмыслить.

Лицо Малыша застыло.

Я желал, чтобы кто-нибудь вмешался в наш разговор и сменил тему, но зал отозвался мертвой тишиной.

Внезапно мой противник откинул голову и от души расхохотался.

— Мне это нравится! — провозгласил он. — Знаешь, ни у кого больше никогда не хватало храбрости сказать мне, что мои шутки дурно пахнут. Я начинаю понимать, откуда у тебя взялась смелость принять мой вызов.

Зал ожил, все разом принялись болтать и смеяться. Я почувствовал себя так, словно только что прошел своего рода обряд посвящения. Я испытал облегчение, но вместе с ним и еще кое-что. Я обнаружил, что Малыш мне нравится. Молодой или нет, он определенно не был страшилищем, какого я ожидал.

— Спасибо, Малыш, — тихо поблагодарил я, воспользовавшись тем, что за шумом нас не слышат. — Должен признаться, я ценю умеющих посмеяться над собой. Мне так часто самому приходится это делать.

— Это уж точно, — шепнул он в ответ, оглядываясь удостовериться, что никто не слушает. — Если не будешь следить за собой, вся эта слава вскружит голову. Слушай, ты не хочешь выпить чего-нибудь, прежде чем мы начнем?

— Только не это, — рассмеялся я. — Я хочу иметь ясную голову, когда мы вступим в бой.

— Как угодно, — пожал плечами он.

И прежде чем я успел еще что-нибудь сказать, он повернулся к толпе и снова повысил голос.

— Нельзя ли потише? — проревел он. — Мы тут собираемся сыграть в карты!

Словно по волшебству шум прекратился, и все глаза снова обратились в нашу сторону.

Я вдруг пожалел, что не согласился выпить.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кинь судьбу свою ветрам.
Л. Бернстайн

Стол нас ждал. Перед ним стояло только два стула, а на поверхности стола располагались две аккуратные стопки фишек.

Я пережил внезапный приступ страха, сообразив, что не знаю, какой стул стоит лицом к югу, но Ааз пришел мне на выручку. Выскочив из толпы, он отодвинул стул и поддержал его, предлагая мне сесть. Для толпы это выглядело как вежливый жест, но мои друзья поняли, что я чуть было не отклонился от правил, которые с таким трудом пытался запомнить.

— Карты! — приказал Малыш, протягивая руку, когда опустился на стул напротив меня.

В его руке материализовалась новенькая колода. Он стал изучать ее, словно бокал с вином: посмотрел на свет, чтобы удостовериться, цела ли обертка, даже понюхал печать, проверяя запах фабричного клея.

Удовлетворенный осмотром, он предложил колоду мне. Я улыбнулся и развел руки, показывая, что все в порядке. Черт возьми! Если он ничего не нашел, то уж я-то наверняка не замечу никакого шулерства.

Однако мой жест, казалось, произвел на него впечатление, и он, прежде чем вскрыть колоду, отвесил мне легкий поклон. Как только карты были извлечены из футляра, короткие и толстые пальцы Малыша как будто зажили самостоятельной жизнью. Быстрыми движениями они извлекли джокеров и отбросили их в сторону, а затем принялись снимать с колоды по две карты, одну сверху и одну снизу.

Наблюдая за этим процессом, я начал понимать, почему рукопожатие Малыша было таким мягким. Несмотря на свою величину, его пальцы, приступив к своей задаче, сделались изящными, тонкими и чувствительными. Эти руки принадлежали отнюдь не чернорабочему и даже не боксеру. Они существовали для выполнения только одной работы — обращения с колодами карт.

Теперь колода была вчерне перемешана. Малыш сгреб кучу карт, подровнял их, а затем несколько раз быстро перетасовал. Движения его были такими точными, что, когда он закончил, ему даже не пришлось снова подравнивать колоду — он просто поставил ее в центр стола.

— Тянем, кому сдавать? — спросил он.

Я повторил свой прежний жест.

— Я тебе уступаю.

Даже это, кажется, произвело впечатление на Малыша... и толпу. По залу прокатился шепоток — обсуждались плюсы и минусы моего шага. Правда же заключалась в том, что,

понаблюдав, как обращается с колодой Малыш, я стеснялся показывать свою позорно низкую квалификацию.

Он протянул руку к колоде, и карты снова ожили. С гипнотическим ритмом он принялся сдвигать колоду и перетасовывать карты, не переставая пристально глядеть на меня немигающими глазами. Я знал, что он давит мне на психику, но был бессилен бороться с этим.

— Для захода, скажем, по тысяче?

— Давай по пять тысяч, — парировал я.

Ритм сбился. Малыш почувствовал это и быстрым движением прикрыл колоду. Отставив на миг карты, он протянул руку к своим фишкам.

— Пусть будет пять тысяч, — согласился он, кидая пригоршню в центр стола. — И... мой фирменный знак.

За фишками в банк последовала белая мятная конфетка-холодок.

Я отсчитывал собственные фишки, и тут мне кое-что пришло в голову.

— Сколько это стоит? — спросил я, показывая на конфету.

Это удивило моего противника.

— Что? Мята? Грош пачка. Но тебе незачем...

Не успел он договорить, как я добавил к своим фишкам мелкую монету, толкнул все в центр стола, схватил его конфету и сунул ее в рот.

На этот раз публика действительно ахнула, прежде чем впасть в молчание. Несколько мгновений в зале не слышалось ни звука, кроме хрустящей у меня на зубах карамели. Я чуть не пожалел о своем дерзком шаге. Конфета оказалась невероятно крепкой.

Наконец Малыш усмехнулся.

— Понимаю. Хочешь съесть мое везение, да? Хорошо. Очень хорошо. Однако ты обнаружишь, что для того, чтобы справиться со мной, требуется нечто большее.

Говорил он веселым тоном, но глаза его потемнели, и тасовать карты он принялся более резко, даже как-то мстительно. Я понял, что добился успеха.

Я украдкой взглянул на Ааза, и тот лукаво подмигнул мне.

— Сдвинь!

Колода очутилась передо мной. Действуя с нарочитой беззаботностью, я сдвинул колоду примерно посередине, а затем откинулся на спинку стула. Хоть я и пытался принять небрежный вид, мысленно я скрестил пальцы рук и ног и все прочее, что поддавалось скрещиванию. Я изобрел собственную стратегию и ни с кем не обсуждал ее... даже с Ааазом. Теперь нам предстояло увидеть, как она сработает.

Одна карта... две карты... три карты перелетели ко мне через стол, рубашкой вверх. Они скользнули по столу и легли ровнехонько в ряд — еще один штрих к мастерству Малыша — и лежали там, словно готовые взорваться снаряды.

Я игнорировал их, ожидая следующую карту.

Она прибыла и, пролетев, остановилась рубашкой вниз, рядом с предыдущими. Это была семерка бубей, а себе Малыш сдал...

Десятку бубей. Десятку!

Правила зазвучали у меня в голове, словно навязчивая мелодия. Десятка в открытую означала, что моя семерка убита... ничего не стоит.

— Ну как, съел мое везение? — хохотнул Малыш. — Моя десятка пойдет за... пять тысяч.

— И пять сверху.

На этот раз толпа ахнула громче... возможно, потому, что к ней присоединились мои тренеры. Я услышал, как Ааз шумно прочистил горло, но не взглянул в его сторону. Малыш с нескрываемым удивлением воззрился на меня. Он явно ожидал, что я либо пасану, либо поддержу... потому что это было бы самым разумным в моей ситуации.

— Ты высоко ценишь эту убитую карту, — задумчиво проговорил он. — Ладно. Поддерживаю. Хороший банк.

Еще две карты проплыли по столу рубашкой вниз. Я получил десятку! Точнее — десятку треф. Это аннулировало его десятку и вновь оживляло мою семерку.

Малыш получил единорога червей. Дикая карта! Теперь у меня были десятка и семерка против его пары десяток.

Восхитительно.

— Не буду обманывать тебя, — улыбнулся мой противник. — Пара десяток стоит... двадцать тысяч.

— И двадцать сверху.

Улыбка Малыша растаяла. Он метнул быстрый взгляд на мои карты, а затем кивнул.

— Поддерживаю.

Никаких комментариев. Никакого подтрунивания. Я заставил его призадуматься.

В путь отправились следующие карты. В мой строй скользнула тройка червей. Убитая карта. В противовес ей Малыш получил...

Десятку червей!

Теперь я видел три десятки против моих десятки с семеркой! Моя решимость на мгновение поколебалась, но я снова подкрепил ее. Я зашел уже слишком далеко, чтобы теперь менять стратегию.

Малыш задумчиво глядел на меня.

— Полагаю, ты не пойдешь с этим на тридцать?

— Не только пойду, но и загну твои тридцать.

В зале послышались приглушенные восклицания зрителей, явно не веривших своим ушам... и еще кое-какие не столь приглушенные голоса. Некоторые из последних я узнал.

Малыш лишь покачал головой и без единого слова толкнул в банк положенное число фишек. Толпа замерла и вытянула шеи, стремясь увидеть следующие карты.

Мне — дракон пик, а Малышу — великан червей.

Никакой очевидной помощи ни тому, ни другому игроку... за исключением того, что у Малыша теперь имелись три открытые карты червей.

Несколько мгновений мы оба изучали карты друг друга.

— Признаться, я не могу вычислить, на что ты ставишь, Скив, — вздохнул мой противник. — Но этот расклад стоит пятьдесят.

— И пятьдесят сверху.

Вместо того чтобы ответить, Малыш откинулся на спинку стула и воззрился на меня.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — сказал он. — Либо я прозевал этот момент, либо ты еще и не смотрел свои темные карты.

— Совершенно верно.

Толпа снова зашепталась. Многие не уловили, что произошло.

— Значит, ты ставишь вслепую?

— Правильно.

— Да к тому же еще и поднимаешь.

Я кивнул.

— Чего-то не пойму. Как же ты собираешься выиграть?

Прежде чем ответить, я несколько секунд смотрел на Малыша, а внимание зала было полностью обращено на меня.

— Малыш, ты самый лучший игрок в драконий покер из всех, какие только есть. Ты потратил не один год, оттачивая свое умение, чтобы быть самым лучшим, и никакие события сегодняшнего вечера не изменят этого. Что же касается меня, то мне везет... если это можно назвать везением. Мне однажды повезло, и это в определенном смысле дало мне шанс сыграть сегодня с тобой. Вот поэтому я и ставлю так, как ставлю.

Малыш покачал головой.

— Может быть, я тугодум, но все еще не пойму.

— При долгой игре твое умение победит мое везение. Так всегда бывает. По моим расчетам, единственный мой шанс — это играть, ставя все на одну эту партию... идти ва-банк. Никакое умение не сможет изменить исхода одной партии. Тут все решает удача... и это ставит нас на одну доску.

Несколько долгих мгновений мой противник переваривал сказанное, а затем откинул голову и расхохотался.

— Это мне по душе! — гаркнул он. — Разыграть полумиллионный банк в одну партию. Скив, мне нравится твой стиль. Выиграю я или проиграю, но состязаться с тобой в остроумии — одно удовольствие.

— Спасибо, Малыш. Я чувствую то же самое.

— Но, между прочим, надо доиграть эту партию. Мне очень неприятно заставлять весь этот народ томиться в напряжении, когда мы уже знаем, как пойдут ставки.

Он смел в банк остальные свои фишки.

— Я поддерживаю твою ставку, а ты ее в ответ увеличиваешь... тридцать пять. Это вся сумма.

— Согласен, — сказал я, толкая свои фишки в банк.

— А теперь посмотрим, что нам досталось, — подмигнул он, протягивая руку к колоде.

Двойка бубей мне... восьмерка треф Малышу... а потом каждому еще по карте втемную.

Толпа качнулась вперед, когда мой противник взглянул на свою последнюю карту.

— Скив, — почти с сожалением произнес он. — У тебя тут была интересная стратегия, но мой расклад силен... действительно силен.

Он перевернул две свои карты.

— Полный дом с драконами... каре великанов и пара десяток.

— Хороший расклад, — признал я.

— Да. Верно. А теперь давай посмотрим, что досталось тебе.

С максимальным самообладанием, на какое был способен, я перевернул свои темные карты.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вы что, шуток не понимаете!
Т. Уленшпигель

Когда мы ввалились в дверь, Маша на мгновение оторвалась от книги и коробки с шоколадом.

— Быстро вы, — заметила она. — Как прошла игра?

— Привет, Маша. Где Клади?

— Наверху, у себя в спальне. После того как она второй раз попыталась ускользнуть, я отправила ее спать и заняла сторожевой пост здесь, у двери. Так как игра?

— Ну, я все равно скажу, что ты был не прав, — пробурчал Ааз. — Из всех идиотских выходок, какие ты мог выкинуть...

— Брось, партнер. Сделанного ведь не воротишь. Согласен? Ты просто злишься, потому что я не посоветовался сперва с тобой.

— Это самое малое из...

— КТО-НИБУДЬ СКАЖЕТ МНЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО?

— Что? О, извини, Маша. Я выиграл. Ааз же расстроен потому, что...

Меня внезапно сгребли в могучие объятия и поцеловали — так моя ученица выразила свой восторг, услышав эту новость.

— Это точно, выиграл. Выиграл в одну партию, — усмехнулась Тананда. — Никогда не видела ничего подобного.

— Три единорога и шестерка треф в темных картах, — бушевал Ааз. — Три дикие карты, а если применить к семерке бубей правило смены масти раз за вечер, то это дает...

— Флешь-чертов-рояль! — пропел Корреш. — И он у нас побил полный дом с драконом Малыша и сгреб самый большой банк, какой когда-либо видели на Базаре.

— Я знала, что ты сумеешь победить, папочка! — завизжала, появляясь из своего укрытия на лестнице, Клади.

Вот и отправляй ее спать пораньше.

— Жалко, что ты не видела лица Малыша, Маша, — весело продолжал тролль. — Держу пари, ему теперь нужны не мятные конфетки, а что-нибудь от язвы желудка.

— А видела бы ты толпу. Об этом событии будут говорить не один год!

Маша наконец отпустила меня и подняла руку.

— Погодите! Минуточку! У меня такое чувство, словно я что-то недопоняла. Шеф выиграл. Правильно? В смысле ушел и унес все бабки?

Брат с сестрой энергично закивали. Я же просто пытался привести в норму свое дыхание.

— Так почему же тогда зеленый и чешуйчатый дышит огнем? На мой взгляд, ему в пору дирижировать криками болельщиков.

— ПОТОМУ ЧТО ОН ОТДАЛ ДЕНЬГИ! ВОТ ПОЧЕМУ!

— Да. Тогда все понятно, — задумчиво кивнула Маша.

— Брось, Ааз! Я не отдавал их.

Я и раньше замечал, что, когда на тебя нападают, дыхание восстанавливается гораздо быстрее.

— Стоп! Подождите! — встала между нами моя ученица. — Прежде чем вы снова приметесь ругаться, поговорите с Машей. Вспомните, меня там не было.

— Ну, после игры мы с Малышом потолковали между собой. На самом-то деле он славный парень, и когда я обнаружил, что он ставил на кон практически все свои деньги...

— Это он так изложил, — фыркнул Ааз. — Я думаю, он ломал комедию, добиваясь нашего сочувствия.

— ...то призадумался. Я приложил немало сил, чтобы при любом исходе игры не пострадала ничья репутация — ни моя, ни Малыша. Короче говоря, я хотел бы выйти из круга мастеров драконьего покера и предоставить ему самому возиться со всеми рвущимися в чемпионы...

— С этим-то я вполне согласен.

— Ааз! Дай ему рассказать!

— ...но он не сможет продолжать играть, если разорится, а это, в свою очередь, сделает меня мишенью для подающих надежды претендентов. Вот поэтому я и позволил ему оставить *у себя* проигранные четверть миллиона...

— Вот видишь! ВИДИШЬ! Что я тебе говорил?

— ...в качестве ЗАЙМА, на ставки в будущих играх...

— Когда я узнал, что он... Займа?

Я усмехнулся моему партнеру.

— Угу. В смысле «заставить деньги работать, вместо того чтобы их копить» — идея, которую ты, по-моему, счел очень

интересной, когда ее впервые тут высказали. Конечно, ты уже успел нагородить опрометчивых обвинений, не дослушав меня до конца.

Сарказм, который я сумел вложить в тон своего голоса, не дошел до Ааза, и неудивительно, если учесть, что мы говорили о деньгах.

— Заем, да? — задумчиво произнес он. — На каких условиях?

— Скажи ему, Банни.

— БАННИ?

— Эй, вспомни, тебя же там не было! Я решил посмотреть, что сможет сделать наш бухгалтер. Банни?

— Ну, раньше мне никогда не ставили задачу финансировать ставки, потому пришлось действовать на ощупь. Но, мне кажется, я устроила нам очень хорошее кредитное соглашение.

— Согласно которому...

— До тех пор, пока Малыш не расплатится с нами... а расплатиться он должен полностью и сразу, без всяких частичных выплат, мы получаем половину его выигрышей.

— Хм-м-м, — промычал мой партнер. — Неплохо.

— Если вы можете придумать еще что-нибудь, что мне следовало запросить, то я готова выслушать ваши...

— Если бы он мог еще что-нибудь придумать, — подмигнул я ей, — то можешь мне поверить, он бы уже проревел об этом. Ты действовала отлично, Банни.

— Я рада. Спасибо, Скив.

— А теперь, если кто-нибудь будет так любезен откупорить вино, то я испытываю желание отпраздновать победу.

— Вы, конечно, понимаете, босс, что теперь очень многим известно о куче наличных у вас на руках, — начал, подбираясь поближе ко мне, Гвидо. — Как только вернется Нунцио, я думаю, мне лучше будет позаботиться об ужесточении мер безопасности в доме. Понимаете, что я имею в виду?

— А где, собственно, Нунцио? — посмотрела по сторонам Маша.

— Он скоро будет, — улыбнулся я. — После игры я дал ему одно небольшое поручение.

— Ну, за тебя, Скив! — воскликнул Корреш, широким жестом поднимая кубок. — Все мы боялись за твою репутацию после матча с Малышом, но теперь, осмелюсь сказать, она куда прочнее, чем прежде.

— Совершенно верно, — хихикнула его сестра. — Интересно, что думает о случившемся Топор?

Вот такой реплики я и дожидался. Набрав в грудь побольше воздуху и выпив еще вина, я принял самый непринужденный вид.

— А зачем утруждать себя гаданием, Тананда? Почему бы не спросить прямо?

— Что-что, Скив?

— Я сказал, почему бы не спросить Топора прямо. В конце концов, она сейчас здесь.

Веселое настроение исчезло в мгновение ока, и все уставились на меня.

— Партнер, — проворчал Ааз. — Я думал, мы уже разобрались со всем этим, когда поговорили с Доном Брюсом.

Я оборвал его взмахом руки.

— Вообще-то мне и самому любопытно узнать, что думает Топор. Почему бы тебе не сказать нам... Клади?

Моя юная подопечная заерзала под нашим общим взглядом.

— Но, папочка... я не... ты... о черт! Ты это вычислил, да?

— Угу, — кивнул я, не испытывая никакого торжества.

Она тяжело вздохнула.

— А, ладно. Все равно я и так собиралась сдаться. Я лишь надеялась, что мне удастся сыграть отступление, прежде чем рухнет моя легенда. Если не возражаете, я хотела бы теперь тоже попробовать этого вина.

— Наливай.

— КЛАДИ?!

Ааз наконец достаточно оправился, чтобы издать звук. Конечно, у него это получилось рефлекторно. Другие все еще мучились немотой.

— Пусть тебя не обманывает эта внешность девочки, — подмигнула Клади. — Народ в моем измерении невысокий и субтильный. В правильно подобранной одежде легко казаться моложе, чем ты есть на самом деле... намного моложе.

— Но... но...

— Подумай немного, Ааз, — сказал я. — Все необходимое ты узрел в первый же день. Дети, особенно девочки, в лучшем случае — помеха, в худшем же — беда. Весь фокус в том, что ты ожидаешь от них беды и поэтому даже не рассматриваешь возможность того, что их действия могут быть умышленными и спланированными.

Я остановился, чтобы отпить вина, и на сей раз никто не перебил меня вопросом.

— Если оглянуться на все, что тут произошло, то большинство возникших у нас трудностей прямо или косвенно связано с Клади. Она сболтнула про Банни у меня в постели, чтобы расстроить Тананду, а когда это не сработало, отпустила несколько злых насмешек насчет ее житья здесь задаром, что заставило Тананду подумать об уходе... точно так же намеренно она выставила Машу неумехой в разгар урока магии, чтобы побудить ее уйти.

— И это, между прочим, почти сработало, — задумчиво заметила моя ученица.

— Происшествие на Базаре тоже не было случайным, — продолжал я. — Ей требовалось всего-навсего дождаться подходящего случая и притвориться разозленной, чтобы мы не заподозрили, будто она устроила этот погром намеренно. Если ты помнишь, она даже пыталась убедить меня, что мне незачем учиться играть в драконий покер.

— Конечно, — вставила Клади, — это не так-то легко сделать, когда тебя считают ребенком.

— Самой важной уликой стал Глип. Я сначала думал, что он пытается защитить меня от Банни, но в действительности он целил в Клади. Я не перестаю вам всем твердить, что он умнее, чем кажется.

— Напомни мне извиниться перед твоим драконом, — буркнул Ааз, все еще глядя во все глаза на Клади.

— План был хороший, — вздохнула она. — В девяноста девяти случаях из ста он бы сработал. Беда в том, что все недооценили тебя, Скив... тебя и твоих друзей. Я думала, у тебя не хватит денег расплатиться с раздраженными купцами после того, как я пустила на ветер их добро, но твои друзья...

Она медленно покачала головой.

— Обычно, если проходит слух, что я взялась за дело, то дальше для меня все просто. Товарищей, коллег и партнеров жертвы как ветром сдувает. Ничто их не заставит остаться под перекрестным огнем или вернуться. Для торпедирования чьей-то карьеры нужно прежде всего отрезать жертву от группы поддержки.

Она подняла кубок, как бы провозглашая тост в мою честь.

— Твои друзья не сбегут... или если сбегут, то тут же вернутся, как только услышат, что ты в беде. Вот тогда у меня и начали закрадываться сомнения по части этого задания. Да, бывают карьеры, которые невозможно погубить, и думаю, твоя карьера относится к их числу. Можешь считать это комплиментом... во всяком случае, мне бы так хотелось. Вот потому я и собиралась играть отбой. Я поняла, что на этот раз у меня просто душа не лежит к моей работе.

Она поставила кубок и встала.

— Ну, вроде все. Теперь я подымусь наверх и соберу вещи. Предлагаю заключить соглашение. Если вы все пообещаете никому не рассказывать подробностей о знаменитом Топоре, то я распространю слух о твоей непобедимости и о том, что тебе даже Топор не может подставить ножку. Идет?

Глядя, как она выходит из комнаты, я с некоторым удивлением понял, что мне будет ее не хватать. Несмотря на все сказанное Аазом, все-таки приятно иметь в доме ребенка.

— Вот так, значит? — нахмурился мой партнер. — Ты намерен позволить ей просто так уйти?

— Ее мишенью был я. На мой взгляд, это мое право. Кроме того, она не причинила мне никакого серьезного вреда. Как только что заметил Корреш, наша репутация с ее появлением только укрепилась.

— Если не считать того, что нам еще придется заплатить за погром на Базаре.

На сей раз, когда дело дошло до денег, я знал, что сказать моему партнеру.

— Я об этом не забыл, Ааз. И даже придумал, как возместить эти убытки из другого источника. Видишь ли, последней подсказкой мне послужили... подожди. А вот и они.

В прихожую как раз входил Нунцио, волоча за собой Живоглота.

— Здравствуй, Скив, — выдавил из себя девол, извиваясь в крепких руках моего телохранителя. — Твой, э, сотрудник говорит, что ты хотел меня видеть?

— Он попытался ускользнуть, когда я ему это сказал, босс, — пропищал Нунцио. — Потому я так и задержался.

— Привет, Живоглот, — промурлыкал я. — Присаживайся. Я хочу немного поболтать с тобой о карточной игре.

— Да брось, Скив. Я ведь уже сказал тебе...

— Сядь!

Живоглот упал в указанное кресло, словно сила тяготения внезапно утроилась. Я старался говорить тем же тоном, что и Нунцио, когда демонстрировал укрощение дракона. И этот тон подействовал.

— Живоглот хочет рассказать о том, — объяснил я, поворачиваясь к Аазу, — как сегодня перед игрой он предупредил меня, что я не чета Малышу, и попросил не питать к нему никаких недобрых чувств... и что, мол, эта игра с Малышом — не его затея.

— Совершенно верно, — вмешался девол. — Просто пошел гулять слух и...

— Мне, однако, стало любопытно, а откуда он-то узнал, что я ничего не смыслю в драконьем покере? — Я улыбнул-

ся Живоглоту, пытаясь показать все свои зубы так, как это делает Ааз. — Видишь ли, я хочу поговорить не о сегодняшней игре. Я надеялся, что ты сможешь немного просветить нас насчет *другой* игры... ну, той, где я, так сказать, выиграл Клади?

Девол нервно огляделся, натыкаясь взглядом на хмурые лица собравшихся.

— Я... я не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Позволь мне облегчить тебе задачу. Я уже понял, что в той игре наверняка не обошлось без шулерства. Только так ты мог узнать, какой я слабый игрок в драконий покер. Ты каким-то образом подбрасывал мне нужные карты, чтобы я наверняка крупно выиграл, достаточно крупно, чтобы включить в выигрыш Клади. Мне просто любопытно, как это можно сделать, не прибегая к магии или телепатии.

Живоглот съежился в своем кресле и как будто даже стал меньше. Когда он заговорил, голос его звучал так тихо, что мы едва его слышали.

— Крапленые карты, — признался он.

Тишина была взорвана.

— КРАПЛЕНЫЕ КАРТЫ???

— Но как...

— Разве это не...

Я махнул рукой, прося помолчать.

— Это имеет смысл. Подумайте, — обратился я ко всем, — а еще лучше вспомните о нашем путешествии на Лимбо и то, как там было трудно замаскироваться, не прибегая к магии. На Базаре все настолько привыкли к магическим штучкам, что забывают о существовании немагических способов делать то же самое... вроде накладных бород или крапленых карт.

Живоглот теперь поднялся на ноги.

— Ты не можешь ставить мне это в вину! Ну, допустим, заплатил мне некто за обеспечение твоего выигрыша. Черт возьми, на мой взгляд, ты должен быть доволен. В итоге-то ты с прибылью, не так ли? Из-за чего же тут злиться?

— Держу пари, если я очень постараюсь, то смогу что-нибудь придумать.

— Слушай, если ты хочешь мести, то считай, что уже отомстил. Сегодня вечером я потерял целое состояние, ставя против тебя. Ты жаждешь крови? Так я истекаю ею!

Девол заметно вспотел. Впрочем, почему-то он всегда немного нервничал, находясь рядом со мной.

— Успокойся, Живоглот. Я не собираюсь причинять тебе вреда. Если я что и сделаю, так это помогу тебе... как ты помог мне.

— Да? — с подозрением переспросил он.

— Ты сказал, что у тебя трудности с наличными. Мы это исправим.

— Что?!! — взревел Ааз, но Тананда ткнула его в ребра, и он впал в мрачное молчание.

— Банни?

— Да, Скив?

— Я хочу, чтобы ты завтра перво-наперво сбегала в «Равные шансы». Посмотри бухгалтерские книги, проведи инвентаризацию и подсчитай, сколько по максимуму может стоить это заведение...

Девол моргнул.

— Мой клуб? Но я...

— ...а потом набросай нам соглашение на предмет освобождения от этой обузы Живоглота... за половину выведенной тобой цены.

— Что?!! — завопил, забыв о страхе, девол. — Почему это я буду продавать свой клуб за...

— ...большую сумму, чем он будет стоить, если пойдет гулять слух о твоем шулерстве? — закончил я за него. — Потому что ты прожженный делец, Живоглот. Кроме того, тебе нужны деньги. Верно?

Живоглот с трудом сглотнул, а затем провел языком по губам, прежде чем ответить.

— Верно.

— Чего-чего, Живоглот? — нахмурился Ааз. — Я тебя не совсем расслышал.

— Я расслышал, — твердо сказал я. — Ну, не смеем тебя больше задерживать, Живоглот. Я знаю, ты хотел бы вернуться в клуб и немного прибраться. Иначе нам придется сократить сумму, в которую мы его оценим.

Девол хотел было что-то прорычать, потом счел, что лучше не стоит, и скрылся в ночи.

— Как по-твоему, партнер, этого хватит на возмещение ущерба? — невинно осведомился я.

— Скив, иногда ты меня изумляешь, — поднял в мою честь кубок Ааз. — Теперь, если больше нет никаких сюрпризов, я готов отпраздновать победу.

Это было соблазнительно, но я находился на гребне волны и не хотел упускать такого момента.

— Есть еще одно дело, — объявил я. — Теперь, когда мы разобрались с Топором и Малышом, думаю, нам следует заняться более важной проблемой... пока вы все здесь.

— Более важной проблемой? — нахмурился мой партнер. — Что еще за проблема?

Я глубоко вздохнул.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Так что же тут нового?
У. Кронкайт

Вся команда неотрывно глядела на меня, когда я перекатывал в руках кубок с вином, пытаясь решить, с чего начать.

— Во время этого последнего кризиса вам могло показаться, что я думаю о чем-то не о том, — начал я в конце концов. — Это действительно так. Я размышлял над одной проблемой, которую раньше не замечал... Это очень важная

проблема. Настолько важная, что все остальное мне кажется гораздо менее важным.

— О чем это ты, партнер? — нахмурился Ааз. — Я ничего такого не заметил.

— Ты сам это только что сказал, Ааз. Ключевое слово тут «партнер». Для нас-то с тобой дела обстоят очень даже неплохо, но мы в этом доме не одни. Когда мы говорили с Корреше и он сказал, что его жизнь — не забавы и развлечения, мне потребовалось некоторое время на разгадку, но в конце концов я понял, в чем дело.

Я посмотрел на тролля.

— Дела у тебя, что ли, идут неважно, Корреш?

— Ну, я не люблю жаловаться...

— Я знаю, но, может быть, иной раз и следовало бы. Раньше я никогда не задумывался об этом, но с тех пор, как ты переехал к нам, тебе перепадало все меньше и меньше заданий, так ведь?

— Это правда, Корреш? — обратился к нему Ааз. — А я как-то не замечал...

— Да никто не замечал, Ааз, потому что внимание всегда было сосредоточено на нас. Команда Ааз—Скив шла впереди всех и вся. Мы были настолько заняты тем, чтобы соответствовать образу больших шишек, что позабыли о делах наших коллег — тех, кому мы в немалой степени обязаны своим успехом.

— Да брось ты, старина Скив, — принужденно засмеялся Корреш. — Тут ты, по-моему, слегка преувеличиваешь.

— Разве? У тебя дела идут неважно, у Тананды тоже. Мне очень неприятно это говорить, но она была права, когда ушла: мы душим ее нашей нынешней организацией дел. Гвидо и Нунцио из кожи вон лезут, стараясь быть супертелохранителями, потому что боятся, как бы мы не решили, что в общем-то не нуждаемся в их услугах, и не выставили их вон. Даже Маша считает себя бесполезным членом команды. Банни у нас самая новенькая, но и она пыталась втолковать мне, что

может быть нам полезна только в качестве приятного дополнения!

— После сегодняшнего вечера, Скив, я несколько иначе на это смотрю, — поправила меня Банни. — Я уже провела переговоры с Малышом, теперь мне предстоит оценить «Равные шансы», так что, похоже, я смогу сделать для вас кое-что помимо страстных вздохов.

— Именно! — кивнул я. — Все это и дает мне смелость предложить придуманный мною план.

— План? Какой план?

— Я и хотел поговорить с тобой, Ааз. Хотя нет, я хотел поговорить со всеми вами. В этом доме мы имеем дело не совсем с партнерством... у нас тут фирма. Все здесь присутствующие вносят свой вклад в успех нашей группы в целом, и, мне кажется, нам теперь самое время перестроить нашу организацию, чтобы она всему этому соответствовала. Нам на самом деле нужна система, при которой каждый из нас будет иметь право высказывать свое мнение о происходящем и голосовать за то или иное решение. Тогда клиенты смогут обращаться к нам как к группе, а мы — назначать цены, распределять задания или субподряды и участвовать в прибылях тоже как группа. Такое вот у меня предложение, уж не знаю, чего оно стоит. Что скажете?

Молчание все затягивалось и затягивалось, и я уже начал гадать, не пытаются ли они придумать, как бы потактичней внушить мне мысль подлечиться.

— Не знаю, Скив, — проговорил наконец Ааз.

— Что тебя смущает? — поинтересовался я.

— Не знаю, как нам следует назваться. Корпорация «Магия» или компания с ограниченной ответственностью «Хаос».

— Первое уже использовано*, — возразила Тананда. — И кроме того, по-моему, название должно быть покруче и построже.

* В повести Хайнлайна «Уолдо».

— В таком случае клиенты будут удивлены, когда познакомятся с нами поближе, понимаете, что я имею в виду? — вступил в разговор Гвидо. — Сами-то мы не больно круты и строги.

Я откинулся на спинку стула и глубоко вздохнул. Если это единственная их забота, то мою идею по крайней мере сочли достойной рассмотрения.

Маша поймала мой взгляд и подмигнула.

В ответ я уже с легким сердцем поднял кубок.

— Эта фирма принимает новых кандидатов?

Мы все обернулись и обнаружили в дверях Клади с чемоданом в руке.

— Думаю, мне незачем говорить вам о моей квалификации, — продолжила она, — но я восхищаюсь вашей группой и гордилась бы участием в ее делах.

Члены команды переглянулись.

— Ну, Клади...

— Ничего не понимаю...

— Остуди сперва духов начал...

— А ты что думаешь, Скив? — обратился ко мне Ааз. — Это ведь ты у нас силен рекрутировать бывших врагов.

— Нет, — твердо сказал я.

Все снова воззрились на меня.

— Извините, что выступаю так авторитарно сразу же после того, как сам же ратовал за право голоса каждого в решении дел, — продолжал я, — но если примут Клади, я выхожу.

— В чем дело, Скив? — нахмурилась Клади. — Я думала, у нас теперь нормальные отношения.

— Это так, — кивнул я. — Я не злюсь на тебя. Я не буду мешать твоей карьере, или бить тебя, или таить обиду. Ты только выполняла свою работу.

Я поднял голову, и наши взгляды встретились.

— Просто я не могу свыкнуться с тем, как ты работаешь, вот и все. Ты говоришь, что восхищаешься нашей группой, так вот, фундамент, на котором она держится, это доверие. А

твой способ действий — завоевать доверие, а потом злоупотребить им. Даже если ты останешься нам верна, я не хотел бы иметь дело с тобой — с той, кто считает, что из этого можно получить прибыль.

Тут я остановился, но никто не возразил мне.

Клади подняла свой чемодан и направилась к двери. Однако в последний момент она обернулась ко мне, и я разглядел в ее глазах слезы.

— Я не могу спорить с тем, что ты говоришь, Скив, — сказала она, — но я предпочла бы скорее, чтобы ты меня стукнул и разрешил присоединиться.

Когда она выходила, царило полное молчание.

— Эта барышня подняла законный вопрос, — сказал наконец Корреш. — Какую мы займем позицию в вопросе о новых членах?

— Если мы открыты для приема, то я хотела бы представить на рассмотрение кандидатуру Вика, — вмешалась Маша.

— Сперва нам следует решить, а нужен ли нам еще кто-то, — заметила Тананда.

— С этим связан еще один серьезный вопрос — о работающих по временным договорам и эксклюзивным контрактам, — высказал свое мнение Нунцио. — По-моему, уравниловка никогда не срабатывает.

— Я как раз набрасываю план именно по этому пункту, Нунцио, — помахала исчерканной салфеткой Банни. — Если вы потерпите несколько минут, я смогу кое-что предложить официально.

Как ни интересовало меня происходящее обсуждение, мне было трудно сосредоточиться на том, о чем они говорили. У меня почему-то не выходила из головы Клади.

Конечно, я был с ней резок, но что мне оставалось? Если собираешься заправлять каким-то делом или командой, то надо придерживаться каких-то принципов. Тут нет места для сентиментальности. Я, разумеется, поступил правильно. Разумеется?

Корпорация М.И.Ф. — связующее звено

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мелкая преступность — бич сегодняшнего бизнеса.

Д. Лорин

Наша новая контора действительно нравилась мне больше, чем прежняя. Хотя Ааз упорно настаивал на сохранении «Равных шансов» в качестве бара (читай — прибыльного предприятия), многие из нас возражали и аргументировали это тем, что раз уж мы обзавелись лишним зданием, то лучше переделать его в контору, чем продолжать наживаться на своем доме. В самом деле, кому нужны эти толпы посторонних, слоняющихся туда-сюда, мешающих твоей личной жизни? Что, мало у нас было неприятностей, связанных со всем этим? Так вот, именно воспоминания о них и убедили наконец моего старого наставника согласиться с нашим планом.

Конечно, перестройка оказалась куда заковыристей, чем я ожидал, и это при том, что я подрядил на плотницкие работы одну из местных религиозных общин. Их дешевая рабочая сила обошлась нам дороже, чем я предполагал, а уж в какое время они предпочитали трудиться... Но я отвлекся.

У меня теперь был большой, площадью в целых девять ярдов, кабинет с письменным столом, корзиной для бумаг, дневным графиком работающих и креслами для посетителей. Он мне очень нравился. А не нравилось мне доставшееся вместе с ним звание... а именно звание президента.

Совершенно верно. Все утверждали, что раз корпорация нашей веселой шайки — моя идея, то логично меня и выбрать официальным ее главой. Даже Ааз предал меня, провозгласив бредовое предложение отличной мыслью, хотя наверняка при этом скрывал ухмылку. Если бы я знал, куда на сей раз заведет меня моя же инициатива, то уж, поверьте, держал бы язык за зубами.

Не поймите меня неправильно, команда у нас великолепная! Возглавлять такую — одно удовольствие, не думаю, чтобы нашлась более приятная, более верная компания, чем моя нынешняя. Конечно, тут мне могут и возразить. Троллина, тролль, два гангстера, сомнительного вида девица и извращенец... простите, изверг... тяжеловесная женщина-вамп и малолетний дракон — с точки зрения ординарной личности не совсем идеальная команда. Мне они, во всяком случае, таковыми не показались при первом знакомстве. И все же на протяжении многих лет они неизменно меня поддерживали, и вместе мы добились впечатляющих успехов. Нет, я предпочитаю держаться старой, пусть даже и странной, гоп-компании, чем доверять свою судьбу кому-то еще, пусть даже мастеру своего дела.

Раздражает меня не команда... звание. Короче, сколько себя помню, всегда думал, что быть лидером — это все равно что ходить с нарисованным на спине большим кругом мишени. Приходится отвечать за уйму людей, а не только за себя. Если что-то выходит не так, виноват в конечном итоге ты. Даже если напортачил кто-то другой, все равно ты, лидер, в ответе. А если все выходит как надо, опять-таки чувствуешь себя виноватым, но уже оттого, что тебе ставят в заслугу сделанное кем-то другим. В общем и целом пост этот кажется мне невыигрышным и неблагодарным, и я охотно предпочел бы передоверить его кому-нибудь еще, пока сам развлекаюсь на оперативной работе. К несчастью, все прочие тоже, кажется, придерживаются в основном того же мнения, просто я по неопытности оказался менее изобретательным в придумыва-

нии причин уклониться от этой чести. В результате чего и стал президентом корпорации М.И.Ф. (то есть Молодые Искоренители Фатальностей. Не вините меня. Название придумал не я) — ассоциации магов и спасателей, посвятивших себя одновременно двум целям: помощи другим и добыванию денег.

Стартовой площадкой нам служил Базар-на-Деве, хорошо известное место встреч для заключения магических сделок, расположенное на перекрестке разных измерений. Как нетрудно себе представить, работы в подобной среде всегда хватает.

Утром, едва я приступил к делам, раздался легкий стук в дверь, и Банни сунула голову в кабинет.

— Занят, босс?

— Ну...

Она исчезла прежде, чем я сумел до конца сформулировать туманный ответ. Ничего необычного. Банни была при мне секретаршей и всегда знала больше моего о текущих делах. Вопросы о занятости задавались ею скорее из вежливости или чтобы убедиться в моей готовности принять очередного клиента.

— Великий Скив примет вас, — пригласила она величественным жестом своего подопечного. — На будущее я предложила бы вам договариваться о встрече заранее, тогда вам не придется ждать.

Приглашенный Банни девол оказался довольно скользким типом даже для девола. Его ярко-красную кожу покрывали нездорового вида розовые пятна, а лицо искажала постоянная хищная гримаса, и когда Банни покинула помещение, он направил свой плотоядный взгляд ей вслед.

Ну, нельзя отрицать, что Банни — одна из наиболее привлекательных женщин, когда-либо встречавшихся мне, но этот фраер уделял ей прямо-таки нездоровое внимание. Я с усилием попытался унять нарастающую неприязнь к этому дево-

лу. Клиент есть клиент, и мы взялись помогать попавшим в беду, а не выносить о них моральные суждения.

— Чем могу помочь? — осведомился я, стараясь сохранять вежливость.

Это вернуло внимание девола ко мне, и он протянул мне через стол руку.

— Так вы и есть Великий Скив, да? Рад с вами познакомиться. Слышал немало хорошего о вашей работе. А у вас и правда здорово все устроено. Особенно мне понравилась та штучка, что работает секретаршей. Может, даже попытаюсь сманить ее у вас. У этой девушки явно выдающийся талант.

Глядя на его плотоядный оскал и подмигивание, я как-то не смог заставить себя пожать протянутую руку.

— Банни — моя помощница по административной части, — осторожно заметил я. — А кроме того, служит маклером нашей фирмы. И своего положения она добилась благодаря умению, а не внешности.

— Да уж, — снова подмигнул девол. — Хотел бы я как-нибудь вкусить ее умения.

Это послужило последней каплей.

— Почему бы не попробовать прямо сейчас? — улыбнулся я, а затем слегка повысил голос: — Банни! Не могла бы ты зайти сюда на минутку?

Она появилась почти сразу же и, не обращая внимания на плотоядный взгляд девола, двинулась к столу.

— Да, босс?

— Банни, ты забыла дать мне краткую справку об этом клиенте. Кто он?

Она выгнула бровь и покосилась на девола. Мы нечасто устраиваем такие брифинги перед клиентами. Наши взгляды снова встретились, и я легким кивком подтвердил свою просьбу.

— Его зовут Гиббель, — пожала плечами она. — Он известен как приказчик в лавке — здесь, на Базаре, — торгующей мелкими магическими новинками. Его ежегодный доход скромен и выражается только шестизначной цифрой.

— Эге! Весьма неплохо, — усмехнулся девол.

Банни продолжала, словно не слыша:

— Он также является тайным владельцем трех других предприятий и совладельцем еще дюжины. Наиболее известна магическая фабрика, снабжающая товарами это и другие измерения. Она расположена в субизмерении, куда можно попасть через кабинет в его лавке, и на ней занято несколько сотен рабочих. Приблизительный ежегодный доход с одной только этой фабрики выражается уже семизначной цифрой.

Девол быстро перестал плотоядно на нее пялиться.

— Откуда вы все это знаете? — возмутился он. — Ведь это считается тайной!

— Он также мнит себя большим сердцеедом, но в поддержку его претензий почти нет никаких свидетельств. Спутницы, с которыми его видели в обществе, сопровождали его за плату, и ни одна не выдержала больше недели. Кажется, они считают деньги недостаточной платой за необходимость выносить его отталкивающую личность. В еде он питает слабость к капусте брокколи.

Я нейтрально улыбнулся развенчанному деволу:

— ...Вот благодаря *этому* умению, сэр, Банни и заслужила свое место. Ну и как, вам понравилось?

— Она не права насчет брокколи, — слабо отозвался Гиббель. — Я терпеть не могу брокколи.

Я посмотрел на Банни, подняв бровь, и моя помощница подмигнула в ответ.

— Возьмем на заметку, — сказала она. — Есть еще что-нибудь, босс?

— Не уходи, Банни. Мне, вероятно, понадобится твоя помощь, когда придется назвать господину Гиббелю цены за наши услуги. Если он, конечно, соберется сообщить нам, в чем его беда.

Это вывело девола из транса.

— Да-да, разумеется! Барышня Банни была совершенно права, когда сказала, что магическая фабрика — лучшее мое

владение. Беда в том, что кто-то нагло меня обворовывает! Я теряю целое состояние из-за постоянных мелких краж!

— Какой процент недостачи? — мигом стала внимательной Банни.

— Поднимается к четырнадцати... с шести в прошлом году.

— Вы говорите о розничной цене продукции или о себестоимости?

— О себестоимости.

— И каков общий объем ваших потерь?

— До восьми процентов. Они точно знают, какие товары таскать... маленькие, но дорогие.

Я откинулся на спинку кресла и постарался принять умный вид. Где-то на втором этапе разговора я совершенно потерял нить их беседы, но Банни, кажется, знала, что делала, и поэтому я предоставил инициативу ей.

— Все, кого я отправлял расследовать это дело, немедленно причислялись к шпионам, им не давали даже присесть, — жаловался Гиббель. — Так вот, до меня дошли слухи, что у вашей команды есть кое-какие связи с организованной преступностью, и я счел...

Он дал своему голосу сорваться, а затем пожал плечами, словно стеснялся довести эту мысль до конца.

Банни посмотрела на меня, и я без труда догадался, что она пытается спрятать улыбку. Она была племянницей Дона Брюса, легендарного крестного отца Синдиката, и всегда забавлялась, сталкиваясь с почти суеверным страхом, испытываемым посторонними к организации ее дяди.

— Думается, мы сможем вам помочь, — осторожно сказал я. — Конечно, это будет стоить денег.

— Сколько? — встрепенулся девол, приступая к тому, что известно по всем измерениям как специальность деволов... к торговле.

В ответ Банни что-то быстро нацарапала в своем блокноте, а затем вырвала листок и вручила Гиббелю.

Девол взглянул на него и побледнел до светло-розового.

— ЧТО! Это же грабеж средь бела дня!

— Если учесть, чего стоят вам потери, то нет, — любезно ответила Банни. — Вот что я вам скажу. Если хотите, мы возьмем небольшую долю... скажем, полпроцента от стоимости сбереженной от краж продукции фабрики с той минуты, как приступим к делу?

Гиббель за несколько секунд из розового стал вулканически-красным.

— Ладно! Согласен... на первоначальное предложение!

Я слегка кивнул:

— Прекрасно. Я немедленно поручу дело паре агентов.

— Минутку! Выходит, я плачу такую цену вовсе не за услуги главного специалиста? Вы что же это пытаетесь тут провернуть? Я хочу...

— Великий Скив стоит за всеми контрактами корпорации М.И.Ф., — перебила его Банни. — Если желаете заключить контракт на его личные услуги, то цена будет существенно выше... скажем — контрольный пакет.

— Ладно-ладно! Понял! — поспешно отступил девол. — Присылайте своих агентов. Просто надо им быть лучшими, вот и все. При таких расценках я ожидаю соответствующих результатов!

И с этими словами он вышел из кабинета, хлопнув дверью и оставив меня наедине с Банни.

— А сколько же ты ему поставила в счет?

— Всего лишь обычный наш гонорар.

— В самом деле?

— Ну... добавила немного сверху, потому как он мне не понравился. Есть возражения?

— Нет. Просто любопытно, вот и все.

— Слушай, босс. Ты не против подключить к этому заданию меня? Времени оно много занять не должно, а этот субъект вызвал у меня любопытство.

— Идет... но не главным оперативником. Я хочу всегда иметь возможность вытянуть тебя обратно, если дела в кон-

торе вконец запутаются. Парадом пусть командует твой напарник.

— Никаких проблем. И кто им будет?

Я откинулся на спинку кресла и улыбнулся.

— Неужели не догадываешься? Клиент хочет организованную преступность — он и получит организованную преступность!

РАССКАЗ ГВИДО

— Гвидо, ты уверен, что правильно понял инструкции?

Это Банни говорит. Босс по какой-то причине решил меня порадовать на этом задании ее обществом. Ну, я не прочь, тем более что Банни просто куколка и с ней не пропадешь, то есть, я хочу сказать, она поумнее меня, чего не скажешь очень о многих — хоть парнях, хоть куколках.

С тревогой я смотрю на это партнерство только по одной причине. Как ни замечательна Банни, всякий раз, когда предстоит дело, у нее появляется заметная склонность к занудству. И все из-за ее затруднений с одной задачкой, сводящейся к тому, что она положила глаз на босса. Ну, для всех нас это ясно как день с их первой встречи. Даже босс все понял, а это о чем-то говорит. Я, конечно, восхищаюсь им как организатором, но знаю, что, когда дело доходит до юбок, соображает он туго. Для убедительности напомню: когда он сообразил, что у Банни и впрямь возникли какие-то виды на него, то чуть в обморок не упал на нервной почве. И это парень, который при мне сталкивался не моргнув глазом с вампирами и оборотнями, не говоря уже о самом Доне Брюсе! Да уж, куколки — не самая сильная его сторона.

Но вернемся к Банни и ее проблемам. Она сумела-таки убедить босса, что на самом деле вовсе не пытается к нему клеиться, а заботится только о своей карьере. Ну, это, понятно, совсем наглая ложь... хотя босса ей, кажется, и удалось

одурачить. Даже этот зеленый бродяга Ааз догадался о затее Банни, но промолчал. (Чем немало удивил меня, так как главный его талант заключается именно в умении поднимать большой шум по любому поводу.) Банни же всего-навсего переключилась с одного подхода на другой. Цель ее осталась неизменной.

Но, к сожалению, вместо прельщения босса своим телом, которое у нее, как я уже сказал, роскошное, она теперь пытается вызвать его восхищение своими деловыми качествами. Этого не слишком трудно добиться, так как Банни работает классно, но, подобно всем куколкам, озабочена сохранностью своей внешности и потому считает себя ограниченной во времени и уж слишком старается, чтобы босс ее поскорее заметил.

Это несчастное обстоятельство может сделаться настоящей головной болью для того, кто с ней работает. Она так боится за свой план, что своим судорожным рвением может довести до белого каления даже такого стойкого работника, как я. И все же она отличная куколка, и любой из нас в лепешку расшибется ради нее, и поэтому мы терпим все это.

— Да, Банни, — говорю я.

— Что «да, Банни»?

— Да, Банни, я уверен, что правильно понял инструкции.

— Тогда повтори их мне.

— Зачем?

— Гвидо!

Когда Банни переходит на такой тон, остается разве что подыгрывать ей. Что ж, я обязан поддерживать напарника на задании, а кроме того, Банни и не потерпит никаких возражений — на этот случай у нее всегда в запасе довольно сильный аргумент. Мой кузен Нунцио открыл это однажды, еще до того, как его уведомили о ее родстве с Доном Брюсом, а ведь челюсть у него словно наковальня, о которую я как-то поранил свой кулак без всяких заметных последствий для братца... одним словом, я не испытываю желания испробовать на себе силу удара, которым

она его приложила. И потому решил выполнить ее довольно оскорбительное требование.

— Босс хочет, чтобы мы выяснили, как именно товары этого предприятия разбредаются с его территории незамеченными, — говорю я. — Для этой цели я должен смешаться с рабочими, став одним из них, и посмотреть, нельзя ли определить, как им это удается.

— И... — говорит она, сверля меня взглядом.

— ...и ты тоже этим займешься, только среди конторских. В конце недели мы снова с тобой встретимся, сравним наблюдения и посмотрим, не пошли ли мы по ложному следу.

— И... — снова вступает она, заметно волнуясь.

Тут уж и я немного занервничал. Она ожидала от меня дальнейших инструкций, но они иссякли.

— ...и... м-м-м... — заикаюсь я, пытаясь додуть, что проглядел.

— ...и не подымать никакой бучи! — заканчивает она, сурово глядя на меня. — Правильно?

— Да. Разумеется, Банни.

— Тогда скажи это!

— И не подымать никакой бучи.

Ну, меня, конечно, задело, что Банни сочла необходимым привлечь мое внимание именно к этому пункту, так как, по-моему, подымать бучу вообще не в моей натуре — ни при каких обстоятельствах. И я, и Нунцио всегда по возможности избегаем всяких споров с рукоприкладством, а уж если нам их все же навязывают — стараемся побыстрее пресечь возникший конфликт. Однако я не стал привлекать внимания Банни к своим оскорбленным чувствам, так как знаю, что она молодчина и не станет намеренно ранить самолюбие такой деликатной личности, как я. Просто она, как я уже говорил, беспокоится об успешном выполнении предстоящей работы, и мои обиды и амбиции ее просто зря огорчат. Многие мои коллеги проявляют схожие признаки нервозности, гото-

вясь к большому делу. Я знал, например, одного парня, который имел обыкновение перед походом на дело тыкать острым ножом в тела своих дружков-налетчиков. Вполне можно понять и простить кое-какие личные слабости, когда дело пахнет жареным. Это один из секретов успеха, усваиваемых нами, исполнителями, довольно рано. Как бы там ни было, я вынужден признать, что почувствовал немалое облегчение, когда пришло время браться за дело и, стало быть, избавиться от общества Банни.

Как работяга я, естественно, явился в цех намного раньше, чем Банни в свою контору. Почему это естественно, я не знаю, это из разряда несправедливостей, которыми так полна жизнь... почему, например, ваша очередь всегда бывает самой длинной.

Готовясь к предстоящим маневрам, я забросил свой обычный щегольской наряд и оделся под работяг, с которыми мне требовалось смешаться. Только эта часть задания и причинила мне какие-то неудобства. Видите ли, чем больше рабочий преуспевает, тем больше он внешне напоминает обитателя притона или оборванца, слегка или как следует побарахтавшегося в грязи, что прямо противоречит всему усвоенному мной в бизнес-колледже.

Для тех из вас, кому это последнее интересное сообщение кажется удивительным, спешу заметить, что я и в самом деле посещал высшие учебные заведения, ибо только этим объясняется наличие у меня диплома магистра. Если же вы относитесь к тем, кто гадает, почему это человек с такими документами выбрал работу моего профиля, то считайте, что по двум причинам: во-первых, я человек общительный и предпочитаю работать с людьми, а во-вторых, мою чувствительную натуру отталкивает безжалостность, непременно сопровождающая успешную деятельность в верхнем слое управленцев. Мне попросту не хочется портить людям жизнь сокращением производства, закрытием заводов и тому подобным. Лучше уж сломать иной раз ногу-другую или немного пере-

кроить чью-то физиономию, чем вместе с управленцами участвовать в нанесении долгосрочного вреда рабочим, и все это ради процветания компаний. И поэтому я, воспользовавшись ситуацией, предпочел совершенствоваться не в подготовке приказов, а в их исполнении. Это более чистый способ зарабатывать на жизнь.

Так или иначе, я явился на работу чуть свет и походил по фабрике, определяя что и где, прежде чем приступить к исполнению своих служебных обязанностей. Должен сказать, предприятие это произвело на меня редкостное впечатление. Раньше со мной никогда такого не бывало. Фабрика напоминала отлично сделанную волшебную мастерскую Деда Мороза.

Еще в начальной школе, бывало, я запоем читал комиксы. Особенно меня захватывала помещаемая там реклама рентгеновских очков, чихающих подушек и тому подобного, чего я, к несчастью, не мог себе позволить, так как был обыкновенным учащимся и имел меньше денег, чем средний восьмилетний мальчишка. Однако теперь, проходя по фабрике, я вдруг сообразил, что желание потакать своим слабостям в общем-то не миновало и меня.

Фабрика оказалась громадной, под чем я подразумеваю действительно большое помещение, набитое от стенки до стенки, от пола до потолка лентами конвейеров, чанами и стеллажами с материалами и ящиками, маркированными на языках, о которых я понятия не имею, а также неимоверным количеством шатавшихся повсюду работяг, что проверяли показания приборов, толкали тележки и занимались всякой другой деятельностью, какой положено заниматься, когда двери открыты и начальство имеет возможность, заходя за кофеваркой или еще за чем, посмотреть, что они делают. Еще большее впечатление производили выпускаемые товары. Я, как поклонник дешевых незамысловатых фокусов, с одного взгляда понял, что попал куда надо. По моим предположениям, пусть даже ничем не подкрепленным, производство это являло собой крупного заказчика уже упомянутых мною реклам, а так-

же поставщика товаров для большинства мелких торговцев Базара, сплавляющих их туристам.

Тут я сразу догадался, в чем проблема. Поскольку большинство производимых на фабрике товаров были маленькие и портативные, то кто мог устоять перед искушением запихнуть несколько образчиков к себе в карман? Такой шанс введет в искушение даже святого, а я серьезно сомневался в святости фабричных рабочих.

Я стоял и думал, как бы облегчить себе выполнение задания. В моем разумении достаточно было просто прикинуть, как бы я сам слямзил несколько облюбованных предметов, а потом только последить, кто провернет это на самом деле. Я допускал, что мне придется самому испытать действенность своей системы, а значит, похвастаться потом парочкой сувениров перед Нунцио.

Сначала мне требовалось сосредоточиться на создании собственного имиджа хорошего рабочего, дабы никто не заподозрил, будто меня интересует что-то иное, кроме законного жалованья.

На первых порах мне поручили довольно легкую для человека с моим умением и сноровкой работу. Мне полагалось всего-навсего брызнуть щепотью эльфопыли на каждый сходящий с конвейера магический летающий поднос. Главная трудность состояла в том, чтобы брызгать как можно меньше, так как эльфопыль дорога даже по оптовым расценкам, и пусть клиент получит только то, за что заплатил.

Помня об этом, я приступил к работе... и только тут открыл, что задача эта куда сложней, чем я думал сначала. Видите ли, эльфопыль держат в большом мешке, а тот плавает в воздухе, потому что именно к этому стремится его содержимое. Первая сложность — не дать мешку улететь, пока ты работаешь с ним, что на самом деле труднее, чем можно себе представить, так как подъемной силы у эльфопыли вполне хватает и на вознесение мешка, и того, кто пытается его удерживать. Якорем мешку служит страховочный трос, но он дер-

жит мешок слишком высоко для рабочего. В результате последнему приходится, нанося на подносы эльфопыль, одновременно бороться с мешком (задача, по трудности сравнимая с попыткой удержать под водой большой пляжный мяч, одновременно занимаясь вышиванием) и полагаться только на страховочный трос для спуска мешка обратно на место, если он отчалит, что случается с ним довольно часто. Могут спросить, почему трос не сделали покороче, чтобы держать мешок на нужной высоте и, таким образом, упростить работу. Полагаю, по той же причине, по какой, как правило, не делается очень многое, — просто так.

Другая моя трудность была связана с тем, что никто не счел нужным предупредить меня о ней. А состоит она в том, что, работая с эльфопылью, надо помнить — она летает и, следовательно, сыплется вверх, а не вниз.

Когда я в первый раз брызнул немного эльфопыли на магический летающий поднос, то удивился, почему это поднос в результате не взлетает. Я добавил еще немного указанной субстанции, решив, что в первый раз нанес ее маловато... Затем еще чуток — не понимая, что пыль плывет вверх, к потолку, а не вниз, к подносу. К несчастью, я в тот момент склонился над подносом, удерживая мешок, и немедленно был покрыт с ног до головы эльфопылью. Первые признаки настоящего беспокойства появились у меня тогда, когда я заметил, что мои ноги больше не соприкасаются с полом и что я стал таким же летучим, как мешок, который пытался удержать. К счастью, хватка у меня всегда была достаточно крепкая, поэтому мне удалось удержаться за мешок и в конце концов спуститься по страховочному тросу, а не очутиться под потолком в свободном полете. Потом я сумел стряхнуть с одежды эльфопыль и сохранить наземную ориентацию, равно как и достоинство.

В этом мимолетном происшествии я не мог понять только одного — полного безразличия к нему других работяг. Они не только не пришли ко мне на помощь в минуту несчастья,

но даже не позубоскалили по этому, в общем-то забавному, поводу. Последнее обстоятельство показалось мне особенно необычным, так как работяги — известные шутники и вряд ли упустят случай повеселиться.

Причина всего этого стала кристально ясной, когда мы сделали наконец перерыв на обед.

Я как раз настраивался насладиться полуденной едой и рискнул попросить сидевшего рядом со мной рабочего передать мне салфетку из стоящего перед ним стакана, куда я не мог дотянуться. Вместо любезного выполнения моей просьбы, как следовало бы ожидать от любого цивилизованного лица, этот шут вдруг выступает в том смысле, что шпиону он и руки не подаст, не говоря уже о салфетке. Ну, если я чего и не терплю, так это слушать, как меня обзывают шпионом, особенно когда я именно им и являюсь. Посему я счел нужным показать этому индивиду, как он ошибся в своих предположениях, а для этого слегка по-дружески немного его согнул. И только решил, что мы наконец начинаем понимать друг друга, как почувствовал, что кто-то бьет меня стулом по спине. Это нисколько не улучшило моего настроения, а если учесть, что я и так уже был обижен, то понятно, почему я прислонил первого своего обидчика одной рукой к ближайшей стенке, освободив таким образом другую, и перехватил ею кретина, замахнувшегося стулом для нового удара. Только я начал как следует расходиться, вдруг слышу тихий предупреждающий свист из толпы, которая, естественно, собралась посмотреть на нашу беседу. Оглянувшись, я увидел одного из бригадиров, топающего посмотреть, из-за чего сыр-бор.

Бригадиры — самое низшее звено управленцев, так как обычно они бывают выходцами из тех же работяг, и подошедший тип не оказался исключением из правила. С ходу, даже не поздоровавшись, он начал расспрашивать, в чем дело, что происходит и кто затеял заварушку. Но я, как уже говорил, разошелся и серьезно подумывал, не расширить ли круг моих собеседников, включив туда и бригадира, но тут вспом-

нил предупреждение Банни и представил, как трудно будет объяснить ей ситуацию, если меня в первый же день уволят с работы за избиение начальника. Поэтому я выпустил из своих рук обидчиков и скрепя сердце взял в них себя, объяснив бригадиру, что никто ничего не затевал, так как на самом-то деле ничего и не происходит... что мои коллеги случайно упали, а я помогал им подняться на ноги, вот и все.

Мои объяснения бывают очень убедительными — вам это может подтвердить любой суд присяжных, — и бригадир принял их без дальнейших расспросов, проглядев, с каким энтузиазмом я помогал коллеге подняться на ноги — бедняга едва не завис в воздухе. Наверно, он отнес это явление на счет эльфопыли, которая левитирует на фабрике все, что не догадались привязать. По этой ли причине или по какой иной, но он проглотил сказанное и убрался восвояси, мне же пришлось разделить мой обед с двумя коллегами, поскольку их обед во время нашей потасовки затоптали.

Очевидно, моя демонстрация силы убедила всех, что я вовсе не шпион, к тому же столь непрофессионально напавшие на меня парни теперь рвались поболтать со мной самым дружеским образом. Оказалось, что первого моего собеседника кличут Рокси, а его махавшего стулом приятеля — Сионом. Мы тут же поладили, так как они, похоже, настоящие парни, даже если не способны нанести правильный удар для спасения собственной шкуры, и у нас, как выяснилось, имеется много общих интересов... по женской части и по беговым лошадкам. Конечно, они сразу же попали в мой список подозреваемых, так как маловероятно, чтобы индивид с моим складом мышления очень уж уважал частнособственнические претензии других людей.

Прежде чем мы возвратились на свои рабочие места, новые приятели меня проинформировали, что нанесение эльфопыли — черная работа для новичков, недостаточно знакомых с обстановкой, чтобы спорить и требовать иного. Мне посоветовали перекинуться парой слов с бригадиром, поскольз-

ку на него явно произвело впечатление мое поведение, и договориться о чем-нибудь более соответствующем моим очевидным талантам. Я был благодарен за этот совет и без дальнейших проволочек ему последовал.

Бригадир и впрямь внял моей просьбе и отправил меня работать на новое место. Однако, прибыв туда, я вынужден был заключить, что поступил бы умнее, держа свой длинный язык за зубами.

Моя новая работа по-настоящему дурно пахла... то есть в самом буквальном смысле слова. Видите ли, мне нужно было всего-навсего стоять в конце конвейера и проверять сходящий с него конечный продукт. Ну так вот, «конечный продукт» тоже надо понимать в самом буквальном смысле слова. Более сообразительные, несомненно, уже догадались, о каком продукте я толкую, но для тугодумов и дотошных редакторов я все же поясню свои намеки.

Я был поставлен проверять не что иное, как синтетические «собачьи безобразия», которые выпускаются трех видов: смущающего, отвратительного и невероятного. Маркируются они, конечно, иначе. Это я предпочел называть их именно так после того, как постоял рядом всего несколько секунд. Ну, поскольку технология на фабрике высокого класса, естественно было ожидать, что и продукция наша должна заметно отличаться от аналогичной, предлагаемой на рынке. К несчастью, я как проверяющий качество вынужден был иметь дело с конечным продуктом до того, как он отправится в упаковку, но после добавления «натурального запаха, сжимающего вас в своих объятиях».

Особенно обидно, что я до конца смены был не в состоянии обнаружить ни бригадира, ни двух насоветовавших мне такое шутников. Я просто не мог себе позволить роскоши длительных поисков, так как конвейер продолжал двигаться независимо от того, проверяет кто-то качество сходящей с него продукции или нет, и, естественно, продукция эта скапливалась в кучу. Я не особенно ловко орудую лопатой и пото-

му счел наиболее мудрым продолжить работу, отложив беседу с коллегами на более подходящее для этого время.

Могу вас заверить, сама по себе эта работа беспокоила меня не так уж и сильно. Дома мы с Нунцио подбрасываем монету, когда надо выполнять одну из самых неприятных наших обязанностей — уборку за драконом босса, по сравнению с чем «собачье безобразие» не кажется таким уж кошмаром, если вы понимаете, что я имею в виду. Скажу даже больше: пока я работаю на конвейере, драконий загон остается исключительно на попечении Нунцио, так что я по сравнению с ним вроде даже оказываюсь в выигрыше. К тому же Рокси и Сион устроили мне розыгрыш — а это верный признак того, что меня и впрямь приняли в свою среду, что существенно облегчало мою задачу.

Единственное осложнение состояло в специфике продукта с точки зрения разумности его выноса за ворота фабрики. Даже если бы я хотел вынести несколько образчиков, что на самом деле не соответствовало действительности, поскольку, как я уже отмечал, у нас дома такого сколько угодно и куда лучшего качества, так вот, даже в этом случае «натуральный запах, сжимающий вас в своих объятиях», не позволил бы мне пройти незамеченным мимо самых тупых охранников.

Как потом оказалось, все складывалось в мою пользу. Когда наконец подошло время уходить, я обнаружил, что вынести товар с фабрики вовсе не так легко, как я сперва полагал. Все рабочие каждый раз на выходе подвергались самой тщательной проверке со стороны мрачных субъектов, определенно знавших свое дело, и хотя нам не требовалось раздеваться для обыска, проходить приходилось по одному через серию турникетов, применявших какие-то лучи для обнаружения предметов и материалов, принадлежащих фирме. Я и так чуть не попал в беду из-за крошек эльфопыли, приставших ко мне еще с утренней работы, но Рокси заступился за меня и мигом объяснил все охранникам, после чего те, не вдаваясь в подробности, удовольствовались изъятием эльфопыли.

Это разом сняло мои претензии к Рокси за шутку с «собачьими безобразиями». И после пары тычков Сиону за его роль в этом розыгрыше мы все вместе отправились на поиски каких-нибудь запретных развлечений.

Так вот, если это последнее покажется вам недостойным времяпрепровождением, то не спешите выносить свой вердикт и читайте дальше. Уже упоминалось, что фабрика, где мы вели следствие, располагалась в одном из не занесенных ни в какие каталоги и обожаемых деволами измерений. А поскольку единственный путь в это измерение идет с Базара через фасадное предприятие владельца и он, понятно, не в восторге при мысли о сотнях работяг, топающих через его кабинет после каждой смены, то один из пунктов контракта для работы на означенной фабрике обязует заключивших его соглашаться на недельное пребывание в этом незарегистрированном измерении. Для этой цели владелец предоставил рабочим комнаты. Но так как он особенный скряга даже среди деволов, то каждую из комнат делят между собой работающие по сменам. То есть твоя комната принадлежит тебе только одну смену, а остальное время ты либо работаешь, либо где-то болтаешься. Чтобы мы не заскучали между работой и сном, владелец понастроил для нашего развлечения разные бары, рестораны, кинотеатры и видеосалоны. Все это стоит немалых денег, но их можно вычесть из нашего жалованья. Если вам это покажется чем-то вроде замкнутой экономики, то спешу напомнить, что никто и никогда не обвинял деволов в тупости, когда дело касается извлечения прибыли. Все это должно объяснить, почему мне поневоле пришлось идти кутить с Рокси и Сионом, вместо того чтобы отправиться к себе в комнату перечитывать классику, к чему я склонен значительно больше.

Ну, если говорить откровенно, легкомысленное времяпрепровождение оказалось вполне терпимым. Разумеется, мой новый имидж не позволяет мне распространяться здесь о скуке этого и последующих вечеров. Собственно, потому я едва ли

не инстинктивно пытаюсь описать их покруче. Ведь естественно было предположить, что прогулка в компании парней с фабрики магических шуток и новинок просто обречена быть веселее некуда. Но оказалось, телефонные забавы с ложным вызовом легавых и то интереснее. Короче, ребята старались ублажить меня выпивкой, азартными играми и даже парочкой драк... В общем, та же старая скукотень, какой предается любая мужская компания. Но чаще всего они сидят и жалуются на фабричную работу и на то, что им недоплачивают... это я обычно пропускал мимо ушей, так как не родился еще ни один работяга, который был бы не склонен именно к такому занятию. Я с ходу определил, что во всей моей новой компании нет никого достаточно сведущего в изящных тонкостях бескапитального, то есть преступного, предпринимательства, чтобы разговаривать со мной на моем уровне. В век специализации такое неудивительно, но означает, что мне не с кем поговорить.

И это меня постоянно гнетет, причем чувство подавленности с течением времени все возрастает. Мой дух разъедает не работа и не общество работяг, а все отдаляющаяся возможность быстренько разделаться с этим заданием.

Кажется, чем энергичнее я веду свое агентурное расследование, тем непонятней мне становится, как совершаются эти кражи. Чем лучше я узнаю своих собратьев-работяг, тем больше убеждаюсь, что среди них нет несунов, даже мелких. Это не значит, что они страдают избытком честности, больше того, я уверен, они не пройдут мимо того, что плохо лежит, как и все, с кем я когда-либо имел дело — хоть в школе, хоть в бизнесе. Просто отдаю должное плотности охраны фабрики, через которую надо пробиться.

Без ложной скромности замечу, что в наш век специализации работа моего профиля требует навыков, о которых понятия не имеет никто из встреченных мною работяг. И само собой, когда после недели усиленных поисков я все еще не придумал никакого имеющего, на мой взгляд, достаточно шан-

сов на успех плана хищения, я не мог не прийти к выводу, что система фабричной охраны непробиваема для любителя, пусть даже талантливого.

Учитывая все это, я вынужден был признать, что у нас не только мало шансов найти быстрый ответ, но есть вероятность и вовсе провалить дело. Такие мысли вызывали у меня большое беспокойство и вели прямиком к депрессии, поскольку я сориентирован на успех не меньше, чем все прочие.

К концу недели мое настроение окончательно упало, особенно когда мне вручили чек с недельным заработком. Я не рассчитывал на фабричные деньги, так как босс мне уже хорошо заплатил. Тем не менее я был удивлен, узнав, какую сумму принес мне мой недельный труд. По правде говоря, я снова поддался искушению преуменьшить испытанное ощущение. Я не был удивлен, я был потрясен... а это дело худое — спросите любого из Синдиката, — потому что в таком состоянии я склонен выражать свое нервное расстройство физически.

То, что я не нуждался в фабричном заработке, немного сгладило мое потрясение, и потребовалось всего трое моих товарищей-работяг, чтобы оттащить меня от кассира, сообщившего мне плохую новость. Конечно, меня угостили парой дротиков с транквилизаторами, которые, как мне говорили, обычно применяются компаниями на Базаре для разрядки кадровых отношений. Если ваша компания еще не практикует такое, от души рекомендую, так как это, безусловно, бережет здоровье кассиров и, следовательно, сводит к минимуму расходы на обучение новых.

Так или иначе, как только я утих до такой степени, что всего лишь швырял мебель, и кассир успокоился, то есть получил достаточно первой помощи, чтобы заговорить, он объяснил мне суровые реалии. Из моего заработка вычли не только стоимость вышеупомянутых кутежей, но также и плату за жилье, которая — даже с учетом, что названная мне цифра составляет только треть суммы за это место ночлега, — ставит

его на несколько делений выше самого шикарного курорта, где я когда-либо предавался своим декадентским удовольствиям. Представлен мне был также и подробный счет за каждую мелочь, отправленную мною за неделю в отходы, вплоть до последней крупинки эльфопыли. Я бы, конечно, полюбопытствовал, как произвели такой подсчет, ведь он указывает, что правила вычетов из зарплаты действуют на фабрике даже эффективнее, чем сдерживающая мои воровские порывы охрана. Но в то время я был слишком возмущен.

Я бы много чего мог сказать по этому поводу, если бы не объяснения, данные мне Рокси. По его словам, меня вовсе не выделяли для каких-то там особых придирок. Это общефабричная практика, от которой страдают все рабочие. Он также сообщил, что стоимость первой помощи кассиру вычтут из моего жалованья и что оставшихся денег мне не хватит на заход по второму кругу.

Из-за всего этого мне тяжело общаться с Банни на еженедельной нашей встрече и обмене сведениями, ведь я оказываюсь в ее глазах не только неудачником, но и нищим неудачником, а это самая худшая их разновидность.

— Что случилось, Гвидо? — спросила она, когда мы снова встретились. — Ты выглядишь ужасно!

Как я уже говорил, Банни умница, но, кроме того, она женщина и, значит, обладает безошибочным инстинктом на то, как поднять парню настроение.

— Я подавлен, — ответил я. — На этой фабрике ужасные условия труда, особенно если учесть получаемую нами плату...

В ответ на это Банни закатила глаза и простонала, выражая сочувствие.

— Ах, Гвидо! Ты говоришь точь-в-точь... как ты их там называешь? Ах да. Точь-в-точь как работяга.

— Потому что я и *есть* работяга!

За этот ответ я заработал сверлящий взгляд.

— Нет, ты не работяга, — сказала она довольно жестко. — Ты сотрудник корпорации М.И.Ф., ведущий здесь расследование. А теперь прекрати нытье и давай поговорим о деле.

Мне пришло в голову, что у нее нестандартные представления о том, как избежать негативного мышления.

— Что ж, — вздохнул я и намеренно беззаботно пожал плечами — очень выразительный и давно испытанный в трудных ситуациях жест. — Дело, я полагаю, зашло в тупик. После недельной работы я ничего не обнаружил и не имею даже самого туманного представления о том, где искать дальше.

— Хорошо! — произнесла она, расплываясь в улыбке, способной растопить айсберг, — редкость на Базаре, а то бы я испытал на себе свою гиперболу.

Я, естественно, удивился:

— Не верю своим ушам, Банни. Я правильно понял, ты сказала, хорошо, что я ни к чему не пришел в своем расследовании?

— Совершенно верно. Видишь ли, я со своей стороны на кое-что наткнулась, и если ты вытянул на фабрике пустышку, то, может, сумеешь помочь мне подтвердить мои наблюдения! А теперь слушай, что мне от тебя требуется.

Следуя указаниям Банни, я начал следующую неделю с просьбы к бригадиру поручить мне инвентаризацию на складе. Он сперва поартачился, так как не любил выслушивать от работяг поучения, как ему работать, но я ему напомнил, насколько малы предоставляемые владельцем пособия по госпитализации, и он стал более сговорчив.

Для Банни мне надо было производить двойную проверку поступающих на фабрику материалов и посылать ей внутрифабричной почтой лишнюю копию итогового подсчета за каждый день. Я занялся этим с радостью, так как работа оказалась не только легкой, но и оставляющей достаточно свободного времени для выстраивания собственной версии.

Понимаете, я все еще был зол из-за того, что мне сократили жалованье. И поэтому взялся за проведение собственного неофициального исследования условий труда на фабрике, а поскольку я в отличие от большинства работяг обучался в

бизнес-колледже, то мне вскоре стало очевидно, что ситуация на производстве дурно пахнет, похуже, чем «собачье безобразие».

Вот просто для примера: на завод принято нанимать существа всяких видов, многие из которых трудно описать, не впадая в натурализм. Вообще-то в этом нет ничего удивительного, если учесть, что главный источник вербовки — Базар, но это ведет к вопиющим несправедливостям в шкале расценок.

Чтобы избежать недоразумений, позвольте разъяснить, что я имею в виду. Меня лично мало волнует, кто или что работает рядом со мной, лишь бы они могли выполнить свою долю работы. Заметьте, я даже не упомянул, что Рокси ярко-оранжевый, а Сион — розовато-лиловый, так как считаю, это не имеет никакого отношения к моему анализу их человеческих качеств. Признаться, мне немного не по себе находиться рядом с тем, у кого больше рук или ног, чем у меня, но это скорее профессиональная реакция, поскольку может случиться, мы разойдемся во взглядах, а мой стиль боя подразумевает противника, способного нанести такое же число ударов руками и ногами, что и я, несколько же лишних кулаков могут произвести роковой перевес в исходных данных. Конечно, это профессиональная осторожность, а не какое-то там отторжение их личностей. Упоминаю об этом просто на тот случай, если некоторые из моих высказываний о странных существах будут приняты за расистские выпады, в коих я никогда замечен не был. Не такой я человек.

Однако, как я говорил, на фабричном конвейере работают много странных существ. Но самое безобразное заключается в том, что, хотя у некоторых из них есть лишние руки и они порой выполняют норму нескольких работяг, платят им так же, как и всем прочим. Некоторым, возможно, покажется несправедливой такая эксплуатация этих существ, я же вижу в ней угрозу работягам с обычным числом рук и ног, так как

компания явно сэкономит на расходах, если сможет нанять побольше первых, уволив при этом максимум последних.

Еще одна замеченная мною несправедливость относится к охранникам, которых я никак не смог обойти. Так вот, это служило для меня источником любопытства с первой минуты пребывания на фабрике. Даже без особой математической подготовки нетрудно вычислить, что если бы фабрика платила охранникам то, чего они заслуживают, то и в этом случае оплата их труда превышала бы экономически выгодную. На ответ я наткнулся, когда случайно подслушал жалобы двоих сменившихся с дежурства охранников. Им, оказывается, недоплачивали в такой же мере, как и работягам, и это при том, что они сохраняли добро, стоившее миллионы! Это, разумеется, несправедливо, но я не впервые сталкиваюсь с подобными вещами и, больше того, отношу их к обычной практике любого предприятия. Как ни бредово это звучит, но на самом деле именно так и должно все обстоять. Если сторожа будут получать приличное жалованье, то преступники вроде меня станут охранниками, поскольку и работа эта чище и спокойнее, и пенсия лучше, а если не останется никаких преступников, то не будет и никакой надобности в охранниках, и все мы кончим безработными. С такой точки зрения статус-кво кажется предпочтительней.

Так или иначе, я продолжал глядеть во все глаза и держать ухо востро, пока не почувствовал, что собрал достаточно несправедливостей в подкрепление своих доводов, а потом оставалось только дождаться подходящего момента, чтобы предъявить найденное. Для этого мне понадобилось все мое терпение, поскольку, как уже отмечалось, работяги любят пожаловаться на свою работу. Вечер, о котором я собираюсь рассказать, не оказался исключением из правила.

— Как думаешь, Гвидо? — рассуждал Рокси. — Кому приходится хуже — парням, делающим капающие туалеты, или тем, кто производит чихающие подушки на батарейках?

Прежде чем дать ответ, я усиленно делал вид, будто упорно соображаю.

— Я думаю, — осторожно начал я, — если бы мозги были динамитом, то на всей фабрике не нашлось бы пороху даже на один патрон.

Ему потребовалась минута на понимание, к чему я клоню, но когда до него наконец дошло, его глаза стали действительно злыми.

— Что бы это значило?

— Это значит, что я уже почти две недели сижу здесь, слушаю ваше нытье и ничего, в сущности, не услышал от вас о происходящем.

— Ладно, господин Соббезобразер, если ты такой умный, то уж скажи нам, работающим здесь не один год, чего же ты такого выведал за две недели.

Я предпочел пропустить мимо ушей шпильку насчет Соббезобразера, так как к нашему разговору теперь стали прислушиваться работяги с нескольких столиков. Я рисковал потерять их внимание, если бы потратил время на разборки с Рокси.

— Вы, ребята, проводите все время в спорах о том, кому приходится хуже, но суть дела упускаете. А она в том, что всем вам достается кукиш с маслом.

И с этими словами я принялся перечислять дюжину наиболее убедительных примеров замеченной мной эксплуатации работяг. К концу моего выступления меня слушал, постепенно закипая, уже весь бар.

— Ладно, Гвидо. Твой довод поняли, — сказал Рокси, пытаясь сделать еще один глоток из кружки, прежде чем до него дошло, что та пуста. — Ну и что же нам делать? Политику компании определяем не мы.

Я продемонстрировал аудитории неподражаемую улыбку.

— Мы не определяем политику компании, но именно *нам* решать, будем мы работать или нет при таких условиях и за такую плату.

Услышав это, Рокси просветлел, словно только что выиграл в лотерею.

— Совершенно верно, — согласился он. — Они контролируют фабрику, но без нас, рабочих, не отгрузят ни одного «собачьего безобразия».

Толпа к этому времени порядком распалилась, все пили и хлопали друг друга по плечам. И вот тут кто-то мрачно заметил:

— А что помешает им, если мы заартачимся, просто-напросто нанять новых рабочих?

Это сказал Сион. Как вы, возможно, заметили, он возникает куда реже, чем Рокси, но когда открывает рот, другие работяги обычно прислушиваются. Данный случай не исключение, и в баре стало тише — работяги старались сфокусироваться на новой проблеме.

— Брось, Сион, — откликнулся Рокси, пытаясь отделаться смехом. — Какой идиот станет работать за такую плату и при таких условиях?

— Рокси, *мы* именно так и поступали, к тому же не один год! По-моему, найти новых рабочих им будет нисколько не труднее, чем прежних.

Я решил, что настало время вмешаться в происходящее.

— Ты проглядел несколько моментов, Сион, — сказал я. — Во-первых, найм и обучение новых рабочих потребует времени, и в течение этого времени фабрика не будет выпускать на продажу «собачьих безобразий», и, значит, владелец потеряет деньги, что ему не может понравиться.

На это Сион только пожал плечами.

— Верно, но он скорее всего предпочтет краткосрочную потерю денег от закрытия фабрики долгосрочным расходам на выплату нам повышенного жалованья.

— И это приводит нас к другому, не учтенному тобой моменту.

— К какому же?

— Новым рабочим придется выносить одно нестерпимое условие труда, которое нас не касается... а именно — наше

присутствие! Им придется, идя каждое утро на работу, проходить мимо кого-то из нас, и хотя охранники — мастера сторожить фабрику, но, по моим сведениям, компания не сможет обеспечить всех новичков телохранителями.

Это, кажется, послужило ответом на возражение. Тогда мы углубились в детали плана, разработка которого непосвященному может показаться легким делом, в действительности же, прежде чем привести что-то в движение, нужно учесть многое. Требовалось ввести в курс дела две другие смены, согласовать список требований, не говоря уже о создании забастовочного фонда на тот случай, если другая сторона захочет попробовать одолеть нас голодом.

Многие парни хотели, чтобы я руководил этим делом, но я счел для себя невозможным принять эту честь и с чистой совестью предложил этот пост Рокси. В качестве аргумента я сослался на то, что работяг должен представлять кто-нибудь с более чем двухнедельным стажем работы, но на самом деле я просто не знал, долго ли еще проработаю до того, как босс вернет меня к моим обычным обязанностям, и не хотел, чтобы движение застопорилось из-за внезапного исчезновения лидера. Я вызвался натаскать их по части обращения с новичками, которых попытается нанять фабрика, так как большинство нынешних работяг, когда дело доходит до трудовых споров, выказывают абсолютную беспомощность.

Работа на складе и содействие рабочему движению отнимали массу времени, так что я чуть было не пропустил еженедельную встречу с Банни. К счастью, я вовремя о ней вспомнил, и это хорошо, так как Банни — куколка, а куколки не любят, когда про них забывают.

— Привет, малютка! — подмигнул я ей с самым лихим видом. — Как дела?

— Ну, ты явно в бодром настроении, — усмехнулась она в ответ. — Думала, у меня есть для тебя хорошие новости, но, похоже, ты уже в курсе.

— В курсе? В курсе чего?

— Задание выполнено. Я расколола дело.

Это известие вызвало у меня чувство вины и стыда, так как я уже много дней не думал о задании, но теперь постарался скрыть это за демонстрацией энтузиазма.

— Кроме шуток? Ты выяснила, как тырят товар?

— На самом-то деле речь, оказывается, шла о хищениях, а не о мелких кражах. Один из деволов в бухгалтерии химичил с накладными на получение сырья и платил за большее, чем приходило на разгрузку.

— Банни, — сказал я, — постарайся вспомнить, что диплом у меня не по бухгалтерской науке. Ты не могла бы растолковать мне на пальцах, как для младенца, суть этой махинации?

— Ладно. Когда мы покупаем сырье, каждый груз подсчитывается, и итог отправляется в бухгалтерию. Вот этот-то итог и определяет, сколько мы платим поставщику и какое количество сырья должно поступить на склад. Так вот, наш расхититель договорился с поставщиками присылать нам счет за большее количество сырья, чем мы получаем на самом деле. Он подделывает накладные для оприходования излишков, платит поставщикам за неотгруженное сырье, а потом делит с ними лишние деньги. Беда в том, что, поскольку те же самые цифры фигурируют на складах, по документам там находится больше товаров, чем есть в действительности. Поэтому, когда фабрика почувствовала недостачу, владелец счел сотрудников несунами. Недостающие товары не крали, их вообще никогда не было на фабрике.

Я оценивающе присвистнул:

— Вот здорово, Банни! Босс будет по-настоящему гордиться тобой, когда услышит.

Это заставило ее немного покраснеть.

— Я сделала все это не одна. Если бы ты не снабжал меня дубликатами документов, я бы ничего не сумела доказать.

— Пустяки, — расщедрился я. — Я лично прослежу, чтобы босс узнал, какая жемчужина с ним работает, и ты приобретешь его вполне заслуженное уважение.

— Спасибо, Гвидо, — сказала она, кладя ладонь мне на руку. — Я пытаюсь произвести на него впечатление, но иногда мне думается...

Она оборвала фразу и отвела взгляд. Мне показалось, что глаза у нее на мокром месте. Стремясь предотвратить поток слез, который, несомненно, смутил бы нас обоих, я намеренно повернул разговор к первоначальной теме:

— Так что же они теперь собираются делать с этим расхитителем?

— Ничего.

— Что ты сказала?

— Нет, это не совсем верно. Он получит повышение.

Она снова повернулась ко мне, и я увидел у нее на губах бесовскую усмешку, что было желанной переменой.

— В самом деле. Оказывается, он шурин владельца. Хитрость, потребовавшаяся для подобной аферы, произвела такое впечатление на хозяина, что он дал этому гаденышу более высокий пост в компании. Полагаю, он хочет, чтобы тот крал для фирмы, а не у нее.

Мне потребовалось несколько секунд на понимание, и мой обычно подвижный рот застрял в открытом положении.

— Так с чем же тогда остаемся мы? — сумел наконец выдавить я.

— С успешным расследованием и с жирной премией за быстрое раскрытие дела. Хотя, сдается мне, часть этой премии предназначена для затыкания нам ртов, чтобы не болтали повсюду о том, как Гиббеля обжулил собственный шурин.

Теперь я и впрямь порадовался, что мы разобрались с порученными нам кражами, не впутывая никого из работяг, с которыми я подружился. Но в то же время я пожалел, что теперь уже не смогу быть тут и помочь им, когда рванет «собачье безобразие».

— Ну, тогда, полагаю, все ясно. Нам лучше явиться к боссу и посмотреть, не случилось ли чего в наше отсутствие.

— Что-то не так, Гвидо? Ты, похоже, немного опечален.

— А-а-а! Ерунда, Банни. Просто подумал, что буду скучать по некоторым парням с фабрики, вот и все.

— А может, и нет, — очень таинственно произнесла она.

Теперь была моя очередь сверлить ее взглядом.

— Ну-ка, Банни, выкладывай, что там у тебя? Ты же знаешь меня, я не люблю сюрпризов.

— Ну, я собиралась подождать до возвращения домой, но думаю, будет полезно устроить тебе предварительный допрос.

Она оглянулась по сторонам, словно нас мог кто-то подслушать, а затем наклонилась, чтобы я расслышал ее шепот:

— В фабричной конторе я уловила слух, что на магической фабрике, кажется, образуется профсоюз. Я хочу предложить Скиву немного поразведать... застолбить, что ли, участок. Представляешь, сколько мы сможем содрать за разгон профсоюза?

У меня возник внезапный интерес к потолку.

— Э, Банни? — выдавил я. — Понимаю, ты хочешь показать боссу, как здорово обеспечиваешь нас работой, но, думаю, данный случай в интересах корпорации М.И.Ф. разумней было бы оставить без внимания.

— Но почему? Если образуется профсоюз, то владелец может потерять в десять раз больше, чем на хищениях. Мы сумеем заключить здесь действительно убойную сделку. Он уже знаком с нашей работой.

В ответ я откинулся на спинку стула и медленно улыбнулся:

— Когда дело доходит до убойного, Банни, я советовал бы тебе не учить ученого, в данном случае меня. Более того, бывают ситуации, когда самое мудрое не раскрывать клиенту всех секретов своей работы... и поверь мне, Банни, это как раз такая ситуация!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все зависит от того, что вы понимаете под «веселым времяпрепровождением»!

Л. Борджа

— Новоявленный агитатор и профсоюзный вожак! Подумать только, и я ему еще за это платил!

Я как-то сумел сохранить невозмутимое выражение лица, а это потруднее, чем кажется.

— На самом деле, господин Гиббель, я платил ему за помощь в раскрытии источника утечек с вашего склада, и он выполнил свою задачу, а вы платили ему за работу на фабрике, с чем он тоже неплохо справлялся, и я не совсем понимаю, на что вы, собственно, жалуетесь.

С мгновение мне казалось, девол вот-вот кинется через стол и вцепится мне в горло.

— Я жалуюсь на то, что ваш так называемый агент организовал на моей фабрике профсоюз, стоящий мне кучу денег!

— Нет никаких доказательств его участия в...

— А почему же тогда его имя всплывает каждый раз...

— ...а даже если и так, то я не уверен, есть ли мне до этого дело. Я занимаюсь бизнесом, господин Гиббель, с сотрудниками, а не с рабами. Чем они занимаются в свободное время — это их дело, а не мое.

— Но он действовал как ваш агент!..

— ...расследуя проблему с кражами, которая, как мне говорили, благополучно разрешена.

Пока мы говорили, Корреш сунул голову в кабинет, увидел, что происходит, и вошел целиком в личине большого злого тролля, каковым он, собственно, и был. Замечу, что работал я в то время без секретарши, так как, выяснив, что в действительности произошло у Банни и Гвидо на последнем задании, счел мудрым посоветовать им залечь на дно. В каче-

стве добавочной предосторожности я настоял, чтобы они прятались порознь, так как боялся, что Банни просто прибьет Гвидо, если они окажутся одни носом к носу. По какой-то причине моя секретарша, похоже, приняла профсоюзную деятельность Гвидо слишком близко к сердцу.

— ...А теперь извините, господин Гиббель, я очень занят. Если желаете и дальше разбираться с этим вопросом, то рекомендую вам Большого Грызя. Он обычно занимается жалобами на нашу фирму.

Разгневанный девол начал было возмушаться, но оглянулся и сразу же подскочил, проглотив все, что собирался сказать, а когда поднял взгляд повыше... и еще выше! Я в свое время на собственном опыте убедился, что тролли вблизи могут казаться оч-чень крупными.

— Маленький девол хочет драться с Большой Грызь? Грызь любит драться!

Гиббель слегка порозовел и снова повернулся ко мне.

— Послушайте, Ск... господин Скив. Ведь все это в прошлом, верно? Что вы скажете насчет того, чтобы помочь мне в деле с этим профсоюзом?

Я откинулся на спинку кресла и положил руки на затылок.

— Нас это не интересует, господин Гиббель. Трудовые конфликты — не наш профиль. Однако если хотите небольшой бесплатный совет, то я порекомендовал бы вам договориться. Длительные забастовки могут оказаться очень дорогостоящими.

Девол оскалил было зубы, но затем снова взглянул на Корреша и искривил губы в улыбке. Он не сказал больше ни слова, пока не добрался до двери, и даже там заговорил со старательной почтительностью:

— Э-э... если такая просьба не слишком обременительна, не могли бы вы ненадолго прислать этого Гвидо — просто показаться рабочим? Ведь когда он взял да исчез, некоторые болтали, будто это я устранил его. Мне бы тогда немного легче было вести переговоры.

— Я спрошу его... когда увижу в следующий раз.

Девол благодарно кивнул и ушел.

— Несколько затруднительное положение, а, Скив? — спросил Корреш, снова становясь самим собой.

— Еще один довольный клиент корпорации М.И.Ф. заглянул выразить свою благодарность, — вздохнул я. — Напомни мне не отправлять впредь Гвидо на задания без совершенно точных инструкций. Хм-м-м?

— А как насчет хорошей порки?

Я покачал головой и снова выпрямился в кресле, взглянув на кучу бумаг, которые, похоже, размножаются на моем столе всякий раз, когда отсутствует Банни.

— Хватит об этом. Что я могу для тебя сделать, Корреш?

— Хм-м? Да нет, ничего. Я просто искал сестричку, хотел узнать, не пообедает ли она вместе со мной. Не знаешь, где она?

— Тананда? Вообще-то я отправил ее на задание. Извини.

— Не важно. Что за работу ты поручил старушке?

— Да ничего особенного, — сказал я, перебирая бумаги в поисках письма, которое читал, когда ворвался Гиббель. — Всего лишь небольшое взыскание долга в нескольких измерениях отсюда.

— ТЫ СПЯТИЛ?!

Корреш вдруг навис над моим столом, два его лунных глаза разных размеров оказались всего в нескольких дюймах от моих. Мне пришло в голову, что я никогда не видел этого тролля по-настоящему рассерженным. А узрев такое, искренне понадеялся, что никогда больше не увижу вновь. Конечно, при условии, если переживу этот первый раз.

— Тпру! Корреш! Успокойся! В чем дело?

— ТЫ ОТПРАВИЛ ЕЕ ВЗЫСКИВАТЬ ДОЛГ ОДНУ?

— Она должна отлично справиться, — поспешно проговорил я. — Задание показалось мне весьма спокойным. Именно потому я и отправил ее, а не одного из наших тяжеловесов...

Думал, это дело требует тонкости, а не мускулов. Кроме того, Тананда вполне может о себе позаботиться.

Тролль застонал, и склонившаяся его голова стукнулась о стол. Несколько секунд он оставался в такой позе, глубоко дыша, прежде чем заговорил:

— Скив... Скив... Скив. Я все время забываю, как недавно ты знаком с нашей семейкой.

Это начинало меня беспокоить.

— Брось, Корреш, что стряслось? С Танандой ведь все будет отлично, не так ли?

Тролль поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Скив, неужели ты не понимаешь... это около тебя мы все расслабляемся, но когда тебя нет поблизости...

Восхитительно.

— Слушай, Корреш. Логике твоей, как всегда, можно позавидовать, но не мог бы ты просто сказать, в чем дело? Если, по-твоему, Тананда в опасности...

— Я БЕСПОКОЮСЬ НЕ О НЕЙ!

Корреш с заметным усилием взял себя в руки.

— Скив... дай я попробую объяснить. Сестричка моя чудесная особа, я искренне ее люблю и восхищаюсь ею, но у нее есть склонность... слишком остро реагировать на некоторые вещи. Мамуля всегда говорила, что это из-за соперничества со старшим братом, способным без особого труда разносить все на части. Те же, кому довелось с ней поработать, объясняют это просто злобностью характера. Короче, у нее тяга к бессмысленному уничтожению еще больше, чем у меня... или у кого-либо еще, с кем мне доводилось встречаться. Так вот, если это твое задание требует тонкости...

Он оборвал фразу и покачал головой.

— Нет, — заключил он с решимостью в голосе. — Другого способа управиться с этим нет. Мне придется просто догнать ее и попытаться чуточку осадить. В какое, ты сказал, измерение она отправилась?

Прямой вопрос выдернул меня наконец из умственного паралича, в который меня ввергло его признание.

— Ну, в самом деле, Корреш. Не преувеличиваешь ли ты слегка? Я хочу сказать, ну, много ли бед она может учинить?

Тролль вздохнул:

— Слышал когда-нибудь об измерении под названием Ринасп?

— Не могу сказать, чтобы мне встречалось такое название.

— Это потому, что его больше нет. Именно туда моя сестричка в последний раз отправлялась взыскивать долг.

— У меня где-то здесь должно быть название измерения! — И я с новообретенным отчаянием нырнул в груду бумаг.

РАССКАЗ КОРРЕША

Да гори все синим пламенем! Я-то думал, Скив наконец поднабрался ума. Ведь дураку ясно: не зная броду, не суйся в воду, а уж тем более не тащи за собой других! Он что, не соображает... Тананда может... я даже не... Ну, он понятия не имеет, как нас воспитала мамуля, вот и все, что я могу сказать.

Конечно же, нельзя ждать многого от пентюха, воспитанного извращенцем, так ведь... хм-м-м? Ну, старина Корреш, опять настало твое время, а?

Должен признаться, это последнее задание для Тананды с взысканием долга здорово меня обеспокоило. Сестричке и в лучшие дни недоставало такта, а в последнее время...

Насколько я могу судить, между ней и Банни пробежала черная кошка. Они никогда особо не ладили, но с тех пор, как племянница Дона Брюса положила глаз на Скива, обстановка накалилась до предела. Уверяю вас, дело не в том, что у сестрички есть свои виды на паренька. Если она и испытывает к нему чувства, то скорее всего сестринские, чем какие-либо иные... упаси бог. Просто Тананду приводит в негодование тактика Банни.

Видите ли, Банни из кожи лезет вон, чтобы доказать Скиву, какой она великолепный работник, а сестричка вбила себе в голову, что это отрицательно сказывается на *ее* профессиональной репутации. Тананда всегда особенно гордилась своей внешностью и умением работать, а тут Банни расхаживает с важным видом по конторе и распинается о том, как хорошо прошло последнее задание. Сестричка чувствует себя уязвленной по обоим пунктам. Насколько я могу судить, она твердо решила доказать, что ее суровая жизненная школа ни в чем не уступает образованию, приобретенному Банни в том пансионе для девиц, куда посылал ее учиться Синдикат. В соединении с ее обычной склонностью к перегибам это сулит неприятности тому, с кого она отправилась требовать долг.

Меня ошеломило предчувствие неминуемой катастрофы. К тому же что это, в самом деле, за название для измерения — Аркадия? Похоже на вывеску одного из этих проклятых видеосалонов. Я бы, наверное, и вовсе его не нашел, если бы не получил вместе с названием и координаты. По ним я и свалился на край города, и поскольку сестричка пользовалась тем же путем, я предположил, что отстал от нее ненамного.

Аркадия показалась мне довольно приятным измерением. Можно было назвать ее и в чем-то странной, но все же привлекательной — тихое такое, сонное местечко, где можно расслабиться и чувствовать себя как дома. Мне очень хотелось надеяться, что такой она и останется на протяжении всего нашего здесь пребывания.

Мое созерцание внезапно прервалось окликом с близкого расстояния.

— Добро пожаловать на Аркадию, незнакомец. Могу я предложить вам стакан соку?

Источником этого приветствия был низкорослый, похожий на гнома старичок, сидевший верхом на трехколесном велосипеде с лотком на тележке. Он, казалось, воспринял мое

неожиданное появление и мою физиономию так спокойно, что я чуть было себя не выдал, но вовремя одумался и вспомнил про свою легенду. Это немного хлопотно, но вряд ли кто поверит троллю с хорошими манерами.

— Хорошо! Здорово! Грызь хочет пить!

С утробным рыком я схватил два предложенных стакана, засунул их в рот, закатив глаза, и с удовольствием ими захрустел. Хороший прием... с его помощью редко когда не удается произвести впечатление. Гном, однако, и глазом не моргнул.

— По-моему, я не видел вас раньше, незнакомец. Что привело вас сюда?

Я решил бросить дальнейшие попытки его запугать и перешел прямо к сути.

— Грызь искать подруга. Видел маленькая женщина... такая высокая... зеленые волосы?

— Она была тут совсем недавно. Это ваша подруга?

Я энергично закивал головой и показал клыки.

— Грызь любит маленькая женщина. Вытащила колючка из нога Грызя. Куда пошла маленькая женщина?

— Она спросила у меня, где находится полицейский участок, и ушла в том направлении... туда.

Ужасно милый старикан, в самом деле. Я решил, что могу позволить себе немного расслабиться.

— Грызь благодарит мил-человека. Если мил-человека нужен сильный друг, звать Грызя, ладно?

— Буду иметь в виду. А если понадобится моя помощь, только крикните.

Тут я покинул его, пока мы чересчур не подружились. Люди редко бывают вежливы, не говоря уж любезны, с троллем, и я боялся за разговором отвлечься от поисков Тананды. Ради блага Аркадии этого нельзя было допустить.

Думаю, моя краткая беседа все-таки заняла больше времени, чем я представлял. Я нашел Тананду, когда она удрученно сидела на ступеньках полицейского участка, видимо, уже закончив там все свои дела. Должно быть, дела обстояли

лучше, чем я предполагал, так как ее не посадили за решетку, а здание все еще стояло на месте.

— Здорово, сестричка, — окликнул я ее как можно веселей. — Ты вроде как грустишь? Проблемы?

— Привет... Коррещ? Что ты здесь делаешь?

К счастью, я предвидел этот вопрос и хорошо отрепетировал ответ:

— Да просто взял небольшой отпуск. Пообещал Аазу заскочить в это измерение и проверить несколько потенциальных инвестиций, а когда Скив сказал, что ты тоже здесь, то подумал кстати посмотреть, как у тебя дела.

— Это можно выразить одним словом, — сказала Тананда, снова опуская подбородок на ладони. — Паршиво.

— Возникли затруднения? Ну-ка давай выкладывай все старшему братцу.

Она слегка пожала плечами:

— Выкладывать-то особенно нечего. Я здесь с заданием взыскать долг, потому и думала встретиться с местными жандармами, посмотреть, не числится ли у них чего за этим парнем, или хотя бы узнать, где он.

— И? — поторопил я ее.

— Ну, они, конечно, знают, кто он. Богатый филантроп... пожертвовал миллионы на нужды города, помогает бедным и все такое.

Я почесал в затылке и нахмурился:

— Не очень-то похоже на парня, оставляющего счет неоплаченным, не так ли?

— Настоящая проблема в том, как это проверить. Он, говорят, затворник. Его, кажется, много лет никто не видел.

Я мог понять, почему она подавлена. Это задание явно было не из тех, какие можно закончить в рекордный срок, а ей, разумеется, хотелось поскорей с ним справиться, продемонстрировав свою деловую хватку.

— Положение может стать затруднительным. Кто вообще этот парень?

— Зовут Хус. Похоже на что-то из Доктора Сюсса*, не правда ли?

— Скорее на что-то вроде банка.

— Чего-чего?

Вместо того чтобы повторяться, я просто показал. По другую сторону улицы направо стояло заметное здание с вывеской «Национальный банк Хуса».

Тананда тут же поднялась на ноги и двинулась вперед.

— Спасибо, Корреш. Возможно, дело обстоит не так уж печально.

— Не забывай, мы совсем недалеко от полицейского участка, — предостерег я сестричку, спеша от нее не отстать.

— Что значит «мы»? — резко остановилась она. — Это *мое* задание, братец, поэтому не вмешивайся и не путайся под ногами. Понял?

Я счел нежелательным затевать драку с Танандой посреди людной улицы, не говоря уже о близости полицейского участка, к тому же я вовремя вспомнил, что нахожусь здесь для того, чтобы уберечь ее от неприятностей.

— Да ради бога. Просто я думал пойти с тобой за компанию... как наблюдатель. Ты же знаешь, я люблю смотреть, как ты работаешь. А еще, помнишь, как говорила мамуля: «Доброе участие никогда не помешает».

Не уверен, успокоили ли ее мои слова или она просто решила, что лишнее подтверждение ее заслуг не повредит, но сестричка хмыкнула и направилась в банк.

Учреждение было весьма стандартным для банка: клетки кассиров, столы для заполнения бланков на выдачу и прием вкладов и т. д. Единственное, что вообще заслуживало внимания, — это специальное окошко для обмена межизмеренческой валюты, само наличие которого, на мой взгляд, указывало, что здесь занимались демоновским бизнесом в большей степени, чем можно было ожидать от такого захолустного измерения. Я

* Теодор Сюсс Гайзел (Доктор Сюсс) — американский детский писатель и иллюстратор своих книг. Автор забавных рассказов и стихов-бессмыслиц.

собрался указать на это Тананде, но у нее явно имелись собственные планы. Даже не взглянув на окошко, она решительным шагом направилась в кабинет управляющего.

— Чем могу помочь, барышня? — равнодушно осведомился сидевший там тупой на вид субъект.

— Многим. Я хотела бы видеть господина Хуса.

В ответ на это нас долго, медленно и внимательно разглядывали слабые глаза, несколько лишних секунд они задержались на мне. Я изо всех сил старался выглядеть невинно... что для тролля не так-то легко.

— Боюсь, это совершенно невозможно, — сказал он наконец, возвращая свое внимание к работе на столе.

Я почувствовал, как Тананда борется со своим темпераментом, и мысленно скрестил пальцы.

— Это крайне срочно.

Глаза снова пробежались по нам, и он с видимым недовольством отложил карандаш.

— Тогда, вероятно, вам лучше обратиться ко мне.

— У меня есть кое-какая информация для господина Хуса, но, думаю, он захочет услышать ее лично.

— Это вы так думаете. Давайте вашу информацию, и я сам решу, позволить вам повторить ее господину Хусу или нет.

Нам выбирать явно было не из чего.

Тананда тоже, кажется, признала это.

— Я не хочу поднимать панику, — сказала она, — но у меня есть надежные сведения, что этот банк собираются ограбить.

Я немного удивился, хотя изо всех сил старался этого не показать. Управляющий банком, похоже, воспринял новость спокойно.

— Боюсь, вы ошибаетесь, барышня, — сказал он с натянутой улыбкой.

— Мои источники редко ошибаются, — стояла она на своем.

— Вы недавно на Аркадии, не так ли?

— Ну...

— Как только вы пообвыкнете тут, то поймете, что в этом измерении нет ни одного преступника, способного хоть что-либо украсть у господина Хуса, не говоря уже об ограблении его банка.

Этот Хус начинал казаться тем еще парнем. Сестричка, однако, не позволила так легко от себя отделаться.

— А как насчет преступника из другого измерения? Не столь уважающего господина Хуса?

Управляющий поднял бровь:

— Кого же, например?

— Ну, что если бы я и мой друг решили...

Дальше она сказать не успела.

Должен признаться, при всей своей напыщенности управляющий дело знал. Я не заметил в его движениях ничего подозрительного, но банк внезапно наполнился вооруженными охранниками. Их внимание сосредоточилось на нас.

Я подтолкнул Тананду локтем в бок, но та раздраженно от меня отмахнулась.

— Сказано было только «что если».

— Конечно, — улыбнулся без всякого юмора управляющий. — Я считаю этот вопрос исчерпанным. Всего хорошего.

— Но...

— Я сказал «всего хорошего».

С этими словами он вернулся к своей работе, не обращая на нас ни малейшего внимания.

Попытка разделаться со всей конторой, полной охранников, граничила бы с безумием. Поэтому я пришел в ужас, сообразив, что сестричка замышляет именно такую акцию, и принялся как можно небрежней насвистывать «Жребий полицейского не из счастливых» Гилберта и Салливана*, мягко напоминая, что до полицейского участка рукой подать. Тананда бросила на меня взгляд, способный сбить сливки, но сообщение приняла, и мы ушли без лишнего шума.

* У. Гилберт и А. Салливан — соавторы целой серии комических опер, необычайно популярных в Англии всю последнюю треть XIX века, но ставящихся там и по сей день.

— Что теперь, сестричка? — очень тактично спросил я.

— Разве это не очевидно?

Я несколько секунд подумал над этим.

— Нет, — честно признался я. — Мне кажется, ты зашла в тупик.

— Значит, ты все пропустил мимо ушей, — одарила она меня одной из самых надменных своих усмешек. — Управляющий дал мне отличное указание, где попробовать дальше.

— И где же?

— Разве ты не помнишь, как он сказал, что ни один преступник не ограбит этого Хуса?

— Точно. И?

— И если здесь есть криминальные связи, то я, вероятно, смогу ими воспользоваться и получить кое-какие сведения из первых рук.

Мне это показалось довольно зловещим. Но я давным-давно научился не спорить с Танандой, когда та что-то вобьет себе в голову. И решил действовать иначе.

— Не хочу спорить, — придрался я, — но как ты собираешься выйти на эти твои криминальные связи? Они что, пропечатаны в «Желтых страницах»*?

Ее шаг заметно замедлился.

— Тут есть проблема, — признала она. — И все же должен быть какой-то способ получить нужные сведения...

— Могу я предложить вам стакан холодного соку, барышня?

Это обратился к Тананде мой утренний друг с велолотком. У меня появилось желание посоветовать ему замолчать, так как прерванный мыслительный процесс сестрички мог иметь самые невообразимые последствия, но понятия не имел, как бы это сделать, не выходя из роли. И тут Тананда просто удивила меня. Вместо того чтобы стереть его в порошок за назойливость, она подарила ему самую ослепительную улыбку.

---

* Телефонный справочник.

— А, приветик! — промурлыкала она. — За мной должок — я так и не поблагодарила вас за помощь. Помните, утром вы указали мне дорогу к полицейскому участку.

Ну, улыбки сестрички могут сокрушительно подействовать на нервную систему любого представителя мужского пола, и этот тип не стал исключением.

— Не стоит благодарности, — покраснел он. — Если еще чем могу помочь...

— О, вы можете оказать мне одну малюсенькую-премалюсенькую услугу.

Ресницы ее затрепетали, словно бешеные, и лоточник заметно растаял.

— Назовите ее.

— Ну-у-у... не скажете ли, где мне найти хотя бы одного закоренелого преступника, а лучше всего пяток? К сожалению, я здесь недавно и не знаю ни одной живой души, у кого могла бы хоть что-то спросить.

Я счел это безвкусным и ожидал от велолоточника пространных рассуждений по поводу опасного влияния на хорошенькую девушку дурного общества. Однако старикан, несомненно, воспринял это как должное.

— Преступников, да? — потер он подбородок. — Давненько не имел особых дел с подобными личностями. Но прежде их можно было найти в «Условном сроке».

— В чем?

— В «Условном сроке». Это что-то вроде таверны с гостиницей. Владелец открыл ее после того, как ему здорово повезло и он дешево отделался на весьма жарком судебном процессе. Кажется, судья не ошибся, отпустив его на волю, поскольку за ним с тех пор ничего криминального вроде не числилось, но всякая шваль околачивается именно там. По-моему, они надеются, что им кое-что передастся от этого сказочного везения.

Тананда слегка ткнула меня в ребра и подмигнула:

— Ну, похоже, там моя следующая остановка. Так где, вы говорите, уважаемый, находится это заведение?

— Парой кварталов дальше по той улице, а потом свернуть налево в переулок. Не заметить его невозможно.

— Спасибо, вы действительно очень помогли.

— Не стоит упоминать об этом. Вы уверены, что не хотите соку?

— Может быть, позже. Но сейчас я спешу.

Старик покачал головой вслед ее удаляющейся спине.

— Вот в этом-то и беда нынешнего поколения. Все спешат. Согласен со мной, великан?

Я снова стал разрываться между желанием вступить в разговор с этим симпатичным стариканом и необходимостью присматривать дальше за сестричкой. Как всегда, победила верность семье.

— А-а-а... Большой Грызь тоже спешит. Поговорит с маленький человека позже.

— Разумеется. В любое время. Я обычно всегда где-то здесь.

Он помахал мне на прощание, я помахал ему в ответ и поспешил вслед за Танандой.

Когда я догнал сестричку, она казалась полностью поглощенной своими мыслями, поэтому я счел самым мудрым хранить молчание, идя рядом с ней. Я полагал, что она продумывает свой следующий шаг... во всяком случае, пока она не заговорила.

— Скажи-ка мне, братец, — произнесла она, не глядя на меня. — Что ты думаешь о Банни?

Ну, мамуля глупых детей не растила. Только меня с Танандой. Не требовалось усиленной умственной гимнастики, дабы понять, что сейчас не самое лучшее время нахваливать сестричкину соперницу. И все же я чувствовал бы себя лжецом, а то и предателем, если бы соврал в ответ на прямой вопрос.

— Э-э... ну, нельзя отрицать — она привлекательна.

Тананда кивнула, соглашаясь.

— ...Полагаю, на дешевый, невзыскательный вкус, — уточнила она.

— Конечно, — осторожно продолжал я, — у нее есть небольшая слабинка по части стремления выпендриться.

— *Небольшая* слабинка! Корреш, у тебя положительно талант к преуменьшению. Банни — одна из самых нахальных сук, каких я знаю.

Меня вдруг очень обрадовало, что я не развил свою мысль, сравнивая проблему Банни с могучими устремлениями самой моей сестрички. Но думаю, что Тананда включала себя в свой список нахальных сук. И все же я хотел прозондировать почву еще по одному пункту.

— Впрочем, на ее поведение, возможно, влияет увлечение Скивом.

В ответ на это Тананда врезала рукой по минуемому нами указательному столбу, и тот заметно накренился. Она хоть и не так сильна, как ваш покорный слуга, но все же способна вмазать, да еще как... особенно когда взбешена.

— Вот это-то и мучает меня, — прорычала она. — Если она думает, будто ей вот так, в вихре вальса, удастся опутать Скива... то сделает она это только через мой труп. Я не привыкла питаться объедками с барского стола. Скажу одно — ей придется пересмотреть свои намерения!

Я направил на нее свой долгий невинный взгляд.

— Вот это да, сестричка! — воскликнул я. — Ты, кажется, ревнуешь. Я и не представлял, что ты сама имеешь какие-то романтические виды на Скива.

Это чуть замедлило ее шаг.

— Ну, на самом-то деле нет. Просто суть в том... черт возьми, Корреш, мы вырастили Скива и сделали его тем, кем он стал сегодня. Не сомневаюсь, он может найти подругу и получше, чем какая-то штучка из Синдиката.

— А кем именно он стал? Хм-м-м?

Тананда бросила на меня недоумевающий взгляд:

— Не уверена, что поспеваю за твоей мыслью, братец.

— Посмотри как следует на результат наших совместных усилий. Скив сейчас один из самых популярных магов-бизнесменов на Базаре. Кого же он должен, по-твоему, выбрать себе в спутницы. Машу? Посудомойку? А может, одну из лоточниц или мошенниц?

— Ну нет.

Я сам теперь разошелся. Мы с Танандой редко говорили серьезно, и когда это случалось, то обычно она обвиняла меня в неблагоразумии. На этот раз я не собирался дать ей спуску.

— Конечно же, Скив начинает привлекать внимание кое-каких весьма энергичных охотниц за мужьями. Нравится нам это или нет, но мальчик взрослеет, и не считаться с этим нельзя. Скажи откровенно, сестричка, если бы ты сегодня встретилась с ним впервые, а не после стольких лет знакомства, разве сама не сочла бы его лакомым кусочком?

— Он все равно несколько молод для меня, но я понимаю твой довод... и не собираюсь вешаться на шею каждому встречному-поперечному.

— С каких это пор? — осведомился я, но очень тихо.

Тананда бросила на меня суровый взгляд, и я подумал, что она меня услышала.

— Ты меня удивляешь, — нахмурилась она, — можно подумать, ты за союз Скива с Банни.

— С ней или кем-то вроде нее. Будем смотреть правде в глаза, сестричка, при его нынешнем образе жизни малыш вряд ли свяжется с какой-нибудь милой, вежливой, верной, но заурядной девушкой... а если все же такое случится, мы сами вмиг слопаем ее с потрохами.

Шаг Тананды замедлился, она почти остановилась.

— Ты имеешь в виду, что пребывание в нашем обществе губит его личную жизнь? Ты это пытаешься сказать?

Мне захотелось взять ее за плечи и потрясти, но даже самые мягкие мои встряхивания могут оказаться впечатляющими, а я не хотел, чтобы меня арестовали за хулиганство.

Вместо этого я просто повернулся к ней с самым строгим выражением лица.

— Слушай, давай обойдемся без сантиментов. Я хочу сказать, что Скив привык к крутому обществу и поэтому уютно с ним будет только прекрасной даме не робкого десятка. И наоборот, с кем-нибудь вроде той же Луанны он будет несчастлив.

— А чем плоха Луанна?

Я пожал плечами и тронулся дальше, вынуждая Тананду следовать за мной.

— О да, она довольно хорошенькая. Но при этом — мелкая аферистка и так недальновидна, что продаст его при первом же намеке на беду. Короче, она будет для него камнем на шее, мешающим ему подняться выше и потенциально способным утянуть на дно. Если уж мы хотим свести парня с аферисткой, то пусть она будет по крайней мере крупной аферисткой... вроде, скажем, некой нашей общей знакомой, имеющей в качестве приданого Синдикат.

Это хотя бы заставило Тананду рассмеяться, и я понял — мы выдержали бурю.

— Корреш, ты бесподобен! А я-то думала, будто сватовство — исключительно женское дело. Просто потрясающе, но ты, братец, определенно сноб.

— Блаходару фас, — сказал я с наилучшим своим акцентом. — Я принимаю эту характеристику с гордостью... учитывая альтернативы. На мой взгляд, все предпочли бы быть снобами, если бы имели возможность выбирать.

— Почему мы остановились?

— Ну, если мы уже закончили обсуждать будущее мастера Скива, то можно, пожалуй, приступать к делу. Взгляни — мы у цели.

Она посмотрела, куда я показывал, и обнаружила, что мы и впрямь стоим перед заведением сомнительного вида, украшенным выцветшей вывеской, провозглашавшей его «Условным сроком». Некрашеные окна были выбиты или вообще

выломаны, открывая доступ в затемненное помещение. Здание могло бы показаться заброшенным, если бы не явственно доносившиеся изнутри разговоры и смех.

Тананда двинулась было вперед, но затем встала как вкопанная.

— Минуточку, братец. Что ты подразумеваешь под этим «мы»?

— Я подумал, что раз уж я здесь, то просто...

— Нет, — твердо сказала она. — Это все же мое задание, Корреш, и я вполне способна справиться с ним сама.

— О, я не издам ни звука.

— Да ты просто нависнешь над всеми со своей кривозубой усмешкой и вынудишь их содействовать мне из страха. Лучше уж подожди здесь, а я пока зайду одна. Если не возражаешь, я и сама могу пугнуть кого угодно.

Вот этого-то я и боялся.

— Мне кажется, со мной выйдет помягче, — слабо возразил я.

— Да что ты, братец, — подмигнула она мне. — Небольшая доза суровости никогда мне не мешала. Я думала, ты это знаешь.

Что ж, мне, обойденному с тыла и с флангов, оставалось только прислониться к стене и смотреть, как она, печатая шаг, входит в таверну.

— О да, я знаю, сестричка, — вздохнул я. — Уж поверь мне, знаю.

Хоть мне и запретили принимать активное участие в происходящем, я все же испытывал вполне понятное любопытство и держал на всякий случай ухо востро, пытаясь разобраться в доносящихся изнутри звуках. Ждать мне пришлось недолго.

Когда Тананда вошла, гул разговоров внезапно прекратился. Последовало напряженное молчание, а затем в ответ на чье-то невнятное замечание раздался резкий взрыв смеха.

Я закрыл глаза.

Случившееся вслед за тем было, казалось, разыграно как по нотам. Я узнал повышенный голос сестрички, задавшей вопрос, а в ответ на него снова услышал смех. Затем до меня донесся треск ломаемой мебели. Нет, «треск» это не совсем то слово. На самом деле это был грохот, как если бы кто-то задумал разделаться с увесистым предметом обстановки, жахнув им с размаху по подвернувшемуся неподвижному объекту... вроде чьей-то головы.

Выкрики стали теперь громче, в диапазоне от возмущенных до гневных, сопровождаемые звоном стекла и потрясающей какофонией. Многолетнее пребывание подле Тананды натренировало мой слух, и поэтому я забавлялся, пытаясь составить по звукам список причиненного ущерба.

Вот перевернулся столик...

...еще один стул...

...зеркало (интересно, как это она не попала по стаканам?)...

...вот определенно сломалась кость...

...чья-то голова ударилась о стойку, по-моему, ухом...

...вот *теперь* только пошли стаканы...

Тело, выброшенное сквозь зеркальное стекло витрины, пролетело мимо меня и подскочило разок на тротуаре, прежде чем замереть обмякшим кулем... и, между прочим, довольно приличных размеров.

Если я не ошибся, сестричка прибегла в этой потасовке к магии, иначе бы никак не добилась добавочного подскока при горизонтальном броске. Либо применила магию, либо действительно разобиделась! Я никак не мог решить, как отнестись к ее нарушению наших неписаных правил, запрещающих пускать в ход магию при потасовках в барах, но все же склонялся не возникать из-за этого. Надо знать Тананду: даже если она просто погорячилась, любое слово поперек может иметь самые неприятные последствия для моралиста.

К этому времени грохот в таверне прекратился и установилась зловещая тишина. Я счел этот момент вполне подхо-

дящим для разведвылазки, а потому осторожно пробрался вдоль стены и заглянул в дверь.

За исключением одного-единственного уцелевшего стула, заведение заполняли сплошь обломки и лохмотья. Среди обломков валялись обмякшие или стонущие тела, завершая живую картину поля боя.

Удивляла в этой сцене только Тананда. Она, вопреки своему обыкновению, вовсе не оглядывала с гордостью содеянного, а, прислонясь к стойке, спокойно болтала с барменом. Эта загадка быстро разрешилась, когда бармен поднял глаза и увидел в дверях мои довольно своеобразные черты.

— Эй, Корреш! Давай сюда, выпей с нами за мою долгожданную перестройку.

Тананда пристально поглядела в мою сторону, а затем одобрительно кивнула.

— Заходи, братец. Тебе никогда не угадать, кто владелец этой пивнушки.

— По-моему, я все же вычислил, — отозвался я, наливая себе из стоявшей на стойке разбитой бутылки. — Здорово, Хорек. Немного в стороне от твоих охотничьих угодий, а?

— Уже нет, — пожал он плечами. — Теперь здесь мой дом, мое пристанище. Где еще я бы чувствовал себя уважаемым бизнесменом?

Тананда слегка поперхнулась содержимым своего бокала.

— Уважаемым бизнесменом? Брось, Хорек. Ты же говоришь не с кем-нибудь, а с Танандой и Коррешем. Сколько лет мы тебя знаем? По-моему, за все это время в твоей голове не появилось ни одной честной мысли.

Хорек печально покачал головой.

— Оглянись вокруг, дорогуша. Это ведь и в самом деле мое заведение... было им по крайней мере. Я уже довольно давно и, представь себе, честно занимаюсь только им. Возможно, этот мой образ жизни и не такой волнующий, как прежний, но он, пожалуй, не менее выгоден, так как не приходится терять время на сидение в каталажке.

Сестричка уже открывала рот, готовясь отпустить очередное ехидное замечание, когда я двинул ей локтем по ребрам. Я хоть и сам небезупречен, но считал, что если Хорек искренне хотел завязать, то нам следовало бы как минимум не ставить ему палки в колеса.

— Скажи мне, старина, — обратился я к нему. — Что привело тебя к этому изумительному превращению? Хорошая женщина или скверная операция?

— Ни то, ни другое. Видишь ли, произошло следующее: на меня навесили всех собак... нет, на этот раз действительно оклеветали. Я ничего не сделал, но все улики оказались против меня, просто беда. Сначала я думал, мне и впрямь крышка, но тут выскакивает этот парень и усиленно меня поддерживает. Я имею в виду, он находит хорошую отмазку, и когда суд присяжных все же признает меня виновным, говорит с судьей и добивается для меня условного срока. Мало того, уже на воле он подкидывает мне наличные для основания этого дела... просто в долг, без всяких процентов. Заплатишь, когда сможешь, говорит. Скажу вам прямо, никогда и никто раньше так вот меня не поддерживал. И я задумался обо всем этом, ведь и жуликом я стал только потому, что не рассчитывал быть принятым в компанию честных людей. Ну вот, я и решил попробовать жить честно... и пока не пожалел об этом.

— Этот упомянутый тобой таинственный благодетель... Его, случайно, не Хусом зовут, а?

— Совершенно верно, Корреш. Он самый прекрасный человек, какого я когда-либо встречал. Понимаешь, я ведь не единственный, кому он помог. В свое время он так или иначе посодействовал большинству жителей этого измерения. Я не удивлен, что ты слышал о нем.

Тананда изобразила свою наилучшую улыбку.

— Это и приводит нас к причине моего пребывания здесь, Хорек. Я пытаюсь найти этого Хуса, а местные пока что не очень-то спешили мне помочь. Ты не мог бы познакомить меня с ним или хотя бы показать, где его найти?

Игравшая на лице Хорька улыбка исчезла, словно ему вдруг сообщили про то, что богатый дядюшкане упомянул его в завещании. Глаза его потеряли фокусировку, и он нервно провел языком по губам.

— Сожалею, Тананда, — извинился он. — Тут я не могу тебе помочь.

— Минутку, приятель. — Улыбка Тананды стала теперь принужденной. — Ты должен знать, где его найти. Куда ты относил плату за это заведение?

— В последний раз я платил полгода назад. А теперь извините...

Прежде чем он успел сделать шаг, Тананда придержала его за рукав.

— Ты меня задерживаешь, Хорек, — прорычала она, отбросив всякие попытки казаться милой. — Или сейчас же выкладывай, где найти этого Хуса, или я...

— Или ты что? Разгромишь таверну? С этим ты немного запоздала, дорогуша. Хочешь последний стул, вот, пожалуйста. Все равно он теперь не сочетается с остальным декором.

По выражению сестричкиного лица я нисколько не сомневался, что она думает уничтожить отнюдь не стул, и поэтому счел за лучшее вмешаться в разговор, пока обстановка не стала совершенно неуправляемой.

— Если ты не против, старина, то скажи, у тебя что, есть какая-нибудь особенная причина так упрямо отказывать в простой просьбе?

Тананда бросила на меня один из своих взглядов типа «не суйся», но Хорек, похоже, не возражал против такого вмешательства.

— Шутишь? — удивился он. — Может, ты не понял, но я должен этому парню... и намного больше, чем уже выплаченные деньги. Он дал мне шанс начать заново, когда все прочие списали меня со счетов. И вы предлагаете мне показать, как я ценю это, пустив по его следу пару громил?

— Громил?

Она произнесла это очень тихо, но, мне думается, никто из присутствующих в таверне не ошибся в смысле оценки намерения Тананды. Фактически те немногие из посетителей, что еще не потеряли сознания, тут же поползли к двери, стремясь убраться подальше от неминуемого взрыва.

Хорек, однако, не испугался:

— Да, именно громил. Что здесь произошло несколько минут назад? Суаре с мороженым?

— Тут он тебя уел, сестричка.

В ответ на это она резко повернула голову ко мне.

— Заткнись, Корреш! — прорычала она. — Это мое задание. Помнишь?

— Иначе и быть не может. Однако я думаю, здесь Хорек прав. Ты действительно не производишь впечатления любительницы мирно поболтать.

Сперва я думал, она вцепится мне в горло. Затем она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

— Принято. — Она отпустила рукав Хорька. — Хорек, я действительно хочу просто поговорить с этим Хусом. Обещаю, никаких грубостей.

Бармен поджал губы.

— Не знаю, Тананда. Хотелось бы тебе верить. Полагаю, если Корреш поручится...

Это решило дело. Тананда круто повернулась и пошла к двери.

— Если требуется ручательство Корреша, то забудь об этом. Ладно! Я сделаю это по-своему, без всякой помощи, пусть даже при этом кому-то не поздоровится.

— Эй, не уходи взбешенной, — крикнул ей вслед Хорек. — Знаешь, что я сделаю? Когда полиция спросит, что здесь произошло, я не стану упоминать твоего имени, идет? Просто прикинусь дурачком и получу страховку. Это погубит мою репутацию, но...

— Не порти из-за меня свою анкету. Подсчитай-ка весь ущерб, и я лично возмещу его стоимость.

Этими словами она положила конец разговору и вышла на улицу, хлопнув дверью.

— Она шутит? — спросил Хорек. — Восстановление трактира потребует кучи денег.

— Не знаю, старик. Она по-настоящему взбешена, и именно поэтому я бы не стал ей противоречить. На твоем месте я бы начал подсчитывать ущерб. Так как?

— Согласен, — кивнул он. — Но тебе лучше бежать за ней, пока она не попала в беду. Сожалею, что так уперся рогом, но...

— Вот еще, — отмахнулся я. — Учитывая все обстоятельства, ты был сама любезность. Ну, счастливо.

Я ожидал, что мне придется снова догонять сестричку, но вместо этого застал ее сидящей перед баром на краю тротуара. Она не из тех, кто плачет, все равно от ярости или от неудач, но, увидев ее там с опущенными плечами и подрагивающим подбородком, я понял, что это один из тех редких случаев.

— Слушай, ты ведь действительно очень тяжело воспринимаешь все это, не так ли? — как можно мягче спросил я.

Она не оглянулась.

— Просто дело в том... хотя я... ладно, ничего! Хорек, конечно, прав, и ты тоже. Я металась как слон в посудной лавке, и в результате даже друзья отказываются мне помочь. Если не сумею провернуть даже простого взыскания долга, Банни никогда не позволит мне об этом забыть.

Присев рядом, я в успокаивающем жесте положил руку ей на плечо.

— По-моему, в этом и состоит твоя проблема, сестричка. Ты так упорно стараешься утереть нос Банни, что слишком торопишь события... даже по твоим меркам. А теперь предлагаю удалиться куда-нибудь и немножко подумать, хм-м-м? Забудь о сроке выполнения задания и просто сосредоточься.

Мой совет чуть подбодрил ее, и она даже сумела слабо улыбнуться.

— Ладно, — согласилась она. — Я, конечно, по-прежнему хочу управиться со всем самостоятельно, но, полагаю, нет ничего плохого в использовании тебя в качестве консультанта, раз уж ты здесь. Чего мне действительно сейчас хочется, так это выпить чего-нибудь покрепче для успокоения нервов. Ты не приметил рядом с «Условным сроком» какого-нибудь местечка, где мы могли бы...

— Не желаете ли стакан соку?

Мы подняли головы и увидели улыбающегося нам старикана на велолотке. Какой-то миг я боялся, что Тананда окрысится на него, но она подарила ему усмешку куда более искреннюю, чем ее прежняя улыбка.

— Спасибо, но я бы предпочла что-нибудь покрепче. И раз уж мы опять встретились... я ценю оказанную вами помощь тогда... ну, во второй раз то есть. Думаю, я в спешке позабыла о своих манерах.

— Не стоит говорить об этом. Теперь почти все спешат. Я лично всегда считал, что в жизни должно быть меньше суеты и больше наслаждения. У всех нас мало времени, и самое лучшее — это постараться не тратить его попусту и смаковать каждую минуту.

Тананда улыбнулась ему с искренней теплотой, а не симулируя по обыкновению жаркий энтузиазм.

— Хороший совет, — согласилась она. — Постараюсь его запомнить. Пошли, Корреш. Нам нужно кое-что обдумать... то есть обдумать медленно и тщательно.

— Только крикните, если я смогу чем-нибудь вам помочь.

— Спасибо, мы ищем кого-нибудь, кто может свести нас с господином Хусом. Вы, случайно, не знаете, где нам его найти?

— О, это легко.

— Да?

По-моему, мы произнесли это одновременно. Такого сюрприза никто из нас не ожидал.

— Разумеется. Только встаньте, моргните три раза, и он будет тут как тут.

Мне это показалось немножко глупым, и я начал сомневаться в нормальности старикана. Однако сестричка приняла его всерьез. Она в мгновение ока очутилась на ногах, бешено моргая.

— Ну? — огляделась она кругом.

— Рад с вами познакомиться, барышня. Меня зовут Хус. А вас?

Мы вытаращились на него, разинув рты... единственное, на что мы были тогда способны.

— Вы?! — сумела наконец выдавить из себя Тананда. — Почему же вы не сказали об этом раньше?

— До этой минуты я и не знал, что вы искали именно меня.

Это было не мое дело, но мне не терпелось спросить:

— Просто из любопытства, а зачем сестричке нужно было три раза моргнуть?

Сказав это, я тут же сообразил, что забыл применить речевые обороты Большого Грызя. Хус, казалось, не заметил моей оплошности.

— Вообще-то не нужно. Просто вы так упорно старались меня найти, что мне хотелось подбросить чего-нибудь, чтобы наша встреча не оказалась слишком заурядной. Итак, чем могу быть вам полезен?

В глазах старикана блеснуло озорство, убедившее меня, что он не такой уж глупый, каким хотел казаться. Тананда, однако, упустила этот момент, так как торопилась извлечь из туники мятый лист бумаги.

— Господин Хус, — живо обратилась она к старикану. — Я здесь представляю клиента, утверждающего, что вы должны ему деньги по этому старому счету. Хотелось бы знать, когда вы думаете расплатиться, или, может, желаете установить график регулярных выплат?

Хус взял у нее бумагу и небрежно изучил ее.

— Ну, будь я... я мог бы поклясться, что выписал ему чек по этому счету на следующий же день.

— Он говорил что-то о том, вроде чек вернули, — сказала Тананда.

— Должно быть, продержал его у себя, пока я не закрыл банковский счет. Проклятие! Я думал, у меня все улажено.

— Вы закрыли счет в банке?

Хус подмигнул ей:

— Нет, я закрыл банк. Когда укреплял свои владения.

— О! Так вас, вероятно, устроит то, о чем я говорила, — график выплат...

Он махнул ей, прося замолчать, и открыл верх тележки с лотком. С высоты своего роста я увидел, что дно ее заполнено золотыми монетами.

— Почему бы нам просто не урегулировать это сейчас же? — предложил он. — У меня есть с собой немного наличных... понимаете? Наличных. Давайте-ка посмотрим, какой процент по этому счету компенсирует...

— ГОСПОДИН ХУС!

Обернувшись, мы увидели шагающего к нам управляющего банком.

— Я думал, мы договорились, что вы будете оформлять свои сделки через банк! Ношение наличных — это открытое приглашение для преступных элементов, помните?

— Что за шум? — Из двери позади нас появился Хорек. — На мой взгляд, это не похоже на дружескую беседу!

Вокруг нас начала собираться толпа, на шум стекались прохожие и покинувшие свои рабочие места лавочники. Никто из них не выглядел особенно довольным... или тем более дружелюбным.

— Знаю, сестричка, ты хочешь управиться с этим сама, — шепнул я. — Но не будешь возражать, если я на всякий случай хотя бы продемонстрирую клыки? Мне тоже хочется выбраться отсюда живым.

— А НУ ВСЕМ СТОЯТЬ!

Хус поднялся на сиденье велолотка с поднятыми руками, сдерживая толпу.

— Барышня взыскивает долг по вполне законному счету. Вот и все. А теперь отчаливайте и возвращайтесь к прежним занятиям. Неужели человеку нельзя заняться небольшим делом в частном порядке?

Это, кажется, утихомирило большинство зевак, и они начали мало-помалу расходиться. Хорек и управляющий банком не шелохнулись.

— Дайте-ка мне этот счет, — потребовал управляющий. — Вы помните, как сделали этот долг, господин Хус?

— Да, помню, как сделал этот долг, господин управляющий, — передразнил его Хус. — А теперь, если не возражаете, я просто выплачу его и делу конец.

— Ну, это не по правилам. Не понимаю, почему они не обратились по обычным каналам и не предъявили свой счет в банке.

— Мы *заходили* в банк, — огрызнулась Тананда. — И не получили там ничего, кроме уклончивых ответов.

Управляющий пригляделся к ней.

— О да. Припоминаю, — протянул он. — Вот только не помню, чтобы речь шла о подаче требования на выплату долга. По-моему, вы что-то говорили насчет ограбления банка. Не так ли?

— Ты чуточку *поторопилась* там, сестричка, — мягко упрекнул я ее.

— Тананда, ты хочешь сказать, что действуешь по закону? — встрял в разговор Хорек. — Так почему же не сказала об этом сразу?

— Сказала! Что здесь, собственно, происходит, Хорек?

— Господин Хус — человек очень богатый, — ответил вместо него управляющий банком. — И к тому же щедрый... иногда даже слишком щедрый в ущерб собственному благу.

— Деньги-то мои, не так ли? — парировал Хус. — Так на чем мы остановились? Ах да.

Он принялся сыпать в бумажный пакет пригоршни монет.

— ...Мы говорили о проценте по этому счету. Какая, по-вашему, сумма компенсирует хлопоты, вызванные моей несвоевременной уплатой?

— Понятно теперь, что мы имели в виду? — заметил Хорек. — Господин Хус, любой положенный процент следовало установить во время дачи в долг. Выплачивать больше — значит просто отдавать свои деньги.

Управляющий банком слабо попробовал понимающе нам улыбнуться.

— Видите ли, многие из нас в этом измерении обязаны своим благосостоянием господину Хусу, и мы взяли на себя его защиту от ненужных расходов... и тем более от охотников злоупотребить его щедростью.

— После того как сами пожали плоды этой щедрости, — невинно добавил я.

Это вызвало у Хуса тихий смешок.

— Совершенно верно, великан, — согласился он. — Но не надо судить об этих ребятах слишком строго. Никто не сравнится в честности с перековавшимся преступником. Хотите, расскажу вам, чем занимался управляющий до того, как я внес за него денежный залог?

— Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали, — воспротивился управляющий, но в голос его закралась нотка мольбы.

Я снова увидел озорной блеск в глазах старикана и обнаружил, что гадаю, а кто же в действительности подставил Хорька перед тем, как тот решил перековаться. По-моему, сестричка тоже уловила это.

— Думаю, никакие проценты не понадобятся, господин Хус, — сказала она, беря у него бумажный пакет. — Я уверена, мой клиент и так будет доволен выплатой.

— Вы уверены? Нельзя ли мне в таком случае предложить вам лично хоть самую скромную компенсацию за ваши хлопоты?

— Сожалею. Наша фирма не позволяет своим агентам брать чаевые. Хорек, ты пришлешь мне счет за ущерб, нанесенный твоему заведению?

— Считай, ты его уже получила, дорогуша, — отмахнулся бармен.

— Ну тогда, — Хус сунул руку в велолоток, — я могу по крайней мере покрыть вам эти расходы.

Тананда покачала головой:

— Они включены в бюджет операции. В самом деле, господин Хус, я работаю законно. Лишнего мне не надо. Пошли, Корреш. Нам пора.

Помахав на прощание остальным, я занял свое место рядом с ней, когда она принялась вращаться для переброски нас к родной базе на Деве.

— Наверно, мне не следовало бы об этом упоминать, сестричка, — тихо сказал я, — но сдается мне, этот счет за нанесение ущерба, пожалуй, превысит сумму взысканного нашей фирмой долга.

— Я обещала уплатить его лично и уплачу, — пробормотала она в ответ. — Важно, что я выполнила это задание в рекордный срок... И если проговоришься об ущербе Банни, я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще родился на свет. Мы понимаем друг друга, братец?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Это все дело вкуса.

Б. Мидлер

— Я вынуждена тебя поздравить, милочка. Меня никогда не перестанет изумлять, сколь многого тебе удается добиться со столь малым.

Такой вот комментарий Банни последовал за докладом Тананды о ее последнем задании. Я попросил Банни записать

доклад, и, должен признаться, она крайне внимательно выслушала Тананду... намного внимательнее, чем я. Судя по докладу, задание оказалось до скучного рутинным, хотя мне бы лично хотелось сначала выслушать Корреша, а уж потом выносить какие-то окончательные суждения. Однако тролль как сквозь землю провалился... что наводило меня на легкие подозрения. Что касается Банни, то она с прежней ловкостью прикрывала мои разбредшиеся мысли собственными комплиментами.

— Ах, спасибо, Банни, — промурлыкала в ответ Тананда. — Для меня действительно многое значит услышать мнение из твоих уст, учитывая, как хорошо ты разбираешься в работе при минимальных ресурсах.

Я порадовался мысли, что эти девушки так хорошо ладят между собой. Если бы они принялись враждовать, то нашей фирме грозил бы настоящий кавардак.

Впрочем, подумалось мне вслед за этим, для дружеской встречи не много ли тут показывалось зубов? Пора сменить тему разговора, решил я, пока обстановка не стала *слишком* дружеской.

— Пока тебя не было, Тананда, здесь царило полное спокойствие, — сообщил я. — Почти никаких новостей. Я прав, Банни? Или есть что-то, о чем следует знать нам всем?

Банни уткнулась в свои заметки в блокноте. Это меня насторожило. Видите ли, я знаю, что Банни ведет безупречные заметки в голове и сверяется с блокнотом только в тех случаях, когда тянет время, не зная, как поступить — привлечь мое внимание к чему-то или нет. Может, я и тугодум, но... *учусь*.

— Ну-у-у... — медленно произнесла она. — Что я могу такого сказать? Разве вот про встречу с неким субъектом по имени Истерий.

— Истерий? Почему это имя кажется мне знакомым? Минуточку. Разве я не видел письма от него примерно неделю назад?

— Совершенно верно. Он спекулирует землей и занимается строительством и уже давно пытается повидать тебя.

— С этим трудностей быть не должно. На какое время ему назначено?

Банни снова уставилась в заметки.

— Я думала отсрочить эту встречу, если не отменить ее совсем, — сказала она.

— С чего бы это?

Мне стало обидно, но любопытно. Я, конечно, не испытывал восторга от попытки Банни решать за меня. Но ведь она хорошо разбиралась в бизнесе, и если этот парень заставил ее в чем-то усомниться, мне хотелось знать почему.

— Я уже пыталась объяснить тебе раньше, Скив. Твое время слишком ценно, чтобы уделять его всякому психу, захотевшему с тобой встретиться.

— ...А ты считаешь этого парня психом?

— Скорее всего так оно и есть, — пожала она плечами. — То, о чем он хочет поговорить, просто не наш профиль. Насколько я сумела разобраться, он нуждается в услугах декораторов интерьера.

Это вовлекло в разговор Тананду.

— Шутишь. Декораторов интерьера?

Банни хихикнула и заговорщицки повернулась к Тананде.

— Совершенно верно. Он начал строить комплекс мотелей, рассчитывая стать единственным поставщиком доступного жилья в округе. Однако с тех пор, как он начал строительство, в его бизнесе объявились целых четверо конкурентов, либо объявивших о намерении строить отель, либо уже строивших прямо у него под носом. И поскольку первоначальный план Истерия не предполагал никакой конкуренции, дизайн его отеля скорее утилитарный, чем декоративный. Короче, его гостиница будет выглядеть действительно убого по сравнению с отелями конкурентов, и он боится остаться без штанов.

— Плохо дело, — поморщилась Тананда. — Так чего же он хочет от нас?

— Наша фирма, похоже, приобрела репутацию всемогущей... знаете, как крайнее средство. Так или иначе, он хочет, чтобы мы придумали альтернативный дизайн или что-нибудь в этом роде и привлекли к нему всеобщее внимание, тогда его отель забьется до отказа прежде, чем конкуренты сдадут хоть один номер.

— Мы? Он, должно быть, сошел с ума.

— Сошел с ума или дошел до ручки, — кивнула Банни. — Но я знаю, что только сумасшедший возьмется за такую работу.

Я подождал, пока они не кончат смеяться, и только тогда рискнул высказать свое мнение.

— По-моему, нам следует за нее взяться, — произнес я наконец.

Я вдруг полностью завладел их вниманием.

— В самом деле? И зачем нам в это ввязываться?

Я свел пальцы и попытался выглядеть мудрым.

— Во-первых, предложен гонорар... который, если я правильно помню то письмо, существен даже по нашим стандартам. Потом, ты ведь сама говорила — мы никогда прежде не делали ничего подобного. Это дает нам шанс попробовать нечто новое... хотя бы для разнообразия. И наконец...

Я лениво улыбнулся им обеим:

— ...как вы сами понимаете, задача эта не из легких. Поэтому мы не станем гарантировать результат. И значит, если мы потерпим неудачу, то это не будет для заказчика неожиданностью, но если мы преуспеем, то окажемся героями. Вся красота в том, что в любом случае свой гонорар мы получим.

Женщины обменялись быстрыми взглядами, и какое-то мгновение я почти не сомневался, что они сейчас предложат мне длительный отдых... скажем, в сумасшедшем доме.

— Вообще-то, — медленно произнесла Банни, — в колледже я однажды посещала курс по декорации интерьеров.

Полагаю, я могла бы попробовать. Украшение здания на чужие деньги может оказаться забавным.

— Но, милочка, — возразила Тананда. — Ты же так нужна здесь, в конторе. Поскольку в этом задании нет никакой гарантии успеха, то, возможно, лучше будет, если *я* возьмусь за него и освобожу тебя для более важных заданий.

Банни приготовилась было ответить, но взглянула на меня и, кажется, передумала.

— Если у тебя лежит к этому душа, то что нам мешает вместе поработать над этим. Верно, Скив?

Так. Пожалуй, ничего глупее за весь сегодняшний день я не слышал. Даже если девушки теперь отлично ладят, все равно я не сомневался, что при малейшей стычке из-за идей по дизайну всякая надежда на дружбу вылетит в трубу.

К счастью, я уже нашел решение.

— Сожалею, — осторожно сказал я. — Я вообще не собирался использовать на этом задании ни одну из вас.

Эти слова на несколько секунд зависли в воздухе. Затем Тананда прочистила горло.

— Если не секрет, то кому же, если не нам, ты поручишь это задание?

Я обошел стол и присел на его край, чтобы можно было поговорить более конкретно.

— Как я понимаю, новый дизайн должен быть броским, привлекающим внимание, настоящим венцом всему. И коль уж речь зашла о бросающихся в глаза выставках, думается, у нас в штате определенно есть знаток и ценитель этого дела.

РАССКАЗ МАШИ

— Вы уверены, что вас прислал Великий Скив?

Скажу вам откровенно, ребята, мне не привыкать к бурному реагированию людей на мою персону, но этот парень Истерий, кажется, просто с катушек съехал. А еще считается,

что деволы привыкли не моргнув глазом заключать сделки со всякими субъектами. И все же он был клиентом, а бизнес есть бизнес.

— Представьте себе, так оно и есть, умница вы наш, богатенький и рисковый.

Никогда не вредно немного подмаслить, но на этот раз клиент просто был невменяем.

— Тот самый Великий Скив? Президент корпорации М.И.Ф.?

Разговор становился излишне многословным, и поэтому я решила, что настало время положить ему конец. Я испустила большой вздох... а это, скажу я вам, действительно кое-что.

— Вот что я вам скажу... Истерий, по-моему? Никогда не умела справляться с именами. Если хотите, я вернусь и скажу шефу, что вы решили отказаться от наших услуг. Хм-м-м?

Девол внезапно стал более внимательным.

— Нет! В этом нет необходимости. Просто вы... не совсем то, чего я ожидал, вот и все. Стало быть, я имею дело с сотрудником корпорации М.И.Ф., да? Как, вы говорите, вас зовут?

Не знаю, чего уж он там ожидал, но я готова была охотно поверить, что мы оказались не тем... по крайней мере я. Даже когда я просто бездельничаю, то все равно могу быть очень даже заметной, а сегодня я прифрантилась специально для обязательного произведения впечатления. Правда, в моем случае больше подходит слово «прифронтилась».

Меня никто и никогда не называл миниатюрной... даже когда я только-только родилась. Медсестры прозвали тогда мою мамочку Пташкой, хотя я-то поняла эту шутку, только став постарше. Суть в том, ребята, что я больше, чем большая... где-то между огромной и «не приведи господи», и, пожалуй, ближе к последнему. А когда ты таких размеров, то этого никак не скрыть, и я научилась щеголять своей комплекцией... и, поверьте, делаю это мастерски.

Взять, к примеру, выбранный мной на этот день наряд. Так вот, многие девушки стонут, что фигура не позволяет им

носить одежду, открывающую живот. Но я всегда придерживалась иного мнения, и сегодняшний день не стал исключением. Верхняя часть моего туалета была ярко-лимонно-зеленой с пурпурным галуном и мило контрастировала с оранжево-красными полосками нижней части. Само собой, я не вижу ничего плохого в хождении босиком, но вот нашла премиленькие бирюзовые гаремные туфельки и не могла устоять перед желанием дополнить ансамбль ими. Конечно, при таком многоцветье девушке никак нельзя пренебречь косметикой. Лиловые тени и кричаще желтый лак для ногтей я уравновесила фиолетовой помадой и самую малость прибегла к румянам для сокрытия того факта, что я, увы, не молодею. Я думала покрасить волосы в цвет электрик вместо обычного оранжевого, но решила придерживаться естественности.

Так вот, некоторые спрашивают, где я нахожу свои наряды. Ну, между нами, многие из них сделаны специально для меня. Надо считаться с фактами — в магазине такой одежды не найдешь... а если и найдешь, то она всегда не так сидит. Никто не должен знать, кто мне шьет. Модельеры на этом *настаивают* — видимо, боятся, что их завалят заказами. По той же причине они никогда не нашивают на мою одежду своих ярлыков. Хоть я и обещала не говорить никому ни слова, они все равно опасаются, что кто-нибудь может случайно выяснить... или уяснить? Впрочем, какая разница... Ах да. Я также нацепила больше обычного своего набора драгоценностей, а это для всех моих знакомых значит очень многое. Для экономии времени я не буду приводить здесь весь список. Просто представьте, что я ношу множество всякой всячины: ожерелья, наручные браслеты, ножные браслеты, серьги, кольца в носу... на кольца я особенно налегаю, так как считаю их необходимыми для работы. Видите ли, кольца не только существенная часть моего магического арсенала (мамочка всегда говорила, что кастеты носить неженственно), они дают мне еще преимущество в бою, добавляя заодно и шика.

Так или иначе, я простила клиенту легкую ошарашенность при нашем появлении. Хотя он весьма резво отскочил назад, думаю, учитывая все обстоятельства, что именно нашей парочки и не хватало, чтобы он окончательно впал в отчаяние.

— Маша, — представилась я, — а моего напарника зовут Вик.

Истерий чуть не повалился на стол от нетерпения пожать руку Вику. Мой напарник был одет вполне элегантно, правда, по моим понятиям немного степенно, в просторный костюм с высоким воротником и сапоги по голень. Весь его наряд был выдержан в мягких почвенных тонах, и девол наверняка не заметил в Вике ничего странного. Называйте это озорством, но я просто не могла удержаться.

— Вик не состоит у нас в штате. Он вольнонаемный работник, мы привлекаем его иногда в качестве специалиста.

— Специалиста?! — воскликнул Истерий, пожимая ему руку. — Вы декоратор интерьеров?

Мой напарник наградил его натянутой улыбкой.

— Нет, я больше специалист по ночной жизни. Вот потому я и ношу днем эти солнцезащитные очки. Я очень чувствителен к свету.

— По ночной жизни? Не уверен, что понимаю.

Я спрятала легкую улыбку и посмотрела на потолок.

— Вик пытается сказать, — как можно небрежней объяснила я деволу, — что он вампир.

Истерий выпустил горячо пожимаемую им руку, словно та его укусила.

— Вампир?!

Вик снова улыбнулся ему, на этот раз показывая свои впечатляющие клыки.

— Совершенно верно. А что? Вы что-то имеете против вампиров?

Клиент принялся потихоньку отступать к другой стене кабинета.

— Нет! Просто я никогда... Меня это вполне устраивает. В самом деле.

— Ну, раз с этим теперь улажено, — сказала я, вновь становясь хозяйкой положения, — давайте перейдем к делу. Если я правильно поняла, у вас на руках обуза, и нам предлагается обратить ее в золотую жилу к первому числу следующего месяца.

Истерий осторожно снова уселся за стол.

— Я... Да. Полагаю, можно объяснить положение и так. По плану нам надо бы открыться через три недели.

— ...А как будет финансироваться подобное чудо? — спросил Вик, бросив свою роль «загадочного вампира».

— Финансироваться?

— Ну, знаете, бабки. Денежки, — поднажала я. — Мы знаем, каков наш гонорар. А сколько вы готовы вложить в украшение и рекламу этой недвижимости?

— Ах это. У меня есть где-то здесь цифры. Конечно, я буду работать над этим вместе с вами.

Он принялся рыться в бумагах на столе.

— Опять неверно, Девятый Вал, — твердо заявила я. — Вы передадите все нам и отправитесь в трехнедельный отпуск.

Девольское рытье в бумагах перешло в нервную возню. Я начинала понимать, как он заработал свое имечко.

— Но... Я думал, что буду осуществлять общее руководство. В конце концов, это же мой проект.

— Вы думали неверно, сударь, — уведомил его Вик. — На следующие три недели это *наш* проект.

— Неужели вам не нужны мои предложения и идеи?

К счастью, мы с Виком по дороге обговорили это, и я уже знала, как ответить.

— Позвольте мне поставить вопрос так, Истерий, — сказала я. — Если бы у вас имелись какие-то работоспособные идеи, вы бы попробовали осуществить их сами, не нанимая нас. Так вот, три недели — не слишком большой срок, и мы

не можем зря терять время, препираясь с вами по каждому мелкому вопросу. Стало быть, вам, чтобы не поддаваться искушению лезть с непрошеными советами и не путаться под ногами, лучше всего будет отсюда убраться. Понятно? А теперь решайте. Либо вы предоставляете нам возможность работать без постороннего вмешательства, либо справляетесь со всем сами, и мы тотчас же расстанемся.

Девол слегка подвял. Всегда приятно иметь дело с отчаявшимся клиентом.

— Разве я вам не понадоблюсь по крайней мере для подписания чеков? — слабо отозвался он.

— Это ни к чему, если вы свяжетесь с банком и распорядитесь дать нам допуск к финансам, — улыбнулась я.

— А заодно, — предложил Вик, — дайте знать подрядчику, что мы немного изменим окончательную отделку, выполняемую его бригадой. Скажите, что мы встретимся с ним здесь завтра с утра и обсудим эти изменения. Конечно, нам понадобится немедленно посмотреть чертежи.

При этих словах Истерий немного выпрямился и быстро взглянул поочередно на нас обоих.

— Вы не могли бы посвятить меня в свои планы? Похоже, у вас есть на уме что-то определенное.

— Да вообще-то нет, милый, — подмигнула я. — Мы просто готовим объект к предстоящей работе. Надо ведь превратить третьеразрядный отель-ночлежку в самую большую приманку для туристов, какую когда-либо видела Дева. А теперь вам лучше поторопиться, чтобы мы могли начать.

На просмотр чертежей нам потребовалось довольно много времени. Строительство никогда не вызывало у меня большого интереса, и поэтому мне пришлось долго разбираться, что означают все эти линии и примечания. К счастью, Вик в прошлом, когда подумывал завязать с магией, немного изучал архитектуру и поэтому смог мне многое объяснить... по крайней мере настолько, чтобы я улавливала, о чем он толкует.

— Будем смотреть правде в глаза, Маша, — откинулся он наконец на спинку кресла. — Сколько бы мы ни пялились на эти чертежи, они не изменятся. Он построил здесь просто коробку, полную номеров. Это строение безлико, как статистика.

— Надо признать, — заметила я, — постройка эта занимает большое пространство.

Я могла понять, почему нервничал наш клиент. Здание было заурядным, но пять этажей заурядности покрывали немалый кусок земли. Ее для расширения хватало, бум тогда казался маловероятным. Истерий явно вбухал кучу денег в это предприятие и имел верный шанс никогда их больше не увидеть, если никто не станет снимать здесь номера.

— Скажи-ка, Вик. Твое родное измерение ориентировано на развлечения, и поэтому соперничество в этой сфере должно быть у вас очень сильным. Что вообще заставляет публику валом валить в ваши увеселительные заведения?

Вампир на несколько мгновений нахмурился, думая над моим вопросом.

— Ну, это зависит от того, за какой клиентурой охотишься. Можно нацелиться на семейные группы или на пенсионеров. Мой любимый слой — молодые профессионалы. Они обычно еще не обзаводятся семьями или вообще обходятся без них, и, значит, у них есть и деньги, и время. Для этого слоя лучше всего клубы. Если бы я действительно хотел привлечь народ в новое заведение, то, вероятно, открыл бы там хорошую дискотеку.

— Вот теперь говоришь дело. Как, по-твоему, сможем мы организовать ее за три недели?

Мой напарник покачал головой и рассмеялся.

— Секундочку, Маша. Я же просто размышлял вслух. Даже если бы я смог придумать план устройства клуба, то все равно там нет для него места.

Теперь настала моя очередь рассмеяться.

— Вик, милый, если у нас чего и навалом, так это места. Смотри сюда...

Я щелкнула пальцами по чертежам первого этажа.

— ...Что, если мы сшибем все внутренние стены? Это позволит нам разместить твою дискотеку.

— Слишком просторно, — заметил, изучая планы, вампир. — Ключ к успеху любого из таких клубов — сделать его маленьким, чтобы посетителям приходилось ждать, пока их впустят. Кроме того, если мы снесем *все* внутренние стены, то будет недостаточно опор для всего строения.

В голове у меня начала складываться одна идея.

— Тогда попробуем так. Мы сохраняем все внешнее кольцо номеров... превращаем их в лавки или что-нибудь в этом роде. Это даст дополнительную опору и сократит площадь твоего клуба. А если она окажется все равно слишком велика...

— Примерно в четыре раза больше, чем надо.

— Угу. А что ты скажешь насчет казино? Я еще не видела ни одного игорного дома, который не привлекал бы туристов целыми стаями.

Вик выразил свое восхищение, тихо присвистнув.

— Ты мыслишь немелко, так ведь? Не удивлюсь, если выколотишь деньги еще и с территории.

— Никак не решу, что лучше: площадка для гольфа или парк развлечений, — ответила я. — Но это подождет, пока мы не увидим, как работает остальное.

Вот тут-то я и заметила, что малыш Вик снял свои темняки и пристально меня разглядывает. Я привыкла, что на меня пялятся, но в выражении его лица было что-то беспокойное, ненормальное, если вы понимаете, о чем я говорю. Я подождала, пока он выскажет свое мнение, но вскоре молчание стало действовать мне на нервы.

— Чего это ты так на меня уставился, молодой и кровожадный? У меня что, вдруг выросла новая голова?

Он не ответил и продолжал пялиться на меня, в то время как я подумывала, не отдубасить ли его просто для разрядки.

— Знаешь, Маша, — сказал он наконец, — для так называемой ученицы ты весьма сообразительна. При твоих нарядах и речи это легко проглядеть, но за всем этим маскарадом таится немалый ум, не так ли?

Если мне с чем-то и трудно справиться, так это с похвалами... возможно, потому, что я не так уж часто их слышу. Чтобы скрыть смущение, я поступила как обычно — расхохоталась.

— Не давай одурачить себя оболочке, Клыкастик. Вспомни, я привыкла быть независимой еще до того, как записалась в шайку Скива. Маг города-государства Та-Хо, а потом Вейгаса на Валлете, вот кем я была.

— В самом деле? Я об этом не знал.

Это показывает, как я разнервничалась. Не могла даже вспомнить, как мало Вик знал о нашей фирме и ее сотрудниках.

— Именно тогда я и столкнулась с Вундеркиндом. Он тогда попал в беду... У Скива, похоже, на роду написано попадать в беду. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о том, в какую переделку он угодил, когда я присоединилась к его шайке.

— А почему не сейчас? — предложил он, откидываясь в кресле. — Я никуда не бегу, а чтобы узнать побольше о своих партнерах по бизнесу, самое лучшее время — настоящее.

Как вы, вероятно, заметили, мне не терпелось уйти подальше от прежней темы, и разговор о Скиве оказался как нельзя кстати.

— В то время его большой зеленый наставник убрался, понимаешь ли, на Извр... какая-то семейная неурядица. Так или иначе, король подставил Скива, поручив ему временно себя заменить, якобы для того, чтобы его королевское величество смогло уйти в отпуск... скажем, денька на два. Вот только парень позабыл при этом упомянуть нашему коллеге, что скоро должна появиться его будущая супруга, некая королева Цикута, ожидающая вступления в брак с коронованной особой.

— Королева Цикута?

— Уверяю тебя, бабенка эта — настоящая прелесть. Не будь она дочерью короля, то, вероятно, еще в раннем возрасте кончила бы на виселице. А так она управляла самым богатым королевством в том измерении и собиралась укрепить его самыми лучшими военными силами в округе... которые находились в королевстве, где стерег трон Скив.

Вик нахмурился.

— Если она и так уже могла купить все, что хотела, то для чего ей понадобилась армия?

— Для приобретения тех побрякушек, которые *не продавались*. Видишь ли, у каждого из нас есть свои маленькие мечты. Она мечтала править миром. Вот тебе королева Цикута. Особа с нравственностью мартовской кошки и скромными стремлениями Чингисхана.

— И вы вдвоем ее остановили?

— Откровенно говоря, остановил-то Скив. Я всего-навсего изловила короля, и мы смогли посадить его обратно на трон, где ему и полагалось быть. Скив заставил их надеть пару неснимающихся обручальных колец, навсегда связавших их жизни. И значит, если королевушке захочется убрать королька для расчистки пути к небольшому покорению мира, то она тем самым уничтожит и саму себя.

— Где же он их нашел? Я никогда не слышал о такой штуке.

Я хохотнула и подмигнула ему:

— И никто не слышал. Они получили кое-какое ювелирное барахло, продаваемое уличным лоточником здесь, на Базаре, вместе с байкой, сочиненной Великим Скивом. Я хочу сказать, он повесил им лапшу на уши, но этого хватило для охлаждения пыла Цикуты. Ловкий ход, не правда ли?

Вместо того чтобы присоединиться к моему смеху, вампир подумал несколько секунд, а затем покачал головой.

— Чего-то я не возьму в толк, — сказал он. — Не пойми меня превратно... но, по-моему, Скив отличный парень. Судя

по всему, он применяет не так уж много магии, а если и применяет, то весьма слабую. Как же он мог сплотить вокруг себя таланты высокого полета вроде тебя и других?

— Магия бывает разная. Скив... как бы это объяснить? Возможно, он и не силен в крибле-крабле-бумсах и по части женщин не везучей Квазимодо, но доброты сердца у него хватит на троих.

Я слегка стукнула его по руке.

— Помнишь, я говорила, что попадать в беду у него на роду написано? Но дело в том, что чаще всего он выручает кого-то другого, действительно заслуживающего своей доли. В той операции с Цикутой, о которой я тебе только что рассказала, он запросто мог, узнав что к чему, смотать удочки... Но это бы означало бросить целое королевство на произвол судьбы, и он остался. Когда я встретилась с ним, он старался освободить Тананду, после того как та попалась при попытке украсть подарок ко дню рождения Ааза. Черт, ведь наши с тобой пути впервые скрестились, когда мы устраивали его наставнику побег из тюрьмы. Вот таков Скив, если ты понимаешь, что я имею в виду. Он всегда из кожи вон лезет, пытаясь сделать то, что считает правильным, и возникает ощущение... не знаю... ну, что он сумеет всего добиться именно с твоей поддержкой. И даже если это не сработает, все равно остается чувство, что ты сделала в своей жизни что-то хорошее, а не просто болталась ради собственной персоны. Я говорю понятно?

— Более чем, — отозвался Вик. — Если я правильно тебя понял, он устанавливает высокий личный стандарт и привлекает к себе людей искренностью своих действий... и те, в свою очередь, стараются не отстать по степени отдачи, воспринятой ими в нем. Интересная теория. Надо будет подумать над ней.

Я заметила, что, как только старина Клыкастик увлечется чем-то, он тут же начинает больше походить на профессора колледжа, чем на ночного кутилу. Это вызвало у меня легкое

любопытство, но так как я не люблю, когда люди видят во мне больше, чем я хочу показать, то решила в это не углубляться.

— Кстати о теориях, — сказала я. — У нас есть одна, которая не сработает сама по себе без большого нажима с нашей стороны.

Вампир вытянул руки и зевнул.

— Ладно. Я позабочусь о дискотеке и архитекторе, а ты пораскинь мозгами насчет казино и лавок. Идет?

Должна признаться, его энтузиазм немного меня ошеломил.

— Ты имеешь в виду прямо сейчас? Уже довольно поздно.

Он показал мне в легкой усмешке свои клыки.

— Для тебя, возможно. А мы, ночной народ, только начинаем пробуждаться, и, значит, мне самое время разведать насчет оркестра и обслуги бара. И поскольку у нас задачи разные, я не имею ничего против, если ты захочешь немного вздремнуть, прежде чем займешься делами. Что скажешь, если мы встретимся завтра здесь в это же время и потолкуем?

Ну, ребята, я, может, немного задираю нос, но тем не менее признаюсь, что малютка Маша всего не знает. Одна из многих вещей, в которых я ничего не смыслю, это управление казино. Поэтому мне не обойтись без услуг эксперта... по части казино, разумеется.

На его поиски у меня ушло некоторое время, но наконец я наткнулась на свою цель. Он ссутулился за столиком в глубине темного бара, и, судя по его виду, дела у него шли не очень-то хорошо. Я была рада это видеть... не то чтобы я желала ему зла, просто это немного облегчало мою задачу.

— Приветик, Живоглот, — поздоровалась я, садясь за столик. — Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

Он пару раз мигнул, пытаясь сфокусировать глаза, прежде чем понял, что говорящая с ним особа действительно так крупна.

— Ну и ну. Чтоб мне провалиться, если это не оторва из корпорации М.И.Ф. Что привело тебя в эти края, Маша? Благотворительность?

Я пододвинула стул, чтобы сесть с ним рядом. «Нет» он мне не сказал, а это для меня примерно соответствует самому радушному приглашению.

— Я знаю, Живоглот, ты занят, и поэтому буду говорить с тобой напрямик. Мы проворачиваем одну небольшую операцию, и я хотела предложить тебе в ней поучаствовать. Интересуешься?

— Ну что ты скажешь! Сначала Великий Скив заставил меня продать клуб и выставил на улицу, а теперь предлагает сделку. Какая прелесть!

Возможно, я не знаю казино, но пьяного узнаю с ходу. Все ясно — сейчас только-только наступил закат, что для Живоглота равняется раннему утру, и он пребывает в весьма скверном состоянии. Беда в том, что мне он требовался трезвый. В другой раз я отвела бы его куда-нибудь проспаться, но сейчас надо было спешить и требовались решительные действия.

Оглянувшись кругом и убедившись, что свидетелей нет, я нагнулась вперед, обвила его руками за шею и устроила ему самый долгий и смачный поцелуй, на какой была способна. Поцелуи — еще одна вещь, в которой я знаю толк, и этот конкретный длился довольно долго. Когда я почувствовала, что он начинает задыхаться, то отпустила его и выпрямилась.

— Чо... кто... Маша! — ахнул он, словно выуженная из воды рыба. — Что случилось?

Я похлопала ему ресницами.

— По-моему, я не улавливаю, к чему ты клонишь, большой и красный.

Несколько секунд Живоглот просто сидел, часто моргая и положив одну руку на макушку, словно боясь, как бы не слетела голова.

— Я... я не знаю, — сумел наконец выдавить он. — Я пил уже... какой сегодня день? Не важно... довольно давно. И вдруг

внезапно пробуждаюсь, как дурак, трезвый. Что случилось? Ты давно здесь?

Я улыбнулась и мысленно похлопала себя по спине. Мои способности по-прежнему не знают сбоев. Сколько раз я слышала: ничто не отрезвляет так полно и так быстро, как небольшое объятие и поцелуй Маши.

— Довольно давно, и как раз к подъему занавеса, — ответила я. — Но теперь, когда оба мы вменяемы и все такое, я хочу, чтобы ты внимательно меня выслушал.

Живоглот, бывало, считался одним из самых крупных букмекеров на Базаре. Одно время он имел собственный клуб под названием «Равные шансы». Конечно, это было до того, как Скив поймал его на применении крапленых карт и вынудил продать клуб нам. Я не знала точно, как прореагирует шеф на подключение Живоглота к этому новому проекту, но не могла припомнить никого другого, обладавшего необходимыми для организации казино знаниями и в настоящее время безработного.

— Не знаю, Маша, — сказал он после того, как я объяснила ему ситуацию. — Звучит-то это хорошо... но казино — операция крупная. А где я сейчас возьму первоначальный капитал?

— Так начинай помаленьку и раскручивайся. Слушай, Живоглот, заведение предоставляет помещение и всю обстановку даром. Тебе понадобится всего-навсего установить систему безопасности и подыскать нескольких крупье для работы за столами.

— Ты сказала «даром»?

Мне пришло в голову, что его не следовало так здорово протрезвлять. А теперь он снова мыслил, как девол-букмекер.

— Ну... практически. Как я понимаю, заведение войдет в долю, и, значит, за помещение тебе придется платить, только если будешь терять деньги.

— Это не проблема, — улыбнулся Живоглот. — С теми крупье, о каких я думаю, мы не окажемся в проигрыше.

Это мне почему-то не понравилось.

— Надеюсь, мне незачем говорить, что мы ожидаем от тебя чистой работы, Живоглот, — предупредила я. — Не думаю, чтобы Великий Скив захотел участвовать в организации жульнического казино. Довольствуйся нормальными выигрышами по шансам, подброшенным заведением. Идет?

— Маша! Ты меня обижаешь! Разве я когда-нибудь был замечен в нечестной игре?

Я бросила на него суровый взгляд, и у него хватило совести слегка покраснеть.

— Насколько я знаю, только однажды, — сказала я, — и если я правильно помню, именно Скив тебя в тот раз и поймал. На твоем месте я постаралась бы не пачкаться... если не хочешь потом об этом пожалеть.

Живоглот чуть больше выпрямился на стуле и перестал усмехаться.

— Он что, действительно способен на все?

— Это просто к слову, но, думается, ты уловил суть. Только помни, ты со своей бригадой терял деньги лишь в тех случаях, когда тебя подговаривали ставить против нас.

— Это верно, — вздохнул девол и на секундочку задумался. — Кстати о Скиве, ты уверена, что тут не будет затруднений? Когда я видел его в последний раз, мы были не в самых лучших отношениях.

— Ты, главное, беспокойся о казино, а Скива предоставь мне, — широко улыбнулась я, надеясь, что знаю, о чем говорю. — В любом случае Скив не из тех, кто держит зуб на кого-либо. Если мне не изменяет память, Ааз при той последней встрече готов был вцепиться тебе в горло, и именно Скив предложил оставить тебя в покое.

— Верно, — кивнул Живоглот. — У него есть класс.

— Правильно. О! Слушай, коль речь зашла о классе, не поможешь ли сыскать Малыша Мятный Заход. Хорошо бы предложить ему постоянный стол в нашем казино.

Девол чуть склонил голову набок, глядя на меня.

— Это несложно, но ты не против сказать почему?

— Когда он последний раз оказался тут для матча со Скивом, я была связана опекой спущенного тобой на нас злостного клеветника. И значит, я единственная из нашей команды, кто не имел возможности встретиться с ним... А судя по всему, что я о нем слышала, он парень не промах. Кроме того, возможно, он оценит шанс устроиться на постоянную работу, чтобы не скакать все время с игры на игру. Мы все, знаешь ли, не молодеем.

— Да уж, — скорчил гримасу Живоглот. — Пожалуй, это не такая уж плохая мысль. Имея постоянным игроком лучшего на Базаре мастера игры в драконий покер, казино привлечет немало народу.

Мы поговорили еще немного, но это уже были детали. Живоглот вступил в игру, и казино начало обретать отчетливые очертания.

Возможно, казино и не мой профиль, но в мелочных лавках никто не разбирается лучше меня. Банни может быть непревзойденной по части поисков классных тряпок за приличную цену, а Тананда, безусловно, знает толк в оружии, но по части истинного искусства хождения по магазинам они обе Маше в подметки не годятся.

Я приметила эту лавочку задолго до задания, но она застряла у меня в памяти, и поэтому я решила туда заглянуть. По всей ее витрине красовались крупные объявления — «Сдается» и «Идет с молотка», но они торчали там больше года, и поэтому я не обратила на них особого внимания.

Для лавки в хорошем ряду такое положение выглядело катастрофическим. Ее товар можно было охарактеризовать одним словом — барахло... и это еще щедро. В ней продавались футболки, пепельницы и куколки вперемежку с медикаментами и журналами без всякого особого порядка. Полки ломились от всякой дешевки. Ни в одном магазине одежды не встретишь столько одежды, ни одна скобяная лавка не зава-

лена таким количеством скобяных изделий... Я могла бы и продолжить, но суть вы уловили. Если вам нужно что-то отборное и качественное, вам придется наведаться в другое место. Короче, это была именно та лавка, какую я искала.

— Чем могу помочь, сударыня?

Хозяин сидел на табурете за прилавком и читал газету. Он не встал, когда заговорил со мной, и поэтому я решила немного его встряхнуть.

— Разным. Мне много чего нужно... Как насчёт скидки, если я куплю оптом?

Он моментально, с невесть откуда взявшимся блокнотом выскочил из-за прилавка.

— Ну разумеется, сударыня. Всегда готов. Что именно вас интересует?

Я не спешила с ответом и снова оглядела лавку.

— Не могли бы вы назвать мне цену за все в лавке.

— Все? Вы сказали все?

— Все... включая вас с вашим обаянием.

— Не понимаю, сударыня. Вы говорите, что хотите купить мой магазин?

— Не магазин, а просто все, что в нем находится. Я думаю, эта лавка сможет торговать лучше на новом месте. А теперь скажите откровенно, как у вас шли дела в последнее время?

Владелец швырнул блокнот и карандаш на прилавок.

— Если честно, не очень. Мой главный поставщик этого барахла только что поднял цены... Что-то связанное с новым профсоюзом у него на фабрике. И мне теперь придется либо соответственно поднять свои цены, что не поможет, так как этот товарец и без того трудно сбагрить, либо закрыть торговлю, о чем я серьезно подумывал.

Я сочла за лучшее воздержаться от замечаний об упомянутом им профсоюзе.

— Как по-вашему, торговля на новом месте пойдет веселее?

— На новом месте... да какая разница?! Это же Базар-на-Деве, сударыня. Здесь один ряд лавок ничем не отличается от любого другого. В каждом из них можно найти товар не хуже моего.

Дело оборачивалось даже лучше, чем я надеялась.

— Предположим, — сказала я, — просто предположим, что новое место находится в отеле, и еще предположим, что в отеле этом есть казино и дискотека. Это даст вам невольных покупателей, ведь никто не покинет здание и не потащится куда-то еще за тем, что он может купить прямо на месте.

— Отель и казино, да? Не знаю, не уверен. Барахло — ведь оно все равно барахло.

— Отнюдь, если вы пометите все свои товары эмблемой заведения. Барахло с эмблемой — это уже сувениры, и народ стремится купить их побольше. Верно?

Лавочник заметно оживился:

— Совершенно верно! И у вас есть такое заведение, сударыня? Сколько просят за аренду?

— Минимум, с долей, идущей заведению. Ну как, звучит?

— А какой площадью вы располагаете? Если я смогу расшириться, то получу от поставщика оптовую скидку, а свои цены подниму. Скажите, вы еще не нарисовали эмблему?

— Как-то не подумала об этом.

— Ладно. У меня есть шурин, он работает качественно и недорого... и к тому же быстро. Как насчет ресторана? Всем этим клиентам понадобится где-то есть.

А вот это как-то ускользнуло и от Вика, и от меня.

— Ресторана?

— ...Если у вас его нет, то я знаю одного парня, искавшего, куда бы перенести свое заведение, так как там, где оно сейчас, повысили арендную плату.

У меня сложилось впечатление, что эта моя проблема близка к разрешению.

— Вот что я вам скажу, господин со связями. Вы поговорите об этом со всеми, кто, по-вашему, впишется в эту сдел-

ку, а я вернусь завтра с планами этажа. Вот тогда и распределим, кому какая достанется площадь.

Воплощение в жизнь наших планов по реконструкции отеля в целом шло довольно гладко. Но, как оказалось, мы все-таки проглядели одну деталь.

— Нам нужно название! — в сотый раз простонал Вик, расхаживая по кабинету.

Я оторвала взгляд от своих каракулей в настольном блокноте Истерия.

— А как он сам собирался его назвать?

— «Гостиница Истерия».

— Что, разве плохое название?

Мы переглянулись.

— Да, — ответили мы в один голос.

— Случается, приходит лучший вариант во сне.

— Восхитительно, Вик. И чем же ты меня порадуешь?

— Прошу прощения?

— Название. Ты сказал, что придумаешь его во сне.

— Я имел в виду нас обоих. Считается, что мы работаем на пару.

Я беспомощно пожала плечами:

— Я не сплю.

— Нам нужно название! — в сто первый раз простонал мой напарник.

— Посмотри на это иначе, Клыкастик. Нам ведь приходится наверстывать упущенное.

Вампир плюхнулся в кресло.

— Да уж, это так, — проворчал он. — Просто невероятно, какой сквалыга этот девол. Собирался открыть отель вообще без всякой рекламы!

— Никакой конкуренции, помнишь? Если у тебя единственный отель в городе, тебе не нужна реклама.

— Ну, думаю, наш бюджет будет трещать по всем швам, — мрачно предрек Вик. — Сожалею, Маша, я знаю, как ты старалась контролировать все расходы.

— Забудь про это, — отмахнулась я. — Все равно деваться нам некуда. Так что, по-твоему, нам следует предпринять?

— Обычной газетной рекламы будет недостаточно, хотя нам придется прибегнуть и к ней. Когда до открытия так мало времени, требуется придумать что-то дополнительное для извещения публики.

— Как насчет афиш?

Вик скорчил гримасу:

— Не знаю, Маша. Скорее всего пара афиш погоды не сделает.

— Я имела в виду уйму афиш... штук пятьдесят, развешанных в радиусе десяти миль.

— ...Сгущающихся по мере приближения к отелю, — задумчиво добавил он. — Мне это нравится! Конечно, это будет стоить денег.

— Ну, сэкономлю кое-где на декоре. Мне лучше взяться за это поскорее. Ничего слишком классного, заметь себе. Нам нельзя никого отпугивать. Все должно быть предельно просто и понятно, как приглашение посетить крокодиловую ферму. Именно такая привлекательность нам требуется.

— Я знаю, кто может это сделать. — Вик застрочил в блокноте. — Это возвращает нас к первоначальной проблеме.

— Верно. Нам нужно название.

Вампир резко вскинул голову:

— Эй! Это же моя реплика.

— Извини.

— Просто заколдованный круг какой-то, ловушка, понимаешь?

— Может, так и назовем отель — «Ловушка»?

— Нет. Как насчет «Дурдома»?

— Угу. А «Чертова ловушка»?

— Да выберешься ты наконец из ловушки?

— Ну, тогда...

Остановились мы в конце концов на «Веселом доме». На наше решение немного повлияло то обстоятельство, что я на-

ткнулась на обедневший цирк-шапито. Мы позволили ему обосноваться на нашей территории, а артисты предложили нам на выбор кое-что из своего реквизита.

Самыми лучшими оказались несуразные фигуры для аттракционов... и особенно для «Веселого дома» — павильона смеха. Фигуры эти свезли со всех измерений, и они двигали руками и головами, в то время как скрытые динамики выдавали прохожему «хо-хо-хо». Я сочла это восхитительным и распорядилась установить фигуры перед отелем... за исключением Толстой Дамы. Ее я установила в мужском туалете, в глубине холла.

Как только мы это проделали, остальной декор тотчас обрел свое место. Конечно, возможностей пооригинальничать у нас было маловато, поэтому я велела разукрасить здание широкими полосами... как цирковое шапито, только поцветастей.

Вик устроил свой клуб-дискотеку — просто красота. Все выдержано в черных тонах: полы, стены, потолок, мебель — все. Он также прикрепил к стенам и потолку столы и стулья под разными углами с манекенами натуральных размеров в вечерних нарядах. Это создавало эффект дезориентации, так что, когда играл оркестр и мерцали огни, ты действительно не знал, где верх, где низ. Для усиления этого эффекта танцплощадка была устроена с легким наклоном и медленно вращалась. Впечатление такое, словно висишь в пространстве, увлекаемый одновременно космическими ветрами и гравитацией. Вик даже назвал клуб «Ловушкой» — в знак уважения ко мне и извиняясь за столь упорное отрицание этого названия, когда я предложила его для отеля.

Ответственность за казино лежала только на мне, и я решила размахнуться. Я нашла художника с чувством юмора, и мы разрисовали это заведение в защитные цвета... если не считать того, что вместо зеленого и коричневого мы налегали главным образом на оттенки дневного свечения атмосферы. И в качестве последнего штриха расставили по всему заведению зеркала, но, само собой, кривые — из циркового павильона смеха. Это не

только создавало иллюзию большого простора, но и показывало клиентам, когда они смотрели на себя в зеркала, что их очертания столь же призрачны, как и у декора. И непроизвольно при этом терялось чувство реальности.

Вик боялся, что воздействие всего комплекса в целом будет слишком впечатляющим. Но ведь идея в том и состоит, чтобы выделиться из толпы и погромче заявить о себе. Я, однако, проявила достаточно гибкости, признав необходимость пригласить Скива на встречу с Истерием за ночь до открытия отеля. Ведение переговоров никогда не было моей сильной стороной, и я понятия не имела, как прореагирует клиент на наши весьма новаторские идеи.

— Вы меня разорили! Что вы наделали!

Это говорил наш клиент. И это характеризует степень его довольства нашей работой. Если учесть, что нам целый час пришлось приводить его в чувство, то можете себе представить, как он был несчастлив.

— Я не уверен, что понимаю вас, господин Истерий, — сказал Вик. — Если у вас есть жалобы...

— Жалобы? — завизжал девол. — Да я не знаю, с чего начать! Что это вы тут изобразили?

— Мы превратили вашу ночлежку в прибыльный отель. Именно это нам и полагалось сделать.

Я пыталась не встревать в этот разговор из-за своей горячности, но все же не могла удержаться от пары слов.

— В отель? — вопил он. — Это не отель! Отель вам оставил я! А теперь он стал балаганом! И что *вы* подразумеваете под прибыльным? Все номера на первом этаже исчезли! Это сократит мои доходы с номеров на двадцать процентов!

— Двадцать процентов пустого отеля все равно ничто! — огрызнулась я.

— Маша права, — встал между нами Вик. — Это пространство потребовалось нам для аттракционов, привлекаю-

щих клиентов. Кроме того, все устроенное нами там принесет отелю доходы.

— Не принесет, если ничего не продастся! — возразил Истерий. — Вы заходили в эти лавчонки? Видели, какое там барахло? А цены... за чашку кофе в вашем клубе дерут больше, чем я иногда плачу за целый обед!

— Не все едоки такие скряги, как вы, — пробурчала я себе под нос.

— Что?

— Я сказала, что вы загребете кучу денег, когда они пойдут в гору... то есть продадут товар покупателям.

— Но ведь не будет у них никаких... О-о-о! Я разорен!

Девол опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Вам бы, вероятно, следовало не уезжать и ознакомиться с планом реконструкции еще на первом этапе. А так Маше с Виком пришлось полагаться только на себя, — заговорил со своего кресла в углу Скив.

— Не уезжать! — резко вскинул голову Истерий. — Да они заставили меня это сделать! Сказали, что если я хочу воспользоваться услугами вашей фирмы, то должен им доверять!

— Именно, — кивнул Скив, не моргнув глазом меняя тактику. — Вам требовались наши услуги, вы доверились нам, и мы вам услужили. Не понимаю, какие тут могут быть жалобы.

— Какие жалобы? Да такие, что вы ободрали меня как липку... чтобы выставить меня из бизнеса! Если бы я потерял деньги на обычном отеле, это было бы плохо, но потерять деньги и сделаться вдобавок посмешищем... — На глазах у спекулянта недвижимостью навернулись слезы. — Я ведь вложил деньги родственников жены и обещал им проценты с прибыли. А теперь...

Голос у него прервался, и он снова повесил голову.

— Если проблема только в этом, то, возможно, мы сумеем что-нибудь устроить.

— Забудьте об этом! Сокращение вашего гонорара не поможет. Мне нужен серьезный доход, а не меньшие долги.

— Я ведь имел в виду избавить вас от этого отеля. Просто выкупить его у вас.

Я метнула быстрый взгляд на Скива. Он откинулся на спинку кресла и изучал глазами потолок.

— Вы серьезно? — с надеждой спросил девол.

— А почему бы и нет? Вы получите прибыль размером... скажем, пятнадцать процентов от общей стоимости заведения?.. За здание и землю, а заставить комплекс работать, не говоря уже о хлопотах с его репутацией, будет нашей проблемой. Именно на это мы и рассчитывали с самого начала... в некотором роде.

Истерий мгновенно очутился на ногах и вцепился в руку Скива чуть ли не раньше, чем шеф кончил говорить.

— Знаете, что я вам скажу, Скив... господин Скив... вы настоящий джентльмен. Это замечательно! Как раз когда я уже думал... Не могу сказать вам, как я благодарен...

— Не стоит упоминать об этом, — высвободил руку Скив. — Почему бы нам не пройти тотчас же ко мне в кабинет? Моя секретарша все еще там. Просто объясните ей все, и она примется составлять документы. Я хочу сказать несколько слов своим сотрудникам, а потом подойду подписать соглашение.

— Уже иду, — помахал рукой девол. — Ну и дела. Все никак не могу...

— Но вы, конечно, понимаете, что у нас нет на руках такой суммы наличных. Нам придется выплачивать частями и, следовательно, договориться о графике выплат.

— Прекрасно. Прекрасно. Лишь бы мы заключили контракт, гарантирующий мне прибыль.

. Затем он удалился, оставив нас в немом изумлении. Наконец Скив собрал нас взглядом.

— Полный аншлаг? — спросил он, подтверждая сообщенное нами в отчете.

— На три ближайшие недели желающих больше, чем может вместить отель. Придется кое-кого вычеркнуть. Вот список, — подтвердил Вик. — Мы принимаем заказы на полтора года вперед.

— Истерий не знает?

— Он так и не спросил, а у нас не было случая ему сообщить, — пожала плечами я. — Ты же видел, в каком он состоянии.

Скив задумчиво кивнул:

— Это значит, если верны мои расчеты, мы сможем полностью расплатиться с ним меньше чем через три месяца... не включая доли с казино и лавок.

Он поднялся и потянулся, а затем подмигнул нам.

— Пошли, ребята, — сказал он. — Думается, я разорюсь вам на рюмочку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Если вы слишком заняты, чтобы помогать своим друзьям, значит, вы слишком заняты!

Л. Якокка

•

На самом деле я не испытывал такого уж восторга от приобретения «Веселого дома». Безусловно, он проворно заколачивал нам деньги, но я как-то никогда не мечтал владеть отелем-казино. И не считал хорошей идеей создавать прецедент выкупа собственности неудовлетворенного клиента, какой бы выгодной ни оказалась эта сделка. И так-то родственники Истерия (по линии жены) пытались объявить сделку недействительной на том основании, что он, мол, пребывал не в здравом уме, раз продал такой прибыльный бизнес за смешную цену. Я особо не тревожился, так как это все-таки Базар-на-Деве, и если всякого заключившего неудачную сделку объявлять безумцем, рухнет вся экономика.

По-настоящему беспокоила меня другая сторона сделки, означавшая необходимость снова сотрудничать с Живоглотом. Сколько я его знаю, он последовательно оказывался

озабоченным в первую очередь наполнением собственных карманов и не больно считался с окружающими, и я полагал опасным допускать его к нашим деньгам или даже к их части.

И все же мне трудно было спорить с Машей, когда она вознамерилась привлечь его к операции. Впрочем, в то время она и не представляла, что в конечном итоге ей придется отчитываться перед нами. Банни заверила меня, что она лично проверяла финансовые отчеты казино, присылаемые Живоглотом вместе с нашей долей доходов. Тем не менее я предпочитал тратить уйму времени на личное изучение пространных списков, силясь не пропустить свидетельства утечки прибыли в карман ненадежного компаньона.

Проверкой финансовых отчетов Живоглота я и занимался в тот самый полдень, отложив в сторону бесчисленные письма и работу, требовавшую времени. Однажды Банни сказала мне, что многие бухгалтеры и ревизоры руководствуются в своей работе альтернативными принципами. То есть вместо того, чтобы выуживать нарушения во всех документах подряд, они выделяют какой-то насоливший им отдел или руководителя, позволявшего себе иной раз отпускать в их адрес ехидные замечания, а затем просматривают их отчеты *очень* внимательно. Ее послушать, так достаточно пристального взгляда, чтобы найти изъяны или подозрительные места в любом отчете.

Должно быть, так оно и есть, если умеешь щелкать цифры как орехи. Я же для себя открыл, что бесконечное разглядывание колонок мелких цифр может вызвать только боль... в самом прямом смысле этого слова. Короче, после нескольких часов сидения над отчетами я чувствовал судороги и колющую боль в глазах, шее, в области спины и ниже.

Откинувшись на спинку кресла, чтобы снять напряжение и чуть потянуться, я перевел взгляд на карандаш, брошенный мною в приступе отвращения и злости на стол. Усмехнувшись, я мысленно потянулся к нему, схватил и метнул в воз-

дух. Чем занимаются маги со скуки или усталости? Развлекаются магией!

Помните, как когда-то, в стародавние времена, я мучился, левитируя перо. Те дни давно минули, и теперь я знаю — ничто так не укрепляет уверенность в собственных возможностях, как многолетняя практика в применении азов магии вроде левитации для спасения собственной шкуры... а уверенность, как всегда говорил мне Ааз, — это в магии главное.

Я поднял карандаш к потолку, задержал его там, а затем отправил на экскурсию по кабинету, то резко останавливая его, то поворачивая под прямым углом. Проделывая с ним разные па, я вдруг понял, что насвистываю себе под нос какой-то мотивчик, и тогда, приведя объект своего воздействия к точке над столом, я начал пользоваться этим мотивчиком как дирижерской палочкой, делая по мере нарастания мелодии знак вступать барабанам и трубам.

— Приятно видеть, что ты постоянно набиваешь руку в своем ремесле.

Я взглянул на дверь и обнаружил там моего бывшего наставника. Он наблюдал за моей работой, прислонясь к дверному косяку.

— Привет, Ааз, — кивнул я, продолжая плавно двигать карандаш. — Столько дел свалилось, знаешь ли, что мало остается времени для тренировок, но я все же изредка позволяю себе кое-какие упражнения.

Как бы небрежно я ни говорил, втайне я очень радовался, что карандаш не дрогнул, когда Ааз внезапно меня окликнул. Поддержание сосредоточенности на чарах или, скорее, сохранение чар после того, как сосредоточенность нарушена, было одним из наиболее трудных уроков, преподанных мне Аазом, и, по-моему, я наконец неплохо его усвоил и теперь надеялся, он это отметит.

— Есть минутка для старого партнера?

— Разумеется, пододвинь кресло.

Я решил, что будет невежливым продолжать играть с карандашом во время разговора с Ааазом, и поэтому подвел канцтовар туда, где, нагнувшись вперед, мог плавно подцепить его из воздуха. Однако Ааз, казалось, не заметил моего трюка. Он, слегка вытянув шею, разглядывал разбросанные по столу бумаги.

— Что это такое?

— Да просто просматриваю финансовые отчеты «Веселого дома». Я все еще не очень доверяю Живоглоту.

Ааз развалился в кресле и чуть склонил голову набок, глядя на меня.

— «Веселого дома», да? У меня как-то не было случая поговорить с тобой о нем. Ты там провернул фокус еще тот.

Я почувствовал себя согретым и польщенным его замечанием. Технически мы считались равными... с недавних пор... но он оставался для меня старым наставником, и мне приятна была его похвала.

— Это казалось самым лучшим выходом из скверного положения, — небрежно обронил я.

— Совершенно верно, — кивнул он. — Всегда легче решить проблему с помощью денег, вместо того чтобы придумывать способ из нее выкрутиться.

Слова его вдруг перестали казаться мне комплиментами. Я почувствовал, как моя гордость со скоростью задутой свечи сменяется обидой.

— По-моему, финансовые доходы фирмы более чем оправдали мудрость данного вклада.

Это прозвучало немного напыщенно — даже для меня. Я заметил, что последнее время все больше и больше важничаю в ситуациях, где прежде ныл о своей неопытности или отсутствии способностей.

— Я никогда не возражаю против получения чистой прибыли, — сверкнул зубами Ааз, раздвинув в усмешке рот до ушей. — Даже когда это означает нежданное приобретение ненужного нам казино.

Это определенно походило на лекцию вместо благодарственного адреса за отлично проделанную работу. Я всегда был готов поболтать с друзьями о том о сем, да и лишний раз услышать, какой я молодец, но углубляться в анализ своих недостатков мне вовсе не хотелось.

— Ну, сделанного не воротишь, а критика задним числом — это пустая трата времени, — живо сказал я, резко обрывая разговор о казино. — Зачем ты хотел меня видеть?

Я чуть было не начал возиться с бумагами на столе, дабы подчеркнуть, как сильно занят, но вовремя вспомнил, что занимаюсь именно финансовыми отчетами казино... определенно неподходящий способ увести разговор подальше от этой темы.

— О, ничего особенного, — пожал плечами Ааз. — Просто я отправляюсь на одно небольшое задание и подумал, ты, возможно, тоже захочешь подключиться.

— Задание? Я не давал тебе задания, — произнес я.

И тут же пожалел о своих словах. Мало того что они прозвучали довольно казенно, они еще свидетельствовали о моем невнимании к Аазу — ведь при непомерном грузе свалившихся на нас проблем я не сумел дать никакой работы моему партнеру.

Мой бывший наставник и глазом не моргнул при этой недипломатичной обмолвке.

— На самом-то деле это не задание. Скорее работа в отпускное время. Я собирался на досуге оказать услугу одному приятелю, не способному позволить себе наш обычный гонорар.

Мне следовало бы тут же насторожиться. Весь свой повышенный, если можно так сказать, интерес к деньгам я перенял у Ааза за время нашей совместной деятельности. Всякий раз, когда мой партнер говорит о бескорыстии в чем-либо, где можно бы рассчитывать на компенсацию, пусть даже это касается траты времени, это может означать только одно — тут что-то затевается.

— Думаю, Ааз, у меня ничего не получится. Я действительно страшно занят.

— Левитированием карандашей и проверкой расхищения финансов, которые все равно краденые?

Его нарочито невинная улыбка не достигла своей цели просто потому, что я ее не понял.

— Брось, Ааз, это несправедливо. Я и *впрямь* много работал. Просто мне нужен иной раз перерыв. Вот и все.

— Об этом я и толкую, — захлопнул капкан мой партнер. — Тебе самое время вырваться из кабинета и поучаствовать в настоящем деле, пока не прилип окончательно к этому креслу. Ты ведь не хочешь потерять связь со своим маленьким войском, а эта работенка как раз напомнит тебе, что это такое — быть на задании.

Чем больше он говорил, тем острее я чувствовал себя обойденным с флангов. И наконец в отчаянии поднял руку.

— Ладно-ладно. Расскажи мне о нем. Кто этот твой приятель?

— Скорее просто знакомый. Ты тоже его знаешь. Помнишь Квигли?

— Квигли? Охотника на демонов, ставшего магом? Того самого Квигли?

Ааз энергично кивнул.

— Того самого. Кажется, у него возникла проблема, с которой он не может справиться сам... что неудивительно. Я думал, ты, возможно, захочешь ему помочь, поскольку поставили его в такое положение именно мы.

Шах и мат.

— Хорошо, Ааз, — согласился я, скорбно поглядев на заваленный незаконченной работой стол. — Дай только мне кое-что поручить Банни, и я тебя тут же догоню.

РАССКАЗ ААЗА

Валлет не особенно изменился со времени нашего последнего визита, но, впрочем, эти захолустные измерения редко меняются. Мы путешествовали под личиной, как это вошло в

привычку извергов, навещающих измерения, где уже когда-то побывали, а малыш перенял ее у меня. Вопреки общепринятым взглядам, изверги не любят драться *все* время, но, повторно посетив какое-то измерение, мы обычно бываем вынуждены в конечном итоге драться со всяким, кто узнает нас и считает себя подготовленным к схватке лучше, чем при первой встрече. Это только подтверждает правоту жителей Извра. По нашему мнению, все прочие измерения антиобщественны, и нам лучше всего бить первыми для получения преимущества внезапности, а кроме того, не жалеть усилий для отваживания гостей из иных измерений. Наше измерение и так не из приятных, а что до забредающих сюда посторонних подонков, нам они, понятно, ни к чему.

Конечно, моя принадлежность к извергам не единственная причина, почему многие граждане Валлета мечтают увидеть наши скальпы. Когда мы заезжали сюда в последний раз, то здорово поразвлекались здесь на Большой Игре. Я стар и циничен, но невольно улыбаюсь при мысли о том дельце.

— Как по-твоему, Ааз, сколько времени займет у нас проблема Квигли? — спросил Скив, вторгаясь в мои разбредшиеся мысли.

— Да не знаю, — пожал плечами я. — Лучше пусть он сам растолкует, в чем дело, и тогда мы решим.

Малыш встал как вкопанный и хмуро посмотрел на меня.

— Ты хочешь сказать, что согласился помочь, не зная, на что подряжаешься? Как же ты тогда узнал, что именно мы поставили его в такое положение?

Хоть Скив и показал себя способным учеником, все же бывают времена, когда он просто поражает своей тупостью.

— Чем занимался Квигли, когда мы впервые встретились с ним?

— Охотился на демонов. И что?

— А чем он занимается теперь?

— Когда мы слышали о нем в последний раз, он работал придворным магом Та-Хо.

— А теперь скажи, что, по-твоему, побудило его зарабатывать на жизнь магией вместо размахивания мечом?

— О!

Несколько секунд он выглядел удрученным, но быстренько оправился.

— Я все же думаю, тебе следовало бы выяснить, в чем проблема. Мы уже тут и до сих пор понятия не имеем, сколько она займет времени, а я не могу отрываться от дел на *слишком* долгий срок. Я и правда очень занят.

— Ну, тогда, — улыбнулся я, — нам следует связаться с ним как можно скорее, а не торчать здесь посреди улицы, мороча друг другу головы пустыми разговорами.

Малыш мелодраматически закатил глаза и снова потопал вперед.

Скив сильно изменился за те годы, что я с ним работал. Когда мы впервые встретились, он был совсем малыш. А теперь он — молодой человек... хоть я и склонен все еще думать о нем как о малыше. От старых привычек трудно избавиться. Он вырос из неуклюжего долговязого мальчугана в юношу, которому требуется бриться... хоть и не так часто, почему он и склонен об этом забывать, пока ему не напомнит Банни. Еще более поразительны его уверенность в себе и выдержка, он определенно обрел свой стиль. Было интересно наблюдать, как развивается мой подопечный в последние несколько лет, по каким направлениям.

Видите ли, наиболее симпатичной отличительной чертой Скива всегда была его забота о людях... неподдельная забота. Об этом свидетельствуют и его чувства к Гаркину, его погибшему учителю, хотя мой коллега никогда особенно не ценил малыша как ученика, и хлопоты, на которые он пошел, чтобы не ранить самолюбие Аякса, когда старый лучник усомнился в своей ценности в бою, — Скив всегда обладал безошибочной способностью увидеть в людях хорошее и действовать соответственно. Именно поэтому я и остался работать с ним... как учить, так и учиться.

Однако теперь положение, похоже, меняется. С тех пор как Скив стал президентом нашей корпорации, он начал больше беспокоиться о бизнесе и меньше о людях. Другие, возможно, и не обратили на это внимания. Банни и Тананда так заняты попытками перещеголять друг друга, что не заметят, даже если через комнату промаршрует духовой оркестр, а у Корреша одна забота — развести их по разным углам. Маша и громилы сильны по части слепой верности. Они живо шагнут с утеса следом за Скивом, не задумываясь и не задавая вопросов. И опять же они знают его не так долго, как я, и не так хорошо, как я, и могут просто счесть его теперешнее поведение нормальным. Для меня же перемена очевидна.

Вся эта авантюра с покупкой казино только один пример. Тот прежний Скив настоял бы на том, чтобы Истерий изучил все обстоятельства, прежде чем подписать контракт, или по крайней мере щедро вознаградил его усилия. Вместо этого нас угощают демонстрацией такого умения хватать, что плохо лежит, какому позавидует и матерый девол-торгаш.

Всем известно, что я ничего не имею против извлечения прибыли, особенно значительной, пусть даже и с душком... но ведь это я. Скиву полагалось быть, напротив, гуманистом. Пока я учился у него взаимоотношениям с людьми, он, боюсь, усваивал у меня не те уроки... и, похоже, в этом преуспел.

Так или иначе, но именно потому я и не выбросил письмо Квигли в мусорную корзину, когда оно попало к нам на Базар. Я подумал, оно даст мне возможность побыть какое-то время со Скивом наедине и выяснить, веду ли я себя просто как нервная барышня или тут действительно есть о чем беспокоиться. Тогда я склонялся в сторону последнего.

К счастью, Квигли никуда не переехал. Малышу так не терпелось, что он, боюсь, плюнул бы на все это дело, если бы нам пришлось долго его разыскивать. На наш стук в дверь появился в щелке осторожный глаз, затем дверь слегка приоткрылась.

— О! Я надеялся... то есть я ожидал... Чем могу помочь, господа?

Мы уже видели эту личину «старика» и поэтому нисколько не сомневались, что смотрит на нас действительно Квигли.

— Это мы, Квигли, — живо сказал малыш, прежде чем я успел бросить хотя бы «Привет». — Ты впустишь нас или нам отправляться домой?

— Скив? О, слава небесам. Разумеется... заходите скорее.

Я считал, что Скив немного резок, и раболепие Квигли перед ним совсем не улучшало его манер.

— Извините за такой прием, — сказал маг, проводя нас в дом. — Но я боялся, что это один из кредиторов.

Закрыв дверь, Квигли снял заклинание личины... полагаю, поддержание ее требовало слишком больших усилий. При виде его истинной внешности я был слегка шокирован.

Годы не пощадили нашего старого союзника. На лице его глубоко отпечатались следы напряжения, которых не было, когда мы заскакивали сюда прежде. Само жилище, казалось, стало еще хуже. Стены нуждались в покраске... или по крайней мере в отмывке, а мебель, похоже, ремонтировали, а не заменяли.

— Не жилище, а дыра! — заметил Скив со своим благоприобретенным отсутствием такта. — В самом деле, Квигли, если уж не думаешь о себе, подумай о профессии. Откуда, потвоему, у людей возьмется уважение к магам, если они увидят, в каких условиях они живут?

— Полегче, партнер, — тихо осадил я его. — Не все же могут владеть казино. Некоторым из нас приходится жить в лесных избушках... и даже спать под деревьями у дороги.

За это я заработал острый взгляд, но тут вмешался Квигли:

— Нет, Скив прав. Могу сказать только одно — я пытался. Почему и угодил в ту передрягу, где сейчас нахожусь. Я превысил свой кредит, стараясь поддерживать приличный вид, и вот теперь мне приходится за это расплачиваться.

— Если это единственная твоя проблема, Квигли, то это здорово и мы управимся с ней вообще без всякого труда. Мы можем устроить тебе быстрый твердый заем и разом покончим с твоими бедами... конечно, под небольшие проценты. Верно, Ааз?

Возможность быстрого решения проблемы улучшила настроение Скива. Я чуть не поддался искушению согласиться с этим, но у меня возникло ощущение, что данная ситуация проста только на первый взгляд.

— Не знаю, Скив, но я бы предпочел, если не возражаешь, послушать еще немного о том, в чем именно заключается проблема.

— Брось, Ааз. Давай просто оплатим его счета и разбежимся. Если поспешим, то сможем вернуться в контору уже к обеду.

Хоть я и пытался быть терпеливым, даже обещал себе быть им, но его тон просто меня достал.

— Слушай, *малыш*, — сказал я, намеренно называя его так. — Если уж ты так горячо жаждешь вернуться, валяй! Я сам попробую разрешить здесь *настоящую* проблему, если все же выясню, в чем она заключается, и, может, попытаюсь это сделать, не выбрасывая денег. Идет?

Это был дешевый прием, но Скив сам на него напрашивался. Какую-то минуту я думал, будто он поймает меня на моем предложении и уйдет, но вместо этого он опустился на диван и надулся. Восхитительно. Я повернулся к нему спиной и переключил все внимание на Квигли.

Казалось смешным после всех этих лет брать на себя инициативу в том, что являлось, по существу, «человеческой» ситуацией. Обычно я ведал тактикой... ну, и иной раз деньгами... и предоставлял заниматься людьми Скиву. В том-то и заключалась его часть партнерства — не дать моей жесткой натуре вызвать отчуждение у многих людей, особенно у наших друзей. Однако что поделаешь, теперь такая задача выпала на мою долю, и придется заново к этому привыкать.

Черт, если честно, такие дела мне никогда не бывали *привычными*. По иронии судьбы я должен был поставить себя на место Скива и попытаться угадать, что бы сказал и сделал в такую минуту он.

— Итак, Квигли, — произнес я, пытаясь тепло улыбнуться, — к чему именно сводится проблема?

Он неуютно помялся:

— Ну, это долгая история. Я... я не уверен, откуда лучше начать.

Я вдруг вспомнил, что неизверги склонны нервничать при виде зубов изверга, и сбросил улыбку.

— Почему бы не начать сначала? Как вышло, что у тебя возникли денежные проблемы? Когда мы в последний раз были здесь, ты, кажется, преуспевал.

— Вот тогда все и началось, — вздохнул он, — в последний ваш визит сюда. Помните, как здесь выбирали тогда правительство? С помощью Большой Игры?

Я много лет об этом не думал, но когда он заговорил, события стали восстанавливаться в моей памяти.

— Угу, ежегодная Большая Игра между Та-Хо и Вейгасом определяет, кто получит Приз и станет столицей в следующем году.

Квигли слегка кивнул:

— Верно. Ну а теперь все изменилось. Когда вы, ребята, выиграли и скрылись с Призом, это перевернуло вверх тормашками всю пятисотлетнюю систему. Некоторое время существовала одна фракция, утверждавшая, что раз вы увезли Приз в Поссилтум, то именно там и должна быть в течение года столица. К счастью, победили более мудрые головы.

Было приятно узнать, что *некоторые* недоразумения разрешились без нашего участия. Я заметил, что, когда Квигли продолжил, Скив невольно заинтересовался.

— И решили они создать новое правительство — Общий Совет. План привели в исполнение при равном представи-

тельстве от обоих городов-государств, и впервые за пятьсот лет правительство измерения стабилизировалось.

Судя по его словам, из нашей сумасбродной аферы действительно вышло что-то хорошее. Это заставило меня почувствовать себя удовлетворенным. И все же...

— Не понимаю, Квигли. Какие же возникли осложнения?

Маг криво усмехнулся:

— Подумай, Ааз. С прекращением вражды между двумя городами-государствами не было нужды держать на службе двух магов. Решили, что отлично обойдутся и одним.

— Ого-го-го, — сказал я.

— Правильно, ого-го-го. Сперва они выбрали Машу. Она какое-то время служила магом для обоих городов-государств и, честно говоря, производила на них лучшее впечатление, чем я... особенно после того, как я упустил их демона-заложника, сбежавшего на Большую Игру. Впрочем, когда они отправились сообщить ей об этом, она исчезла. И остался только я.

Я стал размышлять, записалась ли Маша в ученицы к Скиву до или после того, как узнала об организационных переменах и полученном Квигли преимуществе.

— Она работает у нас на Деве, — заметил Скив, вступая наконец в разговор.

— В самом деле? Тогда понятно. После таких успехов вполне естественно перейти в высшую лигу.

— Я все еще не понимаю, как ты погорел в финансовом плане, — сказал я, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло.

Квигли скорчил гримасу:

— Дело в моем контракте. Мне пришлось при новом положении дел согласиться на существенное сокращение оплаты. Раньше мое жалованье было достаточным, хотя и не давало повода к особому веселью. А теперь...

Голос его оборвался.

— Что-то не пойму, — снова вмешался Скив. — Ты получаешь меньше денег за службу двум городам-государствам, чем получал, работая на один?

— Я же сказал, все дело в моем контракте. В нем есть пункты, о которых я даже не знал, пока Совет не обрушил их на меня.

— Какие такие пункты? — нахмурился я.

— Ну, что наниматель имеет право устанавливать пределы моей оплаты — это самый важный, какой я помню... «В интересах общины». Мне и указали, что при отсутствии вражды моя нагрузка снизилась, а значит, и оплату следует соответственно снизить. И потом есть пункт «Без уходов»...

— Какой?

— Пункт «Без уходов». Короче, он гласит, что меня могут уволить, но сам я не вправе уйти раньше срока действия контракта. Если уйду, мне придется оплачивать мою замену, то есть субподрядчика, самому... даже если ему будут платить больше, чем платят мне. Вот потому-то я здесь и застрял. Я не могу позволить себе уйти. Если на новом месте я стану вычитать чье-то жалованье из любой заработанной суммы, то мне самому останется даже меньше, чем я получаю сейчас. Не могу же я надеяться, что сумею зарабатывать вдвое больше. С моим послужным списком из этого ничего не выйдет.

Сначала я думал, что Скив собирается предложить ему место в нашей фирме, но он вместо этого застонал и закрыл лицо руками.

— Кви-и-гли! Как ты мог подписать контракт на таких условиях? Черт, как ты можешь подписывать *любой* контракт, не зная точно, что в нем содержится?

— Честно говоря, я так радовался найденной работе, что и не подумал задавать много вопросов.

— Есть еще одна мелочь, — вставил я. — Когда он приступал к этой игре, он был совсем один. У него не было ни учителя, ни друзей, способных просмотреть его контракты или отговорить от неудачных сделок.

Малыша становилось все трудней удерживать от проявления нетерпимости к ошибкам других. Даже высказанное мной

не слишком тонкое предостережение имело лишь частичный успех.

— Он мог бы спросить меня, — пробурчал он. — Я помог бы ему избежать крупных оплошностей.

— Насколько я помню, — снова вмешался я, внимательно изучая потолок, — в то время ты работал придворным магом в Поссилтуме... вообще без всякого письменного соглашения. Вот и давал бы *сам себе* советы по поводу контракта.

— Ладно-ладно. Я понял, Ааз. Так что ты от меня хочешь, Квигли?

Я отметил это «меня» вместо «нас», но пока оставил без последствий.

— Сейчас уже поздно, но я бы хотел поймать тебя на слове. Хорошо бы ты просмотрел контракт и нашел выход из положения. Мой срок почти истек, но я боюсь, они прибегнут к праву на возобновление контракта, и я застряну здесь еще на три года.

— Не продолжай, дай сам угадаю, — поморщился я. — Право возобновлять или не возобновлять контракт принадлежит им. Твое мнение не имеет значения. Верно?

— Верно. Как ты узнал?

— Удачная догадка. На мой взгляд, это довольно мило сочеталось с пунктом «Без уходов». А я-то думал, рабство запрещено законом...

— В чем, собственно, заключаются теперь твои обязанности, Квигли?

Скив сидел на диване, сохраняя задумчивое молчание, пока не перебил меня своим вопросом.

— Они в общем-то невелики, — признал Квигли. — Ну, что ли, развлекать народ. Мне скоро надо будет уходить. В полдень я должен присутствовать на игре.

— Игре? — переспросил я. — В нее все еще играют?

— О, разумеется. Она здесь по-прежнему главный повод для развлечения и ставок. Только теперь не играют на Приз, вот и все. С тех пор как вы, ребята, обдули местных, игра

стала менее эмоциональной, но из-за нее еще сильно горячатся. Я буду развлекать публику после игры. Ничего особенного, всего лишь...

Я взглянул на него, когда он не закончил фразу, и лишь обнаружил бедного мага погруженным в крепкий сон и тихо похрапывающим в кресле. Озадаченный, я перевел взгляд на Скива.

— Сонные чары, — подмигнул он. — Я счел это вполне уместным. Я научился этим чарам при нашем последнем путешествии сюда — после того как этот вот друг применил их на Тананде.

— Разве тебе не хочется узнать побольше о его контракте, который нам предполагается разорвать, или хотя бы взглянуть на него?

— Незачем. Я уже достаточно выслушал для составления чернового плана.

— И план этот...

Его улыбка стала шире.

— Я дам тебе намек.

Черты его лица, казалось, растаяли и сместились... и я увидел перед собой предпочитаемую Квигли для работы личину «старика».

— Нам ведь ни к чему, чтобы на игре присутствовало два Квигли, не так ли? Насколько я понимаю, самый лучший способ избавить его от контракта — это занять сегодня в полдень его место.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— Ты хочешь добиться его увольнения? А не крутовато ли? Я имею в виду, как это отразится на его репутации?

— Слушай, Ааз, — зарычал он. — Я как раз и хотел провернуть самое легкое — помочь ему откупиться от неприятностей. Помнишь? Это как раз *ты* сказал, что должен быть другой выход. Ну, я и нашел другой выход. Ты поймешь это сейчас или растолковать тебе суть потом, когда все закончится?

* * *

Как ни смотри, стадион выглядел впечатляюще. Конечно, когда соберешь почти сто тысяч человек, дружно вопящих и требующих крови, это всегда выглядит так. Я лишь радовался, что на этот раз они требовали не *нашей* крови.

Хотя и был один неприятный момент. Квигли-Скива как должностное лицо города-государства пускали бесплатно, тогда как мне в личине «заурядного малого» пришлось для входа за ограду добывать билет. Все бы ничего, за исключением того, что мы разделились. В последний момент до меня вдруг дошло, что если Скив немного разойдется или забредет за пределы радиуса, то моя личина исчезнет, открыв мое истинное лицо. А так как меня здесь помнят как члена команды, победившей местных и слинявшей с их любимым Призом, то идея быть внезапно разоблаченным среди тысяч разгоряченных болельщиков Игры вовсе не показалась мне забавной. К счастью, мне не пришлось этого испытать. Скив подождал, пока меня пропустят, и дальше мы проталкивались вместе. Этот инцидент заставил меня призадуматься и осознать, как сильно я, лишенный своих способностей, стал зависеть от умения малыша.

Квигли-Скива явно хорошо знали, и когда мы вышли на стадион, многие болельщики его окликали. Однако приветствия эти не показались мне хвалебными.

— Квигли! Как дела, старый пень?

— Эй, Квигли! Ты снова собираешься показать тот же фокус?

— Да уж! Может, на этот раз он у тебя и получится.

Каждый из этих насмешливых выкриков сопровождался, конечно же, ослиным гоготом, какой может удасться только болельщикам, ударившимся в запой еще сутки назад, и все это ради *своей* роли в игре. Может, Квигли и привык к такому обращению, но с Великим Скивом давно уже никто не говорил в подобном тоне, и я заметил, как в глазах у него появился опасный блеск, не предвещавший ничего хорошего тому,

на ком он решит наконец сфокусировать демонстрацию своей силы.

Сама игра оказалась довольно увлекательной. Куда забавней следить за ней, когда не тебе вышибают мозги на поле. Я обнаружил, что сам иной раз одобрительно ору при виде выдающейся игры и свищу при редких вмешательствах должностных лиц вместе с обезумевшей толпой.

Квигли-Скив тем временем сохранял зловещее молчание. После полудня его вид стал просто пугающим. Я знал своего партнера достаточно хорошо и догадывался, что он что-то замышляет. А вот чего я не знал, так это «что именно» и «когда». Наконец, когда стал уже вырисовываться финал игры, я не смог больше сдерживаться.

— Скажи-ка, э, Скив, — я нагнулся поближе к нему, чтобы он расслышал меня сквозь гам толпы, — ты уже разработал свой план?

Он кивнул, не отрывая глаз от поля.

— Ты не против рассказать о нем мне?

— Ну, ты помнишь, как я добился увольнения из Поссилтума? — Он огляделся посмотреть, не подслушивает ли кто.

— Да. Ты обругал короля. И?

— И не вижу никаких причин, почему бы тот же прием не сработал и здесь. Не думаю, чтобы должностные лица города-государства были менее напыщенными и самодовольными, чем монарх обанкротившегося королевства.

Это имело смысл. Приятно видеть, что малыш не полностью утратил свою способность разбираться в людях.

— Так из-за чего же ты думаешь поднять бучу? Из-за обращения с Квигли?

Он покачал головой.

— Не соответствует характеру, — возразил он. — Квигли не из тех, кто подымает шум из-за себя. Нет, драка, что я замыслил, начнется по более серьезному поводу.

— Драка? Какая драка?

— Та, что вот-вот начнется на поле, — усмехнулся Квигли-Скив. — Насколько я понимаю, эти две команды свыше пятисот лет соперничали между собой, и я не могу поверить, будто все их старые счеты забылись просто из-за смены правительства.

— Не знаю, партнер. Пока игра велась весьма корректно. К тому же она и без того грубый контактный спорт. С чего тут начаться драке?

— Большинство контактов происходят вокруг мяча... куба, или как там его называют. Так никогда и не усвоил. После столь долгой игры все игроки на взводе и не слишком ясно мыслят — как-никак полдня стукались головами. А теперь смотри внимательнее.

Он нагнулся вперед, пряча свои руки, и, вытянув один палец, нацелил его на поле.

Там бегали два особенно здоровенных игрока, весь день заметно пытавшихся вцепиться друг другу в глотки к восторгу толпы. В тот момент они медленно трусили бок о бок вдоль края главной схватки на поле, следя, не выпрыгнет ли из свалки мяч-куб. Внезапно рука одного из них нанесла сопернику резкий и злонамеренный удар слева по лицу, сбив с головы шлем и заставив беднягу растянуться на траве. Этот ход был настолько неожиданным и ненужным, что ошеломленная толпа замолкла и застыла. Даже ударивший игрок выглядел удивленным... что, несомненно, было правдой. Ничто не заставляет двигаться конечности так непредсказуемо, как небольшая плотно сфокусированная левитация, если только конечности эти не напряжены и не готовы к противодействию.

Не озадачен был этой выходкой только поверженный игрок. Я бы сказал, твердокаменность действительных участников игры, в отличие от их потерявших форму болельщиков — это качество которое характеризует не только их физическое состояние, но и чувство юмора. Сбитый игрок одним прыжком вскочил на ноги и бросился на своего предполагаемого агрессора. А тот хоть и не знал, что за магия направляла его

руку, но зато отлично знал, что делать, когда тебя бьют, и в самом скором времени двое соперников самозабвенно отдались мордобою.

Это могло бы сработать, но команды относились всерьез к наконец-то заключенному перемирию. Под гневные крики трибун и свист судьи они навалились на членов своих команд и растащили их в стороны.

— Жалко, Скив, — с досадой заметил я. — Я думал, ты их достал.

Не услышав ответа, я взглянул на него. Слегка теперь наморщив лоб, он по-прежнему работал.

Товарищи по команде отпустили игрока, подвергшегося нападению. Тот, хоть и был еще взбешен, уже взял себя в руки, когда нагнулся поднять шлем. Однако при его прикосновении шлем понесся, рассекая воздух, словно пушечное ядро, и врезался в члена команды соперников, нанесшего первый удар. Ну, шлемы в этой игре снабжаются рогами или шипами, и этот не являлся исключением. Пораженный игрок рухнул, как марионетка с обрезанными ниточками, образовав при этом заметную лужу крови.

Это решило дело.

При виде нового нападения на своего товарища, да еще в тот момент, когда мяч не в игре, вся команда упавшего игрока взбеленилась и бросилась к оставшемуся без шлема нападавшему... чьи товарищи, в свою очередь, ринулись защищать его.

Обе скамейки запасных опустели, и в драку на поле включились остальные игроки. Прежде чем они успели набрать скорость, обе группы запасных попали за светящиеся голубые клетки магических экранов. О таком их применении я, признаться, никогда и не думал. Вместо свежих команд со скамеек запасных Квигли-Скив вышел на поле сам.

Я сразу не заметил, что он покинул место рядом со мной, пока не увидел его уже перемахнувшим через невысокий барьер, отделявший зрителей от игрового поля. Прыжок этот

выглядел чересчур бойким для носимой им личины «старика», но никто, похоже, этого не заметил.

Смотреть, как работает малыш, было настоящим удовольствием... особенно учитывая, что большинству этих фокусов научил его я. Мне пришлось признать — за минувшие годы он весьма в этом поднаторел.

— ПРЕКРАТИТЬ! ХВАТИТ! — проревел он. — ПРЕКРАТИТЕ, Я СКАЗАЛ!!!

Все еще крича, он внедрился в толпу игроков на поле, сцепившихся в смертельной схватке. Тех, кто стоял, он свалил на месте одним жестом... жестом, понятым мной как простые сонные чары. Других он легко разделил, умело применяя свои способности к левитации. Двух вцепившихся друг в друга игроков он не только разделил, но и подержал футах в двадцати над землей. Драка прекратилась так же быстро, как и началась, и очень ловко к тому же.

Как и можно было предсказать, не успела еще улечься пыль, как на поле ворвался отряд чиновного вида людей и направился прямиком к Квигли-Скиву. Хотя я, может, и утратил свои способности, но со слухом у меня все в порядке, и в отличие от окружавших меня на трибунах болельщиков я без труда расслышал последовавший обмен репликами.

— Квигли, ты... Как ты смеешь так вот вмешиваться в игру?

— Игру? — холодно переспросил Квигли-Скив, складывая руки на груди. — Это не игра, а драка... Хотя я понимаю, как легко вы могли впасть в заблуждение.

— Ты не имеешь никакого права... Поставь их на землю!

Эта последняя реплика сопровождалась жестом в сторону подвешенных в воздухе игроков. Скив пальцем не шевельнул, но двое игроков внезапно упали на траву с костедробильным стуком, извлекшим из толпы точно такое же «о-о-о-о-о», какое получаешь при хорошем ударе в настоящей игре.

— Что же касается моих прав, — не оглядываясь произнес нараспев Квигли-Скив, — то по контракту я обязан приме-

нять свои магические способности для поддержания спокойствия в Вейгасе и Та-Хо. Как я понимаю, это включает и прекращение всевозможных драк, коих я оказываюсь свидетелем... что я только что и сделал. И потому объявляю игру оконченной. Текущий счет становится окончательным.

И с этими словами клетки-экраны начали мигрировать к двум противоположным туннелям, загоняя в них игроков. Незачем и говорить, толпа этого не одобрила.

— Ты... ты не можешь этого сделать! — завопил какой-то крупный чин, перекрикивая нарастающий свист трибун. — Самая волнующая игра в последние несколько минут!

В ответ Квигли-Скив просто левитировал лежавших на поле игроков в туннели следом за товарищами.

— Я уже это сделал, — заявил он. — И более того, я намерен делать это при каждой очередной встрече этой варварской игры, когда положение станет неуправляемым. Мой контракт скоро подлежит возобновлению, и я понял, что немного подзапустил свои обязанности. И вот решил напомнить вам, кого именно вы держите на жалованье. Если вам это не нравится, можете меня уволить.

Я улыбнулся и оценивающе покачал головой. Надо отдать должное Малышу. Если наезд на любимое времяпрепровождение этого измерения не приведет к увольнению Квигли, то уж и не знаю, что тут еще можно придумать.

— Ты закрыл игру?

Это Квигли выражал свою оценку предпринятому Скивом.

Мы вернулись к нему домой, сбросив личины, и привели мага в чувство. Оказалось, на *такую* нашу помощь он явно не рассчитывал.

— Это был самый верный способ освободить тебя от контракта, — пожал плечами Скив. — Местные, похоже, сильно привязаны к этой игре.

— Привязаны к... я погиб! — со стоном воскликнул маг. — Меня не просто уволят, меня казнят!

Малыш остался невозмутим.

— Не беспокойся, — посоветовал он. — Ты всегда можешь скрыться с помощью заклинания личины, или, если тебе будет от этого легче, мы проводим тебя к...

Раздался стук в дверь.

— Так. Если я не ошибаюсь в своих догадках, это, должно быть, Совет пожаловал. Открой дверь, Квигли.

Маг поколебался, огляделся вокруг, словно ища способ сбежать. Наконец вздохнул и поплелся к двери.

— Кстати о личинах, Скив... — намекнул я.

— О, верно. Извини, Ааз.

Рассеянным взмахом руки он снова придал нам личины, на этот раз те, под какими мы прибыли сюда первоначально.

— О! Господин маг. Можно войти? Мы должны обсудить определенные... О! Я и не знал, что у вас гости.

Это и впрямь явился Совет. Точно по расписанию. Я украдкой подмигнул Скиву, и он поощрительно кивнул.

— Это... мои друзья, — запинаясь, произнес Квигли, словно сам не совсем верил этому. — По какому поводу вы хотели меня видеть?

Несколько пар беспокойных глаз заметались от Квигли к нам.

— Мы... гм... надеялись поговорить с вами наедине.

— Мы подождем на улице, Квигли, — сказал, поднимаясь, Скив. — Если понадобимся — только крикни.

— Ну вот и все, — вздохнул я после того, как дверь за нами закрылась. — Интересно, чем собирается заняться Квигли после этого?

Скив небрежно прислонился к стене.

— На мой взгляд, это уже его проблема, — отозвался он. — В конце концов, он же сам просил нас освободить его от контракта. Думаю, он что-нибудь себе присмотрел.

— А если нет? Квигли никогда не отличался предусмотрительностью. Имея в послужном списке прекращение контракта, ему будет нелегко найти работу.

— Я уже сказал, это его проблема, — пожал плечами Скив. — Он всегда может...

Дверь открылась, и Совет молча и строем вышел на улицу. Квигли подождал, пока они удалились, а затем лихорадочно замахал нам, приглашая в дом.

— Ни за что не угадаете, что произошло, — взволнованно сказал он.

— Тебя уволили, верно? — ответил Скив. — Брось, Квигли, встряхнись. Вспомни, это же мы все устроили.

— Нет, меня не уволили. Как только у них прошла злость, они подумали о том, какое впечатление произвела на всех устроенная мною демонстрация магии, и возобновили контракт.

Я обнаружил, что гляжу на Скива, а тот, в свою очередь, глядит на меня. Так мы и стояли в этой позе несколько секунд. Наконец Скив испустил вздох.

— Ну, — решил он, — тогда нам просто придется придумать еще что-нибудь. Не беспокойся, Квигли. Я еще не видел ни одного контракта, который нельзя было разорвать.

— Э-э-э... м-м-м... я бы предпочел, чтобы вы этого не делали.

Это слегка меня потрясло.

— Извини, Квигли. Мне подумалось, будто ты сказал...

— Совершенно верно. Понимаешь, ты произвел на Совет очень глубокое впечатление, и они повысили мне жалованье... существенно повысили. Думается, я нигде не смогу найти лучшей работы, тем более если меня попросят продемонстрировать свое умение. Однако в контракте сделаны некоторые изменения, и мне бы хотелось, чтобы вы просмотрели его и объяснили, что меня может ожидать.

— Сожалею, Скив, — сказал я, когда мы поплелись прочь. — Такая работа, и все коту под хвост.

Мы закончили наконец разбираться с контрактом Квигли и искали местечко потише, где можно незаметно отправиться обратно на Деву.

— В общем-то нет. Мы разрешили для Квигли его проблему, а этот новый контракт определенно лучше по сравнению с прежним.

Я имел в виду, что он проделал уйму работы без оплаты, но решил не вдаваться в подробности.

— Ты вообще-то удивил меня, — признался я. — Я почему-то ожидал, что ты рассчитывал завербовать Квигли в нашу команду, когда он освободится от контракта.

Малыш ответил резким лающим смехом:

— Снова выбрасывать деньги на ветер? Не беспокойся, Ааз. Я не настолько сумасшедший. Может, я и готов был одолжить ему какую-то сумму, но нанимать его? Такого бездельника-неумейку? Я управляю корпорацией М.И.Ф., это почти военный корабль, и порядок у нас соответствующий, и нет места для пустого балласта... даже для старых друзей. Кстати о фирме. Интересно, есть ли какие-нибудь известия о...

Он болтал дальше о возвращении к своей работе. Но я слушал не слишком внимательно. Вместо этого я мысленно повторял кое-что из сказанного им.

«...Бездельника-неумейку... нет места для пустого балласта... даже для старых друзей...»

Немного резковато, наверно, но определенно пища для размышлений.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Какие же дураки эти смертные.

Смог

На собственном опыте мне пришлось убедиться, насколько легче прикупить себе что-нибудь, чем попытаться потом от этого избавиться. Я говорю не о мелких повседневных покупках, а о чем-то крупном... вроде, скажем, отеля-казино. Конечно, покупку его упростило то, что строитель... как там

его звали? Не важно... он тогда впал в отчаяние. Однако продать его оказалось делом совсем иного свойства.

Откинувшись на спинку кресла, я уставился на море бумаг у меня на столе, пытаясь мысленно рассортировать различные предложения, сталкивающиеся у меня в голове без всякой системы. Я заметил, что после полуночи это происходит все чаще и чаще. Пробормотав проклятие, я зарылся в свои заметки.

— Работаем сверхурочно, Скив?

— Что? — Я поднял взгляд. — Привет, Банни. Что ты здесь делаешь в такой час?

— Я могла бы сказать, что беспокоюсь о тебе, и это действительно так, но, по правде говоря, я даже не знала, что ты все еще здесь, пока не увидела в щелку свет и не сунула сюда нос. Нет, я просто зашла взять кое-что из своего стола. А теперь все же скажи, что ты здесь делаешь?

Отвечая, я чуть потянулся, благодарный за перерыв:

— Просто пытаюсь упорядочить свои мысли по продаже «Веселого дома». Мне придется определиться с собственным мнением на этот счет к ежемесячному заседанию нашего правления.

Она обошла стол и встала у меня за спиной, массируя мне узлы мускулов на плечах. Чудесное ощущение.

— Не понимаю, зачем тебе вообще выносить вопрос на правление, — сказала она. — Решил бы все сам. Ты ведь не нуждался в одобрении других, когда затеял эту продажу?

Что-то в сказанном ею звучало резковато, но я слишком сильно наслаждался массажем, чтобы сконцентрировать на этом внимание.

— Я не продажу сам затеял, а обсуждение предложений по этому поводу. Окончательное решение продавать или не продавать и какое из предложений принять, если вообще принимать какое-то, будет вынесено правлением.

— Тогда пусть оно и решает, ты-то зачем себя изводишь?

Я уже знал, что она скажет дальше. Заведет старую песню «Ты слишком много работаешь». Я слышал ее от всех довольно часто, сам бы запросто спел ее по памяти.

— Потому что я *действительно* хочу протолкнуть разумное предложение. — Я отстранился от нее. — Хочу выслушать все возражения и быть уверенным, что мои доводы понятны.

Банни обошла стол и, поколебавшись, плюхнулась в кресло.

— Отлично, тогда прорепетируй. Скажи *мне*, если ты, как говоришь, не против предварительного обсуждения, почему ты так жаждешь продать «Веселый дом»?

Я встал и принялся расхаживать по кабинету, теребя нижнюю губу и приводя в порядок свои мысли.

— Официально я считаю это необходимым по двум причинам. Во-первых, новизна заведения очень скоро должна спасть, и когда это произойдет, спадут и толпы... а следовательно, и доходы. Продать его станет труднее, чем сейчас, когда это место еще такое бойкое. Во-вторых, успех нашего заведения обязательно породит кучу подражателей. Судя по всему, что я слышал на одном из «деловых обедов», уже есть несколько планов построить или переделать близлежащие отели в казино. Это, само собой, расширит рынок услуг и собьет нам цену, если мы вовремя не примем меры.

Банни внимательно слушала. Когда я закончил, она кивнула.

— А неофициально?

— Прости?

— Ты сказал, «официально, и т.д., и т.п.». Это подразумевает, что есть еще причины, тобой не упомянутые.

Вот тут-то я и понял, насколько устал. Подобная оговорка может дорого обойтись в неподходящем обществе. И все же Банни была моей доверенной секретаршей. Если уж даже ей я не могу довериться, то плохи мои дела.

— Неофициально я делаю это ради Ааза.

— Ааза?

— Совершенно верно. Помнишь его? Моего старого партнера? Ну, когда мы оказывали ту маленькую услугу Квигли, он все подкалывал меня из-за «Веселого дома» — я слышал постоянный поток подковырок по поводу то «я выбрасываю деньги на ветер», то «незачем нам лезть не в свое дело» и много чего еще в том же роде. Не знаю почему, но это казино ему как кость в горле, и если его это обрадует, я избавлюсь от данного заведения без всяких сожалений. Оно не так уж много для меня значит.

Банни выгнула бровь.

— Значит, ты продаешь казино, чтобы обрадовать твоего старого партнера?

— Это самая веская причина, какая приходит мне на ум, — пожал плечами я. — После смерти Гаркина, Банни, он был для меня в одном лице и отцом, и учителем, и тренером, и наставником. Я потерял счет тому, сколько раз он меня спасал, становясь между мной и тем, что мне угрожало. Я ему стольким обязан, что такую малость, как устранить то, что ему досаждает, я проверну не моргнув глазом.

— Ты мог бы подбросить ему задание-другое, — поджала губы Банни. — Возможно, будь он чуть больше занят, у него бы не нашлось времени на мрачные раздумья и поиск изъянов в том, что ты делаешь без его участия.

Я на какую-то секунду задумался, прежде чем засмеяться.

— Ааз выше мелкой ревности, — сказал я, желая убедить в этом скорее себя самого. — Кроме того, я *пытаюсь* найти ему задание. Просто все дело в том, что извращенцы... то есть изверги... не славятся своей дипломатичностью в обращении с клиентами.

Не желая дальше углубляться в эту тему, я собрал стопку предложений.

— А теперь мне придется еще пару раз просмотреть эти предложения, чтобы как следует в них разобраться.

— Так в чем проблема? Просто выбери самое лучшее и остановись на нем.

Я с горечью поморщился:

— Это не так легко. Они настолько разные, что их сопоставлять все равно что сравнивать яблоки с апельсинами. Один предлагает постоянный процент с прибыли... другой дает высокую покупную цену, но хочет платить в рассрочку... есть целая куча заявок на включение в оплату стоимости отеля акций других предприятий... и не так-то легко решить, какое из предложений действительно самое лучшее.

— Возможно, я сумею помочь, — предложила Банни, протягивая руку к бумагам. — У меня довольно большой опыт по части анализа предложений.

Я опередил ее, положив руку на пачку документов.

— Спасибо за заботу, Банни, но я предпочел бы сделать это сам. Если я намерен оставаться президентом, мне надо больше полагаться на себя, а не на других. Единственный способ научиться справляться самому — это не попадать в зависимость от своего штата сотрудников.

Она медленно убрала руку, ее глаза всматривались в мои, словно она была не уверена, что узнаёт меня. Я сообразил, что она расстроилась, но, перебрав еще раз сказанное мною, не смог найти в своей позиции ничего неверного. Слишком устав, чтобы разбираться с этим именно теперь, я решил сменить тему.

— Раз уж ты здесь, не могла бы ты мне вкратце напомнить, что у нас завтра на повестке дня? Я бы подготовил все, что от меня зависит.

Что бы ни беспокоило ее, все мигом исчезло, едва она вновь стала образцовой секретаршей.

— Единственное срочное дело — выделение группы на сторожевую работу. У клиента ценный груз, и нам нужно стеречь его завтра ночью.

— Сторожить? — нахмурился я. — А разве это не низковато для нашей конторы?

— *Я* тоже так думала, — сладко улыбнулась она. — Но ты, очевидно, думал иначе, когда подрядил нас на это две недели

назад. Услуга одному из твоих партнеров по «деловым обедам». Помнишь?

— Верно. Ну, я думаю, мы можем бросить на это Глипа. Отправь его туда... и вели Нунцио не спускать с него глаз.

— Ладно.

Она направилась было к выходу, но задержалась в дверях.

— Так что насчет Ааза?

Я уже снова начал погружаться в предложения, и мне пришлось с усилием вернуть свое внимание к разговору.

— А что насчет него?

— Ничего. Забудь про мой вопрос.

Да, вне всякого сомнения, с сотрудниками моими определенно происходит что-то странное. Покачав головой, я снова обратился к предложениям.

РАССКАЗ ГЛИПА

Когда в разговоре с коллегами из драконьего общества возникает тема домашних любимцев, неизбежно завязывается спор об относительных достоинствах и недостатках людей в качестве оных. Во время таких сборищ я традиционно сохранял почтительное молчание, так как был самым юным из присутствующих и, следовательно, обязанным учиться у старших. Из этого, однако, не следует, будто у меня нет своего мнения по данному вопросу. У меня есть на этот счет множество всяких теорий, и именно по этой причине я ухватился за шанс испытать их на молодом, но дерзком объекте, каким был Скив, когда я впервые с ним столкнулся. Дальше я расскажу... или нет, не буду забегать вперед. Все должно быть по порядку. Я — существо организованное. И между прочим, известное вам по ранее описанным приключениям. Вот, скажем...

— Глип! Поди-ка сюда, парень.

А это Нунцио. Он неорганизованный и невоспитанный. И следовательно, как это часто бывает, когда имеешь дело со

Скивом и довольно сомнительной его компанией, я предпочел не обращать на него внимания. Но все же это затрагивает очень интересный вопрос, и мне, вероятно, есть смысл кое-что здесь прояснить, прежде чем продолжать рассказ.

Так вот, для этой сомнительной компании (и для читателей первых книг) я просто Глип. Собственно, так меня сейчас и окликнули. Довольно грубо, должен заметить. Ради удобства я буду продолжать называться для вас этим именем, избавив себя от тяжкой задачи объяснять вам, как произносится мое *настоящее* имя. Прежде всего вряд ли кому из вас удастся физически воспроизвести необходимые звуки, и никакого моего терпения не хватит, чтобы втолковать что-либо представителям рода людского. К тому же у драконов в обычае называться кличками для таких вот межвидовых эскапад. Это спасает от смущения, когда человеческие хроникеры искажают факты при записях происшествий... и делают это неизменно.

Пусть тех, кто знаком с моим прославленным словарем из одного слова, не удивляет мой связный слог. Причина тому как проста, так и логична. Во-первых, для дракона я все еще очень молод, а голосовые связки у нас полностью развиваются к зрелому возрасту. Разумеется, я вполне могу разговаривать и общаться с представителями моего вида, но для пространного разговора с людьми на их наречии я буду готов лет этак через двести, когда мой голос научится произносить особую комбинацию человеческих звуков и тонов.

Что же касается моего умственного развития, то надо учесть огромную разницу в продолжительности жизни. Человек, проживший сто лет, считается исключительным, в то время как даже тысячелетние драконы не считаются старыми среди друзей и родственников. Перечислять все вытекающие отсюда наши особенности слишком долго, но важно только одно — хотя для дракона я, возможно, и молод, но вполне могу считаться самым старшим среди тех, кто присоединился к Скиву. Конечно, людям далеко до моей породистости и воспи-

танности, и поэтому они, как правило, не склонны внимать более старым и умудренным опытом представителям своей среды, не говоря уже о том, чтобы чему-нибудь у них учиться.

— Эй, Глип! Ты слышишь меня? Сюда, парень.

Я устроил целый спектакль из покусывания своей ноги, словно та зачесалась. Люди обычно не способны воспринимать тонкости общения и не в состоянии даже определить, когда их преднамеренно игнорируют, не говоря уже о том, чтобы сделать соответствующие выводы. Я это понял и изобрел технику наглядной демонстрации своей занятости, специально для случаев особенно грубого или неуважительного к себе обращения. Это частенько действует успокаивающе и на людей, и на мою нервную систему. Пока эта техника срабатывает в двадцати процентах случаев, что значительно превышает показатели успеха любой другой моей тактики. К несчастью, данный конкретный случай не входил в эти двадцать процентов.

— Я с *тобой* говорю, Глип. Ты намерен идти, куда я тебе велю, или нет?

Я-то скорее всего когда-нибудь научусь говорить на языках иных видов, а вот в том, что Нунцио или Гвидо овладеют своей *родной* речью хоть через сколько времени, я сильно сомневаюсь. Это почему-то напоминает мне давний рассказ одной из моих теток о том, как она встретила в далекой стране человека и спросила его, не уроженец ли он данной местности. «Я не уроженец! — ответил он. — Я здешний!» И тетке в ответ на такой пассаж ничего не оставалось, как только съесть его. Я бы поступил точно так же.

Нунцио все еще разорялся своим писклявым, мальчишеским голосом, который так удивляет, когда впервые его слышишь. Только теперь он обошел меня кругом и пытался подтолкнуть в указанном им направлении. Хотя для человека он впечатляюще силен, я значительно превосхожу его в весе, чтобы быть уверенным в том, что он не сможет меня сдвинуть, пока я сам не решу откликнуться на его обращение. И все же его ужимки раздража-

ли, и я размышлял, не поучить ли его манерам, хлестнув по нему легонечко хвостом. Но решил, конечно, этого не делать. Даже самые сильные люди опасно хрупки и уязвимы, а я не желал расстроить Скива, лишив его одного из товарищей по играм. Подобная травма может отбросить воспитание моего домашнего любимца на много лет назад.

Тут я вдруг заметил, что дыхание Нунцио становится затрудненным. Поскольку он уже продемонстрировал свою эмоциональную нестойкость, я забеспокоился, что у него может случиться сердечный приступ, прежде чем он от меня отвяжется. Мне его кончина, понятно, была ни к чему, и я решил ему подыграть.

Задержавшись на столько, сколько требовалось для ленивого зевка, я поднялся и легко проследовал в указанном направлении... сперва чуть скользнув вбок так, чтобы он упал ничком, когда наляжет на меня в следующий раз всем своим весом. Я рассудил, что если он недостаточно крепок даже для того, чтобы пережить простое падение, то мой домашний любимец прекрасно обойдется без его общества.

К счастью или к несчастью, но он быстро поднялся на ноги и зашагал в ногу со мной, когда я наконец пошел.

— Я хочу, чтобы ты ознакомился с грузом, который мы должны защищать, — сказал он, все еще тяжело дыша, — а потом немного побродил вокруг и изучил обстановку.

Это его задание показалось мне невероятно глупым. Груз и обстановку я оценил в первые же минуты нашего прибытия и полагал, что Нунцио сделал то же самое. Изучать-то было, в общем, нечего.

Склад представлял собой обычную большую комнату... четыре стены и потолок с балками, откуда несколько ламп освещали помещение неровным светом, оставляя повсюду крупные пятна теней. В одной стене находилась маленькая дверь, а в другой — большая, ведущая, надо полагать, к грузовому причалу. За исключением сваленного в центре помещения груза склад пустовал.

Сам груз состоял из пары дюжин ящиков, поставленных на деревянный поддон. Судя по тому, что смог разобрать мой нос, ящики были заполнены бумагой и чернилами. Почему какую-то бумагу и чернила требовалось охранять, я не знал и знать не хотел. Драконам бумага ни к чему... особенно бумажные деньги. Воспламенимая валюта — не подарок нормальному обществу. И все же кто-то видел в грузе какую-то ценность. Во всяком случае, тот, кто заказал наши услуги, да и определенно тот субъект, одетый с головы до ног в черное и ползающий по балкам.

Все это стало для меня очевидным, как только мы вошли в склад. Поэтому незачем было заниматься надуманной работой по дополнительной проверке. Однако Нунцио непреклонно и твердо решил заставить меня снова выяснять и так уже мне известное. Даже делая скидку на несовершенство человеческих чувств зрения, слуха, вкуса, осязания и обоняния по сравнению с драконьими, я тем не менее поразился тому, как мало он сам мог заметить. Наверно, если б он поменьше фокусировал свое внимание на мне и побольше на происходящем вокруг, у него получилось бы лучше. А так он был просто безнадежен. Если Скив надеялся, что Нунцио чему-то у меня научится — а это представлялось мне единственной причиной для подключения его к этому заданию, — то мой любимец будет сильно разочарован. Не представляю, почему я проявлял к нему такую терпимость? Может, потому, что он упорнее большинства людей старался, пусть грубо и невежественно, положительно взаимодействовать с драконами?

Кто бы там ни полз по балкам, он теперь приближался. Для человека он, может, и крался, но мое ухо прослеживало его передвижения с такой же легкостью, как если бы он бухал на ходу кастрюлями. Я ощущал его присутствие еще за два шага до двери, но был не уверен в его намерениях и потому решил быть терпеливым и разобраться, кто он — просто невинный зевака или злоумышленник. Его попытки подкрасть-

ся к цели склоняли меня к последнему предположению, несмотря на очевидную его некомпетентность в затеянном.

Пытаясь помочь Нунцио разобраться в ситуации, я повернул голову и показал носом на подкрадывающегося.

— Повнимательней, Глип! — крикнул мой идиот-подопечный, поворачивая мою морду обратно к ящикам. — Нам положено охранять именно это. Понятно?

Понял я только то, что люди либо усваивают все еще медленней, чем считают наиболее критически настроенные в этом отношении драконы, либо у этого конкретного их представителя повреждение мозга, что тоже возможно. Повращав глазами, я снова проверил подкрадывающегося.

Он находился теперь почти над нами, широко расставив ноги на двух балках для устойчивости. С тщательной неторопливостью он вынул из рукава какой-то предмет, поднес его ко рту и нацелил на нас.

Всякий дракон еще в раннем возрасте проходит через серию уроков по изучению человеческого оружия. Это может показаться странным для в общем-то миролюбивого народа, но мы считаем это делом выживания... таким же, как простейшие человеческие наставления детенышам вроде «пчелы жалят» или «огонь жжет». Как бы там ни было, но я столь же сведущ в человеческом оружии, как и любой человек, и куда более, чем любой, не связанный с военным делом или иным беспокойным промыслом. Поэтому без всякого труда я узнал в направленном на нас инструменте духовое ружье.

Вдобавок к прекрасному чутью драконы обладают броней, дающей куда большую защиту, чем человеческая кожа. Поэтому я особенно не волновался за свое благополучие, чего бы там ни вылетело из дула духового ружья. Однако, пришло мне в голову, того же нельзя сказать о Нунцио, а ведь я еще не решил, стоит ли душевный покой моего домашнего любимца и его товарищей таких хлопот.

Вырвав голову из рук Нунцио, я быстро прицелился и выпустил вспышку пламени шестой степени. О да. В распо-

ряжении у драконов есть разные степени пламени от «слегка поджарь» до «сделай дырку в камне». Помните об этом, когда вздумаете спорить с драконом.

Через несколько секунд после угасания моей пиротехники на нас посыпался короткий дождь из черного порошка.

— Черт побери, Глип! — выругался Нунцио, стряхивая с одежды порошок. — Не делай больше этого, слышишь? Ты мог бы натворить кучу бед... и посмотри на мою одежду! Нехороший дракон!

Я достаточно долго пробыл с людьми, чтобы рассчитывать на благодарность, но все же обидно было слышать, как меня бранит тот, кого я только что спас. Со всем достоинством, какое я мог собрать, а значит немалым, я отвернулся и сел к нему спиной.

— ГЛИП! ВСТАНЬ, ПАРЕНЬ! ХОРОШИЙ ДРАКОН! ХОРОШИЙ!

Вот так-то лучше. Я снова повернулся к нему и увидел его скачущим на одной ноге и державшимся за другую. Не испытывая дефицита интеллекта, я сумел сообразить, что переусердствовал с демонстрацией своей обиды, сев на его нижние конечности. Заверяю вас, сделал я это ненамеренно, просто человеческие ступни довольно малы, а мое превосходное чувство осязания не простирается на мою заднюю часть, но задним числом (каламбур ненамеренный) мне пришло в голову, что это пошло ему на пользу.

— Слушай, ты просто сиди там, а я буду сидеть здесь, и мы отлично поладим. Идет?

Он прохромал к одному из ящиков и сел, попеременно потирая ступню и стряхивая с одежды порошок.

Порошок этот был, конечно же, останками покойного ползуна-злоумышленника. У пламени шестой степени есть тенденция производить на людей именно такой эффект, вот потому-то я им и воспользовался. Должен здесь заметить, что погребальные правила людей всегда вызывали у меня любопытство и даже озадачивали — я, например, не знал, что они

допускают стряхивание останков кремированного на пол или удаление их в прачечной. И все же, учитывая, как трудно мне передать Нунцио простое «смотри», я решил даже не пытаться объяснить ему, что он в данный момент делает.

Если мое отношение к убийству человека кажется немного циничным, то вспомните, что люди для драконов — вид неполноценный. Вы не вздрагиваете, убивая блоху на вашей собаке или кошке, и вам безразлично, что подумают о вашей жестокости уцелевшие блохи, а я без всяких колебаний устраняю досаждающего человека, способного расстроить своими действиями моего подопечного. По крайней мере мы, драконы, убивая, ограничиваемся в основном отдельными индивидами в противовес массовому истреблению видов, которое воспринимается людьми как часть их повседневной жизни.

— Знаешь, Глип, — сказал Нунцио, осторожно глядя на меня, — после того как побудешь немного в твоем обществе, даже хвастовство Гвидо покажется ласкающим слух... но не говори ему, что я это сказал.

— Глип?

Это последнее вырвалось невольно. Как вы, возможно, заметили, я несколько стесняюсь своего скромного словаря в одно человеческое слово и стараюсь поменьше на него полагаться. Однако мысль, будто я скажу что бы то ни было Гвидо, поразила меня до предела.

— Ну, не надо так переживать, — нахмурился Нунцио, как всегда, неправильно истолковав мое слово. — Я не хотел тебя обидеть. Просто мне немного больно, вот и все.

Я счел, что он подразумевает свою ногу. Но этот человек разболтался, и вскоре я узнал иное.

— Я просто не знаю, что такое в последнее время творится, Глип. Знаешь, что я имею в виду? По бумагам дела идут как нельзя лучше, да только в последнее время все словно спятили. Сперва босс покупает казино, построенное нами для кого-то другого; потом вдруг с бухты-барахты хочет его продать. Банни и Тананда все время косятся друг на друга, а то

вдруг Банни внезапно делается такой тихой и подавленной, а Тананда... Ты знаешь, что она однажды хотела занять у меня денег? Сразу после того, как закончила взыскивать тот должок? Не знаю, что она сделала со своими комиссионными, почему не попросила у босса аванс, да и для чего ей вообще понадобились деньги. Она просто подошла ко мне и спросила: «Не мог бы мне подкинуть немного наличных, Нунцио? Не задавая никаких вопросов?» А когда я попытался предложить свои услуги в качестве поверенного, она сказала: «В таком случае забудь об этом. Я попрошу у кого-нибудь другого!» — и ушла раздраженная. Точно тебе говорю, Глип, что-то там происходит, и я не уверен, что мне это нравится.

Он затронул кое-какие интересные моменты, честно признаюсь, ускользнувшие от моего внимания. Хотя я и любил на досуге поднапрячь свой интеллект, занимаясь дешифровкой сложностей человеческого поведения, но все же в их внутривидовых отношениях оставалось много непонятных мне тонкостей... особенно когда речь шла не о Скиве. Размышляя над словами Нунцио, я вспомнил, что мой домашний любимец в последнее время нечасто со мной виделся, что уже само по себе было нарушением заведенного порядка. Обычно он выкраивал время навестить меня, поделиться со мной своими проблемами и сомнениями. Я гадал, не проистекают ли все эти странности из описанного Нунцио явления. Это давало пищу для размышлений, и я обещал себе позже тщательно все это обдумать. Но в данный момент моего внимания требовали более срочные проблемы... вроде людей, делающих подкоп.

Как оказалось, Нунцио был столь же не способен к сторожевой службе, как и большинство людей. Заступая на пост, они устраивают настоящий спектакль, демонстрируя свою бдительность и осторожность, но через какие-то несколько часов скорее борются со скукой, чем следят за тем, что им положено охранять. Честно говоря, именно долгожительством драконов можно частично объяснить наше умение лучше справ-

ляться со скукой. На фоне нескольких столетий дни и даже недели настолько мельчают, что порой утрачивают всякую ценность. Даже у самых молодых из нас внимания достойны лишь месяцы... если не годы.

Как бы там ни было, Нунцио продолжал трепаться о своей озабоченности нынешним положением дел, явно не замечая звуков скрежета и копания, подбиравшихся к нам все ближе и ближе. На этот раз дело было не в моем особом слухе, потому как такой шум вполне мог дойти и до человека, хотя, признаться, не так отчетливо. Я же, прислушавшись, мог расслышать разговор копателей.

— Сколько еще?

— Ш-ш-ш! Примерно десять футов.

— Не шикай мне! Нас никто не может услышать.

— *Я* же слышу! Этот туннель, знаешь ли, не так уж велик.

— Что ты сделаешь со своей долей денег после того, как мы добудем товар?

— Сперва надо добыть его. Вот тогда я и буду беспокоиться о том, что делать со своей долей.

Вот эта-то часть разговора меня и интересовала. А то можно было бы подумать, что они просто прокладывают канализацию, бегут из заключения или занимаются еще чем-нибудь, не имеющим к нам никакого отношения. А так все ясно.

Поднявшись с того места, где сидел, я тихо двинулся туда, где они копали.

— ...Если Дон Брюс не хочет... Эй! Ты куда? Вернись сейчас же!

Я проигнорировал крики Нунцио и снова прислушался. Здесь. По моим прикидкам, они четырьмя футами ниже. Мысленно усмехнувшись, я начал подпрыгивать на месте, приземляясь как можно тяжелее.

— Что ты делаешь? Прекрати это! Эй, Глип!

Производимый Нунцио шум не шел ни в какое сравнение с тем, что творилось четырьмя футами ниже. Когда я упомянул ранее, что слишком тяжел для того, чтобы Нунцио сдви-

нул меня без посторонней помощи, я не хотел этим сказать, будто он слаб. Просто с драконьим весом приходится считаться, даже когда он мертвый груз, а если он живой и мыслящий, то у вас настоящие проблемы. Я почувствовал, как пол подается подо мной, и отпрыгнул в сторону, упиваясь доносившимися снизу звуками приглушенных воплей.

— Вот это да. Ну посмотри, что ты наделал! Ты сломал пол!

На благодарность я, естественно, не рассчитывал. Да это меня и не волновало, так как в данную минуту я думал о повреждениях, причиненных мною этим последним налетчикам.

Пол, по крайней мере частично, опустился футом ниже, из чего я заключил, что либо туннель внизу был не очень высок, либо обвалился не весь. В любом случае оттуда больше не доносилось никаких звуков, и, значит, воры либо погибли, либо убрались ни с чем. Устранив очередную угрозу, я снова сосредоточил свои мысли на более важных вещах. Не слушая бессвязный бред Нунцио, я хлопнулся на пол и притворился спящим, углубившись на самом деле в неспешный анализ.

Наверное, Нунцио прав. Возможно, мой любимец реагирует таким образом на то, что он теперь уже не вольный художник, а глава корпорации, подобно тому, как тропические рыбы тяжело переносят внезапное изменение температуры воды в их аквариуме. Я отлично сознавал, что все мы в своей жизни вынуждены считаться не только с физическим окружением... К примеру, на человеческое благополучие часто влияет общественная атмосфера. А если так, то мне, видимо, что-то придется предпринять.

Оставалось только решить, как именно мне произвести необходимую переналадку. Я всегда старался по возможности не сковывать свободу воли своего любимца. То есть мне нравилось создавать ему иллюзию, будто это он сам, без всякого моего вмешательства, выбирает свой путь и путь своих товарищей. Иной раз я отходил от этой позиции, как в случае, когда они привели в наш дом ту ужасную тварь Клади, но по

большей части придерживался именно ее. А значит, если я и в самом деле решу, что настало время отсеять или устранить кого-либо или даже всех нынешних товарищей Скива для его же блага, то мне придется это сделать незаметно. Это не только сохранит иллюзию моего невмешательства в его жизнь, но и убережет его от чувства страха, которое обязательно появится, если он поймет, что я ответствен за ликвидацию одного или нескольких его друзей. Да, тут есть о чем поразмышлять.

— На, парень. Угощайся!

Это сказал неряшливый на вид девол, протягивая мне на ладони кусок какой-то непонятной субстанции.

Виновато вздрогнув, я сообразил, что слишком увлекся, чересчур глубоко погрузившись в размышления, и потерял ориентировку. Это было с моей стороны непростительной ошибкой. Игнорируя предложенное угощение, я поднял голову и отчаянно огляделся, заново оценивая ситуацию.

Их было трое: тот, что теперь обращался ко мне, и двое других, говоривших с Нунцио.

— Не знаю, — отвечал мой подопечный. — Я не получал никаких инструкций о ком-то, забирающем груз в такую рань.

Что-то определенно неладно. Судя по словам и манере Нунцио, даже у него возникли подозрения... и значит, замысел этой троицы, похоже, весьма прозрачен.

— Брось, парень, возьми угощеньице.

Стоящий передо мной девол явно начинал нервничать, но я продолжал игнорировать и его, и его подношение. Отравленное, конечно. Люди почему-то полагают, будто все, как и они, тоже не способны различать весь диапазон запахов химических веществ. Этот девол не представлял для меня проблемы. Меня больше заботило, потребуется Нунцио помощь или нет.

— Я не виноват, если у вас возникла путаница с документами, — зарычал на Нунцио девол ростом поменьше, неплохо имитируя нетерпение. — У меня график. Смотрите. Вот копия моего разрешения.

Когда Нунцио нагнулся посмотреть протянутую деволом бумагу, девол, стоящий позади него, извлек дубинку и с размаху ударил ею его по голове. Раздался громкий треск... Но от сломавшейся дубинки, а не от головы Нунцио. Эта последняя, отметил я, просто дубовая.

— Сожалею, но не могу позволить вам забрать груз. — Нунцио отдал бумагу невысокому деволу, который принял ее, не меняя выражения лица. — Это ваше разрешение — всего лишь чистый лист бумаги.

Девол оглянулся через плечо на более рослого, стоявшего уставясь на сломанную дубинку.

— Сейчас я тобой займусь, парень. Как только разберемся с этим разрешением.

Я подумал, что Нунцио сумеет со всем справиться на свой собственный оригинальный лад, и вернул свое внимание к деволу с отравленным угощением.

Тот глядел на говорящих, разинув рот от изумления. Я, однако, заметил, что он так и не удосужился убрать руку.

Некоторые думают, будто у драконов нет чувства юмора. В доказательство обратного я предлагаю вам следующий эпизод.

Слегка раздвинув челюсти, я вытянул шею и взял угощение в рот. На самом-то деле я взял в рот его руку... до самого плеча. Это не так опасно, как кажется. Просто я не собирался ничего заглатывать и, собственно, ничем не рисковал.

Услышав, как щелкнули мои челюсти, девол обернулся, и мы взглянули друг другу в глаза с куда более близкого расстояния, чем ему бы хотелось. Для пущего эффекта я помахал ему бровями. Брови произвели нужное впечатление — глаза его закатились, и он плюхнулся на пол в глубоком обмороке.

Забавно, а? Это что касается чувства юмора.

Расслабив челюсти, я убрал голову, оставив угощение и руку целыми, и снова проверил, как дела у Нунцио.

Рослый девол вытянулся на полу без сознания, в то время как мой подопечный держал другого одной рукой за лацканы

и что-то внушал ему, лениво отвешивая оплеухи то ладонью, то тыльной ее стороной.

— Мне следовало бы сдать вас властям! Подобный неуклюжий налет не делает чести нашей профессии. Понятно, что я имею в виду? Ты меня слушаешь? А теперь забирай своих дружков и катись отсюда, пока я не передумал! И не возвращайся, пока не найдешь приличной подмоги!

Мне пришлось признать, что у Нунцио все же есть определенный стиль, и даже неплохой... для человека. Если бы ему повезло родиться с мозгами, он мог бы сойти за дракона.

Пока он выставлял за дверь последнего нападающего, я решил произвести небольшое расследование. После трех попыток освободить нас от груза, хотя Нунцио знал только об одной из них, у меня начали появляться легкие подозрения. Даже для заядлых уголовников, какие нередки среди людей, подряд три попытки налета — дело необычное, и я хотел побольше узнать о том, что же мы охраняем.

Ящики по-прежнему пахли бумагой и чернилами, но это вряд ли могло привлечь чье-то внимание. Я как можно небрежней хлопнул хвостом по одному из ящиков и продолбил его. Очевидно, удар оказался неслабый, так как на звук ко мне мигом прибежал Нунцио.

— А теперь-то что ты делаешь? Посмотри! Ты поломал... Эй! Минуточку!

Он нагнулся за одним из вывалившихся из ящика предметов и внимательно его изучил. Я выгнул шею, чтобы глянуть ему через плечо.

— Ты знаешь, что это такое, Глип?

Вообще-то я не знал. Судя по тому, что я видел, это была всего-навсего какая-то книжка с картинками... да притом скверно сделанная. Как бы там ни было, она наверняка представляла какую-то ценность. Хотя, на мой взгляд, и не оправдывала того внимания, какое ей уделяли.

Нунцио бросил книжку обратно на пол и нервно огляделся кругом.

— Это не для моего ума, — пробормотал он. — Я не могу... Глип, ты не спускай глаз с этого товара. Я тотчас же вернусь. Мне надо найти босса... и Гвидо! Да. Он в этом добре разбирается.

Сбитый с толку, я смотрел, как он уходит, а затем снова изучил взглядом книжку.

Очень странно. В этой ситуации имелось что-то ускользавшее от моей проницательности.

Я несколько раз потер нос в тщетном усилии очистить его от запаха чернил, а затем сел ждать прибытия моего любимца.

— Комиксы?

Скив был так же сбит с толку, как и я.

— Охраняемый нами «ценный груз» — комиксы?

— Именно так я и подумал, босс, — сказал Нунцио. — Бред какой-то. А ты что думаешь, Гвидо?

Гвидо возился с другим ящиком. Он проглядел книги наверху, затем выкопал несколько штук со дна, убеждаясь, что все они одинаковые. Внимательно изучив две из них, он тихо присвистнул.

— Вам известна их стоимость, босс?

Скив пожал плечами:

— Не знаю, сколько их здесь, но на Базаре за серебряную монету таких можно прикупить штуки три-четыре, так что дорого стоить они не могут.

— Погодите, босс, — сказал Гвидо, — но я говорю не о каких-то заурядных комиксах. Эти, по-моему, — темная лошадка совсем из другой конюшни.

— Да? — нахмурился мой любимец. — Я думал... неужели? На мой взгляд, они самые обыкновенные. Что в них такого особенного?

— Это нелегко объяснить, но если вы наберетесь терпения, я попытаюсь пополнить ваше образование, босс. И твое тоже, Нунцио.

Гвидо сгреб стопку книжек и сел на один из ящиков.

— Если вы внимательно рассмотрите эти книги, то заметите, что они не только одинаковы, то есть одного выпуска, но и у всех в рамочке на обложке стоит номер «один». Это указывает, что перед нами первый выпуск этой конкретной серии.

Я воздержался от разглядывания обложек. Если Гвидо говорил, что там стоял такой указатель, то он, вероятно, там и стоял, смотри не смотри.

— Эта единица сразу же делает комикс более ценным и для того, кто пытается приобрести их полную серию, и особенно для коллекционера. Так вот, определенные серии популярней, чем другие, и, стало быть, дороже, но особенно ценны те серии, которые на самом деле приобрели популярность уже после своего первого выпуска. После же возросло и число читателей серии. И в результате рынок взвинчивает цену экземпляра первого выпуска до небес.

Он сделал драматический жест одной из книжек.

— Эта серия впервые появилась несколько лет назад, и теперь ее ищут усерднее, чем парня, свистнувшего королевские бриллианты. И еще одно очень важное обстоятельство. Тираж первого выпуска был очень мал, и, значит, экземпляр его стал исключительно ценным... вот именно — исключительно. Я собственными глазами видел потрепанный экземпляр комикса, что сейчас в ваших руках, на столе торговца с ценой в сто пятьдесят золотых. Заметьте, я не говорю, будто он получил их, но он столько запрашивал.

Теперь настала очередь Скива присвистнуть. Я мог бы и сам поддаться такому искушению, но с раздвоенным языком свистеть трудно.

— Если это правда, то такой груз стоит целое состояние. Книг здесь достаточно.

— Вот это-то и в самом деле озадачивает, босс, — сказал, глядя на ящики, Гвидо. — Если меня не подводит память, то тираж этой книги насчитывал всего две тысячи экземпляров... но если все эти ящики заполнены одним и тем же товаром, то

количество экземпляров куда больше. Я не понимаю, как такое могло случиться, но, похоже, любое объяснение не свидетельствует в пользу владельца.

— Подделки! — пискнул Нунцио. — Этот парень — жулик!

— Жу... Не важно! — отмахнулся Скив. — Какой прок от поддельных комиксов?

— Такой же, как и от любой другой подделки, — пожал плечами Гвидо. — Ты сплавляешь их как оригиналы и смываешься с деньгами, пока никто не догадался. В некоторых отношениях провернуть такое дельце с ними лучше, чем с фальшивыми деньгами, поскольку изготовить дубликаты комиксов не так трудно. Да и бумага подешевле.

Мой любимец осмотрел груз.

— Значит, мы сделались невольными соучастниками операции по подделке комиксов, да?

— И даже не получим своей доли, — прорычал Нунцио.

— Я-то думал не об этом, — покачал головой Скив. — Я думал о тех коллекционерах, которые наскребут деньги для приобретения коллекционного товара, а вскоре увидят, как цена на него стремительно скатится вниз, потому что рынок наводнен подделками.

Он задумчиво потер нижнюю губу.

— Интересно, на какую сумму мой сотрапезник застраховал этот груз?

— Вероятно, не на большую, если вообще застраховал, — высказал свое мнение Гвидо. — Для страхования надо заполнять всякие документы, декларирующие содержимое ценного груза, а опытный страховой агент при оценке, разумеется, увидит несоответствие между числом экземпляров в грузе и первоначальным тиражом. Видите ли, босс, трудности со сбытом подделок в том и состоят, что для прикрытия аферы требуются новые махинации, и в конце концов кто-то обязательно уловит, в чем дело.

К тому времени, когда Гвидо закончил свою речь, Скив даже не слушал его. Он почесывал у меня между ушами и странно улыбался.

— Ну, полагаю, никто не выигрывает все время.

— Что-что, босс?

Мой любимец повернулся лицом к ним.

— Я сказал, что на этот раз корпорация М.И.Ф. упустила мяч. Извини, Нунцио, но это дело войдет в анналы как плохо выполненное задание. Я могу только заверить тебя, что это никак не отразится на твоей дальнейшей работе.

— Чего-то не пойму, — нахмурился Нунцио. — Что вышло не так?

— Как что? Конечно же, пожар. Ну, знаешь, пожар, уничтоживший весь груз из-за нашей невнимательности и небрежности. Ужасная халатность с нашей стороны, не правда ли?

— Пожар? Какой пожар?

Скив шагнул в сторону и кивнул мне, махнув одной рукой в сторону ящиков.

— Глип? По-моему, это по твоей части?

Я немного поколебался между четвертой и шестой степенью пламени, а потом чертыхнулся про себя и полыхнул девятой. Признаюсь, вышло немного ярковато, но когда смотрят Гвидо и Нунцио, не говоря уж о моем любимце, нет смысла беречь огневую мощь.

Она произвела на них впечатление, что неудивительно, поскольку девятая степень крайне эффективна. Не требовалось даже гасить что-то догорающее, поскольку к тому времени, когда я отключил свой огнемет, гореть уже было нечему.

Несколько мгновений мы все стояли, уставясь в обугленное пятно на полу склада.

— Здорово! — выдохнул наконец Гвидо.

— Можешь сказать это еще раз за меня, — кивнул Нунцио, обнимая меня рукой за шею. — Хороший дракон, Глип. Хороший дракон.

— Итак, господа, — потер руки Скив, — теперь, когда с этим покончено, полагаю, мы можем направиться... Что это?

Он показал на просевший участок пола, в первый раз его заметив.

— Это? — пискнул Нунцио. — Понятия не имею, босс. Все так и было, когда мы пришли.

Я не стал с ним перемигиваться, так как уже погрузился в глубокие размышления по поводу влияния Гвидо и Нунцио на моего любимца. Пожалуй, не стоит его считать таким уж отрицательным. Но время покажет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не все в жизни смешно.

Р.Л. Асприн

Команда, кажется, пребывала в отличном настроении, когда все собрались в моем кабинете на ежемесячное заседание правления. Как полагается, обменялись в равной мере поздравлениями и колкостями и начали готовиться к тому, что обещало быть марафонской дистанцией.

Меня радовало их хорошее настроение. Это могло немного облегчить мне оглашение того, что я должен был сказать. Я еще не отошел от только что полученных нескольких ударов и теперь намеревался отпасовать их в направлении компаньонов.

Сам я смотрел на предстоящее совещание со смесью страха и нетерпения. Нетерпение наконец возобладало, и я открыл заседание.

— Я знаю, вы все приготовились обсуждать продажу «Веселого дома», — начал я, оглядывая развалившихся в креслах членов команды, — но произошло нечто, на мой взгляд, отодвигающее этот вопрос на второй план. Если никто не возражает, я временно отложу обсуждение продажи казино в пользу нового дела.

Это вызвало легкое шевеление, обмен недоуменными взглядами и пожатия плечами. Не желая отвлекаться на град вопросов и комментариев, я поспешил продолжить:

— Есть одно задание... нет, я не могу так его назвать. Там нет никакой оплаты и никакого клиента. Просто это нечто такое, чем, по-моему, следует заняться корпорации М.И.Ф. Я не чувствую себя вправе приказывать кому-либо в этом участвовать... и даже не вижу возможности поставить это на голосование. Речь может идти о добровольцах.

Тананда подняла руку. Я кивнул ей.

— Мы услышим, в чем, собственно, дело? Или нам нужно записываться добровольцами вслепую?

Я было попытался подыскать нужные слова, но тут же бросил эту затею. Молча я толкнул к ней по столу маленькую продолговатую коробочку. Она хмуро посмотрела на нее, потом на меня — и подняла крышку.

Ей хватило всего одного взгляда внутрь, чтобы разобраться в ситуации. Опустившись в кресло, она сцепилась взглядом со мной, а затем покачала головой и тихо присвистнула.

— Слушай, это задание для одного или нескольких участников? — ворчливо спросил с противоположной стороны кабинета Корреш.

В ответ Тананда подняла коробочку, наклонив ее так, что все могли видеть содержимое. Внутри находился отрезанный палец, женский палец. На нем красовалось безвкусно-крикливое кольцо.

Последовало долгое молчание, пока собравшиеся смотрели на это официальное послание. Затем Маша прочистила горло.

— И почем такое? — насмешливо спросила она, но, судя по ее тону, не ожидала от кого-нибудь смеха.

Никто и не засмеялся.

— Чего-то я не пойму, босс? — нахмурился Гвидо. — Это, что ли, шутка?

— Вы с Нунцио не присутствовали на грандиозном финале, Гвидо, — сказал я. — Помнишь королеву Цикуту? Там, в моем родном измерении Пент?

— Разумеется, — кивнул он. — Неплохая была деваха... хотя и гадина.

— Ну, это зависит от того, в фаворе ты у нее или нет, — скривила рот Тананда, бросая коробочку обратно на стол.

Я проигнорировал ее реплику:

— Банни, тебя там не было, так что...

— Я кое-что узнала об этом из разговора с Коррешем, — возразила она.

— Королева Цикута хотела после свадьбы с Родриком провернуть один любопытный план: соединить военную силу Поссилтума с богатством ее собственного королевства Тупик и осуществить давнюю свою мечту о завоевании мира. Правда, она собиралась убить Родрика, если он будет против этой идеи.

Я взял коробочку и повернул ее в руках.

— Я думал, что остановил ее, навсегда связав с Родриком неснимающимися обручальными кольцами. Лежащее здесь в коробочке кольцо — ее... чтобы от него избавиться, ей пришлось отрубить себе палец. Этого я не предвидел.

— Я подозреваю, что она любила свою мечту больше, чем палец, — поморщился Корреш.

— Похоже, так, — кивнул я. — Теперь она на свободе с армией, предоставленной ей нами еще тогда, когда я был придворным магом Поссилтума. Я не самый выдающийся военный аналитик из всех здесь присутствующих, но, по-моему, ничто на Пенте не сможет остановить ее... если в игре не примет участия корпорация М.И.Ф.

— Не могу понять, — сказал Корреш, — зачем она уведомила нас обо всем этом официальным посланием. Зачем ей лишние проблемы?

— Неужели ты не понимаешь, что это вызов, братец? — вздохнула Тананда. — Перчатки вышли из моды, потому она швыряет нам палец.

— Вы все, кажется, придерживаетесь более высокого мнения о королеве, чем я, — вступила в разговор Маша. — Для меня это больше похоже на приглашение в западню. Насколько

я помню, когда мы разбежались, старушка Цикута была не слишком к нам милостива. Не исключено, что ее план, возможно, уже выполнен... В таком случае мы станем гвоздем развлекательной программы на праздновании победы.

Мне это не пришло в голову. В последнее время я что-то часто упускаю из виду важные вещи.

— Может, ты и права, Маша, — согласился я. — Даже при самых благоприятных обстоятельствах я не уверен в успехе. Поэтому и ставлю этот вопрос на обсуждение. Это мое родное измерение, и я сам заварил эту кашу, так что мое суждение будет пристрастным. Во многих отношениях это личная проблема. Я не имею права надеяться, что другие...

— Ты заговоришь всех до смерти, шеф, — перебила меня Маша. — Ты наш вождь и предводитель, к добру или к лиху. Просто давай действуй, а мы от тебя не отстанем.

Я покачал головой и успокаивающе поднял руку.

— Дело обстоит не так просто. Прежде всего я не хочу связывать участников этой операции групповым обязательством, где несогласный либо подлежит исключению, либо обязан будет подчиниться группе. Вот потому я и призываю только добровольцев... не стану осуждать тех, кто не запишется. Во-вторых...

Тут подошла трудная часть. Набрав побольше воздуха, я нырнул в нее как в омут.

— Во-вторых, я сам в этом участвовать не буду. Случилось еще нечто такое, что отодвигает на второй план и королеву Цикуту. Так вот, не будь это так важно для меня...

— Тпру. Не так быстро! — воскликнула Тананда. — Я хочу услышать, каким еще горячим делом ты займешься на стороне. Что для тебя важнее защиты родного измерения?

Я избегал встречаться с ней взглядом.

— Это не работа и не задание. Это... это личное дело. Нечто такое, чего я не могу никому передоверить. Я должен справиться с этим сам.

— Но нам все же скажи, — заявила она, скрестив руки на груди. — Мы же свои. Даже не будь особой причины, разве тебе не кажется, что мы имеем право знать, что собирается делать наш босс, пока мы ведем за него войну?

Я с самого начала подозревал, что мне от них не отделаться. И, тяжело вздохнув, сдался.

— Оглянитесь вокруг, — сказал я. — Посмотрите, все ли здесь как всегда?!

Возникла долгая пауза, пока команда прощупывала глазами кабинет.

— Ааз! — догадался наконец Корреш. — Здесь нет Ааза.

— Слушай, а ведь верно, — моргнула Маша. — То-то мне это заседание показалось немного тихим. Где же старина зеленый и чешуйчатый?

— Пропал.

Какую-то секунду все переваривали информацию. Затем в потрясенном молчании уставились друг на друга.

— Утром я обнаружил на своем столе записку, — продолжал я. — Это было его письмо с уведомлением об уходе из корпорации М.И.Ф. Он, мол, чувствует себя без своих способностей пустым балластом... просто дармоедом, занимающим чужое место. Упаковал вещички и отправился обратно на Извр.

Я бросил бумагу на стол.

— Вот потому я и не пойду в поход на королеву Цикуту. Я отправляюсь на Извр... за Аазом.

— На Извр?

— Ты, должно быть, шутишь, шеф?

— Но, босс...

— Скив, ты не можешь...

— Слушай, Скив. А что, если он все равно не вернется?

Я уцепился за это последнее замечание. Корреш, как обычно, попал в точку и уловил суть дела.

— Если он не вернется... Тогда я должен по крайней мере поговорить с ним. Мы слишком долго пробыли вместе, что-

бы вот так, не сказав друг другу ни слова, расстаться. Я отправляюсь на Извр поговорить с ним с глазу на глаз... и отправляюсь один.

На меня снова посыпался град возражений, но я был непреклонен.

— Когда вы отправитесь в поход на королеву Цикуту... извините... *если* вы отправитесь в поход на королеву Цикуту, вам понадобится вся ваша ударная сила. Очень плохо, что я не смогу там быть. Не дробите эту силу больше, чем она уже раздроблена. Кроме того...

Здесь мой голос немного дрогнул.

— Это моя проблема... *действительно* моя. Я многое обдумал с тех пор, как прочел эту записку, и дело здесь не только в Аазе.

Я медленно обвел глазами собравшихся.

— В последнее время я был увлечен исключительно президентскими обязанностями. Было трудно... Я пытался оправдать вашу веру в меня, сделать наш бизнес процветающим. И как-то само собой получилось, что я стал забывать о чувстве благодарности, перестал говорить вам добрые слова, да и вообще за деловыми контактами забыл о дружбе. Ааз много лет был моим лучшим другом, и если он... Короче, я отправляюсь на поиски не только Ааза, но и самого себя.

Когда моя речь подошла к концу, наступила мертвая тишина. Если я и надеялся услышать какие-то протесты по поводу своего заявления, то явно напрасно. Мне вдруг захотелось поскорее закрыть это совещание.

Я прочистил горло.

— Итак, я ухожу в увольнение для поисков Ааза. Никакого обсуждения не требуется и не дозволяется. А теперь главное — стоит ли корпорации М.И.Ф. воспрепятствовать намерению королевы Цикуты захватить власть над Пентом. Есть добровольцы?

МИФОнаименования и извергения

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Никто не видел всего.

Марко Поло

Те из вас, кто следил за моими злоключениями, знают, что меня зовут Скив (иногда Великий Скив) и что я вырос в измерении Пент, которое, как бы снисходительно на него ни смотреть, не является центром культуры и прогресса. И вам, конечно, известно, что я с тех пор, как начал вести хронику своих приключений, немного пошатался по белу свету и повидал уйму измерений, и поэтому теперь на меня не столь легко произвести впечатление, как на того деревенщину, каким я был, когда впервые занялся магическим бизнесом. Но позвольте вас уверить, каким бы искушенным и маститым я себя ни считал, ничто испытанное мной ранее не подготовило меня к зрелищу, представшему передо мной, когда я свалился в измерение Извр.

Местечко это казалось необъятным. Не то чтобы оно простиралось дальше других, где я побывал. То есть, я хочу сказать, горизонт есть горизонт. Верно? Просто оно больше, чем какое-либо другое мне известное, уходило ввысь!

Здесь не было ни ларьков, ни палаток, какими славится Базар-на-Деве. Вместо этого тянулись вверх, почти уходя из зоны видимости, массивные здания. Причем сами-то здания были видны четко. А вот небо, казалось, пропадало! Если не задирать голову вверх, его вообще было не увидеть. И даже

разглядев маленькую яркую полоску высоко над головой, трудно было поверить, что это и в самом деле небо. Наверно, все могло бы выглядеть даже эффектно, будь сами здания поприятней на вид. К несчастью, почти все они отличались шиком и изяществом огромного сортира... и примерно такой же степенью чистоты. Никогда бы не поверил, что высоченные здания могут произвести впечатление приземистых, но эти производили. Поразмыслив несколько мгновений, я решил, что все дело в грязи.

Строения выглядели так, будто сажа и копоть нарастали слоями на всех доступных им поверхностях много поколений в течение не одного века. У меня даже сложилось впечатление, что если поднатужиться и смыть со зданий грязь, то они просто рухнут из-за потери опоры. Этот образ показался мне увлекательным, и я несколько мгновений им забавлялся, прежде чем переключить внимание на другую достойную пристального взгляда черту этого измерения — его *людей*.

Разумеется, вопрос о том, попадают ли жители Извра под понятие «люди» или нет, довольно спорный, но я как постоянно проживающий на Базаре взял в привычку называть людьми всех разумных существ, как бы они ни выглядели и как бы ни использовали свой разум. Так или иначе, признавать их за людей или нет, называть их извергами или извращенцами, — несомненно было только их несметное количество!

Повсюду, куда ни глянь, попадались толпы граждан, толкающихся, носящихся туда-сюда и рычащих друг на друга. Я видел толпы на Большой Игре, показавшиеся мне буйными и грубыми, но свирепость изврской многолюдной толчеи не шла с этим ни в какое сравнение.

Комплексное воздействие на мою психику местных зданий и толп создавало у меня смешанное впечатление об этом измерении. Не могу сказать, привлекало оно меня или отталкивало, но в целом я ощущал почти гипнотическую, ужасающую завороженность. Я не мог припомнить ничего похожего из всего увиденного или испытанного мной прежде.

— Похоже на Манхэттен... Только еще больше!

Это Машины слова. Она считается моей ученицей... хотя с виду об этом никак не догадаешься. Она и старше меня, и измерений посетила побольше моего. Я хоть никогда и не притязал на всеведение, но все же раздражаюсь, когда моя ученица выказывает больше знаний, чем я.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — чуть поблефовал я. — По крайней мере насколько это представляется отсюда.

Такое утверждение ни к чему не обязывало. Мы стояли в переулке, который резко ограничивал обзор. В основном же это была попытка что-то сказать, не сказав на самом деле ничего.

— Но вроде разница все же есть, шеф? — нахмурилась Маша, вытягивая шею и оглядывая улицу.

Вот и весь блеф. Теперь, когда я признался, что заметил сходство между Извром и Манхэтимом... где бы ни находилось *это* местечко, от меня ожидали замечаний о различиях. Ну, если я и усвоил чего за время своей недолгой карьеры игрока в драконий покер, так это что нельзя отказываться от блефа, погрузившись в него наполовину.

— Минутку, — произнес я, с большим усердием глядя в ту же сторону, что и Маша. — Сейчас найду.

Я рассчитывал попросту на нетерпение моей ученицы. Мне думалось, что она проболтается раньше, чем мне придется признаться в невежестве. Я оказался прав.

— Длинное такое слово... для заклинания личины?

Она прервала изучение улицы, бросив задумчивый взгляд на меня.

— О! Да. Верно.

Житье на Базаре, торгово-коммерческом центре измерений, меня избаловало, приучило не реагировать на необычность облика существ из многочисленных измерений, запросто шастающих рядом в поисках товара. Но надо бы помнить, что в других измерениях иномирцы не только странные создания, но иной раз и просто нежелательные элементы.

Извр, конечно же, относился к таким измерениям. Пока я глазел, разинув рот на ландшафт, Маша не преминула заметить, что мы привлекли несколько враждебных взглядов прохожих у входа в переулок. Я приписал это двум обстоятельствам: хорошо известному нраву извергов (отъявленно скверному) и Маше.

Конечно, моя ученица чудесный человек, но внешность у нее почти тянет на красотку из календаря... если только вы купили этот календарь в местном зоопарке. Было бы несправедливо сказать, что Маша выглядела неестественно... она никогда и не *пробовала* выглядеть иначе. Дело тут не только в ее закрученных оранжевых волосах и более чем крупной фигуре. Просто ни одна особа с зеленой помадой и бирюзовым лаком на ногтях, не говоря уже о паре татуировок сомнительного вкуса, не может претендовать на естественность.

Было время, когда я расстраивался из-за того, что люди пялятся на Машу. Она действительно чудесный человек, пусть даже ее вкус по части одежды и косметики бросит в дрожь кого угодно. В конце концов я примирился с этим, когда увидел, что она намеренно привлекает окружающих и одевается соответственно.

Все это объясняет, почему мне не показалось необычным то, что на нас пялятся. К тому же граждане Извра известны своей неприязнью ко всем вообще и иномирцам в особенности, поэтому отсутствие теплоты в направленных на нас взглядах не стоило внимания.

Но Маша имела в виду то, о чем я мог догадаться и без подсказки. Она напомнила, что мы сейчас на Извре, в родном измерении извергов, и будем вынуждены *постоянно* иметь дело именно с ними. Мне следовало бы это понимать, но после долгих лет знакомства с Извром лишь понаслышке до меня не сразу дошло, что я действительно там.

Нас, конечно же, никак не могли принять за своих. У местных зеленая чешуя, желтые глаза и острые зубы, в то время как мы с Машей выглядели... ну, нормальными. Если

такое можно было сказать даже о Маше, то представляете себе, до какой степени впечатляюще выглядит население Извра.

Однако Маша правильно дала мне понять, что если я надеюсь добиться от местных хоть какого-то содействия, то мне придется прибегнуть к чарам личины. Закрыв глаза, я принялся за работу.

Чары личины — одно из самых первых усвоенных мной заклинаний, и я всегда полностью полагался на него... то есть с тех пор, как достаточно его усвоил. Для тех, кого интересует сам процесс, поясняю: это своего рода смесь иллюзии и контроля над мыслями. Попросту говоря, если сумеешь убедить самого себя, что ты выглядишь иным, то другие тоже это увидят. Это может показаться сложным, но на самом деле тут все просто, и научиться этому легко. Актеры используют этот прием не один век. Так или иначе, чары эти до смешного легкие. Без малейшей задержки моя личина оказалась на месте, и я стал готов встретиться с Извром в качестве его обитателя.

— Неплохая работа, чародей, — протянула с обманчивой небрежностью Маша. — Но ты проглядел одну мелкую деталь.

На этот раз я точно знал, о чем она говорит, но решил прикинуться дурачком. На случай, если вас интересует, да, это мой обычный фокус... притворяться дурачком, когда знаю, что происходит, и наоборот, умником, когда пребываю в полном неведении.

— Какую именно, Маша? — невинно спросил я.

— А моя-то личина где?

Эта реплика вмещала большой заряд, от угроз до мольбы. На сей раз, однако, я не собирался поддаваться ни на то, ни на другое. Я много думал об этом деле и твердо решил придерживаться своего плана.

— Тебе, Маша, личина не понадобится. Ты здесь не останешься.

— Но, Скив...

— Нет!

— Но...

— Послушай, Маша, — сказал я, глядя ей прямо в лицо. — Я ценю твое желание помочь, но проблема эта моя. Ааз *мой* партнер, не говоря уже о том, что он мне наставник и лучший друг. И что еще важнее, именно моя невнимательность довела его до того, что он сбежал из фирмы. Как ни крути, это моя задача — найти его и вернуть обратно.

Моя ученица глядела на меня, сложив руки и плотно сжав губы.

— Согласна, — сказала она.

— ...Поэтому тебе нет смысла пытаться... что ты сказала?

— Я сказала, согласна, — повторила она. — В том смысле, что вернуть Ааза — твоя задача!

Это захватило меня врасплох. Я почему-то ожидал спора. Теперь-то я понимаю, как все это было не похоже на то, что она действительно смирилась.

— Ну, тогда...

— А моя задача в качестве твоей ученицы — следовать за тобой и поддерживать твои действия. По твоей же собственной логике, шеф, у меня перед тобой такие же обязательства, как и у тебя перед Аазом.

Довод был неплох, и у меня на миг возникло искушение разрешить ей остаться.

— Извини, Маша, — сказал я наконец с искренним сожалением. — Я не могу позволить тебе это сделать.

— Но...

— Потому что ты меня заменишь, когда остальная команда нападет на королеву Цикуту.

Это, как я и рассчитывал, заставило ее умолкнуть, и она, закусив губу, уставилась в пространство, а я продолжал:

— И так плохо, что остальным предстоит вести за меня мою войну, но отсиживаться здесь нам обоим просто немыслимо. Им понадобится вся помощь, какая только возможна.

Кроме того, ученица нужна для того, чтобы я мог как бы быть одновременно в двух местах... не так ли?

Я полагал, что на этом дискуссия и закончится, но недооценил Машиной решимости.

— Ладно, тогда иди возглавь битву против Цикуты, а я займусь чешуйчатым чудом.

Я покачал головой:

— Брось, Маша. Ты же знаешь, что не права. Именно мое невнимание и заставило его нас покинуть. Если кто и сможет заставить его вернуться, то только я.

Она пробурчала что-то себе под нос, чего я (наверное, к лучшему) не расслышал, но искреннего смирения в этом не чувствовалось. С меня хватало и одной проблемы, вызванной моей невнимательностью к сотрудникам, потому я счел себя обязанным привести в норму душевный покой моей ученицы.

— Слушай, давай потратим несколько минут и обсудим, что на самом деле тебя беспокоит? — обратился я к ней. — Я предпочел бы не расставаться с тобой на фальшивой ноте.

Маша на миг поджала губы, а затем тяжело вздохнула.

— Мне просто не нравится мысль о том, что ты в одиночку берешься за такое, Скив. Знаю, ты больше меня разбираешься в магии, но это измерение на редкость недружелюбное. Я бы чувствовала себя лучше, будь у тебя поддержка, вот и все... Даже если эта поддержка всего лишь механика вроде меня. В прошлом эти мои игрушечки не раз помогали выкрутиться.

Она говорила, конечно же, о своих драгоценностях. Почти вся применяемая Машей магия относилась к фокуснической разновидности... магические кольца, магические кулоны, магические булавки в носу... отсюда и бытующее среди профессионалов прозвище «механик». У нее, однако, хватило такта не подчеркивать чересчур сильно то обстоятельство, что ее игрушки зачастую бывали надежней и эффективней, чем моя личная «естественная» форма магии.

— Ты права, Маша, и мне очень хотелось бы видеть тебя рядом... но ты будешь еще нужнее в войне против Цикуты. Но погоди расстраиваться, вспомни лучше, как в прошлом я справлялся с кое-какими весьма тяжелыми ситуациями.

— Они бывали не на Извре, и самое тяжелое доставалось твоему партнеру, — заявила она напрямик. — У тебя даже нет с собой И-Скакуна.

— Я получу его при встрече у Ааза. Если преуспею, мы вернемся вместе. А если нет, то, думаю, он даст мне И-Скакуна и установит его на Пент, просто чтобы от меня избавиться.

— А если ты вообще не сможешь его найти? — Маша многозначительно показала на уличные толпы. — На случай, если ты не заметил, тут не самое легкое место для розыска кого-либо.

Для разнообразия я кивнул:

— Об этом не беспокойся. Я его найду. Для такого дела у меня есть в запасе несколько фокусов. И главный фокус мне понадобится, чтобы заставить его передумать.

— Ладно, но прошу, сделай для меня одну вещь. Ради бедной старушки Маши, твоей ученицы.

Она сняла с левого мизинца кольцо и вручила его мне.

— Надень его, — велела она. — Если не появишься к концу недели, я прибуду тебя искать. Кольцо мне поможет в этом, если ты здесь застрянешь... но ты ведь не собираешься так рисковать?

Кольцо свободно налезло мне на правый большой палец. Будь оно чуть побольше, мне пришлось бы носить его как браслет. Когда я уставился на него, в голове у меня внезапно промелькнуло подозрение.

— А что еще оно делает?

— Прости? — откликнулась Маша с такой невинностью, что я уверился в своих подозрениях.

— Ты меня слышала, *ученица*. Что еще оно делает помимо того, что служит маяком?

— Ну-у-у... оно следит за твоим сердцебиением и предупредит меня, если твое физическое состояние внезапно изменится, скажем, если, например, тебя ранят. Если такое случится, я, может, заскочу чуть пораньше посмотреть, в чем дело.

Я не был уверен, что мне это нравится.

— А что, если мое сердцебиение изменится по нормальным причинам... например, я встречусь наедине с прекрасной девушкой?

За это мне пришлось выдержать Машино подмигивание.

— В таком случае, Девятый Вал, мне бы хотелось быть здесь и познакомиться с ней. Не можем же мы допустить, чтобы ты гулял *с кем попало*, не так ли?

И прежде чем я сумел придумать подходящий ответ, она сгребла меня в сокрушительные объятия.

— Побереги себя, Скив, — прошептала она с неожиданным неистовством. — Без тебя все будет не то.

В воздухе раздался тихий хлопок, и она пропала. Я остался один на Извре, самом скверном из всех известных мне измерений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Их больше не делают такими, как раньше!

Г. Форд

На самом-то деле беспокоился я вовсе не так сильно, как бы следовало, судя по моему положению. Как я сказал Маше, у меня было кое-что в запасе... вот в этом-то и заключался мой шанс на успех!

Некоторое время назад я принимал участие... точнее, я спровоцировал вытеснение Синдиката с Базара-на-Деве. И с

полным на то основанием, поскольку сам в свое время и дал ему доступ на Базар, к тому же Ассоциация Купцов Девь хорошо заплатила мне за избавление их от Синдиката. Конечно, это произошло до того, как Синдикат нанял меня блюсти его интересы на Базаре, а Базар согласился предоставить мне дом и платить процент с прибылей за гарантию невмешательства Синдиката в его дела. Что, одно противоречит другому? Так оно и было... поначалу. К счастью, Ааз показал мне, каким образом совместить эти задания и без зазрения совести брать деньги у обеих сторон... ну, во всяком случае, жить это мне не мешает. Разве удивительно, что я столь высоко ценю его советы? Однако я отвлекся.

В ходе одного из наших первых столкновений с Синдикатом я приобрел небольшой сувенир, о котором почти забыл и вспомнил только тогда, когда готовился к теперешнему поиску Ааза. С виду он не представлял собой ничего особенного, всего лишь пузырек с пробкой, закрепленной восковой печатью, но я почему-то подумал, что именно в нем ключ к моему успеху или поражению.

Я мог бы упомянуть о нем Маше, но, откровенно говоря, мне ни с кем не хотелось делить лавры за удачное проведение этого трудного дела. Самонадеянно усмехаясь, я огляделся кругом, дабы удостовериться, что за мной не наблюдают, а затем сломал печать и вытащил пробку.

Чтобы представить все за этим последующее, попробуйте понять, чего ожидал я. Живя на Базаре, я привык к некоторым броским эффектам... молниям там или огненным шарам... ну, знаете, эти штуки очень впечатляют. Конкуренция на рынке жесткая, и эффекты окупаются. Так или иначе, я подобрался, приготовившись к чему угодно, только не к тому, что произошло на самом деле. Ожидал-то я вздымающегося облака дыма и, возможно, удара грома или гонга для особой значительности.

А получил вместо этого тихий хлопок, как при вытаскивании пробки из бутылки с содовой водой, и небольшое об-

лачко испарения, которого бы не хватило даже на приличное колечко дыма. Конец спектакля. Все. Das ist alles.*

Сказать, что я был немного разочарован, все равно что сказать, будто деволы немного разбираются в торговле. Предельное преуменьшение. Я всерьез размышлял, не выбросить ли мне эту бутылочку или, может, попробовать получить назад деньги с продавшего ее девола, но тут заметил, что в воздухе передо мной что-то плавало.

На самом-то деле правильнее будет сказать, что в воздухе *кто-то* плавал, поскольку там явно парила фигура... или, точнее, полфигуры. Этот кто-то был голым по пояс, а возможно, и ниже. Определить я не мог, потому что ниже пупка изображение таяло, делалось невидимым. Парил он низко, надвинув на лоб феску, так что та скрывала его глаза, и сложив руки на груди. Руки и торс у него выглядели весьма мускулистыми, и он мог бы показаться впечатляющим... если б не был таким маленьким! Я бы предпочел, чтобы он ростом был хотя бы как я, а еще лучше с трехэтажное здание. Но он, даже будь виден весь, не превышал шести—восьми дюймов. Голова и торс тянули только дюйма на три. Незачем и говорить, как я был разочарован. И все же, кроме него, у меня ничего не имелось, а если я чему и научился в ходе различных испытаний и приключений, так это пускать в дело все, что имелось в наличии.

— Кальвин? — обратился я к нему, не уверенный, так ли полагается это делать.

— Точно, приятель, так меня и зовут, но это еще ничего не значит, — ответила фигура, сверкнув глазами из-под фески.

Конечно, я понятия не имел, какие между нами должны быть отношения, но то, что не такие, знал наверняка и поэтому попробовал опять.

— М-гм-м... мне надо сказать, что я твой господин и, следовательно, повелитель?

— Да ну?

* Это все (*нем.*).

Фигура вытянула один длинный палец и приподняла им феску, чтобы посмотреть прямо на меня. Глаза у нее светились кроваво-красным.

— Ты знаешь, кто я такой?

Вопрос меня удивил, но я охотно подхватил шутку.

— О, по-моему, ты джинн. Точнее, джинн по имени Кальвин. Девол, у которого я тебя купил, сказал, что ты последняя новинка среди джиннов.

Человечек покачал головой:

— Неверно.

— Но...

— Я пьян как сапожник!

Последнее сопровождалось заговорщицким подмигиванием.

— Пьян? — словно эхо повторил я.

Кальвин пожал плечами:

— А чему здесь удивляться? В бутылку-то меня загнали много лет назад. И теперь я настоящий джинн-пьяница.

Не уверен, почему я разинул рот — от удивления или собираясь что-то сказать, но уловил наконец огонек у него в глазах.

— Джинн-пьяница. Мило. Это шутка, верно?

— Абсолютно верно! — засиял обезоруживающей улыбкой джинн. — Запутал тебя на минутку, а?

Я начал было кивать, но он еще тараторил вовсю:

— Думаю, мы поладим. Всякий, кто мной владеет, должен обладать чувством юмора. Это можно выяснить сразу же, понимаешь? Слушай, а тебя как зовут?

Он говорил так быстро, что я чуть не упустил возможность вступить в разговор. И упустил бы, если б он не умолк, выжидающе глядя на меня.

— Что? О! Я Скив. Я...

— Скив, да? Странное имя для извращенца.

Я машинально его поправил:

— Надо говорить из-верг. И я не он. То есть я не изверг.

Джинн чуть склонил голову набок и, прищурясь, посмотрел на меня.

— В самом деле? Выглядишь ты точь-в-точь как они. К тому же я никогда не встречал ни одного неизвращ... извиняюсь, неизверга, который стал бы указывать на это различие.

Это было своего рода комплиментом. Во всяком случае, я это воспринял именно так. Всегда приятно знать, как действуют твои чары.

— Это личина, — пояснил я. — Я счел это единственным способом работать на Извре, не подвергаясь наскокам со стороны местных.

— На Извре!

Кальвин, казалось, искренне расстроился.

— О боги, о повелитель, что же мы здесь делаем?

— Все-таки повелитель?

— Разумеется. Ты повелитель, хозяин, а я — слуга. Такова уж традиция у джиннов. Но это не важно. Ты не ответил на мой вопрос. Каким ветром такого умного паренька, как ты, занесло в это захолустное измерение?

— Ты знаешь Извр? Ты бывал здесь раньше? — Впервые с тех пор, как я открыл бутылочку, мои надежды воспарили.

— Нет, но слышал о нем. Большинство знакомых джиннов сторонятся его как чумы.

Вот и все воспарение надежд. Но я хотя бы заставил Кальвина говорить серьезно.

— Ты спрашиваешь, что я здесь делаю? Так вот, я ищу одного моего друга. Он... ну, можно сказать, он сбежал из дому, а я хочу найти его и привести обратно. Беда в том, что он теперь... немного расстроен.

— Немного расстроен? — скривился джинн. — Похоже, он самоубийца. Никто в здравом уме не сунется по доброй воле на Извр... о присутствующих, конечно, не говорят. У тебя есть какое-то представление о том, почему он направился в эти края?

Я беззаботно пожал плечами:

— Понять это не так уж трудно. Он — изверг и поэтому, естественно, когда дела пошли наперекос, направился...

— Изверг?

Кальвин смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Один из этих громил твой друг? И ты это признаешь? И когда он уходит, пытаешься его вернуть?

Не знаю, как насчет других граждан Извра, но про Ааза я знал, что он не громила. Это факт, а не мои фантазии. Я понимаю разницу, потому что у меня работают двое громил, Гвидо и Нунцио. И уже собирался указать ему на это, но вдруг подумал, что мне вовсе не требуется давать Кальвину какие-либо объяснения. Я ведь его хозяин, а он — мой слуга.

— Это касается лишь меня и моего друга, — натянуто произнес я. — Твоя забота, как я понимаю, — помогать мне чем можешь.

— Верно, — кивнул джинн, ничуть не обижаясь на мою резкость. — Таков порядок. И какая же работенка ждет твоего джинна?

— Достаточно простая. Я бы хотел, чтобы ты отвел меня к моему другу.

— Неплохо. А я бы предпочел пони и красный фургон.

Джинн сказал это так запросто, что лишь секунду спустя до меня дошел смысл сказанного.

— Прости?

Кальвин пожал плечами:

— Я сказал насчет пони и красного фургона.

— Знаю. Я слышал, — перебил я его. — Просто мне непонятно. Ты хочешь сказать, что не будешь мне помогать?

— Не то что не буду... не могу. Во-первых, ты так и не удосужился сообщить мне, кто твой друг.

— О, это просто. Его зовут Ааз, и он...

— ...А во-вторых, это не в моих силах. Сожалею.

Это остановило меня. Я никогда не задумывался о пределах могущества джинна.

— Разве? Но когда я тебя вызвал, то думал, ты обязан помочь мне.

— Чем могу, — закончил за меня Кальвин. — К несчастью для тебя, это охватывает не такую уж большую область. Сколько ты заплатил за меня?

— Серебряную монету... но это было довольно давно.

— Одну серебряную монету? Неплохо. Должно быть, ты здорово торгуешься, раз заставил девола расстаться с зарегистрированным джинном за такую цену.

Я склонил голову, благодаря за комплимент, но все же решил здесь кое-что уточнить.

— Он в то время был в состоянии шока. Остальной его товар весь побили.

— Особенно-то не гордись, — продолжал джинн. — Ты все равно платил. Я бы и гроша ломаного не дал за услуги вроде моих.

Дело выглядело все менее обнадеживающим. Мое легкое разрешение проблемы таяло быстрее, чем снежок на Деве.

— Что-то я не пойму, — сказал я. — Я всегда считал джиннов большими мастаками по части магии.

Кальвин печально покачал головой.

— Это в основном торговая реклама, — с сожалением признался он. — О, некоторые из тех, кто покруче, могут горы своротить... буквально. Но такие джинны редкость, и обычно бывает дешевле сделать то же самое без всякой магии. Мелкая сошка вроде меня доступнее, но мы многого и не можем.

— Извини, Кальвин. Все это не имеет ни малейшего смысла. Если джинны и в самом деле менее способны, чем, скажем, средний маг, работающий по найму, то зачем их вообще кто-то покупает?

Джинн сделал величественный жест.

— Из-за ореола таинственности... Ты знаешь что-нибудь про Джинджер?

— Про имбирь*? В смысле имбирный лимонад?

* Англ. «ginger» (имбирь) звучит похоже на «Djinger» (Джинджер).

— Нет, Джинн-джер... через Д... То есть измерение, откуда происходят все джинны.

— Думаю, нет.

— В стародавние времена, как гласит предание, Джинн-джер пережил внезапное катастрофическое падение денежных знаков.

Это показалось немного знакомым.

— Экономический коллапс? Как на Деве?

Джинн покачал головой.

— Хищение, — уточнил он. — Исчезло все казначейство измерения, а когда мы нашли наконец кого-то разбирающегося в отчетности, то оказалось, что бесследно исчезла и большая часть казны.

Что тут началось! Шум, гам! Было сделано несколько попыток выследить преступников, но главная проблема упиралась в деньги. Выпуск новых просто бы обесценил оставшиеся у нас средства. Нам требовалось быстрое финансовое вливание извне, из других измерений.

Вот тогда какой-то гений маркетинга и наткнулся на идею «джинн в бутылке». На службу завербовали почти всех жителей измерения, обладавших малейшим умением или потенциальными способностями в области магии. Не обошлось без сопротивления, но вербовщики уверяли, что контракты временные, и поэтому план вступил в действие. Ссылка на ограничение контракта стала гвоздем рекламной кампании... упомянутый мной ореол таинственности всего лишь сказка для немногих. Вот почему от всех джиннов можно требовать исполнения, например, только трех желаний или чего-то в этом роде, впрочем, некоторые из нас, особенно творческие личности, способны на большее.

Мне вдруг пришла в голову мысль.

— М-гм, Кальвин? А сколько желаний выполнишь мне ты? Я же сказал, девол был немного ошарашен и ничего не сказал мне об ограниченном контракте.

— Желаний *или* услуг? — подмигнул джинн. — Неудивительно. Ошарашены или нет, деволы все равно знают, как продавать. На свой лад они просто бесподобны.

— Сколько?

— Чего? А. Боюсь, мой контракт, Скив, предусматривает только одно желание. Но не беспокойся, я буду играть честно. Без всяких там хитростей и словесных ловушек. Если ты получаешь за свои деньги только одно, то будет справедливым, чтобы уж с этим-то одним все обстояло честь по чести.

— Так, — сказал я. — И что же ты *можешь* для меня сделать?

— В общем-то немногое. Лучше всего мне даются скверные шутки.

— Скверные шутки?

— Ну, знаешь вроде какого-нибудь дурацкого коктейля.

— Я, по-моему...

— Подлей джина в кислоту. Как только...

— Теперь понял. И это все? Значит, говоришь, скверные шутки?

— Ну, я еще даю очень неплохие советы.

— Вот и хорошо. Думаю, такие мне понадобятся.

— Первый мой совет тебе — забыть обо всем и отправляться домой, пока не поздно.

Такая мысль на мгновение показалась мне заманчивой, но я ее отбросил.

— Ни за что, — твердо сказал я. — Давай вернемся к моей первоначальной просьбе. Ты можешь мне посоветовать, как найти Ааза?

— У меня есть несколько идей на этот счет, — признался джинн.

— Хорошо.

— Ты пробовал заглянуть в телефонный справочник?

К этому времени подозрение переросло в полную уверенность. Мой скрытый, как я полагал, туз оказался двойкой... нет, джокером. Расчет на Кальвина, к великому моему сожалению, не оправдался.

До этой минуты я не сомневался, что найду Ааза, и беспокоился лишь о том, что мне ему сказать, когда мы окажемся лицом к лицу. И теперь, глядя на улицы и небоскребы Извра, я с болью в душе осознал, что даже *найти* Ааза будет трудней, чем я думал... намного трудней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тут даже побывать неприятно!
Фодоровский путеводитель
по Извру

Даже меня, привыкшего к безумной сутолоке Базара-на-Деве, потрясли улицы Извра, так как те представляли собой нечто невиданное. Базар устроен в первую очередь для пешеходного движения. Тамошним купцам удалось протолкнуть постановления, благоприятствующие тем видам и скорости передвижения, какие вынудили бы людей обращать внимание на каждую минуемую ими лавку или выставку товаров. Мое родное измерение Пент — местечко весьма отсталое, там вообще редко увидишь средство передвижения более прогрессивное, чем запряженная волами телега.

На Извре же уличные артерии четко делились на движение пешеходов и повозок, и неискушенного парня вроде меня особенно потрясало движение последних. Сотни повозок многих разновидностей толкались и теснили друг друга на всех перекрестках в попытке занять лучшее положение в бессмысленной на вид путанице улиц, по которым несся этот поток. Почти столь же невероятным, как разнообразие повозок, был и набор зверей, обеспечивавших их движущей силой, толкавших или тянувших свое бремя, объединяя свои голоса в общую какофонию, заглушающую все другие звуки. Конечно, они тоже вносили свой вклад в грязь и вонь на улицах. Может, Извр и дорог миллионам родившихся в нем

существ, но его аромат и очарование были очарованием и ароматом болота.

Однако пока наибольшую озабоченность вызывало у меня уличное движение. Пешеходная прогулка по улице Извра походила на попытку плыть вверх по реке сквозь затор сплавляемого леса. Мне постоянно приходилось уклоняться и огибать граждан, которые перли напролом, не обращая на меня никакого внимания, словно я был не я, а пустое место. Разумеется, они не нарочно пытались в меня врезаться. Дело в том, что никто, кроме меня, казалось, не смотрел, куда идет. Им даже редко доводилось встречаться взглядами.

— Этот твой друг должен кое-что значить для тебя, раз ты готов терпеть такое, — сухо заметил Кальвин.

Он парил поблизости от моего плеча, так что я без труда слышал его сквозь уличный гомон. Меня тревожило, как я выгляжу с джинном на буксире, но, видимо, пока джинны служат, их может видеть и слышать только владелец. Мне пришло в голову, что свойство это магическое и, следовательно, противоречит болтовне Кальвина о том, какой он бессильный. Он заверил меня, что все это пустяки, просто часть рабочего оснащения джинна, которое мне не поможет. До конца я ему не поверил. У меня возникло подозрение, что он не все мне говорит о своих возможностях, но не мог придумать, как выжать из него дополнительные сведения. И потому великодушно оставил пока это без внимания.

— Он мне больше, чем друг, — ответил я, не сознавая, что пускаюсь в объяснения, которых ранее решил избегать. — Он был моим учителем, а потом деловым партнером. Я перед ним в большем долгу, чем перед кем бы то ни было в моей жизни.

— ...Но не настолько, чтобы уважать его желания, — беззаботно добавил джинн.

Это заставило меня резко остановиться, игнорируя тычки и толчки других пешеходов.

— Что бы это значило?

— Это ведь правда, не так ли? Твой Ааз хочет, чтобы его оставили в покое, иначе он не ушел бы от тебя, но ты твердо решил приволочь его обратно. На мой взгляд, это мало похоже на то, что тебя действительно сильно волнует важное для *него*.

Попадание почти в точку. Насколько я мог судить, Ааз отбыл потому, что я был невнимателен в обращении с ним. И теперь я не намерен был отступать. Мне хотелось как минимум поговорить с ним откровенно, прежде чем позволить ему исчезнуть из моей жизни.

— Он был тогда немного расстроен, раздражен, — пробормотал я, уклоняясь от комментариев своих мотивов. — Я просто дам ему знать — если он захочет вернуться, его примут с радостью.

С этими словами я возобновил продвижение по улице. Однако вскоре заметил, что джинн мой печально улыбается.

— А теперь что?

— Скив, ты действительно нечто, тебе это известно? — покачал головой Кальвин. — Извращенцев... то есть извергов, конечно, по всем измерениям боятся из-за их ужасного, буйного нрава. Но ты говоришь о нем как об обиженном и готов появиться на самом Извре, лишь бы доказать свое. Ты либо очень хороший человек, либо представитель вида, которому грозит исчезновение.

Мне пришло в голову, что я использую джинна не так усиленно, как мог бы. Он ведь *сказал*, что умеет давать хорошие советы, разве нет?

— Не знаю, Кальвин. У меня никогда с ним не было больших неприятностей. Ааз даже рассказывал мне про то, что изверги сами фабрикуют и распространяют о себе множество дурных слухов с целью отпугнуть нежеланных гостей.

— Да ну?

Джинна это, похоже, не убедило.

— Ну, давай посмотрим. Ты не мог бы поделиться со мной кое-чем из слышанного об этом измерении?

Кальвин пожал плечами:

— Пожалуйста. Помнится, я слышал, как один из сограждан твоего приятеля схватил за голову какого-то парня и разорвал ему глотку... буквально.

Я увернулся от несущейся на меня грузной пары.

— Угу. Такой слух дошел и до меня, но разорвал глотку тролль, а не изверг. Да и этого-то никто не видел. Но меня сейчас интересуют сведения об измерении, а не рассказы о подвигах отдельных лиц.

На мгновение мне показалось, что я потерял Кальвина, когда распластался у стены, избегая столкновения с мускулистым индивидом, а джинна рядом со мной не заметил. Но когда я отошел от стены, он вернулся на свое, теперь уже привычное место.

— Так чего ты там хотел услышать? — произнес он так, словно наш разговор не прерывался. — Ну да, о самом Извре. Дай-ка подумать. Сведений имеется не так много, но кое-что есть... А! Ну вот, к примеру.

Он выудил откуда-то из воздуха толстую книгу и принялся ее листать. Мне так не терпелось услышать, о чем он сообщит, что я пока оставил этот маленький фокус без комментариев, но поклялся, когда представится удобный случай, расспросить Кальвина о его «скромных способностях».

— Давай посмотрим... Изваяние... Известь. Извр! Хочешь послушать статистические данные, или мне сразу перескакивать к интересному?

— Пока дай мне только суть.

— Ладно. Здесь сказано так, цитирую: «Извр: одно из немногих измерений, где магия и технология веками развивались в равной мере. Такая смесь создала уникальные для всех известных измерений культуру и образ жизни. Изверги славятся своей надменностью, поскольку твердо убеждены, что их измерение является самым лучшим во всех отношениях, и решительно отстаивают это везде, где бывают. Несмотря на убедительные доказательства, что другие измерения, спе-

циализирующиеся исключительно на магии или технологии, явно превзошли в этом Извр. К несчастью, изверги сильны и *обладают дурным нравом и жестокостью*, поэтому не многие решаются спорить с ними на эту тему».

Будучи уроженцем Пента, измерения, не блещущего ни магией, ни технологией, я счел эту запись весьма впечатляющей.

Кальвин же нашел ее очень забавной.

— «Несмотря на убедительные доказательства...» Мне это нравится! — усмехнулся он. — Каков хвастун.

Почему-то я счел его замечания слегка обидными.

— Скажи-ка, Кальвин, — обратился я к нему, — а что говорит твоя книга о Джинджере?

— Какая книга?

Я оторвал глаза от пешеходного движения и взглянул на него. Он невинно отряхивал руки. Книги нигде не было видно.

Я открыл было рот, чтобы пригласить его высказаться об этом маленьком фокусе с исчезновением, но тут что-то врезалось в меня и отшвырнуло к стене с такой силой, что искры посыпались из глаз.

— Куда ты прешь, коротышка?

Последняя фраза исходила от маленького, кругленького индивида, с которым я столкнулся. Он остановился передо мной и стоял, стиснув кулаки и слегка нагнувшись вперед, словно удерживаемый невидимыми спутниками. Особенно мощным он, может, и не был, но выглядел достаточно крепким, чтобы прошибить стену.

— Извините... я сожалею, — промямлил я, слегка тряся головой в старании избавиться от плавающих у меня перед глазами пятен.

— Ну... в следующий раз гляди, — пробурчал он. Крепыш явно не хотел прерывать нашу стычку, но все же круто повернулся и замаршировал по тротуару.

— Не следовало позволять этому толстому зазнайке брать тебя на понт, — назидательно заметил Кальвин. — Будь на высоте.

— А почему ты думаешь, что он брал меня на понт? — поинтересовался я, на сей раз стараясь обогнуть теснившихся посреди дороги извергов. — Между прочим, он достаточно здоровенный, чтобы раздавить меня, как клопа.

— Однако он поднял неплохой вопрос, — продолжал джинн так, словно я ничего не говорил. — Куда все-таки мы идем?

— Вперед по улице.

— Я имею в виду, к какой цели? По-моему, ты сказал, что телефонный справочник ничем не помог.

Несмотря на миллионы жителей, в найденном нами изврском телефонном справочнике оказалось менее дюжины страниц. Очевидно, число невнесенных номеров было в этом измерении *очень* велико — еще одно доказательство общительного характера здешних граждан. Пока я листал справочник, мне пришло в голову, что Ааз так долго пребывал со мной в иных измерениях, что едва ли был бы занесен в справочник, даже если б тот содержал полный список жителей.

— Повторяю, мы идем вперед по улице, — изрек я. — Но куда именно мы идем, я не знаю. Ты это хотел услышать?

— Тогда зачем мы это делаем? — не отставал джинн. — Разве не лучше будет сначала определить план действий, прежде чем начать передвигаться?

Я обогнул медленно идущую пару.

— На ходу мне лучше думается. К тому же, если мы забьемся в переулок для обдумывания плана, это будет подозрительно и привлечет к нам ненужное внимание.

— Эй, вы! Задержитесь на минутку!

Эти последние слова грянули так громко, что на мгновение перекрыли уличный шум. Оглянувшись, я увидел идущего ко мне целеустремленным шагом изверга в мундире, похожего на гигантского бульдога с чешуей.

— Что это? — спросил я сам себя.

— По-моему, это то, что ты назвал «ненужным вниманием»... в некоторых измерениях их величают копами.

— Вижу. Просто не могу понять, что ему от меня надо.

— Что вы сказали? — заинтересовался коп, останавливаясь передо мной.

— Я? Ничего, — ответил я, едва успев вспомнить, что он не мог видеть и слышать Кальвина. — А в чем дело, сержант?

— Возможно, в вас. Посмотрим. Как вас зовут?

— Не говори ему! — прошептал мне на ухо Кальвин.

— Почему? — непроизвольно вырвалось у меня.

— Потому что в мои задачи входит следить за подозрительными личностями, — пробурчал коп, сочтя мой вопрос адресованным ему.

— За мной? Чего это я сделал такого подозрительного?

— Я следую за вами уже пару кварталов и наблюдал, как вы все время обходили пешеходов. Я даже видел, как вы перед кем-то извинились и... слушайте, вопросы здесь буду задавать я. Итак, как вас зовут?

— Пошли его подальше! — посоветовал Кальвин. — У него нет ордера или чего-нибудь в этом роде.

— Скив, сэр, — ответил я, отчаянно пытаясь игнорировать джинна. Только мне и не хватало сейчас нажить неприятностей с местными властями. — Сожалею, если веду себя странно, но я нездешний и немного дезориентирован.

В последнюю минуту я решил сохранить в тайне свое иноизмеренческое происхождение. Мои чары личины, кажется, одурачили полицейского, и я не видел никакого смысла просвещать его на этот счет по собственной инициативе.

— Ты слишком вежлив! — настойчиво прошептал джинн. — Именно это и вызвало у него подозрение, помнишь?

— Нездешний, да? — прорычал коп. — Так скажите мне, господин Не-Умею-Ходить-Как-Нормальные-Люди-Скив, откуда вы... *конкретно?*

Вот вам и сохранение в тайне моего происхождения.

— Родился я на Пенте, но в последнее время жил на Деве, где у меня...

— Из другого измерения! Можно было догадаться. Полагаю, раз вы прибыли с Девы, то станете убеждать меня, будто находитесь здесь по делу.

— В некотором роде. Я ищу здесь своего делового партнера.

— Еще одного из другого измерения! Боюсь, нам скоро придется делать здесь дезинфекцию.

Речь копа начала действовать мне на нервы, но я счел благоразумным обуздать свой гнев, несмотря на предупреждение Кальвина.

— Он здешний. То есть изверг.

— Изверг? Теперь я услышал все. Парень из другого измерения утверждает, будто его деловой партнер — изверг!

Это послужило последней каплей.

— Совершенно верно! — рявкнул я. — И что еще важнее, он, между прочим, мой лучший друг. Мы поругались, и я пытаюсь теперь его найти и убедить вернуться на фирму. А вам-то, собственно, что до этого?

Коп немного отступил, а потом, нахмурясь, посмотрел на меня.

— Думаю, вы говорите правду. Даже иномирец мог бы придумать ложь получше. Просто будь осмотрительней, парень. Мы здесь на Извре не очень любим посторонних.

Он бросил на меня последний тяжелый взгляд, а затем ушел своей дорогой, время от времени оглядываясь на меня. Еще разгоряченный перепалкой, я ответил ему таким же горящим взглядом.

— Вот так-то лучше, — тихо рассмеялся Кальвин, напоминая мне о своем присутствии. — Пентюх, да? Это кое-что объясняет.

— Что, к примеру?

Я все еще никак не мог прийти в себя.

— Почему мы бродим без всякого плана. Ты не привык к крупным городам, не так ли?

При всей моей разозленности с этим я спорить не мог.

— Ну...

— Если не возражаешь, выслушай небольшой совет, хоть ты о нем и не просил.

Я неопределенно пожал плечами.

— Для меня очевидно, что твой поиск может затянуться. Неплохо подыскать отель и использовать его как стратегическую базу. Если б этот коп спросил, где ты остановился на Извре, то положение могло бы серьезно осложниться.

Это имело смысл. И навело на размышления, до какой степени я был чужим в этой стране. Во время моих прежних приключений я спал либо прямо под звездами, либо в пристанищах, обеспеченных стараниями моих друзей и деловых партнеров. Поэтому у меня мало было опыта по части отелей... точнее, никакого.

— Спасибо, Кальвин, — поблагодарил я джинна, восстанавливая самообладание. — И как же, по-твоему, мы найдем отель?

— Можно кликнуть такси и спросить у водителя.

Восхитительно. Джинн снова стал самим собой, очень полезным. Похоже, некоторые вещи никогда не меняются.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Такси — вещь универсальная.

Дж. Келли

Местечко тут, скажу я вам, было бы приятным, если бы досталось не этим извращенцам.

Таксист, беззаботно ведя свою повозку на полной скорости сквозь сутолоку уличного движения, время от времени отпускал через плечо свои замечания по всякому поводу.

Большую часть его болтовни я игнорировал, что его, похоже, не волновало. Он и не ждал ответа, но последнее его замечание вызвало у меня интерес.

— Извините, но разве вы не извращенец... я имею в виду, не изверг?

Водитель резко обернулся лицом ко мне:

— Вот. Видите теперь?

Честно говоря, я ничего такого не увидел. Если в его откровении и присутствовал какой-то смысл, то он ускользнул от моего понимания. Однако увидел я другое — что мы по-прежнему несемся на всех парах. Впереди маячил затор из остановившихся повозок, которого водитель, похоже, не заметил, донося до меня свой довод.

— Смотри! — заорал я, лихорадочно показывая на препятствие.

Не отводя взгляда от моих глаз, водитель резко стукнул по приклеенному перед ним клейкой лентой игрушечному гусенку. Гусенок издал душераздирающее «га-га», способное обеспечить ему титул короля гусей, если б у последних случились выборы.

— О чем я и говорю, — заключил водитель, снова устремляя свой взгляд на лежащую впереди улицу.

Пробка каким-то чудом рассосалась прежде, чем он закончил говорить, и мы проплыли через перекресток целыми и невредимыми.

— Успокойся, Скив, — рассмеялся Кальвин. — Этот парень профессионал.

— В чем профессионал? — пробурчал я.

— Как в чем? — не понял водитель, начиная снова оборачиваться.

— НЕТ! Я... ничего.

Такси сначала, как только подобрало нас, не произвело на меня особого впечатления. На самом деле «подобрало нас» — чересчур мягко сказано и не передает того, что случилось в действительности.

Следуя инструкциям Кальвина, я подошел к бровке тротуара и поднял руку.

— Так? — спросил я джинна и сделал ошибку, повернув при этом голову прямо к нему.

Стоя спиной к улице, я не увидел того, что случилось потом, и, вероятно, к лучшему. Обычный гул уличного дви-

жения внезапно взорвался от криков и треска. Пораженный, я отдернул руку и боком отпрыгнул на более безопасное расстояние от улицы. К тому времени, когда я сосредоточился на открывшейся сцене, шум и суматоха почти прекратились.

Уличное движение за приткнувшейся к тротуару рядом с нами повозкой застопорилось, и рассерженные водители повысовывались, крича и угрожающе размахивая кулаками. Возможно, некоторые и столкнулись, но большинство ехавших по улице повозок находились в таком состоянии, что я не мог сказать точно, какие из повреждений новые, а какие — следы от прежних стычек.

— Совершенно верно, — подтвердил Кальвин, ничуть не взволнованный случившейся свалкой.

— Издеваешься?

Остановившаяся забрать нас повозка была не из тех, что вселяют уверенность. Она представляла собой своего рода ящик, висевший между двумя взнузданными бесхвостыми ящерами. Головы рептилий были обмотаны повязкой, скрывавшей глаза, но они не переставали тыкаться из стороны в сторону, выбрасывая и убирая языки, пытаясь сориентироваться в пространстве. Короче, выглядели они достаточно внушительно и к тому же казались голодными, так что я бы предпочел держаться от них подальше.

— Может, нам лучше подождать другого, — с надеждой предложил я.

— Садись, — приказал джинн. — Если долго будем препятствовать движению, вернется коп.

Это оказалось для меня достаточно убедительным мотивом, и я храбро забрался в ящик, устроившись на сиденье позади водителя, а Кальвин не покидал района моего плеча. Внутри ящик показался безопасным. Сзади сидений было два, и еще одно находилось рядом с водителем, но было завалено бумагами и коробками, сыпавшимися на пол всякий раз, когда мы слишком быстро сворачивали за угол. Вокруг водителя к стенам и к потолку были прикреплены клейкой лентой или

булавками заметки и картинки, контрастировавшие с набором циферблатов и кнопок на приборной доске перед ним. Возникало впечатление, что водитель не только работал, но и жил в своей повозке, и это в какой-то мере успокаивало. Не станет же человек подвергать опасности свой собственный дом?

— Куда? — осведомился водитель, небрежно втискивая повозку обратно в поток уличного движения.

— М-гм, отвезите меня в отель.

— Дорогой... дешевый... какой?

— Что-нибудь умеренное, скорее недорогой.

— Хорошо.

С финансами у меня дела обстояли весьма неплохо. Стягивавший мне талию пояс с деньгами содержал две тысячи золотом, прихваченные на текущие расходы. Но не было никакого смысла разбрасывать их без особой нужды. Раз я не собирался проводить много времени в номере, мне и не понадобится ничего особо грандиозного.

Проехав первые несколько кварталов, я снова подумал, мудро ли я выбрал повозку. Насколько я мог судить, ящерам завязали глаза для того, чтобы звериный инстинкт выживания не мешал им выполнять приказы водителя. Мне не удалось разобраться, как водитель управлял ими, но он, похоже, твердо решил сохранять головокружительную скорость, наплевав на такие мелочи, как безопасность и здравый смысл.

— Так вы двое что, долго пробыли на Извре?

Голос водителя вернул меня в настоящее, которое мой мозг отчаянно пытался игнорировать.

— Попали сюда только сегодня.

Я вдруг уцепился за сказанное им.

— Извините, вы сказали «вы *двое*»?

Водитель подтверждающе закивал:

— Совершенно верно. Не часто получаешь в пассажиры пентюха или джинна, не говоря уже про обоих вместе.

Он не только знал, сколько нас, но и определил, *кем* мы были!

Такая новость отнюдь не радовала.

— Что за... — начал было Кальвин, но я жестом велел ему помолчать.

— Прежде чем вам ответить, не возражаете, если я спрошу, как вы об этом узнали? — поинтересовался я, незаметно оглядываясь кругом и высматривая, нет ли какого способа выбраться отсюда, если понадобится.

— Просканировал вас, когда вы сели. — Водитель показал на экранчик среди скопления других приборов. — Таксист должен быть очень осторожен... при теперешнем разгуле преступности. Мы довольно часто страдали от налетчиков-любителей или угонщиков, которым нужно побыстрей загрести пачку банкнот. Я установил эту малютку и поэтому заранее знаю, кто сидит позади меня.

Он подмигнул мне через плечо.

— Но не беспокойтесь. За джинна я дополнительной платы не возьму. Он занимает не так уж много места. Как я понимаю, вы двое не опасны.

Это успокоило меня, и я больше не прикидывал, как выпрыгнуть на ходу из повозки.

— Вы, похоже, не разделяете общего низкого мнения о жителях иных измерений?

— Мне все едино, лишь бы оплачивали проезд, — махнул рукой водитель. — Насколько могу судить, у вас при себе достаточно денег, чтобы я не беспокоился о том, что вы сбежите, не оплатив проезд. Но не советую вам убирать личину. Некоторые из здешних коммерсантов мигом повысят цены при виде кого-то из иного измерения. Они любят заставить вас почувствовать себя незваным гостем... а цены и так взвинчены до небес.

— Спасибо за предупреждение.

— И не мешает быть поосторожней с таким количеством наличных. Все, что вы слышали об уличной преступности в этом местечке, — правда. Вам лучше всего нанять себе те-

лохранителя, пока вы здесь. Если хотите, могу порекомендовать пару хороших.

— Неплохая мысль, — поддержал его Кальвин. — Не помню, говорил ли я тебе, но Джинджер — измерение весьма мирное, и в драке от меня не будет большой пользы.

Я проигнорировал его, так как таксист продолжал, явно не слыша джинна, несмотря на свои приборы.

Вспоминая об опасностях, с какими приходится иметь дело во время моих приключений, я подумал, что нанять охрану просто для прогулок по улицам было бы немного нелепо.

— Ценю вашу заботу, но я и сам неплохо умею заботиться о себе.

— Как угодно, мое дело предложить. Слушайте, а не хотите чего-нибудь перекусить? Я продаю завтраки.

Он взял одной рукой коробку с соседнего сиденья и сунул мне. Ее наполняли мешочки с просачивающимся сквозь стенки содержимым.

— Э... спасибо, только не сейчас, — поблагодарил я, пытаясь побороть внезапно возникшую тошноту.

Водитель ничуть не смутился. Бросив коробку обратно на сиденье, он вытащил буклет.

— Тогда как насчет путеводителя? Я сам пишу и печатаю их. Мой путеводитель получше любого, что вы найдете в киосках... и к тому же дешевле.

Путеводитель мог бы пригодиться, но, взглянув на него, я увидел, что текст представляет собой серию загогулин и иероглифов, не имеющих для меня ни малейшего смысла. Для преодоления языкового барьера я всегда путешествую с кулоном-переводчиком, но, к несчастью, на письменное слово его сила не распространяется.

— У вас ведь нет такого в переводе на пентийский?

— Сожалею, — извинился он, бросая буклет туда, куда и коробку. — Я занимаюсь на нескольких курсах, пытаюсь изучить некоторые языки, но пентийского среди них нет. Спрос недостаточный, понимаете?

Несмотря на мою постоянную озабоченность из-за его вождения, этот таксист начинал меня интересовать.

— Должен сказать, вы очень предприимчивы. Таксист, издатель, повар, переводчик... вы и еще чем-нибудь занимаетесь?

— О, я делаю многое. Фотографирую, работаю экскурсоводом... даже немного рисую. Некоторые из этих рисунков — мои. Я готов расстаться с ними за сходную цену.

Он жестом показал на украшающие салон повозки листы, и такси опасно отклонилось вправо.

— Э... меня интересует нечто иное из перечисленного вами.

— Да? Что именно?

— Экскурсовод.

— Ах это. Разумеется. Я люблю поработать гидом, когда выпадает случай. Приносит приличные деньги. Куда интересней, чем с утра до ночи отвоевывать свой заработок в конкурентной борьбе с другими водителями.

Я взглянул на Кальвина и вопросительно поднял брови.

— Действуй, — одобрил он. — Гид нам не помешает, и ты неплохо ладишь с этим парнем. Как говорится, лучше уж знакомый девол.

Знания джинна не простирались на деволов, но было не время и не место втолковывать ему это. Я снова переключил внимание на водителя.

— Я бы нанял вас просто гидом-проводником, экскурсии мне ни к чему. Сколько вы зарабатываете за день на этом такси?

— В хороший день могу зашибить больше сотни.

— Угу, — произнес я. — А в средний?

За это я получил еще один взгляд через плечо.

— Должен сказать, приятель, ты говоришь не как пентюх.

— Я живу на Базаре-на-Деве, — улыбнулся я. — Это чудесно совершенствует умение заключать сделки. Сколько?

Мы поторговались несколько минут, но в итоге сошлись на одной цифре. Она оказалась справедливой, а мое положе-

ние не позволяло мне быть разборчивым. Если применяемый таксистом прибор широко распространен среди его коллег, то моя личина будет разоблачена в ту же секунду, как я сяду в такси, и нет никакой гарантии, что следующий таксист окажется таким же благосклонным к иномирцам, как наш новообретенный гид.

— Ладно, договорились, — сказал наконец водитель. — Итак, на кого я работаю?

— Меня зовут Скив, а джинна со мной — Кальвин.

— Не знаю насчет джинна, — пожал плечами таксист. — Либо он мало говорит, либо я его не слышу. Но рад с вами познакомиться, господин Скив. Мое имя Эдвик.

Он, обернувшись к заднему сиденью, протянул руку, и я осторожно ее пожал. Я уже сталкивался с изврскими рукопожатиями и до сих пор чувствую боль в суставах при сырой погоде.

— Итак, куда вы хотите поехать в первую очередь?

Мне этот вопрос показался странным, но тем не менее я ответил.

— В отель.

— Угу.

— Простите? — озадаченно переспросил я.

— Вы ж наняли гида, вот и получаете его. Вам нужен номер в отеле, верно?

— Верно.

— Если вы попробуете снять номер в изврском отеле в своем теперешнем виде, без багажа, то с вами обойдутся там довольно круто, независимо от того, догадаются про ваше иноизмеренческое происхождение или нет. Подумают, что вы хотите, например, украсть из номера мебель или попробовать проникнуть в другие номера на том же этаже.

Такая мысль была для меня новой. Хотя дома у меня довольно обширный гардероб, путешествую я обычно налегке... в одежде, что на мне, и с деньгами. Мне не приходило в голову, что отсутствие багажа может вызвать подозрения насчет моих намерений.

— Что ты думаешь, Кальвин?

— Не знаю, — пожал плечами джинн. — Я с такой проблемой никогда не сталкивался. Путешествую в бутылке, и люди все равно меня не видят.

— Что же вы порекомендуете, Эдвик?

— Давайте я отвезу вас в универмаг. Там вы сможете выбрать себе чемоданчик и набить его каким-нибудь барахлом. Поверьте, это облегчит вам положение с проживанием в отеле.

Я поразмыслил над этим доводом, а затем решил, что нет смысла нанимать гида, а потом не слушать его советов.

— Ладно, — согласился я. — Далеко ли до универмага, о котором вы говорили?

— О, совсем недалеко. Держись!

Последнее предупреждение немного запоздало, так как он сделал крутой поворот, вызвавший свалку в уличном движении и подбросивший меня на сиденье. Прежде чем я смог прийти в себя, мы уже устремились в том направлении, откуда приехали.

Как ни привык я к сумасбродным экскурсиям, мне подумалось, что эта вылазка может оказаться посложней любой из прежних. И еще я надеялся, что она обогатит меня, в смысле повышения квалификации, особенно полезным и, значит, необходимым опытом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мне нужно выбрать всего лишь несколько вещей.

И. Маркос

Я многократно ссылался на Базар-на-Деве, где устроился на жительство. Для тех, кто не путешествует и не читал моих книг, поясняю: это самый крупный торговый центр всех известных мне измерений. Там продается все, что вы только

можете, а иногда даже и не можете себе вообразить. Конкуренция там жесткая, и купцы-деволы скорее вывернут наизнанку и себя, и клиентов, чем упустят возможность продать свой товар.

Я упоминаю об этом для того, чтобы все читающие об этом моем приключении поняли, каким потрясением стало для меня хождение за покупками на Изврe. Это было так не похоже на Деву, что трудно было даже рассматривать этот процесс как аналогичный.

Главные различия бросались в глаза сразу. Базар представляет собой множество линий палаток и лавок, уходящих по всем направлениям за горизонт. Разумеется, кое-какая специализация в лавках заметна, но никакой настоящей системы нет, и что любопытно — нет никакой возможности найти что-нибудь, не просмотрев много чего другого. В прямом контрасте с этим на Изврe преобладали торговые точки, названные Эдвиком «универмагами». Один такой универмаг с шестью этажами, наполненными товарами, мог занимать целый городской микрорайон. Товары распределялись по секциям, или отделам, достаточно изолированным друг от друга во избежание всякой конкуренции. Многочисленные указатели сообщали покупателям, где что находится, хотя в этом лабиринте проходов и прилавков все равно легко было заблудиться. Конечно, четкий порядок и указатели помогают, если умеешь читать по-изврски.

Но больше всего меня потрясло отношение к клиентам. Причем обнаружил я эту особенность изврской торговли сразу, как только завернул в отдел сумок.

Там имелся хороший выбор сумок и чемоданов, и товар был разложен так наглядно, что я мог отличить магические чемоданы от немагических без всяких инструкций. Выбрать нужный было совсем не трудно. Мое внимание привлек зачехленный чемоданчик размером с толстый дипломат, мне понравилась в нем как простота дизайна, так и приданные ему магические возможности. То есть на нем лежали посто-

янные чары, делавшие его в три раза вместимей, чем представлялось с виду. Я подумал, что такой товар может пригодиться, и если мне все равно предстояло что-то купить для въезда в отель, то это вполне подходящая покупка, которой я смогу воспользоваться и потом. Трудности начались, когда я приготовился осуществить свое намерение. Сначала я был приятно удивлен тем, что продавцы меня не беспокоили. На Деве, подойди я к прилавку, ко мне тут же устремился бы владелец магазина или товара. И сейчас было приятно попастись не спеша, без давления и навязывания не нужного мне или лежалого товара. Однако когда я сделал свой выбор, то обнаружил, что привлечь внимание продавцов очень трудно.

Стоя у витрины, где демонстрировался нужный мне чемодан, я посмотрел в сторону кассы, где разговаривали двое продавцов. На Деве большего не понадобилось бы — владелец немедленно бросился бы ко мне, если допустить, что он не сделал этого с самого начала, предоставив мне кое-какую свободу выбора. А здесь они меня, казалось, и не замечали. Слегка озадаченный, я подождал несколько секунд, а потом шумно откашлялся. И не получил в ответ даже беглого взгляда.

— Ты что-то подхватил, Скив? — встревожился Кальвин. — Я имею в виду, что-то заразное.

— Нет, я пытаюсь посигналить одному из продавцов.

— О...

Джинн воспарил на несколько футов повыше и глянул в сторону кассы.

— Кажется, это не действует.

— Сам вижу, Кальвин. Вопрос в том, что подействует?

Мы подождали еще несколько мгновений, наблюдая за беседой продавцов.

— Может, тебе следует пройти туда, — предложил наконец джинн.

Мне показалось странным гоняться за продавцом с просьбой взять у меня деньги, но за неимением другого выхода все же побрел к стойке.

И остановился там.

Продавцы закончили обсуждать спортивные события и принялись травить пошлые анекдоты.

Я стоял.

Затем они перешли к теме относительно достоинств знакомых им женщин. Это могло бы быть интересным, не говоря уже о поучительности, если бы я постепенно не терял терпения.

— У тебя не возникает ощущения, что я тут не единственный невидимка? — саркастически заметил Кальвин.

Если даже джинн, привыкший годами сидеть в бутылке, начинает проявлять нетерпение, то я счел себя вправе предпринять некоторые действия.

— Извините, — твердо сказал я, встревая в разговор. — Мне бы хотелось посмотреть вон тот чемодан. Маленький, магический, в зеленом чехле.

— Смотрите, — равнодушно пожал плечами один из продавцов и вернулся к разговору.

Я постоял еще несколько мгновений в недоумении, а затем повернулся и прошел к чемодану.

— Вот теперь ты начинаешь двигаться, как изверг, — заметил джинн.

— Наплевать, — прорычал я. — И надо говорить — *извращенец!* Я пытался быть любезным... не хотел устраивать беспорядок у них в торговом зале... но если меня вынуждают...

Следующие несколько минут я вымещал свой гнев на чемоданчике, который, вероятно, был самым безобидным объектом для выплескивания на него раздражения. Я поднял его, раскрутил над головой, потом грохнул им пару раз об пол и продолжал в том же духе, используя всю свою фантазию, разве что не залезал в него собственной персоной. Мне пришлось признать, что товар изготовлен на совесть. Впрочем, я начинал понимать, почему товары на Извре должны быть крепкими. За все это время продавцы не уделили мне даже мимолетного взгляда.

— Проверь ценник, Кальвин, — пропыхтел я, когда эти упражнения начали наконец убавлять мою выносливость. — Чемодан *действительно* стоит сто двадцать пять золотых?

Я, может, и не умею читать на многих языках, но цифры и цены никогда не доставляли мне никаких затруднений. Думаю, это произошло от долгого общения с Аазом... не говоря уже о Тананде и Банни.

— Тут написано именно так.

— Я хочу сказать, это ведь не очень дешево. Я видел, как даже с грошовым товаром приказчики обращаются бережно и заботливо. Неужели этим парням все равно?

— Очевидно, что ты прав, — согласился джинн.

— Как думаешь, заметят они, если я засуну чемодан под мышку и уйду не заплатив? Было бы приятно узнать, что хоть что-то может подействовать на этих парней.

Джинн нервно огляделся кругом:

— Не знаю, но, думаю, пробовать не стоит.

Это чуточку меня охладило. Я все же находился с заданием на чужой территории, и не было времени начинать испытывать системы безопасности.

— Ладно, — проворчал я. — Давай попробуем опять.

На этот раз, подойдя к стойке, я считал, что усвоил урок. Никакого вежливого покупателя больше не будет. И никакого ожидания, когда они закончат свою беседу.

— Я бы хотел купить тот зеленый магический чемоданчик в чехле, — ворвался я в их разговор, не дав закончить фразы.

— Ладно.

Продавец, с которым я говорил в первый раз, преодолел половину пути до витрины, прежде чем я сообразил, что он делает. Теперь, когда я наконец добился его внимания, включились мои покупательские инстинкты.

— Извините. Я бы хотел другой чемодан, а не тот, с витрины... и, может, вы поищете черный?

Продавец бросил на меня долгий взгляд мученика.

— Минутку. Мне придется проверить.

Он ссутулясь ушел, в то время как его напарник принялся бродить по секции, поправляя товары на полках.

— Извини за назойливость, Скив, но, по-моему, ты злоупотребляешь своим везением, — заметил Кальвин.

— Об этом стоило спросить, — пожал плечами я. — Кроме того, как бы невнимательно тут ни обслуживали, это все же магазин. И значит, должна быть какая-то заинтересованность в продаже покупателю того, чего он хочет.

Прошло пятнадцать минут, продавец все еще не появлялся, и я почувствовал, что во мне снова закипает раздражение.

— М-гм... уже время сказать «я ж тебе говорил»? — ухмыльнулся джинн.

Игнорируя его, я перехватил второго продавца.

— Извините, а далеко ли до склада?

— А почему вы спрашиваете? — моргнул тот.

— Ваш напарник пошел узнать кое-что для меня, и его давно нет.

Продавец поморщился:

— Кто? Он? У него перерыв, и он ушел на обед. Вернется через часок-другой, подождите, если есть охота.

— Что?

— Думаю, я смог бы его заменить. А что вам требовалось?

Я, может, и тугодум, но все-таки способен соображать. Это был последний продавец в секции, и я не собирался дать ему скрыться из виду.

— Забудьте об этом. Я возьму вон тот зеленый чемоданчик. Тот, в парусиновом чехле.

— Ладно. Это будет сто двадцать пять золотых. Вам его завернуть?

Базарные рефлексы вмешались прежде, чем я успел подумать.

— Секундочку. Сто двадцать пять — это за новый чемодан. А за тот, что использовался для демонстрации?

Кальвин застонал и прикрыл глаза ладонью.

— Я не устанавливаю цены, — бросил, отворачиваясь, продавец. — Если он вам не нравится, поищите другой где-нибудь еще.

Мысль начать все заново окончательно меня добила.

— Ладно, — вздохнул я, роясь в поясе с деньгами. — Беру этот. Но могу я по крайней мере получить чек?

Покупка одежды оказалась испытанием иного рода. В универмаге действовали магические лифты, вознесшие меня двумя этажами выше в секцию одежды, что, к счастью, дало мне время хорошенько обдумать свое положение.

Беда заключалась в том, что я изображал изверга. И поэтому выглядел более коренастым, чем был на самом деле. Если бы я купил одежду, подходящую для моей личинной фигуры, то она висела бы на мне мешком. А выбор моего собственного размера тут же бы, на примерке, меня и выдал.

В конце концов я решил купить одежду в детской секции, где мог подобрать ее по себе, сказав, что покупаю для сына. Я неплохо определяю размер одежды на глазок, так что сидеть она на мне будет, вероятно, не слишком скверно.

Но прежде всего спокойствие.

Одежду покупают намного больше людей, чем чемоданы. *Намного* больше.

Будучи не в состоянии прочесть указатели, я не мог определить, шла ли там распродажа или это было обычное число клиентов секции. Как бы там ни было, секция эта представляла собой сумасшедший дом. Толпы покупателей мужского и женского пола толкались и цапались друг с другом через столы, заваленные разными предметами одежды. Сказать, что голоса звучали на повышенных тонах, значит, никак не передать криков и проклятий, которые вторглись мне в уши, едва я приблизился к своей цели, к тому же сквозь этот гул иногда отчетливо различался треск рвущейся ткани. А вот исходил ли он от терзаемых товаров или от разрываемой в клочья одежды самих соперничающих покупателей, я не мог сказать на-

верняка. Это было все равно что смотреть на свалку в Большой Игре, но без команд и без перерывов между периодами.

— Не говори мне, что ты намерен туда сунуться! — ахнул Кальвин. — Без брони и артиллерии?

Такая шутка показалась мне странной для уроженца предположительно мирного измерения, но нужно было сосредоточиться на предстоящей задаче.

— Это хождение за покупками и так уже занимает слишком много времени, — мрачно проворчал я. — Не стоит его терять еще больше на поиски с помощью Эдвика другого универмага... нет никаких гарантий, что он будет лучше этого. Я намерен нырнуть туда, схватить пару костюмчиков и покончить с этим раз и навсегда.

Хороший вкус и бунтующий желудок не позволяют мне вдаваться в подробности того, как прошли следующие полчаса. Достаточно сказать, что Кальвин бросил меня и парил под потолком в ожидании, пока я закончу. Я немного потолкался, и меня потолкали — чаще, чем мне хочется вспоминать, — но любое испытанное мной ранее острое ощущение меркнет перед отчаянной схваткой с изврскими покупателями за овладение товаром. Я пускал в ход локти и пихался, применял даже магию, когда никто не смотрел, и воспользовался большинством нечестных приемов, каким научился на Большой Игре. В конечном итоге я получил два костюма, не вызвавших у меня особого восторга, но готовности заново лезть в эту сечу за чем-нибудь получше я в себе не ощущал. Еще я приобрел стойкую привязанность к толстой изврской даме, за которой время от времени прятался, чтобы перевести дух.

Не участвовавший в битве Кальвин был бодр и готов сопровождать меня обратно к выходу. Оно и к счастью, поскольку спад адреналина в крови после выхода из этой драки был столь существен, что я едва ли что видел перед собой, не говоря уже о том, чтобы идти не шатаясь.

Не знаю, где нас ждал Эдвик, но, как только мы вышли из универмага, такси материализовалось из потока уличного

движения, и мы поспешили забраться на свои места. Позже я подумал, что по сравнению с универмагом такси и в самом деле показалось мне вполне безопасным.

— Можем мы теперь ехать в отель? — осведомился я, погружаясь в сиденье и закрывая глаза.

— В таком виде? Разве вы не хотите переодеться?

— Переодеться? — Мне почему-то не понравилось, как это прозвучало.

— Ну, знаете, в классический костюм. Деловые люди всегда получают в отелях наилучшее обслуживание.

Кальвин застонал, но ему не требовалось беспокоиться. Если я чего и знал наверняка, так это то, что не отправлюсь обратно в тот универмаг.

— Вот что я тебе скажу, Эдвик. Опиши-ка мне этот костюм.

Таксист потер подбородок, рассчитывая свой путь в потоке машин.

— Ну, так. Они обычно бывают темно-серые или черные... в белую узкую полосочку, с жилетом... и, само собой, белая рубашка и полосатый галстук.

Так я и думал. То же самое носили на Деве... и, вероятно, во всех других измерениях, где я встречал бизнесменов. Я снова закрыл глаза и сделал несколько добавлений к чарам личины.

— Примерно так?

Таксист глянул через плечо, а затем полностью повернулся, откровенно разинув рот.

— Слушай! Вот здорово! — воскликнул он.

— Спасибо, — самодовольно кивнул я. — Тут нет ничего особенного. Просто чары личины.

— Так зачем же тогда нужно было толкаться в универмаге? Липовый новый наряд, липовый багаж...

— *Я собирался спросить о том же,* — пробормотал Кальвин.

А я хоть убей не мог найти подходящего ответа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Никакое место не сравнится с родным домом!

Х. Джонсон

Когда мы наконец прибыли к порекомендованному Эдвиком отелю, вид его меня оттолкнул. Вывеска провозглашала его «Новой гостиницей», но выглядел он, как и большинство других изврских зданий, старым, ветхим и закопченным. Да будь он даже и привлекательней, район, в котором он находился, заставил бы меня призадуматься. Мусор на улицах и металлические щиты на витринах магазинов никак не вызывали у меня желания вылезти из такси, не говоря уже о том, чтобы снять номер. Я хотел было сообщить об этом своему водителю-гиду, но заметил швейцара в мундире и решил задать вопрос помягче.

— Э... это и есть недорогой отель, о котором ты говорил?

— Цены в нем даже ниже, чем в настоящей дыре, — пожал плечами таксист. — Этот отель немного приятней, чем большинство того же класса. Его владельцу пришлось снизить цены из-за случившихся тут неприятностей.

— Неприятностей?

— Да. Здесь разгуливает убийца с топором, которого так и не сумела поймать полиция. Он убивал примерно по одному в неделю... на прошлой неделе зарубил какого-то несчастного прямо в фойе.

— Убийца с топором?!

— Совершенно верно. Вам, однако, незачем из-за него тревожиться.

— И почему же ты так считаешь?

— Эти убийства продолжаются уже целый месяц, и поскольку вы только-только въезжаете и никогда раньше здесь не бывали, то будете вне подозрений.

Но меня тревожило вовсе не *это*. Я опасался возможности оказаться следующей жертвой. Прежде чем я смог разъяс-

нить это Эдвику, швейцар рывком распахнул дверцу такси и выдернул мой чемодан.

— Вам лучше последовать за своим чемоданом и не спускать с него глаз, — посоветовал водитель. — Утром я приеду за вами. Ах да, не забудьте дать носильщику на чай. Иначе можете не узнать собственного багажа.

Ящеры уже начинали двигаться, когда он выдавал этот последний образец мудрости. Повозка еще не набрала большой скорости, а я уже нырнул к двери, опасаясь расстаться со своим багажом навсегда. Нужен он мне был или нет — это еще вопрос. Я слишком многое пережил, добывая этот чемодан, чтобы потерять его сейчас. Прежде чем я подумал, что зря отпустил моего гида и советчика по этому измерению, такси свернуло за угол и исчезло.

— По-моему, этот парень хочет получить на чай, — высказал мнение Кальвин, показывая на швейцара. Что ж, со мной по крайней мере все еще оставался джинн.

Мне пришлось признать его правоту. Изверг в мундире стоял с надутым видом, протянутой рукой и неопределенной гримасой на лице, сходившей, вероятно, здесь за улыбку. Я секунду поколебался, прежде чем сунуть ему немного мелочи, ожидая, что работник сервиса повременит намекать на чаевые до завершения обслуживания. Но, очевидно, в разных измерениях отношения строятся по-разному. Вероятно, именно об этом предупреждал меня Эдвик... что швейцар захочет сначала получить деньги, а уж потом отнесет чемодан, и что, если чаевые будут недостаточно велики, с багажом придется распроститься. Похоже, это имело смысл.

Мои размышления резко оборвались, когда я заметил, как другой субъект, на этот раз коридорный, поднял мой чемодан и направился с ним в отель, оставив швейцара снаружи взвешивать только что отсыпанные ему в руку чаевые. Я почуял неладное.

— Куда он идет? — спросил я как можно небрежней у довольного швейцара.

— К регистрационному столу, сэр.

— Но у него же мой чемодан.

— Да. Я советую вам неотступно следовать за ним. Ему, знаете ли, нельзя доверять.

— Но... О-о-о-о!..

Я все понял. Швейцару полагалось только открыть двери такси и выгрузить багаж... носить чемоданы в отель он был не обязан. Конечно, я сам был виноват в том, что дал ему на чай, полагая, будто он окажет такую услугу. Разбитый в пух и прах, я потащился за коридорным, поджидавшим меня у двери с вытянутой рукой в уже знакомом мне жесте. На сей раз я был рад расплатиться с ним. Что бы ни сказал на это Эдвик, я решил, что дальше лучше тащить свой багаж самому.

Кальвин что-то бормотал мне на ухо о ненужности платить за помощь, пока они не закончат свою работу, но коридорный понял, что на этом все, и исчез, как только я ему заплатил. Игнорируя ворчание Кальвина, я переключил внимание на интерьер отеля.

Приемная отеля была ненамного больше пространства, используемого нами для похожих целей в корпорации М.И.Ф., только здесь в меблировке господствовала огромная стойка, которую, как я предположил, швейцар и назвал регистрационным столом. Конечно, такая махина ограничивала площадь фойе, а ведь это отель, и ему полагалось пропускать через себя больше народу, чем нам в нашем офисе на Деве. Я почувствовал, что это не сулит ничего хорошего, в смысле просторности номеров. Впрочем, я же велел Эдвику отвезти нас в какое-нибудь недорогое место. Так что вряд ли мог ожидать шикарных апартаментов, а дай мне выбор...

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Это последнее предложение исходило от изверга за регистрационным столом. Его можно было счесть даже вежливым, если бы не интонация в голосе. Таким тоном, думаю, естественно обратиться к прошедшему через переднюю дверь с ящиком мусора.

— Да. — Я решил предпринять последнюю попытку быть любезным. — Я хотел бы снять номер, если вы не против. Одноместный.

Портье смотрел на меня так, словно я только что плюнул на пол.

— Вы его *забронировали?*

Вопрос этот меня немного удивил, но я решил не отступать от честности.

— Вообще-то не мешало бы, в таком-то районе... и потом ходит слух об этом убийце с топором...

— Скив... СКИВ! — отчаянно прошипел Кальвин. — Он спрашивает, заказывал ли ты номер заранее?

Ну вот. Я метнул взгляд на портье, смотревшего на меня так, словно я попросил продать в рабство его первенца.

— ...Но, м-гм, если вы спрашиваете, заказывал ли я номер заранее, то ответ будет, разумеется, отрицательный, — неловко закончил я.

Портье попялился на меня еще несколько мгновений, а затем провел тренированным пальцем по списку на столе перед собой.

— Боюсь, что в данное время у нас есть только один из наших самых скромных номеров. О лучшем вам бы следовало позаботиться заранее.

— Скромный номер вполне подойдет, — заверил я его. — Он понадобится мне примерно на неделю.

— Отлично, — кивнул портье, толкая ко мне через стол бланк. — Когда заполните его, заплатите мне сто золотых.

Я порадовался, что меня предупредили насчет цен на Извре. Сто золотых показалось мне многовато, но я сумел скрыть свое удивление, когда протянул руку за бланком.

— ...В день. И деньги, конечно, вперед.

Моя рука остановилась, чуть-чуть не дойдя до бланка.

— Сто золотых в день? — переспросил я как можно осторожней.

— Скив! — завизжал мне в ухо Кальвин. — Вспомни, тебя предупреждали, что здесь все дорого! Это отель с низкими ценами, помнишь?

— И деньги вперед, — подтвердил портье.

Я убрал руки от стола.

— Сколько времени ты собираешься искать другой номер, Скив? — отчаянно продолжал джинн. — Такси до утра не вернется, а уже темнеет. Ты действительно хочешь гулять ночью по этим улицам?

Я достал из пояса сотню золотых и бросил деньги на стол, а затем принялся заполнять бланк.

— Полагаю, *каждый день* оплачивается авансом с учетом процентных ставок, — спокойно произнес я. — Ах да, я хотел бы получить квитанцию.

Портье выхватил бланк у меня из-под пера и уткнулся в него взглядом чуть ли не раньше, чем я закончил расписываться.

— Совершенно верно, господин... Скив. Я сию минуту дам вам квитанцию.

Приятно узнать, что от некоторых извергов все же можно чего-то добиться, хоть и за хорошие деньги. Сотня золотых уже исчезла.

Портье кинул квитанцию через стол, изящно держа в другой руке ключ. Я забрал квитанцию и потянулся было за ключом, но он небрежно убрал его за пределы моей досягаемости и хлопнул ладонью по стоявшему на столе колокольчику.

— Сюда!

Прежде чем я успел спросить, что сие означало, около меня материализовался коридорный... не тот, что раньше.

— Номер 242-й, — объявил портье, вручая коридорному мой ключ.

— Да, сэр. Это ваш багаж?

— Ну да. Это...

Не дожидаясь, когда я закончу, коридорный схватил мой чемодан и направился к лестнице, сделав мне знак следовать

за ним. Я потащился, ощущая, что по горло сыт этими извергами, отелями и чаевыми. Если этот шут думал, что я...

— Собираешься дать ему на чай? — спросил Кальвин, подплывая и зависая в воздухе передо мной. К счастью, он был полупрозрачным, и я видел сквозь него.

Я подарил ему самую зубастую свою улыбку.

— Если это означает «нет», то тебе лучше передумать.

Я не хотел слушать его советов и намеренно дал своему взгляду забрести на потолок — и тут же споткнулся о ступеньку.

— Вспомни, что сказал Эдвик, — настойчиво продолжал джинн. — Тебе нужно побольше союзников. Ты не можешь позволить себе быть нелюбезным с этим парнем.

Постепенно раздражение во мне начало уступать здравому смыслу. Кальвин был прав. Хотя бы потому, что коридорные являлись главными источниками местной информации. Если любезность с этим типом ускорит розыск Ааза и, следовательно, сократит мое пребывание на Извре, то это стоило приличных чаевых. Сделав глубокий вдох, я поймал взгляд джинна, коротко кивнул, и тот успокоился. Мне пришло в голову, что приятно иметь дело с тем, кто, выигрывая, не злорадствует.

Коридорный открыл дверь и с шиком препроводил меня в номер. Первый же взгляд на мой временный штаб чуть было не заставил меня снова все перерешить.

Даже дырой этот номер можно было назвать только из вежливости... а я пребывал не в том настроении. Прежде всего комната была маленькой... меньше чулана в моем доме на Базаре. Места там едва хватало, чтобы обойти постель. Небольшое остававшееся пространство было еще к тому же стеснено бюро без ручки на одном из двух ящиков и стулом, на который не всякий решился бы присесть. Абажур у торшера сбился набекрень, а обои были порваны, и один большой их кусок болтался свободно, за исключением тех мест, где его держала паутина. Я не мог определить, из чего состоит ко-

вер — из пыли или из плесени, хотя, судя по запаху, подозревал последнее. На потолке виднелись большие подтеки, но это только при внимательном разглядывании, потому что свет в номере был тусклым и вызвал бы чувство клаустрофобии даже у вампира. И все это за какие-то сто золотых в сутки.

— Великолепный вид, не правда ли? — сказал коридорный, отдергивая шторы и открывая окно, которое не мыли с тех пор, как научились разводить огонь. Сперва я подумал, что карниз у занавески прогнулся, но более пристальное изучение показало, что он просто криво прибит.

— И это вы называете великолепным видом?

Замечание вырвалось у меня случайно, несмотря на всю мою сдержанность. Но тут же я, правда, сообразил, что не видел ничего из окна отнюдь не потому, что оно было грязным. Весь фокус в том, что вид этот состоял из глухой каменной стены, расположенной на расстоянии вытянутой руки от окна.

Мой риторический вопрос ничуть не смутил коридорного.

— Видели б вы, куда выходят окна первого этажа, — пожал он плечами. — Там все номера с видом во двор, на свалку мусора. Тут хоть личинок не видно.

Мой желудок накренился влево и провалился. С трудом сглотнув, я твердо решил не задавать больше никаких вопросов о номере.

— Хватит про вид, а? — в отчаянии простонал Кальвин.

— Как скажешь, — ответил я.

— Как-как? — обернулся ко мне коридорный.

— Я сказал, что вид меня устраивает, — поспешно поправился я.

— Так я и думал. Нет, сэр, за такую цену не очень много хороших номеров, и вам повезло.

Я сообразил, что он смотрит на меня, ожидая подтверждения.

— Я... я никогда не видел ничего подобного.

Он продолжал глядеть на меня. Я перебрал в памяти подходящие к случаю комплименты.

— Чаевые, Скив! Он ждет чаевых!

— О! Да, конечно.

Я выудил из пояса еще несколько монет.

— Благодарю вас, сэр, — кивнул коридорный, принимая подношение. — Если есть еще вопросы, то меня зовут Бургт.

Он уже шел к двери, когда я решил, что надо бы воспользоваться его знаниями.

— Скажите-ка... э, Бургт.

— Да, сэр.

— Есть здесь местечко, где можно перекусить? А еще лучше — попробовать что-нибудь из кухни других измерений?

— Разумеется. Примерно в полуквартале налево, если выйти через главный вход, есть небольшое заведение. Оно называется «Банди». Пропустить его невозможно.

Это стоило мне еще нескольких монет. Но подало идею.

— Скажите, Бургт, я слышал, у вас, коридорных, есть своя информационная сеть. Это правда?

Коридорный глядел на монеты, которые я пересыпал с ладони на ладонь.

— В некотором роде, — признался он. — Все зависит от того, какую информацию вы ищете.

— Я ищу одного парня по имени Ааз. Здесь в городе он уже два дня. Если вы или кто-нибудь из ваших друзей выясните, где он, и дадите мне знать, я бы *по-настоящему* это оценил. Улавливаете?

Я дал монетам высыпаться в карман его униформы.

— Да, *сэр*. Ааз, не так ли? Я наведу справки, и посмотрим, что можно сделать.

Он поспешно отбыл, тихо прикрыв за собой дверь.

— Это ты проделал очень хорошо, Скив, — заметил Кальвин.

— Что? А, спасибо, Кальвин.

— Действительно. Ты выглядел как гангстер, платящий осведомителю.

Полагаю, работа с Синдикатом повлияла на меня больше, чем я осознавал. Но мне не хотелось, чтобы разговор слишком далеко заходил в этом направлении.

— Да просто поднабрался кое-чего, — небрежно бросил я, опустив в карман ключ от номера. — Пошли. Попробуем найти в этом измерении что-нибудь съедобное.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

...На улице, где живете.

Из записки анонимного вымогателя

Я уже знал, что по улицам Извра страшновато ходить или ездить днем. Ночью же они делались совершенно иным миром. Я не знал, следует ли мне чувствовать испуг или подавленность, но точно знал, что уютно себя не чувствую.

Дело не в том, что я шел один. На улице было полно извергов, и, конечно, меня по-прежнему сопровождал Кальвин. Просто бывает, что иному обществу предпочитаешь полное одиночество. Против общества Кальвина я, естественно, не возражал... так что кто угодно бы определил, в чем именно заключался источник моего неудобства.

Изверги! (Превосходно! Выходим в отличники.) Так вот, может показаться излишним говорить, что рядом с извергами чувствуешь себя неуютно. Как уже отмечалось, их измерение не славится общительностью, не говоря уже о гостеприимстве. Однако той ночью на улицах я узнал нечто новое: изверги бывают разные.

Большинство тех, с которыми я сталкивался до этого, были просто обыкновенными людьми... только скверными. Они имели работу и интересовались в основном тем, как заработать на жизнь и уберечь свою шкуру. Однако после заката ту же территорию населяли личности совершенно иного сорта.

Чаще всего бросались в глаза те, что спали в подъездах и водостоках. Сперва я видел в этом способ избежать уплаты по сотне за ночлег в номере — я так и сказал Кальвину. Тот предложил мне взглянуть на растянувшихся извергов чуть поближе. Я взглянул и понял, что и *пятьсот* золотых за ночлег будет не слишком большой тратой, лишь бы избежать вступления в их ряды.

Они были грязными... что неудивительно, если спишь в водостоке. Хотя я никогда не отличался способностью различать цветовые нюансы, но даже мне и при плохом освещении ночных улиц удалось разглядеть, что зелень их чешуи какого-то нездорового оттенка. Честно говоря, они выглядели просто покойниками... Но таковыми не были. Позже, когда я упомянул о них Эдвику, то выяснил, что это были изверги, чьи доходы упали ниже уровня жизни в этом измерении. Они оказались позади всех и уже не могли позволить себе ни жилья, ни гардероба для восстановления своего положения.

С какими бы финансовыми затруднениями ни сталкивались спящие, они не имели ничего общего с извергами, разделявшими с ними ночные улицы, но занимавшимися в основном торговлей, — я буду называть эту вторую группу толкачами... хотя слово это может вызвать и отрицательные ассоциации.

Разодеты они были столь же ярко, как любой бес, но имели склонность держаться в тени и высовывались оттуда, чтобы шепотом предложить прохожим товар. Я так и не узнал, что именно они продавали, поскольку ни один из них ко мне не обратился. Нельзя сказать, что они не замечали, как я прохожу, поскольку следили за мной неподвижными глазами рептилий, но что-то увиденное явно побуждало их оставить меня в покое. Не могу сказать, что именно оказывало столь сильное воздействие.

Я так внимательно смотрел на наблюдателей, что чуть не прозевал нужный нам ресторан. Но Кальвин его заметил и привлек мое внимание. После чего мы в него вошли.

Еще во времена, когда я впервые встретился с Аазом, мне довелось соприкоснуться с изврским рестораном. Конечно, произошло это на Базаре, где были созданы определенные условия для деятельности подобных точек, но это все-таки в какой-то степени подготовило меня к тому, что можно было ожидать.

Кальвин же до этого не обладал опытом знакомства с изврской кухней. Через два шага в заведении я едва не потерял его, лишившегося сознания из-за одного лишь запаха. Честно говоря, мне и самому чуть не стало дурно, потому как я, имея небольшое представление об изврском ресторане, никогда раньше туда по-настоящему не заходил. Если некоторые думают, будто могут себе это представить просто потому, что как-то проходили мимо подобного заведения, то, боюсь, они ошибаются: ближе к выходу этот запах значительно слабеет.

— Что-то сдохло?!

Зажав нос, джинн брезгливо оглядел обстановку ресторана.

— Да брось ты, Кальвин, — упрекнул я его, пытаясь представить дело пустячным. — Неужели ты никогда раньше не нюхал запаха доброй домашней стряпни? Ну, знаешь, когда у матери что-нибудь подгорало?

Из вышеизложенного, по-моему, понятно, что изврская кухня не только не благоухает... от нее вонь идет до небес. Надеюсь, я точно передал читателю свое ощущение. Я и в самом деле сказал то, что испытывал. Однако, к счастью для прочих измерений, одни лишь слова не могут донести почти осязаемую текстуру вони.

— Если бы моя мать так стряпала, мы б от нее избавились... даже раньше, чем нам довелось все же это сделать, — напрямик заявил Кальвин.

Любопытное, между прочим, замечание.

— Не поверю, будто тебе *нравится* это, — сказал он. — Хоть ты и немного странное, но все-таки разумное существо.

— Так же как и изверги.

— На этот счет я готов поспорить... особенно теперь, когда понюхал что́ они едят. Но ты уходишь от вопроса. Ты и в самом деле собираешься отведать этого добра?

Я решил, что шутка зашла слишком далеко.

— Ни под каким видом! — шепотом признался я. — Если ты последишь повнимательней, то увидишь, что иная еда тут выползает из тарелки.

— Предпочитаю не следить! — отвел глаза Кальвин. — Серьезно, Скив, если ты не собираешься ничего есть, то зачем же мы сюда пришли?

— О, я собираюсь раздобыть чего-нибудь съедобное. Только не то, что тут готовят для местных. Я потому и искал заведение, где подают пищу других измерений — и, будем надеяться, удобоваримую.

Мои слова не произвели на джинна никакого впечатления.

— Мне все равно, *откуда* рецепт приготовления. Ты что, собираешься съесть что-то приготовленное на этой кухне и вблизи этих вонючих блюд? Может, нам следует обсудить, достоин ли *ты* звания разумного существа?

Если смотреть с такой точки зрения, то резон в его словах был. Я вдруг почувствовал себя далеко не таким умным, каким считал несколько мгновений назад.

— Чем могу служить, *сэр?*

Материализовавшийся рядом со мной изверг держался столь чопорно-официально, что я почему-то подумал о фигурах, восседающих на свадебном торте. Он каким-то образом сочетал технику раболепства с привычкой глядеть на тебя сверху вниз. А еще говорят, будто официанты не поддаются обучению!

— Ну, мы... то есть я...

— А! Стой-лик на *однофо!*

Я вообще-то готовился сыграть отступление, но этот парень не собирался предоставлять мне такой возможности.

Столы и стулья, казалось, раздвигались на пути перед ним, когда он следовал по залу, как парусный корабль сквозь во-

доросли, таща меня за собой в кильватере. Когда мы проходили, головы посетителей поворачивались в нашу сторону, и начинались шепотки. Если они пытались вычислить, где видели меня раньше, то разговор наш здесь мог затянуться.

— Жаль, что я не подумал приодеться, — шепнул я Кальвину. — Заведение это весьма классное. Удивляюсь, как меня впустили без галстука.

Джинн выстрелил в меня взглядом.

— Не знаю, что тебе сказать, Скив, но ты вроде одет и даже в галстуке.

— О! Верно.

Я и забыл, что изменил в такси свои чары личины. Одна из трудностей с ними в том и состоит, что сам я не вижу результата своей работы. Я хоть и достиг такого уровня, что могу без особого напряжения поддерживать иллюзию, но тем не менее иногда забываю, в каком облике нахожусь.

Я плюхнулся на отодвинутый для меня стул, но отмахнулся от предложенного меню.

— Как я понимаю, вы подаете блюда из других измерений?

Изверг отвесил легкий полупоклон.

— Да. У нас ест широкий фыбор на самый распорчифый фкус.

Я понимающе кивнул:

— Тогда скажите официанту, пусть принесет мне что-нибудь пентийское... и подобающее вино.

— Отлично, сэр.

Он осторожно удалился, предоставив мне изучать наших сотрапезников. Было слишком оптимистичным надеяться, что случайное совпадение приведет Ааза в тот же обеденный зал, но посмотреть не мешало.

— Ты управился с этим довольно гладко.

— С чем именно, Кальвин? А, с заказом? Спасибо.

— Ты действительно настолько уверен в себе?

Прежде чем ответить, я взглянул на ближайшие столики, не подслушивает ли кто.

— Я уверен, что не смог бы даже прочесть это меню, — тихо сказал я. — А попытка прикинуться читающим заставила бы меня выглядеть еще большим дураком. Я просто следовал общему правилу: «Если сомневаешься — доверься официанту». Обычно оно действует.

— Может быть, — заметил Кальвин. — Однако не всякий официант — изверг. Думаю, это слишком смело с твоей стороны.

Джинн определенно обладал талантом заставлять меня тревожиться из-за уже принятых решений.

К счастью, как раз принесли вино. Я нервно проделал ритуал с опробованием, а затем просто присосался к стакану. Соединение нервозности и жажды заставило меня выдуть первые три бокала подряд не останавливаясь.

— Ты не особо налегай на эту микстуру, пока не вложишь в себя немного еды, — с нажимом посоветовал Кальвин.

— Не беспокойся, — отмахнулся я. — Ааз мне всегда повторял одну премудрость: «Если не уверен насчет пищи в измерении, то питайся выпивкой».

— Он тебе это говорил, да? Ничего себе дружок. Скажи, пожалуйста, это когда-нибудь срабатывало?

— М-м?

— Питание выпивкой. Оно приносило тебе какую-то пользу или кучу неприятностей?

— О, куча неприятностей случалась с нами не раз. Как-нибудь напомни мне рассказать тебе о том, как мы однажды решили похитить Приз Большой Игры.

— Вы с Аазом?

— Нет. Я и... э... это была...

По какой-то причине мне стало трудно вспомнить, кто именно участвовал со мной в той операции. Я решил, что самым мудрым будет перевести разговор на иную тему, пока не принесут остальной заказ.

— Кто бы там ни был. Но уж коли речь зашла о бутылках, долго ли ты ждал, пока я вынул пробку из твоей?

— О, недолго для джинна. Я бы сказал, что ожидание длилось не больше...

— Тананда!

— Прости?

— Со мной была Тананда, когда мы пытались стащить тот Приз... во всяком случае, на первых порах.

— О...

— Рад, что скинул эту ношу. Итак, что ты говорил, Кальвин?

— Ничего важного, — пожал плечами джинн.

Он казался немного расстроенным, но мне думалось, я знал почему.

— Кальвин, я хотел бы извиниться.

Он немного расслабился.

— Да ничего, Скив. Просто дело в том...

— Нет, я настаиваю. С моей стороны было хамством не заказать чего-нибудь и тебе. Я ведь даже не поинтересовался, голоден ли ты. Просто как-то неловко было заказывать блюда для того, кого никто не видит. Понимаешь, что я пытаюсь сказать?

— Конечно.

Кажется, я снова сбил его с толку.

— Дело не в том, что я забыл о тебе, — продолжал я. — Просто подумал, что раз ты такой маленький, то много не съешь, и мы, вероятно, сможем разделить мой заказ. Теперь я вижу, что это обидно для тебя, и поэтому, если бы ты хотел заказать что-нибудь особенное...

— Разделить заказ с тобой будет вполне достаточно. Хорошо? А теперь давай оставим эту тему.

Что-то волновало джинна, и мои усилия изменить его настроение оказались, к сожалению, напрасными. Я подумал, а не махнуть ли на это рукой, но решил, что нельзя. Именно из-за такого равнодушия и черствости и возникла ситуация с Аазом.

— Скажи-ка... м-гм... Кальвин?

— А теперь что?

— Я явно расстроил тебя, а мои попытки исправить положение только ухудшают дело. Мне не хотелось быть к тебе невнимательным, но это, похоже, произошло. Если я теперь не в силах что-либо изменить, то, может, скажешь по крайней мере, как избежать повторения ошибки?

— Вино не помогает.

Услышав короткий ответ Кальвина, я кивнул. Он был прав. Вино подействовало на меня сильнее, чем я ожидал. Мне стало трудно понимать, о чем он говорил.

— Оно не помогает... но беда не только в этом, — сказал я. — Спиртное всего лишь усиливает положительные и отрицательные качества, но может сделать мои неприятные привычки еще более неприятными, но не оно им причина.

— Верно, — неохотно признал он.

— Поэтому выкладывай, — распорядился я. — Что во мне такого неприятного, раздражающего? Я стараюсь быть милым парнем, но в последнее время это не всегда получается. Сперва с Аазом, а теперь и с тобой.

Джинн поколебался, прежде чем ответить.

— Я знаю тебя не так давно, Скив. И могу высказать только первое впечатление.

— Так давай первое впечатление. Я действительно хочу...

— Ваш обед, сэр!

Проводивший меня к столику изверг снова объявился, на этот раз с официантом на буксире. Этот молодец едва ли не шатался под тяжестью огромного блюда под крышкой, от которого подымался соблазнительный пар.

Мне отчаянно хотелось услышать, что хотел сказать Кальвин, но вид блюда напомнил мне, как отчаянно я проголодался. Очевидно, джинн почувствовал мое затруднительное положение.

— Давай, Скив, поешь, — сказал он. — Я подожду, пока ты закончишь.

Благодарно кивнув, я переключил внимание на изверга.

— Запах вкусный, — сумел произнести я с искренним удивлением. — Что это?

— Одно ис фирменных блуд! — просиял он, протягивая руку к крышке. — С Пента!

Крышка театрально исчезла, и я оказался лицом к лицу с кем-то другим из моего родного измерения. К несчастью, не он подавал фирменное блюдо... он сам им и был! Поджаренный, с мертвой крысой в зубах для украшения.

Я совершил единственное, на что был способен.

Я бухнулся в обморок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Никогда нет поблизости фараона,
когда он тебе нужен!

А. Капоне

-СКИВ!

Голос донесся, казалось, издалека.

— Брось, Скив! Кончай с этим! Мы в беде!

Это дошло до моего сознания. Я сперва не мог сориентироваться, но если мне было чего и не нужно, так это новых бед. *Новых* бед? Что за... потом! Надо разобраться с тем, что происходит сейчас!

Я заставил себя открыть глаза.

Представшая передо мной сцена воскресила у меня в памяти основные моменты происшедшего. Я был в ресторане... а если точнее, на полу... надо мной навис изврский официант... и еще полицейский!

Сперва я подумал, что это тот, с которым мы сталкивались ранее, но ошибся. Сходство, конечно, было потрясающее, они казались просто родными братьями. Оба обладали одинаковыми квадратными челюстями, широкими плечами и

большим пузом, не говоря уже о жестком блеске в скучающих глазах.

Я с трудом сел, но покачнулся, когда на меня нахлынула волна головокружения.

— Держись, Скив! Для разговора с этим тебе придется пораскинуть мозгами!

Кальвин парил с озабоченным лицом.

— Ч... что случилось? — произнес я.

И слишком поздно вспомнил, что вижу и слышу джинна только я. А вот как насчет других, готов ли я к разговору с ними или нет, — этого я и сам не знал.

— Похоже, ты упал в обморок, приятель, — уведомил меня полицейский.

— Я думай, он просто не хошет платит са сакасанное блудо.

Сказал это проводивший меня к столику изверг, и его слова заставили меня вспомнить все. Фирменное блюдо с Пента!

— Он подал мне на блюде зажаренного пентюха! — навел я дрожащий, но обвиняющий перст на изверга.

— Это так?

Полицейский покосился одним глазом на этого изверга, и тот сильно разволновался.

— Чушь! Подават расумный сусчестфа бес лицензии протифосаконно. Сами фидить, сершант, это фсефо лишь подопие.

А ведь верно, он был прав! Лежавшая на блюде фигура была на самом деле сложена из кусков мясной вырезки, а промежутки между ними заполняло нечто похожее на обычную выпечку. Крыса казалась настоящей, но я, признаться, не очень приглядывался. Зрелище, скажу я вам, получилось ужасающе реальным.

Полицейский пристально изучил блюдо, прежде чем снова переключить внимание на официанта.

— А вам не кажется чуточку рискованным подавать пареньку то, что напоминает его собратьев?

— Но он не походил на них, когда фошел! Я фсефо лишь подал ему, чефо он просил... чефо-нипуть с Пента!

Вот тут-то я и осознал, что моих чар личины больше нет. Должно быть, упав в обморок, я утратил контроль над ними. Впрочем, когда именно они исчезли, теперь было не столь важно — важно, что они пропали. Теперь все без исключения увидели меня таким, каким я был на самом деле... пентюхом!

Полицейский обратил взгляд ко мне и изучал меня с нездоровым интересом.

— Ах вот как, — протянул он. — Потрудитесь-ка мне объяснить, как получилось, что вы пришли в личине в такое приличное заведение? Ведь не собирались же вы скрыться, не заплатив по счету, не так ли?

— Просто дело в том... — Я замолк, пока не прошла волна головокружения. — Я слышал, что на Извре можно рассчитывать на лучшее обслуживание и более низкие цены, если ты местный житель.

— Плохой ответ, Скив, — прошипел Кальвин, но я уже и сам понял это.

Полицейский сделался на несколько оттенков темнее, и голова у него почти исчезла в шее. Хотя говорил он по-прежнему приветливым тоном, но слова явно подбирал с трудом.

— Вы хотите сказать, что в нашем измерении полно обираловок и воров? Именно это вы говорите?

Я слишком поздно понял свою ошибку. Ааз всегда гордился тем, что изверги отличаются особым умением извлекать прибыль. Мне не приходило в голову, что некоторые могут счесть это оскорблением.

— Вовсе нет, — поспешно заверил я полицейского. — Я полагал, что тут, как и в любом другом месте... что наилучшие услуги и низкие цены достаются прежде всего местным, а гости получают что остается. Просто я пытался воспользоваться небольшим преимуществом, вот и все.

Такое оправдание показалось мне весьма удачным. Однако на полицейского оно не произвело впечатления. Он не улыбаясь извлек откуда-то блокнот и карандаш.

— Имя?

Голос у него был ровным и негромким, но в нем слышались нотки раздражения.

— Послушайте. Я оплачу заказ, если все дело в этом.

— Я не спрашиваю, оплатите ли вы заказ. Я спрашивал, как вас зовут. Так вот, вы намерены назвать ваше имя здесь или нам придется пройти в участок?

Кальвин вдруг снова воспарил передо мной.

— Лучше скажи ему, Скив. — Тон у него соответствовал обеспокоенному выражению лица. — Этому копу, похоже, вожжа под хвост попала.

Этот его перл привел меня в полное замешательство.

— Чего ему куда?

Полицейский оторвал взгляд от блокнота.

— А как это имя пишется?

— М-гм-м... забудьте об этом. Запишите просто Скив. Меня зовут именно так.

Его карандаш быстро забегал, и мне подумалось, что ошибка сошла мне с рук. Увы, не повезло.

— ...А то, что вы называли раньше?

— Так, ничего. Просто кличка.

Даже мне такое объяснение показалось слабым. Кальвин застонал, когда полицейский одарил меня суровым взглядом, прежде чем нацарапать еще несколько замечаний в свой блокнот.

— Прозвище, да? — пробормотал он себе под нос.

С каждой минутой дело, казалось, шло все хуже и хуже.

— Но...

— Место проживания?

— «Новая гостиница».

Мои протесты только ухудшали положение, и я решил отвечать на любые вопросы, какие он вздумает задать, честней и проще.

— В отеле, да? — Карандаш забегал еще быстрее. — А ваше постоянное место жительства?

— Базар-на-Деве.

Полицейский перестал писать. Подняв голову, он внимательно посмотрел на меня.

— А я думал, что вопрос с личинами решен, — проговорил он заметно небрежно. — Так скажите все же, господин Скив, вы пентюх... или маскирующийся под пентюха девол?

— Я пентюх... на самом деле!

— ...Живущий на Деве, — мрачно закончил полицейский. — Это весьма дорогое местечко, приятель. Чем вы, собственно, зарабатываете на жизнь, раз можете позволить себе такой экстравагантный адрес... или вот оплачивать дорогие блюда, которые не собираетесь к тому же есть, если уж на то пошло?

— Я... э... работаю на корпорацию... М.И.Ф. Это кооператив консультантов по магии.

— В самом деле? — Полицейский не скрывал своего скептицизма. — И что же вы делаете для них такого, приятель, что им пришлось нанять пентюха вместо одного из местных ребят?

Возможно, я оправился от обморока, а возможно, его сарказм уже достал меня, но эти вопросы стали действовать мне на нервы.

— Я сам и президент, и основатель фирмы, — отрезал я, — и сам лично подбирал сотрудников, так что не им судить о моих качествах.

В действительности у них нашлось бы много чего сказать. Именно они и вознесли меня на мой нынешний высокий пост. Однако время было не самое подходящее для объяснений.

— Неужели? — Полицейский все еще давил, но сделался намного почтительней. — В вас, вероятно, есть нечто большее, чем видно с первого взгляда, *господин* Скив.

— Спокойно, Скив, — тихо предостерег меня Кальвин. — Давай не будем слишком агрессивны с представителями местного правопорядка.

Совет был хороший, и я попытался обуздать свой гнев.

— Если хотите, можете все это проверить, — бросил я официальным тоном.

— Я так и сделаю. Вы не против объяснить мне, что именно делает в нашем прекрасном измерении президент корпорации с Девы? Вы здесь по делу?

— Можно сказать и так.

— Хорошо. Тогда потрудитесь назвать мне наших граждан, с которыми ведете дела.

Я слишком поздно увидел ловушку. Если я бизнесмен, то у меня должны быть тут связи. Вам это может показаться глупым промахом, но вспомните мое недавнее прошлое. Большинство моих вылазок в различные измерения можно было отнести или к налетам, или к спасательным операциям. Поэтому мне не приходило в голову, что есть и иной способ заниматься бизнесом. Конечно, такое признание не улучшило бы впечатления обо мне у этого блюстителя порядка.

Я обдумал альтернативы. Может, наврать им с три короба и скрыться? Но все же наконец решил не отступать от правды.

— Я не имею дел с кем-то конкретно, — осторожно ответил я. — Суть в том, что я кое-кого разыскиваю.

— О? Значит, вы нанимаете служащих в свою корпорацию? Ищете, так сказать, наши местные таланты?

Это тоже звучало не слишком хорошо.

— Заверяю вас, вербовка не входит в мою задачу. Я пытаюсь найти своего... одного из моих сотрудников.

Полицейский чуть выпрямился и снова оторвал взгляд от блокнота.

— Это совсем другое дело, — протянул он. — Вы заполнили в участке запрос о пропавшем без вести?

Я попытался вообразить себе реакцию Ааза, если его заберет с моей подачи полиция. К счастью, мой мозг милосердно заблокировал такой образ.

— Шутите? Нет, конечно.

— Надеетесь разыскать его быстрее полиции?

Я приходил в отчаяние. Что бы я ни сказал, все оборачивалось против меня.

— Вообще-то он на самом деле не пропадал без вести. Послушайте, сержант, у меня вышла размолвка с моим старым партнером — между прочим, одним из основателей корпорации и извергом. Он в гневе отбыл и, надо думать, вернулся сюда, на Извр. Я хочу разыскать его и убедить возвратиться обратно в фирму или хотя бы извинюсь перед ним, чтобы мы могли расстаться друзьями. Поиск мой хоть и связан с бизнесом, но все же это дело личное.

Полицейский внимательно выслушал меня до конца.

— Так чего ж ты сразу не сказал, парень? — нахмурился он, захлопнув блокнот. — Да будет тебе известно, мое время слишком ценно, чтобы терять его на болтовню со всяким, кто хочет рассказать мне историю своей жизни.

— Неплохо сработано, Скив! — одобрительно подмигнул мне Кальвин. — Думаю, мы сняты с крючка.

Я не обратил на него внимания. Замечание полицейского о напрасной потере времени снова всколыхнуло во мне раздражение. В конце концов, ведь именно он и затеял этот допрос.

— Минуточку, — остановил я его, когда он уже намеревался отбыть. — Значит, вы не будете проверять мои слова?

— Скив! — взмолился джинн, но было уже слишком поздно.

— Есть какая-то причина этого не делать? — снова обернулся ко мне полицейский.

— Просто вы потратили столько своего драгоценного времени, задавая вопросы по поводу простого обморока, что мне было бы очень неприятно, если б вы потеряли его еще больше.

— Не пытайтесь меня учить, как мне выполнять мою работу, *господин* Скив, — прорычал он, приблизив свое лицо вплотную к моему. — К вашему сведению, я не уверен, что все обстоит так просто, как вы тут расписывали.

— Неужели?

Этот едкий вопрос сорвался у меня с языка, и я вдруг осознал, что выбрался из трясины полностью.

— Именно так. Перед нами вроде бы мелкое происшествие в ресторане, вот только центральная фигура этого происшествия оказывается путешественником в личине. И что еще важнее, он из другого измерения и привык пользоваться кличками, хотя утверждает, будто честный бизнесмен. Никто из местных не может поручиться за него или каким-то образом подтвердить его рассказ. Разве это не кажется вам немного подозрительным?

— Ну, если так ставить вопрос...

— А как же?! Я уже говорил, что мы в участке очень заняты. И несмотря на весь этот бред, вы кажетесь достаточно безобидным, поэтому я и не вижу смысла копать глубже. Только запомните, приятель, я занес вас к себе в книжку. Если что случится, в следующий раз вы не встретите у меня такого понимания!

С этими словами он круто повернулся и строевым шагом вышел из ресторана.

— Еле пронесло, — присвистнул Кальвин. — В последний раз тебе не следовало возникать.

Я пришел к тому же выводу и кивнул в знак согласия.

Официант все еще ошивался поблизости, и поэтому я просигналил ему подать счет. Не хватало мне еще обвинения в попытке уйти не заплатив.

— Куда же мы тронемся дальше? — спросил джинн.

— Думаю, уладим дело здесь и направимся обратно в отель немного соснуть. Два столкновения с полицией в день — это уже слишком.

— Но ты же ничего не поел.

— Поем завтра. Как я сказал, меня не прельщает мысль рискнуть еще раз столкнуться с законом... даже случайно.

Несмотря на свой собственный совет быть помягче с полицией, джинн не испытывал озабоченности.

— Не беспокойся. Пока это были только разговоры. Что они могут тебе сделать? Никакой закон не запрещает быть вежливым на улице или терять сознание в ресторане.

— Они могут провести проверку. Я не в восторге от полиции, сующей нос в мои дела.

Джинн бросил в мою сторону недоуменный взгляд.

— Ну и что, если так? Это досадно, но не повод для беспокойства. У тебя же нет приводов в полицию, связей с организованной преступностью или чего-нибудь в этом роде.

Я подумал о Доне Брюсе и Синдикате. Моя работа с ними оказалась далеко не столь безвредной, какой представлялась, когда я согласился занять пост представителя Синдиката на Деве. К счастью, на Деве никто об этом не знал, кроме моей команды, а они вряд ли станут болтать. И все же, учитывая, как мне в последнее время везло, не стоило подвергать себя полицейской проверке. Я также не видел смысла беспокоить Кальвина откровением, на какой бочке с порохом я сижу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Надо с чего-то начать.

С. Макдак

На следующее утро я не собирался рано вставать. Конечно, мне не терпелось отыскать Ааза и все такое, но ведь так редко выпадет случай поваляться в постели лишнюю пару часов. Наши дела всегда шли довольно бурно, и я обычно отправлялся в контору пораньше, чтобы выполнить какую-то работу прежде, чем начнется ежедневный парад вопросов и проблем. Даже когда я решал поспать подольше, вставали другие, и мне тоже поневоле приходилось подниматься, чтобы присоединиться к их важному или интересному разговору. Теперь, когда у меня появилась возможность побездельничать, я намеревался воспользоваться этим по полной программе. К тому же ночь из-за всех этих неприятностей с рестораном и полицией выдалась нелегкая.

К несчастью, весь остальной мир, похоже, настроился против меня.

Мне и задремать-то удалось с трудом из-за непривычного шума уличного движения. А когда я все же наконец уснул, то в двери моего номера энергично постучали.

— Что такое? — крикнул я спросонок, с трудом раздирая глаза.

В ответ дверь открылась, и в номер влетел коридорный, вчера принесший мой багаж.

— Извините, что так рано беспокою вас, господин Скив, но там...

Он внезапно умолк и оглядел весь номер. Я пытался сообразить, что он ищет, когда коридорный опять переключил внимание на меня.

— Господин Скив? — снова обратился он ко мне голосом столь же неуверенным, как и его поведение.

— Да? — отозвался я, пытаясь обуздать свое раздражение. — Вы хотели мне что-то сказать? Надо полагать, что-то не терпящее отлагательства?

Если я надеялся осадить его, то потерпел обидное поражение. При звуке моего голоса лицо у него просветлело, и он заметно успокоился.

— Так, значит, это все-таки *вы*. Ловко же вы меня провели! Вы теперь совсем другой.

Мне потребовалась секунда, прежде чем я сообразил, о чем он говорит. А затем я вспомнил, что не возобновлял своих чар личины после ночного столкновения с законом. Допускаю, что может возникнуть легкое потрясение, когда ожидаешь обнаружить изверга, а вместо этого болтаешь с пентюхом. Я подумывал, не навести ли чары вновь, но потом принял мгновенное решение оставить все как есть. Личина изверга скорее причиняла мне неприятности, чем предотвращала их. Попробую побыть денек самим собой и посмотрю, как пойдут дела.

— Личина, — снизошел до объяснения я. — А в чем дело?

— Ну, там... *Это* опять личина или как?

— Это мой настоящий облик, если это имеет значение. А теперь все же скажите, в чем дело?

— О, для меня это не имеет значения. В нашем отеле бывает народ из всяких странных измерений. Я всегда говорю, не важно откуда они, лишь бы золото...

— В ЧЕМ ДЕЛО?

Я обнаружил, что моя терпимость к пустой болтовне прямо пропорциональна времени, затраченному на сон, и сегодняшний день не стал исключением.

— О, извините. Там внизу таксист, и он говорит, что ждет вас. Я думал, вы захотите узнать...

Я почувствовал, что главное слово тут «ждет», но от понимания коридорного это, похоже, совершенно ускользало. И все же я теперь проснулся, и мои поиски нисколько не ускорятся, если я буду торчать в номере.

— Ладно. Скажите ему, что я спущусь через несколько минут.

— Разумеется. О... я вот еще о чем хотел спросить вас... Ничего, если этот парень, Ааз, узнает, что вы его ищете?

Над этим мне пришлось немного подумать. Конечно, Ааз отбыл, не поговорив со мной, но я не думал, что он станет прятаться, узнав о моем пребывании на Извре.

— С этим сложности возникнуть не должно. А что?

— Я думал поместить объявление в газете, но потом мне пришло в голову, что, возможно, он задолжал вам деньги или что-нибудь в таком духе, и поэтому решил сперва спросить у вас.

— Объявление в газете?

— Это ежедневный бюллетень, отпечатанный на бумаге, — снабдил меня информацией Кальвин, присоединяясь к нам, не закончив зевка. — Записки от одних граждан к другим... поздравления с днем рождения, послания жен к заблудшим мужьям и тому подобное. Многие люди постоянно читают их.

Это не походило на одно из увлечений Ааза, но всегда существовала возможность, что объявление прочтет кто-то из его знакомых и сообщит ему. В любом случае повредить это не могло.

— Да, верно. Объявление. Прошу меня извинить, я все еще толком не проснулся. Мысль, кажется, хорошая, — сказал я, шаря в поисках мелочи. — Сколько оно будет стоить?

К моему удивлению, коридорный сдерживающе поднял руку.

— Если не возражаете, господин Скив, стоимость его я оплачу сам.

— О?

— Разумеется. Но если дело выгорит, то сами понимаете, кто получит упомянутое вами вознаграждение.

С этими словами он сверкнул мне быстрой усмешкой и отбыл. Мне подумалось, что не мешало бы начать следить за своими расходами — для уверенности, что у меня хватит денег на выплату вознаграждения, если коридорный или один из его друзей сумеет отыскать Ааза.

— Каков же план на сегодня, Скив?

Кальвин последовал за мной в ванную и задал этот вопрос, когда я разглядывал в зеркале свое лицо. Мне теперь приходилось бриться, но нечасто, и я решил, что сегодня как раз пора. Забавно, когда я был моложе, мне не терпелось начать бриться, но теперь необходимость это делать стала казаться мне утомительной. И я понимал, почему некоторые мужчины предпочитали отпускать бороду.

— Нам не стоит сидеть здесь и ждать, не ответит ли Ааз на объявление коридорного, — сказал я. — Кроме того, сегодня оно все равно не даст никаких результатов. Считаю, нам следует немного поискать самим.

Как только я это сказал, то сразу понял всю банальность собственного изречения. Конечно, нам предстояло отправиться искать Ааза. Этим бы мы и занялись, не вмешайся коридор-

ный со своей идеей насчет «объявления». Но Кальвин или ничего не заметил, или не стал заострять на этом внимания.

— По-моему, неплохо. С чего начнем?

Об этом я успел поразмыслить. И в итоге размышлений со смущением осознал, как мало мне известно о прошлом Ааза... или о прошлом любого из моих коллег, если уж на то пошло.

— Специализировался Ааз главным образом на магии и финансах. Давай немного пошуруем в этих кругах и посмотрим, не появится ли хоть какая-нибудь зацепка.

Но начало нашего поиска задержал один небольшой эпизод.

Мы только вышли из дверей отеля, и я, оглядываясь по сторонам в поисках Эдвика, заметил уличных торговцев. Они были там и вчера, в день нашего приезда, но я их по-настоящему не разглядел. Сегодня же они привлекли мое внимание хотя бы контрастом с ночными толкачами.

Ночные толкачи — народ крутой, хищный, готовый торговаться ради *части* ваших денег, если уж нет возможности просто тюкнуть вас по башке и забрать все. Дневные же лоточники представляли собой малообеспеченных мелочных торговцев и тихо стояли за самодельными прилавками из чемоданчиков или ковриков, улыбаясь или расхваливая свой товар любому прохожему, какому случалось задержаться и взглянуть на развал. Держались они, если уж определять их манеру, довольно скромно и постоянно зыркали по сторонам, словно боялись быть замеченными в своем занятии.

— Интересно, чего это они остерегаются? — спросил я, обращаясь чуть ли не к самому себе. Я будто на мгновение забыл о присутствии Кальвина.

— Кто? Эти? Они, наверное, остерегаются полиции.

— Полиции? Почему?

— По обычной причине. То, чем они занимаются, — незаконно.

— Да?

У меня не было ни малейшего желания снова сталкиваться с полицией, но его слова просто озадачивали. Возможно, я что-то упускал, но почему-то не видел в деятельности уличных торговцев ничего непозволительного.

— Я все забываю, что ты с Базара-на-Деве, — рассмеялся джинн. — Видишь ли, Скив, в отличие от Базара почти везде для уличной торговли требуется патент. Судя по их виду, эти бедняги не могут себе его позволить. А если бы могли, то скорее открыли бы лавку, вместо того чтобы торговать на улице.

— Ты хочешь сказать, что у них нет выбора? Разве они не работают на какой-то большой концерн?

На Деве уличные торговцы обычно работали на более крупных бизнесменов, забирая утром товар и возвращая нераспроданный в конце смены. При этом они стремились выглядеть мелкой сошкой, чтобы привлечь туристов якобы низкой по сравнению с магазином или палаткой ценой «у этих бедных уличных лоточников». Мне не приходило в голову, что эти вот уличные торговцы могут оказаться мелкими частными предпринимателями.

— Совершенно верно, — ответил Кальвин. — Большинство этих людей вложили свои сбережения в... эй! Куда ты?

Я проигнорировал его, смело подходя к одному из торговцев, которого все-таки приметил накануне. Он там же и сидел — за ковриком, заваленным солнцезащитными очками и дешевыми браслетами. Мое внимание он привлек своей молодостью, он был моложе даже меня. Учитывая долгожительство извергов, это и в самом деле был очень юный возраст.

— Выбирайте, что вам по вкусу? — сверкнул он заостренными зубами, отчего мне бы сделалось не по себе, если бы я не привык к усмешкам Ааза.

— Позвольте задать вам несколько вопросов.

Улыбка исчезла.

— Вы кто? Репортер или что-то в этом роде?

— Нет. Просто любопытно.

Он нахмурился и быстро огляделся.

— Ладно, пока нет денежных клиентов. Время — деньги, знаете ли.

В ответ я бросил ему на коврик золотую монету.

— В таком случае считайте меня клиентом, покупающим у вас немного времени. Дайте мне знать, когда оно иссякнет.

Он сделал быстрый пасс рукой, и монета исчезла, тогда как улыбка опять вышла из укрытия.

— Уважаемый, вы только что приобрели мое внимание. Задавайте свои вопросы.

— Почему вы этим занимаетесь?

Улыбка растаяла, перейдя в гримасу.

— Потому что я богат и независим. И из любви к острым ощущениям сижу тут под дождем и бегаю от копов... а сами-то вы как думаете? Разумеется, я занимаюсь этим ради денег, как и все прочие.

— Нет. Я имел в виду, почему вы занимаетесь именно этим, вместо того чтобы найти нормальную работу?

Какой-то миг он изучал меня взглядом своих извергских желтых глаз, а потом чуть пожал плечами.

— Что ж, — сказал он. — Отвечу вам прямо. Работая на чужого дядю, сильно не разбогатеешь... особенно если речь идет о работе, на которую я только и способен. Видите ли, я не из богатой семьи. Мои родные не дали мне ничего, кроме имени. Когда я подрос, меня предоставили самому себе. Особым образованием я похвастаться не могу, да и связей у моей семьи нет. Хорошая работа у старого приятеля моего папочки мне не светит. И значит, начинать приходится с нуля... и закончил бы я, вероятно, тем же. Так или иначе, я не спеша подумал над этим и решил, что хочу от жизни большего.

Я попытался придумать, как бы потактичней дать ему понять, что, на мой взгляд, избранный им вариант жизненного пути мало чем отличается от отвергнутого.

— Значит, вы считаете, что это лучше, чем просто работа на какое-то другое лицо?

Он гордо вскинул голову:

— Этого я не говорил. Я не собираюсь вечно заниматься этим. Это просто способ накопить первоначальный капитал для серьезного бизнеса. Я хоть и рискую всем, рассчитывая на свои собственные способности, но если дело выгорит, то буду получать прибыль вместо жалованья и смогу перейти к делам покрупнее. И главное, если добьюсь успеха, то смогу передать своим детям больше, чем оставили мне родители. А если не получится... что ж, терять мне особенно нечего.

— У вас есть дети?

— У кого, у меня? Нет... по крайней мере пока нет. Может, когда-нибудь будут. Сейчас, при теперешнем положении дел, я не могу себе позволить даже постоянную подружку, если вы понимаете, что я имею в виду.

Но я не понимал. У меня лично было много денег и никакой подружки. Поэтому я не имел ни малейшего представления о том, во что обошлось бы ее содержание.

— Значит, вы поставили перед собой благородную цель... нажить капитал и осчастливить тем самым своих будущих детей.

На это он рассмеялся, снова сверкнув зубами.

— Не пытайтесь выставить меня слишком хорошим, — поскромничал он. — Не буду вас обманывать. Я и сам не прочь жить получше... например, останавливаться в отелях или разъезжать на такси. Я попользуюсь всласть плодами своего труда, прежде чем оставить детям наследство.

Я вдруг осознал разницу в нашем материальном положении... то, о чем он мечтал, я привык принимать как должное. От такого осознания я почувствовал себя неловко.

— Да... Ну, мне пора. А какое оно?

— Какое что?

— Имя, которое вам дали ваши родители.

— Оно не такое уж замечательное, — состроил гримасу он. — Друзья зовут меня просто Дж.Р.

И с этим я поспешил к поджидавшему меня такси.

— Ну и к чему было все это? — спросил Эдвик, когда я опустился на сиденье.

— Мне просто стало любопытно, что же движет этими уличными торговцами.

— Ими? Зачем забивать себе голову всякой чушью? Это просто группка захудалых толкачей, грызущихся из-за гроша. Им никогда никуда не пробиться.

Неожиданная горячность в его голосе меня удивила. Он явно старался подчеркнуть свою непринадлежность к низшему сословию.

По правде говоря, высказанная Эдвиком оценка уличных торговцев вполне соответствовала моей первоначальной реакции на его собственные предпринимательские усилия с такси и самиздатовской фирмой.

И когда я поразмышлял над разговором с Дж.Р., то понял, что мне повезло даже больше, чем я думал раньше, когда взялся изучать магию... сперва под руководством Гаркина, а потом и Ааза. Вовсе не требовалось сильно напрягать воображение, чтобы представить себя на месте уличного торговца... при условии, что у меня хватило бы первоначальной энергии даже для этого.

Мысль эта была, впрочем, не особенно утешающей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не все финансисты одинаковы!

Р. Корман

— Так куда же мы направимся сегодня, господин Скив? Слова Эдвика прервали мои размышления, и я с трудом сфокусировал внимание на ближайшей задаче.

— Либо поговорить с магами, либо с финансовыми воротилами, — прикинул я. — Я надеялся, что ты как наш верный

местный гид посоветуешь, куда сунуться в первую очередь... и я просто Скив, а не господин Скив.

Это «господин Скив» начинало мне надоедать и в общении с коридорными, но там бесполезно пытаться что-то поправить. Если же мне предстояло следующие несколько дней разъезжать вместе с Эдвиком, то я счел нужным втолковать ему привычное мне обращение, чтобы не действовал мне на нервы.

— Ладно. Значит, Скив, — легко согласился таксист. — Так вот, с ходу, считаю, легче будет начать с финансовых кругов.

Я надеялся услышать от него другое, но, как отмечал ранее, нет смысла платить гиду, если не следуешь его советам.

— Идет. Я согласен. Но есть ли на то какая-то особая причина?

— Разумеется, есть. Прежде всего магией здесь занимаются многие. У нас есть школы, консультанты, кооперативы, артисты, организации по управлению погодой и защите жилищ... всевозможные их разновидности. И что еще важнее, они рассеяны повсюду. Мы можем прощупывать их целый год, и все равно мало чего добьемся. С другой стороны, финансистов не так много, и поэтому, если они вас интересуют, мы можем начать с них. Возможно, нам повезет и не придется иметь дело с магами.

Его небрежная лекция немного потрясла меня. Я только-только начал осознавать громадность задуманного мной дела. Я отвел лишь неделю, чтобы найти Ааза и убедить его вернуться. А теперь вот казалось почти невозможным управиться с этим за такой короткий срок, и все же я не мог позволить себе его увеличить, потому как помнил, что остальная команда борется без меня с королевой Цикутой. Я с усилием выкинул из головы всякие сомнения. Нужно по крайней мере попробовать. О том, что делать дальше, я подумаю в конце недели... не раньше.

— А какая другая причина?

— Простите?

— Ты сказал «прежде всего...» — обычно это подразумевает не одну причину.

Таксист метнул на меня через плечо быстрый взгляд.

— Совершенно верно. Ну, если честно, я чувствую себя не совсем уверенно в обществе магов... о присутствующих, конечно, не говорят. Прежде не было необходимости с ними общаться, и хотелось бы и впредь ничего здесь не менять. Но у меня есть приятель-финансист. Он, возможно, сумеет вам помочь. Как известно, большинство этих финансовых воротил знают друг друга. Я смогу устроить вам встречу с ним без предварительной договоренности.

Кальвин махал рукой, пытаясь привлечь мое внимание.

— Я бы не стал тебя беспокоить, — сказал он, — но твое время все-таки ограничено. Я ничего не имел против твоей болтовни с тем задрипанным уличным торговцем, но неужели ты и впрямь собираешься ухлопать полдня на разговоры с каким-то финансистом, который якшается с таксистами?

— Как ты познакомился с этим парнем? — поинтересовался я, не обращая внимания на слова джинна... хотя в какой-то степени был с ним согласен.

— Мы познакомились на аукционе произведений искусства.

— На аукционе произведений искусства?

Я старался не обнаружить в голосе свое недоверие, но оно каким-то образом проскользнуло. В ответ Эдвик развернулся на сиденье и посмотрел мне прямо в лицо.

— Да. На аукционе. А в чем дело? Думаете, я не способен ценить искусство?

Ящеры, запряженные в повозку, оказавшись предоставленными самим себе, принялись сворачивать к тротуару.

— Нет. Я хочу сказать, что раньше мне не приходилось встречаться с коллекционером произведений искусства. Сам я мало что понимаю в искусстве и поэтому удивился, вот и все. Не обижайся, — поспешно произнес я, пытаясь не напрягаться, когда такси побрело обратно на нашу полосу.

— Вы спросили. Именно там мы и повстречались.

Таксист снова обратил внимание на дорогу, лихо выводя нас на курс.

— Вы оба облюбовали одну картину?

— Он предложил поддержать половину называемой мной цены, чтобы я мог продолжать борьбу... только шла она не из-за картины. А скорее из-за того, что вы назвали бы литературой.

Теперь я пришел в замешательство.

— Литературой? Но я думал, ты говорил об аукционе живописи.

— Да, но один писатель предложил изобразить кого-нибудь из присутствующих в своей следующей книге. Я знал этого писателя... даже напечатал интервью с ним в одном из моих журналов... и поэтому очень любопытно было посмотреть, как у него получится отобразить меня. Так или иначе, в конечном итоге на торгах остались только мы двое, цены росли весьма круто. Я думал, мне придется сдаться.

— Вот тут-то финансист и предложил поддержать вашу цену?

— В действительности он сперва сделал предложение другому парню. К счастью для меня, тот другой протаскивал свою жену и потому не согласился на сделку. Вот тогда-то Мотылек и обратился ко мне.

— Минуточку, Мотылек?

— Он называл себя так. Даже на деловых карточках. Но как бы там ни было, если бы он не включился в торги, пришлось бы провести пару часов, болтая с сексапильной женушкой какого-то парня, вместо того чтобы...

С этого момента я слушал трепотню Эдвика вполуха. Финансист по имени Мотылек, поддерживающий на аукционах цены, предлагаемые таксистами. Мне не нужно было смотреть на Кальвина, чтобы представить, как джинн театрально закатывает глаза, в которых угадывалось трагическое «я ж тебе говорил». И все-таки чем больше я думал об этом, тем боль-

ше укрепился в своей надежде. Этот Мотылек мог оказаться достаточно эксцентричным, чтобы что-то знать об Аазе. Я счел, что тут стоит попробовать.

Как ни странно это может показаться, я нервничал из-за встречи с Мотыльком, как и Эдвик, по его словам, из-за общения с магами. С магами я имел дело не один год и знал, чего ожидать... или, если мой опыт сколь-нибудь значил, чего *не* ожидать. О финансистах я такого сказать не мог. Я понятия не имел ни во что лезу, ни как себя вести. Я попытался успокоиться, напомнив себе, что этот финансист в прошлом имел дело с Эдвиком и поэтому не мог быть *слишком* щепетильным. И все же обнаружил, что нервно поправляю свои чары личины, пока таксист звонил из прихожей Мотыльку. Я все еще разъезжал в виде пентюха, но использовал чары личины для улучшения своего гардероба, чтобы *выглядеть* своим человеком в денежных кругах.

Я зря беспокоился.

Мотылек не воплотил никаких моих заранее составленных представлений или страхов о том, каков должен быть финансист. Прежде всего вместо внушительного кабинета и стен, сплошь увешанных полками с книгами в кожаных переплетах и непонятными таблицами и графиками — как, по моему разумению, надлежало обитать солидному человеку, — он работал у себя на квартире, которая была поменьше моего кабинета, хотя и меблирована с большим вкусом. Да и одет он был небрежно: в брюках спортивного кроя и свитере пастельного цвета, — отчего я в моем тщательно продуманном и осуществленном с помощью чар личины прикиде почувствовал себя крайне неловко. К счастью, его обращение к нам оказалось теплым и дружеским, что несколько ослабило наше напряжение.

— Рад с вами познакомиться... Скив, не так ли? — протянул он руку.

— Да. Я... простите, что нарушаю ваш распорядок...

— Чепуха. Рад помочь. Я сам хозяин и себе, и своему времени. Пожалуйста. Присаживайтесь и чувствуйте себя как дома.

Однако, когда мы уселись, я понял, что не знаю, с чего начать разговор. Но Мотылек смотрел на меня с внимательным ожиданием, и я почувствовал, что обязан что-нибудь сказать.

— М-гм... Эдвик говорит, вы встретились на аукционе произведений искусства?

— Совершенно верно... хотя, признаться, для меня это было скорее прихотью. Эдвик куда более крупный коллекционер и знаток, чем я.

Таксист при этой похвале заметно приосанился.

— Заскочил я туда просто из любопытства. Прослышал, что аукцион пользуется репутацией весьма забавного, прихватил в банке пару тысчонок и отправился посмотреть. Аукционисты меня и в самом деле повеселили, торги шли довольно оживленно, но большая часть предлагавшихся произведений искусства не соответствовала моему декору. Поэтому когда выставили тот предмет...

Я попытался сохранять заинтересованное выражение лица, но мысли мои крутились не вокруг его рассказа. Я все размышлял о той непринужденности, с какой он произнес «прихватил пару тысчонок». Я лицезрел совершенно другого изверга, не такого, как Ааз. Мой старый партнер охотней расстался бы не моргнув глазом с парой пинт собственной крови, но не с золотом.

— ...Но в дальнейшем все обернулось к лучшему.

Мотылек заканчивал свой рассказ, и я, само собой, рассмеялся вместе с ним.

— Расскажите ему о своем друге, Скив.

— Совершенно верно. Я все мелю и мелю, а мы даже и не вникли в вашу проблему, — кивнул финансист, подавшись в своем кресле вперед. — Эдвик говорил, вы пытаетесь разыскать кого-то, возможно, известного своей деятельностью в наших финансовых кругах.

— Я не уверен, что вы сможете помочь, — начал я довольный, что мне не пришлось обращаться к моей теме самому. — Он уже не один год живет в другом измерении. Его зовут Ааз.

Мотылек задумчиво поджал губы.

— Имя это ничего мне не говорит. Конечно, в нынешние времена конгломератных корпораций и акционерных компаний имена мало что значат. Вы не могли бы сказать что-нибудь о его стиле?

— О его стиле?

— Как бы вы описали его отношение к деньгам? Он кто, азартный игрок? Любитель?

При этих словах я невольно рассмеялся:

— Ну, пожалуй, к нему более применимы такие слова, как «скаредный» и «прижимистый».

— Бывает «скаредный», а бывает и «осторожный», — улыбнулся Мотылек. — Наверно, вам лучше рассказать о нем побольше фактов, а уж я бы их проанализировал.

И я рассказал ему. Слова, стоило мне начать, сразу так и хлынули из меня.

Я рассказал ему о встрече с Аазом, когда он застрял в моем родном измерении Пент после неудачной шутки, лишившей его магических способностей, и о том, как он взял меня к себе в ученики после того, как мы сорвали план Иштвана захватить власть над измерениями. Я рассказал ему о том, как Ааз убедил меня добыть себе пост придворного мага королевства Поссилтум. И о том, как это привело к нашему столкновению с армией Большого Джули и к тому же окунуло меня в прелести бюрократической возни. Он сочувственно посмеялся, когда я рассказал ему, как мы с Танандой попытались похитить Приз Большой Игры в подарок Аазу на день рождения, и о том, как нам пришлось собрать свою команду и вызвать на матч две местные после того, как Тананда попалась на той краже. Его позабавило, как я влип, работая под короля Родрика, как заполучил в ученицы Машу, хотя больше всего его заинтересовало то, как мы нейтрализовали

стремления Синдиката проникнуть на Базар-на-Деве и стали в конечном итоге работать на обе стороны. Я даже рассказал ему о нашей короткой вылазке на Лимбо, когда Ааза обвинили в убийстве вампира, и о своей еще более короткой карьере игрока в драконий покер, вынудившей меня и моих друзей сражаться против Малыша Мятный Заход и Топора. И наконец я попытался ему объяснить, как мы расширили наше предприятие в корпорацию, и завершил свой рассказ описанием того, как Ааз ушел, оставив записку, в которой объявлял себя, лишенного способностей, никому не нужным.

Мотылек выслушал все это, и когда я наконец умолк, он много долгих минут оставался неподвижен, явно переваривая услышанное.

— Могу сказать вам только одно, — проговорил он наконец. — Ваш друг не финансист... ни здесь, на Извре, ни в любом другом месте, если уж на то пошло.

— Разве? Но он же всегда говорит о деньгах.

— О, быть финансистом — это нечто большее, чем разговоры о деньгах, — рассмеялся Мотылек. — Вся идея-то в том и состоит, чтобы заставить деньги работать через вклады. О вашем Аазе, пожалуй, с уверенностью можно сказать только то, что он большой дилетант по части денег. Скорее это вы показали заметные предпринимательские наклонности, успешно руководя компанией и направляя акции в другие виды бизнеса. Наверное, как-нибудь в будущем мы немного потолкуем о возможностях совместных вкладов.

Все это, разумеется, льстило моему самолюбию, и при других обстоятельствах я бы с удовольствием подробно потолковал с Мотыльком про обращение с деньгами. К несчастью, я не мог уйти от разочарования из-за сути сказанного... что он никак не сможет мне помочь разыскать Ааза.

— Спасибо, но пока мне лучше сосредоточиться на главном, а главное для меня сейчас — найти старого партнера.

— Сожалею, что не смог помочь, — произнес, поднимаясь на ноги, финансист. — Впрочем, скажу еще кое-что, Скив, если вы не возражаете против небольшого совета.

— Какого именно?

— Вы можете играть более активную роль в собственной жизни. Понимаете?.. Активную вместо реактивной.

Я резко остановился в уже открытой двери:

— Простите?

— Ничего. Это так, просто одна мысль.

— Ну а нельзя немного поподробней? Подождите, Мотылек! Не заставляйте меня голову ломать над вашей репликой.

— Вообще-то это не мое дело, — пожал плечами он, — но во время вашего рассказа я не мог не заметить, что вы, похоже, строите свою жизнь от кризиса к кризису и, вместо того чтобы активно влиять на происходящее, реагируете только на них. Ваш старый партнер и наставник свалился вам на шею, и вы двое объединили силы с целью остановить кого-то способного убить вслед за Гаркином любого из вас. Устроиться работать придворным магом вас заставил именно Ааз, и с тех пор вы всегда уступали давлению, реальному и мнимому, со стороны почти всех и вся в вашем окружении: Тананды, Маши, Синдиката, Торговой палаты Девы... даже этот, как там бишь его, Гримбл и тот вояка Плохсекир нажимали на вас. Мне просто кажется, что для столь преуспевающего деятеля, каковым вы являетесь, вы действительно не проявили большой находчивости или инициативы.

Его слова подействовали на меня подобно ушату холодной воды. Кто только из умников на меня не кричал, но спокойная критика Мотылька почему-то ранила меня глубже, чем все разносы, когда-либо полученные мной от Ааза.

— Все это не так просто... — начал было я, но финансист меня оборвал:

— Понимаю и вовсе не намерен учить вас жить. Боюсь, этим кто только не занимался. Вам ведь не раз приходилось сталкиваться с сильными натурами. И этот малый Ааз, похоже, преуспел в наставничестве более других. Так вот, я знаю, вы озабочены из-за вашей дружбы, но все же на вашем месте

крепко бы подумал, прежде чем приглашать его вернуться в мою жизнь, — во всяком случае, пока не определился бы в своей собственной жизненной позиции.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Как же получилось, что мне задают все эти тяжелые вопросы?

О. Норт

— Скив! Эй, Скив! Ты не мог бы немного потише?

Слова наконец пробились сквозь вызванный мной самим туман, и я замедлил шаг, давая Кальвину догнать меня.

— Уф! Спасибо, — произнес джинн, паря на своем уже привычном месте. — Я ж тебе говорил, что не очень силен. Даже парение, знаешь ли, требует энергии. Ты что, рекорды устанавливаешь?

— Извини, — коротко отозвался я, больше по привычке, чем по какой-то иной причине.

По правде говоря, в тот момент удобства джинна занимали меня далеко не в первую очередь. После того как мы вышли от Мотылька, я попросил Эдвика отвезти нас к отелю. Однако, вместо того чтобы подняться к себе в номер, я направился вперед по тротуару. Уличный торговец, с которым я ранее разговаривал, дружески помахал мне рукой в знак приветствия, но я ответил на это лишь кивком головы. Замечание Мотылька о моей жизни вызвало у меня в голове целый взрыв мыслей, и я счел, что быстрая прогулка поможет мне их упорядочить.

Уж не знаю, долго ли я шел, прежде чем мольба Кальвина резко сорвала меня с мысленной карусели. У меня остались лишь смутные воспоминания о том, как я проталкивался сквозь поток пешеходов и рычал на тех, у кого не хватало проворства вовремя убраться с моего пути. Полиция порадо-

валась бы при виде этого... всего два дня на Извре, и я уже ходил по улице словно местный.

— Слушай, ты не хочешь поговорить об этом? Присели бы где-нибудь, что ли?

Я посмотрел на джинна пристальней. Он действительно выглядел усталым, лицо у него сделалось полосатым от струек пота, а грудь так и вздымалась, когда он пытался перевести дух. Странно, сам я совсем не чувствовал переутомления.

— О чем поговорить? — буркнул я, сознавая, что слова выходят из меня с натугой и напряжением.

— Брось, Скив. Сказанное Мотыльком расстроило тебя. Не знаю почему, но мне его слова показались очень неплохим советом, но если ты выговоришься, будет легче.

— С чего мне расстраиваться? — огрызнулся я. — Он всего-навсего бросил вызов тем принципам, по которым я жил, и предположил, что мой лучший друг — самое худшее обстоятельство в моей жизни. С какой стати это должно меня волновать?

— Ни с какой, — невинно отозвался Кальвин, — если, конечно, он не прав. А то бы я понял, почему это все-таки тебя взволновало.

Я открыл было рот, чтобы опять сердито огрызнуться, но промолчал. Мне действительно нечего было сказать. Джинн огласил то, в чем сам я боялся себе признаться.

— ...И никуда от этого не убежишь! Тебе придется с этим разобраться прежде всего ради себя самого... да и не только, если уж на то пошло.

Голос Кальвина долетал до меня откуда-то сзади, и я сообразил, что снова ускорил шаг. И в тот же миг я понял, что он прав, я и в самом деле пытался убежать от вопросов, убежать в прямом и переносном смысле слова. С осознанием этого на меня одновременно обрушились психологическая и физическая усталость, и я сбавил скорость, почти остановившись посреди тротуара.

— Вот так-то лучше. Можем мы теперь поговорить?

— Разумеется. Почему бы и нет? К тому же у меня сильное желание чем-нибудь наполнить желудок.

Джинн театрально вздрогнул:

— Уй! Ты хочешь сказать, нам предстоит опять посетить ресторан? Призабыл, что случилось в прошлый раз?

Я невольно улыбнулся его иронии:

— Вообще-то я думал больше о выпивке.

Говоря это, я оглядывался по сторонам в поисках бара. На Извре одно хорошо: где бы ты ни оказался, всегда поблизости найдется хотя бы одно заведение, подающее спиртные напитки. Место, где оказались мы, не стало исключением. К тому же я настолько здесь освоился, что легко обнаружил такое заведение совсем рядом.

— Это местечко не хуже любого другого, — заметил я, взявшись за ручку двери. — Пошли, Кальвин, первый круг за мой счет.

Мое предложение было, конечно, шуткой, так как я не видел, чтобы джинн чего-нибудь ел или пил с тех пор, как я выпустил его из бутылки. Однако эта идея почему-то его взволновала, и он немного от меня поотстал, вместо того чтобы двигаться рядом.

— Подожди, Скив, по-моему, нам не следует...

Я не стал задерживаться, чтобы дослушать его. Какого черта, мысль-то эту подал он... в какой-то степени. Борясь с волной раздражения, я протолкался в помещение бара.

На первый взгляд заведение это казалось немного убогим. Так же как на второй и на третий, хотя мои глаза не сразу привыкли к тусклому свету. Зал был небольшим, места в нем едва хватало для полудюжины жавшихся друг к другу крошечных столиков. Стены украшали отклеивающиеся фотографии и вырезки, хотя что на них изображалось, я сказать не мог ввиду затемнявшей их поверхность глубоко въевшейся грязи. Вдоль одной стены шла небольшая стойка с табуретами, где сгорбились, беседуя с барменом, трое подозрительных на вид типов. Когда я обозревал заведение, они прекра-

тили разговор и бросали в мою сторону холодные, недружелюбные взгляды, хотя было неясно, что, собственно, вызывало их враждебность — что я просто незнакомец или что из иного измерения. Мне пришло в голову, что я по-прежнему ношу вызванный чарами личины деловой костюм, который определенно выделялся на фоне темных, потрепанных нарядов завсегдатаев. Я даже подумал, что это не самое подходящее место для тихой выпивки.

— По-моему, нам следует убраться отсюда, Скив.

Не знаю, когда Кальвин опять присоединился ко мне, но он снова парил рядом. Слова его отражали мои мысли, но из упрямства я вдруг занял противоположную позицию.

— Не будь снобом, Кальвин, — прошептал я. — К тому же идея-то где-нибудь посидеть принадлежала *тебе*, не так ли?

Прежде чем он успел ответить, я подошел к одному из столиков и плюхнулся на стул, подняв руку, сигналя бармену. Тот проигнорировал мой жест и вернулся к разговору с выпивохами.

— Брось, Скив. Давай поймаем такси и вернемся в отель, там и поговорим, — принялся уговаривать меня Кальвин. — Ты не в таком душевном состоянии, чтобы начинать пить. Это лишь ухудшит дело.

В его словах содержалось много здравого смысла. К несчастью, при том настроении, в каком пребывал я, он не играл никакой роли.

— Ты же слышал, что сказал Мотылек, Кальвин. Я позволял слишком многим вертеть моей жизнью, выслушивая их доброжелательные советы. Мне надо было почаще делать то, что хочется мне... а в данную минуту мне хочется именно выпить... и именно здесь.

Мне подумалось, что он станет спорить, но он вздохнул и опустился на мой столик.

— Как скажешь, — покорился он. — Наверное, каждый имеет право время от времени свалять дурака.

— Что будем пить?

Над моим столиком обрисовался бармен, избавив меня от необходимости придумывать сокрушительный ответ на шпильку Кальвина. Очевидно, теперь, утвердившись в своем праве не подходить, когда его зовут, он решил-таки взять у меня заказ.

— Я...

Мне вдруг расхотелось вина. К несчастью, я разбирался в выпивке так же плохо, как и в противоположном поле.

— ...О, дайте мне то, что пьют там у стойки.

Бармен крякнул, то ли одобрительно, то ли неодобрительно, и отбыл, вернувшись спустя несколько мгновений со стаканчиком жидкости, который бухнул на столик с такой силой, что часть содержимого выплеснулась через край. Может, я ничего и не разобрал, но стаканчик казался мне наполненным янтарной жидкостью с пузырьками, собиравшимися наверху в пену.

— Вам надо заплатить за порцию, — фыркнул он, словно это было оскорблением.

Я выудил из кармана пригоршню мелочи и, бросив ее на стол, потянулся рукой за стаканом.

Некоторые из вас, возможно, недоумевают, откуда у меня такая готовность экспериментировать с незнакомой выпивкой после всего сказанного мной о пище на Извре. Ну, по правде говоря, я в какой-то степени чувствовал, что моя затея кончится катастрофой. К тому времени я уже достаточно поостыл, чтобы признать правоту Кальвина насчет возвращения в отель, но помня, как только что шумел о независимости в решениях, не счел для себя удобным передумать. В какое-то мгновение мне пришло в голову, что если меня стошнит от новой выпивки, то это будет прекрасным предлогом для изменения прежнего решения. Вот с этим я и поднес стакан ко рту, и пригубил.

Ударившая мне по горлу ледяная вспышка вызвала такое удивление, что я невольно сделал еще один глоток... и еще один. Я и не сознавал, как мучит меня жажда после стреми-

тельной прогулки, пока не осушил стакан до дна, не отрываясь и не переводя дух. Чем бы там ни было это варево, оно показалось мне чудесным, а оставленный им слегка горьковатый привкус лишь напомнил мне, что я хочу еще.

— Прошу повторить мой заказ, — обратился я к все еще разбиравшему мои монеты бармену. — И нельзя ли принести его в сосуде побольше?

— Могу принести вам кувшин, — пробурчал он.

— Отлично... и возьмите тут немного лишнего за свои хлопоты.

— Ну... спасибо.

Настроение бармена и его мнение обо мне, похоже, улучшились, когда он проделал путь к стойке. Я поздравил себя с тем, что не забыл сказанное Эдвиком о чаевых.

— Думаю, будет назойливым указывать, что ты пьешь на пустой желудок, — сухо произнес джинн.

— Вовсе нет.

На сей раз я его опередил и, повысив голос, крикнул бармену:

— Послушайте! Вы не могли бы заодно принести мне немного воздушной кукурузы?

Большинство выложенных за стойкой закусок находилось в накрытых сеткой контейнерах — это исключало их выползание или выпрыгивание. Однако, войдя в бар, я заметил среди этих ужасов корзинку с воздушной кукурузой и специально взял ее на заметку, рассчитывая, что некоторые виды дрянной еды не меняются от измерения к измерению.

— Теперь доволен?

— Я был бы еще более доволен, если бы ты выбрал чего-нибудь менее соленое, — поморщился Кальвин. — Но полагаю, это лучше, чем ничего.

Бармен принес мне кувшин вместе с корзинкой воздушной кукурузы, затем отошел поздороваться с только что вошедшим новым посетителем. Я бросил в рот пригоршню воздушной кукурузы и принялся жевать ее, пока снова наливал

себе из кувшина. На самом деле кукуруза была приятной на вкус и вовсе не соленой, что заставило меня пересмотреть свое мнение насчет универсальности дрянной пищи. Но я решил не упоминать Кальвину про это открытие. Он и так уже достаточно суетился вокруг меня.

— Итак, о чем ты хочешь поговорить? — обратился я к нему, заставляя себя не сразу заливать воздушную кукурузу большим глотком из стакана.

Джинн откинулся назад и поглядел на меня, подняв бровь.

— Я вижу, твое настроение улучшилось, но все равно считаю, что это *тебе* хочется поговорить о том полезном совете Мотылька.

Как только он заговорил, мой пузырь легкомыслия лопнул, и прежняя депрессия обрушилась на меня с новой силой. Я не думая выдул половину стакана.

— Не знаю, Кальвин. Мотылек вызвал у меня большое уважение, я уверен, у него были хорошие намерения, но сказанное им породило в моей голове множество вопросов... тех, которыми я раньше никогда по-настоящему не задавался.

Я быстро опрокинул стаканчик, надеясь, что джинн не заметит, как быстро я выпивал это варево.

— Вопросов вроде...

— Ну, например... Что такое друзья?.. На самом деле? В тех редких случаях, когда затрагивают эту тему, все обычно говорят о том, как хорошо быть нужным. А я не уверен, знаю ли, что это значит на деле.

Каким-то образом мой стакан снова опустел. Я опять наполнил его.

— Чем больше я думаю об этом, тем тверже убеждаюсь, что если ты *действительно* нуждаешься в друзьях, то это признак либо слабости, либо лени. Тебе нужно, чтобы люди думали за тебя, или дрались за тебя, или еще чего-то в этом роде. То есть делали бы то, что по всем правилам тебе следовало бы делать самому. Вот и получается, что ты — паразит, пиявка, высасывающая силу и щедрость других.

Я поднес ко рту стакан, но обнаружил, что там пусто. Я заподозрил в нем течь и отставил на время в сторону, собираясь потом для пробы наполнить его вновь.

— С другой стороны, если друзья тебе *не нужны*, то какой от них прок? Друзья отнимают большую часть твоего времени и вызывают сильнейшую головную боль, так что если ты по-настоящему в них не нуждаешься, то зачем утруждать себя, обзаводясь ими? В смысле, если это они нуждаются в тебе, то ты поощряешь их быть паразитами, вместо того чтобы позволить им развивать собственные способности. Не знаю. А ты как думаешь, Кальвин?

Я махнул ему стаканом, обнаружив при этом, что он снова полон. Вот и вся моя твердая решимость. Я понял, что кувшин почти пуст.

— Трудно сказать, Скив, — рассуждал между тем джинн, и я постарался сосредоточиться на его словах. — Думаю, каждый должен сам найти ответ, хотя редко кто даже задается такими вопросами. По-моему, будет слишком примитивно пытаться приравнять заботу о ком-либо к слабости, точно так же как, на мой взгляд, неверно считать, что если мы научимся чему-то у друзей, то они будут контролировать наше мышление.

Он остановился и уставился на мою руку. Я проследил за направлением его взгляда и сообразил, что пытаюсь наполнить пустой стакан из пустого кувшина.

— Я думаю, — вздохнул он, — нам теперь *действительно* следует вернуться в отель. Ты заплатил по счету? У нас здесь все улажено?

— Был... э... один вопросик, — произнес я, выталкивая слова заплетающимся языком, который внезапно, казалось, обрел самостоятельность в решениях. — Что-то там о деньгах. Я неправильно использовал свои деньги.

— Ради всего святого, Скив! Говори потише!

— Нет, в самом деле! Вот... эти деньги...

Я повозился с поясом и высыпал золото на столик.

— ...И я что... счастливый, что ли? Пусть не я... все равно кто... в деньгах, что ли, счастье?

Никакого ответа не последовало, и я поморгал глазами, пытаясь вернуть в фокус Кальвина. Когда тот заговорил, голос его был напряжен, хотя и очень тих:

— По-моему, ты только что кого-то осчастливил, но, думаю, не себя.

Вот тут я и заметил, что во всем баре наступила тишина. Оглядевшись кругом, я с удивлением увидел, как много собралось народу, пока мы болтали. Смотрелась эта толпа малопривлекательно, никто не разговаривал друг с другом и ничего не делал. Они лишь стояли, глядя на меня... или, точнее, глядя на столик, покрытый моими деньгами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Чтоб ты лопнул, обжора! Я хочу сказать...

Робин

— Мне... думается, я допустил такти... тактическую... ошибку, — прошептал я с тем достоинством, какое сумел собрать.

— Что верно, то верно, — безжалостно съязвил в ответ Кальвин. — Ты забыл про первое правило выживания: не дразните зверей. Слушай, Скив, ты хочешь просто убраться отсюда или убраться отсюда с деньгами?

— Хочу... мои деньги. — Я был не *настолько* пьян... или настолько...

Джинн с досадой закатил глаза:

— Этого-то я и боялся. Придется потрудиться. Ладно, в первую очередь убери золото с глаз долой. Думаю, здесь они ничего предпринимать не станут. Тут слишком много сви-

детелей, и значит, на слишком много частей придется делить добычу.

Я послушно принялся собирать монеты. Мои руки потеряли сноровку, и сунуть деньги в пояс никак не удавалось, поэтому я удовлетворился рассовыванием их как попало по карманам.

В баре больше не царила тишина. Кругом тихо перешептывались, и гул голосов, когда кучки завсегдатаев склоняли головы друг к другу, казался зловещим даже мне в моем состоянии. По сумрачным взглядам в мою сторону было нетрудно догадаться, на какую тему шел у них разговор.

— Как я понимаю, беда нас ждет на выходе. Значит, весь фокус в том, как выйти незаметно. Закажи еще кувшин.

Только тут я понял, как много уже выпил. Мне на мгновение подумалось, будто джинн предложил...

— Ты хочешь, чтобы я...

— Закажи еще кувшин, но ни в коем случае не пей из него.

Это имело еще меньше смысла, но я выполнил его инструкции и сделал знак бармену, который доставил мне кувшин с впечатляющей скоростью.

Я заплатил ему монетами из кармана.

— Чего-то я не пойму, — мямлил я. — Зачем мне заказывать кувшин, когда ты говоришь, что мне не следует...

— Заткнись и слушай, — прошипел Кальвин. — Это для того, чтобы все здесь подумали, будто ты намерен еще долго тут торчать. А мы тем временем уберемся.

Это имело еще меньше смысла, чем выпить по новой.

— Но, Кальвин... их так много между нами и дверью! Они увидят, как я...

— Не через переднюю дверь, балда! Видишь тот маленький коридорчик в глубине бара? Он ведет к туалетам. Там есть черный ход, вероятно, выходящий в переулок. Вот этим-то маршрутом мы и воспользуемся.

— С чего ты взял, что там есть черный ход? — с подозрением спросил я.

— С того, что когда я захожу в незнакомый бар, то в первую очередь считаю выходы, — огрызнулся джинн. — Предлагаю и тебе обзавестись такой привычкой, если ты намерен продолжать пить.

— Больше не хочу пить, — сумел выговорить я, и мой желудок при этом внезапно взбунтовался.

— Молодец. А теперь спокойно. Мило и небрежно следуй в туалет.

Я сделал глубокий вдох в тщетной попытке прояснить голову, а потом встал... попробовал встать. Нога моя при этом зацепилась за стул, и я чуть не потерял равновесие. Мне удалось не упасть, но стул шумно свалился набок, вызвав несколько смешков у горлопанов за стойкой.

— Отлично, — утешил меня Кальвин, голос его, казалось, доносился откуда-то издалека. — А теперь вперед по коридорчику.

Совершенно неожиданно я сделался очень высоким. Двигаясь как мог осторожно, я нацелился на вход в коридорчик и устремился туда. Сумев пройти по нему, не прикоснувшись к стенам по обеим сторонам, я почувствовал небольшой прилив уверенности. Может быть, этот план Кальвина в конце концов сработает! Как он сказал, выход находился почти сразу за туалетами. Без всяких указаний я изменил курс и вытолкнулся в переулок, прикрыв за собой дверь. Все!

— Хоп!

— Что значит «хоп»? Разве ты не сказал, что мне надо...

— Вот здорово, что вы сунулись сюда, мистер!

Эти последние слова произнес коренастый изверг, один из шести преградивших нам путь из переулка. Очевидно, наш маленький спектакль одурачил не всех.

— Скив, я...

— Не важно, Кальвин. Я и сам разобрался, что значило это «хоп».

— Вам должно быть известно, что за проход через этот переулок надо платить.

Это говорил все тот же субъект. Если он и услышал мой разговор с Кальвином, то наверняка решил, что я разговариваю с самим собой, и, похоже, не особенно волновался по этому поводу.

— Совершенно верно, — вставил один из его дружков. — И мы полагаем, того, что у вас в карманах, должно хватить на оплату дорожного сбора.

— Быстро! Обратно в бар! — прошипел Кальвин.

— Сам догадался, — пробормотал я, нащупывая у себя за спиной дверь.

Я ее нашел... в некотором смысле. Дверь была на месте, но вот ручки с этой стороны не было. Очевидно, владельцы бара хотели, чтобы ею пользовались только для выхода. Восхитительно.

— Вопрос лишь в том, отдадите вы нам деньги тихо или нам придется отобрать их у вас?

Я и прежде сталкивался с громилами, солдатами и спортивными болельщиками, но полдюжины изврских грабителей — это уже слишком, они меня не на шутку испугали, и я решил, притом совершенно самостоятельно, что теперь самое подходящее время переложить эту проблему на другие плечи.

— Давай, Кальвин! Сделай что-нибудь!

— Что, к примеру? Я ж тебе говорил, что не мастер драться.

— Ну, сделай хоть ЧТО-НИБУДЬ! Ты же все-таки джинн!

Полагаю, в глубине души я знал, что критикой Кальвина не возьмешь. Однако, к моему удивлению, он откликнулся.

— Ладно уж! — поморщился он. — Возможно, вот это поможет.

И с этими словами сделал руками несколько пассов, и...

...И я протрезвел! Абсолютно протрезвел!

Я посмотрел на него.

— Это все, что я могу сделать, — пожал плечами джинн. — Дальше справляйся сам. Теперь хоть не придется драться пьяным.

Грабители начали поднимать с мостовой доски и куски кирпичей.

— Время истекло! — объявил их предводитель, направляясь ко мне.

Я улыбнулся Кальвину.

— Думаю, твое понимание дружбы близко к идеальному, — сказал я. — Впрочем, я хотел бы обсудить с тобой пару моментов.

— СЕЙЧАС? — завопил джинн. — Время едва ли подходящее... Берегись!

Предводитель шайки вскинул ручищи, намереваясь огреть меня с размаху подобранной где-то по дороге деревяшкой. Когда деревяшка со свистом устремилась к своей цели, то есть к моей голове, я описал рукой в воздухе между нами круг... и доска отскочила, словно наткнувшись на невидимую стену!

— Магический экран, — уведомил я разинувшего рот джинна. — Вроде силового поля, но не совсем. Ты ведь помнишь, я все же маг, не так ли!

При виде произошедшего нападавшие встали как вкопанные, некоторые даже отступили на несколько шагов.

— Да, пока не забыл, спасибо за вытрезвление, Кальвин. Ты прав. Так намного легче фокусировать мысль. Меня не раз выручали эти экраны. Их можно применять так, как я только что продемонстрировал, в качестве щита, или же...

Я внес в чары несколько быстрых поправок.

— ...расширить, превратив в стену или пузырь. Идем?

Я раздвинул экран и начал просто выталкивать стоящую перед нами шайку грабителей из переулка. Это было небольшой вариацией фокуса, которым я как-то в прошлом прервал драку на Большой Игре, — потому у меня и имелись все основания для уверенности в его результате. Я считал, что мы просто выйдем из переулка, удерживая грабителей на почтительном расстоянии, а потом кликнем такси и уберемся отсюда восвояси.

Главарь шайки повернулся и рысью рванул вперед, на несколько шагов опережая других.

— Ловко. Действительно ловко, — крикнул он, снова поворачиваясь лицом ко мне. — Не раскусил в тебе мага. Ну, посмотрим, справишься ли ты вот с *этим*, умник!

И с этими словами бандит вытащил из кармана куртки нечто похожее на пару губок для стирания с доски мела. Сперва я подумал, что он хочет попробовать бросить ими в меня, но вместо этого он хлопнул ими друг о друга над головой, осыпав себя тем, что походило на известку. Это было бы смешно... если бы он не выглядел таким сумрачным, когда снова двинулся на меня.

Просто для страховки я удвоил перед ним экран... и он прошел прямо сквозь него!

— Так я и думал! — крикнул он своим дружкам и остановился, миновав мою защиту. — Не такой уж высокий уровень. Переходите, ребята, на следующий, а то и выше... собственно, чем выше, тем лучше!

Мне следовало это предвидеть... может, я бы и предвидел, будь у меня побольше времени для размышления. Измерению, применяющему и магию, и технологию, обязательно должны быть доступны магические контрчары и оружие. К несчастью, мне предстояло узнать об этом из первых рук!

Другие члены банды дружно сунули руки в карманы и извлекли то ли амулеты, то ли баллончики-краскораспылители. У меня возникло ощущение, что мой магический экран теперь уже меня не защитит. Кальвин был того же мнения.

— Быстро, Скив! У тебя есть в запасе еще какие-нибудь фокусы?

Я всегда считал, что в критической ситуации лучше всего разыгрывать самую сильную карту. Все еще надеясь избежать настоящего насилия, я лишил экран энергии и перебросил ее на новую личину — сверхмускулистого изверга, более чем вдвое превышающего меня ростом.

— Вы, мальчики, *действительно* хотите, чтобы я повел себя круто? — крикнул я, стараясь изо всех сил сделать свой голос угрожающим басом. Я думал придать себе вид полицейского, но отбросил эту идею. При моем-то везении они, вероятно, сдадутся, и что мне тогда потом с ними делать? Я хотел заставить их бежать... убраться навсегда из моей жизни!

Это не сработало.

Я едва успел выкрикнуть свою угрозу, как большой кусок кирпича разодрал воздух у меня над головой... пройдя сквозь то, что было грудью моей личины.

— Чары личины! — крикнул бросавший. — Бейте его такого, каким мы видели его раньше!

Я счел, что настало время для демонстрации высшей доблести. Пытаясь сохранить четкость соображения — а это не так легко, как кажется, когда тебя атакуют полдюжины хулиганов, — я врубил чары левитации и рванул в небеса.

По крайней мере попытался рвануть.

Едва я успел подняться в воздух, как на голени у меня словно сомкнулись клещи.

— Я держу его!

Захват причинял боль, из-за чего мне было трудно сосредоточиться на чарах. К тому же этот день отнял у меня больше сил, чем мне представлялось. Обыкновенно я могу пролевитировать, и левитировал, двоих помимо самого себя... даже троих, поскольку одним из тех двоих была Маша. Однако при теперешней свалке мне еле-еле удавалось поднять самого себя и державшего меня за голень парня. Я старался поднять его в воздух, но что-то отскочило от моей головы и...

Земля врезалась в меня под невероятным углом, и я на какой-то миг увидел россыпь звезд. Давление на мою голень исчезло, но когда я открыл глаза, надо мной стоял главарь шайки с доской в руке.

— Неплохая попытка, умник! — презрительно фыркнул он. — Но недостаточно хорошая. А теперь давай-ка мне...

Внезапно он растянулся, потому что кто-то врезался в него сзади.

— Быстрей, господин Скив! Подымайтесь!

Я мгновенно сообразил, что это уличный торговец, с которым я говорил этим утром. Он нагнулся надо мной, повернувшись лицом к окружавшей нас банде.

— Скорее! Я не смогу один сдержать этих парней!

Я не был уверен, что встану, если захочу, но вынужден был отбросить всякую надежду избежать насилия. Приподнявшись на локте, я мысленно потянулся, схватил мусорный бачок и послал его лететь сквозь строй грабителей.

— Что за...

— Берегись!

Если они хотели физических методов, я это им устрою. Я мысленно схватил еще два мусорных бачка и кинул их в бой, заставляя все три летать взад-вперед в тесном переулке.

— Черт возьми! Я ж на вашей стороне! Помните?— крикнул уличный торговец, увертываясь от одного из моих снарядов.

Я вызвал немного добавочной энергии и набросил на нас обоих экран. Мне представлялось, что никто не подумает применять контрчары против мусорных бачков.

Еще несколько взмахов старыми мусорными бачками, и все было кончено.

С трудом переведя дух, я убрал экран и остановил свое нехитрое оружие. Четверо из нападавших на меня лежали, растянувшись на мостовой, а двое других удрали.

— Неплохая работа, Скив, — гаркнул Кальвин, появляясь откуда-то, где он укрылся, когда началась драка.

— С вами все в порядке, господин Скив? — спросил уличный торговец, протягивая мне руку и помогая подняться на ноги.

— Я... цел... благодаря тебе... Дж.Р., не так ли?

— Совершенно верно. Я шел домой и увидел, что они на вас насели. Силы были неравными, поэтому я решил помочь. Ну, дела! Я и не знал, что вы маг!

— В данную минуту очень благодарный маг, — сказал я, роясь в карманах. — Вот, возьми это. Считай это моим способом выражать благодарность.

— Прошу меня простить, — протянул джинн. — Но разве мы затеяли эту драку не с целью *сохранить* твои деньги?

Ему не следовало беспокоиться. Дж.Р. отшатнулся от золота так, словно я предложил ему яд.

— Я помог вам не ради денег! — бросил он сквозь зубы. — Я знаю, вы не хотели... Черт! Вы, богачи, все одинаковы. Думаете, ваши деньги... Слушайте, я привык деньги зарабатывать, понятно? Я не какой-то там бездельник, ищущий подаяния!

С этими словами он круто повернулся и зашагал прочь, оставив меня с вытянутой рукой, полной золота.

Это был бы прекрасный уход, если бы переулок не закупорила въехавшая туда повозка... повозка с красно-голубой мигалкой наверху.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Кто? Я, сержант?

Дж. Диллинджер

Я не понимаю, с какой стати нас задержали. Мы пробыли в полицейском участке много часов. Мы — это я, Дж.Р. и, конечно, Кальвин, хотя о существовании последнего полиция, кажется, не ведала, а я вовсе не испытывал желания ее информировать. Несмотря на наши протесты, нас без всяких разговоров привезли в участок. Грабителей привели в чувство и посадили в другую повозку, хотя я заметил, что с ними обращались менее вежливо, чем с нами. Но это мало утешало, поскольку нас задержали против нашей воли.

— Вот как? Тогда нам придется разобраться в этом повнимательней и докопаться до сути.

Сказал это субъект, допрашивавший нас, когда мы прибыли. Судя по почтительности, с какой обращались к нему другие полицейские, я счел его офицером. Он обладал дурным запахом изо рта, скверным настроением и невыносимым пристрастием повторять по нескольку раз одно и то же. Когда он опять затянул свое, я поборол порыв огрызнуться.

— Мы могли бы вменить вам в вину появление в общественном месте в нетрезвом виде.

— Я был трезв как стекло, — перебил я его, благодаря судьбу за помощь Кальвина.

— Есть много свидетелей, утверждающих, что в баре вы просто валились с ног.

— Я споткнулся о стул.

— Потом имело место, сами понимаете, нападение...

— Да говорю же вам, это они напали на меня! Я только оборонялся!

— ...и уничтожение частной собственности...

— Черт побери, это был мусорный бачок! Я заплачу за новый, если уж...

— ...не говоря уже о сопротивлении при аресте.

— Я спросил, куда нас везут. Вот и все.

— Арестовывавшие вас говорят иное.

Понимая, что мне в этом споре ничего не добиться, я совершил логически выдержанный поступок: выплеснул свою досаду на невинного зеваку. В данном случае ближайшей доступной мишенью оказался Дж.Р., дремавший на стуле.

— А ты разве не собираешься что-то сказать? — осведомился я у него. — Ты тоже причастен.

— Нет надобности, — пожал плечами уличный торговец. — Мы же не попали в беду или что-то в этом роде.

— Странно. Я-то думал, мы попали в полицейский участок.

— Ну и что? Они ведь не всерьез за нас взялись. Я прав, капитан?

Споривший со мной изверг бросил на него сумрачный взгляд, но, как я заметил, не стал опровергать сказанного.

— Ладно, Дж.Р., сдаюсь, — капитулировал я, по-прежнему наблюдая за капитаном. — Чего ты видишь в этой ситуации такого, чего не вижу я?

— А не происходит ничего похожего на регистрацию нашего задержания. Пробыли мы здесь долго, а нас не обвинили ни в каких преступлениях, — подмигнул он.

— Но капитан же сказал...

— Он сказал, что они *могли бы* и т.д. и т.п. Заметьте, что в действительности он этого не сделал. Поверьте, господин Скив, если бы нас собирались посадить в тюрьму, мы бы уже час назад были за решеткой. Они просто затеяли игру и тянут время.

Сказанное им казалось мне невероятным, учитывая кучу свалившихся на нас неприятностей, и все же я не нашел в его логике никаких изъянов. Я повернулся к капитану и поднял бровь.

— Это правда? — спросил я его.

Полицейский оставил меня без внимания и, откинувшись на спинку стула, пристально посмотрел сквозь полузакрытые глаза на Дж.Р.

— Ты много знаешь о полицейских порядках, сынок. Можно подумать, тебя уже гоняли.

По лицу уличного торговца расползлась презрительная усмешка, он встретил вызов во всеоружии.

— Всякого работающего на улице постоянно преследуют, — парировал он. — Именно так полиция охраняет высокопоставленных граждан от коммерсантов вроде меня, слишком бедных, чтобы позволить себе обзавестись магазином. Это и впрямь безопасней, чем хватать настоящих преступников, — те ведь и пристрелить могут. Нам следует быть благодарными защитникам правопорядка. Если б не они, измерение переполнили бы уличные торговцы и нарушители правил парковки.

Мне бы радоваться, что меня наконец оставили в покое после того, как совершенно допекли расспросами. К несчас-

тью, я долго пробыл Великим Скивом и в таком качестве больше привык находиться в центре внимания.

— По-моему, вопрос стоит так: предъявляют нам обвинение в каких-то преступлениях или нет? — решительно вмешался в разговор я. — Я все еще жду ответа.

Несколько мгновений капитан зло смотрел на меня, но когда я все же не отвел взгляд, он вздохнул.

— Нет, на этот раз мы не выдвигаем против вас никаких обвинений.

— Значит, мы можем уйти?

— Но сперва вам придется ответить еще на несколько вопросов. После этого вы...

— Эти «еще несколько» будут новыми вопросами или теми же самыми еще раз?

Полицейский прожег меня взглядом, но теперь, когда я знал, что опасность нам не грозит, искренне забавлялся происходящим.

— Новыми, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Ладно. Валяйте. Мишень для обстрела готова.

Я вдруг сообразил, что такой образ не очень удачен в помещении, где полно вооруженных полицейских, но это проскочило незамеченным.

Прежде чем продолжить, капитан шумно прочистил горло.

— Господин Скив, — официально начал он, — желаете ли вы выдвинуть обвинения против напавших, находящихся у нас под арестом?

Что за глупый вопрос? Конечно, желаю.

Кальвин неистово махал мне, показывая на Дж.Р. Уличный торговец качал головой, молча демонстрируя твердое отрицание.

— Гм... прежде чем я приму решение по этому вопросу, капитан, — увильнул я от прямого ответа, пытаясь понять ход мыслей Дж.Р., — вы не могли бы объяснить мне, что произойдет, если я не выдвину никаких обвинений?

— Тогда мы скорее всего продержим их до завтрашнего утра, но потом, допросив, разрешим уйти.

Такой гуманизм по отношению к пытавшейся меня ограбить шайке показался мне неуместным. И все же Дж.Р. знал, что делал, и я не собирался действовать вопреки просигналенному им совету.

— А если я *выдвину* обвинения? — поинтересовался я, пытаясь разобраться.

— Я не судья, — пожал плечами капитан, — и поэтому ничего не могу утверждать наверняка... но предположение на сей счет высказать нетрудно.

— Будьте любезны.

— Мы обвиним их в попытке нападения с целью ограбления и в нанесении тяжких телесных повреждений... но в покушении на убийство мы вряд ли сможем их обвинить.

Меня такой ответ вполне удовлетворил, но полицейский еще не закончил.

— ...Потом суд назначит адвоката, а может, он даже уже есть, и тот договорится об их освобождении под залог. Деньги они, вероятно, достанут у поручителя и уже до завтрашнего полудня будут на свободе.

— Что? Но они же...

— На назначение дня суда уйдет пара месяцев. К тому времени из всех улик останутся лишь ваши показания... а ребята эти мало того что местные, но и превосходят вас в численности.

До меня начало доходить.

— ...То есть если дело, конечно, дойдет до суда. Вероятно, произойдет какой-то торг за признание, и они признают себя виновными в менее тяжком преступлении, а это означает меньший срок с правом на досрочное освобождение под честное слово — если срок вообще не сделают условным сразу по вынесении приговора...

— Тпру! Погодите! Я лучше просто забуду о предъявлении обвинений.

— Так я и думал, — кивнул капитан. — Такой путь самый легкий для всех. В конце концов, вы ведь невредимы, да и деньги по-прежнему при вас.

— Но следующий, на кого они нападут, может оказаться не таким везучим, — сухо обронил я.

— Я не сказал, что такой поворот дела самый лучший, он всего лишь самый легкий.

Прежде чем я успел придумать на это остроумный ответ, в дверной косяк постучал полицейский в мундире и, войдя в помещение, вручил капитану лист бумаги. Когда тот пробежал его глазами, что-то в его сжатых губах заставило меня заволноваться.

— Ну и ну, господин Скив, — произнес наконец капитан, бросая бумагу на стол перед собой. — Похоже, вы не впервые имеете дело с полицией с тех пор, как прибыли в это измерение.

— Ого! — воскликнул Кальвин, закатывая глаза. — Вот оно, началось!

— Что вызвало это утверждение, капитан?

Предчувствие подсказывало мне, что прикидываться невинным совсем не лучший вариант. К несчастью, никаких других мыслей насчет того, как себя вести, у меня не имелось.

— Это вот только что полученный рапорт. Я сразу подумал, что не помешает свериться с другими участками и посмотреть, не слышали ли там о вас, и, по всей видимости, там слышали.

— Так вот почему они тянули время, — вставил Дж.Р. — Дожидались рапортов. Это называется полицейской оперативностью.

Капитан проигнорировал его:

— Согласно данному рапорту, у вас уже произошло два столкновения с полицией. В первый раз из-за подозрительного поведения на улице...

— Я проявлял вежливость, вместо того чтобы расталкивать других, — раздраженно прервал я его. — Сожалею, я здесь недавно и не знал, что в этом измерении принято грубить.

Вам следует вывешивать знаки или что-то в этом роде, предупреждающие людей, что на Извре быть вежливым — основание для преследования!

Капитан продолжал так, словно я не сказал ни слова.

— ...А позже в тот же день вы попытались уйти из ресторана, не заплатив за весьма дорогой ужин.

— Я упал в обморок, черт возьми! Как только я пришел в себя, я тотчас же заплатил за ужин, хотя не съел ни кусочка.

— А вот это само по себе выглядит немного подозрительно, — поджал губы капитан. — Зачем вы заказывали ужин, если не могли или не желали есть?

— Потому что я не знал, что не смогу его есть, когда заказывал его. Сколько раз вам повторять... Я здесь недавно.

— Угу. — Полицейский откинулся на спинку стула и изучал меня сквозь щелки глаз. — У вас на все найдется бойкий ответ, не так ли, господин Скив?

— Потому что это правда! Я что, выглядел бы менее подозрительным, если бы у меня *не было* ответов на ваши вопросы? Скажите, капитан, мне действительно это важно! Я знаю, что я не преступник, но вас-то как в этом убедить?

Капитан медленно покачал головой:

— Честно говоря, не знаю. Я давно на службе и научился доверять своей интуиции. Ваш рассказ *выглядит* достоверным, но интуиция подсказывает мне, что вы — ходячая беда, которая только и ищет, где бы ей случиться.

Я понял, что игра складывается не в мою пользу, и потому отбросил мысль убедить его в своей невиновности.

— Тогда конечный итог будет тем же, что и до прибытия рапортов. Вы намерены предъявить мне обвинения... или я волен уйти?

Капитан поизучал меня еще несколько мгновений, а затем махнул рукой.

— Идите. Катитесь отсюда... и захватите с собой своего уличного дружка. Только мой вам совет на будущее — не носите при себе столько наличных. Не дразните гусей.

Если бы я как следует подумал, то с тем бы и ушел. К несчастью, день вышел длинный и у меня накопилось столько усталости и раздражения... опасное сочетание.

— Спасибо за совет, капитан, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Мне казалось, полиция существует, чтобы защищать невинных граждан вроде меня... а не морочить головы людям дурацкими придирками. Можете мне поверить, урок я усвоил.

Все присутствующие полицейские внезапно напряглись, и я слишком поздно сообразил, что критиковать полицию тоже не стоит.

— Если мы не будем проверять подозрительных личностей *до того*, как они причинят неприятности, то нам останется только заполнять рапорты ПОСЛЕ совершения преступления, — зло сплюнул капитан. — Ваши «невинные граждане» всегда найдут на что пожаловаться!

— Извините, капитан. Мне не следовало...

Уж не знаю, понял ли он мою попытку оправдаться. Если да, то он никак на это не отреагировал.

— Видите ли, я тоже усвоил урок. Когда я впервые поступил на службу в полицию, то думал, не смогу найти в жизни более достойного дела, чем защищать невинных граждан... и я по-прежнему верю в это. Хотя уже тогда знал, что занятие это неблагодарное. А вот чего я не ожидал, так это неблагодарности «невинных граждан» вроде вас. Все вы почему-то склонны видеть врагов в полицейских.

Я решил не перебивать его. Он сел на любимый конек и понесся вскачь. Открыть сейчас рот будет так же опасно, как сунуться между мордой моего домашнего дракона Глипа и только что наполненной кормушкой.

— Все хотят, чтобы преступники сидели в тюрьме, но никто не хочет видеть тюрьмы в своем районе... или голосовать за налоги на строительство новых тюрем. Поэтому наши тюрьмы переполнены, и «невинные граждане» вопят «Караул!» всякий раз, когда судья дает условный срок или освобождает правонарушителя под честное слово.

Он встал и расхаживал теперь взад-вперед, распаляясь по мере углубления в любимую тему.

— Никто не видит несовершенных преступлений. Мы можем на девяносто восемь процентов снизить уровень преступности, и «невинные граждане» будут винить в этих последних двух процентах нас... будто это мы совершаем преступления! Никто не хочет сотрудничать с полицией или поддержать перераспределение налогов в сторону борьбы с инфляцией. И что тогда говорить о повышении эффективности нашей деятельности. Она и на нынешнем уровне еле держится, не говоря уже об увеличении штатов в соответствии с ростом населения.

Он умолк и навел обвиняющий перст на Дж.Р.

— И потом, есть «невинные граждане» вроде вот этого вашего приятеля, признавшегося, что он занимается незаконным бизнесом, без лицензии. А это означает, между прочим, что он *уклоняется* от уплаты налогов, хотя и ожидает от нас той же защиты, что и лавочники, которые их платят. Впрочем, большинство из них тоже норовят сжульничать.

Нам приходится следить за порядком и задерживать преступников, а ведь сотрудников у нас не хватает, да и технические наши средства давно устарели и разваливаются. Чуть ли не единственное, что у нас есть для работы, — это наша интуиция... и ту толком не дают использовать!

Он остановился передо мной и приблизил лицо вплотную к моему, овеяв меня еще раз своим дыханием. Я промолчал.

— Давайте-ка проверим теперь нашу интуицию. Сейчас я вас отпущу, но мне, думается, стоит проверить, кто вы такой, по другим измерениям. Если вы всего лишь, как утверждаете, невинный бизнесмен, то мы ничего не найдем... но если я окажусь прав, — он подарил мне зубастую усмешку, — и вы уже конфликтовали с законом, то выясним все подробности. Бьюсь об заклад, вы оставили за собой след из неприятностей, и ведет он прямо сюда. В таком случае нам придется

встретиться еще раз... и очень скоро. Я хочу, чтобы вы не меняли отелей и не пытались покинуть измерение, не уведомив меня, понятно? У вас должно быть постоянное местопребывание, *господин* Скив!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Расставание — это такая сладкая печаль.

Фигаро

Перспектива широкой проверки моей деятельности в иных измерениях меня встревожила, но не настолько, чтобы я забыл о хороших манерах. Во время драки в переулке Дж.Р. меня спас, и в течение всей этой полицейской эпопеи какая-то часть моего мозга искала способ его отблагодарить. Когда мы покинули полицейский участок, мне показалось, я его нашел.

— Слушайте, Дж.Р., — обратился я к нему, спускаясь по лестнице. — Насчет того бизнеса, которым вы хотите заняться... Какой капитал вам понадобится для начала?

Я увидел, как при моих словах у него напряглась шея.

— Я уже сказал вам, господин Скив, что не приму вознаграждения за спасение вам жизни.

— А кто говорил о каком-то вознаграждении? Я веду речь о вкладе в ваши деловые операции и получении доли прибыли.

Он встал как вкопанный:

— Вы это сделаете?

— Почему бы и нет? Я же бизнесмен и всегда стараюсь не упускать возможности финансировать новые предприятия. Тут самое важное найти достойного доверия главу предприятия, ведь речь идет о распоряжении вкладами. В данном случае вы

вполне убедительно мне доказали, что достойны доверия. Так сколько же вам надо для осуществления вашего плана?

Уличный торговец подумал несколько мгновений.

— Даже при финансовой поддержке я бы хотел начать с малого и постепенно наращивать обороты. С учетом этого... да. Думаю, тысяч пять золотом будет очень неплохо для начала.

— О, — глубокомысленно произнес я. Ставить под сомнение его расчеты я не собирался, но начальная стоимость оказалась выше, чем я ожидал. У меня имелась при себе пара тысяч, и большая часть этой суммы должна уйти на оплату услуг Эдвика и счетов в отеле. Вот тебе и величественный жест!

— Мне... э... надо будет подумать об этом.

У Дж.Р. вытянулось лицо.

— Да, разумеется. Ну, вы знаете, где меня найти, когда примете решение.

Он повернулся и не оглядываясь зашагал прочь по улице. Глупо было расстраиваться из-за невыполнения предложения, которого мне и делать не следовало, но я испытал неприятное чувство.

— Теперь нам самое время вернуться в отель... верно, Скив? — услышал я голос Кальвина.

С Дж.Р. я погорячился, но уж тут-то твердо решил сделать все как надо.

— Нет, — сказал я.

— Нет? — повторил словно эхо джинн. — Так куда же мы пойдем?

— В том-то вся и суть, Кальвин. *Мы* никуда не пойдем. *Я* отправляюсь обратно в отель, а *ты* вернешься на Джинджер.

Он подплыл ко мне на уровень глаз и, нахмурясь, чуть склонил голову набок.

— Что-то я не пойму. Зачем это мне возвращаться на Джинджер?

— Затем что ты выполнил свой контракт. Из чего следует, что ты волен удалиться, — потому, я полагаю, ты так и поступишь.

— Я его выполнил?

— Разумеется. Тогда в переулке ты применил чары и протрезвил меня перед дракой с теми громилами. На мой взгляд, это завершает твой контракт.

Джинн задумчиво погладил свою бороду.

— Не знаю, — усомнился он. — Чары-то были не ахти какие сильные.

— Ты никогда и не обещал сильных, — возразил я. — Кто горячо убеждал меня, будто почти ни на что не способен?

— Ах это, — махнул рукой Кальвин. — Это всего лишь стандартная шутка для клиентов. Чтобы не больно-то уповали на джинна. Ты бы изумился, узнав, чего только не ожидают от нас некоторые. Если нам удается их слегка осадить, то потом легче бывает произвести впечатление, когда хочется иной раз щегольнуть своим умением.

— Это сработало. Ты произвел на меня впечатление. Если бы ты не помог мне там в переулке, со мной бы разделались прежде, чем появился Дж.Р.

— Рад был помочь. Это представлялось мне менее опасным, чем участие в драке.

— Может быть, но, по моим понятиям, мы в расчете. Ты оказал мне помощь в ключевой момент. Это все, что требовал твой контракт... и даже больше.

Джинн сложил руки на груди и несколько мгновений сосредоточенно глядел куда-то вдаль.

— Послушай, Скив, — сказал он наконец. — Я ведь был тебе полезен, верно?

— Верно, — кивнул я, гадая, к чему он клонит.

— И был, в общем, неплохим обществом, не так ли? Правда, у меня есть склонность немного распускать язык, но ты ведь не возражал против моего присутствия.

— Опять верно.

— Так почему же ты пытаешься от меня избавиться?

Внезапно во мне сфокусировались все переживания минувшего дня. Добрый совет Мотылька, выпивка, драка, стычка с полицией — все это взорвалось во мне, и я потерял самообладание.

— Я НЕ ПЫТАЮСЬ ОТ ТЕБЯ ИЗБАВИТЬСЯ, — пронзительно закричал я на джинна, не замечая, как изменился мой голос. — Неужели ты думаешь, будто мне не хочется попрежнему видеть тебя рядом с собой? Думаешь, я не знаю, что мои шансы самостоятельно найти Ааза в этом чокнутом измерении почти нулевые? Черт побери, Кальвин, Я ПЫТАЮСЬ БЫТЬ С ТОБОЙ ЛЮБЕЗНЫМ!!!

— Гм... Может, попробуешь быть менее любезным и перестанешь орать?

Я сообразил, что оттеснил его через весь тротуар и прижал к стене силой своей «любезности». Сделав долгий, глубокий вдох, я попытался овладеть собой.

— Слушай, — осторожно проговорил я, — я вовсе не собирался на тебя орать. Просто...

По моему лицу пробежала капля влаги, и до меня дошло, что я готов зарыдать. Черт, вот-вот! Я уже начинал плакать. Я шумно прочистил горло, прикрывая рот рукой, и украдкой смахнул слезу, надеясь, что Кальвин не заметит. Если он и заметил, то был слишком вежлив, чтобы что-то сказать по этому поводу.

Я неровно втянул в себя воздух.

— Ты мне очень помог, Кальвин, больше, чем я мог надеяться, когда открыл твой пузырек. Советы ты давал здравые, и если я попал в беду, так это потому, что недостаточно к ним прислушивался.

Я умолк, пытаясь привести в порядок мысли.

— Я не пытаюсь от тебя избавиться... в самом деле. Больше всего мне бы хотелось, чтобы ты оставался со мной до тех пор, пока я не найду Ааза. Просто я не хочу злоупотреблять твоей дружбой. Я заручился твоими услугами путем самой

обычной сделки... по поводу которой ты не мог выразить свое мнение, если я правильно понял принципы Джинджера. Я знаю, мои слова о том, что наш контракт завершен, показались тебе немного холодными, но это только потому, что я боролся с желанием просить тебя остаться. Боялся, что если сделаю это, то поставлю тебя в неудобное положение... но на самом-то деле поставил бы в неудобное положение себя самого. Если бы я попросил тебя, а ты ответил отказом, то мы бы оба расстались с неприятным чувством, а ведь в остальном наше партнерство вполне устраивало нас обоих. Хуже этого, на мой взгляд, могло быть только одно — если бы ты согласился остаться из жалости. Тогда я чувствовал бы себя виноватым все время, постоянно бы помнил, что ты из-за меня забросил свои дела, потому что я настолько слаб, что не способен сам справиться с простой задачей.

Слезы теперь лились неудержимо, но я не утруждал себя попытками скрыть их. Меня это больше не заботило.

— Главное, за что я тебе благодарен, — продолжал я, — это за то, что ты составлял мне компанию. С тех пор как я попал в это измерение, я постоянно ощущал страх и одиночество... то есть ощущал бы их, не будь тебя со мной рядом. Я так боюсь ошибиться, что, вероятно, в критический момент могу просто оцепенеть в нерешительности, если кто-то не одобрит моих правильных действий или, напротив, не осудит моей глупости... Я себя чувствую неуверенно. Я даже не доверяю собственному мнению, не знаю, прав я бываю или нет в своих действиях! Беда в том, что в последнее время я был не на высоте и в дружбе. От меня ушел Ааз, команда М.И.Ф. думает, что я его бросил... черт, я даже Дж.Р. ухитрился обидеть, желая выразить ему благодарность с помощью бумажника.

Мне пришло в голову, что я начинаю говорить бессвязно. Кое-как проведя рукавом по мокрому от слез лицу, я заставил себя улыбнуться.

— Так или иначе, я не могу навязывать себя в качестве друга или делового партнера только ради того, чтобы ты сдерживал меня в трудную минуту. Это не значит, будто я не благодарен тебе за то, что ты сделал, или пытаюсь избавиться от тебя. Я бы оценил, если бы ты остался, но у меня нет никакого права просить тебя об этом.

Исчерпав все слова, я закончил вялым пожатием плеч. Как ни странно, облегчив душу и очистив мозг от беспокоивших меня мыслей, я почувствовал себя значительно лучше.

— Ты все сказал?

Кальвин по-прежнему терпеливо парил, сложив руки на груди. Может, мне почудилось, но в его голосе прозвучала резкость.

— Да. Извини, что так разошелся.

— Не беда. Лишь бы настал черед и моей подачи.

— Подачи?

— Просто так говорят, — отмахнулся он. — В данном случае это означает, что теперь моя очередь говорить, а твоя — слушать. Я уже пробовал раньше, но каждый раз, когда начинал, нас прерывали... или же ты оказывался пьян.

Я скривился от этих воспоминаний:

— Я не собирался напиваться. Просто дело в том, что я никогда...

— Эй! Что я сказал? Очередь теперь моя, — прервал меня джинн. — Я хочу сказать... секундочку.

Он сделал рукой размашистый жест и... вырос! Внезапно он стал таких же размеров, как и я.

— Вот так-то лучше! — промолвил он, потирая руки. — Теперь меня трудней будет игнорировать.

Я собирался было осведомиться о его «скромных» способностях, но последнее его замечание меня остановило.

— Извини, Кальвин. Я не хотел...

— Хватит! — отрезал он, махнув рукой. — Теперь моя очередь. Потом у тебя будет уйма времени побарахтаться в чув-

стве вины. А если и не уйма, то, уверен, все равно минутку ты выкроишь.

Звучало это неприятно, но я стих и жестом предложил ему продолжать.

— Ладно, — сказал он, — во-первых, в-последних и в-промежуточных, ты был не прав. Мне даже трудно поверить, что такой правильный парень может быть настолько не прав.

Мне подумалось, что я уже признал все погрешности в своих действиях. Кальвин сказал, что хочет получить возможность высказаться, и я собирался по мере сил не перебивать его. Уж это-то я обязан для него сделать.

— С тех пор как мы встретились, ты всегда говорил о правильном и неправильном слишком категорично. Согласно твоим взглядам, дела обстоят либо правильно, либо неправильно... и точка. Был ли Ааз прав, уйдя из фирмы?.. Стоит ли тебе его искать?.. Да, мой юный друг, жизнь не столь проста. Ты достаточно взрослый, чтобы знать это, и тебе следует это лучше усвоить, пока ты окончательно не свел с ума себя и всех, кто тебя окружает!

Он начал плавать передо мной, сцепив руки за спиной. Я предположил, что это соответствовало расхаживанию туда-сюда.

— Ты, как и любой другой, можешь быть одновременно и прав, и не прав. К примеру, прав с деловой точки зрения, но не прав с точки зрения гуманности. Миры сложны, а люди — безнадежно запутанный клубок противоречий. Условия меняются не только в зависимости от ситуации и от личности, но и от момента. Пытаться обмануть себя, думая, будто есть какая-то универсальная мера правильного и неправильного, просто нелепо... Хуже того, это опасно, потому что, когда она будет ускользать от тебя, ты всегда в итоге почувствуешь себя некомпетентным и неадекватным.

Хоть у меня и возникали трудности с пониманием сказанного им, эта последняя фраза пробудила знакомые воспоминания. Она с неуютной точностью описывала то, как я себя чувствовал чаще всего! Я постарался слушать еще внимательней.

— Ты должен принять как данность, что жизнь запутанна и полна разочарований. Что правильно для тебя, может быть неправильно для Ааза. Бывают даже времена, когда вообще никакого правильного ответа нет... приходится выбирать наименьшее из зол. Пойми это и не теряй зря время и энергию, гадая, почему это так, или бранясь, как это несправедливо... прими это как данность.

— Я... я постараюсь, — вздохнул я, — но это нелегко.

— Конечно, нелегко! — огрызнулся джинн. — А кто сказал, что легко? Ничего подобного. Иногда, может, не так трудно, как в иные времена, но всегда нелегко. Часть твоей проблемы в том, что ты вечно думаешь, будто все должно быть легко, и поэтому всегда считаешь легкий путь правильным. Вот свежий пример: ты знал, что будет трудно попросить меня остаться после того, как я выполню свой контракт, и поэтому решил, что правильней всего будет не просить... невзирая на то, как трудно тебе будет продолжать искать Ааза без меня.

— Но мне-то было бы легче, если бы ты остался...

— Совершенно верно. Это противоречие, — усмехнулся Кальвин. — Сбивает с толку, не правда ли? Забудь на время о правильном и неправильном. Чего хочешь *ты?*

Вот этот вопрос был легким.

— Мне бы хотелось, чтобы ты остался и помог мне разыскать Ааза, — твердо сказал я.

Джинн улыбнулся и кивнул.

— Ни под каким видом, — ответил он.

— Что?

— Я заикался? Я сказал...

— Я знаю, что ты сказал! — оборвал я его. — Просто то, что ты сказал... я имею в виду до того, как ты сказал...

— В твоей просьбе ко мне никаких сложностей нет... равно как и в твоих условиях. Просто я не намерен оставаться.

Теперь у меня голова совсем пошла кругом от недоумения, но я попытался сохранить ту малость спокойствия, какая у меня осталась.

— Но я думал... А, ладно. Полагаю, я ошибся.

— Нет, ты не ошибся. Если бы ты попросил меня сразу, я бы остался.

— Тогда почему же... — начал было я, но джинн взмахом руки велел мне помолчать.

— Извини, Скив. Мне не следовало дразнить тебя в такое время головоломками. Я изменил свое решение, когда ты объяснял, почему не стал меня просить. Ты сказал, что ощущал страх и неуверенность, что вполне нормально, учитывая все обстоятельства. Но потом ты кое-что добавил о том, как ты боялся доверять собственному суждению и поэтому нуждался в ком-то другом, говорящем тебе, прав ты или нет.

Он умолк и покачал головой.

— Я не могу на это пойти. Именно тогда я понял, что если останусь, то попаду в ту же ловушку, в какую угодили все остальные твои коллеги... ловушку неумышленного обдумывания решений за тебя, навязывания собственного мнения. Печально то, что на самом-то деле никто за тебя не думает. Ты сам решаешь, к каким советам прислушаться, а к каким нет. Беда в том, что думаешь ты о действиях вопреки советам, только когда попадаешь в неприятности... например, когда ты напился сегодня вечером. Любое правильное суждение побуждает тебя считать, будто решение принято твоими «советчиками». Я убедился, что ты правильный парень, Скив. Теперь тебе надо прежде всего убедиться в этом самому. Вот почему я намерен отбыть на Джиннджер и предоставить тебе разобраться с этой проблемой самостоятельно. Правильно это или нет, но приписать заслугу или разделить вину тебе будет некому и не с кем. Все целиком твое. Бьюсь об заклад, твое решение будет правильным.

Он протянул мне руку. Я взял ее и осторожно обменялся рукопожатием с этим субъектом, оказавшим мне такую большую помощь.

— Я... ну, спасибо, Кальвин. Ты дал мне много пищи для размышлений.

— Всегда рад услужить, Скив... действительно. Желаю удачи в розысках нашего друга. Да, слушай...

Он выудил что-то у себя из-за кушака и вложил мне в ладонь. Когда он отпустил этот предмет, тот вырос в полномасштабную визитную карточку.

— Вот мой адрес на Джинджере. Не теряй со мной связи... хотя бы просто сообщи, чем закончится это дело.

— Обязательно, — пообещал я. — Береги себя, Кальвин... и еще раз спасибо!

— Да, и еще одно... насчет возникающих у тебя проблем с друзьями. Не стремись быть сильным. Твоя настоящая сила в умении быть теплым, заботливым другом. Когда ты стараешься быть сильным, то кажешься холодным и бесчувственным. Подумай об этом.

Он в последний раз помахал мне, сложил руки на груди и растворился в воздухе.

Несколько мгновений я таращился в пустое пространство, а потом в одиночестве побрел обратно к отелю. Я знал, где он находится... а вот где находится Джинджер, я не знал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Доступен кредит на легких условиях.

Сатана

— Слышал, прошлым вечером на вас напали.

Я на какое-то мгновение растерялся, усаживаясь на заднее сиденье такси, и окинул таксиста долгим пристальным взглядом.

— И тебя тоже с добрым утром, Эдвик, — сухо отозвался я. — Да, спасибо, спалось мне отлично.

Мой сарказм в адрес водителя растворился в шуме... чему я был втайне рад. Иногда у меня возникают причины сомневаться в своем умении общаться с людьми.

— Просто об этом болтают, понимаете?

— Нет, не понимаю... но стараюсь.

Каким бы большим и многонаселенным ни казался Извр, весь он был опутан незримой паутиной сплетен.

Вышел я рано, надеясь поговорить с Дж.Р., но по дороге от моего номера до входной двери меня остановили двое коридорных и портье, уже знавших о моей вчерашней драке. Они, конечно, дружно выразили свое сочувствие... в разной степени. Насколько я помню, сочувствие портье прозвучало примерно так: «Мы охотно предоставим вам возможность хранить ценности в сейфе отеля, сэр... но не можем гарантировать их сохранности».

Восхитительно!

Я понял, что меня отнюдь не радует обсуждение похождений моей персоны всем населением. Особенно ввиду того, что закончились они в полицейском участке.

Эдвик, конечно, заметил мое нежелание обсуждать случившееся, но тем не менее, похоже, твердо решил не дать этой теме заглохнуть, когда мы тронулись в путь.

— Говорил же я, что надо взять телохранителя, — назидательно заметил он. — Носить с собой такие наличные — значит напрашиваться на неприятности.

— Забавно, полиция говорила то же самое... о наличных, я имею в виду.

— Ну, она права... между прочим. Здесь и без привлечения к себе лишнего внимания довольно опасно.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Спалось мне неважно, но за короткое время, что я провел в горизонтальном положении, мои мускулы сжались, и у меня все болело.

— Это я уже понял, — согласился я. — Ладно, теперь все позади. Кроме того, я и сам не так уж плохо постоял за себя.

— Насколько я слышал, кое-кто явился вам на выручку, — заявил напрямик Эдвик, — и даже тогда вам еле удалось отбиться. Но не заблуждайтесь насчет того, что все позади. Молитесь, чтобы удача не покинула вас и в следующий раз.

Я забыл о ноющих мускулах.

— В следующий раз? — переспросил я его, выпрямляясь на сиденье. — Какой еще следующий раз?

— Не хочу казаться пессимистом, — пожал плечами таксист, — но, по-моему, это очевидно. Те парни, которых вы потрепали, сегодня вернутся на улицу и, вероятно, не пожалеют времени и энергии, чтобы найти вас для повторного матча.

— Ты так думаешь?

— Кроме того, разлетелся слух, что вы носите с собой приличную пачку бабок. Это сделает вас приманкой для всех дешевых громил, не упускающих случая разжиться деньжатами.

Я об этом не думал, но сказанное Эдвиком имело смысл. Не хватало мне еще заботы постоянно следить, что делается у меня за спиной!

— Прости, что ты еще сказал? — переспросил я водителя, пытаясь сосредоточиться на его словах.

— Я только сказал, что вам следует нанять телохранителя... о чем твердил все время.

Верно, он *говорил* об этом раньше, и Кальвин его поддерживал. Сначала я отмахнулся от этой идеи, но теперь мне поневоле пришлось вновь обдумать всю ситуацию.

— Нет, — решил я наконец для себя. — Я не могу этого сделать.

— Почему? — недоумевал Эдвик.

— Ну, главная причина в том, что я не могу себе это позволить.

Таксист фыркнул:

— Вы, должно быть, шутите. С такими-то деньжищами?

— Это только кажется, будто их много, но в действительности все они уже предназначены тебе и отелю.

Такси опасно вильнуло, когда Эдвик повернулся на сиденье, уставившись на меня.

— Вы хотите сказать, что это все имеющиеся у вас деньги? Вы носите при себе все свое состояние?

Как ни был я расстроен, такая мысль заставила меня рассмеяться.

— Едва ли, — усмехнулся я. — Беда в том, что большая часть моих денег там, на Деве. Я захватил лишь немного, на карманные расходы. К несчастью, я недооценил здешних цен, и поэтому приходится внимательно следить за своими расходами.

— О, тогда это не проблема, — махнул рукой таксист, снова обратив внимание на дорогу. — Откройте здесь себе кредит.

— Чего-чего?

— Поговорите с банком и одолжите нужную вам сумму, опираясь на свои активы. Именно так я набрал денег на это такси... не говоря уже о других моих предприятиях. Черт побери! Если бы все вели операции только на основе наличных, это полностью бы разрушило экономику измерения!

— Не знаю, — заколебался я. — В этом измерении я ни с кем по-настоящему не знаком. Ты действительно думаешь, что банк согласится дать мне в долг?

— Есть только один способ это выяснить, — пожал плечами Эдвик. — Вот что я вам скажу... неподалеку отсюда находится филиал моего банка. Почему бы вам не заскочить поговорить с ними? Возможно, вас там удивят.

Сам банк выглядел не очень внушительно, средних размеров учреждение с рядом окошечек касс и несколькими разбросанными тут и там столами. Двери в стене напротив, надо полагать, вели в кабинеты и хранилища, но выкрашены они были в разные яркие цвета и смотрелись совсем не зловещими. Тем не менее я ощутил немалую нервозность, когда осмотрел внутреннее помещение. Там и тут попадались мелочи, опровергавшие умышленное легкомыслие декора. Обращали на себя внимание, например, телекамеры, стоявшие по углам на высоких подставках и постоянно обводившие объективами все помещение, очевидно, следя за поведением кассиров

и посетителей. Самих кассиров надежно ограждали от посетителей высокие панели из обычного с виду стекла, и операциями они занимались через хитрое устройство со щелкой и выдвижным ящиком на каждой кассе. Однако наблюдательный человек вроде меня не мог не заметить, что степень искажения предмета, когда смотришь на него через стекло, свидетельствует о том, что стекло намного толще, чем может показаться на первый взгляд. К тому же по всему помещению болтались охранники, увешанные с головы до ног оружием, вовсе не похожим на церемониальное или декоративное. Здесь переходило из рук в руки великое множество денег, и прилагались значительные усилия, чтобы исключить любые нежелательные эксцессы.

У меня возникло предчувствие, что делом, с каким пришел я, не станет заниматься кассир за стойкой. И верно. Когда я спросил, меня тут же препроводили через одну из ярко окрашенных дверей в отдельный кабинет.

Когда я туда вошел, сидевший передо мной за столом субъект поднялся и приветливо протянул руку. Он был безупречно одет в деловой костюм достаточно консервативного покроя... особенно для изверга, и так и искрился радушием, граничащим с елейностью. Несмотря на зеленую чешую и желтые глаза, он напомнил мне Гримбла, королевского казначея, с которым я когда-то враждовал в Поссилтуме. Я подумал, не общая ли эта черта у всех хранителей денег повсюду... возможно, тут оказывал какое-то действие гроссбух. Если так, то это не предвещало мне ничего хорошего... с Гримблом мы никогда не ладили.

— Заходите-заходите, — промурлыкал субъект. — Присаживайтесь, пожалуйста, господин...

— Скив, — представился я, опускаясь в предложенное кресло. — И просто Скив, а не господин Скив.

Я никогда не приходил в восторг от официальности обращения, а после того как его не раз прошипела в мой адрес

полиция прошлой ночью, у меня и вовсе развилось к нему отвращение.

— Конечно-конечно, — кивнул он, вновь усаживаясь. — Меня зовут Малькольм.

Наверно, все это из-за сходства с Гримблом, но его привычка повторяться все более и более меня раздражала. Напомнив себе, что я хочу добиться от него услуги, я сделал над собой усилие, чтобы отогнать это чувство.

— Чем можем быть вам полезны?

— Малькольм, я бизнесмен и прибыл сюда, на Извр, с визитом, — начал я, чувствуя, что невольно перехожу на официальный тон. — Мои расходы возросли из-за непредвиденных обстоятельств, и, откровенно говоря, мой запас наличных меня не удовлетворяет. Некто высказал предположение, что я смогу открыть кредит в вашем банке, и поэтому я зашел выяснить, возможно ли это сделать.

— Понятно.

Он окинул меня взглядом, и радушия в кабинете поубавилось. Я вдруг почувствовал, будто меня раздели.

После исключительно тщательной экипировки для беседы с Мотыльком я решил впредь держаться своей нормальной, удобной, неофициальной внешности. Я предусмотрел, что банкиры будут поконсервативнее финансистов и что в банке, вероятно, установлено оборудование для выявления чар личины, и поэтому будет мудрее, если я стану держаться наиболее открыто и честно. Благодаря инструкциям Банни, моей секретарши, по части гардероба мне не приходилось стыдиться своей одежды, но я, вероятно, все же отличался от большинства бизнесменов, с которыми Малькольм привык иметь дело. Его визуальный анализ моей персоны напомнил мне о быстром, но внимательном взгляде, каким меня окинул недавно полицейский. Только взгляд банкира был еще более цепким. У меня возникло ощущение, что он способен определить, сколько денег у меня в карманах вплоть до мелочи.

— Так по какому профилю, говорите, вы работаете, господин Скив?

Я заметил, что опять всплыло это «господин», но не стал спорить.

— Я маг... На самом деле я президент ассоциации магов... корпорации.

Тут я сумел остановиться прежде, чем начал тараторить. Я давно заметил в себе склонность молоть языком, когда нервничаю.

— И как же называется ваша корпорация?

— Гм... М.И.Ф.

Он кратко записал данные в блокнот.

— Ваша штаб-квартира на Пенте?

— Нет. Мы базируемся на Деве... На Базаре.

Он взглянул на меня, подняв брови, а потом спохватился и восстановил самообладание.

— А позвольте поинтересоваться, с каким банком на Деве вы сотрудничаете?

— С банком? Боюсь, я не в курсе. Этой стороной дела занимаются Ааз и Банни... наш финансовый отдел.

Мои надежды на кредит, похоже, вылетели в трубу. Я не знал наверняка, сотрудничали ли мы вообще с какими-то банками. Ааз же считал, и я на этом настаивал, что деньги всегда должны быть под рукой. Я не мог представить себе банк, желающий иметь дело с тем, кто или не доверяет банкам, или готов ограничиться только заявлением о своей денежной наличности... даже если бы я смог указать ее сумму.

Банкир изучал свои заметки.

— Конечно, как вы понимаете, нам придется все проверить.

Я начал подниматься. Мне больше всего на свете хотелось убраться из его кабинета.

— Разумеется, — согласился я, пытаясь сохранить толику достоинства. — Сколько времени это займет, чтобы я знал, когда мне снова связаться с вами?

Малькольм небрежно махнул мне рукой, поворачиваясь к клавишам компьютера на письменном столе.

— О, это вообще не займет времени. Я просто воспользуюсь этим компьютером и быстренько загляну куда надо. Ответ должен быть через пару секунд.

Я не мог решить, удивляться мне или тревожиться. Победило удивление.

— Но ведь моя контора на Деве, — без надобности повторил я.

— Совершенно верно, — рассеянно отвечал банкир, деловито стуча по клавишам. — К счастью, компьютеры способны видеть и работать сквозь барьеры между измерениями. Весь фокус в том, чтоб заставить их это делать, когда надо тебе, а не когда у них самих возникает такое желание.

Из разных мыслей, закружившихся у меня в голове при этой новости, выделилась только одна.

— А у полиции есть компьютеры?

— Не такого качества и не с такими возможностями.

Он высокомерно улыбнулся мне, не разжимая губ.

— У государственных служб нет доступа к тем финансовым ресурсам, какие есть у банков... А! Вот мы и получили.

Он нагнулся вперед и прищурился, глядя на экран компьютера, невидимый с того места, где я сидел. Я гадал, случайно ли таким образом прегражден обзор для посетителей, но, подумав, счел этот вопрос глупым.

— Впечатляюще. В самом деле очень впечатляюще.

Он бросил на меня быстрый взгляд:

— Можно полюбопытствовать, кто занимается вашим портфелем?

— Моим портфелем? Не понимаю, о чем вы? Я ведь маг... как уже говорил.

— Маг. Ну да, конечно. Скив... вы ведь не против, если я буду вас так называть?

Банкир рассмеялся, словно услышал нам одним понятную шутку.

— Я имел в виду ваш портфель акций и вкладов.

К нему вернулось первоначальное радушие... которое, впрочем, возрастало. Что бы он там ни увидел на экране, оно определенно улучшило его мнение обо мне.

— О, это Банни. Она мой секретарь.

— Надеюсь, вы хорошо ей платите. Иначе другая фирма может сманить ее у вас.

По его тону я догадался, какую именно фирму он имел в виду.

— И кроме того, она еще владеет акциями нашего предприятия, — прозрачно намекнул я.

— Конечно-конечно. Просто мысль. Ну, го... Скив, уверен, мы сможем обеспечить вас адекватной финансовой поддержкой в течение вашего пребывания на Извре. Более того, я надеюсь, вы будете помнить о нас, если когда-нибудь захотите открыть здесь филиал и вам понадобится оформить местный счет.

У извергов исключительное число зубов, и Малькольм решил показать мне их все, не пропустив ни единого. Мне это, разумеется, польстило. Я знал, что наше предприятие действует успешно, но никогда не утруждал себя анализом, насколько успешно. И если реакция банкира может служить точным мерилом, то мы, должно быть, и впрямь были на высоте!

— Если подождете здесь минутку, Скив, — сказал он, выскакивая из кресла и направляясь к двери, — я пойду распоряжусь о необходимых бюрократических формальностях. Прежде чем вы уйдете, мы должны приготовить для вас чековую книжку и нашу специальную, чисто золотую кредитную карточку.

— Погодите, Малькольм!

Все так стремительно завертелось, что я решил, пока не поздно, уточнить кое-какие детали.

Банкир остановился, словно его дернули за поводок.

— Да?

— Как вы, вероятно, заметили, я не больно силен в финансовых терминах. Вы не против разъяснить мне понятие «адекватная финансовая поддержка»... как-нибудь попроще.

Улыбка исчезла, и он нервно провел языком по губам.

— Ну, — проговорил он, — мы сумеем покрыть ваши повседневные расходы, но если вам потребуется существенное финансирование... скажем, больше семизначной цифры, то мы должны получить об этом заблаговременное предупреждение, скажем за сутки.

Семизначная цифра. Он говорил, что банк готов ссудить мне десять миллионов... и больше, если я предупрежу их за сутки. Я твердо решил по возвращении в контору попросить Банни растолковать мне наше финансовое положение!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Об успехе человека можно судить по его телохранителям!

Принц

Мой успех в банке произвел заметное впечатление на Эдвика. И правильно. На меня он тоже произвел впечатление.

— Вот это да! Карточка из чистого золота! Я слышал про такие, но никогда раньше не видел ни одной своими глазами! — воскликнул он, когда я гордо предъявил свой трофей. — Совсем неплохо для парня, думавшего, что банкиры не захотят с ним даже разговаривать.

— Я первый раз имею дело с банком, — с важным видом обронил я. — Откровенно говоря, я даже не знал про кредитные карточки, пока Малькольм не объяснил мне, для чего они.

Таксист нахмурился:

— У вас никогда раньше не было кредитной карточки? Могу сказать на это только одно — будьте осторожней. К ним

легко привыкнуть, а если превысишь кредит, банкиры могут стать дельцами круче деволов.

— Круче деволов?

Это мне не понравилось. Деволы были для меня сродни дьяволам... простите за каламбур. И я принялся размышлять, *не мало ли я задал вопросов, прежде чем принимать услуги* банка.

— Не беспокойтесь об этом, — дружески хлопнул меня по спине Эдвик. — С вашими деньгами нельзя потерпеть фиаско. А теперь займемся-ка поиском телохранителя.

— Гм... извини, но мне кое-что пришло в голову!

— Что именно?

— Раз у меня теперь чеки и кредитная карточка, то и не требуется таскать с собой уйму наличных.

— Да. И что?

— Ну, если я не таскаю уйму наличных, то для чего мне телохранитель?

Прежде чем ответить, таксист задумчиво потер подбородок.

— Если у тебя с банком соглашение и ты не таскаешь с собой крупные бабки, это еще не значит, что об этом знают грабители.

— Хороший довод. Я...

— К тому же уверен, банда все равно будет гоняться за вами из-за той трепки, какую вы задали ей прошлой ночью.

— Ладно. Почему бы нам не...

— И где-то в районе вашего отеля все еще болтается убийца с топором...

— Хватит! Картина ясна! Поехали искать телохранителя.

Мне пришло в голову, что если я буду долго слушать Эдвика, то либо захочу нанять не одного телохранителя, либо решу вообще не высовывать носа из своего номера.

— Хорошо, — изрек мой гид, потирая руки, когда такси сделало уже знакомый вираж. — Думаю, я знаю нужную особу.

Когда я откинулся на спинку сиденья, то подумал, что Эдвик, вероятно, получит магарыч с того телохранителя, с которым меня сведет. Это могло бы объяснить его энтузиазм по поводу нашего предстоящего знакомства. Я прогнал эту мысль как ненужное подозрение.

Бдительный читатель, возможно, заметил, что, за исключением туманного упоминания о толстой даме в универмаге, я абсолютно ничего не сказал об извергах женского пола. На то есть причина. Честно говоря, они меня пугают.

Так вот, не поймите меня неправильно, и изверги мужского пола достаточно страшные, как вам должно быть известно из моих описаний внешности Ааза. Они крупные, мускулистые и с легкостью могут сломать тебя пополам. И все же они обладают грубоватым и неуклюжим чувством юмора и не прочь немного погрозить для вида. В общем, они напоминают мне определенную разновидность ящера, который надувается и шипит, когда ему угрожают... он может нанести болезненный укус, но предпочел бы, чтобы ты убрался.

Изверги женского пола совсем другие. Глаза у них поуже и отставлены на голове подальше, отчего вид получался более... рептильный. Они никогда не улыбаются, не смеются и *очень* прямолинейны. Короче, по виду и поведению они кажутся опасней своих мужских эквивалентов.

Кто-то, может, гадает, почему это мне вдруг именно сейчас вздумалось распространяться насчет извергинь. Но некоторые читатели наверняка сообразили, в чем дело. Так вот, для тех, кто не догадался, скажу, что телохранитель, с которым познакомил меня Эдвик, оказался женского пола.

Мы нашли ее в баре, точнее, в комнате отдыха, которую, как уведомил меня таксист, она использовала в перерывах между наймами в качестве конторы. Когда мы приблизились к ее столику, она не шелохнулась и даже глазом не моргнула, а это, как сообразил я, означало, что она наблюдала за нами с той самой минуты, как мы прошли через дверь. Эдвик без

предупреждения опустился на свободный стул и жестом предложил мне занять другой.

— Это Скив... тот пентюх, о котором я тебе рассказывал, — представил он меня, а затем повернулся ко мне. — Скив, вот это и есть телохранитель, которого я рекомендую. Возможно, бывают и получше, чем она, но я их не знаю. Она мастер по части защиты от физических или магических нападений.

С этими словами он откинулся на спинку стула, предоставив нам оценивающе разглядывать друг друга, словно два хищника, встретившиеся у только что убитой добычи.

Насколько мне известно, извергини бывают двух типов. О другом я расскажу позже, но телохранительница определенно принадлежала к типу худощавых и жилистых. Даже сидя я определил, что она высокая, во всяком случае, выше меня. В то время как изверги вроде Ааза сложением напоминают каменный столб, она была тонкой и гибкой как плеть... рапира в сравнении с кувалдой. Я упоминал, что мужчины у них похожи на ящеров, ну а она заставила меня подумать о ядовитой змее... изящной и роскошной, но не привлекательной. Носила она доходящую до талии накидку — типа пончо, но более распахнутую спереди, так что под ней был виден облегающий комбинезон. Даже мне, ничего не смыслящему в насилии, было ясно, что накидка идеально обеспечивает внезапное возникновение и исчезновение любого оружия. В общем, она произвела на меня впечатление самой *убийственной* женщины, какую я когда-либо встречал... с учетом того, что встречал я не так уж много зеленых, безволосых и чешуйчатых женщин.

— Я слышала, вы пьете, — сказала она напрямик, нарушив молчание.

— Не сильно... и после прошлой ночи не часто, — отозвался я.

И заработал за это короткий кивок.

— Хорошо. Девушке надо следить за своей репутацией.

Мне и в голову не могло прийти, что она подразумевает свои отношения со мной. Просто она имела в виду, что если со мной что-нибудь случится, пока она меня охраняет, то пострадает ее профессиональная репутация. И более того, она не хотела рисковать ею из-за дурака. Так как сам я склонен слишком много болтать, то на меня произвела впечатление точность ее суждений при поразительной немногословности.

— Когда-нибудь работали с телохранителем?

— Да. У меня есть двое, там, на Деве. Они... ну, в общем, были заняты в другом месте, и поэтому я отправился на Извр один.

В глазах у нее вспыхнул на миг огонек, а губы слегка сжались — больше ничем она не выразила своего мнения о телохранителях, позволивших мне отправиться на Извр без сопровождения. Она продолжала, постепенно углубляясь в суть дела.

— Хорошо. Значит, основной порядок вам уже известен. Я работаю так: хожу туда, куда ходите вы, и сплю там, где спите вы. В дверь иду впереди вас, если не прикрываю ваш выход, и пробую все, что вы намерены отправить в рот. Ясно?

— Думаю, в данном случае тебе не придется беспокоиться из-за яда, — заметил Эдвик, — только грабители и...

Она оборвала его мимолетным взглядом.

— Если он платит за полный набор, то и получит полный набор. Ясно, Скив?

— Насчет прикрывания моего выхода... как это можно устроить, если неизвестно, что меня ожидает за дверью?

Я думал о том, как угодил в ловушку, ускользнув вчера из бара.

— Я прикрываю вас до двери, потом вы посторонитесь, давая мне пройти вперед, чтобы проверить выход. Если там засада, я вам скажу, куда мы двинемся... на выход или обратно.

— Ясно.

— Есть еще вопросы?

— Если вы готовы меня сопровождать примерно неделю, — сказал я, — я не против вас нанять.

— Разве вы не хотите узнать, какой я беру гонорар за свои услуги?

Я пожал плечами.

— Зачем? На меня вы произвели солидное впечатление. Я готов заплатить вам любую сумму. — Я умолк, а затем улыбнулся. — Кроме того, вы, как мне кажется, не из тех, кто взвинчивает цены при виде богатого клиента или выторговывает у него лишнее.

За это я заработал короткий спокойный взгляд.

— Я берусь за эту работу, — сказала наконец она. — И вы правы. Я не торгуюсь и не раздуваю счет. Таковы мои принципы, и они меня украшают.

Я не был уверен, считать эти слова шуткой или нет, но решил, что это максимум юмора, на который она способна, и оценивающе рассмеялся.

— Еще одно... как вас зовут?

— Пукантимбусилль.

— Простите? — моргнул я.

Она пожала плечами:

— Зовите меня просто Пуки. Так легче.

— Пуки?

Сперва такое имя показалось мне до смешного глупым. Затем я снова окинул ее взглядом и счел, что это ее дело, как она хочет, чтобы ее называли. Если кто и засмеется по этому поводу, то только не я.

— Тогда, значит, Пуки... просто хочу увериться в правильности произношения. Едем?

Я велел Эдвику отвезти нас обратно к отелю, испытывая некоторую опустошенность из-за того, что так мало продвинулся в розысках Ааза. Впрочем, сегодня мне предстояло еще позаботиться об одном небольшом дельце.

Для разнообразия мне, похоже, сопутствовала удача. Когда такси затормозило перед отелем, я увидел Дж.Р. на его

обычном месте у входа. Я счел это везением, поскольку не знал, где его найти. Поймав его взгляд, я помахал ему из окошка рукой. К несчастью, Пуки не увидела, как я махал. Она увидела лишь уличного торговца, двигавшегося нам наперехват, когда мы вылезли из такси.

— Пуки! НЕТ!

Я едва успел. Моя телохранительница извлекла зловещее с виду оружие и прицелилась в Дж.Р. раньше, чем я успел что-нибудь сказать. Однако в ответ на мой крик она застыла и метнула на меня вопросительный взгляд.

— Все в порядке, — поспешно заверил ее я. — Он мой друг. Подошел, потому что я помахал ему, когда мы подъехали.

Оружие исчезло, и она смерила уличного торговца пристальным оценивающим взглядом.

— Интересные у вас друзья.

— Он-то меня и спас при столкновении прошлой ночью с местными громилами. Задержись он немного... но теперь мне надо провернуть с ним небольшое дельце.

Пуки кивнула и начала обводить бдительным оком прилегающую местность, когда я повернулся к Дж.Р.

— Интересные у вас появились друзья, — проговорил тот, глазея на мою телохранительницу.

— Забавно, она только что говорила то же самое о вас. Она моя новая телохранительница. После прошлой ночи нанять ее мне показалось неплохой мыслью. Кстати, прошу простить за такое приветствие. Я забыл предупредить ее о вашем приближении.

— Пустяки. Так что вы хотели мне сказать?

— Я сегодня нанес небольшой визит в банк, — объяснил я, показывая ему чековую книжку. — Теперь у меня есть средства для этого нашего маленького предприятия.

— Вот здорово! Больше ничего и не нужно, чтобы заколачивать настоящие деньги.

— Не так быстро, — заметил я. — Давайте сперва уладим детали и перенесем это дело на бумагу.

— Для чего? Вы ведь уже сказали, что доверяете мне, и я, безусловно, доверяю вам.

— Так будет гораздо солиднее. Контракты — наилучший способ гарантировать, что мы оба слышим одно и то же... не говоря уже о необходимости заранее условиться о распределении прибыли, дабы избежать потом ненужных споров.

Он не был в восторге от этой идеи, но я сумел его убедить, и мы записали детали в двух экземплярах на бумажках, оказавшихся в одном из его многочисленных карманов. Я говорю «мы», потому что, поскольку я не умел ни читать, ни писать по-изврски, а он точно так же не владел пентийским, нам обоим пришлось сделать две копии соглашения каждому на своем родном языке. Честно говоря, я не очень торговался... двадцать пять процентов прибыли после вычета расходов. Я считал, что раз всю работу будет вести он, то и доход должен доставаться в основном ему. Я же всего лишь финансировал его предприятие. Я даже включил в контракт оговорку, что он может выкупить мою долю, если дела пойдут хорошо. Когда все было закончено, мы оба подписали копии и пожали друг другу руки.

— Спасибо, Скив, — просиял лоточник, засовывая в карман по копии каждого перевода. — Поверьте, это дело сулит верные деньги.

— Есть уже какие-то планы, где будет ваш магазин?

— Нет. Помните, я говорил, что намерен начать с малого? Думаю пока начать со снабжения других уличных торговцев, а потом уже использую прибыль для аренды магазина и закупки товаров. Но это произойдет, вероятно, недели через три, а то и через месяц.

Месяц — не слишком большой срок для раскрутки. Я восхищался его предприимчивостью и уверенностью в успехе.

— Ну, желаю удачи! — искренне сказал я. — Обязательно оставьте *извещение в банке*, когда у вас появится постоянный адрес. Будем поддерживать связь.

Он собрал свой товар и направился вперед по улице, я же опять присоединился к Пуки.

— Мне хотелось бы извиниться за эту путаницу, — сказал я. — Мне следовало дать вам знать о его подходе.

— Я вычислила, что с ним все в порядке, — ответила телохранительница, продолжая наблюдать за улицей. — Он двигался не как грабитель. Просто хотелось небольшой демонстрации моих способностей.

— Вам вовсе не требовалось устраивать для меня демонстрацию. У меня нет никаких сомнений на ваш счет.

Пуки взглянула на меня.

— Не для вас, — возразила она мне. — Для них... этих, на улице. Мне нужно было дать им понять, что вы теперь под защитой и им следует держать дистанцию.

Мне такая мысль и в голову не приходила.

— О, — произнес я. — Полагаю, мне следует заниматься своим делом и предоставить вам заниматься вашим.

— Согласна, — кивнула она, — хотя, признаться, то, как вы ведете дела, меня озадачивает. Жаль, что я не присутствовала на ваших переговорах.

— Что? Вы имеете в виду то, что я настоял на контракте? Но ведь это долгосрочный вклад, а не разовое соглашение.

— Дело не в том.

— В чем же тогда... в условиях контракта? Возможно, я проявил больше щедрости, чем следовало, но положение...

Я оборвал фразу, так как понял, что она пристально смотрит на меня.

— Я имела в виду, — произнесла она ровным тоном, — что, прежде чем вкладывать деньги в какое-то предприятие, надо узнать, в чем оно заключается.

— Вы же слышали, что он сказал. Это оптово-розничная торговля.

— Да, но чем он торгует?

На это я не ответил, потому что у меня не было ответа. В своем рвении оказать добрую услугу Дж.Р. я совершенно забыл его спросить, какое, собственно, дело он затевал!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Крибле... Крабле...

S. Strange, M.D.

На следующий день с утра пораньше я приступил к новой фазе поисков Ааза. Мотылек убедил меня, что я вряд ли найду его в финансовых кругах. Значит, оставались маги.

Как и предупреждал Эдвик, из-за многочисленности занятых в магическом бизнесе извергов эта задача казалась почти невыполнимой. Но это был единственный шанс, и мне ничего не оставалось, как им воспользоваться и надеяться на везение. Но после того как обошел с полдюжины организаций, я был готов признать свое поражение.

Проблема, с которой я столкнулся, заключалась в том, что насыщенность рынка магических услуг имела следствием жесткую конкуренцию среди магов. Везде ко мне лезли с назойливой рекламой и вдалбливали, как необходима магическая помощь в повседневной жизни каждого. А коль скоро я признавался, что и сам подвизаюсь в этом бизнесе, мне либо предлагали стать партнером, либо обвиняли в шпионаже и выбрасывали из кабинета. (Двое, впрочем, только пригрозили выбросить, но благодаря присутствию Пуки я ушел с достоинством.) А вот об Аазе никаких сведений я не получил.

Несмотря на нарастающее сомнение в успехе поиска, мне было интересно наблюдать этот искусственный магический бум со стороны. Кальвин предупредил меня насчет излишней неуверенности в себе и принижения собственных способнос-

тей. Вытерпев в тот день несколько раундов бахвальства, следовавших один за другим, я твердо усвоил — чем громче кто-то сам себя расхваливает, тем меньшее впечатление он производит на слушателя, в частности, на меня. Я подумал о спокойной уверенности, излучаемой такими людьми, как Мотылек и Пуки, и решил, что вести себя, как они, мудрее при деловых контактах... да и при светских, если уж на то пошло. Насколько я понял, главное не в том, чтобы привлечь внимание, а в том, чтобы произвести впечатление. Поэтому я твердо решил не только не поощрять обращения «господин Скив», но и отказаться от рекламной шумихи с «Великим Скивом». Все равно я не верил по-настоящему во всю эту чушь. Я был просто Скив, и людей могло либо впечатлять то, чем я был на самом деле, либо нет, а то, как я себя называл, не имело ровно никакого значения.

Этот мой вывод вам может показаться скоропалительным, но, поверьте, это не так. Я исколесил достаточно большой район Извра в такси Эдвика, и это дало мне время для раздумий и размышлений над увиденным и услышанным. И что еще важнее — советы, данные Мотыльком и Кальвином, не говоря уже о вопросах, которые мне поневоле пришлось задать себе самому по поводу Ааза, заставили меня пересмотреть собственные позиции и приоритеты. Поэтому мне было о чем подумать.

Встречи с бесконечной чередой людей, никогда ранее не только не встречавших меня, но даже и не слышавших обо мне, дали мне очень много. Я стал больше задумываться о своем отношении к людям, да и о том, каким они воспринимают меня.

Изверги были известны повсюду скверным и злобным нравом, да еще, как правило, и высокомерием. Хватало доказательств и их грубости. И все же я встретил среди них довольно любезных и готовых помочь. Как, например, Мотылек. И даже рисковых ребят вроде Дж.Р., готовых на все ради попав-

шего в беду почти незнакомого им человека. Не стоило мерить всех одной меркой. Интересно было проследить, как люди себя ведут в перенаселенной среде, да еще в условиях конкуренции. Впрочем, были и такие, что казались совершенно невосприимчивыми к давлению среды.

Чем больше я думал об этом, тем больше замечал изврские черты в своем собственном характере. Кальвин говорил, что я очень хочу казаться сильным... или даже холодным и безжалостным, и все это ради того, чтобы скрыть собственные пугающие меня слабости. А может, именно так обстояло и с хвастливыми извергами, которым легче наорать на кого-то, чем признать свою неправоту? Может, это из-за неуверенности в себе и закомплексованности я так холоден и замкнут с людьми, которые могли бы мне помочь?

Это навело меня на мысль высказать Эдвику свою озабоченность и поинтересоваться, нет ли у него самого каких-нибудь идей, возможно, альтернативных поиску моего партнера в магическом сообществе.

— Я как раз и думал об этом, Скив, — отозвался он, — но считал, что мне не следует лезть с советами, пока вы не спрашиваете.

— Ну вот, теперь я спрашиваю. Думаешь, мне стыдно признать, что ты знаешь это измерение лучше меня?

Этот вопрос я скорее адресовал самому себе, чем Эдвику, но таксист принял его не моргнув глазом.

— Это уж точно. Я подумал, может, не стоит приставать к магам с вопросом об их потенциальных конкурентах, а вместо этого проверить школы.

— Школы?

— Разумеется. Ну, знаете, места, где этих искусников обучают их ремеслу. У них должны храниться какие-то сведения о том, кто чему научился. И они наверняка поделятся ими с вами, поскольку вы им не конкурент.

Это имело смысл, но казалось чересчур легким.

— Даже если все так, как ты говоришь, то неужели они, по-твоему, станут утруждать себя хранением адресов бывших студентов?

— Шутите? — рассмеялся таксист. — А как же старая альма-матер сможет выуживать денежные пожертвования у своих прежних питомцев? Здесь, может, и не Дева, но какой изверг упустит источник дохода?

При его словах я почувствовал, как возрождаются мои надежды.

— Отличная идея, Эдвик! Сколько тут магических школ?

— Известных мне — не больше дюжины. Не сравнить с числом разных видов бизнеса. Будь я на вашем месте, то бы начал с самой крупной и шел дальше по нисходящей.

— Тогда именно так мы и поступим. Вези меня в первую по списку и не жалей ящеров... и, Эдвик, спасибо.

Территория Магического института Извра (МИИ) занимала целый городской микрорайон. Я говорю «территория», потому что состояла она в основном из хорошо подстриженных лужаек и кустов, что явно контрастировало с большей частью Извра, набитого зданиями и улочками. То тут, то там высившиеся величественные старые здания из кирпича или камня, казалось, не имели никакого отношения к визгу и гулу в каких-то ярдах от их метрополиса. Глядя на открывшийся перед нами величественный покой, я невольно задумался, а так ли уж важен и вечен тот остальной, суетный и жестокий, мир?

В знак символической защиты школу окружала железная ограда, но ворота стояли раскрытые настежь. Я с любопытством смотрел из окна такси на строение, которое Эдвик назвал административным корпусом, в надежде хоть мельком увидеть студентов, занимающихся в аудиториях, но меня ждало разочарование. Похоже, их больше влекло молодежное времяпрепровождение, забавы и флирты, нежели упорное приобретение знаний. Заметил я в их числе и немало студентов из других измерений. То ли школьная администрация отно-

силась к иномирцам более терпимо, чем остальное общество, то ли просто была не столь разборчива, от кого принимать деньги. Мне так и не довелось выяснить, как обстояло все на самом деле.

После нескольких вопросов мне показали, как пройти в кабинет главного хранителя документов. Этот сотрудник внимательно выслушал мой рассказ, оставаясь все время неподвижным и абсолютно, казалось, невозмутимым. Мне приходилось бороться с искушением состроить ему рожу, не закончив фразы, чтобы проверить, вникает ли он в суть разговора. У меня даже возникло предчувствие, что в среде официального образования мне искать нечего.

— Понимаю, — проговорил он, как только я умолк. — Ну, ваша просьба кажется серьезной. Ааз... Ааз... так вот, с ходу, я не могу вспомнить этого имени, но оно кажется мне знакомым. Впрочем, проверить это довольно легко. ГРЕТТА!

В ответ на его зов в дверях кабинета появилась молодая извергиня. Она метнула быстрый взгляд на Пуки, прислонившуюся к стене позади меня, но тут же перестала обращать на мою телохранительницу внимание, как, впрочем, и хранитель документации.

— Да, сэр?

— Гретта, это господин Скив. Он пытается отыскать того, кто, возможно, здесь учился. Я хотел бы, чтобы ты помогла ему найти нужную папку... если она существует. Господин Скив, это Гретта. Она студентка и иногда помогает нам... что-то не так?

Я внезапно убрал руку, протянутую для обмена рукопожатием с Греттой, и хранитель документации заметил это движение.

— О, да ничего... пустяки, — смутился я. И быстро пожал протянутую руку. — Это дурная привычка, усвоенная мной у Ааза. Мне следовало бы избавиться от нее. Так что вы говорили?

Хранитель документации проигнорировал мои усилия загладить светский промах.

— Что за дурная привычка?

— Это глупо, но... Ааз, когда был моим учителем, а я его учеником, принципиально не пожимал мне руки. И громогласно об этом заявлял. До меня сейчас дошло, что я тоже перенял его манеру. Простите, Гретта. Ничего личного.

— Ну конечно... Ааземандиус!

Хранитель документации вдруг разволновался.

— Простите? — озадаченно переспросил я.

— Гретта, искать папку не потребуется. Принесите мне документы на имя Ааземандиуса... они находятся в картотеке недоучившихся... Трех- или четырехвековой давности, если не ошибаюсь.

Когда студентка стремглав умчалась, хранитель документации вновь обратился ко мне:

— Извините, господин Скив. Я только сейчас догадался, кого вы ищете. Когда вы упомянули о его манере не пожимать руки ученикам. Это было одной из наименее неприятных его причуд. Ааземандиус! Сколько лет прошло, а я все еще его помню.

После долгих поисков я с трудом верил в свою удачу.

— Вы уверены, что мы говорим об одном и том же лице? Об Ааэе?

— О боги, да. Вот потому-то это имя и показалось мне знакомым. Ааз — это уменьшительное от Ааземандиус, он им пользовался, когда упражнялся в своем сомнительном пристрастии к розыгрышам... или занимаясь чем-нибудь не очень подходящим для занесения в личное дело, если уж на то пошло. Было время, когда это имя вселяло ужас в сердца всех первокурсников.

— Как я понимаю, он был не особенно хорошим студентом? — попытался я скрыть улыбку.

— О, напротив, он был одним из самых способных студентов, какие когда-либо здесь учились. Пожалуй, именно

поэтому преподаватели и администрация готовы были закрыть глаза... гм, на некоторые черты его характера. Пока Ааз-мандиус учился здесь, он шел впереди своего класса, и все пророчили ему блестящее будущее. Я не уверен, сознавал ли он это. Но еще задолго до занесения его в список выпускников среди преподавателей возникли жаркие споры. Одни считали, что после выпуска его следует привлечь к преподавательской работе в институте. Другие настаивали, что при его высокомерии вводить его в постоянный контакт со студентами будет... ну, проще говоря, по их мнению, его темперамент больше подходит для частной практики, школа же тоже получит свое — в виде финансовых пожертвований от прежнего питомца... предпочтительно присланных откуда-нибудь издалека.

Это новое погружение в прошлое Ааза увлекло меня. Однако я не мог не отметить кое-каких неясностей в рассказе хранителя документации.

— Извините, — обратился я к нему. — Но правильно ли я расслышал, что вы послали Гретту посмотреть досье Ааза в картотеке недоучившихся? Если он так хорошо занимался, то почему не стал выпускником?

Изверг тяжело вздохнул, и лицо его выразило искреннюю боль.

— Его семья потеряла состояние после серии неудачных инвестиций. Лишившись финансовой поддержки, он покинул школу недоучкой... тихо ушел в середине семестра, хотя плата за обучение за этот период была внесена полностью. Мы предложили ему стипендию, чтобы он смог завершить свое образование... собрали даже по этому поводу внеочередное специальное заседание попечительского совета. Но он ее не принял. Очень жаль. Он подавал большие надежды.

— Это не похоже на того Ааза, которого я знаю, — нахмурился я. — Мне не приходилось видеть, чтобы он отказывался от денег... ему достаточно их предложить... Он что, сослался на какую-то причину отказа от стипендии?

— Нет, но в то время его было легко понять. Видите ли, семья его была очень преуспевающей, и он щеголял своим богатством перед менее удачливыми сокурсниками почти так же охотно, как и превосходством своих способностей. По-моему, он покинул школу, потому что для него даже мысль была невыносима о встрече с прежними дружками в новом качестве бедняка. Он был слишком горд, чтобы стать студентом-стипендиатом после того, как утвердился в роли аристократа. Аазмандиус, может, и не отказывался от денег как таковых, но, думаю, вы замечали в нем сильнейшее отвращение к благотворительности... или к чему-либо подобному.

Это имело смысл. Нарисованный им портрет Ааза или, как его здесь называли, Аазмандиуса, кажется, подтверждал сделанный Мотыльком анализ финансовых привычек моего старого наставника. Если ему пришлось пережить такой позор и самому увидеть, как его планы на будущее рухнули из-за неосторожного распоряжения деньгами, то это объясняло чрезмерную консервативность в его поведении и даже скупость, когда речь заходила о накоплении и охране нашего запаса наличных.

— Наконец-то!

Восклицание хранителя документации при возвращении Гретты оторвало меня от раздумий. Я почувствовал, как во мне растет предвкушение удачи, когда он взял папку и начал внимательно просматривать ее содержимое. Впервые после прибытия на Извр у меня появится верная нить, ведущая к Аазу. Затем я заметил, что он хмурится.

— Что случилось?

— Сожалею, господин Скив, — оторвался от папки хранитель документации, — похоже, у нас нет адреса вашего компаньона. Здесь только написано: «В отъезде». Наверное, понимая его финансовое положение, мы не так старались следить за ним, как обычно поступаем с другими питомцами.

Я боролся с нахлынувшей на меня волной разочарования, не желая верить, что после всего пережитого этот ход окажется еще одним тупиком.

— Разве он потом не обзавелся собственной школой, или бизнесом, или еще чем-то в этом роде? Я однажды встретил одного его ученика.

Изверг покачал головой:

— Нет. Об этом бы мы узнали. Возможно, он и обучал некоторых близких друзей или родственников... такое бывает среди занимающихся здесь. Но, думается, я могу с уверенностью сказать, что никаким официальным преподаванием он не занимался ни здесь, ни в каком-либо ином измерении. Мы бы услышали про это хотя бы потому, что его подопечные связались бы с нами для подтверждения его квалификации.

Теперь я вспомнил, что Руперта, того самого встреченного мной его ученика, мне представили как племянника Ааза. Подавленный ощущением безнадежности, я чуть не пропустил мимо ушей дальнейшие слова хранителя документации.

— Кстати, коли речь зашла о родственниках. У нас есть адрес его ближайшей родственницы... собственно, его матери. Наверно, если вы поговорите с ней, то, возможно, и выясните, где он.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Многое, чему она меня научила, сводится к «М»...

Эдип

Поиски адреса, данного мне хранителем документации, привели нас в закоулки измерения, где находились жилые районы. Хотя на первый взгляд Извр казался средоточием исключительно бизнеса, все же районы эти, и часто довольно

респектабельные, в нескольких шагах от главных деловых и транспортных артерий вносили в первое впечатление существенные коррективы.

Район, где жила мать Ааза, не привел меня в восторг. Это не значит, что он выглядел невзрачным или грязным... по крайней мере не грязнее всего остального измерения. Просто он был убогим. Здания и улицы казались настолько захудалыми, что меня угнетала одна мысль о том, что тут вообще кто-то живет, не говоря уже о матери моего друга.

— Я подожду вас здесь на улице, — объявила Пуки, когда я выбрался из такси.

Я в удивлении посмотрел на нее:

— Разве вы не зайдете вместе со мной?

— Мне думается, важнее будет обеспечить вам отступление, — ответила она. — Внутри, по-моему, нет опасности, если это здание не рухнет, когда вы постучите в дверь... но тут уж я все равно ничего не смогу поделать. А что, вы боитесь не справиться со старой дамой?

Поскольку у меня не нашлось на это достойного ответа, я поднялся по ступенькам крыльца к двери. Там висел список имен и напротив каждого было по кнопке. Я без всякого труда нашел имя матери Ааза и нажал кнопку.

Спустя несколько мгновений из-за стены перед моим носом заскрежетал голос:

— Кто там?

Мне потребовалось лишь несколько секунд, чтобы догадаться о наличии какой-то системы вещания.

— Это... я, друг вашего сына Ааза... то есть Аазмандиуса. Нельзя ли мне поговорить с вами несколько минут?

Прежде чем пришел ответ, потянулось долгое молчание.

— Раз уж вы здесь, что ж, я поговорю с вами. Подымайтесь.

В двери что-то вдруг хрипло загудело. Несколько секунд спустя гудение прекратилось. Я терпеливо ждал.

— Вы все еще там?

— Да, мэм.

— Почему?

— Простите?

— Почему вы не открыли дверь и не зашли, когда я вам прогудела?

— Ах, это был сигнал проходить? Извините, не знал. Вы не могли бы... прогудеть мне опять?

— Вы что, никогда раньше не видели замка с дистанционным управлением?

Вопрос был задан риторически, но раздражение из-за моего неловкого положения вынудило меня ответить:

— Я в этом измерении гость. На Пенте у нас нет ничего подобного.

Наступило долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы я начал гадать, не ошибся ли я, признавшись, что прибыл из другого измерения. Гудение возникло опять, почему-то снова захватив меня врасплох.

На этот раз я сумел открыть дверь и прошел в прихожую. Освещалась она тускло, а после того как дверь закрылась, там стало совсем темно. Я начал было открывать ее, чтобы сориентироваться, но в последний момент убрал руку. Ведь могла включиться сигнализация, а уж чего я в данную минуту не хотел, так это новых неприятностей.

Постепенно мои глаза привыкли к полумраку и различили узкий коридор с еще более узкой лестницей, исчезавшей во мраке наверху. Она сказала «Подымайтесь». Я понял это буквально и начал подниматься по лестнице... надеясь, что не ошибся.

После нескольких лестничных пролетов эта надежда стала сменяться беспокойством. Ни в одном из встретившихся по пути коридоров не было признаков обитания, а по тому, как скрипела и стонала подо мной лестница, я подозревал, что иду в нежилую часть здания. Как раз когда я готов был поддаться страху и повернуть назад, лестница закончилась. Разыскиваемая мной квартира находилась в противоположной стороне коридора, и поэтому мне не оставалось иного

выбора, кроме как идти дальше. Подняв руку, я тихонько постучал, опасаясь, что более сильный звук может вызвать катастрофическую цепную реакцию.

— Заходите! Открыто!

Призвав всю свою смелость, я вошел.

Жилище оказалось крошечным и забитым барахлом. У меня сложилось впечатление, что, вытянув руки, можно коснуться противоположных стен. Фактически мне даже пришлось перебороть порыв так и сделать, поскольку стены и их содержимое, казалось, навалились на меня своей массой. Наверное, тогда я и открыл, что слегка страдаю клаустрофобией.

— Так, значит, ты друг этого неудачника Аазмандиуса. Знала я, что не будет из него толку, но мне и не снилось, что он опустится до того, чтобы якшаться с пентюхом.

Неужели эта последняя реплика исходила от матери Ааза?.. Но должно быть, все же это так, потому что, кроме нее, в комнате был только я! Сперва мой взгляд пропустил ее, настолько она была частью квартиры, но теперь она привлекла мое внимание, и притом самое пристальное, ведь во всем измерении помочь мне могла только она одна.

Помните, я говорил, что Пуки принадлежала к одному из двух выделенных мной типов извергинь? Мать Ааза принадлежала к другому типу. В то время как Пуки была гладкой и мускулистой, почти как змея, фигура, представшая теперь передо мной, больше напоминала огромную жабу... чешуйчатую рептилию. (Мне впоследствии кто-то заметил, что жабы относятся к земноводным, а не к рептилиям, но тогда я подумал именно так.)

Одета она была в мешковатый халат, заставлявший ее выглядеть еще более раздутой, чем в действительности. Продавленное кресло, на котором она сидела, почти целиком закрывалось от созерцания ее тушей, переливавшейся через подлокотники кресла и растекавшейся по крапчатому ковру. На коленях у нее лежала спутанная белая тесьма, в которую она

злобно тыкала заостренной палочкой. Создавалось впечатление, будто она пытает эту тесьму, но потом я заметил, что почти все близлежащие плоские поверхности в квартире покрывала схожая масса, и сделал вывод, что она занималась каким-то ремеслом, природу которого я не мог ни понять, ни оценить.

— Добрый день, госпожа...

— Зовите меня Герцогиней, — оборвала она меня. — Все так делают. Хоть я и не знаю почему... в этом измерении уже много поколений нет никого королевской крови. Их всех обезглавили, а собственность поделили... славные были денечки!

Она причмокнула губами от приятных воспоминаний, хотя я не смог бы с уверенностью сказать, связаны они с ностальгией по временам королей или с обезглавливанием последних. Затем она неопределенно показала на противоположную стену. Я посмотрел, ожидая увидеть насаженную на щит голову. Потом сообразил, что она показывает на выцветшую картину. И понял, что ничего не смогу разобрать сквозь пыль и грязь на ее поверхности.

— У служанки выходной, — резко бросила Герцогиня, заметив выражение моего лица. — С тех пор как порку объявили вне закона, от прислуги не добиться приличной работы!

Мне редко приходилось слышать такую явную ложь... насчет служанки, а не насчет порки. Такое обилие паутины, пыли и мусора не могло накопиться за день... или даже за год. Полки и шкатулки по всей комнате были забиты самого дурного вкуса коллекцией безделушек и пылесборников, какую я когда-либо имел несчастье лицезреть, и каждый предмет запылился до предела и даже сверх того. Я не представлял, почему Герцогиня решила похвалиться, будто у нее есть служанка, раз явно ни во что меня не ставила. Но не было смысла говорить, что я ей не верю.

— Да. Ну... Герцогиня, я пытался отыскать вашего сына Ааз... мандиуса и надеялся, что вы, возможно, знаете, где он.

— Аазмандиус? Этот обормот? — Ее узкие желтые глаза сердито запылали. — Если бы я знала, где он ошивается, думаете, сидела бы сейчас здесь?

— Обормот?

Я начинал гадать, о том ли Аазе мы говорим.

— А как, по-вашему, еще его назвать? — огрызнулась она. — С тех пор как этот бездельник покинул школу, он не прислал мне ни гроша. Значит, он столько тратит на себя, что для семьи уже ничего не остается, а ведь она его вскормила, взрастила и сделала тем, кем он стал теперь. Как, он полагает, я должна поддерживать уровень жизни, подобающий нашей семье, не говоря уже о продолжении инвестиций, если он не присылает мне денег?

— Инвестиций? — переспросил я. Картина начинала проясняться.

— Конечно. С тех пор как умер мой муж, всеми инвестициями в нашей семье занималась я. И как раз начала набивать на этом руку, когда Аазмандиус вдруг бросил школу и исчез без гроша... Я имею в виду, без следа. Уверена, будь у меня еще несколько миллионов, я бы не промахнулась.

— Понятно.

— Слушайте, а сами-то вы случайно не располагаете свободным капиталом? Я смогла бы вложить его в выгодное для вас дело, а прибыль мы бы поделили... а еще лучше пустили бы ваши деньги в оборот снова.

Я вдруг остро ощутил тяжесть чековой книжки у себя в кармане. Разговор принимал неудобный оборот.

— М-гм... я сейчас немного в затруднении, — уклонился я от прямого ответа. — Потому и искал... Аазмандиуса, он, видите ли, задолжал мне деньги.

— А разве у вас нет друзей, способных одолжить вам миллион-другой?

— Вообще-то нет. Они все такие же бедняки, как и я. Извините, Герцогиня, но мне пора идти. Меня внизу ждет

такси, и каждая проведенная здесь минута стоит мне больше, чем вы можете себе представить.

Я просто задыхался от отчаяния, когда Эдвик вез нас с Пуки обратно в отель. Рухнула моя последняя надежда найти Ааза. Теперь, когда казался бесплодным розыск его среди магов, я совершенно не представлял, как его найти, разве что стучаться в каждую дверь этого измерения... а на такой подвиг меня бы просто не хватило, даже при уйме времени. Миссия провалилась. Не оставалось ничего иного, кроме как расплатиться с Эдвиком и Пуки, выписаться из отеля и придумать, как просигналить Маше, чтобы забрала меня отсюда на Пент. Я надеялся на ее кольцо, на то, что, если снять его с пальца, она появится, но уверенности не было. Возможно, в борьбе с королевой Цикутой я проявлю больше умения, чем в поисках Ааза. Мне следовало бы испытывать печаль, когда я выписывал чеки водителю и телохранителю, готовясь к расставанию, но я почему-то ее не испытывал. Вместо этого я вдруг подумал о Герцогине.

Поначалу я счел ее просто выжившей из ума старой дамой, погруженной в прошлое и в иллюзию богатства, в которое никто, кроме нее самой, не верил. Конечно, кому-то из близких, вероятно, следовало бы строго поговорить с ней и попытаться вернуть к действительности, чтобы она поняла и приняла существующее положение вещей. Поразмыслив, я счел ее ситуацию скорее печальной, чем раздражающей или достойной презрения.

Затем мои мысли стали незаметно переходить от ее дел к моим. Не *стал ли я*, так же как и она, жертвой собственной попытки основывать свою жизнь на том, что *было когда-то* или *должно быть? Я был* неискушенным, необученным юнцом, и такое представление о самом себе все еще преследовало меня во всем, что бы я ни говорил и ни делал. Я считал, что *должен быть* безупречным бизнесменом и управляющим, и, преследуя эту цель, обращался с собою и с другими довольно сурово. Что же требовалось мне *на самом деле?*

Еще до прибытия на Извр многие мои помощники, включая Ааза, пытались убедить меня, что я — нечто большее, чем считаю себя сам. Я каждый раз отмахивался от их слов, полагая, что они либо пытаются сделать приятное «малышу», либо ускорить процесс моего взросления.

Вот теперь, похоже, настало время решать — готов ли я *на самом деле* повзрослеть, хотя бы в духовном плане. Физическая зрелость наступит сама собой.

Ладно, допустим, я молод и неопытен. Ну и что? Неопытен не значит глуп. Я не мог рассчитывать, что с блеском разберусь и сориентируюсь в любой новой для меня ситуации. Но это еще не повод для мрачных раздумий о своих недостатках. Я ведь всегда учился. И учился быстро... Достаточно быстро, судя по возрастающему восхищению моих критиков и врагов.

Их ведь тоже, как встреченных мной в этом поиске извергов, не волновало, чего я не знал в прошлом году или чему мне еще требовалось научиться, — они реагировали на то, кем я был сейчас. Почему бы и мне не исходить из реального?

Раз уж речь зашла об учебе, я всегда стеснялся, если чего-то не знал, и намеревался продолжать учиться всю свою жизнь. Я всегда считал, что если вдруг перестану учиться, то это будет означать, что я либо лишился рассудка, либо умер. Сопоставив эти две мысли, я подумал, что, стыдясь незнания, я, по сути, ставил себя в положение постоянно оправдывающегося! Конечно, я много чего не знал! Ну и что? Это еще не значит, что я аутсайдер или урод, просто я еще жив, вот и все. Вместо того чтобы без толку сокрушаться по этому поводу, мне бы следовало активнее совершенствовать свои способности.

Выражение «Сегодня — всегда первый из оставшихся тебе дней» стало почти штампом во всех измерениях. Мне пришло в голову, что лучше было бы сказать так: «Вся твоя предшествующая жизнь есть тренировка к данной минуте!» Вопрос заключался в том, что я намерен делать!

Я еще размышлял над этой идеей, когда мы подрулили к тротуару перед отелем.

— Вот мы и приехали, Скив, — развернулся ко мне Эдвик. — Вы уверены, что я больше вам не понадоблюсь?

— Не вижу смысла, — вздохнул я, передавая ему чек. — Я исчерпал и идеи, и время. Но мне бы хотелось отблагодарить тебя за помощь. Во время моего здесь пребывания ты был для меня намного больше, чем просто водителем и гидом. Я вписал в чек небольшое добавление в знак особой благодарности.

На самом деле я внес туда *значительное* добавление. Таксист взглянул на цифру и засиял.

— Спасибо, Скив. Сожалею, что вам не удалось найти своего друга.

— Что ж поделаешь, — пожал я плечами. — Береги себя, Эдвик. Если когда-нибудь выберешься на Деву, загляни ко мне, и я с удовольствием поработаю гидом на тебя.

— Вполне возможно, ловлю вас на слове. — Таксист помахал мне рукой, когда я выбрался на улицу.

Пуки выскочила из такси, как только мы остановились, и поэтому мне предстояло рассчитываться с ней у всех на виду.

— Пуки, я...

— Осторожней, Скив, — шепнула она, не глядя на меня. — По-моему, у нас возникли проблемы.

Я проследил за ее взглядом. Дверь в мой отель взяли в клещи двое полицейских в мундирах. При виде меня они двинулись вперед с выражением на лицах мрачной решимости.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я не проходимец!

Любой проходимец

— Фот он! Третий спрафа!

Даже при светивших мне в лицо прожекторах я без труда узнал голос, доносившийся откуда-то из темноты. Он принадлежал официанту, с которым я столкнулся в первый

же вечер на Извре. Тому самому, утверждавшему, будто я пытался уклониться от уплаты за ужин, свалившись в обморок.

Меня не удивило то, что он меня опознал, хотя я был не единственным, кто попал в полосу света. Разумеется, у меня не было никаких оснований подозревать его в отсутствии наблюдательности и памяти. Но главное заключалось в том, что из всех выстроившихся в ряд индивидов только я один не был извергом. Более того, все прочие были в полицейских мундирах! Что и говорить! До чего же мило и невинно разыгран этот заранее продуманный спектакль!

Но что меня *действительно* удивляло, так это то, что сложившаяся ситуация ни чуточки меня не расстраивала. Обычно в подобных случаях я бываю либо слишком огорчен, либо слишком зол, чтобы огорчаться. Однако на этот раз я откровенно веселился. Я как будто сбросил с себя тяжесть и испытывал приятное чувство владения собой и ситуацией, поэтому решил немного поразвлечься... для разнообразия.

— Взгляните еще раз, сэр. Вы абсолютно уверены? — Этот голос тоже был мне знаком. Он принадлежал капитану, причинившему Дж.Р. и мне столько огорчений, когда я имел удовольствие испытать на себе гостеприимство местной полиции. Прежде чем официант успел что-либо ответить, я применил чары личины и поменялся местами со стоящим рядом со мной полицейским.

— Уферен. Он третий... нет, фторой спрафа!

— Что?

Борясь с желанием ухмыльнуться, я снова взялся за работу, на сей раз так изменив внешность всех выстроившихся, что они сделались моими зеркальными отражениями.

— Но... ето нефосмошно!

— ГОСПОДИН Скив. Будьте любезны.

— Простите, капитан? — невинно отозвался я.

— Мы были бы очень вам признательны, если бы вы перестали играть в игры со свидетелями!

— Значит, наши желания совпадают, — улыбнулся я. — Я, в свою очередь, тоже был бы вам признателен, если бы вы перестали играть в игры со мной! Я понятно выразил свою мысль?

Я сбросил чары личины, оставив выстроившихся полицейских прожигать подозрительными взглядами друг друга и меня.

— Что за мысль?

— Что все это выглядит глупо. Забудем на минуту, что вы поставили тут рядом со мной всех своих коллег, и допустим, что вы играли честно. Моя мысль заключается в том, что не я один умею применять чары личины. Всякий видевший меня или мой портрет мог применить чары личины достаточно удачно, чтобы одурачить любого свидетеля. Поэтому такое опознание теряет силу доказательства. Вы установили всего-навсего, что свидетель видел кого-то, кому известно, как я выгляжу... а вовсе не то, что я лично был там.

За линией освещения наступило долгое молчание.

— Вы отрицаете, что имели какой-то контакт со свидетелем? Как я понимаю, вы узнали его голос.

— Это довольно прозрачный вопрос-ловушка, капитан, — рассмеялся я. — Если я признаюсь, что узнал его голос, то тем самым мне придется признать, что я имел с ним контакт. Верно?

Я действительно входил во вкус этой игры.

— Я, разумеется, готов признать, что имел дело с вашим свидетелем там, где он говорит. Так же как со швейцаром и коридорным, а равно как и с другими людьми, которых вы притащили сюда для опознания моей персоны. Я ставлю под вопрос смысл вашей процедуры. Мне кажется, что вы доставляете себе и всем остальным массу хлопот, которые сами по себе ни к чему не приведут. Если вы хотите получить сведения обо мне и моих передвижениях, то почему бы вам прямо не спросить меня об этом, вместо того чтобы затевать эту глупую возню?

Прожектора внезапно погасли, и на сей раз я оказался ослепленным отсутствием света.

— Ладно, господин Скив. Попробуем по-вашему. Не будет ли вам угодно последовать за мной для небольшого интервью?

Даже при «пробовании по-моему» меня просто измочалили допросом. Разумеется, я не стоял теперь перед прожекторами, но в тесной каморке для «интервью» столпилось столько народу, что я по-прежнему чувствовал себя выставленным на всеобщее обозрение.

— Ну, в самом деле, капитан, — сказал я, обводя взглядом толпу. — Неужели все это действительно необходимо?

— Конечно, — огрызнулся он. — Я хочу иметь свидетелей на все, что вы скажете, и намерен записать нашу небольшую беседу. Полагаю, мне следует уведомить вас, что все сказанное вами может быть использовано против вас в суде. И что вы имеете право советоваться в ходе расследования с адвокатом, выбранным вами или назначенным судом. А теперь продолжим или дождемся юриста?

Мое самообладание было на исходе. Похоже, на сей раз выкрутиться будет потруднее.

— Меня в чем-нибудь обвиняют?

— Пока нет, — ответил капитан. — Посмотрим, как пойдет допрос.

Я думал, не попытаться ли связаться с Шайк-Стером, одним из адвокатов Синдиката. Но сообразил, что одно лишь знакомство с ним может повредить старательно выставляемому мной образу невинного, обиженного гражданина.

— Тогда я сам отвечу на все ваши вопросы, — сказал я. — Хотя, возможно, если дело пойдет чересчур круто, вызову юридическую подмогу.

— Как вам будет угодно, — пожал плечами полицейский, пододвигая к себе поближе принесенную им пачку бумаг.

Что-то в его манере заставило меня подумать, что я сделал неправильный шаг, отказавшись от адвоката. Разволно-

вавшись, я что-то понес насчет того, что в действительности дела не так уж плохи, как ему представляется.

— В самом деле, капитан, я даже немного удивлен тем, что нахожусь здесь. Я думал, в прошлый мой визит мы вполне со всем разобрались.

Забравшие меня перед отелем и доставившие в участок полицейские оказались до крайности малоразговорчивыми. Помимо заявления «Вас хочет видеть капитан», я не услышал ни малейшего намека на то, зачем, собственно, меня сюда приволокли.

— Опознание проводилось для подтверждения, что мы имеем дело с нужным лицом, — улыбнулся капитан. — И это вы очень убедительно продемонстрировали. А что до того, почему вы здесь, то при нашей последней беседе мы не выяснили кое-какие мелочи.

Он взял один из листков, держа его кончиками пальцев так, словно тот был очень хрупким или драгоценным.

— Видите ли, как я и обещал, мы навели о вас справки по некоторым другим измерениям.

Моя уверенность упала вместе с духом... куда-то в пятки.

— Итак, — сказал капитан, — вы Скив, иногда известный под именем Великий Скив... родом с Пента, имеющий контору на Деве?

— Совершенно верно.

— Так вот, вы, кажется, принимали когда-то участие в войне... где-то около Поссилтума?

Тут мне незачем было юлить.

— В то время я работал придворным магом Поссилтума. Остановить врага входило в мои обязанности.

— В самом деле? У меня есть тут еще рапорт с Валлета, утверждающий, что вы входили в группу, похитившую Приз Большой Игры. Это тоже входило в ваши обязанности?

— Мы честно и законно выиграли, вызвав их на матч, — вспыхнул я. — Валлеты заранее согласились на это... и чуть было не вышибли нам мозги, прежде чем мы выиграли.

— И провернули вы все это с помощью той же команды, с которой останавливали вышеупомянутого врага, — сухо отметил капитан.

— Это мои друзья! — возмутился я. — Мы иногда работаем вместе и помогаем друг другу в трудных ситуациях.

— Угу. А свои отношения с Синдикатом вы тоже квалифицируете подобным образом? Друзья, работающие вместе и помогающие друг другу в трудных ситуациях?

Хоп! Вот оно. Теперь, когда эта тема все-таки всплыла, лучше будет осветить ее откровенно и честно.

— Это другое дело, — уклончиво сказал я.

— Еще бы! — зарычал капитан. — Я больше скажу — слово «другое», по-моему, совсем сюда не подходит! За все годы работы в полиции я никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Он сгреб стопку бумаг и драматически поднял ее над головой.

— С Пента к нам поступили противоречивые рапорты. Один из них утверждает, что вы отвадили Синдикат от Поссилтума. А другой называет вас чуть ли не главарем самого Синдиката!

Он схватил новую стопку бумаг.

— Это особенно интересно еще и из-за того, что, по рапортам с Девы, вы помешали Синдикату проникнуть в это измерение. И что еще важнее, вам платят солидное вознаграждение за продолжение защиты от Синдиката, хотя вознаграждение это, кажется, идет на оплату вашего штата... куда входят двое телохранителей из Синдиката и племянница самого его главы! И все это, конечно, не имеет никакого отношения к тому, что вы владеете комплексом отеля с казино и известны своими связями с профессиональными игроками и убийцами. В какую игру вы играете, ГОСПОДИН Скив? Мне до смерти хочется услышать, что́ вы подразумеваете под этим вашим «другое дело»!

Я думал было попробовать по мере сил объяснить довольно путаный ряд отношений и обстоятельств, определя-

ющих в данный момент мою жизнь. Но потом решил поберечь дыхание.

— Сперва разрешите мне кое-что проверить, капитан. Распространяется ли ваша юрисдикция на другие измерения? Или так, касается ли вас то, что я там, вдали от Извра, делаю или не делаю, или вы притащили меня сюда просто для удовлетворения своего любопытства?

Поджав губы, изверг опустил бумаги на стол и старательно их выровнял.

— О, мне *очень* любопытно разузнать о вас побольше, господин Скив, — мягко произнес он. — Но за вами я послал не поэтому.

— Что ж, тогда нельзя ли нам перейти к *сути* дела? Как бы мне ни хотелось поразвлечь вас рассказом о своей жизни, но времени у меня в обрез — меня ждут другие неотложные дела.

Полицейский уставился на меня каменным взглядом.

— Ладно. Перейдем ближе к делу. Вам знаком уличный торговец по имени Дж.Р.?

— Дж.Р.? Разумеется, знаком. Разве вы не помните? Когда я был здесь в прошлый раз, он сидел...

— Как вы объясните свои отношения с указанным лицом? — перебил меня капитан.

— Можно сказать, что мы приятели, — пожал плечами я. — Я несколько раз, как прибыл на Извр, болтал с ним, и, как вам известно, он помог мне выкрутиться, когда я ввязался в драку.

— Что-нибудь еще?

— Еще мы вместе занимаемся бизнесом. То есть я вложил деньги в одно его предприятие.

Мои слова, казалось, ошеломили капитана.

— Вы хотите сказать, что признаете это? — воззрился он на меня.

В затылочной части моего мозга зазвенел сигнал тревоги.

— Разумеется. А что необычного в том, если бизнесмен делает инвестиции в новое предприятие?

— Минутку. А какое именно предприятие вы, по-вашему, финансировали?

— Он сказал, что намерен открыть магазин розничной торговли, — обеспокоенно объяснил я. — Но говорил что-то и про снабжение других уличных торговцев, пока будет наращивать оборотный капитал. А *чем* именно он собирался их снабжать, я доподлинно не знаю.

— Не знаете?

— Честно говоря, я спешил и забыл спросить. А что? Чем он...

— Мы только что забрали его за контрабанду! Похоже, ваш приятель и деловой партнер использовал ваши деньги для покупки и продажи запрещенных к ввозу товаров!

Надо признаться, эта новость меня расстроила. Видимо, Дж.Р. в избытке рвения вышел ради скорейшей прибыли за рамки закона.

— Насколько это серьезно, капитан? Нельзя ли мне внести за него залог... или нанять ему адвоката?

— Не беспокойтесь о нем, — посоветовал изверг. — Оказывается, он обладает некоторыми сведениями относительно разыскиваемого нами убийцы с топором и готов поделиться ими, если мы снимем с него обвинение в контрабанде. Вам следует больше беспокоиться о себе.

— О СЕБЕ?

— Совершенно верно. Вы признались, что являетесь его партнером в этом деле, и, следовательно, столь же виновны, как и он.

— Но я же не знал, что он собирался делать! Честное слово! — Теперь я не на шутку забеспокоился. Все это казалось полной нелепостью, но я стал подумывать об адвокате.

— Это вы так говорите, — мрачно отозвался капитан. — Не желаете ли увидеть, чем он торговал?

Он сделал знак одному из полицейских, и тот подал несколько пластиковых мешков с мелкими предметами. Я узнал

их с первого взгляда, что нисколько не способствовало моему душевному покою.

— Это продукция магической фабрики «Лучшие шутки и новинки», — монотонно произнес капитан. — Небезызвестной, по-моему, вам фабрики, а?

— Команда моих сотрудников немного поработала там по делу о несунах, — промямлил я, не в состоянии оторвать глаз от предметов в мешках. — Эти товары противозаконны на Извре?

— У нас есть много постановлений, призванных поддерживать высокий уровень жизни на Извре. Нам не удалось остановить порнуху, но мы сумели объявить вне закона дрянные товары для розыгрышей вроде синтетических «собачьих безобразий с натуральным запахом, сжимающим вас в своих объятиях».

Мне это показалось не очень большим достижением на фоне растущей на улицах преступности, с которой я уже имел неудовольствие познакомиться. Но указывать на это теперь счел неразумным.

— Ладно, капитан, позвольте мне иначе сформулировать свой вопрос, — сказал я, глядя в пол. — В насколько крупную передрягу угодил *я?* Что мне светит... штраф, тюремное заключение?

Изверг сделался молчаливым. Я поднял голову и посмотрел ему в глаза. Он глядел на меня ровным, оценивающим взглядом.

— Никаких обвинений. Я отпускаю вас, — вздохнул наконец он, качая головой.

— Но я думал...

— Я же *сказал*, все зависело от того, как пойдет допрос! Не думаю, чтобы у вас хватило глупости сознательно ввязаться в это дело с контрабандой. Если бы вы на самом деле ею занялись, то обезопасили бы себя получше. Поступили вы, конечно, глупо... но глупо настолько, что это походит на правду.

— Вот здорово, спасибо, капитан. Я...

— Не стоит благодарности. Просто я выполняю свой долг. А теперь давайте отсюда... и, господин Скив?

— Знаю, — улыбнулся я, — не менять отелей и не покидать этого измерения, не уве...

— В действительности, — сухо прервал меня капитан без следа теплоты в голосе, — я хотел предложить вам сделать прямо противоположное... а точнее, покинуть это измерение... скажем, к завтрашнему утру?

— Что?

— Я по-прежнему думаю, что от вас так и разит бедой, и эти рапорты подтверждают мое мнение. Контрабанда действительно для вас слишком мелкий промысел, и вряд ли бы вы стали этим утруждаться. Я предпочел бы скорей, чтобы вы исчезли, чем сажать вас в тюрьму по столь пустячному обвинению... Но другого выхода у вас нет. Или то, или это, понятно?

Я не мог поверить своим ушам! Извр считался самым скверным, самым крутым измерением, и меня выбрасывали оттуда за нарушение спокойствия!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Вы меня искали?

Д-р Ливингстон

Вернувшись к отелю, я удивился, обнаружив там поджидающую меня Пуки. Полиция проявила любезность, подождав, пока я вручу ей чек, прежде чем увести меня в участок. Поэтому я думал, что никогда больше ее не увижу.

— Привет, Пуки. Что вас сюда привело?

— Я хотела бы поговорить с вами об одном небольшом дельце, — сказала она. — Раньше не было для этого подходящего времени, поэтому пришлось подождать.

— Понятно.

Какие бы то ни было дела с извергами... особенно с теми, кто предпочитал не говорить о них в присутствии полиции, больше не казались мне, мягко говоря, такими уж заманчивыми. И все же Пуки не давала мне повода не доверять ей.

— Ладно. Подымайтесь со мной и поговорим, что там у вас. Я отбываю... по настоятельной просьбе.

Если мое заявление и показалось ей странным, то она никак этого не проявила. Просто зашагала в ногу со мной, когда я вошел в отель.

— На самом деле то, что я хочу сказать, займет не слишком много времени. Если я правильно поняла, вы отправляетесь в другое измерение для воссоединения со своей постоянной командой в кампании против некой королевской особы по имени Цикута. Верно?

— Коротко и ясно, — кивнул я. — А что?

— Я хотела предложить вам свои услуги в предстоящей драке. Могу даже сделать вам специальную скидку за работу не на Извре, потому что в других измерениях цены ниже. Сэкономлю на накладных расходах, — сказала она, сверкнув улыбкой.

Мне почему-то ни разу не приходило в голову нанять ее для участия в кампании против Цикуты. И тем не менее у этой идеи были свои достоинства.

— Не знаю, Пуки, — проговорил я, пытаясь взвесить плюсы и минусы. — Меня там уже дожидается пара телохранителей.

— Знаю, — кивнула она. — Я умею не только охранять, а, мне кажется, немного дополнительной помощи вам не помешает.

— Мне не помешает *уйма* дополнительной помощи! — признался я.

— Ну, хоть вы и не нашли своего друга, но ведь не станете отрицать, что вы и ваша команда не против работать с извергами. А я, между прочим, хорошо умею путешествовать по измерениям и запросто доставлю нас обоих прямо на Пент.

Это решило вопрос. У меня не было уверенности, сработает ли Машино кольцо, а Пуки как раз предложила хороший способ отсюда убраться. Чем бы ни занималась сейчас Маша, я не горел желанием заставить ее бросить все просто для того, чтобы оказать мне транспортные услуги.

— Ладно. Вы приняты, — объявил я. — Дайте мне только минутку собрать вещи, и мы отправимся.

Таков был мой первоначальный план, но, открыв дверь в свой номер, я сообразил, что у меня гость.

— Не стой столбом. Заходишь ты или нет?

Если и были у меня какие-то сомнения насчет того, кто мой гость, то это приветствие отмело их все.

— ААЗ!

После всех моих исканий — в том числе и духовных — я никак не мог поверить, что мой наставник, друг и партнер действительно находится у меня перед глазами!

— Совершенно верно. Я слышал, ты хотел поговорить со мной... так говори.

— Бывает довольно утешительно узнать, что некоторые вещи никогда не меняются, Аазмандиус... я имею в виду тебя.

Эта последняя фраза исходила от Пуки, проскользнувшей в номер мимо меня.

— Пуки?! Это ты?

На какой-то миг Ааз показался ошарашенным не меньше моего.

— Вы знаете друг друга?

— Знаем ли мы друг друга? — рассмеялся Ааз. — Шутишь? Мы родственники!

— Дальние родственники, — поправила без энтузиазма Пуки.

— В самом деле? Так почему ж вы ничего не сказали, Пуки?

— А вы не спрашивали.

— Но... вы же знали, что я ищу его!

— В действительности я вычислила это лишь через некоторое время, а когда поняла, то тоже не знала, где он находится. И, по правде говоря, я подумала и решила, что вам будет лучше житься без него.

— Ну и ну. Малютка Пуки! И язычок твой, видать, по-прежнему острый как бритва.

— Теперь уж не такая и малютка, Ааз мандиус. — В голос телохранительницы вкралась опасная нотка. — Испытай меня как-нибудь и сам убедишься.

Эта пара явно находилась не в самых лучших отношениях. Я решил, что пора вмешаться, пока дело не дошло до рукоприкладства:

— Как ты попал ко мне в номер?

— Дал в лапу коридорному, — снова переключил на меня внимание мой старый партнер. — Эти парни за хорошие чаевые продадут ключ от маминого магазина.

Последовало неловкое молчание. Я отчаянно заметался, ища, чего бы сказать.

— Так как тебе жилось, Ааз? — рискнул я наконец спросить, сознавая, как неудачно это звучит. — Выглядишь ты отлично.

— О, жил я шикарно... просто шикарно, — сплюнул он. — Хорошо, что я вовремя увидел твое объявление в газете. А то ведь собирался рвануть в другое измерение. Подумать только, какие высокие здесь цены.

Я взял себе на заметку не забыть расплатиться с коридорным. Похоже, его идея поместить объявление в газете окупилась лучше, чем моя беготня.

— Что верно, то верно, — согласился я. — Здешние цены свалились на меня как снег на голову. Конечно, я здесь никогда раньше не бывал и поэтому не мог знать...

Я оборвал словоизлияние, сообразив, что он пристально на меня смотрит.

— И это возвращает нас к моему первоначальному вопросу, Скив. Что ты здесь делаешь и почему хочешь со мной поговорить?

Теперь я не должен был ошибиться. Настроение Ааза подсказывало мне сделать свою первую подачу без промаха. Второго шанса у меня, вероятно, уже не будет. В голове у меня вертелось, словно в калейдоскопе, все, что я хотел сказать ему при встрече, беспорядочно перемешанное с недавними моими мыслями о самом себе.

Моя миссия на Извре дала мне возможность по-новому взглянуть на Ааза. Познакомившись с его родным измерением, узнав о его учебе в магической школе и встретившись с его матерью, я получил более ясное представление о том, что же на самом деле двигало моим старым партнером. Конечно, я не собирался использовать эти сведения, не хотел даже намеком выдать, как много я о нем узнал. В один прекрасный день, когда он будет готов к этому, он, возможно, и сам поделится со мной некоторой информацией о себе, а до тех пор пусть думает, что его личные дела по-прежнему никому не ведомы. Но это означает, что мне придется пошевелить мозгами здесь и сейчас. Умолять его вернуться со мной? Сыграть на нашей дружбе... или заманить крутым дельцем, воспользовавшись кампанией против королевы Цикуты?

Мне вдруг вспомнился Кальвин. Не бывает правильных или неправильных слов. Оставалось лишь надеяться, что *мои* слова окажутся достаточно хороши и дойдут до сердца отвернувшегося от меня друга. А если нет...

Набрав побольше воздуха в легкие, я сделал все, что было в моих силах.

— Я приехал извиниться, Ааз.

— Извиниться?

Мои слова, казалось, поразили его.

— Совершенно верно. Я обращался с тобой довольно гнусно... перед тем как ты ушел. У меня нет права просить тебя вернуться, но я хотел тебя найти и рассказать все, что я передумал и перечувствовал в твое отсутствие. Я хотел сделать это во что бы то ни стало. Видишь ли...

Теперь, когда я начал, слова так и хлынули из меня потоком, и я говорил почти бессвязно.

— На своем новом посту главы корпорации М.И.Ф. я так всего боялся, что впадал в крайности, пытаясь воплотить то, чего, на мой взгляд, все от меня ожидали. Я пытался скрыть собственные слабости... выглядеть сильным, не нуждающимся в чьей-либо помощи. Мне теперь стыдно, но я даже игнорировал тех, с чьей помощью занял этот пост, я отметал любые их советы или поддержку, потому что рассматривал это как признание собственных недостатков.

Я в упор посмотрел на него.

— Вести себя так было глупостью, ребячеством, идиотизмом; но самое худшее заключалось в том, что это ранило моих друзей, заставляло их чувствовать себя бесполезными и лишними. Я знаю, как было плохо Тананде, Коррешу и другим. Я очень виноват перед ними и попрошу их меня извинить, но обращаться так с тобой было совершенно непростительно.

Проведя языком по губам, я продолжил свою исповедь:

— Никогда я не умел складно говорить, Ааз, и сомневаюсь, что сумею когда-нибудь передать тебе, как много ты для меня значишь. Я сказал, что не вправе просить тебя вернуться, и не прошу, но если ты все же вернешься, тебе будут более чем рады. Мне трудно выразить словами, как я восхищаюсь тобой и ценю твои мудрые и всегда ценные советы. Не могу обещать, что сумею полностью сразу измениться, но я попробую... независимо от того, вернешься ты или нет. Я знаю, что дела пойдут легче, если ты будешь драть меня за уши всякий раз, когда я начну спотыкаться. Я желал бы... да нет, пожалуй, все. Не считай это улаживанием взаимоотношений, но ты хоть получил от меня извинение.

Я замолчал в ожидании его ответа.

— Знаешь, Скив, а ты взрослеешь. По-моему, мы оба часто об этом забываем.

Голос у Ааза был таким мягким, что я едва узнал его.

— Значит, ты вернешься?

— Я... я должен подумать, — отвел он взгляд. — Не торопи меня, я отвечу тебе через пару дней. Идет?

— Хотел бы, но не могу, — поморщился я. — Сегодня вечером я должен отбыть.

— Понятно, — резко повернулся ко мне Ааз. — Ты сумел выкроить на эту маленькую прогулку немного времени, да? В конторе накопилась гора всяких дел?

В горле у меня клокотал сердитый протест, но я его поборол. Ааз не знал всех обстоятельств дела, и возмущаться с моей стороны было бы логической ошибкой.

— Это здесь ни при чем, — спокойно ответил я. — Если хочешь знать, то местная полиция велела мне к утру покинуть измерение.

— Что?! Тебя выкинули с Извра?

Глаза моего старого партнера с холодной яростью вперились в Пуки.

— Не смотри на меня так, кузен! Я об этом впервые слышу. Я знала, что он собирался в другое измерение, потому что не мог найти тебя.

— До моей последней беседы с полицией это было так, — уведомил я их. — В самом деле, Ааз, Пуки не имела к этому никакого отношения. Я тут по собственному почину попал в небольшую передрягу... подробности теперь не имеют значения. Суть в том, что я не могу оставаться тут, пока ты принимаешь решение.

— Как-нибудь мне надо будет послушать про эти «незначительные» подробности, — проворчал Ааз. — А теперь можешь отправляться, я нагоню тебя, когда все обдумаю.

— М-м... вообще-то если ты решишь вернуться, то я буду на Пенте, а не на Деве.

Я попытался сказать это небрежно, как о чем-то незначительном, но Ааз мигом уловил в этой фразе фальшь.

— На Пенте? Что может заставить тебя вернуться в это захолустное измерение?

Прямой вопрос всегда трудно обойти. Кроме того, тон моего старого наставника требовал честного ответа.

— Мне надо там разобраться с одной проблемой. Помнишь королеву Цикуту? Похоже, она опять собралась в поход.

— Цикута? — нахмурился Ааз. — Я думал, ты остудил ее мотор с помощью неснимающегося кольца.

Я решил, что сейчас не время уточнять, что он имел в виду под «мотором».

— Остудил, — признал я, — и она прислала его мне обратно... с пальцем. Это походило на весьма недвусмысленное предупреждение, что она снова готова осуществить свои планы завоевания мира... и не допустит никакого вмешательства.

— И ты собирался выступить в одиночку против нее? Даже не рассказав об этом мне?

— Я... я счел, что будет нечестно пытаться давить на тебя этим, Ааз. Надо смотреть правде в глаза. Судя по всему, там может случиться какая-нибудь беда. Нельзя же надеяться, что ты всю жизнь будешь меня опекать при любой опасности. Кроме того, я в одиночку не собираюсь справляться с этим. Остальная наша команда уже там. Я отправил их вперед, а сам стал разыскивать тебя.

Я ожидал взрыва или упрека. Но вместо этого Ааз, казалось, изучал мое лицо.

— Давай посмотрим, правильно ли я все понял, — сказал он наконец. — Твое родное измерение подверглось нападению... и вместо того чтобы руководить командой в спасательной кампании, ты бросаешься искать меня?

При такой постановке вопроса мое поведение и впрямь выглядело по меньшей мере безответственным.

— Ну... да, — запинаясь, сказал я. — Но я велел Маше вернуться за мной в конце недели. Считал, что к этому времени я буду готов покинуть Извр и взяться за дело засучив рукава, независимо от того, найду я тебя или нет.

Ааз начал было торопливо что-то говорить, но затем покачал головой и, тяжело вздохнув, попробовал повторить сказанное более членораздельно:

— Скив... не беспокойся насчет способности находить правильные слова. Мне думается, ты дал мне хорошее представление о том, что я для тебя значу.

— Да?

Он кивнул:

— Достаточно, чтобы я принял решение. Хватай свои шмотки, партнер. Отправляйся. Ты расплатился с отелем или тебе еще это предстоит?

— На этом фронте у меня все улажено, — заверил я его. — Никаких расчетов не потребуется... меня заставили заплатить авансом.

— Оно и понятно, — пробурчал Ааз. — Если ты не владелец карточки VIP или еще какая шишка, то обращение к тебе известное.

— Конечно, в следующий раз с этим будет, вероятно, легче... раз у меня теперь тут есть кредитный счет и кредитная карточка.

— Какой еще следующий раз? Я думал, ты сказал, что полиция...

Цепочка его рассуждений внезапно оборвалась, и он круто повернулся, буквально надвинувшись на меня.

— КРЕДИТНАЯ КАРТОЧКА? Какая еще кредитная карточка? Кто тебя надоумил пользоваться кредитными карточками?

Реакция получилась не совсем такой, какую я ожидал.

— Это предложил мне банк. Там сказали...

— Какой еще банк? Как ты узнал, что искать в банке?

— Ну, мне его порекомендовал Эдвик, это таксист, которого я нанял, пока жил здесь, и...

— Кого-кого ты нанял? Почему ты не... — Он умолк и, казалось, немного успокоился. — Похоже, нам с тобой придется кое-что обсудить... Когда будет время. Верно, партнер?

— Верно, Ааз, — откликнулся я, радуясь, что в данный момент сорвался с крючка.

— Что нас еще здесь держит?

— Мне надо бы дать некоторую сумму коридорному. Я обещал ему...

— Избавь меня от подробностей... во всяком случае, сейчас. Еще что-нибудь?

— Все, Ааз.

— Отлично. Упаковывай вещи, я найду этого коридорного. Быстренько все уладим и рванем на Пент... если я смогу найти нужную комбинацию на И-Скакуне. Времени прошло немало, и...

— Поэкономь батарейки, кузен, — вмешалась Пуки. — Доставку беру на себя я.

— Ты? С чего это ты отправляешься с нами? — разинул рот Ааз.

— С того, что меня нанял на службу Скив, — ответила встречным выпадом телохранительница. — И раз уж мы заговорили на эту тему, то почему тебе понадобился для путешествия по измерениям И-Скакун?

— М-гм... если вы не возражаете, — вмешался я, запихивая в свой новый чемодан грязную одежду, — нельзя ли нам отложить эти выяснения до более подходящего времени? Нам надо успеть на войну!

СОДЕРЖАНИЕ

МИФические личности 5
Маленький МИФОзаклад 165
Корпорация М.И.Ф. — связующее звено 321
МИФОнаименования и извергения 465

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Асприн Роберт

МИФические личности
Маленький МИФОзаклад
Корнорация М.И.Ф. — связующее звено
МИФОнаименования и извергения

Фантастические романы

Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерная верстка: *Р.В. Рыдалин*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*
Младший редактор *Е.А. Лазарева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Это — Роберт Асприн, каков он есть.
Блестящий, неожиданный — и ошеломительно смешной.
Это — полет воображения, каким он только может быть
Свободный, непредсказуемый — и забавный.
Это — ЮМОР, ЮМОР И ЕЩЕ РАЗ ЮМОР!
Не пропустите!

Это — ЛУЧШЕЕ, что создал Асприн.
Не культ, не легенда — «МИФ».
Великолепный миф.

Гомерически смешная, лихая, озорная сага о невероятных приключениях юного мага Скива Великолепного, его друга и наставника — демона Аата, его домашнего питомца дракона Глипа и их поразительно пестрой компании

И ВПЕРВЫЕ все «МИФы», от первого и до последнего!

Еще один великолепный МИФ
МИФОтолкования
МИФОуказания
Удача или МИФ
МИФические личности
Маленький МИФОзаклад
Корпорация М.И.Ф. — смеющееся звено
МИФОнаименования и изобретения
Корпорация М.И.Ф. в действии
Сладостный МИФ, или МИФтерия жизни
МИФфия невыполнима
Нечто оМИФигенное

ISBN 978-5-17-024509-3
9 785170 245093